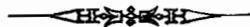

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

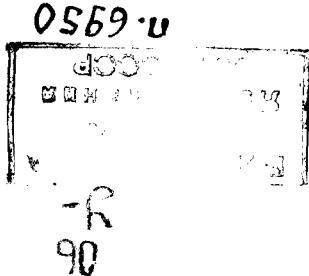
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

наго, Г. Б. БЕПИЛЛЕР
ОТБАТЧИКИН ПЛАМТОР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XIII, 1956 г.

A. B. Правдин

**ДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГЛАГОЛЬНЫЙ
В СТАРОСЛАВЯНСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Наша статья посвящена исследованию употребления приглагольного беспредложного дательного падежа в старославянском и древнерусском языках. Задачи работы: изложить возможно более полно круг значений, свойственных приглагольному дательному падежу в памятниках старославянского и древнерусского языков, которые во многом отражают древнейшие нормы славянского падежного синтаксиса, и наметить, главным образом, на материале русского языка, древнего и среднего периодов, некоторые наиболее существенные тенденции в развитии глагольных словосочетаний с дательным падежом.

Вопросы падежного синтаксиса славянских языков разработаны до сих пор недостаточно. Печатных работ, посвященных падежному синтаксису, в плане сравнительной грамматики славянских языков очень мало. Весьма немногочисленны работы, касающиеся употребления падежных форм в отдельных славянских языках; падежный синтаксис совершенно не привлекает внимания диалектологов. Приглагольный дательный падеж в древних славянских языках затрагивается лишь попутно, наряду с другими падежами, в работах общего характера — в исследованиях по историческому синтаксису русского языка, по языку отдельных памятников, в некоторых сравнительных грамматиках славянских и индоевропейских языков.

Наша работа посвящена в первую очередь изучению способов употребления дательного падежа в старославянском и древнерусском языках с точки зрения значений, выражаемых этой падежной формой. Поэтому с точки зрения грамматических свойств управляющих этим падежом глаголов мы не анализируем детально словосочетания, в которых употребляется дательный падеж. Такие грамматические свойства глаголов, как переходность, непереходность, возвратность, безличность, учитываются нами лишь постольку, поскольку учет этих свойств способствует выявлению значений дательного падежа имени.

Определение значения, выражаемого падежной формой в том или ином случае ее применения, невозможно без учета лексического значения управляющего слова. Так, намечая в качестве одного из значений приглагольного дательного падежа значение адресата сообщения, мы исходим из лексического значения глаголов, управляющих этим видом дательного падежа. Эти глаголы обладают родственным значением (сообщение—устное, письменное, неопределенное), причем есть основания

рассматривать это значение как значение лексико-грамматическое. „Общее значение, свойственное каждому управляющему слову в отдельности, создает категорию грамматическую, находящую свое формальное выражение в определенном способе управления“¹. Может возникнуть сомнение в целесообразности выделения подобной группы случаев употребления дательного падежа, в наличии элемента грамматикализации этой группы глаголов. Действительно, с точки зрения современного русского литературного языка такое выделение может и не оправдывать себя. Однако в истории русского языка дательный адресата сообщения имел несколько иную судьбу, чем, например, дательный адресата предоставления: он был связан с более широким кругом синтаксических синонимов, среди управлявших или управляющих им глаголов наблюдается значительно больше случаев изменения управления, причем эти случаи имеют свои особенности, характерные именно для данной группы. Поэтому разграничение дательного падежа адресата сообщения и дательного падежа адресата предоставления (давать, дарить и т. п.) в работе историко-грамматического характера можно считать оправданным.

Таким образом, при определении значения, выражаемого падежной формой, необходим учет лексико-грамматического значения управляющих слов. Однако, как уже давно отмечено в русском языкоznании, удельный вес значения управляющего слова при определении значения управляемой формы бывает весьма различным. В частности, лексико-грамматическое значение глаголов лишь в весьма незначительной степени отражается в обстоятельственных значениях дательного падежа в старославянском и древнерусском языках (дательный места и цели): дательный падеж с обстоятельственными значениями может управляться весьма разнообразными в лексико-грамматическом отношении глаголами, в том числе переходными, непереходными, возвратными. Лексико-грамматическое значение управляющего глагола не играет также сколько-нибудь существенной роли в некоторых случаях употребления дополнительного дательного падежа; это наблюдается, например, в случаях употребления объектного дательного падежа со значением лица, для которого происходит действие (дательный предназначения), ср. при переходном глаголе одолжить намъ дождь рань и поздень и, с другой стороны, при непереходном глаголе въсия намъ дньница пресвѣтла. В обоих случаях форма дательного падежа имеет одинаковое значение, которое в современном русском языке передается родительным падежом с предлогом для.

Различный удельный вес значения управляющего глагола при определении значения управляемой формы — проявление различий „тесных грамматических связей, лежащих в основе разных типов словосочетаний, и связей более или менее свободного, присоединительного характера, близких к примыканию и широко используемых в структуре предложения“² в области глагольного управления. Момент наличия более или менее сильного и более или менее слабого глагольного управления должен учитываться при анализе употребления дательного падежа, в особенности — его употребления в древних славянских языках, менее однообразного, чем в современном русском языке.

¹ И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. — „Ученые записки МГПИ им. Потемкина“, т. V, вып. 1. М., 1941, стр. 90.

² „Грамматика русского языка“, т. II, ч. 1. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 30.

Исходя из вышесказанного, мы сочли необходимым произвести классификацию значений дательного падежа на основании нескольких принципов. С учетом синтаксической функции имени, стоящего в дательном падеже, выделяются прежде всего обстоятельственные и дополнительные значения дательного падежа в древнерусском и старославянском языках. Среди обстоятельственных значений разграничиваются местное, целевое и почти не представленное в памятниках временное значение дательного падежа. Случай употребления дательного падежа в синтаксической функции прилагольного дополнения разбиты по группам в зависимости от характера глагольного управления. При наличии сильного управления в основу классификации материала ложатся грамматические свойства управляющих глаголов — переходность, неперходность, возвратность. Учет этих признаков целесообразен: среди переходных и неперходных глаголов, способных управлять дательным падежом, намечаются различные лексико-грамматические группы, обусловливающие различные значения формы дательного падежа (например, дательный падеж адресата сообщения встречается при переходных глаголах и невозможен при глаголах неперходных). В особые группы выделены те случаи, в которых грамматические признаки переходности, неперходности, возвратности управляющих глаголов не играют заметной роли при определении значения падежной формы. Это прежде всего упомянутые выше случаи дательного падежа предназначения, а также дательный падеж косвенного субъекта действия и состояния в безличных оборотах. Последний, конечно, не может быть признан слабоуправляемой формой, однако он зависит не столько от лексического (лексико-грамматического) значения управляющего слова, сколько от характера целой конструкции, незаменимой составной частью которой он является.

Помимо изложения системы значений прилагольного дательного падежа в старославянском и древнерусском языках, задачей нашей работы является и установление наиболее существенных изменений, которые наблюдались в употреблении дательного падежа. При этом совершенно неизбежен выход за пределы прилагольного беспредложного дательного падежа. В истории синтаксиса падежей возможны двоякие изменения. Падежная форма (с предлогом или без предлога) может выйти из употребления в том или ином значении, иначе говоря — потерять какое-либо из своих значений, какой-либо способ употребления. Она может также приобрести какое-либо новое значение, ранее ей не свойственное. В первом случае теряемое падежной формой значение обыкновенно переходит к какому-нибудь иному грамматическому средству. Так, старые значения беспредложных падежных форм нередко начинают выражаться формами тех же падежей, но с предлогами. Процесс вытеснения беспредложных падежных форм предложенными сочетаниями с теми же падежными формами происходил весьма интенсивно в доисторический период развития славянских языков, отчасти же и позднее, в период письменных памятников.

Сюда относится, например, начавшееся еще в общеславянский период вытеснение беспредложного творительного падежа сочетанием того же падежа с предлогом *съ* в сопроводительном значении. Предложные сочетания при этом не только заменяют собою старые беспредложные формы в том или ином значении, но усиливают и развивают эти значения. При потере падежной формой того или иного старого значения наблюдаются и такие случаи, когда старое значение начинает

выражаться предлогами в сочетании с формой какого-либо другого падежа. Этот вид изменений находит свое объяснение в синонимике падежей и предложных сочетаний. Что касается случаев, когда падежная форма или предложное сочетание приобретают какое-либо новое значение, ранее им не свойственное, то это изменение часто представляет собой обратную сторону указанного выше процесса: предложное сочетание (реже — форма падежа без предлога) начинает выражать значение, теряемое каким-либо иным грамматическим средством. Случается, впрочем, и так, что падежная форма начинает выражать значение, которое до того вообще не находило четкого формального выражения и, в сущности, отсутствовало в языке. Так, дательный падеж с предлогом *по* в XVIII—XIX вв. начинает употребляться в ограничительно-характеризующем значении (*сочинение по истории*); для более раннего периода трудно указать какое-либо предложное сочетание с этим значением. Оба основных типа изменений в падежном синтаксисе (потеря значений и приобретение новых значений падежной формой) следуют отличать от изменений в управлении, которые обусловлены изменениями в значении управляющих слов. Сюда относится хотя бы такой случай, как управление глагола *пожаловати* в древнерусском языке: первоначально *пожаловати* (кого, чем) в значении „почтить милостию кого посредством чего-либо“, позднее *пожаловати* (кому, что) (наряду с сохранением в старом значении старого управления) в значении, близком к „подарить“, „милостиво предоставить“. Такие изменения в управлении для истории падежных значений, собственно говоря, не показательны; однако они очень показательны для уяснения различий в значениях, выражаемых отдельными падежными формами (в данном случае — формами винительного и дательного падежей).

Обзор основных типов изменений в истории падежного синтаксиса приводит к неизбежному выводу, что история значений отдельной падежной формы может быть намечена лишь при условии выхода за пределы этой падежной формы, при условии учета грамматических средств, с которыми соприкасается своими значениями падежная форма.

I. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Обстоятельственные значения дательного падежа, несомненно, являются весьма древними его значениями. В особенности это следует сказать о местном значении дательного падежа. Местные значения падежных форм почти всегда оставляют впечатление непроизводных значений; более отвлеченные значения развиваются обычно на их базе. Помимо местного значения дательный падеж без предлога в старославянском и древнерусском языках мог выражать целевое и отчасти причинное значения; впрочем, последнее лишь постольку, поскольку значения цели и причины нередко сближаются. Беспределочный прилагольный дательный падеж, повидимому, имел некогда и *временное* значение; однако в памятниках старославянского и древнерусского языков это значение, в сущности, уже не представлено.

А. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА

Дательный падеж обстоятельства места, встречающийся в старославянском и древнерусском языках, может быть назван дательным падежом направления: в форме дательного падежа стоит название

предмета, к которому направлено пространственное движение, который является целью пространственного движения. В зависимости от значения слова, стоящего в дательном падеже направления, намечаются три группы случаев, различных по степени распространенности в памятниках, по оттенкам местного значения, выражаемого формой дательного падежа, отчасти и по их дальнейшей судьбе.

1) В форме дательного падежа стоят имена существительные нарицательные, представляющие собой названия неодушевленных предметов. Дательные падежи этого типа в старославянском и древнерусском языках в большей или меньшей степени адвербализировались. Сюда относятся наречия *домови* (*домовы*), *долу* (*долови, доловы*), *горѣ* и некоторые другие: ... и шъдъши *домови* обрѣте отроковицж лежаштж на одрѣ и вѣсь ішьдышъ *Зогр.*, Мр. VII, 30¹; идѣте съ данью *домови* *Лавр.*, 945 г., л. 14 об.; ... приѣха *домовь* Ип. 1282 г., л. 295; горѣ вѣзгладом пориважіїи *долоу* плѣти съдолѣтъ Гр. Б., л. 217 г; *дварыцами* съмощтрахж *долоу* Супр., стр. 184, 8; *долу* очи имѣти, а дшю горѣ *Лавр.*, Пог. Мон., л. 79; *Изяславъ* поиде своими полкы горѣ, на броды, и тако шед ста выше короля на другомъ бродѣ Ип. 1152 г., л. 160 об.; онъ же изрѣзавъ шатерь и сви собѣ ужище, и свѣсися оттуду *доловь* Ип. 1190 г., 231 л.

Значение дательного падежа направления (куда?) отчетливо пропсту-
пает в случаях употребления наречий *домови*, *долу*; поэтому едва ли можно согласиться с попытками вывести эти наречия из форм местного падежа². Что касается наречия *горѣ*, то в этой форме заключено не только значение дательного, но и местного падежа. См., например, *надо всими горѣ бяше яко дуга мсѹь, особъ стояче* Ип. 1141 г., л. 114 об. (где?).

К этой же группе случаев относится дательный падеж *дну*, пови-
димому еще не вполне адвербализировавшийся, употребляющийся
в значении „на дно“: ... при доста к пещерѣ, и не видѣста ничто же,
и при доста дну в пещеру, нам сѣдящемъ у мoshии его... *Лавр.* 1091 г.,
л. 70 об. (в поздних списках во дно *пещеры*); ... закалают овчата
и одраша кожю с них и въмешаютъ е въ пропасть дебри тои и при-
липаютъ (т. е. прилипаетъ) камень уакунуть къ мясомъ тѣмъ, орли же
убо въ каменны томъ живуще и на вою мясную ходять дну и так
выносять мяса съ прильпвшимъ *Пал. толк.*, стл. 552.

2) В форме дательного падежа стоят имена существительные соб-
ственые, представляющие собой названия городов, почти исключи-
тельно мужского рода. Этот тип дательного падежа широко распро-
странен в памятниках древнерусского языка и не встречается в старо-
славянском языке. Форму дательного падежа направления принимают
около 40 названий городов: ... *Двдъ* и *Ольгъ* съ своими снѣми при-
доша *Вышегороду* Б. и Г., л. 25; ... посыла *Смолиньску* на вѣзиска-
ние *презвутеры* Б. и Г., л. 16; прибѣгоша *Берестию* Б. и Г., л. 15 об.;
Ярославъ иде *Киеву* и сѣде на столѣ отца своего *Володимера* Н. 1,

¹ Список использованных памятников с расшифровкой сокращений помещен в конце статьи. В приводимых нами примерах из памятников русского языка XII—XVII вв. орфография упрощается (впрочем, сохраняются Ѳ, ѵ и сокращения слов); точнее соблюдается орфография памятников старославянского языка, в том числе русского извода (XI в.).

² Е. Ф. Карский. Русские наречия *домой*, *долой*. Нежин, 1895.

1016 г.; *Всѣславъ бѣжа Полотьску* Н. 1, 1069 г.; *бѣжа Ольгъ Тѣмутороканю* Н. 1, 1078 г.; ходи *Всѣволодъ къ отцу Кыеву и приде опять Новугороду на столъ* Н. 1, 1126 г.; въ се же лѣто ходи *Всѣволодъ въ Русь Переяславлю* Н. 1, 1132 г.; тόмъ же лѣтъ слашася по *Гюргя Володимириця Суждалю* Н. 1, 1138 г.; приде князь *Мъстиславицъ Всѣволодъ Пльскому* Н. 1, 1137 г.; *Изѧславъ бѣжа Володимирю* Н. 1, 1149 г.; *Изѧслав... иде на Гюргя Ростову* Н. 1, 1148 г.; ..ставилъ бо его бяше *Изѧславъ съ епископы...* не славъ *Цесарюграду* Н. 1, 1149 г., *Изѧславъ избежа Давыдовицъ Църнилову* Н. 1, 1155 г.; онъ же... иде *Торопцю* Н. 1, 1167 г.; иде ...*Стославъ Переяславицю* Лавр. 970 г.; *Ярославъ же...* приде *Волыню* Лавр. 1018 г.; *котопан же пришедъ Корсуню...* Лавр. 1066 г.; приде *Бѣлгороду Всеславъ* Лавр. 1069 г.; *Володимеру же пришедшио Лучьску, и вдашася лучане* Лавр. 1085 г.; самъ иде *Курьску* Лавр., Поуч. Мон., л. 81; ...посла по *Стополка Турому* Лавр. 1093 г.; *бѣжа Нерадецъ...* *Перемышлю* Лавр. 1086 г.; *Ярополкъ...* иде *Эвенигороду* Лавр. 1086 г.; *Мстислав же приде Мурому* Лавр. 1096 г., л. 86 об.; *Стародубу идохом...* Лавр., Поуч. Мон., л. 82; *Лазарь и Василь воротистася* *Турийску* Лавр. 1097 г., л. 90; *Стополкъ...* приде *Дорогобужу* Лавр. 1097 г., л. 90 об.; ...иде пакы *Зяславлю* Лавр. 1127 г.; ...*бѣжа Корачеву* Лавр. 1146 г., л. 104 об.; иде *Гюрги на снемъ...* *Каневу* Ип. 1155 г., л. 172 об.; поиде *Стославъ Олович Сновьску* Ип. 1155 г., л. 172; поиде *Ростиславъ Новугороду...* и приде *Чичърску* к зяти *Олови* Ип. 1168 г., л. 188 об.; *Даниль же поиде...* *Плѣснсьску* Ип. 1232 г., л. 260 об.; иде *Василко Галичю* Ип. 1234 г., л. 262; взяша град *Рязань* кольемъ, изведше на льсти *князя Юрья, и ведоша* *Прыньску* Ип. 1237 г., л. 263; ...приде *Каменюю, Изѧславлю, взять я* Ип. 1240 г., л. 265.

Если при названии города имеется какое-либо определение, то дательный падеж направления не употребляется; используются лишь предложные сочетания: дательный падеж с предлогом *къ* и винительный падеж с предлогом *въ*, например: *тако устрымися къ Кыеву городу, бѣ бо слышалъ о манастирихъ ту сущихъ* Ф. Печ., л. 30 об.; *приде въ градъ свои Кыевъ* Лавр. 946 г.

Названия городов женского рода, в древнерусском языке вообще немногочисленные, встречаются обычно с предлогами: *ведоша Святослава въ Ладогу* Н. 1, л. 31 об. Нам встретился лишь один случай употребления дательного падежа направления от слов женского рода: *утрѣ же днъ поѣха от Луцеска Пересопници* Ип. 1150 г., л. 143 об. (в поздних списках *в пересопницю*).

Глаголы, при которых возможен дательный направления, многочисленны; среди них не только глаголы со значением собственно пространственного передвижения, но и глаголы со значением доставления и т. п. По значению управляющих глаголов, отчасти и по их словообразовательным признакам, может быть намечено несколько групп употребления этого вида дательного падежа.

Наиболее обширную группу составляют случаи при непереходных глаголах пространственного передвижения: ...*пришедъ Вышегороду...* Б. и Г., л. 10 об.; онъ же... приде *Смолиньску* Б. и Г., л. 13; ...*повелѣ поити съ (к)ристы Вышегороду* Б. и Г., л. 19; иде *Вышегороду* и приде *въ днъ суботнии* Б. и Г., л. 21 об.; ходи *Всѣволодъ къ отцу* *Кыеву* и приде опять *Новугороду на столъ* Н. 1, 1126 г.; побѣгоша

друзии къ Всеволоду Пльскому Н. 1, 1137 г.; *Изяславъ избежа Давыдовицъ Църнигову* Н. 1, 1155 г.; ..възъмъше миръ, възвратиша сѧ Новугороду Н. 1, 1198 г.; не хочу у вѧсъ княжити, иду Църнигову Н. 1, 1225 г.; *поидемъ Цюгороду* Лавр. 971 г.; Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду Лавр. 1018 г.; и пошедъ *Двдъ* воротися Смолиньску и сѣде Смолиньскѣ Лавр. 1095 г., л. 76; ъха Андрѣи къ ою Кыеву Лавр. 1150 г., л. 109 об.; Костянтин же... ъха скоро Ростову Лавр. 1211 г.; изициде Изяславъ къ стрѣви своему Дюрдеви Суждалю Ип. 1143 г., л. 116; Изяславъ же узвратися Киеву Ип. 1147 г., 132 л.; ать поѣдетъ Изяславъ Володимирю, а Ростиславъ Смоленьску Ип. 1151 г., 156 л.; *Ростиславъ... гна* Киеву Ип. 1154 г., л. 170; *препоноша* Кыеву Ип. 1234 г., л. 261 об.; *поидоша на* Андріха Krakову Ип. 1290 г., л. 306 об.; *прииде вѣсть, оже Глѣбъ* шелъ Володимерю инѣмъ путемъ Сим. 1177 г.; *игуменъ же, призвавъ Агапита,* велить ему ити Чернигову К.-П. пат., л. 146.

Дательный падеж направления весьма обычен также при переходных глаголах со значением *доставления, даяния, приглашения* и т. п.: ...*возивъ Цюгороду...* Мст. ев., зап., стл. 52; *положиша тѣло его* *принесъше Вышегороду* у цркве стааго Василия Б. и Г., л. 12 об.; *тому же лѣтѣ приведе* Володимиръ съ Мъстиславомъ вся люди новгородъсия Кыеву... Н. 1, 1118 г.; *пустиша митрополита* Кыеву Н. 1, 1134 г.; *въздаша вѣсть* къ Изяславу Мъстиславичю Переяславлю Н. 1, 1146 г.; *преставися... и везоша* и Кыеву Н. 1, 1166 г.; *вести не дадуце* Кыеву къ Мъстиславу Н. 1, 1167 г.; Ярославъ... новгородцѣ *вороти* Новугороду Лавр. 1021 г.; Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и в порубъ Лавр. 1067 г.; *Ола* емше поточиша и за море Цюрграду Лавр. 1079 г.; *посла мя Стославъ в Ляхы...* та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, также Турову Лавр., Поуч. Мон. л. 81; *том же лѣт(ѣ) Изяславъ отда* дщерь свою Полотску за Борисовича за Роговолода Лавр. 1144 г.; Гюрги князь поваби Вячеслава на столъ Кыеву Лавр. 1150 г., л. 108 об.; Изяславъ *возма брата на полчищѣ и несе и* Чернигову Лавр. 1152 г., л. 111 об.; *прислашася Новгородци къ Андрѣи* къ Гюргевичю, *просяще* у него сна княжити Новугороду Лавр. 1160 г.; Всеволодъ... *отдалъ* дщерь свою Всеславу Чернигову за Ярославича Ростислава Лавр. 1187 г.; Изяславъ *посла к нему, зова* Киеву къ собѣ Ип. 1147 г., л. 131 об.; *отрядиста* мужи свои к Ростиславу Смоленьску Ип. 1151 г., л. 153; ...*везоша* Смоленьску Ип. 1172 г., л. 196 об.; ...*ведоша* Прыньску Ип. 1237 г., л. 263; ...*нача отдавати* дщерь свою Олу за Андрѣя князя Всеволода Чернигову Ип. 1261 г., л. 283.

Дательный падеж направления наблюдается и при глаголе *успѣти:* аже ми бѣ дастъ, успѣю Галичю Ип. 1159 г., л. 179.

Дательный падеж направления возможен и при *пропущенном* глаголе пространственного передвижения: онъ иде Новугороду, а я с половицъ на Одрыскъ, воюя, та Чернигову Лавр., Поуч. Мон., л. 81; и Всеславъ Смоленескъ ожъже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахомъ... въ Смолиньскѣ; тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрютъскъ воюя, та Чернигову Лавр., Поуч. Мон., л. 81 об.

В некоторых случаях дательный направления встречается и при глаголах движения с приставкой *до-*, которые в древнейших памятниках

обычно употребляются с беспредложным родительным падежом: *неврежени доидохом Переяславлю Лавр.*, Поуч. Мон., л. 82; *Изяславъ же посла напередъ Стослава сестричича своего Чернигову, веля имъ до-спѣвати, и доиде Стославъ Чернигову Лавр.* 1147 г., л. 105; и яко доидоша Смоленьску... и ту прозрѣста Н. 1, К., 1177 г., л. 115 об.

В ряде случаев дательный направления встретился при глаголах движения с приставкой *въ(н)*, которые в древнерусском языке обычно управляет винительным падежом с предлогом *въ*: *въниде ис Кыєва Данилъ посадницитъ Новугороду* Н. 1, 1129 г.; *въ то же лѣто въниде князъ Ярославъ... и-Суждаля Новугороду на столъ* Н. 1, 1138 г.; *въниде князъ Святославъ Олговицъ Новугороду и сѣдѣ на столѣ* Н. 1, 1139 г.; *на въръбницю въниде князъ Гюрги Кыеву* Н. 1, 1155 г.; *въ то же лѣто въниде Ростислав Гюргевичъ Новугороду на столъ* Н. 1, 1141 г.; *въниде Святославъ великии Всеволодицъ Новугороду* Н. 1, 1180 г.; *...вниде Рогъволодъ Полотьску мсца июля и сѣде на столѣ* Ип. 1159 г., л. 177 об.; *Смольняне... Ростиславича Мстислава въведоша Смоленьску княжитъ* Ип. 1175 г., л. 211.

Наконец, следует отметить единичный случай употребления дательного падежа направления при глаголе *остати* 'остаться', при котором следовало бы ожидать местного падежа: *Стославъ же оста Чернигову, а Дюрги оста у Моровицка* Ип. 1155 г., л. 172.

Употребление дательного падежа при глаголе *поставити* 'назначить', а также *поставитися* внешне напоминают употребление дательного падежа направления, ср.: *въ то же лѣто поставиша Фектиста епископа Чърнигову*, Н. 1, 1114 г.; *Леонъ епсъ не по правдѣ поставился Суждалю* Лавр. 1164 г.; т. е. Фектиста назначили епископом в Чери-гов"; „епископ Леон был незаконно назначен в Сузdal". Однако дательный падеж при *поставити*, в котором стоит название населенного пункта, встречается в памятниках русского языка и значительно позднее, в XV—XVI вв., когда дательный падеж направления уже давно был неупотребителен: ... и *поставиша того же лѣта Ростову епископа Тарасья* М. л. св., л. 156. Поэтому и в случаях употребления дательного падежа при *поставити*, *поставитися* в древних памятниках следует видеть не дательный падеж направления, но дательный предназначения (для кого?).

Почти во всех приведенных выше случаях дательный падеж направления обозначал пункт, к которому направлялось движение, имевшее своей целью вхождение в пределы этого пункта, или, при глаголах с приставкой *до-*, — достижение пределов пункта. Л. П. Якубинский в книге „История древнерусского языка“, специально останавливаясь на дательном падеже направления, ограничивает его употребление лишь теми случаями, в соответствии с которыми современный русский язык употребляет предложное сочетание винительного падежа с предлогом *в*¹. Однако памятники древнерусского языка представляют целый ряд случаев, когда, как это яствует из контекста, беспредложный дательный падеж направления не соответствует современному винительному падежу с предлогом *в*; дательный падеж направления может обозначать пункт, к которому направлено движение, не заходящее в пределы этого пункта, целью которого является лишь достижение пространственной близости

¹ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 176.

к обозначенному дательным падежом пункту¹. Иначе говоря, дательный падеж направления мог обозначать и то, что в современном русском языке выражается дательным падежом с предлогом *к*. Некоторые примеры: *поиде тоя зимы Съмьюнъ Еминъ въ 4-хъ ствхъ на Томокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярослав сквозъ свою землю, и придоша Новугороду въ лодьяхъ, и ста* (вместо *сташа*) *по полю шатры...* Н. 1, 1219 г.; *Романъ и Мъстиславъ пожъгоста Луки, а луцяне устерегосшася и отступиша они въ городъ, а ини Пльскому* Н. 1, 1167 г.; *Ярославъ... приде Кыеву и вниде в городъ свои Лавр.* 1036 г.; *тои пакы ходихомъ, том же лѣт(ъ), со б҃цмъ и со Изѧславомъ битъся Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга Лавр., Поуч. Мон. л. 81 об.; Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася лучане Лавр.* 1085 г.; *Ярославъ совокупи воя многы и приде Кыеву, и створи миръ с братом своимъ Мъстиславомъ у Городъца Лавр.* 1026 г.; *Мъстиславъ же съзва вѣче на Ярославли дворъ и поча звати новгородъче Кыеву на Всѣволода Чѣрмънаго* Н. 1, 1214 г.; *съзылахутъся сами межи собою, хотяче на ны поити Киеvu* Ип. 1140 г., л. 112 об.; *и оттуда поиде Киеvu полки своими и пришедъ ста противу стму Михаилу по лугови* Ип. 1149 г., л. 139 об.; *Ростиславъ... нача гадати съ брат(ъ)ею своею поити Чернигову на Изѧслава на Дѣдвича* Ип. 1154 г., л. 169 об.; *Володарь... поиде Витебьску на Дѣдва и на Всеслава* Ип. 1167 г., л. 188; одни *поидаша къ Переяславлю... а другии поидаша по онои сторонѣ Днѣпра Кыеву и сташа у Корсуня* Ип. 1172 г., л. 198; *приде Батыи Кыеву въ силѣ тяжъцѣ... и окружи град* Ип. 1240 г., л. 264 об. Эти примеры с большей или меньшей убедительностью говорят о том, что в древнерусском дательном падеже направления содержалось не только то значение, которое впоследствии стало передаваться винительным падежом с предлогом *въ*, но и значение места, по отношению к которому достигается пространственная близость, т. е. то, что в современном русском языке выражается дательным падежом с предлогом *к*.

Дательный падеж направления от имен собственных — названий городов — встречается в ряде памятников древнерусского языка. Таковы: запись в „Мстиславовом евангелии“, относящаяся ко времени около 1125 г., „Сказание о Борисе и Глебе“ по списку XII в. („Успенский сборник“), „Киево-Печерский патерик“ и летописи — „Повесть временных лет“, „Новгородская 1-я“, „Киевская“, „Сузdalская“ и „Галицко-Волынская“ в части изложения событий до XIV в. Последний случай употребления дательного падежа направления этого типа встречается в Ипатьевском списке летописи под 1261 г. (если не считать несколько сомнительного случая *поидаша на Андриха Krakovу* под 1290 г. в том же списке, где в отсутствии предлога можно видеть и фонетическое явление), в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи последний случай с дательным падежом направления встречается под 1236 г., в Лаврентьевском списке Сузdalской летописи — под 1255 г.: *князъ же великии с Дмитрием Стославичем и с бояры поидаша Новугороду* Лавр. 1255 г.

3) В форме дательного падежа стоят имена существительные, представляющие собой названия лиц, а также относящиеся к лицам место-

¹ Это отмечено также Т. П. Ломтевым в рецензии на упомянутую работу Л. П. Якубинского (см. „Вопросы языкоznания“, 1953, № 6, стр. 125—126).

имения. Дательный падеж обозначает лицо, к которому направлено пространственное движение (к кому?). Дательный падеж этого типа (дательный направления к лицу) несколько отличается от предшествующих типов. К пространственному оттенку значения (синтаксическая функция обстоятельства) здесь может примешиваться объектный оттенок значения (синтаксическая функция дополнения), который начинает преобладать в том случае, если дательным падежом управляет переходный глагол доставления, в особенности же если непосредственным объектом (прямым объектом) действия доставления является неодушевленный предмет (нести кому что). Примешивающееся к пространственному значению объектное значение — это так называемое значение адресата предоставления, значение лица, в распоряжение которого нечтo передается.

Дательный падеж направления к лицу встречается в памятниках как старославянского, так и древнерусского языка. Приведем наиболее ясные случаи употребления этого дательного падежа; при непереходных глаголах пространственного передвижения: ст.-сл.: *сε цεръ твои грждεтъ тεвъ кротокъ* Мар., Ио. XVII, 11; *сε цεръ твои идетъ тεвъ кротъкъ* Савв., л. 84; *сε цεсарь твои грждεтъ ти правъднъ и сънасадл* Супр., стр. 337, 5—6; *придж ти въ сънѣ и слышж ѹже о тεвъ* Супр., стр. 299, 18—19; *азъ же нына обаче съ милостніж ти пріхождж . .* Супр., стр. 148, 14—15;

др.-р.: *идохъ Переяславлю одю, а по Велици дни ис Переяславля та Володимерю . . .* Лавр., Поуч. Мон., л. 81¹; *Стославъ поима лутшии мужъ кияне и въха с ними брату своему Игореви* Ип. 1146 г., л. 119; *приде Изяславъ на Волгу . . . на усть Медвѣдицъ, и ту жда брата своего Ростислава 4 дни, и приде ему Ростислав и съ всими Рускыми силами, полки, и съ Смоленскими, и ту съвкупиша ся* Ип. 1148 г., л. 135; *побди Киеву своеи дружинъ* Ип. 1150 г., л. 149 об.; *Володимеръ же приде брату своему Изяславу* Ип. 1150 г., л. 148; *якоже пребреде (Изяслав) рѣку Санъ, и ту пригна ему посолъ от короля* Ип. 1152 г., л. 161; *Изяславъ . . . послана по Половци, и придоша ему Половци мнози* Ип. 1161 г., л. 184; *приде ему посолъ от тысячакого его Дьявяна* Ип. 1230 г., л. 258 об.

При переходном глаголе *пустити*: *Стославъ же безо всякого извѣта пусти ему сънѣ свои* Ип. 1161 г., л. 183.

В группу дательного направления к лицу могут быть отнесены и следующие случаи: *идет ти Володимеръ Галичъский* Ип. 1151 г., л. 159 об.; *идеть ти Дюрги* Ип. 1155 г., л. 171 об.; однако в дательном падеже *ти* в подобных случаях можно видеть и так называемый дательный этический падеж. Что касается случаев, приводимых из Ипатьевского списка летописи А. А. Никольским², то в отсутствии предлога можно видеть фонетическое явление: *въхалъ . . . королеви, бѣжа со съномъ Кондратови.*

К дательному падежу этого типа близок дательный при глаголе *обратитисѧ*, встретившийся в Саввиной книге: *и онѣици сѧ по немъ ходашюю народоу рече амин глах вамъ . . .* (л. 50).

¹ С. П. Обнорский видит здесь опущение предлога *по недосмотру* (см. его „Очерки по истории русского литературного языка“. М., 1946, стр. 56, примечание).

² А. А. Никольский. О языке Ипатьевской летописи. Варшава, 1899, стр. 100.

Итак, дательный падеж направления от названий лиц представлен несколькими случаями в старославянском языке; из памятников древнерусского языка он встречается, в сущности, лишь в Ипатьевском списке летописи.

Таковы основные случаи использования дательного падежа направления в старославянском и древнерусском языках. Рассмотрим его дальнейшую судьбу в русском языке.

Дательный падеж направления от названий неодушевленных предметов (имена существительные нарицательные), как уже отмечено, адвербализировался; восходящие к нему наречия отчасти употребительны и в современном русском языке (*домой, долой*).

Широко распространенный в древнейших оригинальных памятниках русской письменности дательный падеж направления от имен существительных собственных — названий населенных пунктов мужского рода — в течение XIII в. вытесняется сочетанием дательного падежа с предлогом *къ* и винительным падежом с предлогом *въ*. В поздних списках летописей и других произведений, в особенности с конца XV в., случаи дательного падежа направления большую частью устраняются.

В древнейших памятниках русского языка, содержащих конструкции дательного падежа направления от названий населенных пунктов (запись Мстиславова евангелия и „Сказание о Борисе и Глебе“ по Успенскому сборнику), форма дательного падежа без предлога используется исключительно последовательно. Мы не отметили ни одного случая, где бы направление движения к какому-либо населенному пункту (имя существительное собственное мужского рода, без определений) было обозначено посредством дательного падежа с предлогом *къ* или винительного падежа с предлогом *въ*. Несколько более сложная картина представляется в Синодальном списке „Новгородской 1-й летописи“. В части списка, писанной писцами XIII в., мы отметили 108 случаев использования дательного падежа направления и 107 случаев употребления предложных конструкций с теми именами существительными, которые могли стоять и в дательном падеже направления (учтен материал до 1236 г. включительно: под этим годом встречается последний в Синодальном списке случай использования беспредложного дательного падежа направления). При этом в части летописи, посвященной событиям до 1150 г., дательный падеж направления встречается 44 раза при 4 случаях использования предложных сочетаний (91,6%), с 1151 по 1175 г. — 24 раза при 9 случаях употребления предложных сочетаний (72,8%), с 1176 по 1200 г. — 22 раза при 19 случаях с предложенными сочетаниями (53,6%), с 1201 по 1236 г. — 18 раз при 75 случаях с предложенными сочетаниями (19,3%). Среди конкурирующих с дательным падежом направления предложных сочетаний на первом месте стоит винительный падеж с предлогом *въ* (всего 85 случаев, или 79,4%).

В Комиссионном списке „Новгородской 1-й летописи“, возникновение которого относится к XV в., соотношение дательного падежа направления и предложных сочетаний несколько иное, но также в пользу предложных сочетаний. Достаточно указать, что в части Комиссионного списка, совпадающей текстуально с Синодальным списком, дательный направления встречается лишь 36 раз (в Синодальном списке — 108 случаев). Таким образом, переписчики „Новгородской 1-й летописи“ постепенно устраниют большую часть случаев дательного падежа направления. При этом они используют дательный падеж с предлогом *къ*, винительный с предлогом *въ*, а также (в редких случаях) некоторые другие

средства: *вниде... и-Суэдаля в Новъгородъ на столъ* Ком. сп., л. 105 (ср. Син. сп.: *въниде... и-Суждаля Новугороду на столъ*, л. 20); *иде Святополкъ и Володимиръ на Давыда къ Смоленьску* Ком. сп., л. 99 (ср. Син. сп.: *иде... на Давыда Смольнъску*, л. 6); *послашася къ Ярославу къ Переяславъскому* Ком. сп., л. 146 об. (ср. Син. сп.: *послашася къ Ярославу Переяславлю*, л. 101 об.).

Следует указать также на соотношение беспредложного дательного падежа и предложных сочетаний в языке других летописей. В Ипатьевском списке летописи в части событий с 1151 по 1158 г. нам встретилось 46 случаев дательного падежа направления при 65 случаях употребления предложных сочетаний (41,4%). В Лаврентьевском списке летописи за годы 1151—1175 отмечен 31 случай с дательным направлением при 64 случаях использования предложных сочетаний (32,6%).

Среди предложных сочетаний, вытесняющих старый дательный падеж направления, необходимо отметить большой удельный вес сочетания этого же падежа с предлогом *къ* в списках летописей XIV—XV вв. В Лаврентьевском списке летописи под 1151—1175 гг. из 64 случаев использования предложных сочетаний в соответствии со старым дательным направления на дательный падеж с предлогом *къ* приходится 44 случая, т. е. 68,7%. В Ипатьевском списке летописи за годы 1151—1158 из 65 случаев использования предложных сочетаний на дательный падеж с предлогом *къ* приходится 45. Предпочтение оказывает этому предложному сочетанию и Комиссионный список „Новгородской 1-й летописи“, где под 1136—1158 гг. оно встречается 18 раз, а винительный с предлогом *въ* лишь 11 раз. В то же время в Синодальном списке „Новгородской 1-й летописи“ за годы 1240—1260, т. е. в тексте, восходящем к тому времени, когда дательный падеж направления, в сущности, уже был неупотребителен, в соответствующих случаях дательный с предлогом *къ* употреблен всего 3 раза, винительный с предлогом *въ* — 17 раз. Это обстоятельство наводит на мысль, что предпочтительное употребление дательного с предлогом *къ* в соответствии со старым беспредложным дательным направлением в списках летописей XIV—XV вв. (в тексте, излагающем события до первой трети XIII в. включительно) не отражает живого языкового процесса: в древнерусском языке беспредложный дательный направления от названий городов уступил место главным образом винительному падежу с предлогом *въ*. Повидимому, переписчики древних летописных текстов подчас чисто механически заменяли беспредложный дательный падеж наиболее близкой по форме конструкцией этого же падежа с предлогом *къ*, не учитывая, что по смыслу следовало бы поставить винительный падеж с предлогом *въ*. Это подтверждается и наличием в тех же летописных списках целого ряда случаев совершенно „неправильного“ употребления дательного падежа с предлогом *къ* — в значении пункта, в пределы которого направлено движение, — в соответствии с дательным направлением. Некоторые примеры: ...*приде вѣстъ И҃зяславу гъ Кыеву, оже снъ его побѣженъ* Лавр. 1151 г., л. 112; *нечствии не всходит послушати... князя Андрѣя, веляща ему ити ставитъся к митрополиту гъ Кыеву* Лавр. 1169 г., л. 119; ...*приѣхавъ ночи противу свѣту гъ Кыеву, ять брата князя Андрѣя* Лавр. 1174 г.; *приведе Володимиръ съ Мъстиславомъ вся бояръ новгородчыя къ Кыеву, и заводи я къ честному кресту* Ком. сп. Н. 1, 1118 г.; *вниде князь Святославъ Олговицъ к Новугороду и сѣде на столѣ* Ком. сп. Н. 1, 1139 г.; *прииде князь Юръи къ Кыеву и сѣде на столѣ* Ком. сп. Н. 1, 1155 г.;

послашаſя новгородци по князю Роману къ Смоленску Ком. сп. Н. 1, 1178 г.

Во всех этих случаях дательным с предлогом *къ* обозначается, несомненно, населенный пункт, в пределы которого направлено движение. Это значение находится в противоречии с тем значением, в котором дательный с предлогом *къ* употребляется в других частях летописей, а именно — в частях, излагающих события более позднего периода, того периода, когда дательный направления был уже неупотребителен. Так, в Синодальном списке „Новгородской 1-й летописи“ под 1240—1260 гг. дательный падеж от названий городов с предлогом *къ* употребляется в полном соответствии с современным русским языком: *приде бо вѣсть в Новъгородъ, яко свѣти идуть къ Ладоэѣ* л. 126 об.; *поиде ратью к Новугороду* л. 133 об.; *придоша Литва... къ Смоленску и вѣяша Воющину на щитъ* л. 136 об.; *тои же осени приходиша Литва к Торжку* л. 136 об.

Поэтому едва ли прав Л. П. Якубинский, усмотревший в своеобразном употреблении дательного с предлогом *къ* в списках летописи XIV—XV вв. особенности некоторых древнерусских диалектов¹.

Дательный падеж направления от названий городов при глаголах с приставками *въ(н)-* и *до-*, как было уже указано, используется редко. При глаголах с приставкой *вѣн-* он встречается, в сущности, лишь в „Новгородской 1-й летописи“ (в двух случаях — в Ипатьевском списке летописи). Для этих глаголов даже в тех текстах, где дательный направления господствует над предложными сочетаниями, более обычным является управление винительным с предлогом *въ*, например: *въ то же лѣто вѣниде князь Рюрикъ Ростиславицъ въ Новъгородъ* Н. 1, 1170 г.; *въеха въ Новъгородъ* Н. 1, 1215 г.; *внide Володимѣръ в Кыевъ в недлю Лавр.* 1114 г. Глаголы с приставкой *до-* в памятниках управляют беспредложным родительным (позднее — родительным с предлогом *до*): *дошъдъ Пльскова разболеся* Н. 1, 1188 г.

На основе всего вышеизложенного мы считаем возможным указать на середину XIII в. как на период окончательного исчезновения беспредложного дательного падежа направления из русского литературного языка. Судьба дательного падежа направления в русском языке аналогична судьбе беспредложного местного падежа: оба употреблялись от одних и тех же имен существительных, оба заменились предложными сочетаниями. Впрочем, беспредложный местный падеж от названий населенных пунктов в памятниках представлен большим количеством случаев; он встречается уже в памятниках XI в. (Остромирово евангелие). Вполне возможно, что аналогичный ему дательный падеж направления (куда?) широко употреблялся в русском языке уже в XI в., хотя и не отразился в дошедших до нас памятниках. То обстоятельство, что в записях писцов XI в. встречается местный беспредложный падеж, но не представлен дательный направления, объясняется содержанием этих записей. Что касается XII в., то памятники, в особенности „Сказание о Борисе и Глебе“ и „Новгородская 1-я летопись“, дают возможность сделать вывод, что в этот период форма беспредложного дательного падежа в русском языке была основным грамматическим средством обозначения населенного пункта (имя собственное мужского рода, без определений), являющегося целью пространственного

¹ Л. П. Якубинский. Ук. соч., стр. 178.

движения, по крайней мере при глаголах, не снабженных приставками *до-* и *въ(и)-*. С конца XII в. (по данным „Новгородской 1-й летописи“) для обозначения места, к которому направлено пространственное движение, получают широкое распространение винительный падеж с предлогом *въ* и дательный падеж с предлогом *къ*, — предложные сочетания, давно уже господствовавшие в сфере остальных имен существительных в данном значении. Это решает судьбу дательного падежа направления. Он становится излишним, так как совпавшие с ним по употреблению предложные конструкции характеризуют действие в локальном отношении с большей точностью. Беспредложный дательный падеж направления совмещал два оттенка местного значения: значение пункта, к которому направлено заходящее в его пределы движение, и значение пункта, к которому направлено движение, не заходящее в его пределы, ограничивающееся достижением пространственной близости с этим пунктом. С применением предложных сочетаний эти два оттенка пространственного значения получают особое грамматическое выражение, дифференцируются в формальном отношении. Будучи менее совершенным с точки зрения потребностей общения грамматическим средством, беспредложный дательный падеж направления в середине XIII в. окончательно выходит из употребления.

Дательный падеж направления к лицу представлен весьма небольшим количеством случаев, но встречается не только в древнерусских, но и в старославянских памятниках. Употребляется он наряду с предложным дательным падежом (предлог *къ*) и в том же значении; окончательно выходит из употребления, повидимому, в XIII в. В соответствии с беспредложным дательным направления к лицу, встречающимся в Ипатьевском списке летописи, поздние списки дают дательный с предлогом *къ*, например: *прииде к нему Хлебн.*, 1148 г. (в Ип.: *приде ему*, л. 135). Этот тип дательного падежа направления сближается в какой-то мере с дательным падежом в функции дополнения. Древнерусское *приде ему Ростислав* может быть понято не только в значении „пришел к нему Ростислав“ (обстоятельственное значение), но в какой-то мере и в значении „Ростислав пришел в его распоряжение“, „поступил в его распоряжение“. Однако в приведенных нами примерах обстоятельный оттенок значения, повидимому, является основным. Этот оттенок ослабевает в случаях при переходных глаголах доставления: *приведе ему бъ изо всих земль маstryры* Ип. 1161 г., л. 183. Случаи подобного рода мы не сочли возможным рассматривать в связи с дательным падежом обстоятельственного характера, хотя и они представляют собой нечто среднее между обозначением места и обозначением адресата предоставления. Обстоятельный оттенок значения сильно ослабевает также в тех случаях, когда в роли подлежащего при глаголах пространственного движения выступают названия неодушевленных предметов или отвлеченных понятий. При этом глагол пространственного передвижения употребляется в переносном значении. Ср.: *да придјтъ м'нѣ щедроты тком* Сл. пс., 159 стр.; *та полдевяты тысячи рублей в великому князю дошла чисто вся* Н. гр. № 24, 1456 г.

Дательный падеж направления, рано ушедший из русского литературного языка, оставил некоторые пережитки в говорах. По указанию А. М. Селищева, в говорах „глухих и окраинных местностей“ (северо-восточная Сибирь) встречаются случаи дательного падежа направления: *пошел этому городу, пошел другу-то в гости, уехал там бабе, другу*

*своему приехал*¹. Исследователями отмечены также случаи дательного падежа направления в воронежских говорах: *ана церкви иде, привяли двару*². Е. Ф. Карский приводит случай употребления дательного направления из говоров белорусского языка: *хлопчик побег двору*³. О возможности подобных случаев в говорах украинского языка нам ничего не известно.

Весьма широкое употребление дательного падежа направления исследователи отмечали в языке сербской и хорватской народной словесности прошлого века. Ряд случаев приводит Т. Маретич; среди них есть случаи дательного направления от названий неодушевленных предметов: *dode kući njezina oca; pa odoše svaki svome dvoru; odnese ga pašinu čadoru; uteče u selo kući svojoj;* встречаются и случаи дательного падежа направления от названий лиц: *njoj doleće siv sokole*⁴. В современном сербском литературном языке дательный падеж направления употребляется реже.

Что касается других славянских языков, то дательный падеж направления в них представлен немногочисленными случаями и исключительно в древних памятниках. Ст.-польск.: *idzie tobie król zbaściciel;* ст.-чешск.: *se ova král tvój přišel tobě pokojný; vstav sv. Martina hrobu šel*⁵.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые предположения относительно употребления дательного падежа в местном значении в дописменный период истории славянских языков.

Вполне возможно, что дательный падеж направления в общеславянском языке-основе (непосредственно перед его распадом) находил широкое применение, образуясь от существительных с самым разнообразным лексическим значением (имена существительные нарицательные и собственные, названия лиц и названия предметов неодушевленных). Наряду с ним уже в общеславянский период для обозначения предмета, являющегося целью пространственного движения, употреблялись и другие грамматические средства. Так, применялся винительный падеж, который, как и дательный, является падежом направления (куда?). Для показания места, куда направлено движение, винительный падеж в общеславянский период употреблялся уже главным образом с предлогами. Возможно, что между дательным падежом направления и винительным падежом для обозначения места существовало некоторое различие в значении: дательный падеж обозначал в первую очередь предмет, к которому направлено не заходящее в его пределы движение, т. е. движение, в качестве конечного результата которого мыслится не нахождение субъекта этого движения в пределах обозначенного падежной формой предмета и не непосредственное соприкосновение субъекта с этим предметом, но лишь достижение пространственной близости к этому предмету, винительный же обозначал предмет, к которому направлено достигающее его движение, а также (винительный с *въ*) движение, заходящее в его пределы. Но это различие часто бывало

1 А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка. — „Ученые записки МГПИ им. Потемкина“, V, вып. 1. М., 1941, стр. 192.

2 Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты. — „Ученые записки ЛГПИ им. Герцена“, LV, Л., 1947, стр. 96, 136.

3 Е. Ф. Карский. Белорусы, II, вып. 3, 1912, стр. 152.

4 Т. Маретич. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, str. 546—547.

5 W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, II. Göttingen, 1928, S. 259.

2 Ученые записки, т. XIII

несущественным; часто надо было указать лишь направление к предмету, независимо от вхождения или невхождения в его пределы. Отсюда — возможность расширения употребления дательного падежа, применения его и для показания пункта, в пределы которого направлено движение. Случаи употребления дательного падежа направления, засвидетельствованные отдельными славянскими языками, отражают именно это расширенное употребление. Что касается первого оттенка значения, то уже в общеславянский период для выражения его начинает применяться и дательный падеж с предлогом *къ*. Близкий оттенок значения выражался также родительным падежом с предлогом *до*: он применялся в общеславянский период, повидимому, для обозначения предмета, пределов которого достигает движение. Позднее в отдельных славянских языках употребление предлога *до* с родительным падежом сильно расширяется; этим предложным сочетанием начинает обозначаться и предмет, в пределы которого направлено движение, и предмет, к которому приближается движение. Особенно широко распространилось употребление этого предложного сочетания в польском языке, где, в соответствии с этим, сфера применения дательного с предлогом *к* и винительного с предлогом *в* значительно уже, чем в современном русском языке (польск.: *ide do lasu*). Распространение употребления родительного с предлогом *до* в новых значениях в восточнославянских говорах, легших в основу украинского и белорусского языков, — сравнительно поздний процесс. В памятниках древнерусского языка старшего периода это предложное сочетание при глаголах движения употребляется в том же значении, что и в современном литературном русском языке. Отклонения наблюдаются лишь в языке Ипатьевского списка летописи: *Изяславу пойти к брату своему Ростиславу до Смоленска* Ип. 1148 г., л. 134, и т. п.; однако они вполне могли быть внесены одним из позднейших переписчиков, в XIII—XIV вв.

Нет оснований предполагать, что в общеславянский период дательный падеж направления служил основным грамматическим средством обозначения места на вопрос „куда?“ в области имен существительных собственных — названий населенных пунктов, как это наблюдается в древнерусском языке XII в. Такое употребление засвидетельствовано лишь в древнерусском литературном языке и развило, скорее всего, в период самостоятельного существования древнерусского языка, когда дательный падеж направления уже в значительной мере уступил место предложным сочетаниям. В общеславянском языке-основе дательный падеж направления использовался равномерно от всех имен существительных наряду с другими грамматическими средствами выражения близких значений.

Дательный падеж направления засвидетельствован не только в славянских языках. Индоевропеисты приводят случаи его употребления в санскрите, древнесаксонском, древневерхненемецком языках. Санскр.: *śakatāyābhi pravrajati* ‘он выходит (вперед) к колеснице’¹; *vanāja gaś-chati* ‘он идет к лесу’². Др.-сакс.: *im quat ein engil* ‘к нему пришел ангел’; др.-в.-нем.: *boton quement mīne thir* ‘мои послы придут к тебе’³. Нередко встречается дательный падеж направления в латинском языке, в особенности у поэтов: *multos Danaum demittimus Orco* („Энеида“);

¹ K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Berlin, 1922, S. 432.

² H. Hirt. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1934, VI, I, S. 123.

³ K. Brugmann. Ук. соч., стр. 432.

pelago Danaum insidias suspectaque dona praecipitare jubent („Энеида“). В памятниках латинского языка отмечены и случаи употребления дательного падежа направления от имен существительных собственных — названий населенных пунктов: *tabulae Romae erant allatae; Cordubaes mittere*¹. Однако случаи последнего типа в латинском языке наблюдаются редко (обычен беспредложный винительный падеж).

Б. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЦЕЛИ И ПРИЧИНЫ

Дательный падеж с обстоятельственным значением цели встречается в старославянском и древнерусском языках. Форму дательного падежа принимают главным образом имена существительные с отвлеченным значением (название действий, состояний), а также некоторые местоимения. В случаях второго рода нередко встречается и причинный оттенок значения. Поскольку при этом нельзя часто определить, имеем ли мы дело с выражением значения цели действия или с выражением причины действия, выделять особый дательный падеж причины не имеет смысла. Причинное значение формы дательного падежа имен существительных представлено единичными, притом сомнительными, случаями. Они будут рассмотрены в последнюю очередь.

1) Целевой дательный падеж имен существительных. Имена существительные, представляющие собой названия действий и состояний:

ст.-сл.: *камень его же небрѣду съткориша зиждшти съ быс(тъ) къ глахъ жгълоу* Зогр., Мр., XII, 10; *оудакынню же приа* Супр., стр. 426, 14; *живы во не сеиъ, икъ хвоу проповѣданю* Гр. Б., л. 198-в; *положилъ ны еси... смѣхуу вѣсѣли члобѣкомъ* Гр. Б., л. 275-г;

др.-р.: *овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ* Лавр. 946 г., л. 17; *идущема же има, сташа ночльгу* Лавр. 1097 г., л. 91; *Яropolкъ с дружиною своею и съ братью, ни вои своихъ съѣдавше, ни нарядившеся гораздо, устремишася боеви* Ип. 1136 г., л. 110 об.; *вѣложиша и на кола и везоша и на Годолье на торгошице, и поверглаша поруганицо безаконнии* Ип. 1147 г., л. 129 об.; *заутра же в середу вѣсташа поздѣ и не дошедшесе сташа у Василева обѣду* Ип. 1151 г., л. 157; *утрия же днъ Изѧславъ поиде къ Ярославлю, помина и, ста обѣду, и ту присла къ нему король мужа своеи* Ип. 1152 г., л. 161 об.; *молящеся богови съ слезами даровати ему время покаянию* К.-П. пат., л. 180 об.; *псковичи наяша мастеровъ и даша дѣлу мѣды 400 рублей* Пск. 2 лет., 1365 г.; *полетѣ соколомъ подъ мыглами, избивая гуси и лебеди, завѣроку, и обѣду и ужинѣ* Сл., стр. 32; *небылонъ* (т. е. ‘не было оно’) *обидѣ порождено* Сл., стр. 8.

Дательный падеж цели можно видеть и в некоторых случаях при глаголе *быти*: *а зъ выхъ поношенью імъ* Псалтырь, CVIII²; *позорж вѣ ангеломъ и члѣкомъ междю вмѣ и члѣки стомъ* Гр. Б., л. 196-г; *вычомъ поношению сжѣдомъ нашимъ* Гр. Б., л. 314-г; *он же, обуимая нозѣ его, обѣщася работѣ быти ему* Ип. 1219 г., 251 л.; *они же обѣщаются работѣ быти* Ип. 1241 г., л. 267.

¹ Р. Шерцль. Разбор местного и дательного в классических языках сравнительно с санскритом. Харьков, 1880, стр. 73.

² Пример приводится А. Вайаном в книге „Руководство по старославянскому языку“ (М., 1952, стр. 214).

Скорее дательный цели, чем дательный направления, следует видеть в форме подъножью в Зогр., Лк. XX, 43: положиж брагы твоа подъножью ногами твоими. Несколько особняком стоят случаи, где в дательном падеже имена существительные, обладающие обычно более конкретным, вещественным значением. В древнерусском языке весьма обычен дательный падеж с целевым оттенком значения от слова *жена*, входящий в состав более или менее устойчивых словосочетаний с глаголами *пояти*, *възяти*, *дати*: *дщерь же мою Раскану вдаю ти женѣ Алекс.*, л. 330 об.; *хощю тя поняти собѣ женѣ Лавр.* 955 г.; *Данилъ... иде к королеви во Изволинъ и пая дщерь его сну си женѣ* Ип. 1250 г., л. 271 об. Встречается также целевой дательный падеж от слова *кръстъ*, которое в подобных случаях употребляется в значении „клятвенное целование креста“: *Изяславъ, Стославъ и Всеволодъ высадиша строя своего ис поруба..., заводивъше кръсту, и быс(ты) чернцемъ* Лавр. 1059 г. Многочисленными примерами представлен в древнерусском языке целевой дательный падеж от слова *рота* „присяга, клятва“, входящий в устойчивые словосочетания с глаголами *ити*, *ходити*, *водити* и под.: *ити ему про свое куны ротѣ* Р. Пр., л. 620 об.; *твои сли водили суть ўрѣ наши ротѣ, и нась послаша ротѣ водитъ тебе и мужъ твоихъ* Лавр. 945 г., л. 14; *како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ?* Лавр. 1095 г. л. 75 об.

Возможно, что к целевому дательному падежу от имен существительных восходят некоторые старославянские и древнерусские наречия, например, *годѣ*, *трѣбѣ*, ср.: *трѣбѣ есѧ* Зогр., Лк. XIV, 35; *г҃ї, се ли бы годѣ твоему млѣдью* Лавр. 1237 г., л. 162.

Обычно связывают с целевым дательным падежом происхождение славянского инфинитива.

2) В дательном падеже стоят местоимения *чъто*, *то*, *се*. Формы *чему*, *тому*, *сemu* постепенно адвербиализируются, превращаясь в наречия цели и причины (в первом случае — с вопросительным оттенком). В памятниках старославянского языка эти формы не представлены.

Чему: чему, брате, даешь причащенье, а съ зазоромъ ти? Вопр. К., стл. 58; *оже бо простъчь какъ любо грѣхъ створить, то до себе ему вина тѣкмо, а оже мы, тѣ не намъ одинымъ пагуба, нѣ и всѣмъ людемъ, хотять бо ны рещи: а попи чему творять?* Поуч. Ильи, стл. 350; *аэъ имъ противенъ, а вамъ не чему* Лавр. 885 г.; *чему еси слѣпиль брат свои?* Лавр. 1097 г.; *а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь?* Лавр. 1103 г., л. 93 об.; *чему еси затерялъ правду, вложилъ еси имя разбоиниче на мене и на себе?* Лавр. 1284 г.; *чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци?* *чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича?* *чему поималъ еси серебро на Микифоре Манускиничи и на Романе Волдыжевичи и на Варфлому?* *а иное, чему выводишь от нас иноzemца, который у насъ живутъ?* Н. 1, 1270 г., л. 148—148 об.; *чему тобѣ наша отчина?* Ип. 1174 г., л. 204 об.; *чему о насъ не сожалитеси?* Ип. 1229 г., л. 256 об.; *чему мя не зоветъ царь Соломонъ?* С. и К., стр. 255; *чему продашь дѣти?* Сл. Д. З., л. 258; *Москва, быстрая рѣка, чему еси у нас мужи наши залѣвляла в землю Половецкую?* Зад., л. 221.

Тому: рекъ к нему: онъси, что ты тому велиши творити: меду мало варено, а дружины много? Н. 1, 1016 г.; *Мъстиславъ разъгнѣ-*

вася на нѣ и хотѧше на нѧ ити, но нѣлѣ бѧшеть ити, зане бѧху б҃о тогда налегли Половци на Русь, и тому стояшетъ, бѧся съ ними, ся перека атся Ип. 1140 г., л. 112 об.

Сему: быс(ть) знаменіе в лунѣ страшно и дивно... сему же речкоша старии людие: не бло есть сяково знаменіе Ип. 1161 г., л. 184 об.

В вышеприведенных случаях дательный падеж местоимения часто приближается по своему значению к наречию причины, часто может быть понят и в делевом значении, и в причинном.

Несколько случаев, в которых форма дательного падежа может в известной степени рассматриваться как средство выражения причинного значения, встретилось и у имен существительных.

Ст.-сл.: єгда іродъ рождѣсткоу своєму вечеріј творѣаше къна-
земъ скоймъ і тыскжшынкомъ Зогр., Мр. VI, 21;

др.-р.: молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: поиди на братъ свои
и прими волость его, — хотя отмыстити сну своему (т. е. ‘отом-
стить за своего сына’) Лавр. 975 г.; азъ бо ляхом много зла творих,
и хотѣль е(смъ) створити, и мстити Русьскыи земли Лавр. 1097 г.,
л. 89 об.; ...абы отмстили не токмо Псковскымъ кровемъ, но и
своихъ ради плѣненыхъ и посвѣченыхъ Пск. 2 лет. 1408 г.; ...мстиль
многымъ кровемъ христианскымъ... Пск. 2 лет. 1481 г.; и онъ де
Стенка хотѣль его убить..., мстя тому, что Андрей великому
государю про ихъ во вѣдомо чинитъ Ст. Р., стр. 48—49.

Таким образом, причинное значение дательного падежа имен существительных может быть усмотрено в одном случае в старославянских памятниках и в нескольких случаях при глаголе *мъстити* в древнерусском языке. Эти случаи вообще не отличаются четкостью причинного значения. В старославянском примере дательный падеж может рассматриваться и как дательный тесной связи с глаголом *творити*. Что касается глагола *мъстити*, то дательный падеж лица, за которое мстят, в древности, вероятно, не воспринимался как грамматическое средство выражения причинного значения, и в данном случае мы имеем также, скорее всего, сильное управление и объектное значение формы дательного падежа.

Несколько слов о судьбе дательного падежа в русском языке. Его исчезновение относится, повидимому, к периоду до XV в. Впрочем, дательный падеж цели от слова *рота* встречается еще в „Стоглаве“ — памятнике русского языка XVI в.: *гнѣвъ бжии есть, посылается от руки бжия на тѣхъ, иже ходят на криве ротѣ*, л. 125. В XIV—XV вв. продолжает употребляться превратившийся в наречие дательный падеж *чему* („Задонщина“, „Житие в. кн. Дмитрия Ивановича“); отдельные случаи его употребления встречаются еще в XVI и XVII вв.: *и аще не приведу его связана и (не) умучю горкими му-
ками, то чему есть живу быти ми и царская власть держати?* Каз. лет., л. 3; *глупы-де были и несмыслили наши русские святыя, не ученые-де люди были, — чему имъ вѣрить?* Авв., л. 256 об. Однако эти случаи не могут свидетельствовать о том, что дательный падеж в этот период (XV—XVII вв.) еще является одним из живых грамматических средств выражения значения цели (и причины). О живом дательном падеже цели речь может идти лишь применительно к тому периоду, когда он представлен не только наполовину перешедшими в наречия формами местоимений или в устойчивых словосочетаниях, но и формами имен существительных в свободных словосочетаниях.

Целевой дательный падеж, подобно дательному падежу направления, заменяется постепенно иными грамматическими средствами, выражавшими наряду с ним уже в древнейших памятниках родственные оттенки значений. В синонимических отношениях с дательным падежом цели от имен существительных в древнерусском языке находился главным образом винительный падеж с предлогами *въ* и *на*. Ср. случаи использования этих предложных сочетаний в целевом значении: *мужи не имамъ ка испечение хлѣбомъ* Ф. Печ., л. 54 об.; ...*посланы отъ царя Василия въ защищение той обители инокомъ* Ин. ск., стл. 100. Целевой оттенок значения выражался также дательным падежом с предлогом *къ*: *поидоша к боеви противу собѣ* Лавр. 1096 г.; ...*не поѣдетъ ко отвѣту* Суд. 1497 г., стр. 10; однако это предложное сочетание вплоть до XVI в. находит более узкое применение, чем старый беспредложный дательный падеж цели, выражая целевое значение лишь при глаголах движения (в таких случаях, как *сташа обѣду*, дательный с предлогом *къ* не использовался). Наконец, уже в XVIII—XIX вв. в русском языке для выражения целевого значения начинает широко применяться родительный падеж с предлогом *для*. В современном русском языке это — одно из основных средств выражения целевого значения в падежном синтаксисе.

Целевой дательный падеж в составе устойчивых словосочетаний также заменяется различными иными грамматическими средствами. Наряду с дательным падежом *ротѣ* в памятниках древнерусского языка встречаются предложные сочетания *на роту*, *къ ротѣ*, *въ роту*: *князь же Всеволодъ... води ихъ в роту в Половъцкую* Лавр. 1184 г.; *ити по немъ тѣмъ видокомъ на тѣргу на роту* Р. Пр., л. 618 об.; ...*людей къ ротѣ приведоша по ихъ вѣре...* Лѣв. лет. 1499 г. Вместо дательного падежа *кресту* встречается предложное сочетание *къ кресту*: *приведе бояры... и заводи я къ честыному кресту* Н. 1, 1118 г. Наряду с дательным падежом *женѣ* встречается второй винительный падеж, позднее заменяющийся творительным: *приведе себѣ жену сестру Охозиеву* Г. Ам., л. 197; *хощю тя поняти себѣ женою* Ком. сп. Н. 1 лет., 955 г. В поздних памятниках встречается и предложное сочетание *въ жену*: *как бы Аннушку достать себе в жену* Фр. Ск., стр. 62.

Что касается дательного падежа цели (и причины) от местоимений, то он находит большое количество заменителей в виде синонимичных наречий, образованных падежными формами местоимений с предлогами и без них, многие из которых употребительны уже в древнейших памятниках русского языка. Наиболее сильными конкурентами дательного падежа *чemu* являлись вначале наречия *почто* и *чъто* (по происхождению формы винительного падежа того же местоимения), употребительные и в старославянском языке: *по чъто съ мѣздоимъци і грѣшьники оучителѧ кашкъ ѡстъ* Зогр., Мф. IX, 11; *чъто мѧ виши* Зогр., Ио. XVIII, 23. Дательный падеж *чemu* встречается главным образом в памятниках, на языке которых меньше сказывается церковнославянское влияние. Так, в „Слове о полку Игореве“ в известном „Плаче Ярославны“ в роли причинно-вопросительного наречия встречается лишь *чemu* (4 случая), в „Плаче“ же московской великой княгини („Житие в. кн. Дмитрия Ивановича“) *чemu* встречается 3 раза при 5 случаях *почто*, 1 случае *что* и 1 случае *что ради*. Позднее в этом же значении начинает употребляться наречие *почему*, по проис-

хождению — дательный падеж этого же местоимения с предлогом *по*, первоначально употреблявшийся в значении соответствия или основания. Собственно целевое значение дательного падежа *чemu* (без оттенка значения причины или основания) в современном русском языке передается предложным сочетанием *к чему*, которое в памятниках русского языка до XVIII в. почти не встречается, а также предложным сочетанием *для чего*.

В говорах современного русского языка дательный падеж цели не отмечен; он не встречается также в других славянских языках. Однако во многих языках сохраняются восходящие к нему наречия, в особенности *чemu*, например, в украинском языке: *чому не женився, собі пари не шукаєш?*¹; в польском: *czemti tak cicho we dworze?*².

Возможно, что в общеславянский период целевой дательный падеж находил более широкое применение, чем то, с которым мы встречаемся в памятниках старославянского и древнерусского языков.

Целевое значение дательного падежа тесно связано с его пространственным значением. В случаях дательного падежа направления тоже можно видеть указание на цель, но это — цель движения, некий материальный пункт в пространстве. Постановка в дательном падеже при глаголах движения названия какого-либо абстрактного понятия вызывает появление собственно целевого значения этой формы, поскольку то, что названо существительным в дательном падеже, уже не может быть достигнуто путем одного лишь пространственного передвижения. Древнейший тип целевого дательного падежа — это, несомненно, дательный падеж при глаголах движения — *поити боеви, ходити ротъ*. В данных случаях наиболее ощутима связь с пространственным значением формы дательного падежа. Позднее становится возможным и дательный падеж цели при глаголах, не обозначающих пространственного движения (*сташа noctiу, повергоща поруганию*).

Целевой дательный падеж засвидетельствован и в других индоевропейских языках. В латинском языке он нередко употребляется при глаголах движения: ... *hinc populum late regem belloque superbum venturum excidio Libyae* („Энеида“). Имеются и случаи целевого дательного падежа при глаголах, не обозначающих пространственного передвижения: *omnis iuventus, quae custodiis in urbo remanserat*³.

В. ВОПРОС О ДАТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ВРЕМЕНИ

Дательный падеж с обстоятельственным значением времени (когда? к кому времени?) не встречается в памятниках старославянского языка. В древнерусском языке он встретился лишь в одном случае, который приводила уже Е. С. Истринा⁴: *тако бо Мефодии глаголеть, яко скончанию врѣменъ явитися тѣмъ, яже запна Гедеонъ, и поплынѧть всю землю* Н. 1, 1224 г., л. 96. В Лаврентьевском списке летописи это значение передано предложным сочетанием: ... *къ скончанию временъ явитися тѣмъ...*, л. 153. Обычным грамматическим средством выражения приближающегося момента времени в старославянском и древнерусском языках является дательный падеж с предло-

¹ Е. Тимченко. Номінатив і датив в українській мові. Київ, 1925, стр. 46.

² W. Vondrák. Ук. соч., II, стр. 263.

³ K. Brugmann. Ук. соч., стр. 432.

⁴ Е. С. Истрин. Синтаксические явления Синодального списка Новгородской 1-й летописи. Пг., 1923, стр. 162.

гом кѣ: ... къ ѧдноѹѹмѹ на десѧтѣ часоу пришъдъши мъ... Супр., стр. 437—438; къ вечеру одолѣ Ярославъ Б. и Г., л. 15 об.

С. К. Булич приводит из церковнославянского памятника пример употребления дательного падежа времени: во ѧдинѣ соуботъ оутроу глоубокou¹, но этот дательный падеж имеет другой оттенок временного значения и представляет собой, конечно, неполную конструкцию дательного самостоятельного падежа (с пропуском причастия глагола быти).

Временной оттенок значения формы дательного падежа может быть усмотрен в одном случае при глаголе *уготовити*, где он сопровождается целевым оттенком значения: *мы же, государю, твоя рабы.., преумноженное псковское богатство твоему приходу все уготоваем* Пов. о пр. Ст. Б., л. 29.

Таким образом, беспредложный дательный падеж со значением времени в старославянском и древнерусском языках, в сущности, отсутствует. Он не засвидетельствован также в других славянских и в неславянских языках индоевропейской группы.

Однако не исключена возможность, что беспредложный дательный падеж времени (когда? к какому времени?) в общеславянский период находил все же некоторое применение. Средства падежного синтаксиса, служащие для обозначения места и цели, обычно приобретают и временное значение, являющееся отвлечением от пространственного значения. Поэтому возможно, что и форма дательного падежа без предлога некогда была способна выражать временное значение. Позднее, по мере расширения употребления предлога *къ* с дательным падежом, временное значение перешло к предложному сочетанию.

Что касается временного значения, выражаемого дательным самостоятельным падежом, то оно вряд ли развилось на базе пространственного значения этой падежной формы. Дательный самостоятельный, как обычно считают, возник в результате высвобождения дательного падежа с объектным значением из-под влияния глагола.

II. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ДОПОЛНЕНИЯ

Синтаксическая функция дополнения — наиболее обычная функция приглагольного дательного падежа в старославянском и древнерусском языках. В современном русском литературном языке она является единственной функцией этой падежной формы в приглагольном употреблении.

Выступая в этой функции, дательный падеж чаще всего выражает различные объектные значения: имя в дательном падеже обозначает предмет, к которому действие так или иначе направлено, вместе с тем предмет, который не подвергается интенсивному воздействию со стороны другого предмета, не охваченного действием. Дательный падеж может выражать и значение субъекта действия или состояния, значение предмета, который испытывает некое состояние, производит некое действие. Существуют и переходные случаи между дательным субъекта и дательным объекта.

Дательный падеж с объектными значениями чаще всего является сильноуправляемой формой. При этом в выражаемых им значениях в той или иной мере отражаются некоторые грамматические свойства

¹ С. К. Булич. Синтаксис русского языка (литогр.), 1907, стр. 172.

управляющих глаголов — их переходность, возвратность. Для дательного падежа при переходных глаголах наиболее характерны значения лица, которому нечто предоставляют, вручают (адресат предоставления), да также лица, которому нечто сообщают, внушают, показывают (адресат сообщения). Для дательного падежа при непереходных глаголах наиболее характерно значение лица, которое является косвенным объектом полезного или вредного для него действия (дательный пользы и вреда), а также значение объекта психического движения. Последнее значение наиболее характерно и для дательного падежа при глаголах с возвратной частицей.

Иногда сильноуправляемый дательный падеж связан не столько с лексико-грамматическим значением корневой части управляющего глагола, сколько с тем оттенком значения, который вносится глагольной приставкой. Наиболее четко эта особенность управления проявляется в случаях дательного падежа при глаголах с приставкой при (дательный косвенного объекта приближения и прикосновения). Многие глаголы в бесприставочном виде не управляет дательным падежом, но приобретают это управление, получая приставку при. Переходность и непереходность управляющих глаголов в таких случаях не играют сколько-нибудь существенной роли для значения формы дательного падежа.

Слабоуправляемый дательный падеж объекта обычно обозначает лицо, для которого происходит действие. Он может быть назван дательным падежом предназначения. Его часто называют дательным заинтересованного лица, но этот термин значительно более применим к случаям, находящимся на грани примененного дательного падежа (ему голова болит), которых мы не касаемся в настоящей работе.

Случай сильного и слабого управления, конечно, не всегда могут быть разграничены с достаточной точностью, отчасти вследствие того, что способность глагола к управлению с течением времени может меняться. Однако существование в старославянском и древнерусском языках особой группы случаев дательного падежа предназначения, которому в современном русском языке соответствует сочетание родительного падежа с предлогом для, не может вызывать сомнений.

Одной из особенностей дательного падежа в функции прилагольного дополнения, давно уже отмеченной в языкоznании, является то, что в нем стоят в большинстве случаев имена существительные, обозначающие лиц, или личные местоимения. Дательный падеж — личный падеж. Но было бы неверно эту особенность дательного падежа выдвигать на первый план при рассмотрении его значений. Личный характер дательного падежа обусловлен его значениями; именно значения, которые была способна выражать форма дательного падежа, определили то обстоятельство, что эту форму принимают главным образом имена существительные, обозначающие лиц.

A. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛАХ

Академик В. В. Виноградов указывает на „текучесть, зыбкость границ между прямо-переходными и непереходными значениями глаголов“, которые „часто совмещаются в одном слове (например, говорить)“¹. Деление глаголов на переходные и непереходные для нас не самоцель, но средство, которое должно способствовать наиболее полному

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 642.

выявлению круга значений приглагольного дательного падежа. В разделе дательного падежа при переходных глаголах мы рассматриваем употребление дательного падежа при глаголах, способных иметь при себе помимо дополнения в дательном падеже еще дополнение в винительном падеже без предлога. Здесь же мы рассмотрим некоторые случаи дательного падежа при глаголах, управляющих кроме дательного родительным падежом дополнения. Случаи дательного падежа при глаголах, управляющих винительным, но в том или ином случае употребленных непереходно, мы рассматриваем также в этом разделе. В разделе дательного падежа при непереходных глаголах мы рассмотрим употребление его при тех глаголах, которые неспособны иметь одновременно с дательным падежом дополнения еще дополнение в винительном или родительном падежах. В разделе же дательного падежа при возвратных глаголах мы рассмотрим случаи употребления этой падежной формы при глаголах с частицей *-ся*.

Основное значение дательного падежа как падежа косвенного объекта действия весьма четко выступает при переходных глаголах, управляющих наряду с дательным еще винительным падежом прямого дополнения. Имя в винительном падеже прямого дополнения обозначает предмет, непосредственно и полно охваченный действием, в дательном же стоит название лица (предмета), который является адресатом действия, его конечной целью, пунктом, в направлении которого совершается действие, не охватывая его, не воздействуя на него непосредственно.

Среди многочисленных случаев употребления дательного падежа при переходных глаголах в старославянском и древнерусском языках может быть выделено несколько групп в зависимости от значения, выражаемого формой дательного падежа, в связи с определенными лексико-грамматическими значениями управляющих глаголов.

1. Дательный падеж адресата предоставления

Во многих переходных глаголах формой дательного падежа обозначается лицо, которому нечто предоставляют, вручают, передают в пользование, во владение, под власть, или лицо, которому нечто обещают (предоставляют в будущем), желают, назначают. Сюда же относятся и случаи с употреблением глаголов соответствующей лексико-грамматической группы в переносном значении.

1) Дательный падеж при различных глаголах вручения. Среди этих глаголов выделяются прежде всего глаголы *даяния*, объединенные общим корнем *-да-*. Примеры на употребление дательного падежа при этих глаголах весьма многочисленны.

дати, даяти, давати

Ст.-сл.: *не дадите стаго псомъ Зогр., Мф. VII, 6; запокѣдь ногж даиж вамъ Зогр., Ио. XIII, 34; они же даша емоу рыбы печены частъ Мар., Ак. XXIV, 42.*

Др.-р.: *Стопълкъ... призвавъ кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти Б. и Г., л. 10; еже ми отъцъ даялъ и роди съдаяли, а то за нимъ Н. бер. гр. № 9; похвалу ему даша велику Лавр. 1149 г., л. 108 об.; Всеволодъ же цволова крестъ и да ему путь Лавр. 1206 г.; копииныя язвы даша ему Ип. 1175 г., л. 207 об.; дати ми Григорию Василиеву Глѣбову семьдесят рублей Дог. № 68, 1472 г.; мало земли удѣломъ дастъ ми, да живъ буду, служа ему Каз. лет., л. 22; бод-*

ливои корове богъ рогъ не даетъ П. XVII в., л. 327 об.; хорошо по-
помъ да поповичам, дурами их зовут, да пирогами им даютъ П.
XVII в., л. 375 об.; глупому въ поли не давай воли П. П.
вр., л. 5.

Эти же глаголы употребляются с дательным падежом и в значении
'позволить', 'дать возможность'.

Ст.-сл.: не да никому же вънити съ собою Сав., л. 53; не даеше
имъ Глати Фко вѣдѣахъ хъ Мар., Лк. IV, 41.

Др.-р.: тъ не дадяше такову му скровицю крытися въ земли Б.
и Г., л. 18 об.; даи ему поухати зелья именемъ евшанъ Ип. 1201 г.,
л. 245; не даша имъ стреляти съ великихъ дѣлъ на воиско християн-
ское Курб. Ист., стл. 184; добръ волкъ до овецъ, да пасти ему не
дадутъ П. XVII в., л. 338 об.

въдати, въдавати

Ст.-сл.: не въдадимъ се съ пытаньству и лицомъ Супр., стр. 493.

Др.-р.: Ольгъ... приведъ зъдателе, повелъ зъдати, въдавъ имъ
все по обилу, яже на потребу Б. и Г., л. 24 об.; мънѣ не въдасть
ничтоже Н. бер. гр. № 9; не пустиша изъ Новагорода своихъ ни един-
го мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нѣ пустиша я без
мира Н. 1, 1188 г.; положеныхъ вдаде на поруку посадникомъ Пск.
2 лет., 1426 г.

В значении 'позволить'—др.-р.: не вдавайте силнымъ погубити
члвка Лавр. Поуч. Мон., л. 80; Данилъ же и Василко въдаста ему
ходити по землѣ своеи Ип. 1238 г., л. 264 об.

въздати

Ст.-сл.: въздадите оубо цркви и вѣни вѣн Сав., л. 46; потрѣпи
о мнѣ и все ти въздамъ Сав., л. 43 об.

Др.-р.: сии же слышавъ архиереи хвалу възда тви Б. и Г., л. 20;
добро створихъ брату моему Олькѣ..., а онъ противу зло ми възда,
слѣпивъ мя Н. 1, 1204 г.; во благодѣствства мѣсто зло ему воздахъ
Каз. лет., л. 20.

выдати

Др.-р.: выдалъ Твърдиславъ князю Матея Н. 1, 1218 г.; а тѣхъ
ми выдаите, кто мя обадилъ къ вамъ Н. 1, 1226 г.; не выдаите мя
ни брату князю Константину, ни Володимеру Сузд. Ак., 1216 г.

издаяти

Ст.-сл.: врачемъ издаи все ильнице свое Сав., л. 52 об.

отдати

Др.-р.: что будет у мене, и то мнѣ вам отдать по крестному
уѣлованию Дог. № 35, 1436 г.; да и сю, государь, книшку вели мнѣ же
отдати, прочетши Пер. I чл., л. 135; кому доведется крестьян
отдать, и тебе б отдавать Хоз. Мор., № 22.

Этот же глагол в составе устойчивых словосочетаний—отдати
гнѣва, вины, нелюбья—в значении 'простить': Рюрикъ же... отда
ему гнѣва Ип. 1195 г., л. 236; князъ великий отдаде Псковичемъ
вины Пск. 2 лет., 1330 г.; пожаловалъ ихъ, отда имъ нелюбье Сим.

лет., 1414 г.; мы ихъ пожаловали, вины ихъ имъ отдали Ин. ск., стл. 49; ...велитъ ему вину его отдать Улож., л. 69.

подати, подаяти, подавати

Ст.-сл.: сладъка брашна подаицж имъ Супр., стр. 227—228.

Др.-р.: не нашему единому языку тъкъмо подано бысть бѣгъмъ, но и въсеи земли спасение Б. и Г., л. 17; новгородци... подаваша ему пригороды Ком. сп. Н. 1 лет., 1419 г.; твоего бы государева города литовскимъ людемъ не подали Стр. II, стл. 464, 1618 г.; сътъ пономарь и попу подаетъ П. XVII в., л. 369 об.

придати 'прибавить к имеющемуся'

Др.-р.: Все́володъ... посади сна́ своего Володимира Черниговѣ, а Ярополка Володимири, придавъ ему Туровъ Лавр. 1078 г.; прида ему 3 города, а Сновескъ собѣ от(б)я Ип. 1155 г., л. 172; се лежю въ болести, а братъ мои придалъ ми и еще болести Ип. 1287 г., л. 298; да к тѣмъ селом к Турабьевскимъ придалъ есмь ему свое село Шипиловъское со всѣмъ Дог. № 61, 1461/62 г.; дядка дитятке ума придаетъ П. XVII в., л. 339.

прѣдати

Ст.-сл.: прѣдастъ імъ імѣніе свое Зогр., Мф. XXV, 14; огню прѣданіи вышл Супр., стр. 94, 13.

Др.-р.: умершию Рюрикови предасть кня(же)нъе свое Олгови Лавр. 879 г.; приступаи къ граду, яко предамы ти Ярополка Лавр. 980 г.; воевода ... прѣда ихъ, извязавъ, Татаромъ Н. 1, 1224 г.; многия церкви огневи предаша Ком. сп. Н. 1 л., 920 г.; перевѣтницѣ предаша градъ Смоленскъ князю Витовту Ком. сп. Н. 1 л., 1404 г.; прѣданы будуть црковному суду Стогл., л. 116; многихъ отъ велможъ различнымъ смертемъ предасть Ин. ск., стл. 6.

передати

Др.-р.: ...тъ первое Тръполь переда Оловичемъ Ип. 1180 г.

продати, продаяти, продавати, попродати, продавывати

Др.-р.: за Волокъ ти, княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя новгородцу Н. гр. № 7, 1304/05 г.; начаша новгородцы торговати деньги серебряными, а артуги попродаша Нѣмцомъ Ком. сп. Н. 1 л., 1420 г.; а Юрьи, господине, Есиповъ сынъ, свою половину деревни Колкача продал монастырю же А. гр. р. № 41, XVI в.; а кому што продавывалъ все в любовь, а не в оманъ Дом., л. 120 об.

раздати, раздаяти, раздавати, роздати

Др.-р.: а кому раздаялъ волости братъ твои Александръ или Дмитрии съ новгородци, тебе тежъ волости без вины не лишати Н. гр. № 2, 1266 г.; много же отъ имѣнія раздая нищимъ и сирымъ и вѣдовицамъ Б. и Г., л. 20; прия власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады Лавр. 862 г.; роздавъ имъ волости ихъ ... вѣзвратися в Володимеръ Лавр. 1180 г.

съдати

Др.-р.: будетъ кто ѿрьского величества недругу городъ здастъ измѣною... Улож., л. 68; живого четвертаютъ, а потомъ голову отсекутъ, кто городъ здастъ неприятелю Кот., л. 171.

Приведем случаи дательного падежа при прочих глаголах предоставления, вручения, передачи.

възвратити, воротити, увернути

Ст.-сл.: видѣвъ июда прѣдавы его яко осждиша і раскаꙗвъ сѧ възрати лѣ среѣрникъ архидиоцемъ Сав., л. 115 об.

Др.-р.: а истыи товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ Р. Пр., л. 62б; и уверни ему Всеволодъ Ушицу и Микулинъ, еже бѣ заялъ Лавр. 1144 г.; вороти ми товара брата моего Ип. 1149 г., л. 136 об.; и напоминаль ся ему Володимиръ о томъ много, абы ему воротилъ целядъ, онъ же не вороти ему целяди его Ип. 1282 г., л. 295.

даровати, подаровати

Др.-р.: мънога же лѣт(a) дароуи бѣ сътажавъшоумоу еуглие се ОЕ, стр. 15; ... сверши ... литургию у своего престола, богомъ подарованнаго ему Ком. сп. Н. 1 л., 1416 г.

даръствовати

Ст.-сл.: даръствоуи имъ видѣнник Супр., стр. 3, 28—29.

заложити

Др.-р.: а заложилъ, господине, ту деревню дѣдъ мой Микита и отецъ мой Александръ Кириловскому игумену Игнатию въ трехъ рублѣхъ въ Новогороукихъ А. гр. р. № 24, 1511 г.; сколь давно дѣдъ твой Микита и отецъ твой Александръ ту деревню игумену Игнатию заложили? А. гр. р. № 24, 1511 г.

кинути

Др.-р.: тѣло собакамъ в ровъ кинемъ Авв., л. 203.

кормити, скормити 'предоставить в виде корма'

Др.-р.: велѣлъ его ненужно держати, и поити и кормити доволно, а иным воеводам и князем и паном кормили по полуденѣ на день, а князю Константину Острожскому кормили по 4 алтына на день Уст. лет., 1501 г.; а прислать было къ нимъ никоими мѣрами нельзя (т. е. прислать утку), потому что соколомъ скормили, первое утка убилъ Алекс. Мих., стр. 37.

оставити, оставляти

Др.-р.: Семеонъ ... умре, оставилъ Петра князя, сна своего, болгаром Лавр. 941 г.; насъ же кому оставляеши? Ин. ск., стл. 35.

Дательный падеж при оставити и в устойчивых словосочетаниях, где в винительном падеже при этом глаголе слова грѣхъ, дѣлъ и некоторые подобные.

Ст.-сл.: въсь дѣлъ твои оставиуихъ тебѣ понеже моли мѧ Сав., л. 44; оставиши врагоу грѣхы и простъ вѣдеши юже къ владыци съгрѣши Супр., стр. 407, 8—9.

отказати 'предоставить', 'предоставить по завещанию'

Др.-р.: Нагиба и отказал менѧ, Илейку, Наметкѣ казаку Стр. II, стл. 143, 1607 г.; отказалъ послѣ себя тобѣ вотчину женѣ своей княгинѣ Овдотье А. гр. р. № 94, 1625 г.; ты б, Корнило, ту купленую

мою вотчину село Кошкарово отказал Ивана Аргамакова и Михаила Заседуцкого людем их впротив прежнего Хоз. Мор. № 23.

платити, заплатити

Др.-р.: рѣша козари: платите намъ дань Лавр., л. 6; снохи мои долгъжникомъ заплатятъ, а с моей души сведутъ Дог. № 28, 1433 г.; да платити ми маткина долгъ Осифу старцу двенадцать рублей Дог. № 88, 1503 г.

пожаловати ‘милостиво предоставить’, ‘оказать милость’

Др.-р.: а мои еси, господине, отчинѣ всемъ пожаловал, отдал ми еси половину выхода на три года Дог. № 55, 1450 г.; а которои холопъ побѣжитъ з государемъ своимъ ... и выйдетъ тотъ холопъ ис которые земли опять к Москвѣ, и онъ старому гѣдрю холопъ, по старому холопству, опричь того, нѣчто кому гѣдрь пожалуетъ, дастъ волную грамоту Суд. 1550 г., стр. 55; да намъ же пожаловалъ игуменъ з братиою на роспашку на тѣхъ лютныхъ лѣта къ наше пашни другую обжю пустую Стр. I, стл. 671, 1590 г.; а та намъ роспашная обжа, посли лютныхъ лѣта которую намъ игуменъ пожаловалъ, въ монастырь ... отказати там же; государь пожаловалъ Борису Горожанкину 2 рубли денегъ да сукно доброе Д. д., стл. 208, 1619 г.

прибавливати

Др.-р.: а кто у царя противъ недруга крѣпко стоит..., жалования ему много прибавливаетъ Пер. Магом., л. 159 об.; а рейтаромъ и казакомъ бываетъ нужда и голодъ, и имъ, для нужного времени, прибавливаютъ денежного жалованья Кот., л. 202.

промѣнити, промѣняти ‘предоставить на основе обмена’

Др.-р.: а промѣнил есмъ ему на Хотуни селце Кравцовское да пустошь Видениевскую Дог. № 68, 1472 г.; тѣ иконы проминяли дешево простымъ людемъ поселяномъ невѣждамъ Стогл., л. 160 об.; ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променялъ Авв., л. 267 об.

пустити, отъпустити, отъпушиати ‘дать’, ‘простить’

Ст.-сл.: тѣгда пѣстиша юноу три съта златицъ Супр., стр. 518, 11—12; отъпусти намъ дѣлги наш(а) єко і мы отъпушаемъ дѣлжыникомъ нашимъ Зогр., Мф. VI, 12; аще ли не отъпустите члкимъ сѣгрѣшении ихъ ни оѣдъ вашъ отъпуститъ вамъ сѣгрѣшениіи вашихъ Сав., л. 73.

Др.-р.: аще не отпустите прегрѣшении брату, ни вам отпустить оѣдъ вашъ нѣбныи Лавр. Поуч. Мон., л. 83; отпустит вамъ государь нашъ... все ваши казач(ы)и грубости прежние и нонешние Аз., стр. 103; прошу вашей государевой милости, чтоб в том ему, Скобееву, вину отпустить Фр. Ск., стр. 68.

2) Дательный падеж адресата предоставления встречается также при глаголах, значение которых связано со значением пространственного передвижения (*сѣлати, нести*). При этом форма дательного падежа в известных случаях выражает оттенок обстоятельственного значения,

обозначая не только лицо, которому нечтo вручается (кому?), но и лицо, в отношении которого достигается пространственная близость, которое является целью пространственного движения (к кому? куда?). Обстоятельный оттенок значения наблюдается в тех случаях, когда при глаголах доставления в винительном падеже стоит название одушевленного предмета, в особенности лица. Если же в винительном падеже стоит название неодушевленного предмета, обстоятельный оттенок значения очень слаб или вообще отсутствует. В первую очередь приведем некоторые примеры на случаи, когда непосредственным объектом действия (т. е. доставляемым предметом) не является лицо. Случаи этого типа многочисленны (но главным образом лишь при глаголах *сълати* и *нести* с производными).

везти, привезти

Др.-р.: *уже рускиа сынове разграбиша татарская узороч(ъ)я, доспехи и кони, волы и велблуды, сахар, дорогое узороч(ъ)е, камкы насычеве везут женам своим Зад.*, лл. 222 об.—223; *да о сыну своему князю Еасилью ... каменъное судно большее, што ми от великого князя от Витовта привезъ князь Семенъ Дог.* № 21, 1417 г.

нести и однокоренные глаголы

Ст.-сл.: *принесоша глаeж его на блудѣ і даши дѣвици і несে матери свои Зогр.*, Мф. XIV, 11; *принесѣте ми пѣналь да вижджеши же принесоша емоу* Зогр., Мр. XII, 15—16; *єда къто принесе емоу* исти Зогр., Ио. IV, 22; *принесоша илоу* юдѣ да исть Супр., стр. 154, 5—6; *тѣ оставъшъ водж пришед'шиимъ к немоу* стран'нимъ *принесъ* Супр., стр. 549, 27—28; *принесжъ ти ико же вы* глаголете кръста Супр., стр. 65, 21—22.

Др.-р.: *вынесоша ему брашно и вино Радз.* сп. лет., 907 г.; *он же... шедъ я ворона и принесе ему Лавр.* 1074 г., л. 66; *многая поносная и укоризная словеса дѣду нашему великому государю Ивану износили И. Гр. Посл. к К.*, стр. 55; *овии же каменье воином приношаху..., овии же утружишиимся воином, от жары изнемогшим, воду приношаху Пов. о пр. Ст. Б.*, л. 35 об.; *и понесоша ему, елико кто имѣяше сребра Ин. ск.*, стл. 35.

привести

Ст.-сл.: *окраштета жрѣвъ привезано ... отрѣш'ша приведѣта ми в* Зогр., Лк. XIX, 30.

Др.-р.: *сии конь въ црквскихъ стадех обрѣтохомъ родившаяся и прекрасна сущи, приведохомъ ти, влдко Алекс.*, л. 314.

сълати и однокоренные глаголы

Ст.-сл.: *благодарствынъмъ пѣсни вѣсылаше вогоу* Супр., стр. 292—293; *да бы ... посылаль земи ихъ дѣждъ* Супр., стр. 529, 27—29.

Др.-р.: *тебе славу вѣсылаемъ* Б. и Г., л. 14 об.; *искуси и еще, послы ему оружье* Лавр. 971 г., л. 21 об.; *тогда же выслалъ бѣ ему Володимеръ питье много Угромъ и ему Лавр.* 1151 г., л. 112; *брашно свое и медь по улицам на возѣхъ* слаше болным и по затвором Лавр. 1175 г., л. 124; *и иные некия вещи драгия казанъский царь великому князю посла Каз.* лет., л. 21; *а всяко посылаю ти дѣвъ главы, выписавъ-*

отъ книги премудрого Цицерона Курб. Отв., стл. 136; да пришилите мнѣ, государи, плащышко Стр. II, стл. 421, 1616 г.; на утро прислала намъ рыбы да пироговъ Авв., л. 326.

Приведем случаи, в которых непосредственным объектом действия (доставления) является лицо.

привести, приводити, изводити

Ст.-сл.: і прикѣсм ємоу въсѧ болаштамъ различынми неджы і страстьми одръжимы і вѣсьныи Зогр., Мф. IV, 24; тогда привѣса ємоу вѣсьноуїшть са слѣпъ і нѣмъ і ицѣли і Зогр., Мф. XII, 22; прикѣсте ми чка сего щко развраштаїшта люди Зогр., Лк. XXIII, 14; се ізвождј і вамъ вънъ Зогр., Ио. XIX, 4; прикѣдѣте ми и сѣмо Мар., Мф. XVII, 17; привѣса ємоу дѣлжъникъ единъ тѣмояк таланть Мар., Мф. XVIII, 24; приведоша ємѣ чка глоуха вѣсьноуїща са Сав., л. 38 об.; прикѣдѣте мн сѣмо лїжжа жестокы отъ ёѳішпѣскыя страны съ мечи да неѣкж' и прочал Супр., стр. 62, 8—11; съ невесе зать оѣштакакши ми привести Супр., стр. 237, 5—6.

Др.-р.: приведе ему бѣ изо всихъ земль мастыры Ип. 1161 г.

принести, приносити

Ст.-сл.: се принесоша ємоу ослабленъ жилами Зогр., Мф. IX, 2; принесоша ємоу вѣсьныи многы Сав., л. 34; принесоша ємоу ослабена на одрѣ лежаїц Сав., л. 37; приносить во оубо вамъ яко же и видите пастоуха Гр. Б., л. 375-а.

присылати, посылати

Др.-р.: да кого намъ прислеть, то нашъ владыка Н. 1, 1219 г.; пришли ми чоловѣкъ на жерепцѣ Н. бер. гр. № 43, XIV в.; послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказать книжка и словеса Лавр. 896 г.; грѣхъ ради нашихъ сия намъ неправыя суды послаль еси Пер. Магом., л. 150.

3) Дательный падеж адресата предоставления при глаголах со значением поручения и подчинения.

вѣвѣряти

Др.-р.: что всеу мятетесь и вѣвѣряете душа своя поганымъ Поля ком? Плач, стл. 230.

покорити

Др.-р.: покори бѣ Адаму звѣри и скоты Лавр. 986 г., л. 29; до-
сталныхъ же Казанцевъ покориша Московскому государству Каз.
лет., л. 33 об.

поржчити, поручати

Ст.-сл.: Ноеви ковьчегъ поржченъ выстъ Гр. Б., л. 86-г.

Др.-р.: упразивъ порученое ему отъ господа Б. и Г., л. 22 об.; се поручаю вахъ бу и прѣстви его мтри и брату и гсну Гюргю Лавр. 1218 г., л. 151 об.; Лвови же дѣтъску сущу, поручи и Василкови, храбру сущу боярину Ип. 1249 г., л. 269 об.

Возможно, что сюда же следует отнести и дательный падеж при глаголе *обржчити*. Ст.-сл.: ...съ марнеј овржченжїк ємоу женой

Зогр., Лк. II, 5; обржченѣ же вывѣши мѣтири его марні ишсифови...
Сав., л. 136 об.

приказати, приказывати ‘поручить’

Др.-р.: *Юрии князъ(ы)...* Жирославу Михаиловичю приказа воеводство в дружинѣ своей Лавр. 1237 г., л. 160; *приказываю свои дѣти* своей княгинѣ Дог. № 61, 1461/62 г.; *приказываютъ животы свои женѣ и дѣтимъ* А. гр. р. № 110, 1642 г.

4) Дательный падеж лица, которому нечто назначают, определяют. Дательный падеж этого типа в известной мере сближается со „свободным“ дательным падежом предназначения; в исследованных памятниках старославянского языка четких примеров не встретилось.

судити, присудити, расудити ‘назначить, определить’

Др.-р.: *Батыи же почтивъ я чѣстью достоиню и отпустивъ я, расудивъ имъ когождо в свою очину* Лавр. 1244 г.; *а кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, и на мѣстници судятъ ему по его отечеству безщестие* Н. гр. № 88, 1397 г.; *присудили ту деревню Шуклинскую Кириловскому монастырю* А. гр. р. № 24, 1511 г.; *царю небесный, зде намъ судилъ пошибнуты Аф.* Н., л. 391; *они же... неправду судили и обоим по своей вѣрѣ по христианской цѣлованіе судили, правому и виноватому* Пер. Магом., л. 154; *уже тому такъ богъ судилъ.* Фр. Ск., стр. 69.

уставити

Др.-р.: *Олегъ ... устави дани Словѣномъ* Лавр. 882 г.; *да посылаютъ въ Греки къ великимъ црмъ греческимъ корабли, елико хотятъ..., яко же имъ уставлено есть* Лавр. 945 г., лл. 11 об.—12.

5) Дательный падеж лица, которому нечто обещают или желают.

обѣщати, обѣщавати

Ст.-сл.: *насть же не имаши вѣсхытити аште и цѣсарьство намъ обѣштавакиши* Супр., стр. 2, 12—14.

Др.-р.: *что ти обѣщахъ, и того не створих* Ип. 1238 г., л. 264 об.

сулити, посулити

Др.-р.: *что есмь посулилъ надѣлка зятю своему Сидору и дочери своей Марыи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣль Н. гр. № 230, XV в.;* *сулите намъ от него царя турскаго честь великую и богатство много* Аз., стр. 140; *а се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ книги править, и я ради сильно Авв., л. 244;* *посулил было онъ мне взаймы денег...* Азб., стр. 21.

хотѣти

Ст.-сл.: *мы не хотимъ тебѣ зѣла никакого же* Супр., стр. 259, 2—3; *не хотимъ сѣмрѣти грѣшноумоу нѣ вѣзвѣдениј* Гр. Б., л. 277-г.

Др.-р.: *хочю вы добра* Ип. 1174 г.; *мы тобѣ добра хочемъ* Ип. 1177 г., л. 213 об.; *не хотяше бо пагубы королеви* Ип. 1226 г., л. 254 об.; *слушали бы есте ... старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ* Дог. № 3, 1353 г.; *не хотѣти ему никоего*

лиха князю великому Сим. лет., 1448 г.; отсѣки ту руку проч(ы), которая себѣ добра не хочетъ П. XVII в., л. 376 об.

6) Со случаями дательного падежа адресата предоставления может быть сближен дательный падеж при глаголах отнимания, развившийся, как обычно считается, под влиянием управления глаголов *дати* и *под*.¹ Вместе с тем этот дательный падеж в известной мере сближается с так называемым дательным заинтересованного лица: *избира ему люди* Ип. 1238 г.

Ст.-сл.: *иѣсть добро отати хлѣба чадомъ Зогр., Мф. XV, 27; отемлющюму тевѣ ри҃ж і срачица не вѣзырани Зогр., Лк. VI, 29; отънымъ оубо имъ боизъ и словесы и лицемъ Супр., стр. 445, 10—11; въ адѣ отрѣшишъ волѣзни оумъръшинимъ Супр., стр. 155, 19—20.*

Др.-р.: *внидоша же и бѣси, начаша стязатися о украденомъ ми богатствѣ К.-П. пат., л. 123; ангели же ... вписаша въ милостыню погибшее ми серебро К.-П. пат., л. 123; Святополкъ ... имѣния многоимъ отъимъ К.-П. пат., л. 171; Прохоръ чернецъ отъялъ ны есть богатство и мы обнищахомъ К.-П. пат., л. 174.*

2. Дательный падеж адресата причинения

При некоторых переходных глаголах в дательном падеже стоит название лица, которому что-либо причиняют. Глаголы, при которых встречается дательный падеж с этим значением, могут иметь при себе и тот слабоуправляемый дательный падеж, который мы назвали дательным падежом предназначения. Ср.: *тебѣ учинихъ тотъ колъ* (дательный предназначения, в соответствии с родительным и предлогом для в современном русском языке) и *отъидоша, не учинивше граду ни что же* (дательный адресата причинения, более тесно связанный с управляемым глаголом). Как видно из этих примеров, оттенок значения лица, которому нечто причиняется, зависит от значения слова, стоящего в падеже прямого дополнения. Если в винительном (родительном) падеже стоит название чего-то вещественного, то конструкция с винительным (родительным) падежом имеет значение „*приготовить, устроить что-либо*“ и дательный падеж косвенного дополнения в таком случае далеко не обязателен: значение глагола полностью раскрывается и без наличия дательного падежа. Если же в винительном падеже стоит название понятия, связанного с человеческими ощущениями (преимущественно — отрицательного порядка: досада, боль), то конструкция с винительным падежом имеет значение „*причинить что-либо*“, и действие нуждается в дальнейшем пояснении посредством дательного падежа дополнения.

довести

Др.-р.: *Ульяне да Василью въ той головщине убытка не довести никоторого* Стр. I, стл. 547, 1577 г.

двѣлати, двѣяти, поддвѣти, съдвѣти

Др.-р.: *пакости не двѣти Грѣческои земли* Н. 1, 1204 г.; *Юры... поиде с Торжку, много имъ пакости поддвѣя Ком. сп. Н. 1 л., 1224 г.; но съдвѣяннаа уже нам от безбожных скифъ оставляю глаголати* М. Гр. Посл., стр. 111; ... чтобы стрѣльцы стороннимъ всякимъ лю-

¹ W. Vondrák. Ук. соч., II, стр. 256.

демъ никому никакова насильства не дѣлали Стр. II, стл. 310, 1614 г.; ...учнутъ кого грабити ... или иныя какиye убытки кому дѣлати Улож., л. 82.

творити, сътворити

Ст.-сл.: *молите за твораштюа вамъ напасти Зогр., Мф. V, 44; ико же хоциете творатъ вамъ чаци и вы творите имъ такожде Сав., л. 48 об.; не твори мнъ троуда Сав., л. 67; да что рече сътворимъ прочиимъ Супр., стр. 62, 14—15.*

Др.-р.: *оже ты собѣ не лжбо то того и дроугоу не твори И заб. 73, л. 263 об.; кую обиду сътворихъ брату моему и вамъ, братие и гье мои...? Б. и Г., л. 14; ...не дъръзну ни единого же зла и скърьбъна сътворити тому Ф. Печ., л. 59; аще обрящетъ въ вустъѣ Днѣпъръ окомъ Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никако же Лавр. 945 г., л. 13; не могоша ему ничто же створити Лавр. 968 г.; колико зла створиста мнѣ Лавр. 978 г.; варязи ... насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ Лавр. 1015 г., л. 38; не створи ми пакости Лавр., 1154 г., л. 115; ...творяше хреѧном велику досаду Лавр. 1262 г.; мнogo зла сътворивъ земли тои възвратися къ Москвѣ Сим. лет., 1434 г.; да якоже сътворихъ посоломъ твоимъ, тако же имамъ тобѣ сътворити Каз. лет., л. 2 об.; кую ты досаду сътворилъ или чимъ тебе оскорбилъ? Ин. ск., стл. 10.*

чинити, починити, учинити

Др.-р.: *аже латинескии члвкъ учинить насилие свободньижене..., за то платити гривнъ 5 серебра См. гр. 1229 г., стр. 47; много есмъ имъ зла учинилъ Ип. 1148 г., л. 132 об.; царь Тотар斯基и... много тягости людем учинивъ поиде в своя си Лавр. 1294 г.; они же пришедшe учиниша Пскову горѣ и Нѣмецъ Пск. 2 лет., 1430 г.; ...много дворов поносило и много людем бѣды починило Уст. лет., 1516 г.; имъ де мы никоторого лиха не учинили Стр. II, стл. 301, 1614 г.; ...никаким людем никакова насильствia и убытка не чинити Улож., л. 77; беречь накрѣпко, чтобъ ему, Никону, никакова оскорблениa никто не чинилъ Д. п. Н., стр. 311.*

успѣти, доспѣти

Ст.-сл.: *когда лѣнилъ сѧничко соже намъ казаник оуспѣхть Супр. стр. 414—415.*

Др.-р.: *...не успѣша ничтоже фрязьскимъ кораблемъ Н. I, 1204 г., л. 69; не успѣшие ничтоже городу ихъ, възвратиша Лавр. 1169 г., л. 121 об.; царь же пришедъ подъ Москву и стоявъ 10 днei, поиде прочь, граду не доспѣвъ ничтоже Сим. лет., 1439 г.; погрозиша Казаньцемъ, ничто же доспевше имъ Каз. лет., л. 103 об.; боися глупа, чтобы глупыя ꙗ тя не подумали, ...не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаю Г.-Зл., стр. 3.*

Следует выделить случаи употребления дательного падежа при тех же глаголах, но с особым оттенком значения. В винительном падеже может стоять отглагольное имя, означающее действие, которое, будь оно выражено личными глагольными формами, представлялось бы направленным на лицо, название которого в рассматриваемых случаях стоит в дательном падеже. Ср.: *учинить ему наказанье — наказать его.* Такое упо-

требление дательного падежа основано на возможности его использования для указания на лицо, которому нечто причиняют. Однако о „причинении“ в собственном смысле слова в подобных случаях говорить уже трудно, так как имена, стоящие в винительном падеже, не обозначают ощущений или переживаний лица, название которого стоит в дательном падеже.

творити, сътворити

Ст.-сл.: *сътворю ми оубои ии сътворити* Супр., стр. 526, 3—4.

Др.-р.: *то творять мовенье собѣ* Лавр., л. 3 об.; *мы ж о сем многоажды покушахомся месть сотворити врагомъ своимъ и ничтоже успѣхомъ* Стогл., л. 24; *створи ми послушание, същи ми кота* Жит. Ник., л. 227.

чинити, учинити

Др.-р.: *а се есмь имъ роздѣль учинилъ* Дог. № 1, 1339 г.; *помощи Пскову не учиниша ничтоже* Пск. 2 лет., 1481 г.; *вамъ, бояромъ начимъ, честь и повышение учинимъ* Ин. ск., стл. 46; *однолично б ему учинить наказанье з жесточью* Хоз. Мор., № 478; *тому бесчиннику за ту его вину учинити торговая казнь* Улож., л. 66 об.; *росправу имъ чинятъ* Кот., л. 126 об.; *а въ которыхъ уроцищахъ тѣ воры стоять и какое воровство кому учинили, и тому прислалъ распросные рѣчи* Ст. Р., стр. 22; *...учинить ему смертная казнь* Пос., л. 43 об.

3. Дательный падеж адресата сообщения

При многих переходных глаголах дательный падеж употребляется для обозначения лица, являющегося косвенным объектом или адресатом действий сообщения, внушения, показывания. Подобно случаям дательного падежа предоставления, лицо, название которого стоит в дательном падеже адресата сообщения, в результате действия также нечто приобретает, но приобретаемое не является неким материальным предметом — это какое-либо известие, переданное словесно или письменно, какое-либо сообщение или же впечатление от какого-либо предмета (последнее — в случаях дательного падежа при глаголах показа). Винительный падеж прямого дополнения при этом нередко отсутствует; то, что сообщают лицу, выражается здесь сочетанием местного падежа с предлогом *о* или винительного с предлогом *про*, или же дополнительным придаточным предложением.

1) Дательный падеж при глаголах сообщения (устного, письменного, неопределенного).

благовѣстовати, благовѣстити

Ст.-сл.: *посѣланъ єслѣ глати тѣвѣ і благовѣститі тѣвѣ се* Зогр., Ак. I, 19; *се во благовѣстоуїж вамъ радость велиж* Сав., л. 138; *что вамъ благовѣститъ захария пророкъ* Супр., стр. 324, 16—17.

вѣпти, вѣпияти

Др.-р.: *устнама моима не вѣбрани впти ти: мѣстве, помилуи падшаго!* Лавр., Поуч. Мон., л. 84 об.; *Степанко ... вопияше людемъ: пособите ми тако на злодѣя сего* Ком. сп. Н. 1 л., 1418 г.

глаголати

Ст.-сл.: гла ємоу въсѣ си дамъ ти Зогр., Мф. IV, 9; глы же азъ глж камъ о себѣ не глж Сав., л. 25; глаголаша юмоу иждь Супр., стр. 19, 9—10; аще се имъ глкмъ... Гр. Б., л. 194-г.

Др.-р.: тъгда же глагола отроку: се уже, чадо, свѣтъ есть, въсяди на конь свои Ф. Печ., л. 43 об.; начат глаголати ему... Жит. Ник., л. 215; не бѣ слышати, что глаголаше другъ другу Каз. лет., л. 154; они же ему глаголаша... Ин. ск., стл. 35.

говорити, разговорити, разговаривати, поговорити, приговаривати, поизговорити, выговорити

Др.-р.: ...много говоряшеть Новугороду, чтобы грамота подрати Ком. сп. Н. 1 л., 1391 г.; и нынѣ разговорити того не кому государю великому князю... Гр. арх. Ген. 1490 г., стл. 775; говорил ми здесь отец мой Филип митрополит..., что дей ваши люди ездят в митрополичи села... Чер. № 188, 1464 г.; и яз, холоп твои, таки одно ему говорил: ты, реку, изменник, как мне с тобою говорить? В. Гр., 2 п.; ...учнетъ говорити непристойные рѣчи патриарху или митрополиту... Улож., л. 66 об.; ...бить кнутом перед крестьяны на сходе и ему приговаривать: не дурой и боярского не теряй Хоз. Мор., № 366; и язъ имъ поизговорилъ, да и пошелъ есми къ себѣ на подворье Д. Т. Пр. ІІ, стл. 73; сталъ разговаривать отцу... Авв., л. 228; мнѣ на добѣ брату поговорить, чтобъ книгу ту назадъ взялъ Авв., л. 270 об.; выговоря тѣмъ людемъ ихъ воровство, противъ указу великого государя велели ихъ написати въ прежние чины Ст. Р., стр. 43.

должити

Др.-р.: мурза... пошелъ ко князю Данилу Бѣлому и доложилъ ему, что былъ во градѣ Еруслонѣ и у темницы стражей всѣхъ побилъ Ер. Л., стр. 333.

донести

Др.-р.: донеси государю нашему батюшку, что будемъ неумедля до ихъ здоровья Фр. Ск., стр. 69; о такой причине командиры их, чаю, что никогда его царскому величеству прямо о том не донесут Пос., л. 33 об.

иззвѣстити, иззвѣщати

Ст.-сл.: не могы тлькъ иззвѣштати лжаковоу ѹмоу амемоурмниноу... досаждения и оукора Супр., стр. 61, 10—11; благодарѣстки иззвѣститъ шааго юмоу вога Супр., стр. 300, 26.

Др.-р.: клятвою иззвѣща Псковичемъ, глаголя... Пск. 2 лет., 1242 г.; бѣмъ целомъ и иззвѣщаемъ тебѣ, государю, на старца на Александра Стр. I, стл. 595, 1582/83 г.; и я королю про того Гришку иззвѣщалъ, что онъ не царевичъ Дмитрий Ин. ск., стл. 24; прислалъ ихъ Никонъ патриархъ про тотъ свой приходъ ему великому государю иззвѣстить Д. п. Н., № 31, стл. 121; а какъ то все устроится, и о томъ иззвѣстять царю... Кот., л. 11; они же обо мнѣ царю иззвѣстиша Авв., л. 200; и онъ де... иззвѣстилъ строителю старцу Дорофею, что у кладового погреба замки сбиты и печати сорваны Сыск. д. 1688 г.

възвѣстити, възвѣщати, вѣщати

Ст.-сл.: вѣзвѣстите юаноки слыши прозирајтъ Зогр., Мф. XI, 4—5; вѣзвѣстиша емоу гажище ико мти ткоа и вратна ткоа вѣнѣ стоятъ Сав., л. 52; вѣзвѣстиша кназоу иже видѣша Супр., стр. 182, 22—23; ... икоже вѣзвѣстихъ людемъ моимъ прѣже Гр. Б., л. 320-г.

Др.-р.: ...нача вѣзвѣщати князю Стополку, да бы вписалъ Феодосья в сѣнникъ Лавр. 1108 г., л. 95 об.; и се вѣзвѣстиша игумену К.-П. пат., л. 195 об.; се увѣдавъ, Мития вѣзвѣсти князю великому, да бы запрѣтиль Дионисию князъ великии... Сим. лет., 1377 г.; патриархъ... полезная вѣщая имъ... Плач, стр. 230; друзи же его, слышавше, возвѣстиша о нем болярину С. Гр., стр. 34.

отъвѣштати (отвѣчати)

Ст.-сл.: отъвѣщаша имъ фарисеи еда и вы прѣльсти Сав., л. 28 об.; никто же емоу не можаше отъвѣщати слово Сав., л. 47 об.

Др.-р.: язъ ему отвѣчалъ: не рекъ ми Есифъ варити перевары ни на кого Н. бер. гр. № 3, XIV в.; отвѣщаю ти Кур. Отв., стл. 182; они же ему отвѣщаша... Пов. о пр. Ст. Б., л. 29; ты, ерш, исѹу лещу отвечяеш ли или нет? Ерш, стр. 148.

казати, съказати, съказывати, рассказати

Ст.-сл.: съкази намъ притъж пѣвелъ селѣнѹгъ Зогр., Мф. XIII, 36; къто съказа вамъ вѣжати отъ грѣджаштаго гнѣва Зогр., Лк. III, 7; съказау имъ твоє члкомъ Сав., л. 26; съказаша гви его вса бытъша Сав., л. 44.

Др.-р.: съказаша Стопълку, яко сътворихомъ повелено тобою Б. и Г., 15; гдте, что вы казаъ црь? Лавр. 945 г., л. 14; сказа ему вся приключьшаяся ему Лавр. 1149 г., л. 107; сказа ему, оже его отступили кнзи Черниговъскіи Ип. 1147 г., л. 126 об.; Савастьянъ же сказалъ имъ великаго князя здоровіе, да и побѣду надъ новгородци Сим. лет., 1471 г.; сказалъ имъ вѣру свою Аф. Н., л. 377; умѣль бы гдрю сказати про все прямо, куды што розошлося и куды что дано Дом., л. 85; князъ Иван Петрович Шуйской вся о томъ государю... рассказав... Пов. о пр. Ст. Б., л. 10; тѣ де ему сторожы про то видѣние сказывали Ин. вид., стл. 186.

кликати, вѣскликнуты

Ст.-сл.: вѣскликнемъ богоу съпасоу нашемоу Супр., стр. 319, 11—12.

Др.-р.: вѣзрадуемъся ісви, вѣскликнемъ бїу и спсу нашему Лавр., 988 г., л. 41 об.; татаровѣ намъ кликали: качьма, не бѣгайте Аф. Н., л. 369 об.; князъ же нача кликати ярославцем и углечаном: не стреляйте... Уст. лет., 1436 г.

молвiti, отмолвiti, промолвiti

Др.-р.: молви дворянину Павлу Петрову брату дать грамотѣ Н. бер. гр. № 5, XIV в.; что вам бзи молвятъ? Лавр. 1071 г., л. 60; молви ему тако... Лавр., 1097 г., л. 89; молви же ему моя словеса

Ип. 1201 г., л. 245; *ѣдь, молви горожаномъ, а быша ся передалъ* Ип. 1261 г., л. 283 об.; *и князъ великии и то имъ отмолвилъ...* Сим. лет., 1473 г.; *и Василеи побежал мимо меня, и яз, холоп твой, и молыл Василью так...* В. Гр., Г п.; *и я промолылъ ему: за что ты меня бъешь?* Авв., л. 213.

писати, въписати, отписати, писывати

Ст.-сл.: *ізволи сѧ і мънѣ... въ істинѣ по рѣдоу писати тевѣ славѣны*
теофиле Зогр., Лк. I, 3.

Др.-р.: *приимъ же Поръ цръ грамоту Дарьеву и прочетъ бывшию на немъ бѣду, съжалиси и въписа ему сице...* Алекс., л. 327; *и господин митрополит... священником напишет мене поминати* Чер. № 10, 1390—1406 гг.; *тебе государь то отписал?* В. Гр., 2 п.; *аэзъ давно уже на широковѣщателныи листъ твои отписахъ ти, да не возможохъ послати* Кур. Отв., стл. 135; *и онъ де тѣмъ гречаномъ* прежде сего писывалъ Д. п. Н. № 100, стл. 369; *и аэзъ ему малое писаніе написалъ* Авв., л. 212.

повѣдѣти, повѣдовати и однокоренные глаголы

Ст.-сл.: *никомоу же не повѣждь* Зогр., Мф. VIII, 4; *Петръ ми повѣда* Супр., стр. 511, 1; *повѣда томоу... иже о вожѣствѣнїемъ ішаниѣ* Супр., стр. 295, 3—4; *многашди иж повѣдовахъ вамъ* Супр., стр. 437, 10—11.

Др.-р.: *повѣдите ми по истинѣ, приязньство имѣете ли къ мнѣ?* Б. и Г., л. 10 об.; *Миронѣвъ повѣда князю обѣ чудеси* Б. и Г., л. 19 об.; *начаша ему повѣдати осѣкъ во лѣсѣ полнѣ люди и товара* Ип. 1280 г., л. 293; *повѣда великому князю единому видѣниа* Ск. об Ал. Н., стр. 6; *а что ти слышевъ о нашемъ добрѣ или о листѣ..., то ти намъ повѣдати въ правду* Дог. № 13, 1390 г.; *аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковоаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми* Кур., Ист., стл. 212.

Ст.-сл.: *тогда ісповѣмъ імъ щко николиже знахъ васъ* Зогр., Мф. VII, 23; *проповѣдаиж вамъ о вѣджштнимъ* Супр., стр. 131, 12—13; *роди сѧ оуко икоже тъ ми съповѣда въ и дынъ ендаря лѣсаца* Супр., стр. 278—279; *аште во сѧ тевѣ не исповѣмъ грѣхъ не гонезиж* Супр., стр. 354, 28—29.

Др.-р.: ...*вѣскочи славя ба и стая и исповѣда людымъ, како исѹблista* и Б. и Г., л. 19 об.; *яша же въ нихъ Татарина... и тѣ исповѣда имъ всю силу ихъ* Ип. 1240 г., л. 265; *Сифовъ мъ внукомъ проповѣдано бысть свыше хотящи быти погыбѣли члвкмъ* Г. Амарта., л. 19; *занеже того дѣля вамъ повѣстуемъ, чтобы вашему гостю пакости не было* Н. гр. № 50, 1410/11 г.; *насла князъ бояръ... ко всей двиньской слободѣ, а повѣстуя имъ тако...* Ком. сп. Н. 1 л., 1397 г., л. 235; *будетъ де тебѣ надобно, я де тебѣ стану исповѣдать грѣхи свои* Д. п. Н., № 6, стр. 16; *доконца все исповѣда подробну иерею оному* С. Гр., стр. 36.

пѣти

Др.-р.: *пои же ему пѣсни Половѣцкия* Ип. 1201 г., л. 245; *который дотечаше, та преди пѣс(н)ъ пояше старому Ярослову, храброму* Мстиславу, ...*красному Романови Святъславличю...* Сл., стр. 2.

решти (речи) и некоторые однокоренные глаголы

Ст.-сл.: *рече и́с народомъ* Мар., Мф. XXVI, 55; *рече же емоу и́с* Зогр., Мф. IV, 7; *рече гъ своімъ оу(чен)икомъ* Сав., л. 25; *прорыци намъ хе къто есть оудары та* Зогр., Мф. XXVI, 68; *поемъ і петръ начаткъ прѣрѣкати емоу глж ... не иматъ тебѣ выти се* Мар., Мф. XVI, 22.

Др.-р.: ...*ему же бѣ имя наречено въ стѣмъ крѣщении Романъ Б. и Г., л. 9; рече Туки, братъ Чюдинъ, Изыславу: видиши, княже, людье вѣзвыли... Лавр. 1068 г., л. 57 об.; Добрыня поноси ему и дщери его, нарекъ еи робичица... Лавр. 1128 г.; и рекоша вси собѣ: любо Михалка князя собѣ нальземъ..., а любо головы своѣ положим* Лавр. 1176 г., л. 128; *рекоста ми сице... Каз. лет., л. 5 об.; ина много нарече ему Каз. лет., л. 106; кая ми польза, аще реку тебѣ... Смотр. Грам., л. 18.*

Глаголы *вѣречи, обречи* употребляются в значении, близком к „обещать“: *нын(ѣ) же, брате, акоже ми еси самъ вѣреклъ, полѣзи же на конѣ Ип. 1150 г., л. 147; про што ми обреклъ еси Киевъ, а приятъльни ми не даси приимати? Ип. 1144 г., л. 117.*

чести, прочьсти, вычести

Др.-р.: *прочьтохъ ему Тимофеевъ канунъ Вопр. Кир., стл. 44; и вы бы сю нашу грамоту велѣли еѣ чести всѣмъ людемъ вслушъ Ин. ск., стл. 86; а буде въ церковь всѣ люди не вмѣстятся, и вы бы имъ велѣли вычести предъ церковию на просторномъ мѣстѣ Ин. ск., стл. 86; и ему исцюю челобитную вычтутъ и велять противъ того отвѣтчать Кот., л. 178 об.; то уложение... члено выборнымъ людемъ Улож., л. 64 об.; любо мнѣ, у Казанъскіе тое держалъся, чель народу книги Авв., л. 205.*

шептати

Др.-р.: *шопталъ ему подъ носъ, да не возметъ в разумъ П. XVII в., л. 379 об.*

К приведенным близки также случаи употребления дательного падежа при глаголе *бесѣдовати*. Управляя в старославянском и древнерусском языках дательным падежом, этот глагол, возможно, входил в группу глаголов сообщения.

бесѣдовати, побесѣдовати

Ст.-сл.: *бесѣдоу же имъ* Супр., стр. 7, 18—20; *на земи ми бесѣдоуиши* Супр., стр. 237, 3—4; *идини идноиоу бесѣдоуимъ извѣнителю нашемоу гospодоу* Супр., стр. 507, 1—2.

Др.-р.: *глава ногам беседует Пов. о пр. Ст. Б., л. 49 об.; еще вамъ побесѣдуо о своеи волоките Авв., 255 л.; простите, еще вамъ про невѣжество свое побесѣдуо Авв., л. 267.*

К дательному падежу при глаголах сообщения близки также случаи дательного при глаголах *вадити, клеветати, лѣгати, молчати*. Дательный падеж при первых трех из этих глаголов может рассматриваться как средство обозначения лица, которому сообщаются неверные сведения. Глагол *молчати* обозначает действие, противоположное действию сообщения, и свое управление дательным падежом получил, вероятно, под влиянием глаголов сообщения.

вадити, навадити 'клеветать, лгать'

Др.-р.: *а хто вамъ почнетъ вадити, а тому вѣры не няти* Н. гр. № 22, 1456 г.; *а хто почнетъ вамъ вадити, тому вамъ вѣры не яти* Н. гр. № 26, 1471 г.; *нѣции же отъ младоумныхъ наустиша и на- вадиша Митяю на Дионисия, а Дионисию на Митяя Сим. лет., 1377 г.;* великому князю и его матери вадиша на князя Андрѣя, что будто хочетъ князь Андрѣй бежати... Лѣв. лет., 1537 г.

клеветати

Др.-р.: *начаша лихие люди клеветати князю Андрѣю и рѣкоша тако: князь великий дрѣжть на тебя гнѣвъ* Лѣв. лет., 1537 г.; ...*на- чат мужу своему на оного юношу клеветати...* С. Гр., стр. 25.

лѣгати, сълѣгати

Ст.-сл.: *сълѣгаша имоу* Изб. 73, л. 4 об.

Др.-р.: *лжуть вам бзи Лавр.* 1071 г., л. 59 об.; *оны, княже, бви лжуть и тобѣ Лавр.* 1178 г.; *си сълѣгаша имъ* Н. 1, 1232 г.; *не лгалъ бо ми Ростиславъ князъ...* Сл. Д. Зат., л. 252; или ми речеши: *со- лгалъ ми еси аки тать...* Сл. Д. Зат., л. 266; *Дмитреи Шемяка слово свое измѣнилъ въ всемъ и владыцѣ сългалъ* Сим. лет., 1446 г.; *а гѣдрю бы и государыни не мали...* Дом., л. 32 об.

молчати, умолчати

Др.-р.: *не неп҃щю же и о сихъ умолчати вамъ...* Жит. Ал. Н., стр. 106; *и судья вспросил Малги: о чём пак еси ему до сех мест молчал?* Чер. № 259, 1498 г.; *о чём есте митрополичим приказ- шиком и прежнему архимандриту Генадью столько молчали?* Чер. № 306, 1504 г.; *почему жъ ты имъ столь долго молчалъ, а тое деревни у нихъ не выкупилъ?* А. гр. р. № 24, 1511 г.; *и да не мни мене молчаща ти о семъ Кур., Эп. I, стл. 5.*

2) Дательный падеж при глаголах внушения, напоминания, советования. Глаголы собственно внушения снабжены обычно приставками *въ-*(*вѣн-*) и *на-*; без этих приставок они не управляют дательным падежом и не обозначают внушения.

вѣложити, вѣлагати

Ст.-сл.: *клико же ми дште вѣложитъ вогъ поѣдѣти* Супр., стр. 299, 19—20; *вѣложи ми путагорово мѧчание* Гр. Б., л. 296-а; *вѣложи ми платоніа образы* Гр. Б., л. 296-а.

Др.-р.: *элодви... эавистъ вѣложи людьмъ на архиепископа Митро- фана* Н. 1, 1211 г.;... *помыслъ има вѣложи, рѣкшема има, яко изѣбьеве сихъ...* Н. 1, 1218 г.; *не вложи бо имъ бѣ страха и не убояшася* Лавр. 1176 г.; *бѣсъ же...* тому *помышления влагаше, яко сему, вземишу злато, отъйти на ину страну* К.-П. пат., л. 185 об.

вѣмѣщати 'внушать'

Др.-р.: *а вамъ, бояромъ нашимъ и оконничимъ, и дворяномъ...* и всякимъ людемъ измѣнники наши вѣмѣщали, бутто нась великого государя не стало Ин. ск., стл. 43.

въсѣвати, насѣвати

Ст.-сл.: **диаволъ насѣваатъ юмоу отъчаданки помыслы** Супр., стр. 523, 17—18.

Др.-р.: *бѣси бо... насѣвають черноризцем помышленья, похотъни лукава* Лавр. 1074 г., л. 62; *бѣси бо всивають помышления чернцемъ, похотъни лукава* Ком. сп. Н. 1 л., 1074 г.

Глагол *внушати* с дательным падежом в памятниках древнерусского языка встретился лишь в значении, близком к „сообщить“: *они же немедленно внушают царю о бывшемъ видѣнии Саввиномъ С. Гр.*, стр. 38.

Глаголы советования и напоминания в общем близки к глаголам внушения; в дательном падеже стоит название лица, в котором внешнее влияние вызывает появление какой-либо мысли.

думати 'советовать'

Др.-р.: *они же начаша думати ему: не ѣзди по нихъ..., друзии же рекоша: книже, бѣжати уже* Ип. 1149 г., л. 139.

погадати 'посоветовать'

Др.-р.: *Кондратъ... хотѧшеть бо посѣдѣти со братомъ о томъ, абы ему како погадалъ* Ип. 1287 г., л. 300 об.

съвѣщати, съвѣштавати, совѣтовати

Ст.-сл.: *съвѣштаваіж ти юноше пожрѣти* Супр., стр. 253, 22—23.

Др.-р.: *боляре же и велможи вѣрнии и любимиши оцемъ моимъ съвѣтъ не блгъ съвѣщаша ми* Столг., л. 23; *и совѣща Казанъцемъ обольстити царя своего воеводамъ московъскимъ Каз. лет.*, л. 96; *совѣтоваše цареви послати по древо спасенное Кур. Ист.*, стл. 192; *а во всемъ, государь, въ томъ норовитъ и совѣтуетъ старцу Александру старецу Варсонофей Креницынъ Стр. I*, стл. 596, 1582—1583 гг.

помянуть и однокоренные глаголы

Ст.-сл.: *въспомѣнетъ вамъ все еже рѣхъ вамъ* Сав., л. 101 об.; *всѧкъ имъ въспоминаше благодѣтии* Супр., стр. 417, 21—22; и того страсть *въспомянжътъ вамъ и расѣяніе и скытаніе* Гр. Б., л. 246-в.

Др.-р.: *въспоминаше тому страхъ бжии и любъвь, еже къ брату Ф. Печ.*, л. 59 об.; *аще мы не помянеши всего того, иже створихомъ своимъ безумиемъ...* Ип. 1159 г., л. 177 об.; *не мню убо праведно, аще и сего не воспомянуть вамъ Жит. Ал. Н.*, стр. 111; *вспоминати, о княже, со смиренiemъ: смотри божия смотрения величество Кур.*, Эп. I, стл. 118; *яко и во первыхъ епистолияхъ воспомянухомъ ти...* Кур. Отв., стл. 146.

3) Дательный падеж при глаголах показа, разъяснения, истолкования. Глаголы собственно показа — *казати и явити* с производными.

казати, показати, указати и некоторые подобные

Ст.-сл. *показа юмоу вѣсѣ црѣтии мира Зогр.*, Мф. IV, 8; *покажѣте ми скълазъ киносовы* Сав., л. 46; *съ страны ходашнимъ покажж силяж* Супр., стр. 311, 9—10.

Др.-р.: *видѣ желѣза, иже бѣша на немъ..., и зламана..., и призыва въ страже показаше ему въсе бывшее Б. и Г., л. 23; мѣсть ему показавши... Ип. 1219 г., л. 251; созвавъ братью нашю новгородчевъ... казалъ имъ у себе товарѣ облакану и золото Н. гр. до 1417 г., № 56; по та мѣста, господине, наши крестьяне пахали, куды есмы вамъ указалъ А. гр. р. № 13, 1485—1505 гг.; а поеди, господине, и мы тебе и между укажемъ... Чер. № 117, 1498 г.; женамъ и дѣвкамъ дѣло указати дневное... Дом., л. 45; всегда во очѣхъ нашихъ всѣмъ намъ смерть показаютъ Нов. пов., стл. 377; кому онъ тѣ свои письма показывалъ? Д. п. Н., № 41, стл. 206; онъ же, очняся, перъстомъ мнѣ на бѣса, сѣдящаго на окошке, показуетъ Авв., л. 270; Артемию не кажи академию П. XVII в., л. 324; битому коню лише лозу кажи П. XVII в., л. 330.*

показати путь (кому) ‘выгнать’ (кого)

Др.-р.: *еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себя Лавр. 1073 г.; показаша путь новгородци князю Всѣволоду: не хочемъ тебе, поиди, камо хочеши Н. 1, 1221 г.; мужа моего пустите, а темъ путь покажите прочь, откуда пришли Н. 1, 1232 г.*

явити, являти, проявляти. Первоначальное значение ‘показать’

Др.-р.: *яви людемъ своимъ жестокая по дѣломъ ихъ Лавр. 1188 г.; яви ми зракъ лица твоего Сл. Д. Зат., л. 253 об.; грѣхъ ради нашихъ богъ намъ знамение проявляетъ Ком. сп. Н. 1 л., 1230 г., л. 152; да прочитаютъ сю грамоту, отдавайте ее монастырскому человеку, кто вамъ ее явитъ Чер. № 255, 1464—1473 гг.; являль имъ староста Володкой мою грамоту Стр. 1, стл. 22, 1454 г.; лицо же свое пишешъ не явити намъ до дне страшного суда... И. Гр., Посл. К., стр. 91.*

Родственные глаголы часто выступают с оттенком значения сообщения.

Др.-р.: *блѣженому о семь никому же явившю... Ф. Печ., л. 43 об.; иди, чадо, и не яви никому же сего Ф. Печ., л. 55; являю ти, на Олгович(и) есми ходилъ к Чернигову... Ип. 1148 г., л. 132 об.; Софон, ѣхавъ на Каширу, тебѣ судьбу явилъ, и пристава Булака взялъ А. гр. р. № 45, 1535 г.;... скоро о смерти его царю объявилъ Кот., л. 2 об.; привѣхавъ въ Астрахань, про рухледь объявить боярину и воеводамъ Ст. Р., нов. мат., № 5, стр. 217.*

К случаям дательного падежа при глаголах показа близки случаи дательного падежа при глаголах разъяснения, толкования.

обличити ‘разъяснить’

Ст.-сл.: *прѣкои ми обличи како и сынъ вышнаго и сынъ дающи-довъ Супр., стр. 239, 8—9.*

отъкрыти, отъкрывати ‘показать, объявить’

Ст.-сл.: *ни ѿца кто знаетъ тѣко сїкъ і емоуже волитъ сїкъ отъкрыти Зогр., Мф. XI, 27; становъ еси от прѣмѣдръ и разоумѣнъ и отъкрылъ еси младенцемъ Сав., лл. 57 об.—58.*

Др.-р.: *о имени своем лисица ему открывает и на снитие курово надежно уповает К. и Л., стр. 208.*

толковати, протолковати

Др.-р.: се прислалася ко мнѣ Словѣнска земля, просящи учителя собѣ, иже бы могъ имъ протолковати святыя книги Лавр. 898 г., л. 9; учитель... чего не дознают, толковал бы им Пос., л. 16 об.

При целом ряде глаголов в дательном падеже стоит название лица, которому показывают нечто с дурной или с хорошей стороны, представляют нечто в отрицательном или в положительном (реже) освещении. В рассмотренных памятниках старославянского языка подобные случаи не встретились.

огласити ‘оклеветать’

ты, лихой человек, огласиши меня митрополиту небылными словами К. и Л., стр. 197.

оговаривати, обоговаривати

и тебѣ, государю, хочетъ оговаривати ложью старцовъ и всю братию Стр. I, стл. 596, 1582 г.; а рабъ своих и рабынь ложными словесы не обговаривати мужу своему Дом., л. 58 об.

оглаголати

оглашою тя кралю за се дѣло и конечно лишится главы твое тѣло Сим. П., стр. 30.

оклеветати

яко же змия оклевета бога Адаму, яко завидника и не хотяща добра роду человѣческому Поуч. Стеф., стл. 213; того же лѣта на Коломенѣ по диаволю дѣйству оклеветалъ ложными словесы великого князя бояръ Василей Григорьевъ сынъ Гнилиовъ великому князю Льв. лет., 1546 г.

оболгати

ежели построится домомъ какой приказной человѣкъ, оболгутъ царю и многие кривды учинятъ, что бутто онъ былъ посланникъ и злодиматель Кот., л. 226 об.

облиховати ‘оклеветать’

Ломовские де жители Андрея имъ облиховали, и они воры его Андрея убили Ст. Р., стр. 135.

обольстити ‘оклеветать’

... совѣща Казаньцемъ обольстити царя своего воеводамъ Московскими, стоящими въ граде Свияжскомъ, и возвѣсти на него измена велика Каз. лет., л. 96.

поклепати

поклепал тот Иван женишку мою напрасно воровскою рухледью твоему приказному человеку Хоз. Мор., № 450.

хвалити, похвалити

вечеряхъ с ним, похваляя ему нашу греческую вѣру Б. кл., стр. 287; Михайло Юрьевичъ... тебѣ, государю великому царю, службу мою похвалилъ Пер. 2 чел., л. 164 об.; другу хвали чюжу сторону, а самъ в нее ни по ногу П. XVII в., л. 337.

4. Дательный падеж адресата поощрения или препятствования

В дательном падеже стоит название лица (редко предмета), которого так или иначе поощряют, которое побуждают к тем или иным действиям, или же, наоборот, которому в чем-либо препятствуют. Дательный падеж этого типа по своему значению несколько приближается к дательному пользы и вреда при непереходных глаголах. На месте прямого дополнения обычно стоит инфинитив, который нередко в той или иной мере обособляется.

1) Дательный падеж при глаголах со значением допущения, позволения, способствования.

благоволити

Др.-р.: *благоволи богъ государю нашему царю, еже видѣти еже пречестныя мощи благовѣрнаго царевича Дмитрия Углецкаго въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ* Ин. ск., стл. 61; *докамѣсть богъ благоволить святей сей обитѣли стояти Вкл. кн. XV—XVIII вв.*, стр. 53; *донележе благоволит колесу сему создатель врашатися* П. XVII в., л. 321 об.

благословити

Др.-р.: *а не будетъ у котораго священника грамоты ставленныя, и язъ тому священнику не благословилъ служити въ своей архиепископы* Стр. I, стл. 164, 1520 г.

ослобнити, ослободити, освободити

Др.-р.: *се яз, князь великий Василей Дмитреевич, ослобнил есми отюю своему Фотию митрополиту... купити в Талше деревню...* Чер. № 226, 1420/21 г.; *и вы бъ пожаловали, ослободили Борису на меня деревья корѣльского доброго купити Рев. акты, № 16, 1525 г.; ослободилъ имъ камень дѣлати на тесанье и на известъ, сколько шумену надобно* Стр. I, стл. 169, 1521 г.; *освободи де мнѣ, государь, я де тѣхъ твоихъ измѣнниковъ не токмо что головы покусаю, и чрева изъ нихъ своими руками вытаскаю* Ин. ск., стл. 79.

поволити ‘позволить’

Др.-р.: *а что отецъ наш, князь великии, поволил своеи боярынѣ Марие Федоровѣ Голтяевѣ дати тобѣ свои села, и тобѣ тѣ села вѣдати по тому, как были за Марию Дог.* № 69, 1471 г.; *поволите нѣмцомъ поставити ропату по ихъ обычай и вѣрѣ* Лег. о божн., стр. 251.

попустити, попущати

Ст.-сл.: *многоуоумоу троудоу продлѣжити сѧ попоусти* Супр., стр. 529, 7—8.

Др.-р.: *бѣ не попусти лиху быти* Лавр. 1229 г., л. 156; *и больше сего о семъ... глаголати не попустихъ моему языку* Кур., Эп. I, стр. 1; *рабомъ же на господий толико попусти клеветати, яко и зѣти не смыюще на холопей* Авл. П., стл. 478; *за что ты, сыне божий, попустилъ меня ему таково болно убить тому?* Авл., л. 213; *в лености б пребывать им не попускать* Пос., л. 6 об.

съподобити

и мнѣ тако сподоби прияти страсть Ком. сп. Н. 1 л., 1015 г., л. 76.

2) Дательный падеж при глаголах со значением повеления, приказания, принуждения.

велѣти, повелѣти, повелѣвати

Ст.-сл.: *покели ми прѣжде іти Зогр., Мф. VIII, 21; азъ ти велѣ ѹзиди іж него Зогр., Mr. IX, 25; нѣстъ ми повелѣно Супр., стр. 310, 19—20.*

Др.-р.: *что ми велиши, и мои? Б. и Г., л. 9 об.; приступивъше сконьчаимъ повелѣное намъ Б. и Г., л. 12; не велить ти братъ починати рати, а всяко велить ти ся воротити Ип. 1159 г., л. 179; князь великий... повелѣль по всей старинѣ Пскову жити Пск. 2 лет., 1486 г.; тѣмже и всякому разногласию отнѣлъ далече быти повелеваемъ Стогл., л. 15; ... повеливают иноком пить вино в подобно время Стогл., л. 204; никакому деревянному строению возлѣ кладо-выхъ анбаровъ быть не велѣно Мат. ист. мед., стл. 880, 1676 г.; от своих трудов велѣ имъ сытымъ быть Г.-Эл., стр. 2.*

казати, наказывати, приказати, указати

Др.-р.: *Фрязи печальни бывъше за прѣслушание свое: не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь нѣмѣцкыи и папа римськии Н. 1, 1204 г.; Володимеръ же князь указалъ бяшеть своим воеводамъ тако Василкови и Желиславу и Дунаеви, не роспушати воевать, но пойти всимъ к городу Ип. 1281 г., л. 294 об.; и мало время минувше, укажетъ царь царевину отцу и матере, и всему чину ея половины, итти съ нею в той полату Кот., л. 11; какъ де прикажешъ мнѣ ходить, в рубашке ли по старому, или в платье облечись? Авв., л. 251 об.; слушай ево, и живи такъ, какъ онъ тебѣ наказываетъ первсты слагать и креститца, и кланятца, богу молясь Авв., л. 281.*

нудити, понуживати

Др.-р.: *сему же работати Июдѣемъ Персямъ нудящю, сему же на свободу изъвлекущю... Ип. 1111 г., л. 100 об.; се бо людемъ работати Персямъ нужаше Ип. 1111 г., л. 101; ты ми еси, брате, много понуживалъ, якоже положити честь на стрѣли своемъ... Ип. 1151 г., л. 153; всему бы множественному народу... в поизбелный ровъ во вѣки пасти понудилъ Нов. пов., стл. 204.*

3) Дательный падеж при глаголах препятствования, запрещения.

бранити (боронити), възбранити, възбраняти ‘препятствовать, запрещать’, иногда близко к ‘велеть’

Ст.-сл.: *іоанъ же възбранѣше ємоу Зогр., Мф. III, 14; не браните ємоу Зогр., Mr. IX, 39.*

Др.-р.: *а другымъ азъ бороню, не велю ити... Вопр. Кир., стл. 27; Антоний... князю Черниговскому многажды браняшеть ѣсти мясо въ гѣдѣскыѣ празднинки Лавр. 1147 г., л. 106; а яз, брате, не лиха хотя тебѣ бороню не ходити, но хотя ти добра Ип. 1159 г., л. 179;... бороня ему ити на помошь Мъстиславу Ип. 1219 г., л. 250 об.; хотяющу же королеви... по них ити, и возбрани ему Левъ Ип. 1256 г., л. 278 об.; хотѣ архиепископ Иона наложити на Псковичъ неблагословеніе, и митрополит Феодосій о том ему възбранилъ Пск. 2 лет., 1468 г.;... възбрани Дионисию не ити къ Царюгороду Сим. лет., 1377 г.; также сїнныя правила православ-*

кымъ хр̄стианомъ во всемъ возбраняют не брити брад и усовъ не постригати Стогл., л. 128; оный о законопреступномъ браку царю возбранялъ Кур. Ист., стл. 163.

заказати, заказывати ‘запрещать’, часто близко к ‘велеть’

Др.-р.: да имъ же, приказщикомъ, заказывать всѣмъ крестьяномъ, чтобъ они дворовъ и пашенъ не продавали Стр. II, стл. 669, XVII в.; выходъ крестьянамъ заказалъ Ук. Вас. III, 1607 г., стр. 56; и по помъ де онъ, Никонъ, эа патриарха Иоакима бога молить не заказывалъ Д. п. Н., № 100.

заповѣдати, заповѣдывати ‘предписывать’, ‘запрещать’

Ст.-сл.: чѣто вамъ заповѣдѣши Зogr., Mr. X, 3; се заповѣдашъ вамъ да любите дрѹгъ дрѹга Сав., л. 103 об.

Др.-р.: они ж заповѣдаютъ хр̄стианомъ в среду и в пятницу ручного дѣла не дѣлать Стогл., л. 145 об.; онъ, князь Самойло, для лекарства и для милостины къ нему ходить всякимъ людемъ не заповѣдавалъ Д. п. Н., стр. 371.

прѣти, запрѣти, приказывать, ‘запрещать’

Ст.-сл.: вѣстѧть земрѣти вѣтромъ і морю і бысть тишина велика Зogr., Мф. VII, 6; много прѣшташе імъ да авѣ творятъ его Зogr., Mr. III, 12; и запрѣти імъ да никому же не побѣдатъ елико же імъ тъ запрѣшташе они паче із лихъ проповѣдахъ Зogr., Mr. VII, 36; запрѣти іма гла блудѣта ни единому же не рѣцѣта Сав., л. 38 об.; вѣзѣниста... народи же прѣирахъ и ма да оумлѣчата Сав., л. 44 об.; своимъ властніж запрѣштахъ съмѣти Супр., стр. 310, 3—4.

Др.-р.: бѣсу же запрети, да не отидетъ от того мѣста Пут. Иоанна, стр. 245; а какъ видѣлся, и онъ ей запретилъ злымъ запрѣщениемъ, чтобы она на него не говорила ни съ кѣмъ Ин. ск., стл. 86.

зарешти (заречи) запретить

Ст.-сл.: зарече имоу да ник'даже сѧ не гавитъ Супр., стр. 36, 20.

‘отречи’ ‘отказать’, ‘запретить’

Др.-р.: Ярославичъ Ростиславъ с братьею... поидоша съ Гюргемъ, а не отрекоша ему Ип. 1152 г., л. 164; пианѣственое питие всѣм в конецъ отречено бысть по сѣннымъ правиломъ... Стогл., л. 207.

5. Дательный падеж при некоторых глаголах

Дательным падежом управляют некоторые переходные глаголы, стоящие вне рассмотренных четырех основных глагольных групп. Можно выделить дательный падеж предмета, который является косвенным объектом психического воздействия при нескольких глаголах обучения и наставления.

наказати, наказывати

Ст.-сл.: толѣ ли тѧ наказа оучитель повѣждъ ми Супр., стр. 411, 1—2; хотаишмоу ины наказовати нравоу доброу Гр. Б., л. 171-а.

Др.-р.: поучивъ о всѣхъ полезныхъ, наказавъ страху бѣжио... Стогл., л. 197 об.; также бы есте своихъ дѣти духовныхъ поучали и наказывали страху бѣжио Стогл., л. 123.

наставляти

Др.-р.: ... смысломъ бо господнимъ наставляема нраву добродѣтельному Уль. М., стр. 63.

учити и производные глаголы

Ст.-сл.: тѣ вы наоучитъ вѣсемоу Зогр., Ио. XIV, 26; пжти бѣжию вѣ истинѣ оучиши Сав., л. 45 об.; оучи ж иной вѣрѣ Супр., стр. 155, 6; оучить словеси истинноуоулю Супр., стр. 236, 19; оучааше и вѣсен мѣдрости Супр., 414, 8—9; покажимъ ченоу оны оучать вѣсове ченоу ли ны изоучаютъ Гр. Б., л. 281-в-г; висотѣ словесынѣи наоучи Гр. Б., л. 81-а.

Др.-р.: приходиша болгаре и хрестьяне, учаще тя ктоже вѣрѣ своеи Лавр. 986 г., л. 27 об.;... научивъ чернечьскому образу Лавр. 1051 г.; иде во Пѣсковъ... поучая закону божию Ком. сп. Н. 1 л., 1382 г.; учать их всякому рукодѣлью Аф. Н., л. 375 об.; отъ юности наученъ бѣ ратному дѣлу Каз. лет., л. 95 об.; лѣности и долгому спанию научиша тя Кур. Ист., стл. 269; какому рукоделию ученъ... Дом., л. 31;... многое дѣвы... изучила рукодѣлию и всякому домашнему обиходу Дом., л. 116 об.; кто тебя тому лекарству училь? Д. п. Н., стр. 355; дерево нѣмо, а вѣжиству учть П. XVII в., л. 339; алфавиту учать Никиту П. XVII в., л. 325 об.

Дательный падеж употребляется также при глаголах нудити, уподобити, съподобити.

нудити ‘принуждать’

Др.-р.: нудиша и многое безбожни проклятии татарове обычаю поганьскому Лавр. 1237 г., л. 162 об.

уподобити

Ст.-сл.: комоу же оуподоблѣ родось Зогр., Мф. XI, 16; чесомоу оуподобимъ црсие бѣже Зогр., Мр. IV, 30; оуподоблѣ его мѣжеви мѣдроу Сав., л. 32 об. Иногда в значении ‘удостоить’: вѣчноуоулю цѣсарьствѣ оуподобити ж Супр., стр. 153, 15—16.

съподобити ‘удостоить’

Ст.-сл.: разбоинника... толикоу добруу съподоби Супр., стр. 409, 21—22; мнозѣ славѣ съподобленоу... Гр. Б., л. 61-г.

Др.-р.: сподоби его богъ видению страшну Ком. сп. Н. 1 л., 1240 г.

Дательным падежом управляют также переходный глагол мѣстити и производные от него глаголы.

Ст.-сл.: мѣштж вгоу вашемоу Супр., стр. 32, 25.

Др.-р.: тако мѣсти имъ кровь христвиянская Н. л. 1, 1253 г.; ... хотѧ отмѣститъ измѣну изменѣнику, своему рабу, Казанскому царю

Махматемину Каз. лет., л. 16; никоєя же вины прошлые не мстити имъ Каз. лет., л. 48 об.; изволит гсдъ кому своему... недругу мстити недружбу... Улож., л. 76 об.

6. Дательный падеж при устойчивых словосочетаниях

Дательный падеж косвенного объекта встречается при устойчивых словосочетаниях, включающих переходные глаголы.

нами вѣрж ‘верить’

Ст.-сл.: *вѣрж имѣте ми яко азъ въ ѿци и ѿцъ въ мнѣ* Сав., л. 25.

Др.-р.: *а кто почнеть вадити к тебе, тому ти веры не яти* Н. гр. № 3, 1270 г.; *а холопу и робѣ на господаря вѣры не яти* Н. гр. № 7, 1304/05 г.; *вси яша ему вѣру* Лавр. 1071 г., л. 61; *Мстислав же ему имъ вѣру, не постави сторожовъ* Лавр. 1096 г., л. 86; *жаляхуся Володимерци, емше имъ вѣры и присязѣ ихъ* Ип. 1204 г., л. 246; *коему словеси вѣру яти?* К.-П. пат., л. 186 об.; *пояше вѣры Казаньцемъ* Каз. лет., л. 97; *лстивой и себѣ вѣры не иметь* П. XVII в., л. 354 об.

цѣловати кръсть ‘клясться’, ‘присягать’

Др.-р.: *нынѣ, кнїже Стославе, цѣлуи намъ хрѣстъ* Ип. 1146 г., л. 119; *ты ес(ъ) намъ хрѣстъ цѣловалъ, ако ти поити с нами на Иэяслава* Ип. 1148 г., л. 132 об.; *быль ты у великаго князя, а цѣловалъ еси ему крестъ на насъ* Сим. лет., 1477 г.; *а на томъ на всемъ яз, великии князъ Иван Федорович, целовавъ крестъ своему осподарю великому князю Витовту Дог.* № 25, ок. 1425 г.; *а владыка Смоленскыи Варсонофей целовалъ крестъ великому князю своимъ произволениемъ* Лъв. лет., 1514 г.; *на томъ слове князъ Семен суждальский снем с собе крест и целова москвичем Уст.* лет., 1382 г.; *ини же въ полцѣхъ крестъ имъ цѣловаша, ини же имъ не восхотѣша креста цѣловати* Ин. ск., стл. 40; *цѣловали крестъ измѣнику нашему Борису Годунову* Ин. ск., стл. 43.

* * *

Материал, обследованных памятников старославянского и древнерусского языков свидетельствует о том, что сильноуправляемый дательный падеж при переходных глаголах уже в древности служил для выражения тех объектных значений, которые свойственны ему и в современном русском языке. Изменения, которые могут быть отмечены, представляют собой преимущественно лексические изменения, касающиеся отдельных глаголов, управлявших дательным падежом.

Форма дательного падежа — основное и, в сущности, единственное грамматическое средство обозначения лица, которому нечто представляют. Особенно часто употребляясь в этом значении, дательный падеж получил и соответствующее название в грамматиках индоевропейских языков (*ботихъ, dativus*).

Поэтому синонимика дательного падежа адресата предоставления в старославянском и древнерусском языках весьма небогата. Из средств падежного синтаксиса, способных выражать близкие значения и заменять в известных случаях дательный падеж адресата предоставления, можно указать лишь на сочетание этого же падежа с предлогом *къ*.

В памятниках древнерусского языка дательный с предлогом *къ* встречается иногда при глаголах даяния: *вѣсти не дадуше... къ Мъстиславу* Н. 1, 1167 г.; *въздаша вѣсть к Гюриеви, рекуще...* Лавр. 1151 г., л. 110 об. В этих случаях предложное сочетание выражает, повидимому, то же самое значение, что и дательный адресата представления: обозначается лицо, которому нечто предоставляют. Такое употребление дательного с предлогом *къ* наблюдается лишь в древнейших памятниках; в памятниках XVI—XVII вв. при глаголах даяния употребляется лишь беспредложный дательный падеж косвенного объекта. Дательный падеж с предлогом *къ* обозначает главным образом предмет, в отношении которого достигается пространственная близость, выражает обстоятельственное значение места. При глаголах доставления он употребляется в старославянском и древнерусском языках наряду с беспредложным дательным падежом, но чаще всего именно с обстоятельственным оттенком значения. Ср.: *вдаша от дыма мечь и несона козари ко князю своему и къ старбиишинамъ своимъ* Лавр., л. 6. Здесь явно имеется в виду не столько вручение, предоставление, сколько достижение пространственной близости ('понесли, чтобы показать князю и старейшинам', т. е. доставить к ним). Однако пространственный и объектный оттенки значения при глаголах доставления сближаются: лицо, которому предоставляют что-либо, вместе с тем бывает часто и лицом, пространственная близость к которому достигается в результате действия предоставляемым предметом. Отсюда нередкие в древнерусском языке случаи постановки дательного падежа с предлогом *къ* при глаголах доставления там, где, судя по контексту, уместнее было в первую очередь не пространственное, но объектное значение: *вѣсть епархъ посла к нему, яко Русь на Цръгородъ идетъ* Лавр. 866 г. Подобные случаи встречаются и в более поздних памятниках: *да пришлите ко мнѣ бумашики, а здѣся и купить не достать* Стр. II, стл. 421, 1616 г. В последнем случае имеется в виду, конечно, представление посыпаного предмета лицу, обозначеному дательным падежом с предлогом, — уместнее постановка беспредложного дательного падежа.

С другой стороны, в древнерусском и особенно в старославянском языке при глаголах доставления наблюдается постановка беспредложного дательного падежа от названий лиц, в котором объектному значению сопутствует обстоятельственное значение (кому? к кому?). Более обычной в подобных случаях является постановка дательного падежа с предлогом: *прикѣсл къ немоу вѣсъны многы* Зогр., Мф., VIII, 16; др.-р.: *мастера доброго колоколного к намъ пришлите* Н. гр. № 55, 1435 г. Однако возможно было и употребление беспредложного дательного падежа. В обследованных памятниках старославянского языка нам встретилось 13 случаев беспредложного дательного падежа с несомненным обстоятельственным оттенком значения. Из памятников древнерусского языка мы привели лишь 5 случаев этого рода, притом обстоятельный оттенок значения в них отчасти сомнителен. Памятники старославянского языка отражают, повидимому, более древнее языковое состояние, с более широким применением беспредложного дательного падежа от названий лиц для выражения обстоятельственного значения места (куда? к кому?).

В старославянском языке дательным падежом адресата представления управляет те же глаголы, что и в древнерусском. Впрочем, есть

и некоторые отклонения. Так, глагол *пустити* в старославянском языке был, повидимому, одним из глаголов предоставления (*пустиша* *кмоу три съта златицъ*), в древнерусском же он не употребляется с дательным адресата предоставления. Круг глаголов, управляющих дательным падежом адресата предоставления, в древнерусском языке несколько шире, чем в обследованных памятниках старославянского языка, главным образом за счет приставочных образований. Постепенно этот круг еще более расширяется.

Дательным падежом адресата предоставления в древнерусском языке начинают управлять глаголы *жаловати*, *пожаловати*. До середины XV в. эти глаголы управляют лишь винительным падежом прямого дополнения и творительным орудия, сохраняя это управление и позднее, уже наряду с новоприобретенным управлением дательным падежом: *а на Козловъ бродъ слати ти своего данщика, тѣмъ тя есмъ пожаловалъ* Дог. № 11, 1389 г.; *пожаловала тебе мати моя, великая княгини, своею куплею Романовымъ городкомъ* Дог. № 70, 1473 г.; *а меня, ісѧрь, пожалуи Новыиъ городомъ* П. Р. Дж., стр. 94. С дательным падежом этот глагол встречается впервые в памятнике середины XV в., причем дательный падеж при нем еще не был дательным адресата предоставления (*а мои... отчинѣ вси пожаловал, отдал ми еси половину выхода на три года*), им обозначено лицо, к которому направлено полезное для него действие (дательный пользы и вреда). Лишь с конца XVI в. в обследованных памятниках встречаются случаи с дательным падежом косвенного объекта и винительным прямого дополнения, в котором стоит название „представляемого“ предмета. Одной из переходных ступеней к такому управлению является, повидимому, конструкция из глагола *пожаловати*, винительного падежа прямого дополнения (название лица) и родительного частичного объекта: *пожалуй меня для моей скудости на хоромишки лесу Хоз.* Мор., II, стр. 78.

Управление дательным падежом адресата предоставления и винительным представляемого предмета у глагола *пожаловати* (*жаловати*) появилось под влиянием управления глаголов передачи, вручения, предоставления. Употребляясь первоначально в значении, близком к „почтить милостью“, он требовал винительного падежа прямого дополнения от названия лица, которое представлялось объектом, непосредственно и целиком охваченным глагольным действием; в творительном падеже при этом глаголе стояло имя, обозначавшее нечто вроде орудия, средства, примененного для оказания воздействия на лицо. Поскольку средство пожалования, название которого стояло в творительном падеже, являлось часто и предметом, переходившим в распоряжение жалуемого лица (деревня, город, даваемый в кормление, и т. п.), легко устанавливались ассоциации с глаголами, управляющими дательным падежом адресата предоставления и винительным прямого дополнения. Отсюда — изменение значения глагола (вместо „почтить милостью“ — „милостиво предоставить“) и изменение управления в новом значении. Возможны были и ассоциации с непереходными глаголами, управляющими дательным падежом пользы и вреда. Отсюда — случаи непереходного употребления глагола *пожаловати* с дательным падежом в значении „оказать милость“ (по аналогии глаголов *благодѣти*, *льготити* и т. п.).

Подобные же ассоциации вызвали появление дательного падежа адресата предоставления при некоторых других глаголах, например,

при глаголе *кормити*, а также при глаголах *дарити*, *подарити*, *ссудити*. В обследованных памятниках глаголы *дарити*, *ссудити* не употребляются с дательным падежом адресата предоставления; возможно, что новое управление они получили уже после XVII в.

подарити

подариша посла верблудомъ Пск. 1 лет., А, 1465 г.; *Аннушка подарила Фрола Скобеева несколко червонных* Фр. Ск., стр. 62.

ссудити

нужного и болново и недостаточново ссудит... Дом., л. 75 об.

С дательным падежом адресата предоставления связан по своему происхождению дательный при глаголах отнимания. В обследованных памятниках старославянского языка он представлен лишь четырьмя случаями; при глаголах со значением „взять“, „отнять“ в старославянском языке чаще употребляются предложные сочетания, в особенности родительный падеж с предлогом *отъ*, например: *възѧтъ вѣдѣть отъ него* Зогр., Мф. XXV, 29; ср. также при возвратном глаголе: *і еже имать отъиметъ сѧ отъ него* Зогр., Мр. IV, 25. Предложные сочетания для обозначения лица, у которого что-либо отнимают, господствуют и в древнерусском языке; дательный падеж встретился лишь в Киево-Печерском патерике (4 случая). Случай дательного падежа при глаголах отнимания встречаются в языке Андрея Курбского, но они объясняются влиянием латинского языка: *аще оныи умъ, откуда тые совѣты произыдоша, мнѣ исторгъ бы еси...* Кур. Отв., стл. 144 (перевод с латинского — *si illam tentem, unde haec consilia tamarunt, mihi eripuisse...*). Дательный падеж при глаголах отнимания встречается в некоторых современных славянских языках. Е. Тимченко приводит случай из украинского языка: *одним людям щастє береш, а другим даруеш*¹; ст.-укр. (XVII в.): *отняти хлѣбъ дѣтемъ* Перест., стр. 110.

Дательный падеж адресата предоставления сохранился в современном русском языке и в других славянских языках как один из основных типов приглагольного дательного падежа.

Дательный падеж адресата причинения в старославянском языке встречается главным образом при глаголе *творити* и производных от него. В памятниках древнерусского языка им в равной мере управляют и некоторые другие глаголы, в том числе *чинити* с производными (дательный адресата причинения при этом глаголе в обследованных памятниках старославянского языка не встретился). Дательный адресата причинения обладает более богатой синонимикой, чем дательный адресата предоставления. Близкое значение в памятниках древнерусского языка передают сочетания предлога *на* с винительным и местным падежами: *а не како похваляться тобою злии дуси, яко побѣдивъше тя и бѣду на тя створьше* Ф. Печ., л. 44 об.;...*брать твои Александръ дѣяль насилие на Новгородѣ...* Н. гр. № 2, 1266 г. В памятниках XVII в. при глаголе *чинити* нередко встречается предложное сочетание *надъ* с творительным падежом в значении, близком к значению лица (предмета), которому нечего причинять: *сами видите, что они нынѣ надъ нами чинять* Нов. пов., стл. 200;...*чтобъ Литовские люди, пришедъ безвѣстно, надъ твоимъ государевымъ*

¹ Е. Тимченко. Ук. соч., стр. 33.

городомъ дурна которого не учинили... Стр. II, стл. 465, 1618 г. Дательный падеж с предлогом *къ* по выражаемым им значениям не соприкасается с беспредложным дательным адресата причинения. В современном русском языке этот тип дательного падежа встречается при глаголах *причинять* и *делать*.

Конструкции из глаголов причинения, отглагольных имен и дательного падежа („учинить ему смертная казнь“) изредка встречаются в старославянском языке и в древнейших памятниках русского языка; они получают широкое распространение в языке русской деловой письменности XVII в., а затем уходят из употребления. Они близки по своему характеру к конструкциям из глагола *бывати*, отглагольного имени и дательного падежа (*а бывають мужскому полу смертные всякие казни* Кот., л. 171), также широко распространенным в памятниках русского языка XVII в.

В дательном падеже адресата *сообщения* между старославянским языком и древнерусским языком старшего периода также нет существенных различий. В обследованных нами старославянских памятниках дательный адресата *сообщения* не встретился при глаголе *молвити*, весьма обычном в древнерусском языке. В древнерусском языке в значении *сообщения* специализируются некоторые глаголы от корня *-каз-*, например, *съказати*, который в памятниках старославянского языка употребителен еще в значениях „разъяснить“, „показать“ и „велеть“, „указать“. С конца XIV в. с дательным падежом адресата *сообщения* встречается в древнерусском языке глагол *говорити*, приходящий на смену общеславянскому по происхождению глаголу *rечи*.

Из синонимических средств падежного синтаксиса в старославянском и древнерусском языках следует отметить прежде всего дательный падеж с предлогом *къ*, широко распространенный при глаголах *сообщения* наряду с беспредложным дательным падежом. Приведем некоторые примеры на употребление этого предложного сочетания.

глаголати

Ст.-сл.: *Фарисеі глахъ къ оученикомъ его по что съ мытары и грѣшники оучитель вашъ истѣ* Сав., л. 35 об.; *гла же къ зѣванымъ притѣжъ* Сав., л. 62; *вес притѣжъ ничтоже глаше кѣнимъ* Зогр., Мф. XI, 2—5.

Др.-р.: *сии же... глаше къ князю добре съвѣтъ боугодињъ* Б. и Г., л. 20.

решти (речи)

Ст.-сл.: *отъвѣштавъ же ис рече къ немоу останы пынѣ* Зогр., Мф. III, 15; *рѣша къ сенѣ съ класвилисаѧть* Зогр., Мф. IX, 3.

Др.-р.: *рече к прозвутеру своему: вѣставъ начини заутрѣнюю* Б. и Г., л. 11.

В памятниках старославянского языка мы отметили употребление дательного с предлогом *къ* также при глаголах *вѣдовати* (Сав., л. 51 об., Зогр., Лк. VIII, 19), *вѣпити* (Сав., л. 65), *отъвѣштати* (Зогр., Мр. XV, 5), *вѣзвѣстити* (Супр., стр. 100, 14—15). В памятниках древнерусского языка дательный с предлогом встречается при тех же глаголах, а кроме того при глаголах *говорити*, *вскликати*, *вскричати*, *исповѣдати*, *молвити*, *промолвити*: *къ нимъ де я вскрикаль, кто*

они... Стр. II, стл. 299, 1614 г.; осреди побои вскричалъ я к нему: полно бить-тово! Авв., л. 213; говоритъ къ посломъ рѣчь думной Диакъ Кот., л. 91 об.; онъ къ тобѣ въсходеть все исповѣдати, любя тя Вопр. Кир., стл. 56; се молвилъ Василко си ночи к Уланови и Колчи, реклъ тако... Лавр. 1097 г., л. 89; а къ самому къ нему кто что ни промолвитъ, а онъ того не слышаще Сим. лет., 1441 г.

В приведенных примерах дательный с предлогом *къ* используется в полном соответствии с беспредложным дательным адресата сообщения. В постановке дательного с предлогом при глаголах говорения иногда видят влияние греческого языка, проникшее в русский литературный язык старшей поры через посредство старославянского языка¹. Однако такой взгляд представляется совершенно необоснованным. Дательный с предлогом встречается в памятниках древнерусской письменности не только при тех глаголах говорения, которые употребительны и в старославянском языке и в управлении которых могло отражаться греческое влияние; он встречается и при других глаголах (хотя и реже), притом в памятниках самых различных жанров, вплоть до актовой письменности. Поэтому можно считать, что постановка дательного падежа с предлогом при глаголах сообщения (в первую очередь — говорения) является славянской синтаксической особенностью, возникшей независимо от какого-либо внешнего влияния. Возможно, что применение предлога первоначально вносило некоторый особый оттенок значения; может быть, подчеркивалась обращенность действия в сторону того или иного лица, и *молвить къ кому* обозначало что-то близкое к „молвить, обратившись к кому-либо“, „молвить в сторону кого-либо“, подобно тому как *зърѣти к чѣму* обозначало „смотреть в сторону чего-либо“ (прилѣжъи зърѣхъ к немоу Супр., стр. 34, 19—20). Близость обоих значений (лицо, являющееся адресатом сообщения, и лицо, в сторону которого обращено действие сообщения) создала возможность использования дательного с предлогом вместо беспредложного дательного падежа при глаголах словесного сообщения.

Применение предлога *къ* при глаголах сообщения наблюдается особенно часто в древнейших памятниках русского языка; впрочем, беспредложный дательный падеж постоянно господствует. В современном русском языке дательный с предлогом при глаголах говорения не употребителен.

Особо следует отметить древнерусское управление глагола письменного сообщения *писати* и производных. В отличие от глаголов говорения, обычно употреблявшихся с дательным падежом без предлога, глаголы письменного сообщения в древнерусском языке управляют дательным с предлогом *къ* и лишь в редких случаях имеют при себе беспредложный дательный падеж. Некоторые примеры: *послѣ же въписа къ нему епистолию* Ф. Печ., л. 58 об.; *а о нужных дѣлах пишутъ съ слугами къ ст҃лю* Стогл., л. 191 об.; *о томъ отпишутъ къ гѣдрю* Улож., л. 80. Управление беспредложным дательным падежом становится обычным для этих глаголов лишь после XVII в.

Некоторые глаголы говорения в старославянском и древнерусском языках могут иметь при себе творительный падеж с предлогом *съ*.

Ст.-сл.: *бесѣдоуя съ нимъ* Супр., стр. 25, 5.

¹ См. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, I. М., 1952, стр. 7, 11, примечания.

Др.-р.: *а в цѣркви ни с кѣмъ не бесѣдовати Дом.*, л. 18 об.; *а ныне нам с вами с пашами и говорит(ъ) не с кем Аз.*, стр. 141; *молѣвте с нимъ Ип.* 1229 г.; *богатъ шепчетъ с кумою, а убогъ с сумою* П. XVII в., л. 328 об.

Получая управление творительным падежом с предлогом *съ*, глаголы сообщения перестают быть таковыми: основное внимание обращается на совместность или взаимность действия. В современном русском языке глаголы *беседовать*, *разговаривать* управляют лишь этим предложным сочетанием, оторвавшись от глаголов сообщения, имеющих при себе дательный падеж.

Глагол *кричать* в „Житии“ протопопа Аввакума встречается один раз с винительным падежом и предлогом *на*: *хотѣлъ на Пашкова кричать: прости!* — да сила божия возбранила, велено терпѣть Авв., л. 215. Подобные случаи отмечаются и в современных русских говорах. Н. П. Гринкова приводит из говоров Воронежской области следующие примеры: *гavarить на лакея, вот пападъя на папа гavarить, на змея гavarить, ка жану, запрягай — на кучера*¹. Это же управление отмечено и в современных белорусских говорах: *небох каже на дзяцка — давай украдам вала*². В основе использования предлога *на* с винительным падежом при глаголах сообщения лежит тот факт, что как данное предложное сочетание, так и беспредложный дательный падеж (и дательный с *кѣ*) указывают направление действия в сторону того или иного предмета.

При некоторых глаголах сообщения беспредложный дательный падеж в истории русского языка соприкасается по употреблению с винительным и родительным падежами. С винительным падежом встречается глагол *разговаривать*: *и вторично пришел к нему столник Ловчиков и нача его разговариват(ъ), чтобы вскоре не учинил докладу к государю* Фр. Ск., стр. 66. В данном случае имеется в виду не сообщение, но интенсивное словесное воздействие на лицо. При этом глаголе винительный падеж прямого дополнения не закрепился. Управление винительным падежом приобретает в XVI—XVII вв. глагол *извѣстить*, теряя при себе дательный падеж адресата сообщения: *и да извѣстит нас блаженый Давыд по толицех на иноплеменники побѣдах* глаголя: *не на лукъ бо мой уповати буду...* М. Гр. Посл., стр. 113; *...какъ тебя, государя, объ насъ богъ известить* Д. А., стл. 422, 1633 г.; *...чем тебя, государя, бог известит Хоз. Мор.*, № 466; и они, *по ево Дорофееву приказу, иеромонаха известили* Д. п. Н., стр. 312. Однако управление винительным падежом при этом глаголе окончательно закрепляется уже после XVII в.

Глагол *должити* в памятниках древнерусского языка обычно управляет родительным падежом: *Пименъ митрополитъ выѣха съ Москви...* князя великого утасивъся и не доложа его... Сим. лет., 1388 г.; *псадникомъ доложить господина Пскова на вѣчи...* Пск. судн. гр., л. 13; *доложа судии помирятся Суд.* 1497 г.; *доложи государыни о томъ Стр. II, стл. 697, 1626 г.; ...велѣлъ по дѣлу доложить себѧ государя окольничему...* А. гр. р. № 110, 1642 г.; *докладывати: о томъ докладывать государя...* А. гр. р. № 24, 1625 г.; *докладывалъ онъ ключарь Иевъ о томъ патриарха* Д. п. Н., № 40. Лишь в конце XVII в. *должити* (*докладывати*) начинает управлять дательным адре-

¹ Н. П. Гринкова. Ук. соч., стр. 131, 136.

² Н. В. Бирилло. Говоры Краснослободского р-на Бобруйской обл. (Автореферат диссертации). Минск, 1953.

сата сообщения. Родительный падеж при *должити* первоначально имел, вероятно, достигательное значение; позднее он стал обозначать лицо, которое уведомляют. Постановка же дательного падежа вызвана сближением с глаголами сообщения.

Что касается глагола *извѣстити*, то он теряет при себе дательный адресата сообщения вследствие сближения с глаголами, которые обозначаемое ими действие представляют охватывающим свой объект непосредственно и полно (ср. *избить*, *изрезать*). Глагол приобретает значение „уведомить“, „сделать сведущим“ и требует винительного прямого дополнения.

Действие внушения в старославянском и древнерусском языках не обозначалось каким-либо одним глаголом: значение внушения приобретали в известных случаях несколько глаголов с приставками *въ-*, *на-*, в бесприставочном виде не управлявшие дательным адресата сообщения. Глаголы с приставкой *въ-* нередко сохраняют при этом обусловленное наличием этой приставки управление винительным падежом с предлогом *въ*: *бѣси бо... влагають помыслъ въ члѣка...* Лавр. 1071 г., л. 60; *вложи бѣ мысль добру въ русьскыѣ князи* Лавр. 1102 г., л. 93; *дияволъ всѣть въ нихъ гордость и неправду* Пер. Царьгр., л. 148 об. Дательный падеж при подобных глаголах представляет собой вторичное явление; он появился не без влияния глаголов сообщения, может быть, и глаголов предоставления и передачи. В дальнейшем в русском языке на обозначении действия внушения специализировался глагол *внушить*; он полностью потерял свое старое конкретное значение „ввести в уши“ и в этом отношении был удобнее, чем глаголы, выражавшие это значение в старославянском и древнерусском языках.

В дательном падеже при глаголах показа особенных изменений в истории русского языка не наблюдается. Примыкающие к глаголам показа глаголы положительного или отрицательного истолкования (*хвалити*, *оклеветати*), встречающиеся с дательным падежом лица в памятниках XV—XVII вв., отчасти вышли из употребления, отчасти потеряли управление дательным падежом. При глаголах *хвалить*, *оклеветать* в современном русском языке для показания лица, к которому имеет отношение глагольное действие, применяется творительный падеж с предлогом *перед*.

Дательный падеж адресата сообщения сохранился в современном русском языке и в других славянских языках как один из основных типов приглагольного дательного падежа. Однако дательный адресата сообщения все же представляется менее устойчивым, чем дательный при глаголах предоставления; здесь наблюдается более богатая синонимика, причем синонимические средства падежного синтаксиса в некоторых случаях вытесняют дательный падеж; в современных славянских языках и говорах наряду с беспредложным дательным падежом для обозначения лица, которому нечто сообщается, нередко применяются и другие грамматические средства. В говорах русского и белорусского языков в качестве синтаксического синонима выступает винительный падеж с предлогом *на*. В западнославянских языках, отчасти в сербском и в украинском, в качестве синтаксического синонима выступает сочетание родительного падежа с предлогом *до*. Например, ст.-укр.: *писал до них, абы с тым ихали до него* Перест., стр. 109.

Дательный падеж адресата поощрения или препятствования в древнерусском языке отличался, сравнительно со старославянским языком, лишь более широким кругом управляющих им глаголов. Многие гла-

голы, при которых в памятниках древнерусского языка встречается дательный адресата поощрения или препятствования, в современном русском языке уже не употребительны (*заказывати*, *заповѣдати*, *боронити*, *съподобити*, *поволити*, *ослобнити*). Некоторые из них сохранились со старым управлением в украинском языке, например *боронити*: *чи я тобі, мій синочку, того боронила*¹.

В истории русского языка дательный адресата поощрения или препятствования соприкасается главным образом с винительным падежом. Так, в памятниках встречаются с винительным падежом (при сохранении управления и инфинитивом) глаголы *благословити*, *попустити*, *съподобити*, *нудити*. При глаголе *нудити* винительный падеж встречается уже в старославянских памятниках: *почто мѧ ноудиши Супр.*, стр. 170, 19—20; *ноудите мѧ Супр.*, стр. 178, 3; *понудити*: кто *оуко поноуди жидовъ жрѹти велїщегою* Супр., стр. 127. Поскольку в старославянских памятниках этот глагол с дательным падежом лица не встретился, можно предположить, что употребление его с дательным адресата поощрения — особенность древнерусского глагольного управления. Управление винительным падежом лица для этого глагола устанавливается, повидимому, к XV в. В Ипатьевской летописи глагол *нудити* (*понужвати*, *понудити*) употребляется как с дательным, так и с винительным падежом: *короля понудь, ать мя примет* Ип. 1152 г., л. 162 об.; *ляхи же нудяще ъхати ко граду...* Ип. 1254 г., л. 275 об. В позднейших памятниках употребляется лишь винительный лица при глаголе *нудити* (при единичном случае с дательным падежом в так наз. „Новой повести“ начала XVII в.). При глаголе *попустити* винительный падеж начинает встречаться в памятниках с XVI в.: *не попустиль ихъ богъ быти въ покою* Кур. Ист., стл. 228; *для чево онъ ево, Никона монаха, попустиль такия противности чинить?* Д. п. Н., № 94; *благословити*: *язъ ихъ благословилъ на старомъ мѣсте новую церковь поставити* Стр. I, стл. 560, 1578 г.; *съподобити*: *тако и мене сподоби прияти стрѣль* Лавр. 1015 г., л. 46.

Колебания между винительным и дательным падежами при этих глаголах объясняются тем, что обозначаемое ими действие может быть представлено не только как действие, охватывающее объект, являющееся интенсивным воздействием на этот объект, но и как действие, лишь направляющееся к объекту. Переходность этих глаголов в тех случаях, когда они имеют при себе дательный падеж адресата поощрения или препятствования, подчас весьма сомнительна; вместо прямого дополнения при них стоит инфинитив, который, как известно, может зависеть и от глагола, неспособного иметь при себе дополнение в винительном падеже (например, *помочи*). Поэтому случаи дательного адресата поощрения и препятствования в общем весьма близки к случаям дательного падежа при непереходных глаголах (дательный пользы и вреда).

Некоторые глаголы, теряя окончательно переходность, т. е. лишающиеся способности иметь при себе помимо дательного падежа еще инфинитив, начинают управлять дательным падежом пользы и вреда. Повидимому, такова была судьба глаголов *благоволити* и *претити*, которые в значениях „быть расположенным (к кому-либо), содействовать“ и „угрожать“ неспособны иметь при себе инфинитив. Первый из

1 Е. Тимченко. Ук. соч., стр. 37.

этих глаголов с дательным падежом пользы встречается и в современном русском языке; второй также сохранился, но с измененным значением „быть противным“ и преимущественно в безличном употреблении.

Из древнерусских глаголов разрешения в современном языке с дательным падежом не употребляется, в сущности, ни один. Современные глаголы разрешения *разрешить*, *позволить* сравнительно позднего происхождения. Первый из них в памятниках до XVII в. встречается лишь в конкретном значении „развязать, освободить“; второй — в памятниках русского языка вовсе не встретился, но представлен в староукраинском языке (XVII в.): *што папеж им позволилъ Перест.*, стр. 109; *почали мясо ѣсти и по сей день ядят и иным чернцом позваляют Перест.*, стр. 109.

Дательный падеж косвенного объекта при глаголах обучения сохранился в нескольких случаях и в современном русском языке (*учить*, *обучить*, *обучать*, *научить*). В древнерусском языке глаголы обучения иногда имеют при себе и другие виды дополнения. Так, в Домострое встречается родительный падеж при глаголе *изучити* „обучить“: *изучихъ хто чево достоинъ: многихъ грамотъ и писати и пѣти, иныхъ иконного писма, инѣхъ книжного рукодѣлия, овѣхъ серебреново мастерства, и иныхъ всякихъ многихъ рукодѣлеи* Дом., л. 116 об. При глаголах обучения нередко наблюдается дополнение в местном падеже с предлогом *о*: *поучивъ я, еже о спсении дши* Ф. Печ., л. 47; *учащеть я о мѣстни къ убогымъ* Лавр. 1091 г., л. 71; *учити о всякомъ блгочестии и чистотѣ* Стогл., л. 164. Это управление возникло, вероятно, под влиянием управления глаголов говорения и сообщения. Глаголы *научити*, *наставляти* в древнерусском языке младшего периода управляют иногда винительным с предлогом *на*: *той бо на вся блага научить* Кот., л. 15; *учить его учали, наказыват(ь), на добрыя дѣла наставлять* Г.-Зл., стр. 3.

Наконец, отметим некоторые моменты, связанные с управлением дательным падежом выражениями *яти вѣру* и *цѣловати крестъ*. Первое встречается с дательным падежом вплоть до XVIII в., затем вообще уходит из литературного языка. Второе до XV в. употреблялось почти исключительно с сочетанием дательного падежа и предлога *къ*: *Всеволодъ же цѣлова к нему крестъ* Ип. 1140 г., л. 113 об.; *а князь великий тогда Василий Васильевичъ къ дѣду своему князю Витовту и крестъ поцѣлова, что ему не помогати по Новѣгородѣ, ни по Псковѣ* Пск. 2 лет., 1428 г.; *целуйте ко мнѣ крестъ* Дог. № 27, 1433 г. Беспределожный дательный падеж появился, вероятно, под влиянием глаголов *обѣщати* и подобных.

Б. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛАХ

В разделе дательного падежа при непереходных невозвратных глаголах мы рассматриваем случаи употребления дательного падежа при глаголах, которые искони управляли лишь дательным падежом косвенного объекта и не имели прямого дополнения, а также случаи его употребления при глаголах, бывших некогда непереходными, но получивших позднее управление винительным падежом, форму которого приняло имя, стоявшее раньше в дательном падеже, — и случаи при некоторых глаголах, переходных в обычном употреблении, при которых

в отдельных случаях вместо формы винительного падежа стоит форма дательного падежа.

Среди многочисленных случаев употребления дательного падежа при непереходных невозвратных глаголах можно выделить несколько групп в зависимости от значения, выражаемого формой дательного падежа, в связи с определенными лексико-грамматическими значениями управляющих глаголов.

1. Дательный падеж пользы и вреда

При целом ряде непереходных глаголов форма дательного падежа употребляется для обозначения лица, к которому направлено действие, являющееся полезным или вредным, приятным или неприятным для этого лица, способствующим или мешающим ему. Управляющие этим дательным падежом глаголы семантически связаны с некоторыми глаголами, имеющими при себе и винительный, и дательный падежи дополнения. Так, переходный глагол *нудити* ассоциируется с непереходными глаголами вредного или неприятного для лица действия, глаголы полезного или приятного действия передают значения, близкие к значению рассмотренного в предшествующем разделе глагола *благоволити* и т. п. Бывают случаи, когда один и тот же глагол с несколько иным оттенком значения и в непереходном употреблении управляет дательным падежом пользы и вреда, сохраняя управление дательным адресата поощрения или препятствования в переходном употреблении.

1) Дательный падеж при глаголах способствующего, полезного, приятного для лица действия. Может быть выделена небольшая группа случаев при глаголах со значением оказания помощи.

помошти (помочи), помагати, спомочи, подмочи

Ст.-сл.: *помози ми* Зогр., Мф. XV, 25; *да никъгоже къзможеть помошти кама* Супр., стр. 2, 18—19.

Др.-р.: *гви предъстоита и молитвою помозѣта ми* Б. и Г., л. 15 об.; *аже кто не вложиться въ дикую виру, тому людье не помагаютъ, но самъ платить* Р. Пр., л. 616; *поможе богъ Изыславу* Н. 1, 1146 г.; ...не помогати имъ колыванцемъ и раковорцемъ Н. 1, 1269 г., л. 144; *поможе имъ бѣ и стая бѣца на Болгары* Лавр. 1164 г., л. 118; *ужика ми и сватъ еси, помози ми на Чехы* Ип. 1254 г., л. 275; *николиже ко вепреви и ни к медвѣдеве не ждаше слугъ своихъ, а быша ему помогли* Ип. 1287 г., л. 299 об.; ...*той съ нами споможетъ на безбожныхъ Измаилтіанъ* сроднику нашему царю Жит. Ал. Н., стр. 115; *помози намъ во время браны Каз.* лет., л. 141 об.; *в злое время никто ему не поможетъ* Дом., л. 44; *нужного и болново и недостаточново ссудит, и подможет кому, какъ пригоже* Дом., л. 75 об.; *болному злата кровать не поможетъ* П. XVII в., л. 327.

пособити, пособляти, пособъствовати

Др.-р.: *спѣающа и заступающа и пособъствующа быста има* Б. и Г., л. 23; *пособи бѣ кнѧю великому Мъстиславу* Сузд. Ак. 1219 г.; *врекаетсѧ ли пособити намъ противу великого князя?* Пск. 2 лет., 1471 г.; *пособляти ему намъ везде, где будетъ ему надобе* Дог. № 54, 1449 г.; *да не безъ ума Полский и Литовский король ему пособляетъ* Ин. ск., стл. 40.

постѣвати ‘помогать, способствовать’

Др.-р.: *потом же возвратистася от Кондрага в дом свои с честью, бу постѣвающю има* Ип. 1229 г., л. 257; *видивъ же се кнѣзь Данило, яко бу постѣвающу мѣсту тому, нача призывати приходаѣ Нѣмцѣ и Русь* Ип. 1259 г., л. 281 об.

Дательный падеж лица, к которому направлено полезное или приятное для него действие, при других глаголах.

благодарити

Ст.-сл.: *благодарж ти оче яко слыша мене* Супр., стр. 309, 7; *благодарж ти яко слыша мене* Супр., стр. 309, 12—13.

благодѣяти ‘благодетельствовать’

Др.-р.: *... ему бологодѣлъ и хоронилъ товаръ его...* Р. Пр. л. 620; *слава богу, благодѣющему мнѣ, яко сподобилъ мя богъ братию въ очи видѣти* Девг. д., стр. 128.

благотворити

Ст.-сл.: *аште благотворите благотвориши мъ камъ какъ камъ увала естъ* Зогр., Лк. VI, 33.

доброхотати ‘желать добра’

Др.-р.: *молят за ны бга и доброхотают намъ всегда* Дом., л. 116.

дружити, издружити ‘оказывать дружеские услуги’

Др.-р.: *а коли ваше слово придетъ к намъ, и мы такоже хотимъ вамъ дружити, сусѣдамъ своимъ* Н. гр. № 50, 1410/11 г.; *к нимъ бы есте не приставалъ..., а тымъ бы есте намъ издружилъ* Н. гр. № 50, 1410/11 г.; *всякому судие посула от суда не имати никому, и судомъ не мстити, ни дружити никому* Суд. 1497 г., стр. 3; *Исламъ царевичъ хочетъ великому князю дружити прямо* Лѣв. лет., 1537 г.; *рядци его болшие Казанцемъ дружаху и поноровливаху Каз.* лет., л. 54 об.; *многие воини дружаху еретику ростригѣ* Ск. о Гр. Отр., стл. 735; *нивчемъ другу не дружити, а недругу не мстити* Улож., л. 93; *онъ, Петръ, у тебя, государя, близокъ:... дружа ему или блюдясь ево, сю мою чelобитенку до тебя, государя, не донесутъ...* Изв. чел.

жърѣти, пожърѣти ‘делать жертвоприношения’

Ст.-сл.: *пожърти вогомъ* Супр., стр. 2.

Др.-р.: *жърутъ бѣсомъ и болотомъ и кладяземъ* Отв. Иоанна, стл. 7.

здравствовати, поздравствовати ‘желать здоровья’

Др.-р.: *здравствоваша ему на его богомъ дарованной ему отчине, на Казанскомъ царствии* Каз. лет., л. 164; *поздравствуй ему отъ меня великимъ здравиемъ* Девг. д., стр. 132.

лагодити ‘потворствовать’

Др.-р.: *ни питью, ни ѣденю не лагодите, ни спаню* Лавр., Поуч. Мон., л. 80 об.; *Александъ же лагода коневи правляше ему путь Алекс., л. 328 об.*

льготити, полъготити ‘давать льготы’, ‘облегчать положение’

Др.-р.: *а изъ московскихъ и изъ заукраиныхъ городовъ посадцкие люди многие, льготя себѣ, что имъ въ городѣхъ податей никакихъ не платить, привѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ и по городомъ Стр. II, стл. 500, 1619 г.; а для вашего монастырского разоренья пожалуемъ васъ, во всемъ вамъ велимъ полъготити Стр. II, стл. 166, 1609 г.*

норовити, поноровити, уноровити ‘поступать в угоду (кому-либо)’

Др.-р.: *какъ приходилъ царь къ Москвѣ и Москву царь зже гъ, и Иванъ да Федоръ Шереметевы на Москвѣ пушки заливали, норовя Крымскому царю Кр. п. кн.; и поноравилъ имъ великого князя воевода Иванъ Руно, и отбилъ силу Московскую отъ воротъ градныхъ прочь Каз. лет., л. 24; поучати мужу своя жена, какъ бѣ угодити и мужу своему уноровити Дом., л. 3; посоловъ и поминковъ не имати и не норовити никому ни въ чемъ Д. Т. Пр. 2, стл. 247, 1594 г.; никому нивчемъ ни для чего не норовити Улож., л. 93.*

облыгъчавати

Ст.-сл.: *мнѣ бо облыгъчаваєтъ отъ лжкъ* Супр., стр. 4, 10—11.

ослабити, ослабляти, послабити ‘облегчить’

Ст.-сл.: *ослабите ми мало* Супр., стр. 30, 23; *онъ же не ослабыше имъ нѣ прѣвываше какж и глагола* Супр., стр. 33, 25—26; *да ослабитъ имъ отъ многымъ болѣзни* Супр., стр. 39, 16—17.

Др.-р.: *Адамъ же моляшеся и плакашеся и глаголя: послабите намъ, егда како умилосердится господь о насъ Адам, стр. 3; моляше брату своему: кня(э) Дмитреи, не ослабляи, княз(ъ) великии, татаромъ, поганши поля наступаютъ, отимаютъ отчину нашу Зад., л. 218 об.*

пользовати ‘приносить пользу’

Др.-р.: *ничто же пользование ему К.-П. пат., л. 194; есть трава царская... и та трава угодна въ дому своемъ, и животу человѣку пользуетъ Травн., стр. 11; листвие и стеблие дикия рѣтки варено и приято вельми пользуетъ стомаху болѧщему Верт., стр. 31; сокъ же тое рѣдъки... пользуетъ тѣмъ, кои окормлены суть Верт., стр. 31.*

потакати, потачити

Др.-р.: *не приложе такимъ потакати, о царю!* Кур., Эп. I, стл. 8; *намъ, всей братъи и вкладчикомъ, никоторому брату или службѣ своему, кто учнетъ какое безздѣлье чинити, по сыску не въ чомъ не потачити Стр. II, стл. 64, 1606 г.; приказной де человек... им на всякое дурно потакает Хоз. Мор., № 29.*

праздновати

Др.-р.: *начаша праздновати всѣмъ Новымъ градомъ честному и милостивому Знамению святыхъ богородица Пск. 2 лет., 1169 г.; празднують шиху Аладину Аф. Н., л. 376; тако сътвориша праздновати пренесению святого Сим. лет., 1472 г.; и тебе бы въ нынешнее воскресение велеть священникомъ праздновать пророку Илье Хоз. Мор., № 275.*

привѣтствовати

Др.-р.: все друзья его ему привѣтствуют Сим. П., стр. 103.

прияти, поприяти, съприяти ‘ощущать приязнь’, ‘оказывать услуги’

Ст.-сл.: крестьянамъ прията Супр., стр. 212, 16—17.

Др.-р.: поприяти ми Лавр. 980 г., л. 24; прияте ли ми всѣмъ срдцемъ? Лавр. 1015 г., л. 45 об.; съпрыяя ему кумъ тысячкои его: княже, хотять тя яти Ип. 1140 г., л. 113 об.; кнѧю своему прияите всѣмъ срдцемъ и властелемъ своимъ Дом., л. 11.

прямити

Др.-р.: княземъ русскимъ радѣйте и во всемъ имъ прямите Бес., стр. 2.

работати, поработати ‘быть въ рабстве (у кого-либо)’, ‘служить (кому-либо)’

Ст.-сл.: икы же рабъ не можетъ деѣма г҃ма работати Зогр., Мф. VI, 24; *се колико лѣтъ работахъ тѣхъ* Сав., л. 69.

Др.-р.: долѣжни есмы работати г҃би, радующеся ему Лавр. 988 г., л. 41 об.; *да пребудеши посредѣ братья, работая тѣмъ* К.-П. пат., л. 154 об.; *паче хѣ изволисте диаволу работати* Стогл., л. 203 об.; *хто чему позавидуетъ, томъ тому и поработаетъ* П. XVII в., л. 375; *хто чему позавидуешь, тому и поработаешь* П. XVII в., л. 378 об.

радѣти, порадѣти. Значение близко къ ‘заботиться’

Др.-р.: княземъ русскимъ радѣйте Бес., стр. 2; *дарятъ иноковъ селы и волости со христианы, радѣючи чудотворцамъ и святыму мѣсту* Бес., стр. 26; *кто сколко порадѣетъ царю Василью...* Пск. 1 лет., А, 1606 г., стр. 322; *и во всемъ бы ему, Любиму, мне радеть и прибыли искать Хоз.* Мор., № 97; *мне не радеешь и прибыли не ищеш Хоз.* Мор., № 360; *и мы, богомольцы твои, радев дому святому, меж собою присоветовали, что и(с) тое пенки свить веревки долги да толсты Кал.* чел., стр. 120.

слуговати

Ст.-сл.: ногомъ вашимъ не слѹгѹюмъ Супр., стр. 129, 14—15; *призѣка юдного овѣчнѣ слѹгѹюшталго юмоу льва* Супр., стр. 558, 4—5.

служити, послужити

Ст.-сл.: не можетъ во вѣѣ служити и мамонѣ Сав., л. 33 об.; *аѣли пристжпиша і слѹгѹлахъ юмоу* Зогр., Мф. IV, 11.

Др.-р.: вѣсѣда служаще ему Ф. Печ., л. 64; *здума Андрѣи княз(ы) Ярославич съ своими бояры бѣгати, нежели цѣрмъ служити* Лавр. 1252 г., л. 166; *а кто которому князю служит, где бы ни жил, тому съ тѣмъ княземъ и ѣхати, кому служит Дог.* № 14, 1390 г.; *биль челомъ государю его богомолецъ попъ Онтоней, что служилъ чудотворцу Николи на Колывани Рев.* акты, № 17, 1525 г.; *црю служатъ, о домѣхъ не тужатъ* П. XVII в., л. 377.

угодити, угоджати, въгодити, въгаждати

Ст.-сл.: *пласа дѣшти іродиѣдина по срѣдѣ і оутоди іродоу* Зогр., Мф. XIV, 6; *единому угодитъ а о дрѣзѣмъ невѣщи вѣчнѣтъ* Сав., л. 33 об.; *творѧше спѣхъ въгодити вогоу* Супр., стр. 280, 25—26; *много спѣшение творѧше въгаждати вогъ* Супр., стр. 281, 4—5.

Др.-р.: *буди, господи, въ ономъ вѣкѣ стать со всѣми угодившиими ти от вѣка* Н. 1, 1269 г., л. 146 об.; *аще буду бу угодилъ..., то по моему ошествии монастырь ся начнетъ строити* Лавр. 1074 г., л. 63; *оставльше празники бжия дияволу угаждаете* Стогл., л. 203 об.; *како дша спсти богу и мужу угодити Дом.*, л. 45.

уступити

Др.-р.: *изыдоша на великое поле, глаголемое Арское, отъ лѣсовъ полки бусурманские, и первые удариша на родмистровъ, яже на стражехъ въ полуѣхъ стояще, коимъ было заповѣдано уступити имъ, уклоняющеся, яже до шанцовъ Кур.* Ист., стл. 188.

хвалити

Др.-р.: *рекшим всимъ княземъ: приими всю власть его за соромъ свои, онъ же за братолюбие не прия власти его, и вси похвалиша ему* Ип. 1225 г., л. 253 об.

Промежуточное положение между дательным падежом пользы и дательным падежом вреда занимают случаи дательного падежа при глаголах *блазнити* и *льстити*. Эти глаголы означают действия, которые внешне могут ассоциироваться с действиями, приятными для лица, название которого стоит в дательном падеже; однако по цели, которую преследует субъект этих действий, они ассоциируются с вредными для лица действиями.

блазнити ‘соблазнять, обманывать’

Др.-р.: *на то не смотрите, православни християне, и не имите тому вѣры, что они нынѣ предъ вами лицемѣрство чинятъ, сами своихъ людей казнятъ,— а все намъ блазнятъ* Нов. пов., стл. 201.

льстити, обольстити ‘обманывать’

Др.-р.: *сѣ бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто Лавр. 980 г., л. 24 об.; а Петръ Шереметевъ надѣялся на большихъ людей во всемъ, а онѣ ему во всемъ льстили и потакивали Пск. 1 лет. А, 1607 г.;* для того намъ лстять и блазнить, чтобы нась всѣхъ тѣмъ областити и укротити и великимъ бы нашимъ моремъ не взмутити Нов. пов., стл. 202. Ср. также пример, приводимый А. Л. Дювернуа: *а они обольстиша Князю Великому и о томъ все по криву сказаша¹.*

2) Дательный падеж при глаголах вредного или неприятного действия.

воинствовати

Ст.-сл.: *коинѣствжетъ кесароу миродрѣжъцоу* Гр. Б., л. 7-в.

¹ А. Л. Дювернуа. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894, стр. 115.

вредити

Др.-р.: аще который человѣкъ хощетъ бобы прияти въ брашнѣ... то и къ тому приемлетъ кимену... и тако не можетъ вредити тѣлу человѣческому Верт., стр. 27.

враждовати

Ст.-сл.: они во сѧтъ зъло страждышти враждоуїжшти намъ Супр., стр. 406, 25—26.

грозити, погрозити

Др.-р.: се же реч(e), грозя имъ... Лавр. 968 г., л. 20; погрозиша Казанъцемъ Каз. лет., л. 103 об.; смерть ли мнѣ грозить? Кур. Отв., стл. 139; и Ивановы, государь, слуги Васильевича, и крестьянѣ нашимъ монастырскимъ крестьянцемъ грозятъ и яви на нихъ являютъ Стр. I, стл. 705, 1593 г.; грозятъ намъ и претятъ смертию Нов. пов., стл. 200.

грубити, съгрубити

Др.-р.: а в чомъ тебе, королю и великому князю Казимиру, новгородцы и псковичи зъгрубятъ, и тебе мене, великого князя Василья, обослав, да с ними ся ведати Дог. № 53, 1449 г.; ...всему царству нашему грубя... Каз. лет., л. 76; всегда ихъ враговъ губятъ и зѣлнѣ имъ грубятъ Нов. пов., стл. 190.

докучати, докучивати

Др.-р.: тако молвяхутъ ему братья и докучивахутъ ему поити ратью на Мъстислаличи Ип. 1142 г., л. 116; да того бы еси не учинил, что ты тамо не ездить, чтоб ми опять отец мой митрополит о том не докучал Чер. № 248, 1473—1489 гг.; я паки свѣту—богородице докучать: владычице, уйми дурака тово! Авв., л. 216 об.; жаль стало Еремѣя мнѣ, сталъ владыке докучать, чтобъ ево пощадилъ Авв., л. 229 об.

досадити, досаждати (досажати)

Ст.-сл.: се глаш і налгъ досаждаети Зогр., Лк. XI, 45; досаждаети и оукаряетъ тл ѹроу Супр., стр. 61, 22—23; досаждаети юлюу Супр., 104 стр. 13—14.

Др.-р.: исхожааше къ жидомъ и тѣхъ еже о Христѣ прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ и яко отмѣтники и безаконьники тѣхъ нарицај... Ф. Печ., л. 57; не поживутъ дненіи своихъ, иже прогнѣвают отца и досажаютъ мѣтри Дом., л. 25 об.; досадиль мнѣ Авв., л. 276 об.; друга ссужать— себѣ досажать П. XVII в., л. 338; досадя другу, со стыдомъ поклонитсѧ П. XVII в., л. 338; капусту садить— спине досадить П. XVII в., л. 350 об.

журити

Др.-р.: на утро архимаритъ з братью пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патриарху не покорился, а я от писания браню его да лаю Авв., л. 206 об.

зап^Ати, запинати ‘препятствовать’, ‘мешать’

Ст.-сл.: **даша ен два десати златицъ и ино толико жде обѣштаваши ге дати ен аште къзможетъ запати бжю рабоу иаковоу** Супр., стр. 515, 1—5.

Др.-р.: *аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ господь... не вѣдая запустить за ны товаръ, а опять начнетъ не дати гости кунъ, а первии должебити начнутъ ему запинати, не дадуче ему кунъ, то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостины куны...* Р. Пр. Тр., стр. 98.

измѣнити, измѣняти

Др.-р.: *отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти И. Гр. к В. Гр.; царь прельстився злыхъ жены своеи и послуша проклятаго совѣта ея окаянныя... измени великому князю Московскому Каз. лет., л. 92; царю и великому князю изменять Каз. лет., л. 92; а которые добрые люди не хотѣли измѣнить великому князю Василью, и они не целовали...* Уст. лет. 1450 г.; *многие грады царю измѣнили и приложилися къ воромъ и разбойникомъ* Ин. ск., стр. 107—108.

лаяти ‘бранить’, ‘ругаться’

Др.-р.: *лаялъ ми посадникъ вашъ Остафеи Дворяницъ, назвалъ мя псомъ Ком. сп. Н. 1 лет., л. 213; а еще ваши люди намъ лаялъ, насъ беществовалъ и соромотилъ, нась погаными звалъ Ком. сп. 1 Н. лет., 1412 г., л. 245 об; ...лая дружинъ своей... Лавр. 1151 г., л. 111; да жалуюсь тебѣ, своему отцу, на Захара на черньца, на стригольника: лаетъ ми, господине, безпрестани уже третий годъ Гр. арх. Ген. 1490 г., стр. 777; и которые сѣнники и диаконы и инокы... учнутъ сквернословити или матерны лаяти кому... и имъ такихъ безчинниковъ поповъ и диаконовъ и чрынцовъ имати...* Вып. 1552 г., стр. 75; *попъ Иванъ... священникомъ лаялъ и еретиками называлъ отъ своего безумия* Стр. II, 1632 г. стр. 778.

мѣшати, помѣшати

Др.-р.: *от дрѣва до древа по три сажени и болши, ино яблони ростутъ велики, обилью и всякимъ овощемъ не помѣшает...* Дом., л. 77 об.; *смечалъ чортъ лѣсъ, да помѣшал ему бѣсъ* П. XVII в., л. 369; *а если бы намъ, богомольцамъ твоимъ, власти не мешали и волю бы намъ подали...* Кал. чел., стр. 120.

навѣтовати ‘клеветать’, ‘наговаривать’

Др.-р.: *Исав навѣтоваще безпрестани Иакову и враждебне устраяшеся к нему первенства ради...* И. Гр. Посл., стр. 112; *а онъ, Афонасей, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ* Авв., л. 219.

на пастьстовати

Ст.-сл.: **молите же дѣите о напастьстѣжихъ вамъ** Сав., л. 30.

насилити, насиляти, насиловати, понасилювати, насильствовати

Ст.-сл.: **сътжигъ си отъ насилиштаго томъ вѣса** Супр., стр. 567, 8—9.

Др.-р.: поганымъ укрѣпивъшемъ ся паче на насъ и много насильствующемъ намъ за нашѣ грѣхы... Б. и Г., л. 23; аже насилиуето робѣ, а будуть на него послуси, дати ему гривна серебра См. гр. 1229 г., не насилити ему... Р. Пр., л. 623; Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунаискыя... и насилящемъ имъ... Лавр., л. 2 об.; ... Игорь иде в Дерева в дань... и насиляше имъ... Лавр. 945 г., л. 14 об.; даша ему понамарство, и насилиствоваша ему и даша ему и келарство Жит. Ник., л. 217 об.; всемъ тогда княземъ и велможамъ ихъ, и судиямъ градскимъ самовластиемъ объятымъ... и насилиствующимъ людемъ, и никого же блюдущемся... Каз. лет., л. 35—35 об.; понасилованъ великимъ градомъ Каз. лет., л. 39 об.; всегда во очѣхъ нашихъ всѣмъ намъ смерть показываютъ, и поругаются, и насилиютъ намъ, и посѣкаютъ насъ Нов. пов., стл. 200.

негодовати ‘считать негодным’, ‘выражать недовольство’

Др.-р.: поя же пакы ины жены многы и нача еи негодовати Лавр. 1128 г., л. 99 об.; выведе Всеволодъ, приславъ, своякъ свои из Новагорода Ярослава Володимирица: негодовахутъ бо ему новгородцы Н. 1, 1184 г.

одолѣти, сѣдолѣти, уделѣти и родственные глаголы

Ст.-сл.: крата адока не оуделѣнжть еи Зогр., Мф. XVI, 18; хотѧ кмѣ одолѣти Супр., стр. 47, 5—6; жъдѣаужъ яко и томоу зълу одолѣти иматъ сѣты кононъ Супр., стр. 36, 2—4; томоу прѣдолѣ Супр., стр. 328, 3—4; прѣдолѣвъшоу ми распалению близдноуоумоу Супр., стр. 525, 26—27; прѣодолѣвъшоу имъ Супр., стр. 263, 26—27; ни перъсомъ сѣдолѣвающиє Гр. Б., л. 62-в; сѣдолѣвають матежю Гр. Б., л. 173-а.

Др.-р.: яко же молонья, реч(е), иже на нѣсхъ, Грьци имуть у собе, и се пушающе жежагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ Лавр. 941 г., л. 10 об.; одолѣ Стославъ Болгаромъ Лавр. 967 г.; бѣ воюя ся с ними и одолая имъ Лавр. 989 г.; аще не послеши к папѣ и приимеши крѹшnya, не одолѣши врагу Ип. 1252 г., л. 274; Володимеръ же радъ бысть повелику, оже дружина его вся цѣла, а соромови брат(а) своего Кондрата одолѣвъ Ип. 1281 г., 294 об.; одолѣша христиане Татаромъ Сим. лет., 1469 г.; лятва начаша одоляти князю Михаилу и одолѣша... Уст. лет., 1515 г.; божиимъ попущениемъ... соодолѣша врази православнымъ христианомъ Авр. Пал., стл. 501.

отягѣчати

Др.-р.: а еже человѣкъ покаетъся, а будуть у него грѣси мнози, то не повелѣ ми тогда же опитьмы дати, нѣ что любо мало, да оли тому обучиться, тоже придавати помалу, а не велми отягѣчати ему Вопр. Кир., стл. 59.

пакостити

Др.-р.: Гюрги съ князи поиде съ Тѣржьку, много имъ пакостивъ, взя у нихъ 7000 новую... Н. 1, 1224 г., л. 101; ...пакостити нача ово ищмену, ово братыи, ово мирскымъ члвкомъ, да друзии раны ему даяху Лавр. 1074 г., л. 66; Иванъ... пакостяше рыболовомъ Галичскымъ Ип. 1159 г., л. 178.

пеняти

Др.-р.: *а будетъ невѣста пришла за него замужъ дѣства своего не сохранила, и онъ имъ, отцу и матере, за то пеняетъ потиху* Кот., л. 223.

поносити

Ст.-сл.: *блажени есте егда поноситъ вамъ* Зогр., Мф. V, 11; *начатъ поносити градомъ* Зогр., Мф. XI, 20; *тожде же і развоіника пропаща съ нимъ поношаашета ємоу* Зогр., Мф. XXVII, 44; *поноси нѣкѣстиню ихъ и жестосрѣдю* Мар., Мр. XVI, 14.

Др.-р.: *Добриня поноси ему и дщери его Лавр. 1128 г.; блаженый же поноси тому: маловѣре, се цвль еси, к тому не сгрѣши К.-П. пат., л. 197 об.; не попусти имъ безбожнымъ и окаяннымъ врагомъ нашимъ поносити намъ Лѣв. лет., 1533 г.; да не гнѣваются на него и не поносятъ ему о семъ Ин. ск., стл. 15; домы наша у насъ отнимаютъ и поносятъ намъ въ лѣпоту Нов. пов., стл. 200; оскорбися на него богаты братъ и нача ему поносити, и рече ему: како, брате, что у тебя и хомута нѣтъ Шем. с., стр. 405.*

прѣтити ‘угрожать’

Ст.-сл.; *ауриликнъ... прѣтл има рече пристжпьша пожърѣта вогомъ* Супр., стр. 7, 4—5.

Др.-р.: *оны же ласканиемъ прельщаху и муками многими претяху ему Каз. лет., л. 58 об.; или что, королю, лютыми смертьми претиши нам?* Пов. о пр. Ст. Б., л. 42.

разбивати

Др.-р.: *а которые твои государевы крестьяне — им, окольным людем, разбивают, золы вести не велят Хоз. Мор., № 226; единым разбиваю кораблем, за то злу титлу ношаю, разбойника мя люди именуют Сим. П., стр. 17.*

стояти, постояти, състояти ‘противиться’, ‘противостоять’

Др.-р.: *а что тобѣ будетъ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли, и язвъ тобѣ, своему брату, за то не стою Аф. Н., л. 370 об.; ста Ярославъ и Гюрги... на рѣче Хѣв; Мъстиславъ же и Костянтинъ... сташа на рѣвѣ Липичи... Гюрги же състоя Костянтину...; и узрѣ Ярославъ полкъ побегъшъ Гюрги, и тѣ вда плече Н. 1, 1216 г., л. 85 об.; кто вас злодѣев можетъ украсти или вас заступити от руки его сильныя и от великих таких страшных непобедимых его сил царя восточново турсково, кто постоит ему? Аз., стр. 101—102.*

сътѣжити, сътѣжати, пристужати ‘беспокоить’ ‘вредить’

Ст.-сл.: *да не сътѣжаютъ ємоу* Зогр., Мр. III, 9; *не сътѣжи ма-рии* Супр., стр. 242, 29; *аг'телъ гнъ... не дастъ огню сътѣжити има* Супр., стр. 5, 22—24.

Др.-р.: *печаль быс(ть) ему от сновецъ своих, яко начаша ему стужати, хотя власти Лавр. 1093 г., л. 72; кыяне же начаша стужати ему, рекуше: побди прочь Лавр. 1150 г., л. 109; стужающи ми врази мои, ти изнемогоща и падоша Лавр. 1207 г.; умножишася стужающи ми, мнози всташа на мя Ком. сп. Н. 1 лет., 1015 г.,*

л. 76; блюди, брате Феодоре, да не паки врагъ стужить ти К.-П. пат., л. 185 об.—186; да у которых монастыреи земли и селъ довольно... и тѣ бы архимандриты и игумены... блгочестивому црю не стужали, излишне не просили Стогл., л. 283; созади и спереди Черемиса стужаше имъ стреляниемъ и убиваниемъ Каз. лет., л. 26—26 об.; и въ сие же время злочасное пристужаше Казанцемъ царь Шихалъви Касимоскии всегдашнимъ воеваниемъ земля ихъ Каз. лет., л. 47; что стужаете ми? Каз. лет., л. 63 об.; и я, въ дому своемъ держа мѣсяца э два, стужалъ об немъ божеству, въ церковь водилъ и масломъ освятилъ Авв., л. 276 об.

2. Дательный падеж объекта психического движения

При целом ряде непереходных глаголов в дательном падеже стоит название предмета, к которому направлено то или иное психическое движение.

1) Дательный падеж при глаголах со значением господствования.

господъствовати

Ст.-сл.: поставлю іжнешж к'імзѧ ихъ и игрыци господъствоуїть имъ Изд. 73, л. 96.

старѣшиныстровати

Ст.-сл.: и сжть мола не мъножанше по числуу неже илкъже старѣшиныстровютъ Гр. Б., л. 167-г; ии ныне мънж паствѣ старѣшиныстровати или стадоу Гр. Б., л. 168-в; старѣшиныстровиженшти покинътымъ Гр. Б., л. 180-а.

цѣсаръствовати

Ст.-сл.: нам же цѣсаръствовиже гоу нашемоу Супр., стр. 81, 23—24; цѣсаръствоуїштоу дѣкию римъстѣн власти Супр., стр. 174, 11—12;

2) Дательный падеж при глаголах со значением подражания, следования.

подражати

Др.-р.: подражааше житию и съмѣреню препданааго своего отца Феодосия Ф. Печ., л. 45 об.; чесо убо сего слову не подражасте, аще благочестиви есте? И. Гр. Посл., К., стл. 31.

ревновати, поревновати, въздревновати ‘подражать’, ‘следовать’

Ст.-сл.: въздревновиумъ богохесельноуоумоу ликоу Супр., стр. 321, 9—10; ихъже трѣпѣнию въздревновавъ съ и славж прил Гр. Б., л. 89-в-г.

Др.-р.: паче же ревноваше великому Феодосью нравомъ и житъемъ, подобяся житью его и въздеръжанью ревнуя Лавр., 1091 г., л. 71 об.; тогда же поревновавше ему ини князи, въздиша послѣди подъ городъ Лавр. 1152 г., л. 113; ... поревновавъ нраву Златоустаго Лавр. 1216 г.; ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганяя Иэмаил-тяны Ип. 1201 г., л. 245; дѣдъ твои Романъ свободилъ бяшеть отъ всихъ обидъ, ты же бяше, гсне, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего Ип. 1289 г., л. 303 об.; предвожа являюся имъ: кто же ли

поревнуетъ се́му, да въслѣдуетъ мнѣ К.-П. пат., л. 118; ревнуи до-
брыймъ дѣломъ ихъ Дом. 117 л. об.; ...прочимъ его рачителемъ образъ
показати, чтобы не ревновали его лукавому суро́вству Пов., стл. 154.

слѣдовати и производные глаголы

Ст.-сл.: видѣхомъ етера о імені твоемъ ізгоняша вѣсы іже не
ходитъ по настѣ і възвранихомъ емоу ѿко не послѣдова намъ Зогр.,
Мр. IX, 38; въслѣдъствоуїште стоуоумоу касилемоу Супр., стр. 538,
18; закономъ вашимъ послѣдоуите Супр., стр. 138, 5—6; матеремъ
своимъ въслѣждайшта Гр. Б., л. 32-б; въслѣждаше во... словомъ
добраа оны Гр. Б., л. 38-а-б; книже илиннъ дѣкъ въслѣдова Гр. Б.,
л. 89-б.

Др.-р.: оцемъ наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью ихъ и нраву
ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ права Лавр. 1091 г., л. 71 об.;
...послѣдъствуя обычаю его Лавр. 1091 г., л. 71 об.; всѣ добрые по-
слѣдовали хоругвиямъ крестисснымъ христианскимъ Кур. Отв.,
стл. 154; онъ же рече: послѣдуй ми, сию бо ношь дарую ти злата
много Иск. б., стр. 203; послѣдова же царь Борисъ въ нѣкіхъ нравѣхъ
царю Ивану Васильевичю Абр. П., стл. 482; последуйте ми на печь
Сл. каб., стр. 65.

Дательный падеж и при глаголе *разнъстесеати* ‘отличаться’: синъ
подобенъ сущенъ ою, роженьемъ честю разнъствуя сѹ и дху Лавр.
988 г., л. 38 об.

3) Дательный падеж при различных глаголах психического движения.

вѣнати, вѣнимати ‘слушать’, ‘обращать внимание’

Ст.-сл.: вѣнемѣте се́й еда когда стағычискъ ср҃дца ваши Сав.,
л. 69 об.; не вѣнимати добротѣ ни высотѣ въздраста ико ико оуни-
чжихъ ико Супр., стр. 546, 11—13.

Др.-р.: никто же не вѣнемлетъ ми Б. и Г., л. 14 об.; прсое же
внимай собѣ и научившимъ тебе К.-П. пат., л. 118; аще сини учнѣтъ
глати: мы тѣмъ живемъ и питаемся,—таковому ихъ речению не
внимати Стогл., л. 167; молитвамъ же прилежнымъ ко бсгу, и по-
стомъ, и воздержанию внимати со прилежаниемъ... Кур. Ист., стл. 171;
святого же глаголомъ не внимаху Пут. Иоанна, стр. 246; ински будут
грамматического учения касатися и всякому книжнemu разумению
внимати Посл., л. 12 об.

вѣрити, вѣровати, повѣровати, повѣрити

Ст.-сл.: вѣроукиши ли понѣ нынѣ кодрате вогомъ Супр., стр. 103, 29.

Др.-р.: азъ вѣрую бу Жит. Ниѳ., л. 58; Мъстиславу же вѣрсавши
словесемъ его, и честю великою почтивъ его... Ип. 1219 г., л. 251 об.;
Василь же вѣрова видѣнию святого К.-П. пат., л. 131 об.: ..повѣри
паки ложно(и) клятвѣ ихъ и обещанию ихъ лестному Каз. лет.,
л. 21 об.; король и паны радные мнѣ не вѣрили Ин. ск., стл. 24; ни
в какихъ дѣлах таким извѣтчиком не вѣрить Улож., л. 69; тому
сну молодецъ не повѣровалъ Г.-Зл., стр. 9.

жъдати

Др.-р.: оже ли пропьетъс(я) или пробиетъся, въ безумии чюжъ товаръ испорѣтъ, то како любо тѣмъ, чье то куны, жъдуть ли ему Р. Пр., л. 623.

завидѣти, възавидѣти, позавидѣти, позавидовати

Ст.-сл.: почто своемоу *закидиши съпасеню* Супр., стр. 336, 16; *дѣтъскоу* *позакидимъ благодареню* Супр., стр. 340, 20—21.

Др.-р.: *завидяше брату своему* Ф. Печ., л. 59; *видѣвъ же дъяволъ, яко почти бѣ члвка, възвидѣвъ ему, преобразися въ змию* Лавр. 986 г., л. 29; *чemu позавидуешъ, тому и поработаешъ* П. XVII в., л. 378 об.

зазърѣти, позазърѣти, зазирати ‘осудить’

Ст.-сл.: *въсѣлъкъ кръстнаномъ* *зазираѧ* Суп., стр. 127, 18—20; *вжинъ твари зазърѧѭ ико мала есѧ* Гр. Б., л. 323-г.

Др.-р.: *еже о семь да не зазърить ми никътоже от васъ, яко сии съде въписахъ и прѣсвѣтение слову сътворихъ* Ф. Печ., л. 52 об.; *не позазрите грубости моей* Каз. лет., л. 2 об.; *молю, да не зазриши сим...* П. XVII в., л. 321 об.

изъвѣкнути, навыкнѫти, навыкати ‘обучиться’

Ст.-сл.: *да въсіи дѣлесемъ накыкнѫти* Супр., стр. 337—338; *ченоу хощеши накыкнѫти* Супр., стр. 408, 6.

Др.-р.: ...*въ юности сый всѣмъ книга и изъвѣчие* Сим. лет. 1377 г.; *тии отъ нѣмецъ пришли, навыкли тамо тому дѣлу, каменосѣчнои хитрости* Сим. лет., 1474 г.; *бесовъскому мечтанию, волхованію и злишне изъвѣчие* Каз. лет., л. 73 об.; *навыкъ добре Аляманскому языку и писанію* Кур. Ист., стл. 298; *навыкай рускому изъвѣчею* Хоз. Мор., № 501; *всякому доброму делу навыкати...* Пос., л. 12 об.

прислухати ‘слушаться’, ‘повиноваться’

Др.-р.: ...*государь великий, братъ мои, Василеи Васильевичъ, ему же въосточни царие прислухаютъ, и велиции князи съ землями служать ему* Сим. лет., 1437 г.

присягати, присягнути

Др.-р.: *присяже тогда горя Черемиса вся царю великому князю Каз. лет., л. 63; и то де все совершу, на чемъ де есмя присягалъ папѣ Ин. ск., стл. 81.*

рачити ‘заботиться’

Ст.-сл.: *да аште не рачи прилати кыли на иromoшгъ не крачеко то съгрѣшеније икъ иже ищѣлѣнију не рачи...* Супр., стр. 414, 4—6.

сѫдити

Ст.-сл.: *не сѫдите да не сѫдатъ валикъ Зогр., VI, Лк. 37; сѫдлите дѣлма на деслте колѣнома излекома* Сав., л. 31.

Др.-р.: *богъ судить всѣмъ* Вопр. К., стл. 36; *суд твои црви дажъ и правду твою снви црви, судити людем твоим въ правду и ни-*

щим твоимъ в суд Лавр. 1206 г.; суди бѣ брату моему кнѧю Ярославу, оже мя сего доведе Сузд. Ак. 1216 г., л. 227; Всеславъ кнѧзъ людемъ судяше... Сл., стр. 28; суди, господи, обидящимъ мя Ск. об Ал. Нев., стр. 5; а любодѣемъ и прелюбодеемъ судить бѣ Дом., л. 112; не судити владкомъ именом и попом и черньцовъ... Стогл., л. 45.

смотрѣти 'заботиться'

Ст.-сл.: вѣ смотра нашемоу спасиця на дѣвѣ житии раздѣли члѣскаia на скроутъ и на дѣниство Изд. 73, л. 92.

съгрѣшиши, съгрѣшати

Ст.-сл.: да намъ не достоїтъ тѣвѣ согрѣшати Киев. л., стр. 81; съгрѣшихъ господеви Супр., стр. 360, 25.

Др.-р.: помилуи мя, боже, съгрѣшшаго тебѣ Жит. Ниф., л. 49 об.; елико ти съгрѣшихъ, нѣ припадаю къ блготробию твоему, прося прощенія Жит. Ниф., л. 54; бояре же его пришедше, падше на ногу его, просяще мѣсти, яко: согрѣшихомъ ти, иного кнѧзя держахомъ Ип. 1235 г., л. 263; богу велико согрѣшали безчислено Пер. 1 чел., л. 133 об.

Трѣпѣти (терпѣти), потерпѣти, сътерпѣти 'терпеть', 'переносить'

Ст.-сл.: пристжпи ловѣжи трѣпитъ ти владыка трѣпѣлики не зѣллаго смрада твоего ловызаніиа оуѣраштала са Супр., стр. 426, 9—11; тѣштиши на милость а поздынъ на гнѣвѣ трѣпитъ вѣзѣсьниѣкъшинимъ цѣлитъ отъѣкѣтомъ осащреніе Супр., стр. 330, 27—29; до послѣдькаго вечера трѣпѣ юмоу прѣсы Супр., стр. 409, 21—22.

Др.-р.: претерпите братъ брату и всякому человѣку, а не вѣзаите эла за зло Поуч. Л., стр. 15; не подобаетъ Пиняномъ держати Черторыиска, яко не могу имъ терпѣти Ип. 1227 г., л. 255 об.; како бѣ трѣпить нашему безстрашию? Стогл., л. 52 об.; хотя бы таковая землица угодная и в дружбѣ была, ино было ей не мочно терпѣти за такое угодие Пер. 1 чел., л. 146 об.; она предъ нами... виновата, что терпѣла вору росстригѣ, ...не объявила его долго Ип. ск., стл. 85; какъ перемирные лѣта выйдутъ, и государь не потерпитъ своему недругу Ип. ск., стл. 141; не дѣломъ де дѣлаетъ, пракъ оттрясаетъ, что на невѣрныхъ, не потѣрпитъ ему богъ Д. п. Н., стр. 202.

умѣти, разумѣти

Ст.-сл.: не вси разумѣкете словоу ить имъже естъ дано Сав., л. 43; чоудѣланію съпаса не разумѣките Супр., стр. 396, 28.

Др.-р.: не разумѣмъ ни гречьску языку, ни латынъску Лавр. 898 г., л. 9; от древа же единого не ясти, еже есть разумѣти добру и злу Лавр. 986 г., л. 29; есть не разумѣти языку ихъ Лавр. 1096 г., л. 85; будешъ ли умѣти гораздо всему священническому дѣлу, и ты и впредь будешъ священникомъ Ук. 905 стл.; како ес(ть) разумѣти числу дневному... Хр. К., стр. 268; а которые люди грамоте не умѣют, и в тѣхъ бы людей мѣсто рѣчи ихъ писали отцы ихъ духовные А. гр. р. № 62, 1549 г.

хотѣти и производные глаголы

Ст.-сл.: въсхотѣвъ намъ Киев. л., 79 стр.; милости хоштж а не жркте въ Зогр., Мф. XII, 7; емоуже аште хоштеши дамъ ти Зогр., Мр. VI, 22; никакоже пивъ ветъха авъе хоштетъ новоумоу Зогр., Лк. V, 39; врагы мои ты не хотѣвъшмѧ мнѣ да црь вимъ выль надъ ними Зогр., Лк. XIX, 27; емоуже колиждо хошете просите и вждетъ вамъ Сав., л. 27 об.; видя чловѣчески доврыя жены и дѣтери тѣмъ похотя Супр., стр. 7, 18—20; хоташти старѣшиныствоу Гр. Б., л. 46-б; хоташе възвращеню Гр. Б., л. 91-г.

Др.-р.: ты же, брате, епископству ли похотѣлъ еси? Посл. Сим., стр. 255; аще бы си въсхотѣла князю етеру, не бы ея гнушалъся К.-П. пат., л. 165 об.; прииде прехотѣвъ водѣ С. и К., стр. 254; ...въсхотѣ добротѣ ея Алекс., л. 312; не толма хотя побѣдѣ, якоже хотя убиению Александрову Алекс., л. 316.

3. Дательный падеж объекта общения

При некоторых непереходных глаголах в дательном падеже стоит название лица, к которому направлено действие общения, точнее — лица, к которому обращаются с каким-либо знаком.

бити челомъ (ударити, добити) 'кланяться', 'просить'

Др.-р.: кнѧзь Александръ... гробу Леонтьеву чelомъ удари Сузд. Ак. 1259 г.; добиша чelомъ новъгородьци, бояре и черныи люди архиепископу новъгородскому владыцѣ Василию, чтобы еси, господине, ехалъ нарядилъ костры во Орѣховѣ, и онъ ехавъ костры нарядилъ Н. 1, 1352 г.; били есмѧ ему чelомъ, чтобы насть пожаловалъ, чѣмъ доити до Руси Аф. Н., л. 371; потом тебе, государю своему, много чelомъ бью Хоз. Мор., № 267; в цркви во времѧ црковнаго пѣния ісдрю црю и великому кнѧзу Алексю Михаиловичю... никому ни о какихъ своихъ дѣлехъ не бити чelомъ Улож., л. 67.

Ср. также: ты мнѣ не здорово, а я тебѣ не чelомъ П. XVII в., л. 370 об.

поманжти, помавати, потрасти, кивати, махати, мигати

Ст.-сл.: архидері же поманжшѧ народоу да паче карааж отъпустить имъ Зогр., Мр. XV, 11; тъ вѣ помаваша имъ Зогр., Лк. I, 22; потрасъ имъ ржкою Супр., стр. 35, 12—13.

Др.-р.: какъ молитву проговорить и рукою махнетъ Дорогѣ, и Дорога приѣдетъ на конѣ къ верблюду... Пут. К., стр. 16; кому перстомъ киваютъ, а намъ глазомъ мигаютъ П. XVII в., л. 351; любезному стала мигати, чтоб далее от меня отступати, как бы немилой не догадался Ст. ром., стр. 56.

4. Дательный падеж при быти

В старославянском и древнерусском языках дательный падеж находит применение при глаголе *быти*, а также при глаголе *бывати* и при глаголах *избыти* и *избывати*. Для глагола *быти* при этом характерно наличие некоторого вещественного значения: 'иметься', 'принадлежать', 'случаться'. В соответствии с этим форма дательного падежа

обозначает лицо, у которого нечто имеется, с которым нечто случается, а также лицо, которому нечто предоставляется.

Те случаи, когда глагол *быти* является простой связкой, а дательный падеж зависит от имени существительного, входящего в состав сказуемого (*он мне брат*), мы считаем необходимым рассматривать как случаи присубстантивного дательного падежа.

1) Дательный падеж при глаголе *быти* в значении лица, у которого нечто имеется. Глаголу *быти* свойствен оттенок вещественного значения 'принадлежать' 'наличествовать' 'иметься'. Наиболее четкие случаи этого типа могут быть отмечены при подлежащем, выраженном именем существительным с конкретным значением. Если подлежащее выражено именем существительным с отвлеченным значением, то к выразаемому формой дательного падежа значению лица, у которого нечто имеется, примешивается обычно оттенок значения лица, которому нечто приключается.

Ст.-сл.: *не вѣ има чада* Зогр., Лк. I, 7; *не вѣ има лѣста* овітѣльна Зогр., Лк. II, 7; *и се еї вѣ сестра іменемъ марії* Зогр., Лк. X, 39; *імъже нѣстъ съкровишта ни хранилища* і вѣ питѣетъ на Зогр., Лк. XII, 24; *аште вѣдѣть етероу члекоу р овецъ і заблаждитъ единиа отъ нихъ...* Мар., Мф. XVIII, 12; *примыслиша лжака коюго вѣса приложити силж на прѣподобнаго иже имъ вѣаше вѣ съкровѣ въ пештерѣ* Супр., стр. 35, 21—24; *вѣахъ во и іни оученици исоусоу сед'мъ десѧтъ численемъ* Супр., стр. 409, 5—6; *единиа во вѣсѣмъ кѣстъ риза* Супр., стр. 493, 1—2; *ономъ во чьто вѣаше разѣ тѣла ти наждынъихъ одѣждъ плѣти* Гр. Б., л. 74-в; *исемоу власна риза вѣ* Гр. Б., л. 90-б.

Др.-р.: *бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя* Лавр. 980 г., л. 25; *мѣри бо родивши его, быс(ты) ему язвено на главѣ его* Лавр. 1044 г.; *Стополкъ же посади въ Володимери Мстислава, иже бѣ ему отъ наложницѣ* Лавр. 1097 г., л. 91; *сему Африкану бяшета два сына* К.-П. пат., л. 125 об.

Близкий оттенок значения выражается формой дательного падежа и при глаголе *избыти* (*избывать*): ст.-сл.—*вѣзаша ізвыкъшамъ імъ оукроухъ коша дѣка на десѧтѣ* Зогр., Лк. IX, 17; *коликоу наімънѣкъ оца моего ізвыкахъ* хлѣви Зогр., Лк. XV, 17; *испѣниша дѣка на десѧтѣ коша оукроухъ отъ пати хлѣбъ іачынѣныхъ іже ізвыша фѣдъшимъ* Зогр., Ио. VI, 13.

2) Дательный падеж лица, которому нечто приключается, у которого что-либо случается.

Ст.-сл.: *начатъ імъ глати еже хотѣаше быти емоу* Зогр., Мр. X, 32; *радость... та же вѣдѣть всѣмъ людымъ* Сав., л. 138; *да что ти бысть да отиде отъ сконъства* Супр., стр. 147, 13—14; *вѣспоманже вѣвѣшекъ іемоу видѣніе* Супр., стр. 293, 7—8; *иное не вѣдѣть дѣло стадъникоу и пастоухоу разѣ противитися вѣлькомъ* Гр. Б., л. 168-г.

Др.-р.: *бѣда имъ бѣ велика* Н. 1, 1181 г.; *быс(ты) болѣнь тяжка князю Олександру, но бѣ помилова и* Лавр. 1251 г., *аще кому нас будеть обида, то ты прави* Ип. 1146 г., л. 119; *преже бо глухота*

бысть ему и болячка въ немъ движеся, и бысть болѣзнь тяжка ему зѣло Сим. лет., 1441 г.; въ тои же день бои былъ воеводамъ великаго князя съ Двиняны Сим. лет., 1471 г.; волокида бы людемъ ни въ чемъ не была Дом., л. 123; посломъ великимъ въ дороге будетъ много шкоты и убытковъ Кот., л. 58 об.; вѣдаетъ то богъ, что будетъ ему Авв., л. 247; видѣв же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща зѣло, недоумѣвающи, что ему бысть С. Гр., стр. 25.

На основе подобного употребления дательного падежа при глаголе *быти* 'приключиться, случиться' развились конструкции с этим же глаголом или глаголом *бывати* с подлежащим—отглагольным существительным и с дательным падежом, находящимся в синонимических отношениях с конструкциями, состоящими из именительного падежа (название лица) и непереходного глагола или из винительного падежа (название лица) и переходного глагола.

Др.-р.: *бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утѣши отъ града...* Кур. Ист., 168 стл.; *сходятся.. на бгомерскии дѣла и бываетъ отрокомъ осквернение и дѣвкамъ разстѣление* Стогл., л. 150 об.—151; *отцу твоему, князю Михаилу, гонения было много...* И. Гр. Посл. К., стр. 55; *имъ отъ нихъ утѣснение* Стр. II, стл. 456, 1618; *а когда царя коронуютъ, то бываетъ ему помазание елеомъ* Кот., л. 5 об.; *отъ царя имъ было похваление* Кот., л. 152 об.; *какъ царю бываетъ выходъ въ церковь или въ походъ на потѣхи..., и въ то время несутъ передъ нимъ скифетръ* Кот., л. 37.

Все эти конструкции синонимичны с соответствующими конструкциями без дательного падежа лица: *царя помазывают, царь похвалил, царь выходит* и т. п.

3) Дательный падеж лица, которому нечто предоставляется.

Глагол *быти* при этом часто пропускается.

Ст.-сл.: *ѣже оуготовка комоу вѣджтъ Зогр., Лк. XII, 20; ты оуво аште поклониши сѧ прѣдъ множ вѣджтъ тѣвѣ късѣ* Мар., Лк. IV, 7.

Др.-р.: *аже умреть смердъ, то задница князю Р. Пр., л. 621 об.; а истыи товарѣ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ Р. Пр., л. 626; сяди въ свое мѣсто Кыевѣ: ты еси старшише братъ, а мнѣ буди си сторона Лавр. 1025 г.; убивъ мене, тобѣ то волость Лавр. 1139 г., л. 102; вамъ же буди кони, брони, порты Сузд. Ак. 1216 г., л. 222 об.; а село на Рокишѣ Романовъское князю Дмитрию Дог. № 4, 1358 г.; убогому робята, а богатому телята П. XVII в., л. 371 об.; хто добръ, тому и бобръ, а хто не добръ, тому и выдры не будет П. XVII в., л. 374.*

5. Дательный падеж ощущающего лица

При некоторых глаголах в дательном падеже стоит название лица, которое испытывает те или иные ощущения, вызываемые в нем восприятием какого-либо предмета или его свойств. Поскольку ощущения могут быть приятными и неприятными, дательный падеж этого типа сближается с дательным падежом пользы и вреда. Отличие заключается в том, что в дательном падеже пользы и вреда стоит название лица, к которому обращены активные действия субъекта (*мешать кому, потакать кому*); в случаях дательного ощущающего лица не может быть речи об активных или сознательных действиях предмета, название кото-

рого является в предложении подлежащим. Действующим, вернее, ощущающим оказывается лицо, название которого стоит в дательном падеже. Дательный падеж этого типа сближается с дательным падежом субъекта в безличных предложениях; однако подлежащее в случаях, о которых идет речь, не устранено.

довылети 'быть достаточным'

Ст.-сл.: *довълѣтъ во дѣни зѣлова скѹѣ* Зогр., Мф. VI, 34.

Др.-р.: *довлѣть има моя власть* К.-П. пат., л. 117 об.

надобѣти 'быть нужным' (от *надобѣ*)

Др.-р.: *какъ тебѣ, государю, надобѣть ли служишка мое?* Пер., 2 чл., л. 165.

подобати

Ст.-сл.: *вогоу же подоблатъ слака дрѣжака и покланянине* Супр., стр. 168, 21—22.

постыти 'опостылеть'

Др.-р.: *с тѣхъ мѣстъ подкопная ихъ мудрость вся уж миновалас(ъ), постыли уж имъ тѣ всѣ подкопные мудрости* Аз., стр. 111; ... *такъ ему постынетъ ѣства, что и смотрѣть на нее не можетъ* Верт., стр. 180—181.

стати 'стоить', 'обойтись'

Др.-р.: *и язъ грѣшный привезлъ жеребца... а сталъ ми сто рублевъ* Аф. Н., л. 373; *житницы де нам станут рублей в 40 Хоз. Мор. II*, стр. 7.

улюбѣти 'полюбиться'

Др.-р.: *онъ же не хотяше ити ис Кыєва, зане улюбѣль ему Кыевъ* Лавр. 1154 г.; *Изѧславъ же не хотяше ис Киеva пойти, зане улюбилъ бы Киеvъ ему* Ип. 1155 г.

* * *

На протяжении истории в дательном падеже при непереходных глаголах наблюдается несколько больше изменений, чем в дательном падеже, управляемом переходными глаголами.

Дательный падеж пользы и вреда широко распространен, как это показывает материал исследованных памятников, и в старославянском, и в древнерусском языках. В памятниках древнерусского языка им управляет большее количество глаголов; однако в памятниках старшего периода расхождения незначительны.

Дательный падеж в качестве дополнения при глаголах вреда и пользы чаще всего соприкасается с винительным падежом. В современном русском языке являются переходными и управляет винительным падежом в соответствии с возможным в древности дательным глаголы *благодарить*, *насилить*, *одолеть*, *похвалить*, *поносить*, *пользовать*, *празновать*, *приветствовать*. Управление дательным падежом пользы и вреда эти глаголы стали терять частично уже в старославянском и древнерусском языках. Глагол *благодарити* встречается в памятниках старославянского языка с винительным падежом лица: *благодарж тѧ* ико *ѹслыша мене* Супр., стр. 316, 29—30. В старославянских памятниках встречается также винительный падеж при глаголе *насилюти*,ср. страдательное причастие от этого глагола (вернее, от глагола

насилити, передающего то же значение): **не насилиеми** Супр., стр. 568, 28—29; ср. винительный падеж: **насилюющъ ближнаго злѣль** **насилиемъ** Йзб. 73, л. 94 об. В древнерусском языке, судя по материалу исследованных памятников, винительный падеж при глаголах *насилити*, *насиловати* распространяется с XV—XVI вв.: *аще кто насилитъ дѣвку ли умучитъ, а будетъ дци боярская... за срамъ еи 5 гривенъ злата* Митр. прав. (поздн. сп.), стр. 127; ...*насилиющихъ его, государя, Российское царство...* Пов. о пр. Ст. Б., л. 1. Однако окончательное вытеснение дательного падежа винительным при этих глаголах в русском языке происходит не ранее XVII в. Глагол *одолѣти* с производными от него в древнейших памятниках русского языка последовательно употребляется с дательным падежом. Первый случай винительного падежа отмечен в Ипатьевском списке летописи: ...*усрѣтоша Половецъ идуща с полономъ, и бившеся, и одолѣш(a) ихъ* Ип. 1172 г., л. 199. Ср. также: *Рус(ъ) великая одолѣша Мамая* Зад., л. 219 об.; *одолѣ царь Витовта* Сим. лет., 1399 г.; *одолѣваетъ великаго князя царь поганыи Каз.* лет., л. 19; *праведна мужа не одолѣтъ нужа* П. XVII в., л. 364. Повидимому, вытеснение дательного падежа винительным при глаголе *одолѣти* начинается уже в XIV—XV вв. В живой речи в XVI в. *одолѣти* уже не управляет дательным падежом; случаи с дательным падежом в поздних памятниках объясняются влиянием церковнославянской традиции. Так, в языке „Казанского летописца“ *одолѣти* в 7 случаях управляет винительным падежом и в 2 случаях дательным падежом. В „Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков“ этот глагол управляет винительным падежом и сохраняет старое управление лишь в цитате из церковных книг: *несть языка под небесем, иже возможе одолети царству хрестьянскому* л. 49 об. Глагол *похвалити* в древнерусском языке обычен с винительным падежом: *царь же поругася Андру и не похеали его о томъ* Сим. лет., 1431 г. Глагол *празднѣствовати* встречается с винительным падежом уже в старославянском памятнике русского извода: *никто же не ставили насть празднѣствовати гоу боу нашемоу празднинкъ исходыни* Гр. Б., л. 373—374. Глагол *поносити* с винительным падежом начинает встречаться в памятниках XVI в.: *съ великимъ срамомъ поношаста его и мало его не убира Льв. лет., 1542 г.; а не поносити их, ни осужати, ни укоряти...* Дом., л. 21. В памятниках XVII в. винительный падеж встречается при глаголе *поносити* чаще, чем дательный (встретилось 5 случаев при 4 случаях с дательным падежом, причем последние отмечены в памятниках, язык которых изобилует церковнославянismами), повидимому, уже господствует в живой речи.

В XVI в. винительный падеж появляется и при глаголе *ляти* ‘бранить’: *аще ли кто злословитъ или оскорбляетъ родителя своя или кленетъ или лаетъ...* Дом., л. 25; *а въ монастырь, государь, въ Кириловъ приѣхавъ, меня, игуменя, и старцовъ соборныхъ лаетъ...* Стр. I, стр. 596, 1582/83 г.; *и онъ, Василий, меня, Индричка, учаль лаять неподобною всякою лаю* Стр. II, стр. 169, 1609 г. В XVII в. управление винительным падежом становится нормой (в обследованных памятниках отмечено 10 случаев при 1 случае с дательным падежом). В дальнейшем этот глагол в значении ‘бранить’ вообще уходит из употребления. Он сохраняется лишь в значении голоса животных, управляя винительным с предлогом *на*; это употребление глагола было

свойственно уже старославянскому языку: **пакы на пастоу^ха ляжть**
п'си Супр., стр. 424, 24—25; др.-р.: **коли свиния почнетъ на бвлку**
ляяти... Сл. Д. З., л. 256.

Отмечен винительный падеж при глаголе *досадити*, который в общем сохранил управление дательным падежом: ст.-сл. **Эълла глаго**
дръзиж ли досадити добрым наша цра Супр., стр. 148, 6—7.

В некоторых случаях в истории русского языка наблюдается появление дательного падежа при глаголах, ранее управлявших лишь винительным падежом. Это относится прежде всего к глаголам *вредити*, *измѣнити*, *мѣшати*. Глагол *вредити* (*врѣдити*, иногда др.-р. *вередити*) в древнейших памятниках употребителен лишь переходно: ст.-сл.: **ничъто же**
васъ не врѣдить Зогр., Лк. X, 19; **крѣдитъ ми дѹшж** Супр., стр. 169,
29—30; др.-р.: **руцѣ и нозѣ** свои *вередих* Лавр., Поуч. Мон., л. 83;
велми бо милостивъ, ничемъ же не вредитъ васъ Каз. лет., л. 74 об.—75..
Дательный падеж при *вредити* на месте старого винительного появляется лишь в памятниках XVII в. Глаголы *измѣнити* и *мѣшати* с дательным падежом вреда встречаются в памятниках, начиная с XVI в.

Таким образом, в целом ряде случаев наблюдаются колебания в управлении глаголов между дательным падежом вреда (отчасти и дательным *пользы*) и винительным прямого дополнения. Постановка винительного падежа вызывается изменением представления о характере направленности обозначаемого глаголом действия: действие начинает представляться как интенсивное и непосредственное воздействие на объект, как „овладение“ объектом. В случаях перехода от винительного падежа к дательному наблюдается более или менее четкий сдвиг в значении управляющего глагола. Глагол *вредити* (*вередити*) с винительным падежом обозначает конкретное действие, нечто вроде физического воздействия (ср. совр. русск. *повредить что*); по мере развития нового значения этого глагола — значения более отвлеченного причинения вреда — глагол входит в круг глаголов, управляющих дательным падежом вреда (*пакостити*, *досадити*, *докучати*). Новое значение развивается (наряду с сохранением старого значения) и у глаголов *измѣнити*, *мѣшати*. С винительным падежом эти глаголы сохраняют более конкретное значение физического воздействия („внести изменения, переменить“, и „смешивать“), ср.: **кто измѣнить святыи сии уставъ**
отеческии, горе наслѣдует и клятву Прав., стр. 479; **мѣшааше тѣсто** — пример И. И. Срезневского¹. Значение физического воздействия отсутствует в случаях употребления этих глаголов с дательным падежом.

С иными средствами падежного синтаксиса дательный падеж вреда приходит в соприкосновение лишь в отдельных случаях. Глаголы *помощи*, *пособствования* в памятниках новгородского и псковского происхождения нередко управляют местным падежом с предлогом *по*: *по* *тобѣ не помагати* Пск. 2 лет., 1421 г.; *ему не помогати по Новгородѣ, ни по Псковѣ* Пск. 2 лет., 1428 г.; *к нимъ бы есте не приставалѣ, а по нихъ не пособлялѣ* Н. гр. № 50, 1410/11 г.; *како намъ, княже, по тебѣ пособити?* Пск. 2 лет., 1421 г. Появление этого предложного сочетания при глаголах *помощи* вызвано, вероятно, ассоциациями с такими случаями, как *ити по комъ* ‘за кем’, *побороти по комъ* ‘сражаться за кого’. Управление винительным падежом с предлогом *на*

¹ „Материалы для словаря древнерусского языка“, II. СПб., 1893—1912, стл. 253.

приобретает глагол *пеняти*: *и тебѣ было пенять на своего брата, Ирика, да на его думцовъ...* Д. Т. Пр. 2, стл. 37, 1572 г.; *жену понять — на свата пенять* П. XVII в., л. 343 об. Это предложное сочетание встречается и при некоторых других глаголах, например, *поносити*: *диавол же велми начат поносити на его* С. Гр., стр. 31; *негодовати: негодова...на Казанского царя Шихаллъя* Каз. лет., л. 97. При глаголе *негодовати* встречается также винительный (или родительный) падеж и местный падеж с предлогом *о*: *послаша новгородьши къ нему Мирошку...просяче сына, а Ярослава негодующе* Н. 1, 1195 г.; *вси людие негодоваху о княжении его* Сим. лет., 1446 г.

Творительный беспредложный падеж встречается в памятниках при глаголах *льстити*, *понасиловати*, *радѣти*: *Черный Клобукъ нами лестить* Ип. 1172 г., л. 196; *укрѣпятца и понасилуютъ самѣми ими* Каз. лет., л. 44; *он, Лазарь, твоимъ государевымъ таможеннымъ и ка-бацкимъ всяkimъ деломъ не радеет* Хоз. Мор., № 92. Глагол *дружити* получает управление творительным падежом с предлогом *съ; ну*, *дружи со мной, не сердитуй же* Авв., П. к М., стр. 317. При этом меняется значение глагола: глагол теряет оттенок значения, связанный с оказанием услуг кому-либо, сохраняет и развивает значение 'быть в дружеских отношениях'.

Дательный падеж пользы и вреда представлен и в современном русском языке, хотя и при более ограниченном круге глаголов. Представлен он и в других славянских языках. Некоторые глаголы, потерявшие управление дательным вреда и пользы в русском языке, сохраняют его в других славянских языках. По данным Е. Тимченко, глагол *ляти* употребителен с дательным (и с винительным) падежом в значении 'браниться' в украинском языке: *як син прийшов вже до хати, взяв жінці ляти*¹. Глагол *одолѣти* сохраняет старое управление в сербском языке: *ко је сили бојој одолjeti*².

В части дательного падежа при глаголах психического движения различия между древнерусским и старославянским языками также не велики, судя по материалу обследованных памятников. Особенностью старославянского языка является дательный падеж при глаголах со значением господствования. В памятниках древнерусского языка дательный падеж этого типа не встретился: обычен творительный падеж с предлогом *надъ*, встречающийся при этих глаголах и в старославянских памятниках: *црсоуетъ надъ нали* Зогр., Лк. XIX, 14.

Дательный падеж объекта психического движения в истории русского языка особенно часто соприкасается с винительным и родительным падежами.

С винительным падежом встречаются в памятниках глаголы *вѣняти* и *вѣнимати*. Ст.-сл.: *вѣнемлѣте милостынѧ вашѧ* Зогр., Мф. VI, I; *вѣнимате милостынѧ вашѧ* Сав., л. 71 об. Др.-р.: ...*Силивестрова словеса внимаете...* Г. Амарт., л. 208; *да внимаетъ то в прокъ себѣ* Дом., л. 54 об.; *вѣнимати словеса добрые и твори я* Дом., л. 113 об. Эти же глаголы встречаются в памятниках древнерусского языка и с родительным падежом: *внимающи ученья...* Лавр. 955 г., л. 17 об.; *внимайтъ разумно сладкия и новыя повѣсти сея* Каз. лет., л. 2 об.

¹ Е. Тимченко. Ук. соч., стр. 38.

² Т. Мартић. Ук. соч., стр. 547.

Винительный падеж встречается также при глаголах *разумѣти*, *разумѣвати*, *умѣти*, *выкнѣти*, *обыкнѣти*, *навыкнuti*, *сѫдити*, *трѣпѣти*, *подражати*, *въслѣдовати*, *послѣдовати*, *поревновати* и некоторых других.

Ст.-сл.: *кы же разоумѣете і ыко съ вами прѣбываєтъ* Сав., л. 25 об.; *не разоумѣїхъ ёго* Сав., л. 25 об.; *разоумѣкъ же іс лжакьство ихъ* Сав., л. 46; ... *сего не разоумѣїште* Супр., стр. 27—28; *не озыкъ дацьбы* Супр., стр. 170, 29; *мальчаливж жизнъ есть озыка* Супр., стр. 204, 15; *не выкии оучении зла* Изб. 73, л. 94 об.; *како во иматъ сътрѣгѣти толикъ путь* Супр., стр. 31, 9—10; *доколѣ трѣпаж вы* Сав., л. 78 об.; *подражал отъца своего* Супр., стр. 8, 5—6; *иудеј подражавъша прѣльстъ* Супр., стр. 214, 13—14; *въсаѣдѣствоваша ико* Супр., стр. 229, 14—15.

Др.-р.: *умѣти, разумѣти*: ... *кто книги разумѣть* Н. 1, 1224 г., л. 96; *не разумѣхомъ своея погибели* Н. 1, 1230 г., л. 110; *будета яко и бѣ, разумѣюще добро и зло* Лавр. 986 г., л. 29; *посла...толмача, разумѣюща Рускии яз(ык)ъ* Ип. 1261 г., 283 об.; ... *разумѣвъ сущую погибель, хотящую надъ ними быти* Пск. 2 лет., 1478 г.; *умѣла бы сама и печи и варити, и всякую домашнюю порядню умѣла...* Дом., л. 112 об.; *астрономия умѣть — любовь к бѣгу имѣть* П. XVII в., л. 323 об. (им. пад. прямого дополнения); *навыкнuti*: ... *навыкнуть црквины чинъ* Стогл., л. 317; *подражати*: *обычай бо есть в людех царя подражати* Сим. П., стр. 17; *судити*: *егда сядеши судити дѣла моя* Лавр., Поуч. Мон., л. 85; *въ Пльсковѣ миряне судять поповъ и казнить ихъ въ церковныхъ вещѣхъ* Гр. митр. Кипр. 1395 г.

Дательный падеж при глаголе *въняти* (*вънимати*) постепенно закрепляется, вытесняя винительный (и родительный) падеж. Он становится также, уже после XVII в., обычным дополнением к глаголу *подражати* и к глаголу *послѣдовати*. Что касается остальных из перечисленных глаголов, то к новому периоду истории русского языка они теряют способность управлять дательным падежом, в первую очередь глагол *судити*, с дательным падежом не употребляющийся в живом языке, повидимому, уже в XIV в., затем глаголы *умѣти* и *разумѣти*, в XV—XVII вв. сохраняющие при себе, повидимому, лишь дательный падеж *грамотѣ*. В современном русском языке невозможен дательный падеж данного типа и при глаголе *ждать*, который и в памятниках древнерусского языка представлен лишь в одном случае.

Глагол *хотѣти* (и производные) в памятниках старославянского языка весьма последовательно употребляется с дательным падежом объекта психического движения. Впрочем, уже в старославянском языке наблюдаются случаи управления родительным и винительным падежами: *отъпуштати народоу съвѣзынѣ егоже хотѣахъ* Зогр., Мф. XXVII, 15; *миости ҳоџа а не жрѣты* Сав., л. 36; *ч'то ҳоштеши* Супр., стр. 299, 23—24. В живом древнерусском языке глагол *хотѣти* дательным падежом не управлял, повидимому, уже в XI—XII вв. Приведенные нами случаи его употребления с дательным падежом встречаются почти исключительно в памятниках неоригинального происхождения. Изменение управления связано, повидимому, с некоторым изменением в значении глагола. В памятниках старославянского языка *ҳотѣти* (и производ-

ные) нередко употребляется в значении 'быть расположенным (к кому или к чему)', 'любить', например, в Киевских листках, где сочетанием *въсхотѣтъ намъ* переводится латинское *benevolus nobis*, или в Зографском евангелии *оупъва на ба да ізбавитъ і нынѣ аште хощетъ емоу* Мф. XXVII, 43. Возможно, что в этом значении *хотѣти* ассоциировался в какой-то мере с глаголами полезного действия (дательный пользы и вреда). По мере развития и закрепления значения 'иметь желание' связь с глаголами пользы и вреда теряется.

С остальными средствами падежного синтаксиса дательный падеж объекта психического движения соприкасается реже. Глагол *зазърѣти* встретился в одном случае с местным падежом: *нѣкоімъ гдѣ зазрѣти* Гр. Б., л. 298-г. При некоторых глаголах психического движения встречается дательный падеж с предлогом *къ: съгрѣшиши: къ вогоу съгрѣши* *даундъ* Супр., стр. 360, 30; *съгрѣшили есь и ву и к тобѣ* Ип. 1159 г., л. 177; *согрѣшиша ко святому...* Пут. Иоанна, стр. 247; *вѣнимати: вѣнимати къ молению народному* Ин. ск., стл. 14; *вѣровати: не вѣроуемъ къ чловѣкоу тѣлѣнью* Супр., стр. 258, 10; *бяше бо и не твърдо вѣруя къ стыма* Б. и Г., л. 20 об.; ...*с служами его и иже к нему вѣруютъ* Лавр. 1071 г., л. 59 об.; *позавидѣти: къ чести по-завидѣ Прокопиевѣ и злуу крамолу нань состави* Ин. ск., стл. 126.

В современном русском языке дательный падеж с предлогом *к* уже не применяется при этих глаголах для обозначения косвенного объекта действия. Это обстоятельство связано с ограничением употребления данного предложного сочетания в значении предмета, к которому обращено или в сторону которого направлено какое-либо действие (выше уже отмечалась неупотребительность дательного падежа с предлогом *к* в современном русском языке при глаголах говорения). При глаголе *согрѣшить* и близких по значению глаголах лицо, к которому имеет отношение психическое движение, в современном русском языке обозначается формой творительного падежа с предлогом *перед*. Такое управление встретилось в одном случае уже в памятниках старославянского языка: *съгрѣшихомъ прѣдъ товоюж жродъскы* Супр., стр. 3, 18—19. При глаголе *верить* и производных от него глаголах в современном русском языке наряду с дательным падежом возможен и винительный падеж с предлогом *в*, выражающий, впрочем, несколько иной оттенок значения. Синонимичность дательного падежа и винительного с предлогом *въ* при этих глаголах наблюдается и в памятниках старославянского и древнерусского языков — ст.-сл.: *не можеъ оуъво вѣрокати въ чловѣка иже мало пожигъ бумиракетъ* Супр., стр. 258, 11—13; др.-р.: *вѣрую во единого ба...* Лавр. 988 г., л. 38 об.

Дательный падеж при непереходных глаголах психического движения представлен и в современном русском языке, но круг управляющих им глаголов заметно сузился. Некоторые глаголы, потерявшие дательный падеж объекта психического движения в русском языке, сохранили его в других славянских языках. Так в украинском языке, по указанию Е. Тимченко, дательный падеж возможен при глаголах *грішити* и *розуміти*¹. Т. Маретич отмечает дательный падеж при втором из этих глаголов в сербском языке².

¹ Е. Тимченко. Ук. соч., стр. 38.

² Т. Maretic. Ук. соч., стр. 547.

С течением времени весьма заметно сократилось употребление дательного падежа при глаголе *быти* (*бывати*). В старославянском языке дательный падеж при этом глаголе вполне последовательно применяется для обозначения лица, которому нечто принадлежит или у которого имеется нечто, независимо от того, является ли „принадлежащее“ чем-то конкретным, вещественным (*семоу класана риза ѿвъ*), или же в роли подлежащего выступает имя существительное с отвлеченным и невещественным значением (*мынъ оуко желаник кстъ възкравати сѧ*). Памятники древнерусского языка старшего периода в этом отношении отражают более поздний синтаксический строй. В тех случаях, когда „принадлежащим“ оказывается нечто конкретно вещественное, дательный падеж является уже редким исключением; обычен в таких случаях родительный падеж с предлогом *у*: *бываше корма у нихъ много* Ип. 1234 г., л. 261; *бѣ бо у него снвъ 12* Лавр. 988 г., л. 42; *князя у нихъ нѣту* Лавр. 1206 г.; *у Филипа 2 куницы* Н. бер. гр. № 2; XIV в. В тех же случаях, когда „принадлежащим“ оказывается нечто невещественное, дательный падеж продолжает употребляться: *была бо ми мысль на пострижение* Ип. 1146 г., л. 124; его вытеснение предложным сочетанием происходит уже значительно позднее, может быть, около XVI в., причем в языке высоких литературных жанров дательный падеж этого типа вполне возможен еще в XVII в. В „Грамматике“ Мелетия Смотрицкого встречаются подобные случаи употребления дательного падежа: *есть и другое аттикомъ свойство, славяномъ прискроеное* л. 293 об. (М., 1648). Дательный падеж этого типа подчас весьма близок к дательному падежу при предикативных наречиях („категории состояния“), т. е. к дательному падежу, которым обозначается субъект того или иного состояния (*людем страх был велик Уст. лет., 1476 г.*; ср.: *страшно добрѣ нам стало...* Аз., стр. 99).

Дательный падеж при глаголе *быти* и подлежащем, выраженным именем существительным с невещественным значением, как выше уже отмечено, нередко выражает значение лица, с которым нечто случается, с которым что-либо приключается. Этот тип дательного падежа при глаголе *быти* также постепенно уходит из употребления, по мере того как ослабевает соответствующее вещественное значение глагола *быти* ‘случаться’, ‘приключаться’. Однако дательный падеж этого типа в какой-то мере возможен и в современном русском языке; пример подобного употребления дательного падежа приводит А. А. Шахматов в „Синтаксисе русского языка“: *такая же участь была и сенатору Болотникову*¹. Для передачи этого значения в современном русском языке используется также родительный падеж с предлогом *у*; возможен и творительный падеж с предлогом *с*: *что будет с ним?* Ср. др.-р.: *вѣдаетъ то богъ, что будетъ ему*. В древнерусском языке при глаголе *быти* ‘случаться’ возможен был и творительный падеж с предлогом *надъ*: *и бысть сѣча великая надъ Римляны* Ск. об Ал. Н., стр. 6; ...*погибель, хотящую надъ ними быти...* Пск. 2 лет., 1478 г. Однако надо иметь в виду, что сам глагол *быть* в значении ‘случаться’, ‘приключаться’ в современном русском языке, в сущности, почти вытеснен другими глаголами. Древнерусскому словосочетанию *бысть имъ бои* в современном языке соответствует не *был у них бой*, но *у них случился бой*, *произошел бой*.

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 335.

После XVII в. прекращается употребление конструкций с дательным падежом типа *отъ царя имъ было похваление*.

Единственным распространенным типом дательного падежа при глаголе *быть* (который часто пропускается) в современном языке является тот дательный падеж, в котором стоит название лица, являющегося адресатом предоставления и который Е. Тимченко называет предикативным дательным падежом (*это — тебе*).

Развитие системы грамматических средств русского языка привело к формальному разграничению двух оттенков значения, выражавшихся в старославянском языке недифференцированно, одной и той же формой дательного падежа. Значение длящейся принадлежности предмета лицу закрепилось за глаголом *быти* и родительным падежом с предлогом *у*; значение лица, в распоряжение которого нечто передается в момент речи или в будущем, сохранилось у формы дательного падежа. Что касается значения принадлежности, свойственного родительному падежу с предлогом *у*, то оно является, несомненно, вторичным, развившимся на базе пространственного значения „вблизи кого-либо“.

В славянских языках в настоящее время широко распространен, повидимому, лишь дательный падеж типа *это — тебе*. Пережитки других способов употребления дательного падежа при глаголе *быть*, в частности, дательный лица, которому принадлежит нечто вещественное, отмечает Т. Маретич в сербском языке: *otkud joj zlato?*¹. Едва ли следует сомневаться в том, что дательный падеж с оттенком значения принадлежности при глаголе *быть* в общеславянский период находил широкое применение. Он засвидетельствован и в других индоевропейских языках. Например, в готском: *daihtar was imma* ‘у него (ему) была дочь’; в латинском: *opus mihi est; Croeso erant duo filii*². В латинском языке дательный падеж при глаголе *быть* имел особенно широкое распространение.

Дательный падеж лица, к которому обращаются с каким-либо знаком, или дательный ощущающего лица, близкий к дательному падежу в безличных оборотах, представлены и в современном русском языке; несколько изменился лишь состав управляющих им глагольных групп.

В. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛАХ

Сильноуправляемый дательный падеж нередко встречается и при глаголах с возвратной частицей, которые мы условно называем возвратными глаголами, включая сюда как глаголы, возвратные в полном смысле слова (действие направлено на субъект), так и глаголы, которым частица *-ся* придает иные оттенки значения, например, оттенок интенсивности действия, ср. *обещать* и *обещаться*.

С точки зрения значений, выражаемых формой дательного падежа, весь материал может быть разбит прежде всего на две группы. В первую группу войдут случаи дательного падежа при глаголах, которые соотносительны с переходными глаголами, управляющими винительным и дательным падежами: *дать кому что — даться кому*. Во вторую группу войдут глаголы с дательным падежом, не соотносительные с переходными глаголами, управляющими винительным и дательным падежами.

¹ T. Maretic. Ук. соч., стр. 548—549.

² H. Hirt. Ук. соч., стр. 125.

1. Значения дательного падежа в первой группе случаев в большей или меньшей мере связаны с его значениями при переходных глаголах, рассмотренных в соответствующем разделе. Поэтому подробно останавливаться на данной группе случаев мы не будем.

1) Дательный падеж в соответствии с дательным падежом адресата представления при переходных глаголах.

Ст.-сл.: *толикъ во даръ дасть см юмоу* Супр., стр. 531, 23; и како таковѣи прѣльсти... прѣдасте см Супр., стр. 175, 25—26; *господиноу покорити ся* Супр., стр. 328, 14—15; *ключи неескнини поржчајтесь см юмоу* Гр. Б., л. 90-в; *обѣштакъ см оуво вогоу...* Супр., стр. 165, 18.

Др.-р.: *только три города не дашася королю и Витовту* Ком. сп. Н. 1 лет., 1410 г.; *Ростовци вдашася ему* Лавр. 1096 г.; *аптекамъ предатся — денгами не жатся* П. XVII в., л. 324; *и тѣ ему здатися не восхотѣша* Ин. ск., стр. 29; *онъ мни буда не покоритъ ми ся* Лавр. 1074 г., л. 63 об.

2) Дательный падеж в соответствии с дательным падежом адресата причинения при переходных глаголах.

Ст.-сл.: *да ти ся что зъло сътвори* Супр., стр. 275—276.

Др.-р.: *что тогда доспѣлося Свѣйской землѣ?* Д. Т. Пр. 2, стр. 34, 1572 г.; *оже тобѣ ся что створить, то что намъ дѣяти?* Лавр. 1153 г., л. 113 об.; *а что ученился грабежъ... княжимъ лодьямъ Михаиловымъ Тѣфѣрьского...* Н. гр. № 18, 1375 г.

3) Дательный падеж в соответствии с дательным адресата сообщения (и показа) при переходных глаголах.

Ст.-сл.: *что ли см съглаголить мнѣ* Гр. Б., л. 325-в; *скрѣбнѣ вамъ испокѣдаиж см* Супр., стр. 429, 21; *покажи см иероги* Сав., л. 75 об.; ...*да вышя см иакви члакомъ постлаще* Сав., л. 73.

Др.-р.: *исповѣмъ ти ся Сл. Д. З.,* стр. 3; ...*похвалися Езикѣи царь посломъ царя вавилоньскаго...* Сл. Д. З., стр. 14; *Гришка... сказался князю Адаму царевичемъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ Углецкимъ* Ин. ск., стр. 22; *и се показался тому стѣлѣть огньи до нбсе сущъ* Ф. Печ., л. 56; *явися ему стыи мчнкъ Ге(о)ргии, гля...* Б. и Г., л. 22.

4) Дательный падеж при некоторых глаголах, соотносительных с переходными глаголами, управляющими винительным и дательным падежами.

Ст.-сл.: *не подобите см оуво імъ* Зогр., Мф. VI, 8; *оуподобиенъ см змї Супр.,* стр. 9, 15; *тѣ во иестъ миръ нашъ юмоуже съподобимъ см* Супр., стр. 251, 27—28; *кънижыникъ наоучъ см црствио неескоумоу* Зогр., Мф. XIII, 52.

Др.-р.: *что уподобистеся Горясѣру?* Ип. 1175 г., л. 207 об.; *дияволъ подушаетъ насъ... святымъ преславнымъ мужемъ ровнятися Курб,* Отв., стр. 127; *крестися... и научися святымъ книгамъ* Ком. сп. Н. 1 лет., 1265 г., л. 179; *чѣмъ симъ мнѣ хочешь мститися?* Сим. лет. 1447 г.; *того же лѣта Псковичи отрекошаася князю Андрюю Олердовичю, глаголюще тако...* Пск. 2 лет., 1349 г.

Таким образом, оттенки значения, выражаемые формой дательного падежа при переходных глаголах, наблюдаются и при соответствующих возвратных глаголах. Однако следует отметить, что глаголы с воз-

вратной частицей от соответствующих переходных глаголов часто отличаются меньшей конкретностью и вещественностью значения. Это действительно в особенности в отношении тех глаголов, которые образованы от переходных глаголов предоставления. Поэтому дательный падеж, часто сохраняя оттенки значений, свойственные ему при переходных глаголах, нередко приобретает дополнительно новый оттенок значения, сближаясь с дательным падежом объекта психического движения (ср.: *дати кому что и дадеся пъянству* Авр. Пал., стл. 498), иногда с дательным субъекта состояния (при глаголе *казатися*, ср.: *хоть черта впряги, а ему кажется лошадь* П. XVII в., л. 376).

2. В группе дательного падежа при глаголах, не соотносительных с переходными глаголами, управляющими винительным и дательным падежами, может быть отмечено несколько значений формы дательного падежа.

1) Дательный падеж объекта психического движения.

При ряде глаголов в дательном падеже стоит название лица (предмета), к которому направлено какое-либо психическое движение.

Въѣбритися, въѣбриватися 'войти в доверие'. Дательный падеж при переходном глаголе *вѣбрятися* имеет совершенно иное значение.

Др.-р.: оному же пришедшю к Ростиславу и вѣбрившися ему, чтѧшеть и Ростиславъ Лавр. 1066 г., л. 56; они же ѣхаша къ нему и приа ихъ съ любовию, а они въѣбриватися ему начаша, сеи же не разумѣ прельсти ихъ... Сим. лет., 1418 г.

надѣятися

Др.-р.: ...надѣяся батьству Лавр. 1051 г., л. 54.

повинѫтисѧ, повинитися, повиноватися

Ст.-сл.: вѣ повинѹтъ сѧ іма Зогр., Лк. II, 51; твои дръжалѣ не повинжасѧ Гр. Б., л. 315-а.

Др.-р.: всяка дша властелемъ повинуется Лавр. 1175 г., л. 125; Михаило же князъ(ы) не повинуся велѣнью ихъ... Лавр. 1246 г., л. 165; нынѣ же повинися нашеи воли К.-П. пат., л. 112.

смиловатися 'стать милостивым (к кому-нибудь)'

Др.-р.: и ты, господине, на благочестие уклонися, а нам смилуйся Посл. двор., стр. 378.

противитися (и производные глаголы) 'оказывать сопротивление'

Ст.-сл.: от вѣсѣхъ противиаціхъ сѧ намъ съпасі икы Киев. л., стр. 84; стыдѣлахъ сѧ вси противлѣнїште сѧ емоу Зогр., Лк. XIII, 17.

Др.-р.: г҃ь гѣрдымъ противиться, съмѣренымъ же даетъ благодать Б. и Г., л. 9 об.; моляхуть и не супротивитися ему Ф. Печ., л. 58 об.; какъ смиетъ противитца велицеи державе нашеи безумникъ сей? Каз. лет., л. 3; государеву повелѣнью во всемъ противятуа Д. л., стл. 243, 1625 г.

При некоторых глаголах психического движения дательный падеж обозначает и объект, к которому направлено психическое движение, и, в известной степени, причину или основание этого психического движения.

гнушатися

Др.-р.: ... гнушашеся *играмъ ихъ* Ф. Печ., л. 28.

дивитися и производные глаголы

Ст.-сл.: *слышавъ же ис диви ся емоу* Зогр., Мф. VIII, 10; *удивите ся чудесемъ* Гр. Б., л. 311-а.

Др.-р.: *и ныне я тому дивлюся, аже твои намѣстникъ слушаетъ всякого человѣка слова...* Рижск. гр. 1281—1297 гг.; *видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ и како ся мыють (и) хвощются, и удивися имъ* Лавр., л. 3 об.; *кияне же дивляхутся Угромъ множеству, и кметьства ихъ, и комонемъ ихъ* Ип. 1150 г., л. 151; *видивъ град удивися красотѣ его* Ип. 1237 г., л. 273; *язъ хожу куда, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку* Аф. Н., л. 372; *а намъ многие дворяне и дѣти боярские дивуются, что мы посямѣста не промыслимъ позорной грамоты* Стр. II, стл. 420, 1616 г.; *вси дивляхутся остроумию его* С. Гр., стр. 32.

радоватися, обрадоватися, возрадоватися

Ст.-сл.: *и вси людие радокахъ ся емоу о всѣхъ славыныхъ выдающихъ отъ него* Сав., л. 58 об.; *радоуетъ ся ei* Сав., л. 29.

Др.-р.: *ся элви радуетъ кровопролитию крестьянську* Н. I, 1235 г., л. 119; *обрадовашеся радостию великою своему владыци* Ком. сп. Н. 1 лет., 1404 г.; *птица бо радуется веснѣ, а младнецъ мтри, тако и азъ, книже, гне, радуюся твоей млости* Сл. Д. З., стр. 10, л. 253—253 об.; *обрадовался крохѣ, да ломоть потерялъ* П. XVII в., л. 361 об.; *всѣ князи и боляря, и гости торговые, и черные люди Еруслону возрадовались* Ер. Лаз., стр. 339.

съжалитися

Др.-р.: *може бы намъ ... лучшимъ быти, мы же быхомъ пушьши, брат брату не съжаляшеться...* Н. I, 1230 г., л. 114.

ужаснутися

Др.-р.: *какъ патриархъ отслужилъ обѣдню, изволилъ патриаршество оставливать, и язъ ужаснулся такому дѣлу, да шелъ скоро извъ церкви* Д. п. Н. № 9, стр. 29.

чюдитися, почюдитися

Ст.-сл.: *слышавъ се ис чуди ся емоу* Зогр., Лк. VII, 9; *чуждѣжасъ иго съмышленіи* Гр. Б., л. 183-б-в.

Др.-р.: *кѣто не почюдиться великуму съмерению?* Б. и Г., л. 12 об.; *стояхъ надолзѣ и чудяся тому неизреченному видѣнию* Ин. ск., стл. 102; *достоинъ есть чюдитися намъ крепкоумио его* Каз. лет., л. 25.

яритися (риятися)

Др.-р.: *учали о той казны говорити, что онѣ безъ братцкого вѣдома да по зайламъ денги и межъ собя росты великии и денги емлючи делятъ по собѣ, а вѣ домъ ничево нѣтъ ... , и рияся, государь, тому, игуменъ Аврамей съ тими старцы, которые вѣ сей явке писаны, да меня, нищего чернца, посадили за ту мою службу вѣ двои желиза,*

да въ чель Стр. I, стл. 686, 1592 г.; лисица ... поминает грехи куровы и ярсяся ему ... К. и Л., стр. 193.

Дательный падеж при глаголах *коритися*, *ругатися*, *смѣятися* обозначает лицо, к которому направлено определенное психическое движение, а также, в некоторых случаях, причину или основание этого движения. Психическое движение сопровождается внешними проявлениями, что сближает эти глаголы отчасти с глаголами *общения-сообщения*, отчасти с глаголами вредного для лица действия.

коритися, *укариватися* 'упрекать', 'насмехаться'

Др.-р.: *оць же его Миндовгъ укариваешься ему по его житью* Ип. 1262 г., л. 286; *тѣмъ и Русь корятся ради мичемъ глюще: пищаньци волъчья хвоста бѣгаютъ* Лавр. 984 г., л. 27 об.

р҃гатися (*ругатися*) и производные глаголы 'насмехаться', 'надругаться'

Ст.-сл.: *р҃гахъ смѣмоу* Зогр., Мф. IX, 24; *поржгайтъ смѣмоу* Сав., л. 80; *нача стыни р҃гати смѣмоу на тоу* Супр., стр. 118, 18—19; *олтаремъ наржгающеся* Гр. Б., л. 62-в.

Др.-р.: *еще же и о худости ризынви мнози от невѣглас усмихающеся тому ругахутесь* Ф. Печ., л. 61; *аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому* Лавр. 955 г., л. 18 об.; *Владимиръ... види Петра вѣдуща и поругася ему и реч(е): побѣхъ мужъ рускии, обумавъ вся волости* Ип. 1152 г., л. 166 об.; *собѣ ся ругаеши, учителю Алекс., л. 314; ни кѣмъ любо образомъ не поругатися црковному строению* Стогл., л. 117 об.—118; *возять на ишакѣ наряднаго мужика, сдѣланъ мѣхомъ..., и со стороны поддерживаютъ, чтобы не упалъ, и ему ругаются и плюютъ на него Пут.* Кот., стр. 17; *смотриль у нихъ просвиромисания дважды или тражды, в ольтарѣ у жертвеника стоя, а самъ имъ ругалъся* Авв., л. 239 об.

смѣятися (*смиятися*) и производные глаголы

Ст.-сл.: *врѣмѧ смиати смѣть съпасеню смиати смѣти а не посмиати смѣти во смѣчь поржгания* Супр., стр. 356, 20—21.

Др.-р.: *да не посмѣются приходящии к вам (ни) дому вашему, ни обѣду вашему* Лавр., Поуч. Мон., л. 80 об.; *княже, уже еси на Галичини могилѣ посѣдѣль, тако и в Галичѣ княжилѣ еси; смѣяху бо ся ему* Ип. 1206 г., л. 246 об.; *почто ся еси рассмѣяль мужю прашающу Сол. и К., стр. 256; мнози неразумнии члвцы махающе рукою по лицу своему творятъ крѣщес(ъ), всуе тружающеся; тому маханию бѣси смѣются* Стогл., л. 109 об.; *единъ рече: всуе намъ сие иереи повѣдаютъ, яко по смерти души живутъ; сему словеси начаша вси смѣтися* Лег. о пьян., стр. 141; *откуды пришелъ, туды и пойди, а намъ не смѣйся* Ер. Лаз., стр. 333; *или глупыя люди немудрыя чѣмъ тебѣ молотцу насмѣялися?* Г.-Зл., стр. 6.

2) Дательный падеж объекта *общения*.

В дательном падеже стоит название лица, к которому обращен тот или иной вид языкового *общения*. Особенностью возвратных глаголов, управляющих этим дательным падежом, является то, что они чаще всего обозначают не простое *общение*, но такое *общение*, которое связано с определенными чувствованиями лица — субъекта действия, с тем или

иным психическим движением (ср.: *молитися*, *жаловатися*, *плакатися кому — и, с другой стороны, говорити, съказати, повѣдати кому что*).

божитися

Др.-р.: *правду де скажи, ничего не солжи; а яз им божился, и с ног свалился* Посл., стр. 75.

жаловатися

Др.-р.: *дружина же Всеволожа начяша князю жаловатися: мы не улововать ихъ приѣхали...* Лавр., 1178 г., л. 130 об.; *посем же Кондратъ посла посолъ свои ко брату своему Володимерови, жалуяся ему о своеи соромотѣ* Ип. 1281 г., л. 293 об.; *здѣсь намъ жаловалъся братъ нашъ Кузма Ларивоновичъ на вашего брата на Ивана на Амьбура Н. гр. № 69, 1439 г.; да кто ихъ эаимаетъ, и они ся жалуютъ князю своему Аф. Н., л. 375 об.; ... жалуетца сродичамъ своимъ, что онъ съ ней живетъ не въ совѣте и бѣть и мучить* Кот., л. 228.

каятися

Др.-р.: *да же начнеши каятися бу, и мнѣ добро ср҃дце створиши, пославъ соль свой или (е)пспа...* Лавр., Поуч. Мон., л. 84; *въ подъяконытвѣ аще ти ся каешь, приими его* Вопр. Кир., стл. 46; *язъ ся каю того королю, оже есмь тобѣ ср҃дце вередилъ и пакы оже противусталъ тобѣ* Ип. 1152 г., л. 162.

кланятися, поклонитися, покланятися ‘выражать почтение поклоном’, ‘поклоняться’, ‘обращаться с просьбой’, ‘подчиняться’

Ст.-сл.: *Гю єу своемоу поклониши сѧ Зогр., Мф. IV, 10; кланѧше сѧ емоу* Зогр., Мф. VIII, 2; *покланяющ сѧ ки* Супр., стр. 3, 16—17.

Др.-р.: *поклонишася чюдь князю, и дань на нихъ възя* Н. I, 1212 г., л. 78; *новгородцы же кланяхуся ему: не ходи, княже...* Н. I, 1223 г., л. 95; *начаша забывати ба и покланятися Валу* Лавр. 986 г., л. 33; *Кондратъ ... вшедъ поклонися ему и плакася повелику, видя болесть его и унынье тѣла его краснаго* Ип. 1287 г., л. 300; *не поклоняс(ь) грибу до земли, не поднят(ь) ево въ кузовъ* П. XVII в., л. 358; *чело свербитъ, кланяется некому* П. XVII в., л. 373.

клятиса (клятися), заклятися

Ст.-сл.: *клять сѧ еї Ѹко егоже аште просинши дамъ ти* Зогр., Мр. VI, 23.

Др.-р.: *ныне же клятвою клену ти с(я), яко николиже вражды с тобою не имамъ имѣти* Ип. 1238 г., 264 л. об.; *потомъ нѣции отъ нихъ безумнии напившеся закляшася князю своему поганому лестеру посады огнемъ зажеши, а Псковъ градъ взяти* Пск. 2 лет., 1480 г.

молитися, помолитися, възмолитися, маливатися ‘обращаться

‘с просьбой’, ‘молиться’

Ст.-сл.: *мож ти сѧ не мжчи мене* Сав., л. 54; *помоли сѧ хсѹ да подастъ наихъ видѣния* Супр., стр. 3, 21—22.

Др.-р.: *пребываше у цркве стою мчку днни нѣколико, припадая и моляся стыма Б. и Г., л. 22 об.; молю ти ся, оче, яко отселе не могу пребывать въ келии множества ради живущихъ бѣсовъ въ hei*

Ф. Печ., л. 44 об.; иде к великому Антоныю в пещеру, моляся ему, да бы и створилъ черноризцемъ Лавр. 1074 г., л. 64 об.; молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русъскыѣ земли Лавр. 1097 г., л. 88 об.; еха Данилъ въ Жидичинъ кланяться и молитися стму Николѣ Ип. 1227 г., л. 255; молюся вамъ, крестите мя Каз. лет., л. 170; хто на море не бывалъ, тот с прильжаньемъ бгу не маливался П. XVII в., л. 374 об.

отозватися

Др.-р.: въ десятыи день въ полудне едва оттозвася имъ гласъ отъ бѣса, въ мечете глаголюще, всемъ людемъ слышащимъ... Каз. лет., л. 68 об.

отпрыѣтия 'отказать'

Др.-р.: позва Всѣволодъ новгородьце на Чѣрниговъ... и новгородьци не отпрыешася ему, идоша съ княземъ Ярославъмъ... Н. 1, 1195 г., л. 55—56; Романъ же отопрѣся ему, тако река... Ип. 1274 г., л. 290 об.

печаловатися 'ходатайствовать', 'просить'

Др.-р.: ...начаша прежде бити челомъ княземъ и бояромъ и воеводамъ великаго князя, чтобы печаловалися братии великаго князя, а они бы печаловалися брату своему, великому князю, да и сами бы бояре печаловалися Сим. лет., 1471 г.; ...били челомъ, чтобы ся печаловалъ великому князю Сим. лет., 1478 г.; биль челомъ великого князя боярину конюшему... гонецъ Казанской Девлечаръ князъ, чтобы печаловался великому князю, чтобы государь пожаловалъ ослободилъ ему послати Татарина своего въ Казань Лъв. лет., 1536 г.; а велможи другъ о другѣ печаловалисъ) царю Константину о кормленияхъ и о городех и о намѣстничествѣ, яко гладныя псы Пер. 1 чл., л. 142. С пропуском возвратной частицы: Михайлъ Юрьевичъ... тебѣ, государю, обо мнѣ печаловалъ Пер. 2 чл., л. 164—164 об.

плакатися 'обращаться с мольбой'

Др.-р.: яз, холопъ твои, о томъ тебе, государю, плачюсъ), чтобъ ты милость показалъ, свои царски сыск учинилъ, то ся какъ деяло и чего для В. Гр., 1 п.; государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии беднои холопъ твои полонянникъ Васюк Грязной плачетца В. Гр., 1 п.

3) Дательный падеж при возвратных глаголах со значением возникновения, причинения. Значение этого дательного падежа весьма близко к значению дательного падежа при глаголе *быти* 'случаться'.

лучитися, сълучитися, сълучатися

Ст.-сл.: іспокѣдаша въсѧ вѣсъмъ иже сѧ сълоучи имъ Супр., стр. 40, 1—2; како се сълоучи сѧ намъ да разоумѣемъ Супр., стр. 312, 19—20; чъто ти сѧ сълоучитъ Гр. Б., л. 108-г.

Др.-р.: бѣжныи же Нифонть, аще ся ему сълучаше кака брань и напасть или искусъ от врага, расужая крѣпѣцъ, даяше си заушыници Жит. Ниф., л. 13; сему сыну боярскому случися недугъ вельми лютъ эвло Жит. Ал. Нев., стр. 111; а смерть ему судомъ божиимъ случилася скорая А. гр. р. № 110, 1642 г.; ...лучита воеводамъ ис полковъ куды отъѣздъ... Улож., л. 83.

приключитися

Др.-р.: *приезри и вижь приключьшася чаду твоему Б. и Г., л. 14-*
а приключивши ми ся отъ тебя различные бѣды по ряду, за мно;
жествомъ ихъ, не могу ныне изреци Курб. Эп. 1, стл. 3.

родитися, уродитися, раждатися ‘случиться’, ‘родиться’

Ст.-сл.: *различна оуныны раждайтъ са празднъствоуїштии* Супр., стр. 492, 20—21.

Др.-р.: *оже родится тяжа в Нѣмцихъ новгородцю, любо нѣмчину Новѣгородѣ, то рубежа не творити...* Н. гр. № 28, 1189—1199 гг., сп. XIII в.; *родися Зи снъ Ярославу, и нареч(е) имя ему Стославъ Лавр., 1027 г., л. 50 об.;* *том же лѣт(ѣ) родися Олгу снъ Ип. 1167 г., л. 188;* *родися великому князю сынъ Сим. лет., 1449 г.;* *потомъ же родишася государю царевна Евдокія и царевичъ Феодоръ Каз. лет., л. 173;* *уродился ему былъ тогда сынъ Димитрий Курб.* Ист., стл. 206; *родися государю царю... дщерь царевна Ирина Михайловна Ин. ск., стл. 140.*

събытисѧ ‘случиться’

Ст.-сл.: *съпокѣдакъшемъ же имъ юже са имъ събы* Супр., стр. 39, 27—28.

4) Дательный падеж ощащающего лица при возвратных глаголах.

При некоторых возвратных глаголах в дательном падеже стоит название лица, которое испытывает те или иные ощущения, вызываемые в нем восприятием того или иного предмета. Дательный падеж этого типа близок к дательному падежу при некоторых непереходных невозвратных глаголах, а также к дательному падежу субъекта в безличных оборотах. К дательному падежу рассматриваемого типа тяготеют случаи употребления дательного падежа при некоторых глаголах с возвратной частицей, соотносительных с управляемыми винительным и дательным падежами переходными глаголами (например, дательный падеж при глаголе *казатися* ‘мерещиться’).

видѣтисѧ, привидѣтисѧ

Др.-р.: *виделся мнѣ сон велми грозен и напустил на мя такую болѣзнь...* Пер. Ск. о кн., л. 303; *начесь вамъ кому што и каковъ сонъ видѣлся?* Пов. Иер., стр. 41; *ибо эло то Горе излукавилос(ъ), во снѣ молодцу привидялос(ъ)* Г.-Зл., стр. 8.

въсладитисѧ ‘показаться сладким’

Ст.-сл.: *въсладиша ми са вѣна словеса акы съть медѣнъи* Гр. Б., л. 211-б.

мынитисѧ ‘думаться’

Ст.-сл.: *что са камъ мынитъ* Сав., л. 29; *юже сы въ истинѣ нечестыю онѣмъ мынашесѧ* Гр. Б., л. 83-в.

помнитисѧ

Др.-р.: *и то де ему помнитца, что примолвилъ и ту рѣчь: аще де вмѣнюся впредъ вамъ быти патриархъ, да буду анафема...* Д. п. Н., № 9.

полюбится

Др.-р.: как тебѣ, государь, полюбита службишко мое, холопа твоего Пер. 1 чел., л. 131 об.; лише бы ему царю наша казачья рѣчъ полюбиласъ Аз., стр. 141; которые имъ дары не полюбятся, и они перемѣниваютъ Кот., л. 85; а всем мне надежа полюбился, а умом он и ростом да родился... Лир. пес., стр. 384.

потрѣбоватися 'понадобиться'

Ст.-сл.: се бо не потрѣбоуїтися намъ Гр. Б., л. 21-в.

слышатися

Др.-р.: и слышахуся имъ гласи прекрасно поюще Каз. лет., л. 63 об.; и се внезапу слыша ми ся звонъ великъ Ин. ск., стл. 102.

смилитися 'стать милым'

Др.-р.: и живот свой ему не смилился Пос., л. 33 об.

спѣтися 'удаваться'

Ст.-сл.: любаштимъ' бога все спѣктъ са на добро Супр., стр. 368, 18—19.

удатися

Др.-р.: война ся имъ не удала, одинъ городъ взяли индѣйской, а людей много изгубили, а казны много истеряли Аф. Н., л. 390.

* * *

Все рассмотренные значения формы дательного падежа при возвратных глаголах представлены и в современном русском языке.

В части дательного падежа при глаголах, соотносительных с переходными глаголами, управляющими винительным и дательным падежами, памятники древнерусского языка не указывают на какие-либо значительные особенности сравнительно с материалом обследованных памятников старославянского языка. Можно указать лишь, что возвратные глаголы этой группы, управляющие дательным падежом, по своему значению отошли уже дальше от соответствующих глаголов без возвратной частицы, в большей мере утратили первоначальное конкретное значение.

При возвратных глаголах этой группы в памятниках древнерусского языка вместо беспредложного дательного падежа иногда встречается дательный падеж с предлогом *къ*. Ср.: *къ Латыномъ ся отдаютъ* Лъв. лет., 1471 г.; *стало срамно молоту появитися к своему отцу и матери Г.-Эл.*, стр. 5; *к богу и ко мне обещастеся* Пов. о пр. Ст. Б., л. 11; *Езекии царь Иэрль похвалися к послом царя вавилонского* Сл. Д. З., стр. 38; *уподобися убо и ты къ Александрови Алекс.*, л. 325 об. Дательный падеж с предлогом *къ* вообще обозначает предмет, к которому действие имеет более опосредованное отношение, чем предмет, обозначаемый беспредложным дательным падежом. В приведенном примере при глаголе *появитися* дательный с предлогом применен в пространственном значении (ср.: *прийти к кому, к чему*). При глаголах *уподобитися, похвалитися, обещатися* употребление дательного с предлогом опирается на способность этого предложного сочетания обозначать предмет, в сторону которого обращено действие, или предмет, к которому имеет отношение действие.

При некоторых глаголах для показания лица, к которому имеет отно-

шение действие, используется творительный падеж с предлогом *передъ* (*предъ*): *покарятися пред нимъ во всѣмъ...* Дом., л. 20 об.; *хвалятъся перед царем Ск.* о бог., стр. 365; *пред любовными своими гостми и други, и названными браты похвалялся, а всегда гнило слово похвальное Г.-Зл.*, стр. 8.

При глаголе *мститися* в соответствии с дательным падежом объекта встречается иногда винительный падеж с предлогом *на*: *крѣсть ѹловати на томъ, что ему ... судом не мститися ни на кого же* Пск. судн. гр., л. 1.

При глаголах *учитися, научитися, выучитися* в памятниках XVII в. встречается родительный падеж дополнения: *учишися славенска языка? учюся* См. Грам., л. 290; *еллинского и греческого языков выучился совершенно* Отп. 1692 г. Это управление наблюдается и в начале XVIII в.: *всякого благоразумия научатся* Пос., л. 12 об.; *научатся грамматического учения* Пос., л. 13. Возможно, что это управление вызвано западнорусским влиянием. Ср. ст.-укр. (XVII в.): *турецкого алкорану не училъся* Перест., стр. 107. На возможность родительного падежа при глаголе *учиться* и подобных указывает в своих грамматических работах А. Барсов¹. Лишь в XIX в. родительный падеж при глаголах *учения* становится совершенно неупотребительным.

При глаголе *учинитися* в древнерусском языке XV—XVII вв. наряду с дательным может употребляться и родительный падеж с предлогом *у*: *а у которого псковитина у какова учинится татба в Псковѣ или на пригороди...* Пск. судн. гр., л. 5—5 об. Позднее этот глагол начинает выходить из употребления. Неупотребительны в современном русском языке и некоторые другие глаголы этой группы.

Что касается дательного падежа при глаголах, не соотносительных с переходными глаголами, управляющими винительным и дательным падежами, то здесь также нет сколько-нибудь существенных различий между старославянским и древнерусским языками. Наблюдаются лишь различия количественного порядка: в памятниках древнерусского языка дательным объекта психического движения, объекта общения и т. д. управляют более многочисленные глаголы.

Из синонимических средств падежного синтаксиса необходимо отметить в первую очередь дательный падеж с предлогом *къ*. Постановка его возможна при целом ряде глаголов со значением общения.

• молитися и производные глаголы

Ст.-сл.: *иѣдѹж бо мнози молѧште сѧ о нею къ когоу* Супр., стр. 6, 4.

Др.-р.: *начать молитися къ господу бѣ* Б. и Г., л. 11; *молися за ны к бѣ* Лавр. 1074 г., л. 63 об.; *Игорь нача молитися ко Всеволоду и молбою, и гнѣваяся...* Лавр., 1244 г.; *к бѣ молитися елико вмѣстимо* Дом., л. 17.

клятица (клятися)

Ст.-сл.: *клять сѧ къ аврамоу* Зогр., Лк. I, 73.

Др.-р.: *язъ же кляхъся ко ѹрмъ Греческимъ...* Лавр., 971 г., л. 22 об.; *бѣ бо клятвою клялся о бѣ вѣликою к Романови...* Ип. 1257 г., л. 279 об.

¹ См. кн.: Н. К. Грунский. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, I. СПб.—Юрьев, 1910, стр. 33—46.

покаятися

Др.-р.: *а к бу бяше покаятися...* Лавр., Поуч. Мон., л. 84; *оже ся къ тобѣ покаеть добрѣ..., причащанье даи ему* Вопр. Кир., стл. 40.

покланятися

Др.-р.: *въ съмѣрении же вашемъ да ся покланяете къждо другъ къ другу* Ф. Печ., л. 43 об.

плакатися

Др.-р.: *плакахся азъ ко книгохранителю церкви римския именемъ Иакову и многими дарыми одарилъ его* Б. кл., стр. 287; *о томъ плакахся к бу грѣха своего Дом.*, л. 114 об.

Дательный с предлогом встречается также при некоторых глаголах психического движения. Ф. И. Буслаев приводит случай употребления дательного падежа с предлогом при глаголе *надѣятися*: *надѣяся къ господеви*¹. В обследованных нами памятниках встречается дательный падеж с предлогом при глаголе *сопротивлятися*: *гдѣ и сопротивляшеся Немецкое воиско къ намъ, вездѣ поражаю ихъ* Курб. Ист., стл. 235. Параллельное употребление дательного падежа с предлогом и беспредложного дательного падежа наблюдается почти исключительно в памятниках русского языка старшего периода. В XVI—XVII вв. подобные случаи встречаются редко и, вероятно, уже не отражают закономерностей живого русского языка.

Дательный падеж при глаголе *надѣятися* в памятниках древнерусского языка представлен единичным примером. Наиболее обычным является управление винительным падежом с предлогом *на*, как и в современном русском языке: *Олег же надѣяся на правду* Лавр. 1096 г., л. 85 об.; *тии на куны надѣются и на фрязы, язъ же на бога и на свою правду* Гр. митр. Кипр., 1373 г.; *не надѣйся на брата* Сл. Д. Зат., стр. 6. Однако при этом глаголе встречаются и другие виды дополнения: *ваю молитвы надѣющеся...* Б. и Г., л. 17 об.; *надѣющеся помощи отъ Олегра* Пск. 2 лет., 1341 г. (скорее всего, родительный падеж, хотя может быть и местный, и дательный); *надѣяся бѣт и силѣ животворящаго хა* Ип. 1146 г., л. 121 об.

Единичными случаями представлен дательный падеж также при глаголах *съжалитися*, *гнушатися*, *ужаснутися*. Глагол *съжалитися* (*съжалитиси*) управляет обычно местным падежом с предлогом *о*: *съжалися о бывшемъ от Печенѣгъ* Лавр. 968 г., л. 20. Это же управление нередко наблюдается у глаголов *радоватися*, *чудитися*, *дивитися*, для которых, впрочем, более обычно управление дательным падежом. Некоторые примеры: *тому зъряющу и чудящуюся о томъ...* Ф. Печ., л. 56; *се бо о семъ вельми ся радую* Ф. Печ., л. 58 об.; *...удивися о преславнемъ семъ чудесе* Сказ. о пол., стр. 73; *зело азъ о семъ удивляюся* Курб. Отв., стл. 147. Ср. в старославянском языке: *диклѣхъ сѧ о оученнї* Зогр., Мр. I, 22; *о семъ не радоуйте сѧ* Сав., л. 57 об. Управление местным падежом с предлогом *о* эти глаголы получают под влиянием глаголов говорения, сообщения, мышления.

Глагол *гнушатися* в древнерусском языке встречается обычно с родительным падежом: *они же ... зѣло ся его гнушаху* Жит. Ниѳ.,

¹ Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка, II. М., 1858, стр. 340.

л. 53; *аще бы въсхотѣла князю етеру, не бы ея гнушалъся* К.-П. пат., л. 165 об.; *вездѣ их гнушаются Стогл.*, л. 45. Имеются, впрочем, и случаи управления творительным падежом: *ныне я, свет мои, тобою не гнушаюсь...* К. и Л., стр. 206. Глагол *ужаснутися* обычен с родительным падежом: *той же названный царь Дмитрий никако сего ужаснулся* Кат.-Рост., стр. 339.

Соприкосновения дательного и родительного падежей вызваны тем обстоятельством, что как первый, так и второй могли обозначать объект психического движения.

Управление дательным падежом постепенно теряет глагол *родитися*. В современном русском языке он употребляется с родительным падежом и предлогом *у*. Это управление наблюдается отчасти уже в древнейших памятниках: *родися у Мстислава съ Лавр.*, 1171 г., л. 122; *родися у Стослава Оловича дчи Ип.* 1149 г., л. 137. Однако дательный падеж при этом глаголе встречается в памятниках еще в XVII в.; окончательное вытеснение его относится, повидимому, к более позднему периоду. В современном белорусском языке глагол *родиться* сохраняет старое управление: *радзіцца яму сын*¹.

Глаголы *ругатися* и *смѣятися* также сравнительно поздно теряют управление дательным падежом. В памятниках XVI—XVII вв. встречается несколько случаев употребления глаголов *ругатися*, *поругатися* с творительным падежом и предлогом *надъ*: *над святым твоим чудотворным образом поругающа* Пов. о пр. Ст. Б., л. 43 об.; *ругатися надъ ними...* Нов. пов., стл. 212. Однако более обычным в это время является еще управление дательным падежом (в обследованных памятниках соотношение 8 : 3). Что касается глагола *смѣятися* и производных от него, то они вполне последовательно употребляются с дательным падежом. Современное русское управление творительным падежом с предлогом *надъ* встретилось лишь в тексте „Повести о Горе-Элочастии“: *да еще Элочастие над молодцемъ настмиялося: быть тебѣ, травонка, посыченой...*, стр. 12. Этот глагол сохраняет управление дательным падежом в украинском языке: *чужому лихові не смійся*².

Г. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛАХ С ПРИСТАВКАМИ

Дательный падеж в функции прилагольного дополнения иногда зависит не столько от лексико-грамматического значения управляющего глагола, сколько от оттенка, вносимого в значение глагола приставкой. При этом соответствующие бесприставочные глаголы или глаголы с другими приставками не имеют при себе сильноуправляемого дательного падежа.

1. Дательный падеж при глаголах с приставкой *подъ-*

подлежати. Первоначально глагол имел конкретно-пространственное значение; дательным падежом обозначался предмет, находящийся в определенных пространственных отношениях к другому предмету. На основании этого значения развилось отвлеченное значение глагола —

¹ Т. П. Ломтев. Белорусский язык. М., 1951, стр. 119.

² Е. Тимченко. Ук. соч., стр. 41.

значение подчинения. Дательный падеж при глаголе *подлежати* обозначает предмет, в подчинении которого находится что-либо.

Др.-р.: *не смѣху ли подлежитъ твои разумъ?* И. Гр. Посл. К. стр. 57.

подпасти 'подчиниться'

Др.-р.: *подпадоша Казанъцы воеводамъ, яко вѣрны ся творящи и не лестны, лѣстяще же и обѣлыгающе царя своего...* Каз. лет. л. 96.

подъстѣлати 'подстелить'. Сохраняется конкретное значение глагола с пространственным оттенком, вносимым приставкой.

Ст.-сл.: *покелѣ же и трѣзжьца жѣлѣзы подъстѣлати има* Супр., стр. 181, 27—28.

2. Дательный падеж при глаголах с приставкой *прѣдѣ-* *предити, предъходити* 'предшествовать', 'идти впереди'

Ст.-сл.: *дымъ гнѣва мѣкамъ придѣхода* (вместо *прѣдѣхода*) Гр. Б., л. 307-г.

Др.-р.: *иногда неопредѣлену* (=глаголу) *неопредѣленъ предидетъ, яко: повели дати ми пити...* См. Грам. 308 л.; *неопредѣленымъ* глаголом определении *предити* *обыкоша* См. Грам., л. 309; *сице начальных долг есть предходити стаду подданых* Сим. П., стр. 12.

прѣдѣлежати 'лежать перед чем-либо', 'предстоять', 'наступать'

Ст.-сл.: *иѣдно отъ двою прѣдѣлежитъ* *валъ или жѣръше вогомъ въ саны и въ чѣсти достоиномъ быти или не покорикъше са отъятни живота* Супр., стр. 70, 1—5; *иѣсть бросовленіе прѣдѣлежащее на иѣнъ строеніе* Гр. Б., л. 329-б.

Др.-р.: *се же вамъ предлежитъ животъ и смерть* Пск. 2 лет., 1265 г.; *ныне вамъ время предлежитъ любовъ показать ко мне* Каз. лет., л. 55 об.; *смерть бо всѣмъ предлежаше* Авр. Пал., стл. 495.

прѣдѣложити, прѣдѣлагати 'класть перед кем-либо', 'предлагать'

Ст.-сл.: *иѣдите прѣдѣлагаемъ* *вамъ* Зогр., Лк. X, 8; *льстиши мы прѣдѣлагаемъ* *намъ* *свои блага* Супр., стр. 87, 13—15; *прѣдѣложи имоу* *иди многы и гла имоу* *обило* *иждъ* Супр., стр. 558, 5—6.

Др.-р.: *достоино же и сего въ повѣсть предложити вамъ* Жит. Ал. Н., стр. 110; *аз о семъ... поучалъ и писание предлагалъ* *вамъ Домъ*, л. 6 об.

прѣдѣположити, прѣдѣполагати

Ст.-сл.: *оубо* *мѣнога* *словеса* *съказанниа* *словесынай* *прѣдѣположивъши* *намъ* *великоумену* *касилию* Гр. Б., л. 19-а; *мѣногы* *оубо* *повѣсти* *намъ* *отъ отъчества* *прѣдѣполагаетъ* *понѣтьское море* Гр. Б., л. 22-а.

прѣдѣставити 'поставить перед кем-либо'

Ст.-сл.: *прѣдѣстави имоу* *хлѣбъ* Супр., стр. 524, 10; *прѣдѣстави* *иен водж и хлѣбъ* Супр., стр. 516, 1—2.

Др.-р.: *царя Нина связати воем завѣщает...*, *потом представити себѣ* *пovelѣла есть и обезглавити* Сим. П., стр. 32.

прѣдъстояти 'стоять перед кем-либо'

Ст.-сл.: *иако... побѣдителю прѣ(д)стоихъ* Супр., стр. 467, 24—26; *вогатоу и оубогоуомоу та жде трепеза прѣдстонть* Супр., стр. 491, 28—30.

Др.-р.: *цицевии мужи и по съмьрти живи суще господеви предъстоять* Б. и Г., л. 18 об.; *аще и тѣлъмь ошьла еста, нѣ благодатию жива еста и господеви предъстоита* Б. и Г., л. 15 об.; *бѣ есть на нбси... славим от англъ, иже предъстоять ему со страхом* Лавр. 1071 г., л. 59 об.; *единъ же от предъстоящихъ ему юноша уклонися въ вѣсъ нарицающу Ласково* П. и Ф., стр. 30; *царю предъстояти— себя зазирати* П. XVII в., л. 377.

предъстati 'явиться к кому-либо'

Др.-р.: *помысли, како ти предстati праведному, не на лица судящему Христу...* Ин. ск., стл. 66; *по времяни нѣкоемъ повелѣ ему король предстati себѣ* Пов., стл. 413.

прѣдътещи (предътечи) 'идти впереди', 'предшествовать'

Ст.-сл.: *хѹ прѣдътечаахъ* Супр., стр. 467, 25.

Др.-р.: *си быс(ты) предътекущия крѣтьянстви земли* Лавр. 968 г.

3. Дательный падеж при глаголах с приставкой *при-* *приближитися, приближатися*

Ст. сл.: *привлижи ми сѧ тѣломъ и доуholmъ и вѣроиж* Супр., стр. 503, 5—6; *привлажѣть ми сѧ людик си* Изб. 73, л. 28; *отъгонимоумоу приближитися* Гр. Б., л. 7-б; *привлижитъ сѧ намъ* Гр. Б., л. 11-б.

Др.-р.: *нынѣ приближися нам спснѣ* Лавр. 988 г., л. 41 об.; *видѣхомъ градъ, сущий высокъ зѣло, яко не моши намъ приближитися ему* К.-П. пат., л. 77 об.; *не можаше же не единъ приближитися телеси его* К.-П. пат., л. 106; *волею бо никто же не можаше приближитися горѣ той, идеже бѣ пещера* К.-П. пат., л. 107; *некоторому великому мужу от полаты царевы смертное посечение приближается* Пов. о кн. Ск.-Ш., стр. 330.

придержатися 'присоединяться'

Др.-р.: *овыи убо грады Москвѣ тогда придержахуся и Василия царя славляху...* Ин. ск., стл. 117.

прикоснутися, прикасатися

Др.-р.: *не прикоснеться ему съмьрть* Ф. Печ., л. 65; *не смеяху прикоснутися святымъ тѣлесемъ ихъ* П. и Ф., стр. 45; *уязвенныхъ пострѣломъ в домъ не пущаху, и ризамъ не прикасахуся* Уль. М., стр. 64; *прикоснется им мука* Сл. каб., стр. 68.

прилежати 'лежать возле чего-либо', 'усердно заниматься чем-либо'

Др.-р.: *аще прилежалъ будешъ мыслью которѣи женѣ...* Вопр. Кир., стл. 55; *Ярославъ... книгамъ прилежа и почитая* е часто в ноши и въ дне Лавр. 1037 г.; *кнзъ Мъстиславъ... млтни приле-*

жаше Ип. 1179 г., л. 215; бяше тогда въ градѣ Псковѣ князь не войскій, грубый, токмо прилежаще многому птицю и граблению Пск. 2 лет., 1480 г.; *нелѣпо вамъ прилежати вину Стогл.*, л. 131; ловитвамъ прилежить Стогл., л. 344 об.; начать дѣлу прилежати со страхомъ и трепетомъ и царьское повелѣние совершая Каз. лет., л. 131; *Камвизес царь персидский вину прилѣжаše Сим. Пол.*, стр. 21.

приложити, приложитися, прилагати ‘присоединять’ (‘присоединяться’), ‘прибавлять’ (‘прибавляться’), ‘прикасаться’

Ст.-сл.: *си вѣсѣ приложатъ сѧ вамъ* Мар., Мф. VI, 33; *приложи намъ вѣрж* Зогр., Лк. XVII, 5; *приложжъ чѣто оного благословию...* Гр. Б., л. 27-а-б; *приложи слову моицъ отъ дѣлания* Гр. Б., л. 60-в.

Др.-р.: *приложивши ся дѣвици* прежде врѣмени 13 лѣт, да продастъся отрокъ, дажъ и все имѣние его Уст. Вол., стр. 500; *первѣ ищете царьствия небеснаго, и си вси приложатся вамъ* Лег. о дѣсн., стр. 87; *прииде во Иерусалимъ южская царица...*, святая святымъ помолитися, гробу господню *приложитися* Сол. и цар., стр. 580.

прильнути, прилѣпитися, прилѣпляти

Др.-р.: *въ гордаго бо сердци дияволъ сѣдить, и божие слово не хощеть прильнуть ему* Поуч. Л., стр. 16; ... *взимая изъ лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прильняше кому цвѣтокъ въ поношахъ отъ брат(ъ)я...*, изидяше ис церкви Лавр. 1074 г., л. 64; *прилѣпляющимся еи смертью во адъ...* Ком. сп. Н. 1 лет., 988 г., л. 45; ... отъ младаго возраста иноческому житию *прилѣпившихся...* Стогл., л. 225 об.

. *примѣстити*

Ст.-сл.: *єлико же вѣжна образа намъ примѣщено есть* Гр. Б., л. 217-в; *да акы слась кжїжъ съвороу* *примѣсити* Гр. Б., л. 357-б.

припасти, припадати

Ст.-сл.: *принадѣ емоу сѣтьникъ молжъ его...* Сав., л. 35; *не тѣчкожъ петрови иѣ и вѣсѣмъ апостоломъ принадада глаголадаше молите сѧ за мѧ къ господеви* Супр., стр. 364, 4—6; *принадаюмъ ти гробоу* Супр., стр. 513, 1.

Др.-р.: *со многимъ молениемъ припадохъ колѣнома его* Б. кл., стр. 288.

припречи ‘присоединить’

Др.-р.: *согласнымъ припряжена въ убо дебелое, въ же тонкое окончаніе творять* См. Грам., л. 46 об.

пристати, пристояти ‘присоединиться’, ‘участвовать’

Др.-р.: *того же лѣта дѣлаша мостъ новъ, что было вышибло, повелѣниемъ владыки Василья; самъ бо владыка присталъ тому, и почалъ и кончалъ своимъ людьми* Ком. сп. Н. 1 лет., 1338 г.; *созваша дружину свою на совѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку...*, и *пристояху совѣту сему смысленіи мужи, Янь и прочии* Лавр. 1093 г., л. 73.

приставити

Ст.-сл.: *приставиша же имъ стражд* Супр., стр. 76, 15—17.

присвоити, присвоитися 'приблизить', 'породниться'

Др.-р.: *присвои насъ небесному царю святымъ крещениемъ* Каз. лет., л. 160; *побѣжа царь... за Яикъ и присвоится тамо прибѣжавъ Заяицъ(ко)му князю Исупу, тщерь у него за себя вземъ* Каз. лет., л. 46—47.

причаститися

Ст.-сл.: ...*прішъдъшемъ причастити сѧ чюдоу семоу* Гр. Б., л. 372-б.

Др.-р.: *съподоби мя съобщънику быти славы стыхъ твоихъ и съ тѣми причаститися црствию твоему* Ф. Печ., л. 45 об.

4. Дательный падеж при глаголах с приставкой *съ-*

Ст.-сл.: *искоу поуїштааго животкорыној кръкыжъ сконїж миръ съцѣнать трьмъ десатемъ лѣдьницъ* Супр., стр. 331, 25—30; да *муромъ* юже *кѣсть* различъ коними *оустроено* и *хытростниа* съкоупыено *трьмъ сътомъ съцѣни динаремъ* Супр., стр. 425, 22—24.

Др.-р.: *яко же апостоли Христу сраспинаеми и соумеръщляеми, и совоскрешаеми будут, тако и вам подобает усердно последѣстновати великому чудотворцу Кирилу И. гр. Посл. в К.-Б. м., стр. 167; законному браку сочтах тебѣ у добру родителю благодарную дщерь Дом., л. 108.*

* * *

Дательный падеж при глаголах с приставкой *подъ-*, зависящий от наличия этой приставки, в обследованных памятниках встречается редко. Что касается дательного падежа при глаголах с приставкой *прѣдъ-*, то необходимо отметить, что глагольные образования с этой приставкой в старославянском и древнерусском языках носят книжный характер и в живой речи, повидимому, не имели сколько-нибудь широкого распространения. В особенности это следует сказать о соответствующих глаголах в древнерусском языке. Книжным характером этих глаголов объясняется тот факт, что приставка никогда не выступает в полногласной форме. Для глаголов с приставкой *прѣдъ-* характерна постепенная утрата конкретно-пространственного значения. В связи с этим меняется значение управляемой ими формы дательного падежа; дательный при глаголах *прѣдълагати* — *прѣдъложити* сближается с дательным адресата предоставления, дательный при глаголе *прѣдъставити* сближается с дательным при глаголах показа (*представить кого кому*); некоторые глаголы вообще уходят из русского литературного языка (*прѣдълежати*) или теряют управление дательным падежом в связи с изменением своего значения (*прѣдъполагати*).

Дательный падеж при глаголах с приставкой *при-* может быть назван дательным падежом косвенного объекта приближения или прикосновения. Этот дательный падеж имеет неодинаковое распространение в памятниках старославянского и древнерусского языков. В евангельских текстах этот дательный падеж почти совершенно не представлен, за исключением случаев при глаголах *приложити(сѧ)* и *припасти*; в Супрасльской рукописи присоединяются случаи при глаголах *приближити* и *приставити*; заметно больше случаев дательного падежа при этих

глаголах в памятниках старославянского языка русского извода, в частности, в „Словах“ Григория Богослова (примѣстити, причаститисѧ). При целом ряде глаголов с приставкой *при-* дательный падеж встречался в памятниках древнерусского языка (13 глаголов).

Материал обследованных памятников старославянского и древнерусского языков позволяет сделать вывод, что дательный падеж при глаголах с приставкой *при-*, не управляющих дательным падежом в бесприставочном виде, представляет собой вторичное явление и приходит на смену беспредложному местному падежу. Некоторые примеры на употребление местного падежа при глаголах с приставкой *при-*.

приближитися

Др.-р.: *видѣхомъ градъ сущъ высокъ зѣло, яко не мощи намъ приближитися емъ* Ф. Печ., л. 57 об.

прикоснутися

Ст.-сл.: *прикоснѣжъшии сѧ божинихъ реврѣхъ* Супр., стр. 457, 23—24.

прилежати

Ст.-сл.: *прилежи емъ* Зогр., Лк. X, 35.

Др.-р.: *азъ же болше тебе прилежа ремествѣ своемъ обнищахъ уже* Лег. о дв. сап., стр. 87.

прильнути

Ст.-сл.: *прахъ прильпъшии нась* Зогр., Лк. X, 11.

прилѣпитися, прилѣплятися

Ст.-сл.: *прилѣпи сѧ единомъ отъ житељ твоја страны* Зогр., Лк. XV, 15.

Др.-р.: *любовью прилѣпимся г̄си бѣзъ нашемъ* Лавр. 1068 г., л. 57.

пристатаи

Ст.-сл.: *съ не вѣ присталъ съвѣтѣ і дѣлѣ іхъ* Зогр., Лк. XXIII, 51.

причаститися

Ст.-сл.: *не причастиша сѧ таинъ толицѣхъ* Супр., стр. 409, 8—9.

Глаголы с этой приставкой в старославянском языке встречаются и с предложным дательным падежом (предлог *къ*). Приведем некоторые примеры из Зографского евангелия: припаде *къ* немоу Mr. V, 33; прилѣпитъ *са* *къ* женѣ своей Mr. X, 7; приближи *са...* к горѣ елеоньсцѣ Mr. XI, 1; из Супрасльской рукописи: прикоснетъ *са* *къ* немоу стр. 18, 21; *къ* нагымъ *са* примѣси стр. 93, 20—21; приложивъ *са* *къ* блаженоуому даудоу стр. 364, 15—17. Дательный падеж с предлогом впоследствии становится единственным видом дополнения при глаголах с приставкой *при-*, сохраняющих оттенок значения приближающегося и соприкасающегося действия.

Вполне возможно, что приставка *при-* первоначально вносила в глагольное значение не оттенок приближающегося действия, но оттенок прилегающего действия. Глагол *прилѣпитися* мог в древности обозначать нечто близкое к „лепиться около чего“, „лепиться при чем“; отсюда — управление местным падежом. Позднее приставка стала вно-

сить оттенок приближающегося, направленного к какому-то предмету действия, возможно, под влиянием многочисленных глаголов движения, часто выступавших с этой приставкой. Управление местным падежом — падежом пребывания — не соответствовало этому оттенку значения. Поэтому глаголы с приставкой *при-* стали терять управление местным падежом, который, к тому же, в беспредложном виде вообще постепенно выходил из употребления. Более соответствующим новому оттенку значения глаголов с *при-* оказался дательный падеж — падеж предмета, к которому направлено не охватывающее его действие. Возможно, что в старославянском языке переход совершался непосредственно от беспредложного местного падежа к дательному падежу с предлогом *къ*. В древнерусском же языке, в котором было широко распространено употребление беспредложного дательного падежа направления от названий городов, развился в какой-то мере беспредложный дательный падеж косвенного объекта приближающегося действия. Однако наряду с ним в древнерусском языке старшего периода глаголы с *при-* управляет уже и дательным падежом с предлогом. Ср.: *прилежа к покаянию* Лавр. 1015 г., л. 45; *не съмѣти имъ ни приблизитися къ тебе* Ф. Печ., л. 44 об.; *къ второму браку причетатися* К.-П. пат., л. 165 об.

Дательный падеж косвенного объекта приближающегося действия из живого русского языка уходит не позднее XV в.; его исчезновение, вероятно, связано с исчезновением широко употребительного в старшем периоде дательного падежа направления от названий городов, с окончательным переходом обстоятельственного значения места к предложному сочетанию. Из глаголов с приставкой *при-* управление беспредложным дательным падежом сохранили почти исключительно лишь те глаголы, которые могли управлять дательным падежом и в бесприставочном виде (*принести, прислать*).

Однако пережитки старого управления в высоком стиле древнерусского литературного языка сохраняются довольно долго, встречаясь еще в XVII в.

В современном русском языке не представлены и случаи дательного падежа при глаголах с приставкой *с-* (за исключением тех случаев, где дательный падеж не зависит от приставки).

Таким образом, можно отметить, что употребление дательного падежа в зависимости от наличия определенных приставок в русском языке очень заметно сократилось.

Д. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Дательным падежом предназначения мы называем дательный падеж, характеризующийся свободной связью с глаголом, обозначающий лицо, для которого происходит действие. В современном русском языке он отчасти заменен родительным падежом с предлогом *для*, отчасти синонимичен с этим предложным сочетанием. Границы дательного падежа предназначения и сильноуправляемого дательного, в особенности дательного адресата предоставления, не отличаются четкостью. К дательному предназначения относятся вообще случаи употребления дательного падежа при глаголах, при которых обозначаемое ими действие легко может быть представлено вне связи с каким-либо косвенным объектом-адресатом, т. е. при глаголах, значение которых полностью выявляется и при отсутствии дополнения в дательном падеже. Однако надо иметь в виду, что прилагольный дательный при переходных глаголах всегда

связан с ними лишь относительно сильной связью управления. Так, значение переходных глаголов даяния (*дать*) полностью выявляется лишь при наличии прямого дополнения; эти глаголы „требуют“ винительного падежа; они „требуют“ и дательного, но это требование не столь настойчиво, — ясно, что при переходных глаголах даяния винительный падеж более необходим, чем дательный. Именно поэтому нередко возможны колебания при отнесении приглагольного дательного падежа в группу дательного падежа предназначения или же дательного адресата предоставления.

Случаи дательного падежа предназначения могут быть распределены по двум группам в зависимости от характера глагольного действия. В связи с дательным предназначения рассмотрим и дательный этический падеж.

1. Дательный падеж предназначения при переходных глаголах

1) Дательный падеж предназначения при глаголах со значением делания, приготовления.

Ст.-сл.: идъ 8готокать мѣста вамъ Сав., л. 100; творитъ дрѣво добroe агодж емоу докрж Сав., л. 39; къто ю варивъ съжиждеть кемоу клѣть Супр., стр. 204, 6—7; сѣтвори кемоу женж Супр., стр. 9, 7—8; сѣтвори кемоу хызинж осовъ Супр., стр. 172, 8—9.

Сюда же можно отнести и дательный падеж при глаголе *родити*: жена ткотъ елисаветъ родитъ снъ тешъ Зогр., Лк. I, 13.

Др.-р.: Соломанъ, иже возъради црквь бу Лавр. 986 г., л. 32 об.; кого ожидаютъ, тому и потребное готовятъ П. XVII в., л. 349 об.; да велеть бы тебе двор Ивана Лунина опростать и приготовить стоять митрополиту Хоз. Мор., № 245; государь отдалъ одно зерно в серебряной приказъ, велѣлъ эдѣлатъ царице булазку Шк., стр. 3, 1627 г.; поставиша ему шатерь особно Ип. 1149 г., л. 135 об.; другъ другу теремъ ставитъ, а недругъ недругу гроб тешет П. XVII в., л. 338; пристроите ми меды многы у града Ком. сп. Н. 1 лет., 945 г., л. 33 об.; а на Москвѣ тѣмъ голубямъ устроенъ дворъ Кот., л. 125; средѣ церкви уготовиша мѣсто большое... и учиниша на томъ мѣсте три стулы: великому князю Ивану, да внуку его князю Дмитрею, да митрополиту Лѣв. лет., 1498 г.; а ученены бываютъ царевнѣ и царевнамъ, для зимние звѣзы, капитаны на саняхъ избушками Кот., л. 25 об.

2) Дательный падеж предназначения при глаголах отпирания и запирания.

Ст.-сл.: открызи намъ Сав., л. 60 об.; Кононъ... отвѣзъ имъ дѣри Супр., стр. 38, 10—11; отвориշомъ во вѣсѣмъ не врати правды нѣ дѣри овѣганица Гр. Б., л. 212-в; дѣри не откѣрѣши зѣломъ отъѣтомъ Гр. Б., л. 317-в.

Др.-р.: азъ отверзу вамъ хляби нѣсныя Лавр. 1067 г., л. 57; отвориша ему Кыяне ворота Подольская в Копыревѣ концы Лавр. 1202 г., л. 141 об.; отомкнѣте ми божницю Ип. 1179 г.; придоша Ляховѣ на Володимеръ, и отвориша имъ врата Володимерци Ип. 1204 г., л. 246; загородите полю ворота своимъ острыми стрѣлами Сл., стр. 24; tolкущему отвѣзи Сл. Д. З., стр. 4; отверзи ми тѣмныи свои гробъ и поими мя къ собѣ живу Каз., лет., л. 82; аможе прииде,

грады ему вездѣ отворяху Ин. ск., стл. 28; *казна у меня тебѣ не затворена* Ер. Лаз., стр. 335.

3) Дательный падеж предназначения при различных переходных глаголах.

Ст.-сл.: *обраштете* покон дшамъ ваши ишъ Зогр., Мф. XI, 29; *по жестокосрѣдию* вашемоу нап'са вамъ заповѣдь сижъ Зогр., Мр. XI, 17; *къто отъвалитъ* намъ камень Зогр., Мр. XVI, 3; *закла* емоу тѣлецъ питомы Зогр., Лк. XV, 30; *вара* дѣлажштннмъ Супр., стр. 284, 1; что *дръзость* ико приобрѣте имоу Супр., стр. 99, 21—23; *къ дѣкици... хранили* ісоусоу Супр., стр. 245, 21—22; *комисъ...* *повелѣ* конномъ сконъ оседѣлати имоу конъ цѣсарскъ Супр., стр. 221, 14—18; *нѣсть положилъ* воу трѣбы пох'альныя Гр. Б., л. 220-а.

Др.-р.: *сбираеть, а нѣ вѣсть, кому* сбираеть Н. 1, 1230 г.; *мы дани прошли тобѣ, и они нас выгнали* Н. 1, 1270 г.; *постави имъ ишуменомъ Варлама* Лавр. 1051 г.; ... *просяще Роману Ростиславичю Кыева княжитъ* Лавр. 1175 г., л. 123 об.; *мечемъ жребии..., на него же падеть, того зарѣжемъ* богомъ Лавр. 983 г.; *волость вам есмъ изыскаль* Ип. 1147 г., л. 127 об.; *аче ти есмъ Володимирия не добылъ, а се ти волость...* Ип. 1157 г., л. 175; *оже, руи, просильтъ еси живымъ, а уже пакъ мертвымъ* просиши; *не дам...* Ип. 1288 г., л. 302; ... *цѣловалъ бяшеть христъ къ брату своему Андрѣеви, въ животѣ и еще, яко по животѣ его волость удержанати сини его* Ип. 1157 г., л. 174 об.; *Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ..., тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ* Ип. 1229 г., л. 258: *стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженымъ* Ип. 1240 г., л. 265; *одождить намъ дождь рань и поздень* Ком. сп. Н. 1 лет., 1068 г.; *послаша новгородци..., прося великого княжения Костянтина* Ком. сп. Н. 1 лет., 1353 г.; *хотимъ поискати святѣ Софии пригородовъ* Ком. сп. Н. 1 лет., 1398 г.; *прииха владыка Еуфимеи... и доконца Витовту другую 5000 серебра* Ком. сп. Н. 1 лет., 1428 г.; *язъ Федотъ тои лоскуть земли отвель есмъ чисто святому Николи* Н. гр. № 169, XV в.; *не снидеть ангель освятити вамъ попа Поуч.* Стеф., стл. 217; *богъ бо мира не агеломъ любитъ* Пск. 1 лет., 1298 г.; *выкоплють единому мужю яму...* Пск. 2 лет., 1341 г.; *се яз... купил есмъ в дом пречистыя богорадици и своему государю Филиппу митрополиту всеа Руси... Орининскую пустошь* Чер. № 43; *онъ намъ извощиковъ понаймовалъ* Рев. акты, № 19, 1514 г.; *коли лучится какое платье кроити себѣ или женѣ или людемъ...* Дом., л. 49; ... *поити вода ставити, а животине и собакамъ и куром на то свои суды держати, а чистых судовъ не поганити* Дом., л. 94; *а новому крестьянину Климку Стефанову 3 дес. вымерить* Хоз. Мор., № 254; *онъ къ воровскимъ казакомъ присталъ и многие воровства чинилъ и воровскимъ казакомъ заговоры писалъ* Ст. Р. нов. мат., стр. 215; *место ему одуваеш, чтоб ему сесть* Сл. каб., стр. 73; *король Литовский собра ему довольно войскія силы, елико ему годѣ* Ин. ск., стл. 26; *я казакамъ кashi наварилъ, да кормлю ихъ* Авв., л. 212—212 об.; *Адаму капаютъ яму* П. XVII в., л. 324 об.

2. Дательный падеж предназначения при непереходных глаголах

1) Дательный падеж при некоторых возвратных глаголах со значением 'отказаться', 'отступиться' ('отказаться от чего-либо в пользу кого-либо').

Др.-р.: съступися Твърдиславъ посадничества по своеи воли старшию себе Н. 1, 1211 г.; князъ... съступися брату своему стола Димитрию Новагорода Ком. сп. Н. 1 лет., 1284 г.; а што сель покупили мои бояре и слуги в мое княженье, тѣхъ сель отступилъ есмъ Новугороду бес кунь Н. гр. № 12, 1317 г.; а что ти ся есмъ был отступилъ дани в Растигъ и в Перемышль, а на то ны слати свои данщики вмѣстѣ Дог. № 11, 1389 г.; ты, брате, моее отчины Дмитрова... отступилъ еси мнѣ великому князю Дог. № 56, 1450—1454 гг.; князъ Борисъ съступилься имъ волости новогородчихъ, а они ему отступишася его удѣловъ Сим. лет., 1388 г.; того же лѣта князи Ярославския соступилися вотчины своея великому князю Ивану Васильевичу Уст. лет., 1463 г.; князъ велики ему поступился городов немецких... Писк. лет.; онъ, будучи въ Литвѣ, поступился королю Смоленска и Сѣверские земли всѣе Ин. ск., стл. 68; ныне те крестьяня, Сенька да вдова, поступаютца своею иску тому приказному Хоз. Мор., № 175; онъ, устрашася, отступилъ мнѣ дѣвици Авв., л. 199.

2) Дательный падеж при прочих непереходных глаголах.

Ст.-сл.: чкоу єтероу богатоу оуговъзи сѧ ннека Зогр., Ак. XII, 16; ни къжагајтъ скѣтильника і постаклѣйтъ его подъ спѣдомъ нѣ на сѣвштыници і скѣтитъ късѣмъ іже въ хралинѣ сѧть Зогр., Мф. V, 15; таќцѣте і отврѣзеть сѧ камъ Зогр., Мф. VII, 7; свирахомъ вамъ і не плажасте плакаюомъ вамъ і не рыдасте Зогр., Мф. XI, 17; ...къ бѹ юмоуже жикѣ Гр. Б., л. 65-б-в; да обрѣжетъсѧ тевѣ гроздъ зърблъ Гр. Б., л. 107-в; отъврѣзжетъсѧ юмоу кънигы Гр. Б., л. 221-а; море же имъ растѣплаше сѧ вѣжащемъ Гр. Б., л. 247-а.

Др.-р.: въсия намъ днѣница пресвѣтла Ф. Печ., л. 27; въ лѣто семое тысѧцѣ написашася книги сия при царствѣ блговѣрнаго царя Володимѣра сна Василкова унука Романова блглюбивому тивуну его Петрови Поуч. Ефр. Сир., зап., стл. 149; отвращю от васъ гнѣвъ мои, дондеже все обилюеть вамъ Лавр. 1068 г., л. 57; ...погыбноста... инѣмъ видяща и гадающа, а своея пагубы не вѣдуще... Ком. сп. Н. 1 лет., 1071 г., л. 93; архиепископъ новгородчкыи Феоктистъ... много пострада богови въ болезни Ком. сп. Н. 1 лет., 1310 г.; нынѣ же, гсne, уже к тому не можемъ тебе зѣти, уже бо сїнче наше заиде ны, и во обидѣ всѣх оставомъ Ип. 1288 г., л. 303 об.; се уж нам обема солнце померкне на славнѣ гради Москвѣ Зад., л. 221; Крымскими и Калмыцкими и Нагайскими посломъ дѣлаетца платье, какъ они бывають у царя на привѣде и на отпуске Кот., л. 107 об.; своему владыке стоить или падаетъ Авв., л. 250; себѣ спалъ, себѣ и видѣль П. XVII в., л. 368.

3. Дательный этический падеж

Дательный этический падеж, форму которого принимают личные и возвратное местоимения, представляет собой дательный падеж с ослабленным оттенком значения лица, для которого происходит действие, т. е. ослабленный вариант дательного падежа предназначения. Этот дательный падеж почти не связан с управляемым глаголом, находится на грани между управлением и примыканием.

1) Дательный этический — краткая форма местоимения 1-го лица; указывает на некоторую заинтересованность говорящего лица в действии.

Ст.-сл.: **ты же ми съмогри ученики любашта истинж** Супр., стр. 440, 12—13; **съмогри же ми зълодѣства ихъ** Супр., стр. 443, 7—8.

Др.-р.: *что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?* Сл., стр. 14; *ту ми зри со прилѣжаниемъ, что врагъ нашъ непримирительный, диаволъ, умышляетъ* Курб. Ист., стл. 210; *брате, господине мой, мало ми время помедли...* Каз. лет., л. 15.

2) Дательный этический — краткая форма местоимения 2-го лица; указывает на некоторую заинтересованность в действии собеседника. В обследованных памятниках старославянского языка этот дательный этический падеж не встретился.

Др.-р.: *така ти суть отъмстыя зъльшимъ дѣлателемъ* Б. и Г., л. 16; *оно ти сѣдить вранъ черныи, иди, ими и Лавр.* 1074 г., л. 65 об.; *да то ти сѣдить съ твои христыни с малым братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣденъ...* Лавр., Поуч. Мон., л. 84; *се Угри уже идутъ, а Лядьсции князи всѣлѣ уже на конѣ, а Изѧславъ ти уже досѣваетъ* Ип. 1149 г., л. 140 об.; *не ѣзди сѣмо, но туда поѣди к Новугороду, здѣ ти вѣхалъ уже Изѧславъ Дѣдичъ и Романъ Ростиславич* Ип. 1151 г., л. 159; *таков ти родительской гневъ, — они еѣ заочно брањатъ и кленутъ, от того она при смерти лѣжитъ!* Фр. Ск., стр. 67.

3) Дательный этический падеж — возвратное местоимение. В современном русском языке этот дательный этический падеж кроме оттенка значения заинтересованности лица в действии передает еще оттенок значения обособленности действия, ограниченность его сферой субъекта. Четких случаев дательного этического падежа — возвратного местоимения — в памятниках старославянского языка и древнерусского языка старшего периода мы не встретили. Примеры из памятников древнерусского языка младшего периода: *а ныне иди себѣ и спокойся, докуды мы обдосужимся* Д. Т. Пр. 2, 73 стл., ркп. XVI в.; ... *а податѣй никакихъ... не платятъ, а живутъ себѣ въ поковѣ* Стр. II, стл. 500, 1619 г.; *коли баба лиха, живи же себѣ одна!* Авв., л. 225; *аще и младѣ, да по старому здѣлалъ: пошелъ себѣ ко владыке* Авв., л. 261; *сокол лебедь, летая, бѣет, а ворона себе сидя и жабу жретъ* П. XVII в., л. 368 об.

* * *

В области дательного падежа предназначения не наблюдается сколько-нибудь заметных различий между старославянским языком и древнерусским языком старшего периода.

Синонимика дательного падежа предназначения в древнерусском языке весьма небогата. В близком значении используется иногда винительный падеж с предлогом *на*: *не реклъ ми Есиѳъ варити перевары ни на кого* Н. бер. гр. № 3, XIV в.; ...*буртаси, черемиси, вѣда и морѣдва бортничаху на кнѧзя великого Володимера* Сл. о пог., стр. 196; *гости ся ставять по подворьемъ, а ѣсти варять на гости господарыни* Аф. Н., л. 373; *а тиунъ его дастъ правую грамоту, и онъ емлетъ на гѣдря своего и на себя от печати по тому жъ, с рубля по полутретья алтына* Суд. 1550 г., стр. 48; *дѣлаетъ пиры частые на слоботцкихъ жонокъ и поитъ ихъ допъяна* Д. п. Н. № 94. Но винительный падеж с предлогом *на* был применим далеко не всегда

(ср.: *своему владыке стоить или падаетъ* Авв., л. 250; применение винительного с *на* невозможно, так как оно вызвало бы пространственные ассоциации; *молящеся сестрѣ, дабы ему нашла помощника* Ип. 1207 г., л. 247, — применение предлога *на* с винительным вызвало бы появление значения ‘против него’). Иногда близкое значение выражает винительный падеж с предлогом *про: ... про себя что понадобится купитъ* Дом., л. 75.

В современном русском языке дательный падеж предназначения по большей части заменен родительным падежом с предлогом *для*. Употребление родительного с предлогом *для* вместо дательного предназначения в русском языке развивается главным образом с конца XVIII в., когда предлог *для* теряет свое старое причинное значение. Однако родительный с предлогом *для* в значении лица, для которого предназначено действие, иногда встречается и в древнерусском языке: *а гостя для и про себя что понадобится купитъ... Дом., л. 75; а все то у Христа тово — свѣта надѣлано для человѣковъ, чтобъ, успокояся, хвалу богу воздавалъ* Авв., л. 235 об. — 236.

Одной из особенностей дательного падежа предназначения является полная невозможность замены его дательным падежом с предлогом *къ*.

Дательный этический падеж в современном русском языке представлен в общем в тех же случаях, в которых он употреблялся в памятниках древнерусского языка. Дательный этический падеж от местоимений 1-го и 2-го лица встречается редко и представлен, естественно, полными формами местоимений. Чаще он употребляется в украинском языке: *иди-ж, повставляй (очи), щоб вони менi бачили; та хоча-б тобi муха пролетiла*¹. Дательный этический падеж возвратного местоимения весьма обычен. По своему значению он связан с древнерусским наречием *собѣ (особѣ)* ‘обособленно’, ‘отдельно’: ... *учнутъ жити у иного гдя или собѣ учнутъ жити, то не холопи...* Суд. 1550 г., стр. 58. Дательный этический падеж возвратного местоимения *себѣ*, встречающийся в памятниках русского языка с XVI в., передает тот же оттенок обособленности, ограниченности действия, но заметно ослабленный. Слабость реального значения этой формы сближает ее с примыкающими к глаголу частицами.

Дательный падеж предназначения и этический дательный падеж — общеславянские способы употребления формы дательного падежа. Они встречаются и за пределами славянских языков. Ср. в латинском: *Roscius praedia coluit aliis, non sibi*². ‘Росций обработал землю для других, не для себя’; *quid mihi Celsus agit?*² ‘что (мне) делает Цельз?’.

Е. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ И СОСТОЯНИЯ

Дательный падеж субъекта занимает особое место среди случаев дательного падежа в синтаксической функции дополнения как по своему значению, так и по характеру зависимости от управляющего слова. Обозначая действующее или испытывающее какое-либо состояние лицо (реже — предмет), он в большей или меньшей степени обусловлен характером оборота, в который он входит, безличностью подобного оборота, и часто совершенно не зависит от лексического значения управляющего глагола.

¹ Е. Тимченко. Ук. соч., стр. 47.

² K. Brugmann. Ук. соч., стр. 432—433.

Дательный падеж субъекта действия и состояния является незаменимой составной частью безличных оборотов. В письменный период истории славянских языков он, в сущности, не переживает никаких изменений, продолжая выражать все то же значение; его история сводится к истории безличных конструкций, в состав которых он входит. Поэтому мы ограничимся кратким обзором основных типов безличных оборотов старославянского и древнерусского языков, имеющих в своем составе дательный падеж субъекта.

По своему происхождению дательный падеж субъекта связан с дательным падежом косвенного объекта. Помимо происхождения, эта связь проявляется и в наличии некоторых промежуточных групп (дательный падеж лица, испытывающего те или иные ощущения, при непереходных и возвратных глаголах).

1. Дательный падеж субъекта при безлично употребленных глаголах в форме 3-го лица ед. числа

1) Дательный падеж при глаголах без возвратной частицы. Большинство этих глаголов может быть употреблено и в качестве сказуемого личных предложений.

довълѣти 'удовлетворять', 'быть достаточным'

Ст.-сл.: *довълѣть* *ѹченикоу* да *вждетъ* ѿко же і *ѹчитель* его
Зогр., Мф. X, 25.

Др.-р.: *довлѣет нам(а) на межи своей стати* Лавр. 1097 г., л. 91;
оному же Борису не довлѣяше, еже ubi младенца незлобива Пов.,
стл. 153.

достоити 'подобать', 'следовать'

Ст.-сл.: *хлѣбы прѣдъложеныи истихъ ихъ же не достоинше исти тѣкмо неремъ* Сав., л. 73 об.—74.

Др.-р.: *не достоить никоторому же языку имѣти буквъ своихъ развѣ евреи, и грекъ, (и) латинъ...* Лавр. 898 г., л. 9 об.; *тобѣ, кня(же), достоить блюсти головы своее* Лавр. 1097 г., л. 87 об.; *в царствующем же убо граде Москвѣ достоить быти седми старостамъ поповъским и седми соборомъ по уложению царскому* Стогл., л. 62.

отрадити 'полегчать'

Др.-р.: *таже масломъ ево освятилъ, и отрадило ему от бѣса* Авл., л. 273 об.

подобати

Ст.-сл.: *подобаетъ сноу чскоумоу много пострадати* Зогр.,
Мф. VIII, 31; *подобаше во варити воинуоу военодж* Супр., стр. 245,
15—16.

Др.-р.: *нази родихомъся, такоже подобаетъ намъ нагомъ проити от свѣта сего* Ф. Печ., л. 58 об.; *не подобаетъ намъ убить послы* Ип. 1202 г., л. 245 об.; *не подобаетъ тому тако быти* Сим. лет., 1377 г.; *не подобаетъ во обители питию быти, от него же пианьство бываетъ* Стогл., л. 201; *плакать мнѣ подобаетъ о себѣ* Авл., л. 284.

прийти

Др.-р.: мне уже пришло показат(ъ) на тебя, для того что ты возников и корету давал Фр. Ск., стр. 65.

2) Дательный падеж при глаголах с возвратной частицей.

довестися

Др.-р.: намъ довелось въ волосномъ въ годовомъ опходе по своей розвытки рыбная ловля ловити на усть Унбы рѣки и въ погостѣ Стр. I, стл. 546, 1577 г.; нынѣ, оставя паству, не довелось ему такихъ дѣлѣхъ и поминати Д. п. Н., № 5, стр. 14.

достатися

Др.-р.: достанется сестрамъ по сергамъ П. XVII в., л. 339; шибъ с него муху, досталося и уху П. XVII в., л. 380 об.

казатися

Др.-р.: и вы, государи, отъ томъ ко мнѣ отпишиште, взять ли грамата или нѣтъ, а мнѣ ся кажетъ, что лутчи грамата взять Стр. II, стл. 428, 1606 г.

ключитися, приключитися

Ст.-сл.: аште ми сѧ ключитъ і съ товој оумрѣти не отъеръгж сѧ теве Зогр., Мф. XII, 4;ключи сѧ ємоу покадити Зогр., Лк. I, 9.

Др.-р.: аще бо и ключитъ ти ся озлоблену быти... Посл. Сим., стр. 251; в си же времена приключися прити Извѣславу из Ляховъ Лавр. 1074 г., л. 65; приключися и мнѣ грѣшному ту быти и видѣти дивна и преславна Лавр. 1227 г., л. 154 об.

лучитися, сълучитися, прилучитися

Ст.-сл.: аште ли да сълоучаше сѧ нѣ оу кого оумоудити юмоу... Супр., стр. 206, 6—9; аште сѧ сълоучаше не имѣти юмоу ничьоже... Супр., стр. 207, 12—13.

Др.-р.: сълучится имъ миновати мимо едино село монастырское Ф. Печ., л. 57 об.; прилучи же ся Василковымъ людемъ выѣхати... Ип. 1259 г., л. 281; прилучи же ся сице, за грѣхы, загорѣтися Холмови от оканьня бабы Ип. 1259 г., л. 281; а которымъ крестьяномъ получится къ празднику или къ которымъ поминкомъ пива сварити и вина скурити... Стр. I, стл. 710.

понадобитися

Др.-р.:... бояромъ и думнымъ и ближнимъ людемъ и полковникомъ и дьякомъ, для гулянья или для какова дѣла, понадобится ѣхать въ деревни свои... Кот., л. 46 об.

пригодитися 'случиться'

Др.-р.: оже ся пригодить у службы, любо попу, ли дьякону, за быти влити вина или воды... Поуч. Ильи, стл. 75.

Могут быть выделены случаи употребления дательного падежа субъекта в конструкциях, соотносительных с личными конструкциями, в которых имя, стоящее в безличном предложении в дательном падеже,

играет роль подлежащего. Глагол означает чаще всего психическое состояние человека.

изволитися

Ст.-сл.: изволи сѧ і мънѣ хождышю іс прѣва по всѣхъ въ істинѣ по рѣдоу пѣсти тѣвѣ славѣны тѣофиле Зогр., Лк. I, 3.

Др.-р.: яко же изволися ему о мънѣ, тако да сътворить Ф. Печ., л. 62 об.; яко гдви изволися, тако и быс(ть) Лавр. 1211 г., л. 148 об.

мнитися ‘казаться’, ‘думаться’

Др.-р.: азъ бо не тако промышляю, яко же вамъ мнитися, что бѣжати мнѣ и отчина своя покинуты Ин. ск., стл. 35; пьяному мнитися, самъ десятъ по пути П. XVII в., л. 365.

памятатися ‘помниться’

Др.-р.: . . . числомъ, памята ми ся, пять ихъ Курб. Ист., стл. 181; а памята ми сь, всѣхъ было аки полтораста и великихъ и среднихъ Курб. Ист., стл. 184.

прымыслитися ‘вздуматься’

Др.-р.: ныне многия наугад отправливают, как кому прымыслита (т. е. ‘отправляют церковную службу’) Пос., л. 13 об.

съжалитися

Др.-р.: бѣ вѣдаетъ и ты, како ти есмь служилъ со всею правдою своею, имѣлъ тя есмь аки оца собѣ, aby тобѣ сжалилося моєе службы Ип. 1288 г., л. 301

хотѣтися, въсхотѣтися, захотѣтися

Др.-р.: приимете славу свѣта сего, аще ся вамъ его хощеть Ком. сп. Н. 1 лет., 1245 г., л. 170 об.; спати не въсхотѣся ему Сим. лет., 1441 г.; мнѣ де славы и богатства земнаю не хочется не токмо видѣти, но и слышати Ин. ск., стл. 19; ино мнѣ постритчи ся не хочетъ, чернечского чину не здержати П. Р. Дж., 85 стр., ркп.; пить мнѣ захотѣлось Авв., л. 46; ни хотѣлося ему друга послушатца Г.-Эл., стр. 4.

Дательный падеж субъекта встречается и при глаголе физического состояния (*не*) мочися и производных от него глаголах.

Др.-р.: не грѣшите не едину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды Лавр., Поуч. Мон., л. 80; а в которое время митрополиту не поможетца, и онъ в свое мѣсто повелѣваетъ судити архимандритовъ... Сарському и Подонскому владыцы... Стогл., л. 143 об.; занемоглось мнѣ гораздо Авв., л. 245.

В памятниках младшего периода встречаются иногда случаи дательного падежа субъекта при безличных глаголах, обозначающих действие, к которому расположен субъект, или действие, которое производится субъектом с особой легкостью: зевается мне с великих недоедков, и губы мои пересмягли Азб., стр. 24; отрыгается ему, поминает свинья за углом П. П. вр., л. 23 об.

2. Дательный падеж субъекта в безличных инфинитивных предложениях

Дательный падеж, управляемый инфинитивом в безлично-инфinitивных предложениях, служит для обозначения лица (реже — предмета), являющегося субъектом какого-либо действия или состояния, обозначенного глаголом в форме инфинитива.

В старославянском и древнерусском языках могут быть намечены две основные группы случаев употребления дательного падежа в безлично-инфinitивных предложениях. Лицо, название которого стоит в дательном падеже, может совершать или представляться совершающим действие в действительности; с другой стороны, в дательном падеже может стоять название лица, которое должно совершить какое-либо действие или совершил его с неизбежностью в будущем и т. п.; во втором случае безлично-инфinitивные предложения выражают различные модальные оттенки значения.

1) Дательный падеж обозначает лицо (предмет), совершающее какое-либо действие или находящееся в каком-либо состоянии или представляемое совершающим какое-либо действие (находящимся в каком-либо состоянии). Дательный падеж этого типа в известной степени приближается к винительному падежу в конструкции *accusativus cum infinitivo* древних языков.

а) Дательный падеж субъекта в инфинитивных конструкциях, зависящих от глаголов чувствования и говорения, а также просьбы.

Ст.-сл.: *пристжниша же етерін отъ садоукі глајште въ скрѣщенью не быти* Зогр., Лк. ХХ, 27; *хс вашъ ѡгоже глаголете вы крестинани быти вогоу невесъскоумоу не отъ жены ли роди са* Супр., стр. 8, 17—19; *ѡгоже и нынѣ видѣти намъ молитвса* Гр. Б., л. 162б; *молиаста са молити са ѡмоу за на къ вогоу* Супр., стр. 199, 5—6; *прѣвыкати ѡмоу съ союж молиаше* Супр., стр. 527, 8—9; *мънѣль ли иси страхи оувоити са намъ* Супр., стр. 176, 15—16; *ѡмоуже мѣниши быти везъ отъца* Супр., стр. 239, 11—12.

Др.-р.: *пochaша доспѣати въ станѣх, они же видѣвшe, с горы начаша сходить глыце отбѣжати имъ...* Сузд. Ак. 1216 г., л. 223; *послаша же кнѧзь и Рязанстии ко князю Юрью Володимерьскому просячи себѣ по мочи или самому пойти Сузд. Ак. 1237 г., л. 239; мнихъ же онъ... разумѣ обоимъ симъ юношамъ страстотерпцемъ быти Борису и Глѣбу Жит.* Ал. Нев., стр. 114; *молящeся богови приложно приятнамъ быти слезамъ его предъ нимъ К.-П. пат., л. 182; внезапу наиде туча страшна и грозна и дождь силенъ, и громъ страшенъ, и мънина беспрестани блистая, яко мѣти уже всѣмъ отъ дождя потопленымъ быти, али отъ грому камениемъ побиеннымъ быти, или отъ мънина сожженымъ...* Пск. 2 лет., 1426 г.; *бяху тогда Псковичи въ велицѣ скорби и печали, мняхутъ бо тогда уже граду взяту быти Пск. 2 лет., 1480 г.; сами отложиша ехать въ Казанъ до утренняго дня, не мняше быти измене во оставшихся казаньцехъ Каз. лет., л. 100; благоразумная же Фетинья разумѣ быти благодати божией Каз. лет., л. 174; никто же уже ему жити надѣялся Курб. Ист., стл. 206—207; ... уразумевающe ту многу народу быти Пов. о пр. Ст. Б., л. 43.*

Сюда же примыкают случаи дательного падежа субъекта в безлично-инфinitивных конструкциях, зависящих от глаголов *творити*, *сътворити*: *быс(ть) Симонъ волхвъ, иже творяше волшествомъ псомъ глати члвческы* Лавр. 1071 г., л. 60 об.; *нача чудеса велика творити, прокажены оуфщати, хромымъ ходити...* Ком. сп. Н. I лет., 986 г., л. 58; *приимъ Нектонавъ морскы ястрѣбъ..., и лѣтати ему створив, и посла и къ Филипу Алекс.*, л. 313.

Конструкция дательного с инфинитивом может присоединяться посредством союза *яко*, выступая таким образом в составе дополнительного придаточного предложения:

Ст.-сл.: *якоже мнѣ и се не лѣнино издреци, яко въ вѣж землю изити словоу ico* Гр. Б., л. 81-б.

Др.-р.: *мнѣша, яко уже коньчану быти пѣнию* Ф. Печ., л. 46 об.; *мнѣтися бо, яко и мѣсту поколѣбатися отъ обоихъ странъ шума* Каз. лет., л. 155; *про се же глаголаху, яко королевскому стану быти у Николы чудотворца на Любятове...* Пов. о пр. Ст. Б., л. 22; *чаємъ, яко и малымъ дѣтемъ, слышавше, дивитися той ихъ гражданъ храбости и крѣпости и великодушю и непреклонному уму* Нов. пов., стл. 190.

Если в придаточном предложении подобного типа имеется в виду осуществление действия в будущем, то значение конструкции сближается со значением инфинитивных конструкций с модальным оттенком долженствования или необходимости: *повѣдаше Нои, яко быти потопу* Лавр. 986 г., л. 30.

б) Дательный падеж субъекта при инфинитиве в придаточных предложениях следствия. Придаточные предложения следствия обычно присоединяются союзом *яко*.

Ст.-сл.: *и се тржсъ великъ бысть въ мори, Ѳко покрывати сѧ кораблю вльнами* Зогр., Мф. VIII, 24; *идѣаше же въслѣдъ народъ многъ якоже пльномъ быти въсѣмъ стѣгнамъ* Супр., стр. 133, 5—6; *раждѣгоша скокрадж якоже выти ии подовынѣ огню* Супр., стр. 157, 18; *якоже расыпatisа окъцамъ по вѣсемоу полю и горѣ не сжреть паствохомъ* Гр. Б., л. 205-б.

Др.-р.: *въсяко множество ту бѣаше и всяка облашь, и въси богатии и убоэии, съдравии же и болящии, яко испѣлнитися граду вѣсемоу* Б. и Г., л. 25; *блїтию крсвою побѣди я и възяты отъ ба властъ на нихъ, якоже отътолѣ не съмѣти имъ ни прикоснутися ни къ мѣсту тому, идѣже блїженыи молитву творяше* Ф. Печ., л. 38 об.; *възлюби же я эѣло, яко въсхочѣти ему жити съ ними* Ф. Печ., л. 33 об.; *видѣхомъ градъ сущъ высокъ эѣло, яко не мощи намъ приближитися емъ* Ф. Печ., л. 57 об.; *видѣ сусѣкъ тъ... пльнъ сущъ муки, якоже просыпatisя еи чрѣсъ стѣну на землю* Ф. Печ., л. 55; *знамение явися на нбси, яко видѣти вси земли* Лавр. 1028 г., л. 50 об.; *посем же бысть эвѣздамъ теченье...*, яко мнѣти всѣмъ, яко падаютъ эвѣзды Лавр. 1065 г., л. 55 об.; *бѣ бо раслабленъ тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну* Лавр. 1074 г., л. 65 об.; *Олегъ же бѣ в то веремя не сдравуя велми, яко не мощи ему ни на конь всѣсти* Ип. 1167 г., л. 188; *бы буря велика, яко всѣмъ отчаятися своего живота* К.-П. пат., л. 127; *монастыреи 19 обѣяты водა, яко ни пѣнию быти въ нихъ* Сим. лет., 1421 г.; *загорѣся градъ*

Москва . . . и выгорѣ весь, яко ни единому древеси на градѣ остатися Сим. лет., 1445 г.; . . . всякого угодия житеискаго полно, яко не обрестися другому мѣсту по всеи нашей Рустии земли нигде же точному Каз. лет., л. 6 об.—7; бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утѣши отъ града со своимъ добромъ Курб. Ист., стл. 168; во едино же время зима бѣ студенка зѣло, яко земли разсѣдатися отъ мраза Уль. М., стр. 65; бѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близ смерти С. Гр., стр. 35.

Иногда подобные придаточные предложения вводятся союзом *еже: прозябе золъ плодъ, еже вкушающимъ отъ него смертию умирати* Пов., стл. 157.

в) Безлично-инфinitивные конструкции иногда употребляются в главных предложениях вне зависимости от глаголов говорения, чувствования, делания: ст.-сл.: *тъгда оубо подвигъшю сѧ епарчј разгорѣти сѧ паче яростю и съ стола вѣстати* Гр. Б., л. 64-в ‘тогда епарх еще больше разгорелся яростью и встал с трона’.

2) Дательный падеж в безлично-инфinitивных предложениях, выражающих различные модальные оттенки значения.

а) Дательный падеж в безлично-инфinitивных предложениях со значением долженствования. В дательном падеже стоит название лица (реже — предмета), которое должно произвести какое-либо действие или находится в определенном состоянии.

Ст.-сл.: *сватоуоумоу господоу пешти сѧ о томъ* Супр., стр. 131, 20—21; *заповѣдь посыла сѧ по вѣсен вѣселенїи* *и* *коже вѣселье не покораштимъ сѧ заповѣди иго и не жирѣштни вогомъ* *мжени вываижте зѣлж съмртии* *оулярѣти* Супр., стр. 145, 1—4; *нам же съворь оуже распоустити* Гр. Б., л. 372-в.

Др.-р.: *не вѣзноситися ни о чемъ же, нѣ съмерену быти* *мниху* Ф. Печ., л. 43 об.; *русину не звати латина на полѣ биться* *у Рускои земли* См. гр. 1229 г.; *аже убеть мужъ мужа, то мъстити брату брату . . .* Р. Пр., л. 615; *то се ты еси со мною цѣловалъ крестъ: ходити нама по одинои думѣ обѣма* Лавр. 1284 г., л. 170 об.; *свѣщано есть безбожнымъ твоимъ бояриномъ* *Филипомъ и братучадомъ* *твоимъ Олександромъ, яко убъену ти быти* Ип. 1230 г., л. 258 об.; *а мужа ти без вины волости не лишати* Н. гр. № 1, 1264 г.; *а вѣчнымъ грамотамъ не быти* Н. гр. № 7, 1471 г.; *ажь наидуть у немъцина не чистыи товаръ* *у рускои земли, поити ему назадъ с товаромъ* *у Ригу* Пол. гр. 1330 г.; *было вам за мене нятися, а мнѣ было вам княземъ великимъ быти, а вас мнѣ было боронити* Ком. сп. Н. 1 лет., 1398 г., л. 238 об.; *тобѣ было, княже, на Псковѣ самому сѣдѣти, а намѣстники Пскова не держати . . .* Пск. 2 лет., 1349 г.; *взяша миръ съ Рижаны на 30 лѣтъ, а съ Юрьевци на 20 лѣтъ, а пива Нѣмцомъ въ Псковѣ не возити* Пск. 2 лет., 1474 г.; *быти ны заодинъ Дог.* № 5, 1367 г.; *а порукѣ быть до рубля, а болши не быти рубля* Пск. суд. гр., л. 5; *а проскурнициамъ быти чѣскимъ вдовамъ* *единобрачнымъ, а не второбрачнымъ* Столг., л. 68; *гдѣ кому вѣ какомъ чину указано быти, и тому по тому и быти* Кот., л. 8; *впредъ в Китае и в Бѣломъ и в Земляномъ городѣ на немѣцкихъ дворахъ* *керкамъ не быти, а быти имъ за городомъ за Земляномъ . . .* Улож., л. 261 об.; *водою плыть — осторожливу быти* П. XVII в., л. 332 об.

Иногда к значению долженствования присоединяется оттенок значения возможности: *вирънику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю* Р. Пр., л. 616—616 об.; *а свини ти бити за 60 верстъ от города* Н. гр. № 1, 1264 г.

б) Дательный падеж в безлично-инфinitивных предложениях со значением объективной неизбежности. В дательном падеже стоит название лица (редко — предмета), которое с неизбежностью совершил то или иное действие или будет находиться в том или ином состоянии.

Ст.-сл.: *єже сѣсти о десніж і о лѣвіж нѣсть мнѣ дати нъ імъ есть оуготовано* Зогр., Мр. X, 40; *прѣждѣ во вѣдѣша ико селъ*, *кѣсть быти* Супр., стр. 51, 1—2; *нѣсть икоже стояти икою нъ издахнѣти и оумрѣти* Супр., стр. 149, 26—28.

Др.-р.: *уже мнѣ мужа своего не крѣсти* Лавр. 945 г., л. 15; *уже намъ сде пасти* Лавр. 971 г., л. 21; *нама ихъ не перебороти* Лавр. 980 г., л. 24 об., *аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, иде же ятома има быти* Лавр. 1071 г., л. 60; *брату твоему Кыєва не удержати* Лавр. 1150 г., л. 108 об.; *аже котлу кольца златыя во ушахъ, но дну его не избыти отъ жжения огненнаго, ни черности, тако и боярский холопъ, аще бы и паче мѣры бояринъ и гордился, но укоры ему своей не избыти: всякъ молвить — боярский холопъ* Сл. Д. З., стр. 69; *стыи же рече: и в четвертыи днѣ тебѣ не бывати, и не по повелѣнию ти сотворити* Жит. Ник., л. 227 об.; *а тебя велю с приказу переменить, и век тебе у меня моей милости не видать и в приказе не бывать* Хоз. Мор., № 336; *быть богату, быть и рогату* П. XVII в., л. 328, *бытъ) бычку на веревочке* П. XVII в., л. 323; *чему быть, тово не минутъ* П. XVII в., л. 378; *бранью праву не быть* П. XVII в., л. 330; *быть тебѣ от невѣсты истравлену, еще быть тебѣ от тое жены удавлену, из злата и сребра быть убитому* Г.-Зл., стр. 8—9.

в) Дательный падеж в безлично-инфinitивных предложениях с вопросительными и отрицательными наречиями.

Ст.-сл.: *почто ми гнѣвнти языкъ старцоу* Супр., стр. 239, 26; *что ли ми дальниам глати* Гр. Б., л. 360-в.

Др.-р.: *уже намъ нѣкако ся дѣти...* Лавр. 971 г., л. 21 об.; *то доколѣ бѣги терпѣти над нами?* Лавр. 1169 г., л. 122; *у мене ему нѣ что дѣти* Ип. 1287 г., л. 300 об.; *како намъ, княже, по тобѣ пособити?* Пск. 2 лет., 1420 г.; *ми на Русь пойти нѣ с чѣмъ, не осталося товару ничево* Аф. Н., л. 383 об.; *царю земному как без воинства быти?* Пер. 1 чел., л. 141 об.; *ино намъ нѣчемъ говорити, греческой вѣрѣ, яко жидомъ и арменомъ, что нѣтъ у нихъ волного царя и царьства волного нѣтъ у нихъ* Пер. 1 чел., л. 140; *о чесо ради убо намъ царьству своему запалители самымъ быти?* И. Гр. Посл. К., стр. 61; *а инде дей намъ учится негде* Стогл., л. 96; *Ока река течет по старому — за што рыбе не быть?* Хоз. Мор., № 336; *говорить ли мнѣ, или молчать?* Авв., л. 236 об.; *кормиться имъ нѣчемъ* Ст. Р., стр. 50; *когда у меня нѣтъ ничево, и тужить мнѣ не о чемъ* Г.-Зл., стр. 11.

г) Дательный падеж в безлично-инфinitивных предложениях с союзами, образованными при помощи частицы *бы*, или же с частицей *бы*, придающей оттенок желательности действия.

Др.-р.: да бы ны упередити до Гюргя, а любо и проженем, ли при-
мирим к собѣ Лавр. 1154 г., л. 114 об.; того же лѣта попове невкуп-
нии биша чоломъ Пскову, чтобы пятому сбору быти Пск. 2 лет.,
1462 г.; мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя, госу-
даря, и за твои царевичи, а за наши государи, голова положити
В. Гр. 1 п.; да прислать бы вамъ на Вѣину по хлѣбѣ изъ монастыря
подводѣ з двадцать Стр. II, стл. 421, 1616 г.

д) К дательному падежу субъекта в безлично-инфinitивных предложиях близок дательный падеж при сочетавшемся с инфинитивом предикативном наречии; ср.: *не къзможно кстъ въходити женѣ к мана-
стырю* Супр., стр. 298, 11—12; *мнѣ ли бы послати к тебѣ достоино,*
чи ли тобѣ ко мнѣ? Лавр., Поуч. Мон., л. 84. Останавливаться на нем мы не будем, так как ограничили задачи настоящей статьи рассмотрением прилагательного дательного падежа.

* * *

Как уже отмечено выше, дательный падеж субъекта в безличных конструкциях часто совершенно не обусловлен лексико-грамматическим значением управляющего глагола, являясь незаменимой составной частью целого оборота. Поэтому дательный падеж субъекта, в сущности, лишен синонимики. Речь может идти лишь о синонимичности целой конструкции, в состав которой входит дательный падеж субъекта, с конструкциями иных типов.

Значение субъекта действия или состояния не может являться исконным значением формы дательного падежа. Дательный субъекта развился на основе обычного дательного объектного падежа.

Между дательным косвенного объекта действия и дательным субъекта при безличных глаголах в форме 3-го лица ед. числа имеются переходные ступени: дательный падеж *ощущающаго лица* при личных глаголах, обозначающих *ощущения* или тот или иной вид восприятия (*улюбѣти, видѣтися* и т. п.). При этих глаголах лицо, обозначенное дательным падежом имени, в сущности, уже может рассматриваться как субъект какого-то состояния. Однако то обстоятельство, что *ощущения, психическое состояние лица*, название которого стоит в дательном падеже, вызываются неким предметом, название которого выполняет в предложении роль подлежащего (*улюбѣлъ ему Кыевъ*), связывает этот дательный падеж с дательным падежом обычного типа, с дательным косвенного объекта действия. Разница же заключается в том, что обычный дательный падеж косвенного объекта обозначает лицо, к которому направлено более или менее активное действие (*суды учнутъ крестьяномъ норовити*), а дательный падеж при глаголах *улюбѣти, видѣтися* обозначает лицо, ощущения которого вызываются другим предметом не активно, но пассивно, вызываются, в сущности, не предметом, но самим фактом наличия этого предмета с его свойствами и качествами. Несмотря на то, что дательным падежом обозначается в подобных случаях лицо *ощущающее*, связь с основным значением дательного падежа несомненна; употребление дательного падежа при глаголах типа *улюбѣти* вызвано представлением о своего рода „адресате“, предмете, получающем нечто извне (в данном случае — определенные ощущения).

Ощущения, состояние лица могут мыслиться и без предмета, пассивно вызывающего эти ощущения; отсюда — дательный падеж субъекта в безличных предложениях с более или менее полным устранием пред-

ставления о предмете, с которым связано возникновение тех или иных ощущений, того или иного психического состояния. Таков один из путей возникновения дательного падежа субъекта в безличных конструкциях. В этом отношении очень показательна история глагола *казатися* с дательным падежом: обозначая первоначально показывание себя кому-либо (активное действие предмета — носителя этого действия), он имел при себе дательный падеж адресата показа; в дальнейшем усиливается оттенок значения, связанный с тем впечатлением, которое „каждующийся“ предмет производит на лицо, а отсюда недалеко и до значения определенного психического состояния, испытываемого лицом, название которого стоит в дательном падеже; предмет, который являлся первоначально активным действователем, стал пассивным возбудителем определенных ощущений, определенного психического состояния лица, название которого стоит в дательном падеже; стало возможным безличное употребление глагола (*мерещиться, думаться*).

Иными путями развился дательный падеж субъекта в безлично-инфinitивных предложениях. Одним из этих путей является, повидимому, высвобождение первоначально объектного дательного падежа из-под влияния личной глагольной формы и вступление его в тесную связь с объективным инфинитивом. Такое высвобождение совершается особенно легко при глаголах повеления, запрещения и т. п.;ср.: *князь великий...повелъ: по всей старинѣ Пскову жити* Пск. 2 лет., 1486 г. Обособляясь, объективный инфинитив приобретал собственный модальный оттенок значения долженствования; дательный падеж начинал обозначать лицо, которое должно совершить то или иное действие. Отсюда — потенциальная возможность употребления безлично-инфinitивной конструкции с модальным значением долженствования и дательным падежом субъекта совершенно вне какой-либо зависимости от личных глагольных форм, управляющих дательным падежом: *Пскову по всей старинѣ жити*. Модальные значения безлично-инфinitивных конструкций с дательным падежом субъекта в значительной мере представляют собой пережиток того состояния, когда и инфинитив, и дательный падеж зависели от личных глагольных форм. Остальные пути образования безлично-инфinitивных предложений с дательным падежом субъекта представляются не вполне ясно. Возможно, что в ряде случаев мы имеем дело с результатом переосмыслиния конструкций, в которых дательным падежом управлял первоначально глагол *быти* с различными оттенками лексического значения. „В глагольно-инфinitивных предложениях дательный падеж вначале управлялся только глаголом *быти*, в связи же с переходом доинфinitивного существительного в инфинитив обнаруживает больше формального тяготения к инфинитиву... Когда начинают опускаться формы глагола *быти* в сочетании с инфинитивом, дательный падеж становится формой, управляемой только инфинитивом“¹.

Обозначая субъект действия или состояния, дательный падеж в безличных оборотах все же не вполне соответствует именительному падежу субъекта. В отличие от именительного падежа, дательный падеж субъекта обозначает лицо (предмет), которое является не только производителем действия, но в какой-то мере и адресатом, лицом, которому приписыва-

¹ К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. — Сб. „Вопросы синтаксиса современного русского языка“. М., 1950, стр. 300.

вается или предоставляется то или иное действие или состояние, возникающее независимо от воли этого лица, в силу каких-то внешних условий. Эта особенность сближает дательный падеж субъекта в безличных предложениях с дательным падежом обычного типа, с объектным дательным падежом.

Возникновение дательного падежа субъекта относится к десыменному периоду истории славянских языков. В памятниках древнерусского языка представлены все те типы безличных оборотов с дательным падежом субъекта, которые встречаются и в старославянском языке. Помимо этих случаев, общих для древнерусского и старославянского языков, в древнерусском языке могут быть отмечены и некоторые случаи употребления дательного падежа субъекта, не отражающиеся в памятниках старославянского языка. Сюда относятся случаи типа *зевается мне* (Азб., стр. 24) — дательный падеж лица, расположенного к какому-либо действию, и, конечно, случаи в безлично-инфinitивных предложениях с частицей *бы*, возникших в русском языке после выхода из употребления аориста. Значительно шире, чем в старославянском языке, в памятниках древнерусского языка распространены безлично-инфinitивные предложения с модальными значениями долженствования и необходимости, неизбежности. В предложениях со значением неизбежности в старославянском языке при инфинитиве нередко встречаются формы вспомогательного глагола *быти*.

Как уже отмечено, дательный падеж субъекта, в сущности, не имеет синонимов: при безличном инфинитиве вместо дательного падежа субъекта для выражения этого же или близкого значения не может быть поставлена какая-либо другая падежная форма, невозможна замена дательного падежа и при безличных глаголах в форме 3-го лица. Исключение представляет единичный случай употребления родительного падежа с предлогом *от* в значении, близком к значению субъекта действия, встретившийся в памятнике древнерусского языка XVI в.: *от нас же мнится, яко быти сие нѣкое явление агльское* Пов. о нач. П.-П. м-ря, л. 144 — 'мы полагаем', 'нам кажется'.

Из живого русского языка довольно рано уходят безлично-инфinitивные обороты с дательным падежом субъекта в придаточных предложениях следствия. Впрочем, в высоком стиле они продолжают употребляться еще в XVI—XVII вв. Они вытесняются соответствующими личными оборотами; ср.: *толико множество бѣ мертвыхъ, яко не успваху живии погребати ихъ* Сим. лет., 1364 г. Не встречаются в современном русском языке также случаи типа *глаголюще отбѣжати имъ*: безлично-инфinitивный оборот заменен придаточным дополнительным предложением с личными глагольными формами и именительным падежом субъекта. Употребление безличных инфинитивных предложений со значением долженствования сильно сокращается в новый период истории русского языка (с XVIII в.).

Дательный падеж служит для обозначения субъекта действия не только в славянских языках. Дательный падеж ощущающего лица (переходная ступень от дательного объекта к дательному субъекта) и дательный падеж при безличных глаголах в форме 3-го лица представлен во многих индоевропейских языках, в том числе в латинском (при глаголе *placere* 'нравиться', при безличных глаголах *debet*, *licet*); латинский язык знает и употребление дательного падежа в конструкциях долженствования типа *hoc tibi faciendum est* 'ты должен это сделать', 'тебе сделать это'.

* * *

Материал исследованных памятников старославянского и древнерусского языков позволяет сделать некоторые выводы общего характера.

Основным или исходным значением прилагольного дательного падежа является значение предмета, к которому направлено не охватывающее его, не овладевающее им в полной мере действие. Это значение объединяет все отдельные случаи употребления прилагольного дательного падежа. К нему могут быть сведены все частные значения, выражаемые формой дательного падежа при глаголах; связь с этим исходным глаголом может быть отмечена и у дательного падежа субъекта действия и состояния.

В старославянском и древнерусском языках вокруг указанного исходного значения прилагольного дательного падежа объединяются частные значения не только объектного (и объектно-субъектного), но и обстоятельственного характера. Основным обстоятельственным значением формы дательного падежа является значение предмета, к которому направлено пространственное движение; это значение, вместе с производным от него значением цели действия, пережиточно сохраняется в старославянском и древнерусском языках.

С течением времени в древнерусском языке беспредложный дательный падеж теряет способность выражать обстоятельственные значения места (дательный направления) и цели; эти значения окончательно закрепляются за предложными сочетаниями.

Дательный падеж в функции дополнения также теряет некоторые из своих значений. Исчезает дательный падеж объекта приближающегося действия (при глаголах с приставкой *при-*), в какой-то мере связанный с обстоятельственным дательным падежом направления. Сильно ограничивается употребление дательного падежа при глаголе *быти*. Остальные значения дательного падежа в функции дополнения в общем сохраняются. Изменения касаются лишь частностей; некоторые глаголы или небольшие группы глаголов теряют управление дательным падежом, отдельные глаголы приобретают дательный падеж дополнения. При изменении глагольного управления дательный падеж приходит в соприкосновение с винительным падежом чаще, чем с другими падежами: винительный падеж, подобно дательному, является падежом направления.

В истории русского языка беспредложный дательный падеж при глаголах уже не приобретает новых значений, хотя и удерживает за собой многие старые значения, восходящие к общеславянскому периоду, а в отдельных случаях и к более древнему периоду языкового развития.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ В НАЗВАНИЯХ ИСТОЧНИКОВ

I. Памятники старославянского языка

- Зогр. — Зографское евангелие, изд. В. Ягичем. Берлин, 1879.
 Марп. — Памятники глаголической письменности. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883.
 Киев. л. — Киевские листки. — В кн.: Н. Каринский. Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам, I. СПб., 1904.
 Сав. — Саввина книга. Труд В. Шепкина. — „Памятники старославянского языка“, I, вып. 2. СПб., 1903.

- Сл. ис. — Слуцкая псалтырь. — В кн.: И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868.
- Суир. — Суирасльская рукопись. Труд С. Северьянова — „Памятники старославянского языка“, II, вып. 1. СПб., 1904.
- II. Памятники русского извода старославянского языка
- Гр. Б. — XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи императорской Публичной библиотеки XI в. Критико-палеографический труд А. Будиловича. СПб., 1875.
- Изб. 73 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880.
- III. Древнерусский язык. Староукраинский язык
- А: гр. гр. — „Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Руси“. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. I. Киев, 1860.
- Авв. — „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное“. Изд. Археографической комиссии. Пг., 1916. — Использован список А.
- Авв., П. к М. — Письмо протопопа Аввакума к боярыне Ф. П. Морозовой. — В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, I. М., 1952.
- Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына. — „Русская Историческая библиотека“ (РИБ), XIII. СПб., 1891.
- Адам. — „Памятники отреченной русской литературы“. Собрал и издал Н. Тихонравов. I. СПб., 1863.
- Аз. — А. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906.
- Азб. — Азбука о голом и небогатом человеке. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVI в. М. — Л., 1937.
- Алекс. — В. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. [Использована 1-я редакция].
- Алекс. Мих. — Два письма царя Алексея Михайловича к стольнику А. И. Матюшину. — „Летопись занятий Археографической комиссии“, вып. 10. СПб., 1895.
- Аф. Ник. — „Хожение за три моря Афанасия Никитина“. Под. ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1948. [Использован текст списка Т].
- Б. и Г. — Сказание о страсти и похвала святою мученику Бориса и Глеба. Успенский сборник XII в. — „Чтения Московского общества истории и древностей российских“ (МОИДР) за 1899 г., кн. 2. М., 1899.
- Б. кл. — „Повесть о новгородском белом клубоке“. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кутелев-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860.
- Бес. — „Беседы преподобных Сергия и Герасима, валаамских чудотворцев“. — „Летопись занятий Археографической комиссии“, вып. 10. СПб., 1895.
- В. Гр. — „Переписка Ивана Грозного с Василием Грязным“. — В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Ук. соч.
- Верт. — „Книга, глаголемая прохладный вертоград“. — В кн.: В. М. Флоринский. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII ст. Казань, 1880.
- Вкл. кн. — „Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII ст.“. Изд. А. Титов. Ярославль, 1881.
- Вопр. Кир. — Вопрошания Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нионта, епископа Новгородского. — „Памятники древнерусского канонического права“, ч. I, VI. СПб., 1880.
- Вып. — Выпись, данная в 1552 г. по царскому указу Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину. — „Законы в кн. Иоанна Васильевича и внука его царя Иоанна Васильевича“. Приложение. М., 1878.
- Г. Ам. — В. М. Истрин. Книги временные и образные Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. I (текст). Пг., 1920. [Использован текст Троицкого списка].
- Г.-Эл. — Повесть о горе-злачествии. — „Русские повести XVII—XVIII вв.“ Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1905.
- Гр. арх. Ген. — „Грамота новгородского архиепископа Геннадия к митрополиту Зосиме, 1490 г.“ — РИБ, VI. СПб., 1880.
- Гр. митр. Кип. — Грамота митрополита Киприана к Сергию Радонежскому, 1378 г. Грамота митрополита Киприана во Псков, 1395 г. — РИБ, VI. СПб., 1880.
- Гр. митр. Кир. — „Определения владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла“, II. — РИБ, VI. СПб., 1880.
- Д. д. — „Донские дела“, кн. I. — РИБ, XVIII. СПб., 1898 г.
- Д. п. Н. — „Дело о патриархе Никоне“. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897.
- Д. Т. Пр. — „Дела Тайного приказа“. — РИБ, XXI—XXIII. СПб., 1904—1908.

- Девг. деян. — „Девгениево деяние“. — В кн.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., 1952.
- Дог. — „Духовные и договорные грамоты московских великих и удельных князей XIV—XVI вв.“. М. — Л. Изд-во АН СССР, 1950.
- Дом. — „Домострой по Коншинскому списку и подобным“. К изданию подготовил А. Орлов. М., 1908.
- Ер. Л. — Сказка о Еруслане Лазаревиче. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 2. СПб., 1860.
- Ерш. — Повесть о Ерше Ершовиче. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. — Л., 1937.
- Жит. Ал. Н. — Житие Александра Невского. Изд. В. Мансикка. — „Памятники древней письменности и искусства“, вып. 180. СПб., 1913.
- Жит. Ник. — Житие и подвиги преподобного отца нашего Никандра пустынножителя. — „Очерки по истории псковского монашества“. — „Чтения МОИДР за 1912 г.“, кн. 2. М., 1912.
- Жит. Ниф. — Житие Нифонта по сп. 1219 г. — „Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та моєї“. Одесса, 1928.
- Зад. — Слово Софония Рязанца о Куликовской битве. (Задонщина). — „Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина“. Кафедра русской литературы, т. XLIII. М., 1947.
- И. Гр. к В. Гр. — Переписка Ивана Грозного с Василием Грязным. — В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Ук. соч.
- И. Гр. Посл. в К.-Б. мърь — Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. — „Послания Ивана Грозного“. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1951.
- И. Гр. Посл. К. — Послание царя Иоанна Васильевича к князю А. Курбскому. Сочинения князя Курбского, I. — РИБ, XXXI, СПб., 1914.
- Изв. чел. — Известная челобитная царю Михаилу Федоровичу на дворцового дьяка Петра Микулина. — „Чтения МОИДР за 1908 г.“, кн. I. М., 1908.
- Ин. вид. — Повесть о видении мниху Варлааму. (Иное видение). — РИБ, XIII. СПб., 1891.
- Ин. ск. — Иное сказание. — РИБ, XII. СПб., 1891.
- Ип. — Ипатьевская летопись. — „Полное собрание русских летописей“ (ПСРЛ), II. СПб., 1908.
- Иск. б. — Об искушении бесом старца-богомольца. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, Вып. I. СПб., 1860.
- К. и Л. — Повесть о куре и лисе. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. — Л., 1937.
- К.-П. пат. — Патерик Киево-Печерского монастыря. — „Памятники славяно-русской письменности“. Изд. Археографической комиссии. Вып. 2. СПб., 1911. [Использована Арсениевская редакция].
- Каз. лет. — История о Казанском царстве. („Казанский летописец“). — ПСРЛ, XIX. СПб., 1903.
- Кал. чел. — Калазинская члобитная. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. — Л., 1937.
- Кат.-Р. — Повесть князя И. М. Катырева-Ростовского. — РИБ, XIII. СПб., 1891.
- Ком. сп. Н. 1 л. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. [Использована Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный список]. М. — Л. Изд-во АН СССР, 1950.
- Кот. — О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошина. СПб., 1906.
- Кур. — Сочинения кн. Курбского, I. — РИБ, XXXI. СПб., 1914. [Использованы: История о великом князе Московском (Ист.). На вторую эпистолию отвещдание цареви Московскому (Отв.). Эпистолия первая князя Андрея Курбского (Эп. I)].
- Лавр. — „Лаврентьевская летопись“. — ПСРЛ, I, вып. 1. Л., 1926; вып. 2. Л., 1927.
- Лег. о божн. — Легенда о варяжской божнице. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860.
- Лег. о пьян. — Легенда о пьянице, предавшем душу бесу. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860.
- Льв. лет. — Львовская летопись. — ПСРЛ, XX, ч. 1. СПб., 1910; ч. 2. СПб., 1914.
- М. Гр. Посл. — Послание Максима Грека великому князю Василию III. — „Тр. Отдела ар.-русск. литер-ры Ин-та русск. литер-ры АН СССР“. II. Л., 1934.
- М. ист. мед. — Материалы для истории медицины в России. СПб. 1881—1885.
- М. л. св. — Московский летописный свод. — ПСРЛ, XXV. М. — Л., 1949.
- Митр. прав. — Митрополичье правосудие. — В кн.: М. Н. Тихонравов. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

- Мст. ев. зап. — Запись тиуна Заслава в Мстиславовом евангелии, сделанная после 1125 г. — В кн.: И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882.
- Н. 1. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Синодальный список. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Н. бер. гр. — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во АН СССР, 1953.
- Н. гр. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1949.
- Нов. пов. — Новая повесть о преславном Российском царстве. — РИБ, XII. СПб., 1891.
- ОЕ — Остремирово евангелие. — В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Ук. соч.
- Отп. — Отписка об обучении Николая Семенова в школе на Печатном дворе 1681 — 1692 гг. — „Чтения МОИДР за 1908 г.“, кн. 1. М., 1908.
- П. и Ф. — Повесть о муромском князе Петре и супруге его Февронии. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860.
- П. XVII в. — Пословицы XVII в. — „Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч.“. Собрал П. Симони. СПб., 1899.
- П. П. вр. — Пословицы Петровского времени. „Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч.“ Собрал П. Симони. СПб., 1899.
- П. Р. Дж. — Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. — „Памятники старинного русского языка и словесности XV — XVIII ст.“ Изд. П. Симони, вып. 2. СПб., 1907.
- Пал. толк. — Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1409 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1896.
- Пер. — И. С. Пересветов. Сочинения. В приложении к исследованию: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. — „Чтения МОИДР за 1908 г.“, кн. 1. М., 1908. [Использованы: 1-я и 2-я человитные И. С. Пересветова (1 чел., 2 чел.)].
- Перест. — Пересторога зело потребная на потомные часы православным христианом. В приложении к исследованию: М. Возняк. Письменницька діяльність Івана Борецького на Волині і у Львові. Львів, 1954.
- Писк. лет. — Отрывок из Пискаревского летописца. В приложении к книге: „Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков“. М. — Л., 1952.
- Плач — Плач о плениении и о конечном разорении Московского государства. — РИБ, XIII. СПб., 1891.
- Пов. — Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов. — РИБ, XIII. СПб., 1891.
- Пов. Иер. — Повесть града Иерусалима. — „Летописи русской литературы и древности“. Изд. Н. Тихонравов. II. М., 1859.
- Пов. о вид. — Повесть о видении мниху Варлааму. — РИБ, XIII. СПб., 1891.
- Пов. о кн. Ск.-Ш. — Повесть о смерти и о погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. — В кн.: Н. К. Гудзий. Ук. соч.
- Пов. о нач. П.-П. м-ря — Повесть о начале Псковско-Печерского монастыря. — „Очерки по истории псковского монашества“. — „Чтения МОИДР за 1908 г.“ кн. 4. М., 1908.
- Пов. о пр. Ст. Б. — Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1952.
- Пол. Гр. — Полоцкие грамоты около 1300 и около 1330 гг. — В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Ук. соч.
- Пос. — И. С. Посошков. Книга о скучости и богатстве и другие сочинения. М., Изд-во АН СССР, 1951. [Использована „Книга о скучости и богатстве“].
- Посл. — Послание дворительное недругу (Посадская сатира XVII в.). — „Тр. Отдела др.-русск. лит-ры Ин-та русск. лит-ры АН СССР“, IX. М.—Л., 1953.
- Посл. двор. — Послание дворянину к дворянину. В статье: В. П. Адрианов — Перетц. Повести XVII в. и устное народное творчество. — „Тр. Отдела др.-русск. лит-ры Ин-та русск. лит-ры АН СССР“, IX. М., 1953.
- Посл. Сим. — Послание владимирского епископа Симона XII в. — „Памятники российской словесности XII в.“. Изд. Калайдович. М., 1821.
- Поуч. Ефр. Сир. — Поучения Ефрема Сирина. Ркп. до 1288 г., запись. — В кн.: И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка СПб., 1882.
- Поуч. Ильи — Поучение новгородского епископа Ильи (Иоанна). — РИБ, VI, ч. 1. СПб., 1880.
- Поуч. Л. — Поучение Луки Жидяты. — „Памятники древнерусской церковно-учительной литературы“, вып. 1. СПб., 1894.

- Поуч. Стеф. — Поучение русского епископа Стефана против стригольников. — РИБ, VI, кн. I. СПб., 1908.
- Пск. 1 — Псковская 1-я летопись, вып. 1. М. — Л., 1941. [Использован Тихановский список].
- Пск. 1 лет. А. — Псковская 1-я летопись — ПСРЛ, IV. СПб., 1848. [Использован Архивный список].
- Пск. 2 лет. — Псковская 2-я летопись. — ПСРЛ, V. СПб., 1851.
- Пск. судни. гр. — Псковская судная грамота. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1914.
- Пут. Иоанна — Повесть о путешествии Иоанна Новгородского. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860.
- Пут. К. — О ходу в персидское царство... Федота Котова. — „Временник МОИДР“, кн. 15. М., 1852.
- Р. Пр. — „Русская Правда“, I. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1940. [Использован текст Синодального списка].
- Радз. сп. лет. — Радзивилловский список летописи. — В дополнениях к Лаврентьевской летописи. — ПСРЛ, I, вып. 1. Л., 1926.
- Рев. акты — Русские акты Евельского городского архива. — РИБ, XV. СПб., 1894.
- Риж. гр. — Рижская грамота 1281—1297 гг. — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1868.
- С. Гр. — Повесть о Савве Грудыне. — „Русские повести XVII—XVIII вв.“ Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1906.
- С. и К. — Соломон и Китоврас. — „Памятники отреченной русской литературы“. Собрал и издал Н. Тихонравов. I. СПб., 1863.
- Сим. лет. — Симеоновская летопись. — ПСРЛ. XVIII. СПб., 1913.
- Сим. Пол. — Симеон Полоцкий. Избр. соч. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1953.
- Ск. о бог. — Сказание о киевских богатырях. — „Тр. Отдела др.-русск. лит-ры Ин-та русск. лит-ры АН СССР“, IX. М. — Л., 1953.
- Ск. об Ал. Нев. — Сказание о подвигах и о жизни Александра Ярославовича Невского. М., 1882.
- Ск. о Гр. Отр. — Сказание о Гришке Отрепьеве. — РИБ, XIII. СПб., 1891.
- Ск. о пол. — Сказание о пленном половине. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860.
- Сл. — Слово о полку Игореве. М., ГИХЛ, 1954.
- Сл. Д. З. — Слово Даниила Заточника. Предисловие и примечания И. А. Шляпкина. — „Памятники древней письменности“, вып. 81. СПб., 1889.
- Сл. о пог. — Слово о погибели Русская земли. — „Тр. Псковск. церковного ист.-арх. комитета“. I. Псков, 1910.
- Сл. каб. — Служба кабаку (Праздник кабацких ярыжек). — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1937.
- См. гр. — Смоленская грамота 1229 г. — В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Ук. соч., М., 1952; Смоленские грамоты 1240—1270 гг. — В кн.: Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1868.
- См. Грам. — Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648.
- Сол. и цар. — О Соломоне и царице Южской. В Приложении к кн.: И. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.
- Ст. Р. — Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. Изд. „Русской беседы“. М., 1857.
- Ст. Р. нов. мат. — Новые материалы о движении Степана Разина. — „Летопись занятий постоянной Ист.-арх. ком. АН СССР за 1926 г.“, вып. 1 (34). Л., 1927.
- Ст. ром. — Отрывок романа в стихах конца XVII в. — „Русские повести XVII—XVIII вв.“ Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1906.
- Стогл. — Стоглав. — „Царские вопросы и соборные ответы“. М., 1890.
- Стр. — Архив П. М. Строева, I. — РИБ, XXXII. СПб., 1915, II. РИБ, XXXV, 1917.
- Суд. — Судебники 1497 и 1550 гг. — „Законы в. кн. Иоанна Васильевича и сына его царя Иоанна Васильевича“. М., 1878.
- Судз. Ак. — Сузdalская летопись по Академическому списку. — ПСРЛ, I, вып. 3. Л., 1928.
- Сыск. д. — Сыскное дело 1688 г. — „Временник МОИДР“, кн. 15. М., 1852.
- Травн. — Травник. — В кн.: В. М. Флоринский. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII вв. Казань, 1880.
- Ук. — Указы, како подобает избирати годных на священство. — РИБ, VI. СПб., 1880.

- Ук. Вас. III. — Указ царя Василия Шуйского от 9 марта 1607. (Выдержка). — В кн.: Т. Мальгин. Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства. СПб., 1803.
- Улож. — Уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.
- Уль. М. — Повесть об Ульяни Муромской. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860.
- Уст. лет. — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Уст. Вол. — Устав Владимира Всеиволодовича — Приложения к кн.: „Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов“. М. — Л., 1950.
- Уст. Яр. — Устав Ярослава. Святительские суды. — Приложения к кн.: „Новгородская первая летопись...“ М. — Л., 1950.
- Ф. Печ. — Житие Феодосия Печерского. В Успенском сборнике XII в. — „Чтения МОИДР за 1899 г.“, кн. 2. М. 1899.
- Фр. Ск. — История о российском дворянине Фроле Скобееве. — „Русские повести XVII—XVIII вв.“ Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1906.
- Хлебн. — Хлебниковский список Киевской и Галицко-Волынской летописи. В вариантах к Ипатьевской летописи. — ПСРЛ, II. СПб., 1908.
- Хоз. Мор. — Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. 1. М. — Л., 1940; ч. 2. М. — Л., 1945.
- Хр. К. — Хронологическая статья Кирика. — В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Ук. соч.
- Чер. — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин, ч. 1. М., 1951.
- Шем. с. — Повесть о Шемякином суде. — „Памятники старинной русской литературы“. Изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 2. СПб., 1860.

Л. Э. Калининъ

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ТВЕРДОСТИ И МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящая статья является частью исследования, посвященного развитию категории твердости-мягкости согласных в восточнославянских языках. Тема эта непосредственно связана с проблемой языкового родства, с вопросами становления и развития близкородственных языков — русского, украинского и белорусского.

Задача исследования заключается в том, чтобы на определенном конкретном материале проследить путь развития от особенностей, общих всем восточнославянским языкам, к особенностям специфическим, национально своеобразным, так как именно к этому сводится содержание процесса образования соответствующих родственных языков. Одним из проявлений этого процесса является развитие категории твердых-мягких согласных в славянских языках вообще и в восточнославянских в частности. В определенную эпоху эта фонетическая категория была представлена в одинаковом виде у всех славян. Однако по мере развития отдельных славянских языковых групп и языков в каждом из них категория твердости-мягкости нашла своеобразное выражение. При этом существовало два основных пути преобразования общеславянского состояния категории твердости-мягкости. Один из этих путей заключался в превращении общеславянской полумягкости — явления позиционного, нефонематического — в мягкость самостоятельную, фонематическую; второй путь состоял в утрате общеславянской позиционной полумягкости. Примером первого пути развития является русский язык, где категория твердости-мягкости последовательно развилаась, примером второго пути — сербский язык, где та же категория в значительной мере ликвидировалась. Это два полюса в развитии названного явления. Польский язык, в общем, ближе к русскому, а болгарский — к сербскому, хотя по диалектам болгарский язык весьма многообразен.

Что касается восточнославянской группы в целом, то здесь истоки категории твердости-мягкости согласных являются общими до определенного периода, а именно до смягчения полумягких. Но в дальнейшем развитие твердости-мягкости направляется по разным путям в говорах, легших в основу русского языка, с одной стороны, и в говорах, легших в основу украинского языка, с другой. В последних мягкие согласные

перед этимологическими [i] и [e] (в том числе из ь) отвердеваются. Что касается белорусского языка, то здесь в разных диалектах главенствует то украинский принцип (южные белорусские говоры), то великорусский (остальные), но в целом доминирует последний (осложненный специфическими белорусскими особенностями — в связи с цеканьем и дзеканьем, отвердением [r'] и некоторыми другими процессами).

Последовательное и широкое развитие категории твердости-мягкости, обусловленное смягчением полумягких согласных перед гласными переднего ряда в части славянских языков, тесно связано с сохранением физиолого-акустических различий гласными [i] и [y] при их функциональном отождествлении, с более или менее широким процессом изменения [e] в [o] в определенных условиях, с сохранением мягкости согласных на конце слова перед исчезнувшим [ь], а также с рядом морфологических процессов. Сужение категории твердости-мягкости согласных наблюдается в тех славянских языковых группах, в которых полумягкие отвердели, в связи с чем гласные [i] и [y] совпадают (а в сербском совпали также [ь] и [ъ]), фонетическое изменение [e] в [o] отсутствует.

Таким образом, в обоих случаях развитие системы согласных в отношении категорий твердости-мягкости оказывается тесно связанным с развитием системы вокализма. Это и закономерно: ведь системы консонантизма и вокализма находятся в отношениях сложного взаимодействия и обусловленности одними элементов этого структурного целого другими.

Однако звуковая система языка не существует сама по себе, вне словарного состава и грамматического строя: она существует лишь как звуковая оболочка того или иного исторически сложившегося национально своеобразного языка. Поэтому естественно, что взаимодействуют между собой не только разные элементы звуковой системы, но и звуковая система со словарным составом и грамматическим строем. Отдельные фонемы иногда усваиваются в языке вместе с заимствованными словами; последние, войдя в язык, постепенно в той или иной мере могут изменить звуковую систему (точнее огдельные ее звенья). Звуковые изменения нередко подготавливают почву для морфологических процессов, а последние, в свою очередь, в некоторых случаях меняют отношения между звуками, т. е. вносят те или иные изменения в фонетическую систему. Из морфологических процессов особенно важным для категории твердых-мягких согласных оказывается взаимодействие твердых и мягких именных основ.

Настоящая статья посвящена исследованию развития категории твердости-мягкости согласных в русском языке. Предмет исследования ограничен согласными, парными по твердости-мягкости. Согласные вне-парные по твердости-мягкости (шипящие, с, ж, задненебные) остаются в целом за пределами исследования, так как они уводят от основной темы — развития соотносительной категории твердости-мягкости согласных, к вопросам, в масштабе всей фонетической системы второстепенным.

В связи с тем, что [f] как самостоятельная фонема в русском языке практически отсутствует (иностранные слова мы не принимаем во внимание), в настоящей статье согласный [f] рассматривается лишь в той мере, в какой он выступает в качестве видаизменения [v] в слабом положении.

2. Данная работа по теме и постановке вопроса носит фонологический характер, так как она посвящена изучению большого звена фоне-

тической системы в связи со всей фонетической системой и шире — в связи с системой языка в целом. Известно, что в области фонологической теории существуют расхождения во взглядах отдельных ученых. Однако в связи с тем, что данная работа носит не специально теоретический, а исторический характер, считаем возможным обойти эти спорные вопросы, сделав, однако, несколько замечаний в плане общей фонологической теории¹.

Известно, что фонетическая система базируется на позиционно обусловленных звуковых чередованиях. Последние могут быть параллельными, когда отдельные ряды чередований не пересекаются друг с другом (ср. чередования [а: а] в [рад] и [гр'аэ], [о: о] в [нос] и [б'е-р'о́з'е]) и непараллельными, перекрещивающимися, когда отдельные ряды чередований пересекаются друг с другом (ср. [а: ъ], [о: ъ] в [нъдп'исат'] и [пъдп'исат']). Если звуковая система состоит только из параллельных чередований, то объем понятия фонемы не вызывает сомнений. Такой была система мягких и твердых согласных фонем в общеславянский период.

Иначе обстоит дело, когда фонетическая система строится на чередованиях не только параллельных, но и пересекающихся, какова, например, фонетическая система современного русского языка. Если оставить вопрос о нечленимости „мягких“ и „твёрдых“ слогов в эпоху после смягчения полумягких² и считать твердость-мягкость согласных выделяемой, то непараллельные чередования в области твердости-мягкости появились после смягчения полумягких согласных, когда твердые и мягкие согласные фонемы [r], [l], [n], различаясь перед некоторыми гласными непередними, совпадали перед гласными переднего ряда. Что касается остальных зубных и губных согласных, то различие их по твердости-мягкости в эпоху после смягчения полумягких и до падения редуцированных было ограничено положением перед гласным [a], который после мягкого согласного восходил к [e]. Роль непараллельных чередований в фонетической системе расширяется после падения редуцированных, когда совпадение, иначе нейтрализация, твердых и мягких согласных распространяется на все парные по твердости-мягкости согласные и не только в положении перед гласными переднего ряда, но и в положении перед некоторыми согласными. Пункты пересечения непараллельных чередований находятся в пределах слабого положения, т. е. в позиции меньшего, чем в сильном положении, различия фонем (ср. чередования [а: ъ], [о: ъ] — гласный [ъ], в котором пересекаются оба чередования, употребляется в определенных безударных слогах, в которых представлено менее широкое, чем под ударением, различие гласных). Вслед за Р. И. Аванесовым, фонемы, представленные в положении наибольшего различия, называем „сильными“, фонемы, представленные в позиции неразличения, — „слабыми“. Это относится как к согласным, так и к гласным фонемам.

¹ Считаю необходимым заметить, что в изложении общетеоретических положений я исхожу из теории фонем, изложенной Р. И. Аванесовым в курсе лекций по русской фонетике, читанном в 1954 г. в МГУ. Кроме того, основные положения этой теории изложены в статье Р. И. Аванесова „Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы“. — Сб. „Вопросы грамматического строя“. М., 1955.

² См. Р. Якобсон. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. — „Travaux du cercle linguistique de Prague“. Prague, 1929, cap. 111, § 14. Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки i и y. — „Вестник МГУ“. 1947, № 1.

Может показаться, что между понятием „вариант фонемы“¹, с одной стороны, и понятием „слабая фонема“, с другой, разница только терминологическая; тем не менее это не так. Понятие „вариант фонемы“ рассматривает ту или иную звуковую единицу только лишь как позиционно обусловленную модификацию определенной фонемы сильного положения, фонологически бесправную, целиком повторяющую смыслоразличительную нагрузку фонемы сильного положения. Понятие „слабая фонема“ квалифицирует ту же звуковую единицу, как имеющую свое фонологическое лицо, играющую самостоятельную смыслоразличительную роль, хотя и ослабленную сравнительно с фонемой, представленной в сильном положении.

Однако утверждение самостоятельной фонологической роли слабой фонемы ни в коем случае не должно явиться поводом к отождествлению слабой фонемы со звуковым типом². Понятие „звуковой тип“ абстрагирует фонему в слабом положении от фонемы сильного положения, рассматривая первую как фонологически равнозначенную второй: с точки зрения звукового типа нет фонологической разницы между гласным [а] в [вадой] и тем же гласным в [ваш]. Из этого, между прочим, вытекает следующий вывод. Известно, что фонологическая характеристика того или иного звука определяется его местом в той фонетической системе, в которой он функционирует. В частности, гласный [а] в примере [ваш] функционирует в системе гласных фонем [и], [ү], [օ], [е], [а] (имеем в виду литературное произношение). Это дает основание определять гласный [а] как фонему нижнего подъема среднего ряда, нелабиализованную, противопоставленную фонемам [и], [ү], [օ], [е]. Исходя из понимания фонемы как звукового типа, такую же характеристику мы должны были бы дать и гласному [а] в случае [вада]. Но на самом деле это не так. Гласный [а] в первом предударном слоге в литературном произношении функционирует в системе гласных [и], [ү], [и̇], [а], и это определяет его характеристику как гласной фонемы неверхнего подъема, нелабиализованной, противопоставленной гласным [и], [ү], и функционально объединенной с [и̇] (см. об этом ниже).

Понятие „слабая фонема“, признавая фонологическую самостоятельность фонемы в слабом положении, отнюдь не абстрагирует эту последнюю от фонемы сильного положения. Слабая фонема рассматривается не изолированно, а как звено в ряду чередований с сильной фонемой, а в ряде случаев и с другими слабыми фонемами. Квалифицируя слабые фонемы в качестве звеньев фонетической системы, самостоятельно различающихся слова и формы, мы тем самым делаем правомерным анализ противопоставления твердых-мягких согласных перед слабыми фонемами. Понятие варианта фонемы исключает такой подход: если вариант лишь модификация фонемы, представленной в сильном положении, то противопоставление согласных по твердости-мягкости перед этой фонемой должно переноситься в положение перед ее вариантом.

Изложенный выше подход особенно важен при анализе твердости-мягкости согласных в положении перед гласными. До тех пор, пока в связи с изменениями в безударном вокализме безударное положение не стало слабым положением для гласных фонем, твердые и мягкие согласные в одинаковой мере различались как перед ударенными, так

¹ О теории варианта см. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945, стр. 39—44.

² О трактовке фонемы как звукового типа см. Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 4. М., 1953, стр. 18.

и перед безударными [а], [у], [и], не различаясь перед [о], [е], [ё] (имеем в виду эпоху непосредственно после падения редуцированных). Подобные отношения были нарушены в эпоху после падения редуцированных в связи с изменением [е]>[о], утратой [ё], как самостоятельной фонемы, развитием аканья. С осуществлением этих процессов в разных безударных слогах складываются неодинаковые системы гласных (системы слабых фонем), отличные от системы гласных ударенного слога (системы сильных фонем).

Если бы мы стали рассматривать противопоставление твердых-мягких согласных перед безударными гласными лишь как перед вариантами ударенных фонем, не учитывая специфики системы фонем безударных слогов, то нелзбжно пришлось бы в ряде случаев констатировать неразличение твердых-мягких согласных в положении перед одними и теми же безударными гласными и, напротив, различение перед гласными нетождественными. Например, по отношению к случаям [нъ насу́] — [н'ису́] в икающих говорах мы должны были бы сказать, что согласные [н] и [н'] противопоставлены перед одной и той же предударной гласной фонемой (вариантом фонемы [о]), в случаях же [н'ису́] и [вн'изу́] должны были бы констатировать, что [н'] находится перед разными предударными гласными (а именно, перед вариантом фонемы [о] и перед вариантом фонемы [и]). Поэтому согласно теории варианта в таких случаях, как [н'ису́] и [вн'изу́], пришлось бы отметить противопоставленную, фонематическую мягкость перед разными гласными фонемами: [о] в первом случае и [и] — во втором. Логическим следствием подобного подхода является неоправданный отрыв фонемы от ее физиолого-акустических свойств. Ср. яркий пример из говоров: [п'ярабой] (от перо) — [пум'ират']; сообразно понятию варианта фонемы [р'] и [р] противопоставлены перед одной и той же гласной (вариантом фонемы [о]); в случаях же [пум'ират'] и [пулем'от'] пришлось бы считать, что согласный [р] находится перед разными гласными.

К иным результатам приводит анализ противопоставления твердых и мягких согласных перед безударными гласными, проведенный с учетом специфики системы слабых гласных фонем безударных слогов, как единиц в известной степени самостоятельных. Перед гласными каждого из безударных слогов (перед слабыми фонемами) представлена особая система различия твердых и мягких согласных. При этом в ряде случаев рассмотрение вокализма безударных слогов в связи с системой твердых-мягких согласных позволяет установить соотносительность гласных в системе того или иного безударного слога (см. об этом III, § 16, и далее).

Что касается вопроса о твердых-мягких согласных перед слабыми согласными фонемами, то здесь все просто и ясно. Ряды чередований для согласных фонем, в отличие от гласных, не отличаются разнообразием. Если оставить в стороне чередование по глухости-звонкости, то в системе твердых-мягких согласных слабой фонемой, чередующейся с сильной твердой согласной фонемой, является мягкая согласная и напротив — слабой фонемой, чередующейся с сильной мягкой фонемой, является твердая согласная. Согласные, парные по твердости-мягкости перед слабыми твердыми или мягкими фонемами отвердевают или смягчаются, сообразно своему обычному поведению перед аналогичными сильными фонемами.

3. Развитие категории твердости-мягкости согласных в русском языке давно привлекало внимание исследователей русского языка. Среди работ,

посвященных этому вопросу, можно назвать статью Л. Л. Васильева «С каким звуком могла ассоциироваться буква „нейотированный юс малый“ [A] в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников?»¹, статью Н. Н. Дурново „Старославянское смягчение согласных в Архангельском евангелии“², некоторые разделы работы А. А. Шахматова „Очерк древнейшего периода истории русского языка“ (1915), отдельные главы указанного выше исследования Р. Якобсона „Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves“. Вопросов фонологического становления категории твердости-мягкости согласных касается Р. И. Аванесов в названной выше статье „Из истории русского вокализма. Звуки i и u“.

В центре внимания Л. Л. Васильева, Н. Н. Дурново, А. А. Шахматова находится вопрос о времени смягчения полумягких согласных, причем Л. Л. Васильевым и Н. Н. Дурново этот вопрос решался на материале одного отдельного памятника. К единой точке зрения на время смягчения полумягких перечисленные исследователи не пришли. Так, по мнению А. А. Шахматова, общий переход полумягких согласных в мягкие осуществился еще в общерусский период; Н. Н. Дурново датирует этот процесс самое позднее XI в.; Л. Л. Васильев же считает, что полумягкие существовали вплоть до XII в. включительно. Всех этих ученых объединяет отсутствие фонологического подхода к исследуемому явлению, которое рассматривается изолированно от фонетической системы и, по существу, вне истории языка в целом.

Освещение с фонологических позиций вопроса о развитии категории твердости-мягкости согласных в русском языке дано в названных выше работах Р. Якобсона и Р. И. Аванесова, которые последовательно рассматривают твердость-мягкость как звено фонетической системы в целом, в тесной связи с системой вокализма. Следует заметить, что оба названных ученых стоят на принципиально разных теоретических позициях в оценке причин фонетических процессов.

Р. Якобсон считает, что первопричина всех фонетических процессов — потребности фонологической системы; всякое фонетическое изменение может быть объяснено лишь с точки зрения „интересов фонологической системы“³.

Р. И. Аванесов придерживается противоположной точки зрения на соотношение фонетических и фонологических изменений: последние обусловливаются первыми. Тем не менее оба этих ученых соприкасаются во взглядах на некоторые этапы в развитии категории твердости-мягкости.

Р. Якобсон представляет следующим образом становление названной категории в общеславянском, а затем в русском языке. В общеславянский период до делабиализации гласных существовала корреляция „передние-задние гласные“, которая сопровождалась внеграмматическим противопоставлением „мягкость-твердость согласных“. В дальнейшем, после делабиализации долгих гласных, когда „лабиализация перестала быть отличительным признаком, обязательно сопровождающим задние гласные“, противопоставление „передние-задние гласные“ становится менее отчетливым, а противопоставление „твердости-мягкости согласных“ приобретает большее значение. В конечном итоге

¹ См. РФВ, 1913 г., № 1—2, стр. 140.

² См. „Slavia“, R. II, S. 4, str. 550.

³ Р. Якобсон. Ук. соч., VI, § 3.

корреляция „передние-задние гласные“ превратилась в корреляцию неразложимых групп: „мягкая согласная + передняя гласная“ ~ „твёрдая согласная + задняя гласная“. „Ни гласные, ни согласные этой корреляции не могли быть противопоставлены друг другу вне указанных групп“¹.

Независимое противопоставление „палатализованная согласная — твёрдая согласная“ возникает после падения редуцированных, когда твердость-мягкость согласных эмансирировалась от последующего гласного².

Эта схема вызывает следующие возражения. Неясно, о противопоставлении каких твердых и мягких согласных идет речь в применении к общеславянскому периоду, до осуществления процесса делабиализации гласных? Если о согласных йотовой артикуляции $l-l'$, $n-n'$, $r-r'$, то противопоставление их было вполне самостоятельным, а не только лишь сопровождающим корреляцию передние-задние гласные ($l-l'$, $n-n'$, $r-r'$ различались перед всеми гласными). Если же речь идет о согласных, мягкость которых восходит к полумягкости, то и эти согласные не могли образовать в общеславянский период противопоставление по твердости-мягкости, так как в общеславянском эти согласные еще не были мягкими; полумягкие же и твердые согласные не образовывали противопоставления, будучи фонематически тождественными. По тем же причинам и противопоставление твердых и мягких групп также возможно отнести лишь к периоду, последовавшему за распадом общеславянского языка на отдельные языковые группы, так как возникновение этого противопоставления обусловлено смягчением полумягких.

Р. И. Авансов к общеславянской эпохе относит лишь противопоставление по твердости-мягкости согласных, получивших мягкость в результате ассимиляции последующему [j], т. е. [l]—[l'], [n]—[n'], [r]—[r'], а также [s]—[s'], [z]—[z'], явившихся в результате второй и третьей палатализации. Прочие зубные и губные согласные не различались по твердости и мягкости, в положении перед гласными переднего ряда приобретая полумягкость. При этом твердые и полумягкие согласные фонематически были тождественны. Позднее, в период существования уже отдельных языковых групп, в части славянских языков полумягкие согласные смягчались. В силу того, что согласные не могли изолироваться от последующих гласных, образовались неразложимые сочетания твердых согласных с непередними гласными, с одной стороны, и мягких согласных с передними гласными — с другой. Эта взаимозависимость разрушилась в результате падения редуцированных; твердые и мягкие согласные стали различаться на конце слова, перед некоторыми гласными и согласными.

Таким образом, как Р. Якобсон, так и Р. И. Авансов отмечают ряд одинаковых этапов в развитии категории твердости-мягкости согласных, хотя по-разному их объясняют и относят к разным эпохам.

Мы в своей работе следуем за Р. И. Авансовым, считая, что в фонологическом развитии категории твердости-мягкости в восточнославянских языках решающую роль сыграли два фонетических процесса: смягчение полумягких и падение редуцированных. Сообразно с этим и работа строится по следующим периодам:

¹ Р. Якобсон. Ук. соч., III, § 14.

² Там же, VI, § 3.

- 1) эпоха до падения редуцированных и до смягчения полумягких;
- 2) эпоха до падения редуцированных и после смягчения полумягких;
- 3) эпоха после падения радуцированных.

4. Анализ категорий твердости-мягкости согласных строится на разном материале в зависимости от того, какая эпоха является объектом исследования.

Общеславянское состояние названной категории восстанавливается на основе данных сравнительно-исторического изучения славянских языков. Для восточнославянских языков и для русского в том числе подобное состояние твердости-мягкости согласных было представлено в эпоху до смягчения полумягких.

Исследование развития твердости-мягкости согласных в более поздние эпохи проводится на основе наблюдений над правописанием древних письменных памятников в связи с данными живого языка и диалектологии. При этом сочетание этих двух видов источников для русского языка возможно лишь при рассмотрении твердости-мягкости согласных в эпоху после падения редуцированных, так как после падения редуцированных система твердых и мягких согласных начала развиваться уже непосредственно по направлению к тому состоянию, в котором она представлена в современном русском языке: по существу нет принципиальной разницы между названной системой в древнерусском языке непосредственно после падения редуцированных, с одной стороны, и в современном языке — с другой. Однако следует заметить, что и для этой эпохи не все звенья системы могут быть прослежены как на материале памятников, так и на материале диалектов. Так, например, система противопоставления твердых и мягких согласных перед безударными гласными может быть проанализирована только на основе диалектологических данных, так как памятники эпохи после образования аканья обычно не содержат указаний на эту сторону фонетической системы. Что касается категории твердых-мягких согласных в русском языке в эпоху до падения редуцированных (но после смягчения полумягких), то здесь могут быть использованы только данные памятников.

Известно, что коренные различия в системе твердых-мягких согласных, которые имеются между русским языком, с одной стороны, и украинским — с другой, относятся к сравнительно позднему времени. Во всяком случае смягчение полумягких, закончившееся уже в историческую эпоху, было еще общим для всех древних восточнославянских говоров, как для тех, на основе которых впоследствии образовался русский язык, так и для тех, которые легли в основу украинского языка. К еще более позднему времени относятся различия в отношении категории твердости-мягкости между русским и белорусским языками. В связи с этим в настоящей работе при исследовании категории твердых-мягких согласных в древнерусском языке привлекаются памятники любых частей древней Руси, а для более поздних эпох лишь те, которые могут считаться великорусскими.

ЭПОХА ДО ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ И ДО СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 1. Эта эпоха в истории древнерусского языка характеризуется отношениями по твердости-мягкости согласных, которые были свойственны еще общеславянскому периоду. О более точном хронологиче-

ском ограничении этой эпохи от последующих вряд ли можно говорить, так как, если падение редуцированных в древнерусском языке по установившемуся мнению можно относить к XII в., то на время смягчения полумягких, как это было отмечено выше, существуют различные точки зрения.

В основе различия твердых и мягких согласных лежит взаимное приспособление артикуляции гласных и согласных звуков в пределах одного слога, имевшее место еще в общеславянскую эпоху. В связи с тем, что слог в общеславянском языке позднего периода строился по принципу восходящей звучности, гласные звуки в пределах одного слога обычно находились в положении после согласных, и, таким образом, гласные влияли преимущественно на предшествующие согласные. Исключение в этом плане составляют сочетания [ъг], [ер], [ър], [ор] между согласными, где гласные оказывают влияние на последующий согласный [r]. Кроме того, в общеславянском языке позднего периода осуществлялось влияние гласных переднего ряда на последующие задненебные согласные, результатом чего явилась так называемая третья палатализация; однако этот процесс наблюдался не в пределах одного слога, а на стыке двух слогов.

В положении перед гласными переднего ряда согласные приобретали в добавление к основной артикуляции некоторую степень палатальности и становились полумягкими. Полумягким становился и согласный [r] в сочетаниях [ър], [ер]. По замечанию А. Мейе, твердые и полумягкие согласные „образуют единство в том смысле, что употребление как того, так и другого типа обусловлено следующим фонетическим элементом“¹. Подобное изменение претерпевали согласные зубные и губные; что же касается задненебных, то они в положении перед передними гласными совершенно меняли свое качество, изменяясь в шипящие или свистящие согласные ([с'], [ž'], [š']) — в результате первой палатализации; [с'], [dz' (z')], [s'] — в результате второй палатализации).

Перед гласными заднего ряда согласные не имели дополнительной палatalьной артикуляции и были в той или иной степени веляризованы, при этом возможно, что они произносились с элементами лабиализации, т. е., по терминологии А. А. Шахматова, были „лабиовеляризованы“². Лабиовеляризация, по мнению А. А. Шахматова, придавала специфический оттенок произношению твердых согласных, оттенок, в дальнейшем исчезнувший. Исчезновение этого „в славянских языках проходило постепенно, в разное время в разных говорах, и не сразу во всех группах согласных“³. Данные, свидетельствующие о существовании некогда лабиовеляризации согласных, А. А. Шахматов ищет в системах вокализма некоторых славянских языков⁴. В восточнославянских языках к таким данным он относит изменение [ъ > o], [e > o]. Он считает, что эти изменения явились следствием влияния лабиовелярных согласных на предшествующий гласный переднего ряда.

По мнению А. А. Шахматова, согласные приобретали „лабиовеляризацию“ только перед гласными заднего ряда и таким образом до изменения [ü], [ū] в гласные среднего ряда [ъ], [у]. Однако остается

¹ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 17.

² А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 60.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 61.

неясным, что в этом отношении можно сказать о ранних общеславянских гласных [ō], [ö], [ā], [ă], дифтонгических сочетаниях долгих и кратких [o] и [a] с носовыми и [ç]: изменились ли они уже в [a], [o], [ɔ], [u] в тот период, когда происходила „лабиовеляризация“? В связи с этим возникает вопрос, была ли „лабиовеляризация“ обязательно связана с лабиальностью следующего гласного элемента? Думается, что нет, поскольку она имела место и перед нелабиализованными или слабо лабиализованными гласными: [ă], [ō], [ā], [ö]. Кроме того, следует вспомнить указание А. Мейе на то, что специфической чертой славянской артикуляции является тенденция гласных заднего ряда к ослаблению роли лабиализации (в связи с чем [ū>y], [ū>ъ], [ō>a])¹.

Таким образом, можно считать, что основной причиной появления того, что А. А. Шахматов называет „лабиовеляризацией“, было соседство с гласными заднего ряда, безразлично лабиализованными или нелабиализованными: артикуляционное приспособление согласного к следующему гласному заднего ряда делало соответствующий согласный более велярным. Соседство с лабиализованным гласным включает в артикуляцию соответствующего согласного элемент лабиальности. Кроме того, элементы лабиальности могли заключаться в самой артикуляции некоторых согласных (например, губных и задненебных). Характерно, что и А. А. Шахматов склоняется к мнению о том, что не все из согласных подверглись одновременно и лабиализации, и веляризации, что зубные были лишь веляризованными, а губные и задненебные — лабиовеляризованными².

Из сказанного ясно, что условия появления „лабиовеляризации“ в общеславянском по существу сохранились в славянских языках и до настоящего времени. Но тогда почему же „лабиовеляризация“, как специфическая дополнительная артикуляция, ныне неизвестная, исчезла, если условия, ее создавшие, сохранились? Вероятнее всего допустить, что „лабиовеляризация“ была и сохранилась до сих пор, как такое артикуляционное качество, которое содержится в понятии „твёрдость согласных“ (т. е. веляризованность губных и задненебных согласных перед гласными непередними). О том, что в русском языке по сей день существует „лабиовеляризация“ согласных, свидетельствует изменение безударного [ъ] в [u], [o] под влиянием соседних твердых согласных, главным образом губных и задненебных. Ср. в северновеликорусских говорах — *пуполам*, *сумовáр*; в средневеликорусских — *бáбуй*, *карз'и́нуй*, *пáлкуй*; в южновеликорусских с диссимиллятивным аканьем — *тровá*, *пупá* (от *поп*).

Говоря о влиянии согласных на гласные в общеславянском языке, следует указать на воздействие мягких согласных йотовой артикуляции [j], [l'], [n'], [r'], шипящих и свистящих. В общеславянском языке гласные заднего и среднего ряда [o], [u], [ъ], ассимилируясь предшествующему мягкому согласному, изменялись в гласные переднего ряда — [e], [i], [ь] (ср. *село* — *полю*, *коны* — *кон'и* (тв. мн.), *конъ* — *кон'ь*, *конъхъ* — *кон'ихъ*). По мнению А. Мейе, передвижение в передний ряд под влиянием предшествующего [j] подвергался и гласный [a], изменявшийся в [ě]; однако „непосредственно это не очевидно, так как [ě] само перешло в [a] вследствие другой тенденции“³. Изменение гласных под

¹ А. Мейе. Ук. соч., стр. 42.

² А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 62.

³ А. Мейе. Ук. соч., стр. 96.

влиянием предшествующего согласного йотовой артикуляции наложило яркий отпечаток на систему именных флексий и суффиксов общеславянского языка. Получились соотносительные фонетические варианты одних и тех же тождественных грамматических элементов, обусловленные положением после твердой основы или после основы, оканчивающейся на согласный йотовой артикуляции (*-омъ* — *-емъ*; *-ѣ* — *-и* и т. д.).

В более поздний период существования общеславянского языка-основы наметилась тенденция к изменению гласных переднего ряда под влиянием предшествующих согласных йотовой артикуляции в гласные непередние: [ě], [e], [i], [ъ], диссимилируясь предшествующему согласному [j], стремилась к [a], [o], [y], [ъ]. По замечанию А. Мейе, эта тенденция в общеславянском языке полностью достигла завершения лишь для [ě] (*ě > a* после *j* всегда)¹. А. А. Шахматов относит к общеславянской эпохе изменение [e > o]; однако современные данные позволяют считать это утверждение ошибочным: изменение [e > o] относится к более позднему времени, причем в разных славянских языках этот процесс проходил неодновременно и не везде одинаково широко.

Таким образом, в общеславянском языке согласные [t], [d], [s], [z], [p], [b], [m], [n], [r], [l] перед гласными непередними были твердыми или, по Шахматову, лабиовеляризованными, и полумягкими перед гласными переднего ряда. Согласные [k], [g], [ch] употреблялись только перед гласными непереднего ряда, так как перед гласными передними они изменялись в шипящие или свистящие.

§ 2. Согласными, различающимися по твердости-мягкости, были [l] — [l'], [n] — [n'], [r] — [r'], а также [s] — [s'] и [z] — [z'], причем [l'], [n'], [r'] возникли из сочетаний [l], [n], [r] с последующим [j], а [s'], [z'] появились из [ch], [g] в результате второй и третьей палатализации.

Мягкие согласные [l'], [n'], [r'] указанного происхождения (которые мы будем называть „исковно мягкими“) внутри корней встречались в ограниченном количестве случаев. Преимущественно это слова, в которых [l'], [n'], [r'] находятся перед гласным [u]. Ср. *клювъ*, *ключати* са ‘случаться’, *клюса* ‘лошадка’, *съблюсти*, *люто*, *любити*, *блюдо* и *блъвотинъ*, *нынѧ* (и *нынѣ*), *дѣлѧ*, *понѧва*, *дѣлъма*. Кроме того, некоторые старославянские памятники свидетельствуют о мягкости согласных [l'], [n'] в словах *клевета*, *нїва*, *книги*².

Основная масса случаев употребления согласных [l'], [n'], [r'] падает на стык корня или основы со следующим формальным элементом (флексией или суффиксом), имевшим ранее в начале согласный [j]. Мягкие [l'], [n'], [r'] входят также в состав некоторых суффиксов. Перечислим эти случаи.

Существительные

1. Существительные м. р. на *-jo* (-*јо*): а) с простой основой — *конъ*, *кораблъ*, *былъ*, *сжпъръ*; б) с основой, содержащей суффиксы *-аръ*, *-телъ*: *рыбаръ*, *мытаръ*, *винаръ*, *боукаръ* (писец), *зъдаръ* (горшечник) и т. д.; *жателъ*, *властелъ*, *дѣлателъ*, *лателъ* (подстерегающий в засаде) и др.

2. Существительные на *-ja*: ж. р. — *бана*, *каплѧ*, *желѧ*, *боурда*, *пърда*, *вечерда*, м. р. — *дрѣводѣлꙗ*.

¹ А. Мейе. Ук. соч., стр. 98.

² См. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 75.

3. Существительные ж. р. с суффиксом *-ын¹и*: *рабын¹и*, *сжедын¹и*, *правын¹и* и др.

4. Существительные ср. р. на *-је*: *полќ*, *морќ*, *горќ*.

5. Существительные с суффиксом *-дан-*, оформляющим названия народов и жителей, в которых производящая основа оканчивается на [l'], [n'], [r']: *селунданинъ*, *землданинъ*, *риммдане*, *назартанинъ*.

Глаголы

1. Мягкие [l'], [n'], [r'] оканчиваются: а) основу наст. вр. глаголов на *-је/-јо-*. Например, наст. вр. — *колј*, *колјши*, *мелјетъ*, *борјши*, *борјетъ*; повел. накл. — *коли*, *мел¹и*, *бори*; прич. наст. вр. — *колј*, *мелј*, *борј*, *колјемъ*, *стелјмо*; б) основу имперфекта глаголов *колоти* и *бороти*, так как в ее состав корень вошел в звуковом виде, характерным для форм наст. вр., а не инфинитива — *колдахъ*, *бордахъ*; в) основу инфинитива глаголов на *-и-* в тех случаях, когда после основы инфинитива следует формальный элемент, начинающийся с гласного звука [гласный [i] в положении перед следующим гласным изменялся в [j], который ассимилировался с предшествующим согласным]. Например: имперф. — *chvali-јe ichъ* > *chvalj-aachъ* > *хвалдахъ*; *гондахъ*, *пордахъ*; прич. прош. вр. — *chvali-јs* > *chvalj-јs* > *chval'-јs* > *хвал'*; *поклон'*, *штвор'*, *оукор'*; *chvali-ено* > *chvalj-ено* > *chval'-ен* > *хеалиенъ*, *плѣниенъ*, *шѣворкнъ*; сущ. ср. р., образованные от основы страд. прич. прош. вр. глаголов на *-и-* присоединением суффикса *-иј-* (*-је-) — *съединениј*, *цѣлениј*, *творениј*; г) основу в форме 1 л. ед. наст. вр. глаголов на *-и-*: *chvali-ј-q* > *chvalj-ј-q* > *chval'-ј-q* > *хвал*; *напълниј*, *гониј*, *мориј*.

2. Согласные [l'], [n'], [r'] представлены в итеративных глаголах, образованных от основ на *-и-*. В глаголах с инфинитивной основой на *-и-* этот гласный изменяется в [i], в связи с чем последующий [ě] (суффикс итеративного значения) изменяется в [a]: *оудалати*, *стрѣлати*, *вѣзранати*, *осѣнати*, *оざрати*, *коуплати*, *оставлати* и др.

Прилагательные

1. Прилагательные притяжательные, образованные с помощью суф. *-јь-* (-jo-), имеют в конце осн. вы мягкие согласные: *авраамл'ь*, *орыл'ь*, *овын'ь*, *матр'ь*; с суф. *-јь-* образованы и отдельные непрятяжательные прилагательные: *безоумл'ь*, *доупл'ь*, *добрл'ь*, *бѣждр'ь* 'бодрый'.

2. Согласный [n'] представлен в суф. *-ьп'ь-*, *-ьшп'ь-*, *-ьтп'ь-*, оформляющих прилагательные, образованные от наречий: *окрыстын'ь*, *прѣдн'ь*, *горын'ь*, *домашн'ь*, *кромѣшин'ь*.

3. Мягкие согласные представлены в формах сравнительной степени прилагательных, образованных с помощью суф. *-јес*, *-јес-*: *бол'ии*, *трѣбл'ии*, 'более необходимый', *грубл'ии*, *глажл'ие*, *мын'ии*, *тын'ии* 'более тонкий', *гор'ии* 'более плохой'.

Местоимения

Мягкий согласный [n'] представлен в формах косвенных падежей указательного местоимения *је* с предлогом: *у нијго*, *на нија* и др. Основа этого местоимения была представлена еще в ряде союзов. Ср. *заниј*, *понїже*, *донклѣже*, *вѣнїѓда*.

Согласные [s'], [z'] развились из [g], [ch] в положении перед [i], [ě] (из оi, ai), с одной стороны, и в определенных условиях в положении после гласных переднего ряда — с другой. Кроме того, согласный [z'] в южных и восточнославянских языках появился в результате изменения группы [gv] в положении перед [ě]. На месте согласного [g] в указанных положениях первоначально находилась аффриката [dz'], которая,

однако, впоследствии во многих славянских языках утратила взрыв, а у восточных славян, в частности, изменилась в [z'], образовавший мягкую пару к согласному [z].

Согласные [s'], [z'] встречаются как в середине основ, так и на стыке основ и флексий, где они чередуются с согласными [s], [z]. Перечислим случаи употребления согласных [z'], [s']: *свѣзда*, *сѣло*, *свѣздати*, *подвѣзати* *са*, *трѣзати*, *сѣтасати* *са* 'спорить', *осасати*, *ѣза* 'болезнь', *польза*, *стъза*, *пѣнаѣзъ*, *кѣнаѣзъ*; *вѣсъ* *вѣсъ*. Согласные [z'], [s'] появляются на месте [g], [ch], оканчивающих основу сущ. в местн. ед.—*нозѣ*, *блосѣ*, *доусѣ*; им. мн.—*бози*, *мѣнози*, *доуси*; местн. мн.—*доусѣхъ*, *вразѣхъ*; повел. накл.—*помози*.

§ 3. Мягкость согласных [l'], [n'], [r'], [s'], [z'] была независима от качества следующего гласного: названные согласные могли находиться не только в положении перед гласными передними [i], [e], [ø], [y], [ë], но и перед гласными непередними [a], [u], [o]. Мягкость и твердость согласных могла различаться перед любым из указанных гласных.

Ср. *коны* (им. мн.)—*конъи* (мест. ед.), *хвали*—*колъи* (повел. накл.), *звѣри*—*сѣлпъръи*, *вози*—*помозъи* (повел. накл.), *гжси*—*моусъи*; *конь* 'предел', 'начало', 'конец'—*конъь*, *быль* 'трава'—*былъ* 'вельможа', *звѣрь*—*рыбаръ*, *граꙗзъ*—*кѣнаѣзъ*, *вѣсь* (*vicus*)—*вѣсъ* (*omnis*); *коне* (зв. ед.)—*конюмъ*, *доле* (зв. ед.)—*полкъ*, *даре* (зв. ед.)—*моркъ*; *кона*—*кона*, *осла* (*оселок*)—*вола*, *бѣраахъ*—*творцаахъ*, *раза*—*кѣнаѧта*, *лѣса*—*вѣста* (им. ед. ж.); *нѣдити*—*бани*, *лѣкы*—*воли*, *рѣка*—*боурї*, *зѣбъ*—*стѣзї*, *осж*—*вѣсї* (вин. ж.); *коноу*—*коню* (род.-мест. дв.), *селу*—*былю* (род.-мест. дв.), *дароу*—*сѣлпърю*.

Что касается противопоставления твердости-мягкости согласных перед гласными [ø] и [ë], то оно было в значительной степени ограничено. В общеславянском языке возможность различения твердости-мягкости согласных перед гласным [ø] осуществлялась главным образом за счет того, что мягкие согласные могли находиться перед [ø] в определенных флексиях склонения основ на *-*a-* и *-*o-* (*воня*, *пѣнаѣзъ*, *кона*). В говорах, легших в основу древнерусского языка, в этих же формах в соответствии с флексивным [ø] выступал гласный [ë]. Поэтому в древнерусском языке до смягчения полумягких перед гласным [ø] (или его заменой, так как в говорах, легших в основу древнерусского языка, назализация утратилась рано, до появления письменности) широко были представлены немягкие согласные и весьма ограниченно соответствующие мягкие. Последние по существу были известны лишь перед суффиксальным [ø] в формах действ. прич. наст. вр. им. ед. м. и ср. р. от глаголов третьего класса, так как [ø] после мягких согласных в середине слова вообще неизвестен. Ср. *лѧгати* 'ловить сетями'—*глаголъ*; но нельзя подобрать пример с [n'], [r'], [s'], [z'] перед [ø].

Перед гласным [ë] в общеславянском языке мягкие согласные не могли находиться, что было обусловлено изменением *[ë > a]* и *[oi > ei > i]* после мягких согласных. Лишь после [s'], [z'] мог находиться гласный [ë] (*звѣло*, *нозѣ*, *моусѣ*, *помозѣте*). Благодаря этому мягкие [s'], [z'] и немягкие [s], [z] могли различаться перед гласным [ë]. В говорах, легших в основу древнерусского языка, возможность различения твердых и мягких согласных перед [ë] расширилась за счет наличия гласного [ë] во флексиях род. ед. и им.-вин. мн. ж. р. существительных на **-ja-*, местоимений и прилагательных, склонявшихся по основам на **-ja-*, и вин. мн. м. р. сущ. на **-jo-*, местоимений и прилагательных,

склонявшихся по основам на **-jo-*. Например: *конъ* — *рабынъ*, *поръ* — *боуръ*, *селъ* — *волъ*, *разъ* — *кѣназъ*, *лѣсъ* — *вѣсъ*.

§ 4. Таким образом, твердые согласные в эпоху до смягчения полумягких могли употребляться перед любой из 11 гласных фонем, приобретая перед гласными переднего ряда позиционную полумягкость. Мягкие согласные могли употребляться перед [i], [e], [ɛ], [ě], [ъ], [a], [u], [ɔ], но не могли употребляться перед [ъ], [у], [o]. Следовательно, сильным положением для „парных“ твердых и мягких согласных являлось положение перед всеми гласными, кроме [o], [у], [ъ]. Задненебные согласные были всегда твердыми и могли сочетаться только с гласными непередними.

§ 5. Возможность образования сочетаний согласных в древнейшую эпоху, о которой здесь идет речь, была в значительной степени ограничена действием закона открытого слога. Из общеславянского в древнерусский язык перешли сочетания согласных взрывных [p], [b], [k], [g] и [ch] с сонорными [r], [l], [n]; [t], [d] могли сочетаться с [r]; [s], [z] сочетались с сонорными [l], [n], [m] и взрывными [t], [d], [k], [g]; с согласным [v] могли сочетаться [t], [d], [k], [g], [s], [z], [ch] (kv, gv только перед непередними гласными — *кеасъ*, *гвоздь*). В древнерусском языке были известны также сочетания полумягкого [r] в группе, восходящей к **tr̥t*, с последующими губными, задненебными и зубными согласными. Эти сочетания представляли известное исключение, так как образовывались на стыке двух слогов.

В эпоху до смягчения полумягких фонетическая система древнерусского языка стремилась избежать сочетаний неоднородных в отношении твердости-мягкости. Если в пределах одного сочетания оказывались твердый и мягкий согласные (мягкий согласный всегда оказывался вторым согласным сочетания, так как в пределах одного слога сонорные не могли предшествовать шумным), то мягкий согласный смягчал предыдущий твердый согласный, действуя на него так же, как согласный [j]. Приведем примеры: *оутѣшнауть* 54 АЕ 1092¹; *съблазнъ*, *блазнити* и — *съблажнѣниe* 1516 М 97; *съблажнѣныи* 263, 615, *блажнѧются* 568, *съблажн'шатса* 269 ЕК XII в.; *съблажн'лѣть* 29 МЕ 1117.

Те же процессы, что и в сочетании согласных внутри одной морфемы, происходили и в сочетаниях, образовавшихся на стыке морфем, в частности, на стыке предлогов *из*, *без*, не имевших на конце редуцированных или во всяком случае издавна их утративших, и последующего указательного местоимения с основой на *-jъ*. Например: *ижнѣго* АЕ 1092 56 об, 67, 142; *ижнихъ же* М 95, 50а; *ижнїа же* М 97, 114а, 116а, 119б, 123б, 125б; *иж негоже* там же, 85б, 121б; *ижнѣго* МЕ 1117, 160; *бѣжнѣго* ГЕ 1144, 180а и др.

По наблюдениям Л. Л. Васильева², согласный [n] мог быть мягким не только в том случае, если за ним следовал [j], но и в сочетании [gn], если за ним следовал гласный переднего ряда. Русские писцы нередко наряду с мягкостью [n'] перед [j] обозначают и мягкость [n'] в названном сочетании. В связи с тем, что сочетание [zgn] в русском языке упрощалось в [zn] особенно, если [g] было фрикативным, это [n'] могло смягчить предшествующий согласный [z] в таких случаях, как: *ражнѣв-*

¹ Списки условных сокращений см. в конце статьи.

² См. Л. Л. Васильев. Об одном случае смягчения звука *n* в общеславянском языке, явившегося не посредством следующего за ним древнего *j*. — РФВ, 1913, № 1—2.

вахъса 99 И 73; *ражнѣвавъса* 73 АЕ 1092; *ражнѣвасл* (= *разгнѣвасл*), *ижнеташе* (= *изгнѣташе*) Хр. Ап. XII в. Однако по мнению А. А. Шахматова (едва ли соответствующему действительности), в данном случае на [z] действует не [n'], а [j], получившийся из [χ] ($z\delta n > zjn$)¹.

Сочетание [sl'] изменяется в [š'l'] в таких случаях, как *помышленикъ*, *помышлать*. Изменение [tr'] в [s't'r'] находим в таких случаях, как *оухыщрѣти* при *оухытрить*; *съмощрѣ* (при *съмотрить*) ГБ XI в.

Следует заметить, что рассмотренный процесс рано прекращает свое действие, в связи с чем появляются аналогические образования — *казню*, *казнен*, *смотрю*, *мыслю* и др. Хотя изменения в группах согласных, аналогичные тем, что имеют место до смягчения полумягких, встречаются и позднее, после падения редуцированных; ср. *пошлио из посълю*.

Сочетания, в которых первый согласный был твердым, второй — полумягким (*sn'ěgъ*, *sv'ětъ*), должны квалифицироваться, как фонологически однородные. При этом не исключено, что первый согласный такого сочетания мог приобрести некоторую степень полумягкости, т. е. что в словах *sn'ěgъ*, *споръ* начальный согласный произносится не совсем одинаково.

* * *

В эпоху до смягчения полумягких, категория твердости-мягкости охватывала небольшое количество согласных, большая часть которых оказывалась вне ее. При этом категория твердости и мягкости не была соотносительной в том смысле, как это сложилось позднее в русском языке: твердость и мягкость, никогда не подвергаясь нейтрализации, были качествами, всегда и постоянно присущими соответствующим фонемам.

ЭПОХА ДО ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ, ПОСЛЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ

§ 1. В русском языке категория твердости-мягкости в своем развитии пошла по линии расширения противопоставленности твердых и мягких согласных, что стало возможным в результате смягчения полумягких согласных.

В результате смягчения полумягких твердость-мягкость согласных оказалась непосредственно связанной с качеством последующего гласного. Если прежде твердые и мягкие согласные различались не только перед гласными задними (ср. *ра* — *r'a*, *ну* — *n'u* и т. д.), но также и перед гласными передними, т. е. были возможны сочетания *л'e* — *л'e*, *л'i* — *л'i*, *r'ь* — *r'ь* и т. д., то после смягчения полумягких перед гласными переднего ряда стали возможны только мягкие согласные; исконно парные по твердости-мягкости согласные перестали различаться перед гласными переднего ряда, т. е. слова *дань* и *конь*, *рабыни* и *коны* (им. мн.), *звѣрь* и *сѣльръ* и т. д. произносились одинаково с мягкими согласными перед конечным гласным переднего ряда. Поэтому исконно парные по твердости-мягкости согласные в эту эпоху стали различаться только перед гласными [a] (ә, а) и [y] (и, ө): *тагна*, *вона* — *кона*; *дола* — *осла* (= *оселок*); *коурл*, *пърл* — *кора*; *банж*, *коню* (род. мн., дв.) — *стѣнж*, *коноу*; *волж*, *полю* — *ослж*, *селоу*; *боурж*, *сѣльрю* — *горж*, *дароу*.

¹ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 185.

Согласные, развившие мягкость из полумягкости, могли быть противопоставлены твердым согласным только в положении перед гласным [а], и то лишь благодаря изменению [ѣ] в [а] в русском языке. Ср. *руба* (прич. наст. вр.) — *дуба*, *вазоути* — *варити*, *дада* — *мъэда*, *масо* — *малъ*, *памъно* — *памать*, *тагость* — *тать*.

Противопоставление этих согласных перед гласным [а] в отличие от исконно парных по твердости-мягкости согласных первоначально не образует морфологических корреспонденций. Эти корреспонденции появились много позже, как результат морфологической аналогии (ср. *котах*, *гостях* по аналогии с *женах*). В одном лишь случае морфологическая корреспонденция образовалась рано, видимо еще в дописьменный период, когда проходил процесс объединения в образовании им. ед. прич. действ. наст. вр. м. р. основ на *-e/-o*, *-pe/-po*, с одной стороны, и основ на *-i*, *-je/-jo*, с другой: обобщалось окончание основ на *-i*. Мы имеем в виду формы типа *носА* рядом с формой прич. наст. вр. *несА*. При этом само появление [а] (при общеславянском [ы] — *несы*) свидетельствует о тождестве этого [а] гласному на месте [ѣ] в *носА*. Сохранение твердости конечного согласного основы в причастиях глаголов на *-e/-o* лишний раз подтверждает то, что полумягкость согласных перед [ѣ] в причастии от глаголов с основой на *-i* не имела фонематического значения, а была обусловлена прошлым положением этого согласного перед гласным переднего ряда.

Перед гласным [у] (из *и*, *ю*) вновь смягченные согласные не различались, так как смягчение перед этим гласным предполагает йотацию, а йотация, как известно, вела вообще к изменению качества согласных зубных [т], [д] и губных [п], [б], [в], [м]. Сочетания [т'у], [д'у], [п'у], [б'у], [в'у], [м'у] первоначально были неизвестны русскому языку. Они появились значительно позднее, в результате проникновения в русский язык слов иноязычного происхождения и развития морфологической аналогии.

§ 2. Твердость-мягкость согласных, оказавшихся неразрывно связанный с качеством последующего гласного, в рассматриваемую эпоху по существу потеряла свою фонематическую самостоятельность, став различителем слов и форм лишь вместе с последующим гласным. По замечанию Р. И. Аванесова, для того чтобы решить, являлись ли в эту эпоху твердые и мягкие согласные самостоятельными фонемами, «необходимо „оторвать“, изолировать друг от друга мягкость или твердость согласных, с одной стороны, и качество последующей гласной, с другой. Но этого сделать нельзя, так как мягкие и твердые согласные в рассматриваемую эпоху употреблялись только перед гласными, и потому мягкость и твердость согласных была неразрывно связана с качеством следующей гласной»¹. В результате приходится говорить не о твердых и мягких согласных фонемах, а о твердых и мягких слогах; «в качестве различителей значения выступают нерасчлененно сочетания согласной с последующей гласной»². Твердые и мягкие слоги образовали противопоставленные пары *ra* — *r'a*, *ru* — *r'u*, *nu* — *n'u*, *ta* — *t'a*.

Невозможность изолировать твердые-мягкие согласные от последующих гласных создавала предпосылку функционального объединения некоторых ранее самостоятельных гласных фонем. Так, в связи с тем, что случаи типа *ударъ* — *ударъ*, *конъ* — *конъ* стали в один ряд со слу-

¹ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *u*. — „Вестник МГУ“. 1947, № 1, стр. 47.

² Там же, стр. 48.

чаями типа *саду — с'аду*, гласные [ъ] и [ъ] после смягчения полумягких по существу оказались разновидностями одной фонемы; употребление этих разновидностей обусловлено качеством предшествующего согласного (т. е. различие в образовании гласных [ъ] и [ъ] стало аналогично тому, которое имеем у гласных [а] и [ä], [у] и [ü] в *рад* и *р'ад*, *лук* и *л'ук*).

Подобные же функциональные изменения претерпевали и гласные [и], [ы]; если раньше [ы] употреблялся только после твердых, [и] — как после твердых, так и после мягких согласных, то теперь их употребление по отношению друг к другу становится позиционным: после мягких употребляется [и], после твердых — [ы]. Сочетания *л'и — лы*, *п'и — пи* постепенно становятся в один ряд с сочетаниями *л'a — ла*, *п'a — па* и отличаются по преимуществу твердым или мягким согласным, а не гласным.

§ 3. Вопрос о времени смягчения полумягких в древнерусском языке решается на основе данных относительной хронологии, с одной стороны, и на основе показаний памятников письменности, с другой.

В плане относительной хронологии смягчение полумягких можно поставить в связь с утратой назализации гласным [e] в древнерусском языке. Полумягкие согласные могли измениться в мягкие только в ту эпоху, когда на месте этимологического [e] произносился еще гласный переднего образования. Предположение о том, что это был гласный [e], изменившийся в [a] только после смягчения полумягких, отпадает по следующим соображениям. Как известно, в эпоху написания дошедших до нас древнейших памятников в русском языке уже не было носовых гласных, что отразилось в неправильном с этимологической точки зрения употреблении букв *ѧ*, *ѧ*, *ѩ*, *ѩ*, с одной стороны, и *ѧ*, *ѧ*, *ѹ*, *ѹ* — с другой. Между тем в тех же памятниках обозначение исконной мягкости согласных проводится довольно последовательно (например, в ОЕ 1056). Это обстоятельство свидетельствует о том, что различие мягкости и немягкости согласных перед гласными переднего ряда и перед гласным на месте [e] если и отсутствовало в языке в период написания этих памятников, то безусловно было известно в нем в недавнем прошлом, во всяком случае после появления письменности.

Таким образом, сопоставление графического обозначения гласных на месте этимологических носовых, с одной стороны, и исконной мягкости и ее отсутствия, с другой, приводит к выводу, что утрата назализации явление более раннее, чем смягчение полумягких. Но так как перед заменой исконного [e] в русском языке произносятся мягкие согласные, то необходимо допустить, что первоначально после утраты назализации на месте [e] произносился гласный переднего ряда [ä], который лишь после смягчения полумягких изменился в гласный задний [a], вернее [ä]. В этом случае гласный [ä] в эпоху непосредственно после его развития из [e] образовал самостоятельную, хотя и неполнценную фонему: слоги *па — п'ä*, *ла — л'ä* при тождестве согласных различались гласными [a] и [ä]. Этот гласный перестает быть особой фонемой после смягчения полумягких, когда различителями становятся твердые и мягкие согласные. Таким образом, хронология процесса могла быть следующей: *n'e > n'ä > n'ä > n'ä*. Мнение о том, что в древнерусских памятниках буквой *ѧ* обозначался звук [ä], не смягчавший предшествующий согласный, высказывал Л. Л. Васильев¹.

¹ См. Л. Л. Васильев. С каким звуком могла ассоциироваться буква *ѧ*..., стр. 193.

§ 4. В ряде древнейших русских памятников XI—XII вв. графически довольно последовательно проводится обозначение исконной мягкости согласных¹. Мягкость согласных, главным образом [л] и [н], реже [р] и [с], [з], передается или с помощью крюков, или с помощью йотированных букв. При употреблении крюков мягкость оказывается обозначенной более последовательно, так как согласные снабжаются крюками перед буквами — ѿ, и, є, ю, ж, а, я, ъ. Таким образом, мягкость перед гласным [у] передается сразу двумя способами — йотацией и крюком. При передаче мягкости с помощью йотированных букв графическим показателем мягкости являются буквы ѿ и ю (а употребляется как в соответствии с *ja, так и с *jɛ; соответственно после полумягких пишется а). При этом оказывается графически незафиксированной исконная мягкость согласных перед гласными, обозначаемыми нейотированными графемами и, ѿ, ъ. В одних памятниках сочетаются оба способа передачи мягкости, в других представлен лишь один из них. Предварительно можно заметить, что обозначение мягкости путем йотации гласных букв в русских памятниках распространено более широко. Исключительное обозначение мягкости с помощью крюков нами отмечено лишь в Чудовской псалтыри XI в. и в Синайском патерике XI в.

В Чудовской псалтыри (XI в.):

перед и — землъи оутроба, посьлъи (повел. накл.), къ н'имъ, в н'ихъ к н'имъ;

перед ь — повѣдателъ, дрѣвлъниѹжъ пользжъ (вин.), ѧвлъса а̄нгъль, испълнъшеса (повел. накл.);

перед е — окл'евештжштааго, поставл'енъ, застжпл'еникъ, благословл'ениа, навыкъ, озълобл'ениа, ѧвл'еникъ, приемл'емъ, закол'еникъ, гл'еть, мол'ениа; отъ н'его, отъ н'ега, въ н'емъ, сждын'еекъ веселикъ, нын'ышн'еекъ, простын'еекъ, плѣн'еныимъ;

перед а — *а — сътрѣл'ати, помышл'ашшта, ѧвл'аютъ, вал'аписа, на тъл'а повър'женоу быти, спсениа Иаковл'а (род. ед.); по постын'амъ;

*е — приемл'али (прич. наст. им. ед. м. р.), конъцъ земл'а, прѣисподън'аго;

перед ю — *и — л'юдии, л'юди, л'ютость, бл'юджште, л'юбатъ, възл'юбл'ена;

*о — земл'ю (вин. ед.) гл'юшта, мол'оса, объемл'юшта, приемл'юште, прославл'ю, вол'ю (вин. ед.); стии стен'ютъ;

перед ь — нын'ѣ, нын'ышн'еекъ;

наряду с этим — приемлемъ, помышлашштемъ, вола (им. ед.), състрѣлать, подателъ (род. ед.), възлюбленъ, любить, дрѣвлъниѹжъ, въ законѣ гни, гнѣвомъ, помышлениjkъ, възлюбленъ.

¹ Необходимо заметить, что хотя речь идет об эпохе до падения редуцированных, мы при рассмотрении графической передачи исконной мягкости согласных будем пользоваться также показаниями памятников и более позднего времени в той степени, в какой в этих последних представлена интересующая нас графическая черта. При этом, если в памятниках эпохи до падения редуцированных графическое различение исконной мягкости и полумягкости может рассматриваться как непосредственно отражающее явление живого языка, то в памятниках после падения редуцированных та же особенность должна квалифицироваться только как орфографический прием, лишь в своем возникновении обусловленный явлениями живого языка.

В Синайском патерике (XI в.):

перед *и* — *оутрын¹ии*, *въ поустын¹и*, *въ н¹иже*;
 перед *ь* — *на н¹ь*;
 перед *е* — *блгвл¹еник*, *к н¹емоу*, *о н¹емь*, *напълн¹еноу*;
 перед *а* — **а—дѣл¹а* (= ради);
**е — до земл¹а, гл¹а;*
 перед *ю* — **и—бл¹юдѣте* (повел. накл.), *л¹юбъвь, л¹юбо* (= или);
**о — недл¹ю* (вин.), *поустын¹ю* (вин.); и наряду с этим — отправле-
ниемь, обыкнмель въ немь, къ немоу, гла, отъ эноа полащте,
въ земли, над нимь, либо, глоюще.

Однако чаще в памятниках XI—XII вв. сочетаются оба способа обозначения мягкости — и с помощью крюка, и с помощью йотированных букв. При этом обычно преобладает последний способ.

В Изборнике Святослава (1073):

перед *и* — *бол¹ии* 10г, *съ н¹ими* 9в, *милостын¹и* и 86в, *гл¹и* 88в,
въ пжстыхн¹и 9б;
 перед *ь* — *кл¹ьма* 10а;
 перед *е*, *ю* — *гл¹ть* 9б; *оусел¹енъ* 9г, *оставл¹еник* 43в, *тавл¹енъ* 9в, *бол¹енъ*
 10г, *гл¹етъса* 10а; *един¹книемь* 9в, 9г, *отъ н¹его* 11б, *къ н¹емоу* 11в,
кърмлан¹емь 86б; *въселеніе* 8б, *изволенія* 8в, *прикмл¹ть* 10г,
славославл¹еник 12г, *не волкъ* 46б, *исправл¹ено* 42г, *оуставлено* 47б,
оуправленія 48а, *израил¹емъ* 48а, *томлкнта* 49б, *исправл¹енія* 49б,
стителк 82б, *поглблкнъ* 50б; *единкніе* 8б, *съединкнта* 8г, *отъ*
н¹его 9г, *сно/вънк* 9а, *отъ н¹его* 11б, *по н¹емоу* 13а;
 перед *а* — **а — прикоупл¹актъса* 11г, *избавл¹ат¹а* 10г, *оживл¹актъ* 10б,
обавл¹актъса 11в, *раздѣл¹акема* 12б, *испълн¹ат¹а* 9в, *осквърн¹акши* 87а,
испълн¹ат¹а 9а, *совокоупл¹а/ктьса* 11в, *раздѣл¹акемо* 12б;
**е — гл¹а* 10в, *земл¹а* 9г, 10в;
 перед *и* — **а — тавл¹ат¹са* 9в, *осрамл¹дажшаго* 5б, *оставл¹ати* 6б,
землта 7б, *дѣла* (= ради) За, *тавлат¹е* 11в, *кжплд/ктьса* 12а, *оуправл¹ат¹а*
 47г, *срамлдиса* 48в, *обавлак/тьса* 48г, *съкоупл¹ат¹иса* 49в,
молдше 50а, *отъдѣ/лахоу* 82б, *мнгаше* 5г, *върхо/вънгн кратости* 49а,
испълн/какши 82в, *осквърн/какть* 82б;
**е — родител¹а* (вин. мн.) 5в, *приемл¹а* 84г, *дѣлател¹а* 82г, *от*
клиатви 85а, *милостын¹а творлть* 85б, *хранлаштиимъ* 85б;
 перед *ю* — *и — вэл¹юбиша* 32в;
**о — гл¹юшта* 88в, *гл¹юштааго* 9в;
 перед *ж* — **и — л¹жди* 9б, *л¹жбо* 10г, *л¹жбитъ* 10г;
**о — гл¹ж* 10б *земл¹ж* 10в;
 перед *ь* — *прогн¹ѣва* 9б, *прогн¹ѣваша* 9б, *мн¹ѣли* 87б, *милостын¹ѣ*
 (род. ед.) 86б.

Наряду с этим имеем написания без обозначения исконной мягкости:
въселение 8б, *не/тавлении* 6б, *к/млемъ* 12б, *въскрмленікъ* 12в, *възлжб-*
ленъ 43б, *глетъ* 46г, *траблениа* 82б, *оживленъ* 175б, *адамлемъ* прѣ-
стоупль 176а, *избавлениа* 176а, *изволениа* 249в, *погубленик* 205в,
изволение 205г, *отъ него* 6б, 10а, *к немоу* 6г, *въ немь* 7г, 176а;
тавла/емое 5б, *оставла/та* 8г, *обнавлакими* 9а, *испълак* 9г, *испълнакть* 9г,
съподобла/жтьса 11б, *съкоуплактьса* 11г, *тавлати* 12б, *землла* (им. ед.)

175г, оживлѧшта 176г, свѧтителѧ 177б, готовлашесѧ 177б, сына авраамлѧ 177б, оставлѧшъ 178г, въ размышлении 179а, римланъ 249в, оставлѧшъ 90а, по/кланаѣтесѧ 178г, милостынѧ подобающ творити 90, блгынѧ/мъ 90б, ближнаго 88б, любостраны/ихъ 89г, златолюбикъ 88в, милостыню 88в, творѧша 5а, творенъ 6б, сътвореныи 10в, самара-нинъ 48в, оукарата 50г; всего 56, въсѣ съзѣдал 7а, всакоу 47б.

В Архангельском евангелии (1092):

перед и — родителъи 132, передъ нимъ 83, съ нимъ 168;
 перед ь — нъ 127б, 130, и нъ, 166;
 перед е — бг҃отавлено 155, илѣви 153, илѣвоу 146 об., глѣть 128 об.,
 гнѣ 123 об.; тавленія 168, избавленія 168, приемлють 79, глѣть 170,
 ослабленіоу 79, възлюбленыи 110, 170, блїдѣтеліе 9, съвѣдѣтеліемъ 97;
 съ нѣго 114, къ нѣмоу 117, о нѣмъ 115 об.;
 перед А — *а — валѧщесѧ 81 об., люблѧше 129, на нѧ 77;
 *е — римлѧнинъ 137;
 перед іа — *а — нижнідаго 119 об., послѣднідаго 113 об., поклонахоу сѧ 108,
 крѣплаше 168, римлѧнинъ 137, крестла 82 об., 172 об., роди-
 теліа 156 об.;
 *е — въземліа 26, 33, 47, 71, 153, глѣ (больше 35 раз), ѿ земліа
 87 об., капліа (им. мн.) 95 об., дѣлателіа (вин. мн.) 158, 159, роди-
 теліа (вин. мн.) 164 об., въ ближнѧ вси 78 об., она 108, въ нѧ 160,
 167, послѣднідаго (вин. мн. м. р.) 159 об.

Перед ю крюков нет.

В Архангельском евангелии 1092 г. встречаются написание ю и іа и после мягких р, с: црta (вин.) 105 об., сенътабріа, ноамбріа 137, вечеріа 93. Необозначение мягкости — въ немъ 14, ѿнаго 112, бг҃отавление, бг҃отавленъ 153, июна 161 об., оучитель, дѣлатель, съ нимъ, люблю (часто).

В Словах Григория Богослова (XI в.):

перед и — въ огнѣ 69, въ нашихъ гнѣ/льхъ 220;
 перед ь — огнъ, 101, 186, 107, 114, 244, и/гнѣ жъ 278, болѣшаша казни,
 болѣшша;
 перед е, ю — огнѣмъ 49; благословленіе 87, оставлѣноумоу 486,
 тельцѣ крѣмлѣноу 45, неукоуплѣна 256, крѣмлѧшъ 22, изволѣноу-
 моу 43б, не ізглѣмыя, болѣ (10 раз), болею (2 раза), волнѣ 35б,
 внимателіемъ 32, дѣлателѣ, похваленіе 20а, 27, обѣма родите-
 лѧма 23б, огнѣ/мъ 69, отъ ноужда гнѣ/штынья 72, безаконіеніа,
 съхраненіоу, пожыненіе, гнѣтоутъса 125, послѣдніе, мынѣ,
 мыніе 113, къ нѣмоу и т. д., глаголѣте, оуклѣтьса 19а;
 перед іа — *а — испрѣмлѧко 50, земліа 226, обавлѧемъимъ, отъда-
 лѧютъса, съмышлѧла, дѣла (=ради), пола, оуклониа, наставлѧ-
 юмо 42, раздѣлѧма, стрѣлати, оумилажиюща, хранѧщаго, огнѧ 76,
 81, 93, обоняніемъ, вънѣшнідаго, прѣланідѣща 62 и т. д.; сътво-
 рѧма 52, 58, 75, оукарата 31, растворѧютъ, пастыріа 40;
 *е — поустыніа (вин. ед.) 249, земліа (вин. ед.) 245, 320, от
 земліа 321, просаште крѣмлѧ 55, приемлѧ; вѣст (им. мн. ж. р.),
 земліа 51;
 перед ѣ — гнѣвъ 245, о гнѣвѣ 232, гнѣ/воу ів.

Имеются случаи необозначения исконной мягкости согласных: *съвѣкоуплениоу* 334, *остѣпление, огнемь* 63, *земли, срѣдьнааго* 56, *гнѣвъ, растворенъ, оукорены, всего, кѣнааземь* (ib.).

В Пандектах Антиоха (XI в.):

перед *к* — *оклевѣтаник* (им. ед.);

перед *та* — **а — въсплѣтѣть, дытѣлѣтъ вола, растворѣхъ, въстакого, ѿвѣстакоу;*

**ѣ — веселѣште, творѣшта;*

перед *ю* — *не лѫби.*

Имеются случаи необозначения исконной мягкости согласных: *оу нь, възлѣблении, оустрѣмленіа, вола* (им. ед.), *искрѣнааго, гла, любы, волю* (вин. ед.).

В Мстиславовом евангелии (до 1117):

перед *и* — *бол'ши 11, 23, постын'и 2 об., марита мағдалын'и 9, съ н'има 3, съ н'имъ 130, мын'итиса 5;*

перед *ь* — *април'ь 194, съвѣдѣтел'ство 2, 5, иаковл'ь 67, земл'ынага 133, огн'ынж 28, огн'ь 24, агн'иць 4, гн'ь 2, въ н'ь 188;*

перед *е, є* — *іавл'еник 3, прѣломл'ении 3, грабител'е 109, дал'е 3, тажател'е, гл'кши 152, гн'етахоутъ и 61, гн'етоущса 62, отъ н'его 38, блгословл'ю 113, възлюбленнааго, глаголеши 2, ѿл'кница 78, къ нимоу 157, отъ н'его 776, послѣднинк 47, сна огн'еви 134б; вънѣшнинк 135 и т. д.;*

перед *а* — **а — дѣл'я (= ради) 33;*

**ѣ — недѣл'я 2, 3, 4, вол'я 10, клепл'я 167, тажател'я, глагол'я, родител'я 19, жын'ли 16, пон'явою 122;*

перед *ю* — **и — оучител'ю 4;*

**ѹ — любл'ю 256, мол'ю 149, гл'юща 36;*

перед *ѣ* — *гн'ѣвактеса 13, гн'ѣзда 92.*

Случай необозначения мягкости согласных: *къ нимъ, іаковль, тажатель, волею, отъ воналица, оставлати, оусрамлѧютса, въ любъви, глю.*

В Галицком евангелии (1144):

перед *и* — *на земл'и 12 об., въ корабл'и 70 об., прѣдъ н'имъ, с н'имъ (часто);*

перед *ь* — *огн'ьмъ 6, на н'ь, оставл'ыша 12;*

перед *е* — *їемлѣть, ѿнкго 5 об., о н'имъ, къ н'ему 11, оклеветанъ 11 об., дѣлател'ем 10, възл'юбл'еныи 13;*

перед *а* — *тыл'я 12 об., тл'я (ib.), възбран'яше 13 об.;*

перед *ю* — **ѹ — земл'ю 8, жын'ютъ 13, кромѣшин'юю 8 об.;*

и — л'юбо 12 об., възл'ю/битъ 13, възл'юбл'еныи (ib.), оучител'ю 12 об.; перед *ѣ* — *нын'ѣ 17; и — в постыни 11, хртль 14, на нь (часто), ѿставленъ 12 об., исколена 13, гнѣва (часто), хоулахоутъ 8.

В Христинопольском Апостоле (XII в.):

перед *и* — *закол'и 5, съвѣдѣтел'и (им. мн.) 4, в земл'и 4, съ н'ими 63, въ простиныи 164, рабын'инъ 186, въ н'ихъ 200, домашн'ии 136, съ н'ими 5 об., 3;*

перед *ь* — *оумо/л'юше (прич. прош.) 8, вседержител'ь 170, мол'ыша 34, помышл'ь 234, бол'ыша 130, именьмъ гн'ьмъ 69, поклон'ь (прич. прош.) 10 об., на н'ь 2, поклон'ьше 50, мын'ышимъ 178, западн'ь 65;*

перед *e*, *и* — побѣд'ена 55, гѣеть 116, блгослов'ени 173, къ н'емоу 2, вѣн'еи 5, зан'еже 8, кон'емъ (дат. мн.) 76, вышн'емоу 202, испѣлн'ени 129, пожн'еть 173; ослабленъ 1, волю 199, стлкви 227, поглѣть 4, сномъ излѣвомъ 4, съвѣдѣтелемъ 4, на нїже 8 об., вѣн'еи 1 об., к н'емоу 2 об. (bis), плѣн'ени 83, окамън'ени 129, пожн'емъ 149; перед *ia* — *а — славла/хоу 6, вола 47, 51, 84, 112..., земла 79, 91..., коуплами 89, авраамла (род. м., ср. р.) 30, 128, 222, 226, оудалати 35, 36, похвалата 151, раздѣлата 154, съставлата 115, мѣвлатахоу 40, славлахоу 31, корабла 64, 65, мучтата 45, съвѣдѣтела 54, 62, стлта 232, осѣн'яюща 229, съхранята 161, испѣлната 156, покланята 192, сидонаны 207, куринане 259, вона 165, 166, гѣрыната 179, въ поустынатахъ 235, испѣлната 32, въ на 49, 62, 91..., послѣдната 94, вышната 185;

*ѣ — вола 189, 204, земла 31, 42, 66, невола 162, фестры Павла (род. ед.) 56, гѣла 35, 37, 39, 40..., приемла 61, досадитела 113 (вин. мн.), обрѣтатела 113, л'юбитела 113, на на 8, гна 47, стынта 111, въ брѣнта 197, 214, млѣстынта 59, 247, 253, чаша гна (род.) 155, вышната (вин. ж. р.) 44, въ послѣдната дни 78, 91; перед *ю* — *и — слоужителю 134, л'юдь/мъ 4 об., л'юдъмъ 2, 7, л'юбит 195, л'юбл'ю 198;

*ѹ — на земл'ю 2, л'юбл'ю 198, вон'ю 63, стын'ю 173; перед ӝ — нын'ӝ 39, 59, 156, гн'въ 74, възгн'ышше 67.

Случай необозначения мягкости в Христинопольском Апостоле (Хр. Ап. XII в.) незначительны — гне 210, 214, оуне 145, земла (им. ед.) 91, 92, на на же 81, плѣн'яюща 122, исключими 115.

В памятниках, в которых для обозначения исконной мягкости наряду с крюками употреблялись йотированные буквы, написание этих последних после согласных, не имевших исконной мягкости, а также после немягких [р], [л], [н], [с], [з], встречается в единичных случаях. Исключение представляют Пандекты Антиоха XI в.

В Изборнике Святослава (1073):

например: умножитѣ 35 об., глоумаштасѧ; АЕ 1092 — блоудта 17, ма 78 об., врема 99 об., имта 100, 135, беремта 139, тіаккы 157, по пѣнтаю 159; ГБ XI в. — вѣликиихъ 204а; МЕ 1117 г. — сѣдаше 30, кніаженик; ГЕ 1144 г. — чѣрвѣнъмъ; но в ПА XI в. — рѣчк 706, 75; на ма, сътажитѣ, славѣть, присвѣноухъ ако сѣно исъше, гасти пиетѣ 70 об., быстрѣ 123, однѣждкюж 74, дѣсница (им. ед.) 70, отѣпадкъмъ 71, мѣждоу 70 об., бѣсовѣ (им. мн.) 67 об., вѣвѣди 68 об., словеса (вин. мн.) 76, сѣбкѣ 67, нѣчааник (вин.) 66 об., вѣстанѣть 77 об., приниксе 67, нѣ 67, 70 об.

Обозначение мягкости с помощью только йотированных букв встречается в большем количестве памятников и носит менее последовательный характер. Последнее выражается не только в том, что отсутствие крюков делает невозможным передачу мягкости перед [и], [ъ], [ъ], но и в том, что наряду с обозначением мягкости в некоторых памятниках часты случаи ее необозначения.

В Остромировом евангелии (1056):

перед *и* — цѣн'янааго (род. прич. страд. прош. м. р.) 185, 196 об., обрѣмененіи 244, испѣлнено 173, вѣлн'ению 245, зан'еже 249 об., из-

него 30 об., 89, 134..., испльненія 3; въсприемлѣвѣ (дв. наст. 1 л.), жателѣмъ (дат. мн.) 246, избавлѣникъ 136, помышленія 78, дѣлателѣмъ/дано 78 об., сѣла авраамлѣ 29, благоволѣніе 105 232 об., 250 об., възлюбленъ 47, 166 об., 273, моучтѣлѣмъ (дат.) 76, глѣши 76 об.; перед та — хоулдах 179 об., 199, тыла 106, 124, римлана 41, дѣлателта (вин. мн.) 267, земля 83, 120, 146 об., 190 об., отъ земля 42 об., ис корабля 71 об., гла 72, 73, давлдаше 75 об., оуцрамлѣть 79, авраамлѣ сна 246, априлда 270 об., тавлѣтьса 145 об., 291 об., вола (род. ед.) 20, 56, хранише 287, близъ поустыниа 41 об., въ поустыніахъ 28 об. (и — сквозѣ поустыниа 98 об.), испльнѣжаса 265 об., из чрѣва мтрна 74 об., отъ вонга (род.) 142, нижнаго 190 об., въ ніаже (вм. ніаже) 105 об.; самаріане 32 об., самаріанинъ 33, съмирлѣющеи 219, творіаше 16, моря (род.) 15 об., 16, 71 об., варіаѣть 18, 203, на вечеріахъ 57; назаріаны/нѣ 4 об.; в'стакого 2.

Имеются и случаи необозначения исконной мягкости согласных: въ него же 15 об., на hei же 277, из ней же 204 об., без него 1, къ немоу 7, обновленикъ 281, въ прѣломлении 6, отъ самаранынта 30, съмѣрлѣжаса 80 об., мора (род.) 17, творашеса 5 об.

В Минее (за октябрь 1096):

В этом памятнике обозначается главным образом мягкость согласного [л¹] перед гласным [а] и то очень непоследовательно. Обозначение мягкости в других случаях единично. Например: перед ю — вседѣржителѣвоу 90, равъночѣстнѣ 84. Необозначение мягкости: ослѣплена 1, 2, волю, блгдтелевъмъ 1, древле 2, заколено 4, стрымленикъ 4, искублению 5, ѿ него 5, 132, възлюблена 7, избавленикъ 8, плѣнена 10, вѣнненіемъ 118 и др.; перед та — *а — свѣтитела 1, зижитела (род.) 4, оучитела 4, гонитела 5, стила 6, тавлашеса 213, погублѧми 215, наставлата 215, накалѣюще 223, вседержитела 217, съвѣдѣтела 119; *ѣ — ѿ земля 218, въ ня 216, ѿ гна 156, вышынна (род. ед. ж. р.) 217. Необозначение мягкости: гонитела (род.) 12, 6, оукрѣпляши 3, избавитела (род.) 4, въстроублѧть 6, въ послѣдѣнія врѣмена 8, на горынта лики 10, земля (им. ед.) 187 и др. Один раз та посло р — сътваряюще 7.

В Минее (за ноябрь 1097):

перед ю — приемлѣмъ 274, изволѣнія 354, и — спсителе 282, избавленикъ 283, тавленыхъ 355, исправлении 356, помышленіе 359, плѣненія 359; перед та — *а — зижитела 355, похвалѧюще 275, отъгонѧюща 276, каплами 277, застоупитела 277, тавлѧющи 278, оукреплѧми 278, 280, изгантата 260, наводнѧюща 271, похвалдѣма 273, съхранитиа 282; *ѣ — цѣлата 268, вышынтааго 268, 272, съмысладѣ 280, избавлай ис тьла 276 и — сцинодѣтела 355, обнавлѧеть 356, испльнѧюмои 355, оудалаташе 355, хранитела 356, ближнага (вин. мн. м. р.) 357 и т. д.; сътваряюще 275, прогвата 278, оудвартѣма 277, озардѧюще 288, творища 281, озардата 283, животворища 281, въдвартла 359 и — пастыры 258, затварлѣмъ 347, озарата 321, съмѣрнениемъ 357 и т. д.; вста члвкы (вин. мн.) 275, встакоу (вин. ж. р.) 275, вса кота 276, 281 и — всета твари 355, вса 320 и т. д.

В Житии св. Кондрата (XI в.):

перед *та* — *вола* (им. ед.), *богарь*, *славлаше ба* (3 л. ед.), *за ны*, *на ны*. Перед [е] мягкость в этом памятнике не обозначается, так как буква ё здесь вообще не употребляется, даже и после гласных; ср. *моего, его, есть.*

В Евгениевской псалтыри (XI в.):

перед ё — *глѣть* 11в, *волюж* 10г, *моленыя* (род.) 19а, *застѣплѣнья*, *сподобленъ*, *понеже*, *о нѣмъ*, *въ лвлѣнии*, *исправлены*, *вышненіе* (зв.), *испѣненіе*;

перед *тѣ* — **а* — *землї*, *владычынъ*, *стынѣ его*, *трѣблѣахъ*, *помышлаше*; ё — *землї*;

и — *полл* (им. мн.), *кланїштиеса*, *землѧ* (им.), *лвлѣть*, *оукрѣ/п-ллеми*, *поле* 11б, *промышленъ* 12в, *лвленыж* 13а, *глѣть* 14г, *оустрѣмлены* 16б, *на конѣ* 16б, *оукрѣпляться* 19в.

В Путятинской минее (XI в.):

перед ё — *прѣвѣзлюбленъ*, *вѣлѣблѣнѣмъ* *дрѣвлѣ*, *оудаленыхъ*, *помышленыи*, *съгнѣтенъ*, *в'сеслав'ніе* (зв. ф.);

перед *та* — *благовѣтела*, *поставляеть*, *вола* (им.), *послѣднѣи*, *огнѧ*, *вонта* (им.), *плѣнѧмыи*, *сѣлї*, *вѣдварѣса*; и — *помышлены*, *тавлено*.

В Туровских евангельских листах (XI в.):

перед ё — *поемлѣть* 15, *осла/блѣнъ*, *ослаблѣноумоу* 7; *излѣва*, *глѣть* 7, *законоучителю* (им. мн.) 6, *по нѣмъ* 11, ё *нѣго* 4, *от нѣго* 11, *къ нѣмоу* 12;

перед *тѣ* — *помышлати* 7, *оставлять/тьса* 15, *славлахъ* 8, *ис корабла* 4, *глѣща* 4; *мытаря* (вин. ед.) 9; мягкость не обозначена в случаях из него 3, ё *землѧ* 4, 13, *оба корабла* 5, *оставляться* 15, *вышина* 9, *сила гна*, *гла* 3, *моллахъ*, ё *въскота*.

В Доброловом евангелии (1164):

перед ё — *по нѣмъ*, *по вѣси вселенѣи*, *тавлини*, *ослаблѣному* *ослаблѣнныи*;

перед *тѣ* — *народа дѣла*, *помышлатоу*, *помышлатете*, *оставляти* *помышлатоутъ*;

и — *къ нему*, *ослабленъ жилами*, *ослабленомуу*.

В Сборнике поучений (XII в.):

перед ё — *вѣзлюбленоу*, *посрамлѣнъ*, *благословлѣни*, *приемлѣть* *оумилѣнъ*, *глѣть*, *занѣ*, *оунѣ* (л. 53—56); *потреблено*, *глѣши*, *послѣть* *оклѣветаноу*, *к нѣмоу*, *искрынѣмоу*, ё *нѣго*, *нанѣмъ*, *гоненіе* *коньчыни* (л. 189—193);

перед *та* — *дробитела*, *каплами*, *покланѧи*, *помышлатоюще* *благословлѣтоуть*, *помышлати*, *кланѣтиса*, *колѣноу* *кланѧни*, *вѣзбрани*, *оукрѣпляше*; *оукарати* (л. 189—193); и — *вѣзлюбеныи* *на конечьне* *оувѣреніи*, *в поустынахъ*, *плѣнаютъса*, *помышлатъ* *кланїмса*, *оукарати* (лл. 53—56, 189—193).

В Монастырском уставе (XII в.):

перед ё — *колеблѣть*, *тавленїишаат*, *тавлено*, *съхраненіи* (им. мн.) *оставлено*, *поставленоу* *нанѣи* *глѣть* (4 р.), *дрѣманіи* *дига*

волѣмъ/, *раздѣлѣнъ;* обозначение мягкости отсутствует в случаях *извлено, на горне,* *боявлени.*

Буква *ia* в этом памятнике не употребляется, после мягких согласных пишется *а:* *поставляютъ, оуставляютъ, да исполнатъся.*

В памятниках, обозначающих мягкость только с помощью йотированных букв, эти последние нередко пишутся после согласных, не имевших исконной мягкости. Приведем примеры.

ОЕ 1056 — *благъ* 3 об., 11, *хотѣаше* 18, *идѣаше* 4 об., *въ нѣже и-даста* 5 об., *видѣахоу* 16. М 96 — *богатъ* 140, *боудѣть, молимъ тиа* 3. М 97 — *сътажахомъ* 280, *на тиа* 280, *память* 281, *сподобиася* 281 (bis), *съвѣзаныи* 282, *тиа* 282, *съвѣтлашее* 283, *съвѣажеша* 275, *не оувѣ-дающи* 277, *веселѣть сѧ* 277, *пѣтичесльно* 276, *іависте сѧ* 279, *при-ходиащимъ* 280, *оукромиаще* 280, *сѣдѣашааго* 280; *вѣщьстъвнъ* 806, *непобѣдимъ* 576, *съдѣржитѣла* 136а, *областасткъ* 37а, *обрѣтие* 16а, *ведѣниемъ* 69. ЕПс XI в. — *правашиаа сѧ, да исповѣдѣать сѧ, обѣ-честа, дадѣть, расѣдѣться.* ПМ XI в. — *въ пелѣнаахъ* 97, *въсплѣ-скаша* 12, *на колѣсе* 12 об., *плѣтоша* 23, *апостолъ* 31, 35, *кленоу* (вин.) 87 об., *дѣлнсемъ* 37, *дѣлкы* 37 об., *възмѣгъ* 37 об., *іенкнъ* 97, *по-срѣдѣ* 81, *трѣпетомъ* 24 об. ДЕ 1164 — *будѣть, знамѣнѣ, облѣщъ, ста-нѣсть, гонѣнью, потѣкнѣсть, погибнѣть, нїевѣрующими, распѣ-нѣте* 9 об., *клѣврета, възѣже.* ЕК XII в. — *константинъ* 125, *обра-тиаться* 553, *абиходащю* 527, *ноудѣться* 549, *исходаща* 549, *бѣдѣть* 578, *тырпѣщю* 516, *въспомианоувѣщє* 512, *тиаса* 524, *помѣ-ноу* 527, *врѣмѣ* 551, *тиа* 552, *имѣахоу* 589, *имѣ* 591, *кѣназа* 778, *боудѣ-тие* 81, *приставитѣ* 112, *чиститѣльскихъ* 193, *съмотритс сѧ* 498, *плѣнкнта* 624, *помѣнитѣ* 530, *клѣвѣтания* 121, *црквѣ* 299, *црквъвс* 638, *дестати* 3, *іависта* 483, *крѣтическихъ* 43, *рады* 758, *манастыра* 568, *мѣнандриане* 652.

§ 5. Анализ правописания памятников XI—XII вв. приводит к следующим выводам. В XI—XII вв. в русских памятниках довольно последовательно обозначалась исконная мягкость согласных [*l'*], [*n'*] и в единичных случаях [*p'*], [*s'*], [*z'*]. Обозначение мягкости проведено более последовательно в памятниках, употребляющих в качестве знака мягкости или исключительно крюк или крюк наряду с йотированными буквами. В этих памятниках случаи необозначения исконной мягкости в общем не превышают случаев обозначения. В памятниках с крюками редки случаи написания йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости. В памятниках, передающих мягкость с помощью йотированных букв, обозначение мягкости проведено менее последовательно, довольно многочисленны случаи необозначения исконной мягкости. Здесь шире, чем в памятниках первой группы, известно употребление йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости.

Среди памятников, датированных XI—XII вв., есть и такие, в которых исконная мягкость вообще не обозначается: после согласных в соответствии с **ja* и **je* пишется *а*, в соответствии с **je* — *е*, а буквы *ia*, *я* употребляются лишь для обозначения соответствующих йотированных гласных. К таким памятникам относятся Изборник Святослава 1076 г., Постная триодь XI в., Юрьевское евангелие 1120 г., Стихиарий праздничный 1163 г.

В последнем памятнике *ia*, *я* после согласных встретились лишь в следующих случаях: *заколѣнъ бысть* 179, *весело* 180, *радоуитася* 180 (bis), *за ны молѣца* 180, *завидѣа* 180, *шходѣть* 180, *кѣназа* 180,

избави мя 181. В Златоструе XII в. мягкость обозначена только в случаях: *въстѣкомоу* 192, *мышлѣше* 193, *правителѧ* (вин.) 196.

Следует отметить, что в большей части памятников, где обозначение мягкости проводится более или менее последовательно, в навыках писцов обнаруживается сильное влияние церковнославянской орфографии. Так, в Чудовской псалтыри XI в. употребляются буквы Ѵ, ѵ, хотя и не всегда этимологически правильно; есть случаи написания редуцированного после плавного в сочетании **tъrt*; на месте **tj* находим *шт*, на месте **dj* — *жд*; тв. ед. *о-основ оканчивается на *-омь*; употребляются нестяженные формы прилагательных.

В Житии св. Кондрата (ЖК XI) употребляются буквы Ѵ, ѵ; в сочетаниях, восходящих к **tъrt*, редуцированный пишется после плавного; тв. ед. *о-основ оканчивается на *-омь*; южнославянское написание ъ вм. ѿ. В Словах Григория Богослова XI в. находим буквы Ѵ, ѵ, написание ъ вм. ѿ и ѿ вм. ѿ, а также смешение твердых и мягких слогов, особенно после плавных; в сочетаниях, восходящих к **tъrt*, редуцированный может писаться после плавных и даже вообще пропускаться; есть случаи отсутствия *l-erentheticum*; тв. ед. *о-основ оканчивается на *-омь* и *-ъмь*; употребляются нестяженные формы прилагательных. Теми же особенностями южнославянского правописания характеризуются и Пандекты Антиоха XI в. В Путятинской Минее XI в. находим буквы Ѵ, ѵ; в сочетаниях, восходящих к **tъrt*, редуцированный пишется после плавных; написание *езеро*; нестяженные формы прилагательных. В Евгениевской псалтыри XI в. (ЕПс) употребляются буквы Ѵ, ѵ; в сочетаниях, восходящих к **tъrt*, редуцированный может быть после плавного; характеристика южнославянская мена твердых и мягких слогов и т. д.

Наряду с этими данными отметим, что церковнославянское влияние в правописании значительно ослаблено в Минеях 1096 и 1097 гг. (М 96, М 97), Архангельском евангелии (АЕ 1092), Мстиславовом евангелии (МЕ 1117), Галицком евангелии (ГЕ 1144), Добриловом евангелии (ДЕ 1164).

В этих памятниках почти не употребляются буквы Ѵ, ѵ, в сочетаниях, восходящих к **tъrt*, преобладает написание плавного после редуцированного, тв. ед. *о-основ оканчивается на *-ъмь*.

В свете всех этих данных встает вопрос — отражает ли обозначение мягкости в памятниках XI—XII вв. явление живого языка этой эпохи или представляет собой также лишь графическую церковнославянскую традицию? Против того, что эта особенность древнерусских памятников только графическая традиция, говорит сама последовательность ее проявления. Как известно, графические традиции, связанные с фонетической системой, но неподдерживаемые явлениями живого языка быстро нарушаются (ср. отражение в русских памятниках утраты носовых, падения редуцированных, историй ё, цоканье и др.). Кроме того, рассматриваемая графическая традиция в разбираемых памятниках имеет специфически русскую интерпретацию: А обозначает гласный, восходящий к [e], после согласных полумягких и к **ja*, **jɛ* — после [p], [c], [z]; после же исконно мягких [л], [н] в соответствии с **ja* и **jɛ* пишется тѣ; в тех же памятниках, где мягкость обозначается с помощью крюков, А пишется как в соответствии с [e], так и в соответствии с *ja*, *jɛ* после согласных. По мнению Л. Л. Васильева, подобное распределение букв могло возникнуть лишь на русской почве, где носовые были утрачены¹. Л. Л. Ва-

¹ Л. Л. Васильев. Ук. соч., стр. 193.

сильев, исследовав орфографию Христинопольского апостола XII в., пришел к выводу, что в языке писца существовали полумягкие согласные, после которых писались буквы *ѧ*, *ѩ*, в то время, как после исконно мягких стояли *ѧ*, *ѩ*. При этом, по мнению Л. А. Васильева, буквой *ѧ* обозначался гласный [ä], не смягчавший предыдущий согласный. Гласный [ä] произносился: 1) в соответствии с [e]; 2) на месте общеславянского [ä] в ряде категорий слов; 3) а также на месте [a] после свистящих, возникших в результате второго смягчения задненебных¹. Во всех этих случаях в Христинопольском апостоле пишется буква *ѧ*.

Но если обозначение мягкости в древнерусских памятниках отражает черту живого языка, то почему оно не одинаково последовательно проведено во всех памятниках, а в некоторых даже совсем отсутствует? Видимо, здесь может быть дано следующее объяснение. В XI—XII вв. различие исконной мягкости и позиционной полумягкости согласных в значительной степени нарушилось, а в некоторых диалектных областях, может быть, исчезло и совсем. Однако в архаическом слое языка, каким несомненно был язык церковной письменности (ср. указание Н. Дурново на наличие у древнерусских писцов двух стилей произношения — живого русского и специально церковного²), противопоставление исконной мягкости и позиционной полумягкости сохранялось дольше и находило отражение в соответствующих памятниках. Доказательством того, что различие мягкости и полумягкости не представляло собою только графическую черту, но было известно в живом языке, является и то обстоятельство, что в ряде перечисленных выше памятников при общем ослаблении церковнославянского влияния в орфографии обозначение мягкости продолжает проникать достаточно последовательно. Однако смягчение полумягких — явление, развивавшееся в живом языке, не могло не проникнуть в той или иной степени и в язык церковных памятников. Это и отразилось, с одной стороны, в случаях необозначения исконной мягкости, с другой — в написании йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости. В некоторых диалектных областях процесс смягчения полумягких зашел настолько далеко, что в XI—XII вв., что категория исконной мягкости оказалась графически выделенной в правописании соответствующих памятников. То, что различие исконной мягкости и позиционной полумягкости в какой-то степени было известно русскому языку в XI—XII вв., указывают и следующие написания из Мстиславовой грамоты (Мст. гр. 1130): *дөнєльже, осеньнік по людік, вънк*, но — *оу него*.

В других нецерковных памятниках XII в. указаний на различие исконной и вторичной мягкости нет. Ср. в Надписи на чаре Володимира 1151 г. — *из нее*; во Вкладной Варлаама (Вкл. Варл. 1192) — *в немъ*.

Остаются неясными причины неразличения [r̥] и [r̥'] в большей части древнерусских памятников при различении [n̥] и [n̥'], [l̥] и [l̥']. По мнению Н. Дурново, отсутствие графического выделения исконной мягкости согласного [r̥'] (а также [c̥']) в Архангельском евангелии 1092 г. связано с отвердением этого согласного в южнославянском протографе этого евангелия³. Подобное заключение находится в прямой связи с мнением Н. Дурново о том, что различие мягких и полумягких согласных

¹ Л. А. Васильев. Ук. соч., стр. 193—195.

² Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, I, Brno, 1927, стр. 13.

³ См. Н. Н. Дурново. К истории звуков русского языка.—„Slavia“. R. II, S. 4, стр. 604.

в древнерусских памятниках, будучи не свойственно живому русскому языку той поры, целиком было обусловлено правилами церковнославянской орфографии. Мы же, принимая положение о том, что графическое различие мягкости и полумягкости в древнерусских памятниках отразило в какой-то степени явления живого языка, для того чтобы быть до конца последовательными, должны и в графическом неразличении [р'] и [р"] попытаться найти связь с явлениями живого языка.

О чём свидетельствует графическое неразличение [р'] и [р"] в древнерусских памятниках, об отвердении исконно мягкого или о смягчении полумягкого согласного? Полумягкие согласные подверглись смягчению не только в тех говорах, которые легли в основу русского языка, но и в тех, на основе которых развились украинский и белорусский языки. Представленное в этих последних отвердение [р'] (как исконно, так и из полумягких) возникло в эпоху после смягчения полумягких. Явление, отражавшееся в графическом неразличении [р'] и [р"] в древнейших памятниках, не тождественно украинскому отвердению согласных. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что положение перед [а] по отношению к написанию звуков [р'], [р"] в памятниках XI—XII вв. не отличается по сравнению с положением перед [е], [и] (в украинском согласные, отвердев перед [е], [и], сохраняют мягкости перед [а]). Что касается белорусского отвердения [р'], то оно датируется XV в. и не может быть приравнено к явлению, отразившемуся в памятниках XI—XII вв.

Отвергая возможность отвердения [р'] в эпоху до смягчения полумягких, следует предположить, что неразличение [р']—[р"] в памятниках, различающих полумягкие и мягкие [н], [л], объясняется более ранним смягчением полумягкого [р'] сравнительно с полумягкими [н'], [л'], т. е. допустить период (может быть не во всех диалектах), когда различались [л']—[л"], [н']—[н"], но уже не различались [р']—[р"], так как вместо [р'] выступал согласный [р']. В этом случае в положении перед гласными согласный [р'] оказывается таким же, как [ч], [ш], [ж], т. е. согласным, имеющим специального обозначения мягкости.

Предположим о раннем смягчении [р'] находит поддержку в своеобразии судьбы согласного [р'], при смягчении полумягких обнаруживающего тенденцию к особенно сильному смягчению. Ср. развитие шипящего элемента при [р'] в польском и чешском языках.

В более поздних памятниках церковного характера продолжает встречаться употребление йотированных букв, но оно все чаще носит неэтиологический характер. Йотированные буквы теряют первоначальное значение показателя исконной мягкости и начинают употребляться после согласных, исконной мягкости не имевших, а получивших ее из полумягкости. Буквы ё и ю, а и я становятся графическими дублетами, отражая новую эпоху в развитии категории твердости-мягкости. Среди ранних памятников с неэтиологическим употреблением йотированных букв можно назвать следующие: ТЕ 7 XII в.—*зъемли* 9 об., *ни прижмельть* 50 об., *деслати* 230 об., *ищи* 154, *жи* 15 об., *съшьдъши* 66; Пред. ИБ XII в.—*хотіще ми* (вин.), *имиа, веліа ми и молта, мніаще* (мн. м. р.), *тождіс, ноудіа небо равнѣ/ста и понїже, вѣ ніаго, встакомоу;* ВСб XII в.—*кілию* 165 об., *ижи* 2, *жажію* 2 об., *глющі, приліежить,* 157, *плкнити* 93 об., *болкені* 165 об. и—*ниніашні, клквѣтьно;* в этом памятнике по замечанию А. И. Соболевского „... встречаются л', н', даже д'—*неподважимои* 93, *въжд'єлахъ* 165 об.”¹; Ев. апр. XIV в.—*молта-*

¹ А. И. Соболевский. Два древних памятника галицко-волынского наречия. — РФВ, 1884, № 3, стр. 95.

шеться 131, изгоня- (3 л. мн.) 37 об., тыгащьникомъ 195., экъмъл 178 об., сътазанъ 49, тадахоу 86, прѣкратить са 144 об., октѣбрѧ 175 об., та (вин.) 82, 86 об. и —поставлять 176, въстако 78, жатѣлъ 178 об., исъмъ 183 и др.

§ 6. В связи с тем, что в XI—XII вв. в русском языке осуществлялся процесс смягчения полумягких, на месте старых сочетаний твердых согласных с полумягкими (*sv'ětъ, sn'ěgъ*) появляются новые сочетания со вторым согласным мягким (*sv'ětъ, sn'ěgъ*). В некоторых из этих сочетаний происходило уподобление первого согласного второму по мягкости, т. е. первый согласный смягчался. Об этом свидетельствуют написания с буквой *ь*, этимологически неоправданной. Например: АЕ 1092 — погыбънѣть 127в, 132а, прѣвълькоу 12а, разъвързиса 81а; ДЕ 1164 — погыбънѣть 10в, 247а, добърки 70с, позъдѣ 85а, исъмъ 177а, дъвиденъ 17в; Зл. XII в.—смотри 60в, жиэни 121а, казыни 53а; и в более поздних памятниках: Поуч. ЕС XIII в.—листьвиемъ; ГЕ 1266 — пъризвавъ, върѣма, пърѣдъ, дъверь, дъвиноути, медълить, съ/вершенъ, исъсъмъ; Пар. 1271 — въсьплещете 26с, зъвѣри 37с; Пол. Е. 1307 — съвѣтъ 1 об., листъвицъ 78 об.; РЛА (XLIX) 1300 г.—безъ вины.

Однако смягчение это было в известной степени необязательным. Ср. в МЕ 1117 — съмѣдаше 108 об., съмѣдахоу 97 б. В современном русском языке также произносят *с'н'ек*, и *сн'ек*, *д'в'йнут'* и *дв'йнут'*, *с'м'ех* и *см'ех*.

В этот ранний период в русском произношении некоторых иностранных слов, содержащих сочетания согласных, неизвестные русскому языку, видимо, могли появляться неэтимологические редуцированные гласные, которые возникали как результат стремления избежать непривычных сочетаний согласных. При этом, если за сочетанием согласных следовал гласный переднего ряда, то вновь возникший редуцированный обозначался через *ь* и соответственно через *ъ*, если за сочетанием согласных следовал непередний гласный. Подобная дифференциация могла явиться в результате смягчения первого согласного сочетания перед вторым мягким согласным. Ср. АЕ 1092 — леньтии 93 в; ЕПс XI в.—дѣгъматѣхъ 11а, догъматъ 72, вънеръданъ 7в; ЮЕ 1120 — равъви 134с, навыгина 202с, кваныели 133в, архистратига там же; ГЕ 1144 — в иоръ/даньсъти 5об., лѣонъты 109в; ДЕ 1164 — пааскевыгию 236с, лѣвъгитъ 137с; ЕК XII в.—валенътинъ 438, Теренъти 443, аньдираноу 60, монътанъ 463, анътонии 443, понъта 495.

Смягчение согласных перед согласными, получившими мягкость из полумягкости, по своему характеру было близко к широко известному после падения редуцированных в русском языке ассимилятивному смягчению, и отличается от смягчения, которое проходило в группах согласных до смягчения полумягких и вело за собой коренное изменение первого согласного сочетания. После смягчения согласных перед согласными, развившими мягкость из полумягкости, в русском языке начинают утрачиваться результаты старого смягчения, по крайней мере на стыке многих ясно различимых морфем. Например, на месте сочетаний, восходящих к общеславянским [z'l'], [zn'] и др., появляются по новой общей закономерности [z'l"], [s'l"] и др. (вм. žl', žn'). Ср. в АЕ 1092 — изънѣго 82, при иж нѣго 1об., 56об., 57, 142; в ДЕ 1164 — възълюби 10; в Пар. 1271 — възълюбленому 49об.

Ассимилятивное смягчение согласного перед мягкими согласными происходило не во всех сочетаниях. Так, вне смягчения оставались задненебные согласные. Ср. ЕК XII — кълинъ 651, бѣгърѣница 651, гоугънивааго 731.

В какой-то степени мягкими искони (со времени изменения сочетаний губных с [j]) были губные перед *l-erentheticum*. После смягчения полумягких губные перед *l-erentheticum*, видимо, также смягчались, войдя в категорию мягких, а не твердых согласных. Об этом свидетельствует тот факт, что, уже начиная с XII в., здесь часто пишется *в*.

Ср. земъла 91об., 151об., коуплью 95, приѣмълють 77, събълюдѣть 25 (ДЕ 1164); оуподобыло 57 (Пут. Е. XIII в.); исправълаи 56а, земъла 46с. (Пар. 1271); купъю 620, ѣмы/леть 625 об. (Р. Пр. 1282); бълюдѣте (ГЕ 1266); приемълетъ (Пол. Е. 1307); силоуамъ/лю 21об., любъ/лю 27 (Пер. Е. 1354); земъ/ля 53г, приемъ/лете 86в, оустрамъ/ллютъса 125в (Г.Код. 1357); переславъла 109, по земъли 145 об., (Лавр. XIV в.); земъ/лю 148, 155, дивъ/лахоуса 44, любъ/лю 200 об., славъ/ллѣше 181, въ корабъ/ль 51об., аврамъль 53, приѣмъ/лють 53 об., 89, оставъ/леше (им. мн.) 145об. (Ев. апр. XIV в.); оуподобы/лю, приступъ/ль 52 (Луц. Е. XIV в.); оставъ/ление 5, искупъ/ляю це 43, приемъ/ли 143 об., (Пог. Ап. 1391); земъ/ли 176а, земъ/лю 176а, любъ/лю 136а, щемъ/ла 82а, 82 об., прославъ/лаю 165а (Синод. XIII); земъ/ли 47а, капъ/лами 69б, адамъль 75а, томълениа 78а, в дупъ/лину 94а (Кол. П. 1406); земъ/лю 25а (Ипат. 1425); иевъ/ла № 87, земълю № 107, земълею № 3 (Дв. гр.); земъ/ль 5 (П. 1477); блгъвъ/лю 126, земъ/лю 297об., земъ/ли 57, любъ/ллѣше 58 (П. 1494); кормълю червъленъ 158, но и накормъленъ 96об., накормъляюще 97 (Паис. сб. XIV в.).

ЭПОХА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 1. Падение редуцированных сыграло решающую роль в развитии твердости-мягкости, как категории, имеющей самостоятельное фонематическое значение. Именно падение редуцированных привело к тому, что твердость-мягкость согласных перестала быть неразрывно связанной с качеством последующего гласного, изолировалась от него. Последнее проявилось в том, что твердые и мягкие согласные стали употребляться на конце слова и перед согласными.

После падения редуцированных развитие категории твердости-мягкости шло не по линии принципиальной перестройки фонетической системы (как это было в результате смягчения полумягких, падения редуцированных), а по линии расширения или сужения противопоставления твердых-мягких согласных в том или ином положении. При этом положения различия твердых-мягких согласных в древнерусском языке указанной эпохи были в принципе те же, что и в современном языке (конец слова, перед некоторыми гласными и согласными). По этим позициям мы и рассмотрим развитие противопоставления твердых и мягких согласных в эпоху после падения редуцированных.

ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ НА КОНЦЕ СЛОВА

§ 2. После утраты конечного гласного [ъ] на конце слова соответственно оставался мягкий согласный, после утраты [ы] — твердый. В отличие от положения в середине слова, где функции букв ъ и ѿ не сразу определились, на конце слова буквы ъ и ѿ после падения редуцированных приобрели безусловное значение знаков твердости и мягкости. Это объясняется тем, что мягкость и твердость согласных, „определенная в середине слова в значительной степени соседними

звуками и не требовавшая нарочитого для себя обозначения, должна была быть неизбежно обозначена на конце слова¹. К тому же написание букв *з* или *ь* после конечных согласных соответствовало традиции, поэтому пропуск *з* и *ь* на конце слова в памятниках встречается редко. Традиция заканчивать письмо после согласных буквой *з* или *ь* была так сильна, что эти буквы, как известно, в древнерусских памятниках долго и упорно писались на конце строки после согласных, не кончавших собою слова.

В результате падения редуцированных на конце слова стали различаться твердые и мягкие зубные согласные [т], [д], [с], [з], [л], [н], [р] (о губных см. ниже). При этом, в связи с вскоре осуществившимся процессом оглушения звонких согласных на конце слова, практически из зубных шумных согласных оказались противопоставлены по твердости и мягкости лишь две пары согласных: [т]—[т'] (в соответствии с *т*, *д*—*т'*, *д'*) и [с]—[с'] (в соответствии с *с*, *з*—*с'*, *з'*).

Различение твердых и мягких зубных на конце слова, возникнув после падения редуцированных, сохранилось в общем в том же виде в современном русском языке, включая говоры.

Лишь в некоторых вологодских говорах отмечено отвердение конечных зубных согласных: *кон*, *огоун*, *ден*, *опёт*, *дёвет*, *пет*, *мит* (= *меди*)—*Тот*. (Мат. в-р, X, 62); *опят*, *дёвят*, *пят*, *ден*, *огон*, *на повит-ту*, *гáт-ту*, *лошат-ту*, *мат*—*Гряз.* (МДК, III, с. 73; Мат. в-р, X, 40). Наличие гласного [é] в случае *опёт* и [í] в *мит* указывает на то, что отвердение конечного [т'] произошло после осуществления перехода между мягкими согласными [а] в [е] и [é] в [и]. С твердым [н] на конце по говорам широко известно наречие *очень*. Произношение *очен* отмечено в средневеликорусских говорах (Моск., Клин., Вер.), южновеликорусских (Одоев., МДК, I, с. 98; Зарайск., Петр., с. 32), северновеликорусских (Котел., Мат. в-р, VIII, 46; Костр., Виногр., с. 45; Бабаев., ИЯз, Б. сев. 344).

Эти случаи с твердыми зубными вместо мягких на конце слова имеют, повидимому, неодинаковое объяснение. В одних случаях эта твердость связана со слабой ударяемостью слова или его особыми синтаксическими функциями (*очень*, *опять*, *пять*, *девять*). В других случаях, разнообразных в грамматическом отношении, твердость конечного согласного объясняется, видимо, тенденцией к ослаблению артикуляции конца слова, а затем и к утрате палатализации, а также, возможно, ассимиляцией конечного согласного слова следующему согласному частиц *то*, *ту* и т. д. Можно думать, что так объясняются приведенные выше случаи с твердыми зубными согласными на конце слова в вологодских говорах.

В некоторых русских говорах возможность противопоставления [с]—[с'] значительно расширена в связи с утратой конечных [т], [т'] в группах согласных [ст], [с'т'] из [ст], [зд], [с'т'], [з'д']—*мос*, *хвос*, *гос'*, *гвос'*. При этом следует заметить, что в северновеликорусском наречии, особенно в восточной его части, конечный согласный утрачивается как в мягком сочетании [с'т'], так и в твердом сочетании [ст], в то время как в средневеликорусских и южновеликорусских говорах эта особенность вообще проведена непоследовательно и распространяется исключительно на мягкое сочетание [с'т'].

§ 3. В соответствии с конечным сочетанием „губной согласный + ь“ в одних современных говорах представлены мягкие губные, в других—твердые.

¹ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 67.

Повсеместно в русском языке твердый конечный согласный [м] (из -ть) представлен в формах 1 л. ед. нетематических глаголов и в тв.-местн. ед. м. и ср. р. существительных и местоимений. Существует мнение, согласно которому отвердению [м] в этих случаях способствовало то обстоятельство, что в данном положении мягкость конечного согласного не поддерживалась аналогией в других формах¹. Однако во многих русских говорах губные отвердели вообще на конце слова, несмотря на наличие аналогии со стороны других форм, как условия сохранения мягкости.

Эта особенность зафиксирована, например, в ряде псковских памятников XV в.: *кровъ* 181, *доловъ* 372, *любовъ* 227, *семъ* 200, (Ипат. 1425); *кровъ* 34, *любовъ* 102, *цквъ* 232, *любовъ* 133, *скорбъ* 56, *кровъ* (часто), *голубъ* 61 об., *Роуфъ* 311, *свекровъ* 309 об., *червъ* 154 об.. (П 1477); в *црковъ* (11 раз), *скорбъ* 68, *кровъ* (28 раз), *голоубъ* (4 раза), *за любовъ* 330 об., *домовъ* 328 (П 1494); *любовъ* 183 об., *скорбъ* 82 об., *голубъ*, *кровъ* 58 об. (Сб. син. 154, 1486).

Произношение твердых губных на конце слова вместо ожидаемых мягких (т. е. на месте конечного сочетания „губной согласный + в“) широко представлено в современных говорах как северновеликорусских и южновеликорусских, так и переходных.

Возникает вопрос о хронологии явления. Принято мнение, что какое-то время губные после падения последующего, в частности конечного гласного [ъ], были мягкими и лишь позже отвердели². Так ли это? Следует заметить, что губные, видимо, вообще были несклонны удерживать палатальную артикуляцию в тех положениях, где она не поддерживалась следующим гласным переднего ряда. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что губные совершенно не сохранили мягкости в положении перед согласными, с которыми столкнулись в результате утраты гласного [ъ]. Сохранение мягкости губных на конце слова может быть правильно объясняется некоторыми учеными действием аналогии со стороны других форм (например, отвердению конечного согласного в *голубъ* препятствовало наличие формы *голуби*).

Губные согласные значительно меньше, чем зубные, подвержены ассимилятивному смягчению — они могут смягчаться лишь перед мягкими губными [j] и [k']. Однако в говорах с отвердевшими губными на конце слова отсутствует и ассимилятивное смягчение перед [j] и [k']. Это дает основание предположить, что в части русских говоров по мере ослабления [ъ] ослаблялась и палатализация конечного губного, а вместе с утратой [ъ] предшествующий губной отвердевал, в результате чего губные согласные сохранили мягкость лишь перед гласными, а на конце слова и перед согласными стали твердыми. В этих говорах губные не подверглись и ассимилятивному смягчению, исключая положения перед согласными тождественной артикуляции — мягкими губными, где они могли смягчиться (об этом см. ниже). Тенденция к отвердению обусловлена спецификой артикуляции палатальных губных. В отличие от прочих согласных палатализация у губных представляет собою отдельную самостоятельную артикуляцию. Эта артикуляция как дополнительный, особый элемент ослабляется при ослаблении и постепенной утрате последующего [ъ].

¹ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 166.

² По мнению А. А. Шахматова, отвердение конечного согласного [м'] произошло после XIV в. (А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 283).

Кроме того существует мнение, высказанное Б. М. Ляпуновым¹, о том, что губные перед слабым [ъ] отвердели еще до падения редуцированных. Процесс проходил следующим образом: губной элемент согласного действовал ассимилирующим образом на следующий гласный, особенно сильным это воздействие было на гласный [ъ], в результате чего [ъ>ъ], а после утраты [ъ] предшествующий губной оставался твердым. Особенно сильное воздействие на последующий [ъ] оказывал согласный [м], в результате чего в русском языке почти нет слов, кончающихся на [м']. Исключение представляют слова *бзим'*, *тем'*, *сем'*, *всем'*, сохранившие мягкость конечного согласного под влиянием косвенных падежей тех же слов, а также по аналогии с существительными ж. р. на [ъ]. На это можно возразить следующее. Процесс, о котором говорит Б. М. Ляпунов, мог проходить до смягчения полумягких, в противном случае согласный остался бы мягким перед [ъ] из [ъ]. А если это было до смягчения полумягких, то тем более до падения редуцированных. В последнем же случае изменение [ъ] в [ъ] после губных должно было бы найти графическое отражение в древнерусских памятниках до падения редуцированных, чего мы не имеем: имеющие фонетическое значение написания ѣ вместо ѣ после губных, в том числе и после конечного [м] в перечисленных формах относится к эпохе после падения редуцированных.

Таким образом в говорах, знающих на конце слова только твердые губные, фонологическая противопоставленность твердых и мягких губных оказывается весьма ослабленной: в решающей из сильных позиций представлены только твердые губные согласные. Однако твердые-мягкие губные согласные продолжают различаться перед гласными (*глуб'а*—*дуба*, *голуб'у*—*дубу*, *п'атка*—*патока*). В отдельных говорах появляется тенденция устраниТЬ противопоставленность твердых-мягких губных и в положении перед гласными. Это достигается за счет того, что существительные с основой на отвердевший губной в результате морфологической аналогии приравниваются в своем склонении к основам на исключительно твердый губной. Ср. *у голуба*, *два голуба*—Шигр. (Хал., РФВ, 1879, № 3, с. 79, № 4, с. 255); *бравам'и*—Ворон. губ. (Филат., с. 286); *два голуба*—Брян. (Тихан., с. 25). Подобная тенденция к устранению противопоставленности твердых-мягких губных на стыке основы и флексии создает некоторую брешь вообще в системе противопоставления этих согласных, так как известно, что случаи различия твердых и мягких губных перед гласным [у] в подавляющем своем большинстве падают на стык основ и флексий. Однако и в этих говорах твердые-мягкие губные продолжают различаться перед гласными [и (ы)] [о], [а]: *вить*—*вить*, *вёл*—*вол*, *мясо*—*мало*. Следовательно, отвердение губных на конце слова в данных говорах не устраивает полностью противопоставления твердых и мягких губных, а лишь делает его менее широким.

ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ

§ 5. К эпохе после падения редуцированных относится ряд существенных изменений в системе русского вокализма. Некоторые из этих изменений были непосредственно вызваны падением редуцированных

¹ См. Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. — „Исследования по русскому языку“. II, вып. 2. СПб., 1900, стр. 224.

(ср. функциональное объединение гласных [и] и [ы]), другие лишь косвенно связаны с ним (ср. изменение [е] в [о]), третьи находились вне связи с падением редуцированных (ср. утрату [ё], как самостоятельной фонемы). Одни из перечисленных изменений касались лишь фонологических взаимоотношений гласных, не касаясь их физиологического-акустической стороны (таково функциональное объединение [и] и [ы]), другие же проявлялись так же и в изменении физиологического-акустических свойств гласных ([е>о], утрата [ё], аканье). Подобные изменения в системе вокализма существеннейшим образом отражались на развитии твердости-мягкости согласных как категории фонематически самостоятельной.

Важное значение для развития твердости и мягкости согласных как фонемообразующей категории именно в положении перед гласными имеет морфологическая аналогия. Известно, что некоторые из процессов взаимодействия между различными типами склонения относятся еще к дописьменному периоду. Результатом такого раннего влияния *и-основ на *о-основы явился в древнерусском языке тв. ед. на -омъ от *о-основ. К более позднему времени относится взаимодействие между твердой и мягкой разновидностью одного и того же склонения. Однако подобное взаимодействие уже имело место до образования аканья. Так, предударный вокализм некоторых южновеликорусских говоров с диссимиллятивным яканьем свидетельствует о том, что [о] на месте [е] в этих говорах появился первоначально лишь в некоторых грамматических элементах в результате морфологической аналогии — влияния твердой разновидности на мягкую¹. Таким образом, морфологическая аналогия включала в себя:

1) взаимодействие разных типов склонения, в частности интересующее нас здесь влияние *а-основ на *о-основы и *и-основы и влияние *о-основ на *и-основы;

2) влияние твердой разновидности склонения на мягкую.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу развития противопоставления твердых и мягких согласных, следует заметить, что одинаковая противопоставленность твердых и мягких согласных как перед ударенными, так и перед безударными гласными возможна в том случае, если в безударных слогах представлен тот же состав гласных, что и под ударением. Для русского языка подобное состояние вокализма относится ко времени до перехода [е>о], утраты [ё], развития аканья.

Учитывая это обстоятельство, мы в своей работе будем отдельно рассматривать твердые и мягкие согласные перед ударенными и перед безударными гласными.

А. ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ПЕРЕД УДАРНЫМИ ГЛАСНЫМИ

§ 6. Перед [а]. Падение редуцированных не внесло существенных изменений в ту систему противопоставления твердых и мягких согласных перед [а], которая сложилась после смягчения полумягких до падения редуцированных. Как уже говорилось, в эту эпоху перед [а] по твердости-мягкости различались не только согласные, имевшие исконную мягкость, но и согласные, получившие мягкость из полумягкости, причем различие этих последних стало возможно лишь за счет изменения [е>а].

Возможности противопоставления твердых и мягких согласных перед гласным [а], были расширены вследствие влияния склонения *а- и *о-

¹ См. Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. — „Вопросы языкознания“, 1952, № 6, стр. 33.

основ на **jo*- и **i*-основы. Как известно, после смягчения полумягких, в положении перед гласным [а] морфологические корреспонденции образовывали только те согласные, которые могли иметь исконную мягкость (*жена* — *вонга*, *женамъ* — *вондамъ*, *женами* — *вондами*, *женахъ* — *вондахъ*; *кона* — *конга*), в то время как слова с основой на согласные, получившие мягкость из полумягкости, подобных пар образовать не могли. После того, как окончания **a*-основ распространились на парадигмы **o*-, **jo*-, **i*-основ, морфологические корреспонденции перед гласным [а] стали образовывать и те согласные, которые получили мягкость из полумягкости. Процесс этот достаточно ярко уже отражен в памятниках в XV—XVII вв.

В современном русском языке система противопоставления твердых и мягких согласных перед [а] имеет в общем такой же вид, какой она приобрела к XV—XVII вв.

В современном языке в положении перед гласным [а] различаются согласные: [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [п — п'], [б — б'], [в — в'], [м — м'], [р — р'].

Зубные согласные противопоставлены перед [а] как внутри основ, так и на стыке с флексиями. Перед флексиями именными (род. ед. м. р., дат., мест., тв. мн.) твердые и мягкие согласные образуют морфологические корреспонденции, перед флексиями глагольными (3 л. мн. II спр.) подобных корреспонденций не образуется. Ср. *тâпка*, *костям*, *гостямъ*, *хотят* — *тâпка*, *хвостам*, *хвостами*; *дядя*, *гвоздям*, *гвоздями*, *гвоздя*, *глядят* — *дам*, *годам*, *годами*, *плодам*; *саду*, *гусям*, *гусями*, *гуся*, *висят* — *саду*, *носам*, *носами*; *зять*, *грозят* — *назад*, *возам*, *глазами*; *няня*, *коням*, *днями*, *дня*, *хранят* — *надо*, *снам*, *снами*, *дна*; *лягу*, *полям*, *полами*, *палят* — *лâвка*, *полам*, *полами*; *ряд*, *царям*, *зарями*, *царя*, *говорят* — *рад*, *дарам*, *дарами*, *вора*.

В говорах перечисленные твердые и мягкие согласные образуют несколько более широкие морфологические корреспонденции, чем в литературном языке. Это достигается за счет того, что в некоторых говорах возможны формы им. мн. на -а от существительных м. и ж. р. с основой на мягкий согласный. В результате имеем соотношения: *лошадя*, *площадя* — *городá*; *податя*, *волостя* — *воротá*; *грязя* — *возá*; *ячменя*, *гребеня*, *бондаря*, *грабаря*.

Губные согласные различаются перед [а] менее широко, чем зубные. Ср. *запястье*, *хрзпяйт* — *упасть*, *попами*; *голубями*, *голубям*, *грубят* — *бâба*, *гробам*, *гробами*; *мясо*, *срамят* — *масло*, *домами*, *домам*; *вâлый*, *кровям*, *кровями*, *кривят* — *свâлка*, *головами*, *головам*. По диалектам: *озимя* — *дома*; *церквя* — *словá*; *стипя*, *топя*.

§ 7. Перед [о]. Различение твердых и мягких согласных перед [о] стало возможным в русском языке в результате изменения [е]>[о].

О хронологии изменения [е] в [о] можно сказать следующее. Изменение [е] в [о] осуществлялось только после мягких согласных и, следовательно, могло произойти только после смягчения полумягких. Переход [е] в [о] имел место, вместе с тем, после падения редуцированных, так как распространился он не только на исконное [е], но и на то, которое появилось в результате прояснения сильного редуцированного переднего ряда. Кроме того, известно, что в основе изменения [е] в [о] лежит приспособление артикуляции гласного [е] к велярной, или, по Шахматову, в ряде случаев лабиовелярной артикуляции последующего твердого согласного¹. Подобное приспособление могло проходить особенно интен-

¹ См. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 134.

сивно после падения редуцированных, так как именно после падения редуцированных гласный [е] во многих случаях оказывается в пределах одного слога с последующим твердым согласным, который раньше находился в следующем слоге (ср. *сёл*; до падения редуцированных — *се-ль*, после падения — *сел*). Поэтому, если до падения редуцированных гласный [е], находясь в разных слогах с последующим твердым согласным, вполне мог на него и не реагировать, то после падения редуцированных, оказавшись с этим согласным в одном слоге, гласный [е] мог легко подвергнуться ассимиляции.

Изменение [е] в [о] в разных говорах осуществлялось в разное время и проходило не с одинаковой последовательностью: в северовеликорусских говорах — раньше и как в ударенных, так и в безударных слогах, в южновеликорусских — позже и только под ударением. При этом имеются южновеликорусские говоры, совсем не пережившие изменения [е] в [о]. В памятниках изменение [е] в [о] находит отражение уже с конца XII в., но лишь в положении после шипящих. Последнее обстоятельство может объясняться тем, что для передачи гласного [о] после мягких согласных не было графических средств (употребление для этой цели буквы о оставляло бы необозначенной мягкость предшествующего согласного и в связи с этим нередко могло исказить смысл; ср. написание *носъ* в соответствии с *н'ос*). Написания с [о] после мягкой парной согласной появляются лишь с XIV в. Ср. *возмотъ* 94 (может быть, описка), *померкнотъ* 80 об. (Пер. Е. 1354); *на сомъ, посому до конъцанию* (Нов. гр. № 20, 1392); *въ Кановѣ* 268 (Ипат. 1425); *землою* (Дв. гр.); *рубловъ* 189, *роублова* 216 об. (Сб. син. 154, 1486); *Шаторъ* 206 (Ск. БГ XIV в.) и др.

Ряд исследователей русского языка придерживается того мнения, что изменение [е] в [о] имело две стадии:

1) более ранняя — переход [е>о] после шипящих согласных и [j], имевший место во всех восточнославянских языках;

2) более поздняя — переход [е>о] после остальных мягких согласных, представленный в русском и белорусском языках.

Основанием для подобного разделения процесса [е>о] послужило, видимо, то обстоятельство, что в украинском языке [о] на месте [е] находим только после шипящих и [j], например: *жона*, *чоловік*, *чобіт*, *шостий*, *јого*, *село*, *орел*, *сестра* и т. д. Однако подобное обоснование сомнительно. Вполне возможно, что переход [е>о] после нешипящих согласных в украинском языке не осуществился не из-за того, что это был какой-то более поздний этап процесса, для украинского языка неактуальный, а просто потому, что, когда начался переход [е>о] после мягких согласных, в украинском языке этими мягкими были только шипящие и [j]. Остальные мягкие согласные (как исконные, так и развившие мягкость из полумягкости) перед гласными [е] и [и] отвердели, а после твердых согласных переход [е>о], естественно, осуществиться не мог.

Представляется более вероятным, что изменение [е] в [о] началось одновременно после всех мягких согласных, но на письме в силу графических возможностей отразилось только по преимуществу после шипящих.

Изменение [е>о] явилось одной из причин неодинаковой противопоставленности твердых и мягких согласных перед ударенными и безударными гласными. До изменения [е] в [о] перед [е] как ударенным, так и безударным, употреблялись только мягкие парные согласные. Из-

менение [$e > o$] привело к тому, что твердые и мягкие согласные стали различаться перед ударенным [o]: *нос* — *н'ос*. Перед безударными гласными это противопоставление отсутствовало, так как в безударных слогах после мягких согласных в соответствии с ударенным [o] произносится гласный [e]: *н'есу*. В северновеликорусских говорах переход [$e > o$] мог захватить и безударные слоги. В этом случае противопоставленность твердых и мягких согласных перед [o] распространяется и на безударные слоги: *в носъ* — *н'осу*, *на возу* — *в'озу*, *на поводу* — *в'оду*.

В современном русском языке в положении перед ударенным [o] различаются согласные [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [р — р'], [п — п'], [б — б'], [м — м'], [в — в'].

Мягкие зубные и губные перед [ö] могут быть представлены не только в корнях, но и в основах перед тематическим гласным глаголов. Мягкие зубные, кроме того, выступают перед флексией тв. ед. сущ. м. р. Ср. *тёмя*, *плетёт* — *том*; *дёма*, *гвоздём*, *ведёт* — *дома*, *плодом*; *сёла*, *карасём*, *несёт* — *сёвы*, *колесом*; *чернозём*, *везёт* — *зов*; *нёс*, *днём*, *гнёт* — *нос*, *дном*; *лёд*, *королём*, *шлёт* — *плод*, *волом*; *рёв*, *косарём*, *дерёт* — *ров*, *паром*, *вором*; *пётр*, *опёнок*, *пёс* — *пот*; *гребёнка*, *гребёт* — *бог*; *мётлы*, *живёт* — *мокрый*; *вёл*, *вёдра*, *рвёт* — *вол*.

В говорах ударенный гласный [o] после мягких парных согласных может быть представлен значительно шире, чем в литературном языке. В основе этого могут находиться причины разного характера. Так, по словам слово может нести ударение на ином, чем в литературном языке, слоге, в результате чего гласный [e], оказавшись под ударением, изменяется в [ö]. Например: *Мещ.* — *свадёбныи* *песьни*, *атьёрли*, *запёрыли*, *умёр* (Черныш. 70, с. 17); *Котел.* — *спитё*, *едитё*, *хотитё* (Мат. в-р., VIII, 46). От аналогичных форм литературного языка нередко по словам отличаются местом ударения причастия с суффиксом -ен, в которых ударение падает на суффикс. Например: *Малин.* — *эзмар'ёны*, *нъст'ил'ёны*, *с'ёна* *нъвал'ёна*, *ръстр'ис'ёна*; *Егор.* — *ана* *ръзд'ил'ёна*; *изба* *абвал'ёна*, *ана* *пр'ив'ид'ёна*, *найд'ёна*, *кос'т' ръздрабл'ёна*, *кашу свар'ёну*, *с'ёна* *эзпас'ёна*.

В говорах, особенно северновеликорусских, может быть более широко, чем в литературном языке, проведен переход [e] в [o] под ударением; имеются случаи [o] на месте [ë]. Последнее особенно широко представлено в говорах Восточной и Владимирско-Поволжской групп северновеликорусского наречия¹. Ср. случаи произношения [o] из [e], [ë], неизвестные в литературном языке: *нёбо*, *крёст* — повсеместно по русским говорам (Обнорск., стр. 301); *лёв* — повсеместно по северновеликорусским говорам (там же); *см'ир'ённайа* (Мякс., ИЯз., III, 611); *дёрзкий* — Кадник. (Мат. в-р., III, 25); *учёбник*, *учёбный* — Гряз. (там же, 36); *пом'ышкат'* — Никол. (Орл., стр. 47); *хрён* — Луж. (Мат. в-р., I, 5); *смертный*, *плёск* — Макар. (там же VIII, 43); *пёрст*, *небёсный* — Новг. (Сол. 77, стр. 6); *ожерёлок*, *слёга* (-жердь) — Донские казаки (Сол. 68, стр. 50); *она мёдни* — Котел. (Мат. в-р., VIII, 46); *на т'ел'ог'а*, *н'ев'осты*, *б'ес'одоват'* — Белом. (ИЯз., С-зап., 3); *тр'оснула* — Поморье (ИЯз., Б. сев., 4); *суд'обно м'есто* — Пудож. (Аван. II, стр. 249); *вётхий*, *тию-рёмщик*, *безсмертный* — Вытег. (Мат. в-р., II, 22); *полот'онце*, *по п'орвост'и*, *куд'бл'* — Плес. (ИЯз., Б. сев., 97 а); *н'ев'осты* — Онеж. (там же, 31); *д'в'орк'и* — Чучк. (Сидор., стр. 99); *мядвёдок* — Тороп. (Мат.

¹ С. П. Обнорский. Переход *е* в *о* в современном русском языке. — „Труды комиссии по истории Академии наук СССР“, вып. 3, 1947, стр. 312.

в-р., XI, 233); *дёрзкий, вётхий, блёдный, хрён* — Остр. (там же, V, 33); *валёжник, небесный, смёртный, учёбный* — Каш. (Смирн., стр. 12); *сплётни* — Мур. (Мат. в-р., XI, 90); *дерев'ён* — КФССР (Ияз, С-зап., 7).

В северновеликорусских говорах очень широко известно произношение с [ó] отдельных форм от глагола *держать*: *дёржит, поддёржка, задёржка*. Мягкие согласные могут оказываться перед гласным [ó] и в результате появления новых форм под действием морфологической аналогии. Ср. формы местоимений с гласным [o] под ударением вместо [и] или [е]: *за нём, с нём* — Моск. (Черныш. 68, стр. 60); *о нёй, со всёю* — Котел. (Мат. в-р., VIII, 46); *о нёй, со всёй* — Нолин. (там же, 41); *о ней* — Макар. (там же, 43) и др.; формы дат. и местн. мн. на -ём, -ёх от существительных со старой основой на -*i-, распространенные в южновеликорусских говорах областей смежных с говорами белорусскими¹: *лошадём, людём, гостём, лошадёх, людёх, гостёх*; род. мн. на -ов от существительных всех родов с основой как на твердый, так и на мягкий согласный: *рублёв, гвоздёв, лошадёв*. Неясно происхождение случаев *малатёмиши, идёмиши* — Моск. (Черныш. 68, стр. 62).

В говорах твердые-мягкие согласные перед [ó] образуют большее, чем в литературном языке, количество морфологических корреспонденций. Так, в результате того, что в говорах широко распространяется окончание род. мн. -ов на существительные всех родов с основой как на твердый, так и на мягкий согласный, возникает соотношение *рублёв — волов; лошадёв, гвоздёв — годов; перстнёв — снёв*.

Во многих северновеликорусских говорах, а также и в некоторых южновеликорусских слово *дупло* имеет мягкий согласный перед конечным [o]: *дупл'о* — Киров. обл. (Ияз, III, 7, 8, 31, 36 и др.), Пудож. (Ияз, С-зап. 78), Белоз. (там же, 209); Пушки. (там же, 209, 27) Спас. (Аван. I, стр. 201), Чучк. (Сидор., стр. 106), Дмитров., Обоян. (Хал. 76, стр. 26), Тарус. (Ияз, К зап. от М., 661), Дубен. (там же, 647) и т. д.

В южновеликорусских говорах с мягким [r'] может произноситься слово *нутро — нутр'о*. Ср. некоторые говоры Тульской области (Ияз, К зап. от М., 649, 670, 660, 652, 662, 678), говоры Козельского р-на Калужской обл. (там же, 624), Воронежской губ. (Филат., стр. 317).

В результате в ряде говоров мы имеем большее, чем в литературном языке, количество слов, в которых мягкие зубные и губные согласные представлены перед [o]. Хотя это и не вносит принципиальных изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных перед [o], но проводит его на более широком материале.

В некоторых южновеликорусских говорах переход [e] в [o] проводится менее широко, чем в литературном языке. Имеются говоры, в которых [o] вместо [e] представлен только в морфемах, способных подвергаться морфологической аналогии: в этих говорах [ó] после мягких согласных выступает в окончании тв. ед. сущ. м. р. и перед суф. -ок-, -ов-: *п'ен'ок, д'ен'ок, медв'ед'ом, Ковал'об*, но *з'ел'ёный, п'ёстрый, св'ёкла* и т. д. При этих условиях различаемость твердых и мягких согласных перед [ó] оказывается весьма ограниченной, а для отдельных согласных вообще отсутствует, например для губных, так как в русском языке нет существительных с основой на мягкий губной, которые бы в тв. ед. принимали окончание с гласным [o] под ударением. Кроме

¹ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. (Множественное число). Л., 1931, стр. 308.

того, перед гласным [о] суп. *-ок-* мягкими бывают только согласные [н'], [л'] и реже [р'], остальные согласные перед суп. *-ок-* — тверды, даже в том случае, если этот суффикс оформляет основу, оканчивающуюся на мягкий согласный. Ср. *коготок*, *латоток*, *локоток*, *гвоздёк*, *голубóк*, *зверóк* (и *зверéк*) и *денёк*, *пенёк*, *конёк*, *хмелёк*, *белёк* 'молодой тюлень', *vasилéк*, *стебелéк*, *писарéк*, *хорéк*, но и *зятéк*.

Диалектные случаи неперехода [е] в [о] в качестве единичных примеров встречаются и в северновеликорусских говорах. Так, С. П. Обнорский отмечает широкое распространение в северновеликорусских говорах произношения *д'érят'*, *р'éбрышко*, *п'éрышко*¹. Другие примеры: *слéс* (=род. мн. от *слеза*) — Каш. (Смирн., стр. 13); *дéшево* — Новг. (Сол. 77, стр. 6); *зéлéный* — Гряз. (Мат. в-р., X, 36); *замéрзнуть*, *самолéт* — Рост. (Вол., стр. 72); *тéмный*, *зéлéнова*, *залéтна* — Вятск. губ. (Зел., стр. 4); *колéсник*, *головéшка* — Покр. (Мат. в-р., I, 10); *колéсник* — Чист. (там же, 1); *тéмный*, *чéрный* — Котел. (там же, VIII, 46) и др. Перечисленные примеры, уменьшая количество случаев произношения мягких согласных перед [ó], принципиальных изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных перед этим гласным не вносят.

§ 8. Перед [ó]. В некоторых говорах как южновеликорусских, так и северновеликорусских в ударенных слогах встречается гласный [ó] (*уó*), по своему происхождению являющийся исконным [о] под восходящим ударением. Существует мнение, что некогда наличие гласного [ó] было чертой общерусской².

Перед гласным [ó], который в силу своего происхождения может находиться только после твердых согласных, твердые и мягкие согласные, естественно, первоначально различаться не могли. Однако впоследствии отдельные русские говоры развили противопоставление твердых и мягких согласных перед [ó]. Это стало возможным за счет того, что подобные говоры, теряя постепенно смыслоразличительное противопоставление гласных [о] и [ó], начинают смешивать их употребление, в результате чего гласный [ó] появляется в таких положениях, где исторически он быть не мог, а именно — на месте [о] под нисходящим ударением, [о] из [ъ], [ь], [е]. Произношение гласного [ó] на месте [ъ], [е] вело к различию твердых и мягких согласных перед этим гласным. Ср. говор д. Ширяево Спас-Клепиковского р-на Рязанской обл.: *эдарб'и* — *умр'бш*, *тр'бх*; *занислб* — *б'исл'бс*, *т'ил'бнак*; *тóк* — *т'óс*; *вб'л'a* — *ув'бс*³; говор Нижнедевицкого р-на Воронежской обл.: *тóк* — *т'бтка*, *фс'б*⁴. В последнем говоре отмечено, кроме того, смешение дифтонгов [óу] и [úó], которые в некоторых говорах употребляются строго разграниченно: [óу] — на месте [о] под восходящим ударением, [úó] — на месте [о] под нисходящим ударением и из [ъ], [ь], [е]⁵. Про-

¹ С. П. Обнорский. Переход е в о в современном русском языке, стр. 301, 302.

² См. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 165, Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 107.

³ Говор описан Т. Ю. Стrogановой в кандидатской диссертации „Говоры между-речья Оки — Клязьмы“. М., 1950.

⁴ Говор описан Э. В. Жуковской в кандидатской диссертации „Говоры западной части Воронежской области“. М., 1954.

⁵ Подобное употребление дифтонгов [óу], [úó] описано С. С. Высотским в статье „О говоре д. Лека“ („Материалы и исследования по русской диалектологии“, II. М.—Л., 1949); О. Н. Мораховской в кандидатской диссертации „Говоры Мещерского края“ (М., 1950); О. Г. Гецовой в кандидатской диссертации „Говор села Катаючи“ (М., 1952); Т. Ю. Стrogановой в указанной диссертации.

изношение гласного [ô] не только после твердых, но и после мягких согласных как в окончаниях, так и в корнях отмечено С. И. Котковым в одном из говоров Орловской обл.¹.

Первоначальной причиной проникновения гласного [ô] в положение после мягких согласных явилась, вероятно, не только утрата смыслоразличительного противопоставления [o] и [ô], но и аналогическое воздействие именных форм твердой разновидности с [ô] в окончании на соответствующие формы мягкой разновидности, например: *п'илб'й — з'емл'б'й; селб — дупл'б*. Однако приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что не всегда употребление гласного [ô] после мягких согласных ограничивается лишь формальными элементами, как это считает Р. И. Аванесов², хотя такие говоры действительно есть. Ср., например, говор д. Лека Егорьевского р-на, где [ô] после мягких согласных известно только в определенных морфологических категориях: *квашн'б'й, бад'жб'й*³.

§ 9. Перед [í (ы)]. Как уже говорилось, то обстоятельство, что после падения редуцированных стало возможным изолировать твердость-мягкость согласных от последующего гласного, сыграло решающую роль в ходе функционального объединения гласных [и] и [ы]⁴. Для эпохи после падения редуцированных мы уже можем говорить о том, что слова *ныть* и *нить* различаются фонемами [н] и [н'], гласная же фонема здесь одна — [и], которая после твердого согласного выступает в своей разновидности [ы]. Подтверждением подобных соотношений явилось то, что после падения редуцированных, при стыке предлогов, оканчивающихся на согласный, и последующего слова с начальным [и] этот гласный [и] изменялся в [ы]. Согласный в этом случае не смягчается перед [и] главным образом потому, что твердость-мягкость согласных стала фонемообразующей категорией, а гласные [ы], [и] являются лишь разновидностями одной фонемы. В данном случае оказывается важным сохранить твердость конечной согласной предлога (так как в русском языке нет предлогов, оканчивающихся на мягкий согласный) тем более, что наличие [ы], как разновидности фонемы [и], легко позволяет это сделать⁵. В памятниках это явление отражено уже с XII в.

Например: *вынеѣхъ областъхъ* 22 (ЕК XII в.); *к ыному царю* (Пан. Е XII в.); *выное* (РЛА, I, XII в.); *в ынью землю, из ыное* (Гр. 1229); *из ынои* (Нов. гр., № 9); *сыною* (там же, № 8, XIV в.); *высправу* (там же, № 16, XIV в.); *из ынои* (там же, № 15, XIV в.); *вынъ законъ 72, в ылмерь 5, с ываном* 172 (Лавр. XIV в.); *в ындѣи* 35, *в ыстобъку* (РЛА, XLIX, XIV в.); *из ыных* (Нов. гр., № 20, 1471); *под ываю* (Дв. гр., № 22); *с ыви* (там же, № 27); *с ывашомъ* (там же, № 18); *в ыванова* (там же, № 110); *оувыгоумновыхъ* (там же, № 26); *в ы/сцевы рѣчи* 10 об., *съсцеву гибелъ* 2 об., *в ынои татбѣ* 2 об. (Суд. 1497); *в ыстобъцѣ* 186 об. (Ипат. 1425); *в ыные* (РЛА, CCCLVI, 1516); *с ываномъ, с ызум-*

¹ С. И. Котков. Говоры Орловской области (докторская диссертация). М., 1952.

² Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 152.

³ См. С. С. Высотский. Ук. соч., стр. 14.

⁴ Рассматриваем это явление лишь в общих чертах, так как подробное исследование его дано в статье Р. И. Аванесова „Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *u*“ („Вестник МГУ“, 1947, № 1).

⁵ От случаев изменения [и] в [ы] на стыке предлогов и отдельных слов следует отличать переход [и] в [ы] на стыке приставок и корней (*подымѣтъ разыскѣтъ* и т. п.). Последние имели место еще до падения редуцированных и объясняются иными причинами, чем случаи типа [*с ываном*]. См. об этом в указанной статье Р. И. Аванесова, стр. 52—53.

*рудомъ, с ысаковыми, с ыными с ыштерекомъ, от ыштерека, с ымил-
деши, с ыштерековыми имилдеши, с ывановскимъ* (А. Межд. XVII в.)
и т. д.

В современном языке, включая говоры, изменение начального [и] в [ы] после предлогов и других слов, оканчивающихся на твердый согласный, распространяется на [и] любого происхождения как исконное, так и соответствующее безударному начальному [е], например *с ыл'ёный*. Но есть и некоторые указания на случаи смягчения согласных перед начальным [и]. Ср. *объизъбé* — Елаб. (Мат. в-р., IV, 78); *въ избé* — Клин. (Черныш. 75, стр. 14). Такие записи, как *съ ѫми* — Звениг. (Черныш. XIII, стр. 149, 150), Мещ. (Мат. в-р., II, 2 б), *съ им* — Мещ. (Черныш. 70, стр. 13), *атъ ѫх* — Зарайск. (Петр., стр. 31), видимо, следует рассматривать как отражение смягчения согласного не перед последующим [и], а перед *j*, т. е. *с'јим'и*, *ат'јух*.

Функциональное объединение [и] и [ы] находит свое грамматическое подтверждение и оформление в результате выравнивания падежных форм твердой и мягкой разновидности склонения. Благодаря аналогичному воздействию на мягкую разновидность склонения со стороны твердой разновидности в род. ед. вместо форм *землъ* — золы появились *земли* — золы; в им.-вин. мн. *землъ* — зόлы изменились в *зёмли* — зόлы; в вин. мн. *конѣ* — *коны* изменилось в *кони* — коны; в местн. ед. *кони* — *конѣ* изменилось в *конѣ* — *конѣ*. Таким образом, между гласными [и] и [ы] создалась морфологическая корреспонденция, выражавшаяся в том, что гласный [и] в составе одной и той же флексии оформляет мягкую разновидность склонения, а гласный [ы] — соответствующие формы твердой разновидности.

В современном языке перед ударенным гласным [и (ы)] одинаково широко различаются по твердости-мягкости как зубные, так и губные согласные. Ср. *ти́хо* — ты, *невиди́мка* — дым, *си́ла* — сырьо, *зимы* — зы́бкий, *лик* — лы́к, *нить* — ныть, *крыво* — ры́ба, *пить* — пыль, *был* — был, *мил* — мыл, *вил* — выл.

Перед флексивным ударенным [и] могут быть представлены мягкие согласные в том случае, если названный гласный является флексией местн. ед. сущ. ж. р. со старой основой на *-*i*, флексией им. мн. сущ. м. р. с той же основой, флексией императива, или если, наконец, он является собою тематический гласный в парадигме II спр. Ср. *в косты*, *в груды*, *на осы*, *в грязы*, *в кровы*; *путы*, *плетны*, *ремны*, *угры* (*угорь*); *плети*, *иди*, *(неси)*, *веzi*, *рви*, *жми*, *ори*; *грозыт*, *палыт*, *горыт*, *кreh-
тыт*, *глядыт*.

Перед флексией [и (ы)] им. мн. сущ. м. р. твердые и мягкие согласные образуют морфологические корреспонденции, например: *путы* — *коты*, *угры* — *дворы*.

В северновеликорусских говорах, знающих изменение [ё] в [и], сфера противопоставления твердых и мягких согласных перед [и (ы)] значительно расширяется.

В немногих русских говорах губные согласные в положении перед гласным [и] бывают только мягкими. Сравните: *бик*, *выйгодно*, *ми*, *ви* (Донские казаки, Сол. 68, стр. 50). В подобных говорах губные не противопоставлены по твердости-мягкости перед [и].

В южновеликорусских, средневеликорусских и отдельных северно-великорусских говорах имеются лексикализованные случаи произношения мягких вместо этимологических твердых согласных перед [и (ы)]: *в'исо́къ* — Чекал., Хан. (Инз, К зап. от М., 649, 650), Задон. (Филат.,

стр. 191), Щигр. (Хал. РФВ 1879, № 2, стр. 196), Обоян. (Резан., стр. 93), Дмитров. (Мат. в-р., XI, 125, Дмитр., стр. 41), Коз., Сух. (ИЯз, К зап. от М., 624, 63), Мещ. (Черныш. 70, стр. 36), Чучк. (Сидор., стр. 105), Чемб. (Мат. в-р., XI, 229), Касим. (там же, V, 47), Моск. (Черныш. XIII, стр. 176); *д'ирка, д'ирá* — Сух. (ИЯз, К зап. от М., 623), Костр. (Виногр., стр. 47), Яросл. (Тихвин., стр. 42), Славк. (ИЯз, С зап., 213). Новорж. (МДК, II, стр. 23), Бобр. (Филат., стр. 197), Моск. (Черныш. 68, стр. 46).

К числу лексикализованных случаев отклонения от литературных норм в употреблении парных мягких-твердых согласных следует отнести широко известное в южновеликорусских и средневеликорусских говорах произношение *[вýшн'a]*.

Повсеместно в русских говорах, как северовеликорусских и южновеликорусских, так и переходных, известно изменение [р'i] в [ры] в результате отвердения [р'] под влиянием предшествующих твердых согласных [г], [к], [ст]¹: *крык, скрып, крынка, грыб, стрычъ*. Во многих говорах с [р] вместо [р'] произносятся не все слова, где [р'] находится после [г], [к], [ст], а лишь некоторые из них, чаще всего слово *гриб* (*грып*). Реже встречается отвердение [р'] перед [и] в положении после губных и некоторых других согласных: *коврыжка* — Петроз. (Мат. в-р., II, 13), г. Холм (там же, II, 15), Холм (там же, VIII, с. 106), г. Олонец (там же, IV, 29); *брýла, капрýз* — Буйск. (там же, 18) *захрып'ёла, хрып* — Андом. (ИЯз, Б. сев., 137). В сообщении об одном из говоров Инсарского у. Пензенской губ. указывается, что [р'] здесь отвердевает лишь перед безударным [и]: *стрыгú, грыбы, покрýвйл, крýво, грып* (Мат. в-р., II, 16).

Легко заметить, что в большинстве приведенных примеров сочетание [р'i] находится между согласными, обладающими наиболее выраженной лабиовелярной артикуляцией, т. е. между задненебными (*крик*) или задненебными и губными (*скрип, гриб, хрип, криво, коврига*); реже лабиовеляризованные согласные находятся только до или после сочетания [ри] (*стригу, брила, каприз*). Влиянием со стороны лабиовеляризованных согласных, видимо, и объясняется диспалатализация [р'] и изменение [и] в [ы]. С этой точки зрения вполне объяснимы причины, по которым в названном выше говоре Инсарского у. Пензенской губ. [р'] изменился в [р] только перед безударным [и]: безударный гласный [и], обладая более вялой артикуляцией, чем тот же гласный под ударением, легче, чем этот последний подвергался ассимилятивному воздействию со стороны лабиовелярных согласных. Между прочим то обстоятельство, что отвердение [р'] под влиянием соседних лабиовелярных согласных имеет место только перед [и], наводит на мысль о том, что исходным моментом изменения [р'i] в [ры] было изменение [и] в [ы], а не [р'] в [р]. С этой точки зрения легко объясняется, почему в говорах, знающих переход [р'] в [р] перед [и], тот же самый согласный [р'], несмотря на соседство губных и задненебных согласных, остается мягким перед [у], [о], [а], [е]: *кр'ук, бр'овна, пр'аха, кр'ёпост'*.

В положении перед непередними гласными фонемами [у], [а], [о] твердость-мягкость согласных не зависит от качества последующих гласных. Поэтому передвижка гласных [у], [а], [о] в более заднюю зону, происходящая под влиянием лабиовелярных согласных, не влияет на качество предшествующей согласной фонемы: перед каждым из глас-

¹ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 198.

ных [у], [а], [о] независимо от того, будут ли они среднего, среднезаднего или заднего ряда, согласный все равно остается мягким.

В положении перед гласной фонемой переднего ряда [и] твердость-мягкость согласных также фонологически независима от качества последующего гласного, но противопоставление по твердости-мягкости перед фонемой [и] сопровождается физиолого-акустическим различием в самой гласной фонеме: [и] — после мягких, [ы] — после твердых согласных. Передвигаясь в средний ряд под влиянием лабиовелярных согласных, гласный [и] изменяется в [ы], что ведет к диспалатализации предшествующего согласного [р']. Осуществление этого процесса облегчено тем, что с изменением [и] в [ы] фонологическая сущность этого гласного не меняется.

В положении перед гласным [е] в большинстве русских говоров возможны только мягкие согласные, при этом мягкость согласных не-самостоятельна и строго обусловлена передней артикуляцией гласного [е]. Поэтому, несмотря на возможность передвижения гласного [е] в более заднюю зону под влиянием лабиовелярных согласных, согласный [р'] перед [е] не отвердевает: произношение твердого согласного перед [е] противоречит фонетической системе русского языка. Это же обстоятельство могло препятствовать и заметному перемещению гласного [е] в более заднюю зону.

Твердый согласный [р] вместо этимологического [р'] встречается и в таких словах, где [р'] находится не после согласных: *рынуться* — Петроэз. (Мат. в-р., I, 13; IV, 30), Пушкин. (Иероп. С. 588); *рыск*, *рыскнуть* — Костр. (Виногр., стр. 16).

По говорам количество случаев употребления сочетания твердых согласных с [ы] может быть увеличено за счет образования местн. ед. прилагательных с окончанием *-ым* (на мягкие основы это не распространяется, так как они всегда несут ударение на основе): *на худым*, *на дурным*, *на больным* — Зубц. (Мат. в-р., VIII, 60); *на худым*, *на дурным*, *на желтым* — Чемб. (там же, XI, 229) и т. д.; будучи связана по своему происхождению с аканьем, эта форма часто встречается в акающих говорах.

§ 10. Перед [у]. Как уже говорилось, после смягчения полумягких перед гласными [у] различались по твердости-мягкости лишь согласные, исконно парные по твердости-мягкости. Согласные, получившие мягкость из полумягкости, перед гласным [у] были только твердыми, так как мягкость перед этим гласным предполагает йотацию, а йотация, как известно, вела вообще к изменению качества шумных согласных. Таким образом, древнерусскому языку не были известны сочетания [т'у], [д'у], [п'у], [б'у], [в'у], [м'у]. Они явились значительно позднее в результате проникновения в русский язык слов иноязычного происхождения и развития морфологической аналогии (воздействия со стороны склонения **o*-основ на **i*-основы существительных м. р.). Подобное состояние фонетической системы находит отражение и в современном языке.

В современном языке перед гласным [у] противопоставленность твердых-мягких согласных значительно меньшая, чем перед [á], [ó], [í].

Наиболее широко перед ударенным [у] различают твердость-мягкость сонорные согласные [н], [р], [л]. Мягкие [н'], [л'], [р'] могут находиться перед [у] как в основах, так и на стыке именных основ с окончанием дат. ед. сущ. м. р., на стыке глагольных основ с окончанием 1 л. ед. II спр. и с суф. *-уч-* причастий наст. вр. Ср. *люди, люблю, колючий*,

королю — лук, волу; конюшня, нюхать, гоню, вонючий, коню — нужно, сну; крюк, зверюга, горю, горючий, косарю — руки.

Что касается шумных зубных и губных согласных, то они бывают мягкими главным образом перед [ý] некоторых суффиксов и перед флексией дат. ед. сущ. м. р. При этом для некоторых согласных противопоставленность по твердости-мягкости перед [ý] практически отсутствует в связи с тем, что в русском языке может не оказаться существительных с основой на соответствующий мягкий согласный, принимающих в дат. ед. ударенное окончание -ý. Суффиксы -ука-, -уга-, -утка-, -уша- также встречаются не после любого парного твердого или мягкого согласного. В результате всего этого можно найти в русском литературном языке сочетания [d'ý], [c'ý], [t'ý], [z'ý]: *гадюка, жадюга, Надюша, гвоздю — думать, в саду; висюльки, Васютка, каприсю — суд, на носу; тюря, тюлька, Катюша — петух, коту; мазюкать — зуб, на возу*, но мы не встретим сочетаний [p'ý], [b'ý], [m'ý], [v'ý], кроме слов иноязычного происхождения, которые в данном случае не принимаются во внимание.

Таким образом, следует сказать, что противопоставление твердых и мягких шумных зубных перед [ý] в русском литературном языке основывается на ограниченном количестве случаев употребления мягких зубных перед [ý], а противопоставление твердых и мягких губных в этом положении отсутствует.

По говорам отношения могут быть несколько иными. Во многих южновеликорусских говорах, а также в ряде средневеликорусских и северновеликорусских говоров¹ в результате образования форм 1 л. ед. II спр. без исконного чередования согласных в основе на стыке глагольной основы и окончания появляются сочетания [t'ý], [z'ý], [p'ý], [b'ý] [m'ý], [v'ý]. Например: *колотю, молотю, катю, скользю, возю, терпю, топю, люблю, кормю, ловю*. Расширению возможностей сочетания мягких согласных с [ý] в южновеликорусских говорах способствует распространение окончания род.-местн. ед. -ý на существительные м. р. со старой основой на *-i и имена м. р. на *-o одушевленные. Например: *нет дождю, дню, пию, с путю, ногтю, в лапту, в локту, на коню, при царю*. В результате, по говорам перед гласным [ý] могут быть противопоставлены по твердости-мягкости и губные согласные, а противопоставленность зубных согласных основывается на большем, чем в литературном языке, количестве фактов.

§ 11. Перед [é]. После падения редуцированных перед гласным [é] (из e, ь) употреблялись только мягкие согласные. Однако вскоре сочетание мягких согласных с [é] значительно сократилось в связи с изменением [e > o]. Мягкие согласные, оказавшись перед [o], стали в пару к твердым согласным перед тем же гласным. Процесс этот, как известно, наиболее интенсивно проходил в северновеликорусских говорах. В дальнейшем возможность сочетания согласных с последующим [é] расширилась в связи с изменением гласного [ɔ] в [e]. Однако в отношении судьбы [é] русские говоры всегда представляли большие различия.

Принято мнение, что в говорах, вошедших впоследствии в состав южновеликорусского наречия, переход [é] в [e] под ударением осуществлялся раньше, чем в говорах, вошедших в состав северновеликорусского наречия. Н. Н. Дурново видит свидетельство подобного перехода

¹ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 112—113.

уже в памятниках XIII в.¹ Однако вряд ли можно думать, что в столь раннюю эпоху переход [ё] в [е] был действительно широко распространен в южновеликорусских говорах. О том, что [ё] и [е] различались в эпоху образования яканья, т. е. в XIII—XIV вв., свидетельствуют южновеликорусские типы диссимилятивного яканья, при которых гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге реализуются неодинаково в зависимости от того, находится под ударением этимологический гласный [е] или [ё]. Тем не менее, если учесть, что изменение [е] в [о] происходило не во всех южновеликорусских говорах и не так интенсивно, как в северновеликорусских, то следует допустить, что в какой-то период в южновеликорусских говорах сочетание согласных с гласными [é] было представлено шире, чем в северновеликорусских, так как в этих последних, знавших уже переход [е] в [о] и сохранивших еще [ё] под ударением (или заменивших его на [и]), возможность сочетания согласных с [е] была сокращена до минимума, так что гласный [е] был представлен лишь в положении между мягкими согласными. Переход [ё] в [е] под ударением был известен и некоторым северновеликорусским говорам, главным образом тем, которые легли в основу говоров Владимирско-Поволжской группы. Так, для московских памятников древнейшие факты, отражающие изменение ударенного [ё] в [е], датируются XV в. Однако наряду с этим имеются многочисленные данные, свидетельствующие о сохранении особого качества [ё] вплоть до XVIII в. В результате и в этих говорах расширяется возможность сочетания согласных с [е].

Подобное же состояние фонетической системы отражено и в современном языке, включая говоры. В современном языке перед гласным [é] парные по твердости-мягкости согласные как сонорные, так и шумные, зубные и губные, по твердости-мягкости не различаются, бывают только мягкими. В говорах, не знающих последовательного изменения [е] в [о], естественно, расширяются возможности употребления мягких согласных перед [é] и вместе с тем сокращается диапазон противопоставленности твердых и мягких согласных перед [ó]. Более широкое распространение произношения мягких согласных перед [é] в говорах становится возможным и за счет других диалектных особенностей. К их числу следует отнести изменение [á] в [е] между мягкими согласными, образование род. ед. сущ. ж. р. с основой на *-а и дат. -местн. ед. сущ. ж. р. с основой на *-i с помощью окончания -é.

Напротив, значительное сужение употребления мягких согласных перед [é] происходит в тех говорах (в основном северновеликорусских—Вологодско-Вятских, Западно-Новгородских), в которых при последовательном изменении [е] в [о] (исключение — книжные заимствования и слова с [е] перед [р] группы *tъrt) этимологический гласный [ё] под ударением изменился в [и]. В этих говорах, по крайней мере в Вологодско-Вятских, возможность произношения мягких согласных в основном имеется лишь в словах, в которых произошло изменение [а] в [е], а также в словах, имеющих в своем составе [е] между мягкими согласными (сельский, день). Уменьшает употребление мягких согласных перед [é] и распространение в ряде северновеликорусских (Архангельская, Олонецкая, Новгородская губ.) и средневеликорусских (Псковская и Тверская губ.) говоров форм дат.-местн. ед. с окончанием -и от существительных ж. р. с основой на *-а.

¹ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 193.

Большое различие в возможностях сочетания согласных с гласными [e] по говорам иллюстрируется следующими таблицами.

Л и т е р а т у р н ы й я з ы к

e	ö	'á'	ú (ы)
тéло дéло зéлень	на высотé в водé на козé	тéплый дéрн чернозéём	Ковáлёв пенéк

Средневеликорусские говоры

e	ö	'á'
тéло дéло зéлень	на высотé в водé на козé	у высотé у водé у козé

Некоторые южновеликорусские говоры

e	ö	'á'
тéло дéло зéлень	на высотé в водé на козé	у высотé у водé у козé

Северновеликорусские говоры Вологодско-Вятской группы

e	ö	ú (ы)
в костé в грязé	тéнет дéдя зéлень	зéлень

тéплый дéрн чернозéём	Ковáлёв пенéк
-----------------------------	------------------

тýнет дáдя зять	на высотý у козý
-----------------------	---------------------

§ 12. В немногих русских говорах как окающих, так и акающих, согласные перед гласным [e] как ударенным, так и безударным не смягчаются и произносятся твердо или полумягко. Характерная особенность этого явления заключается в том, что смягчение отсутствует лишь перед гласным [e] из e, ь и лишь в редких случаях перед [e] из ё. Ср. с. Тихоново Судог. у. — полумягкие согласные перед [é]: *капéик, швáцкъй, дéнек, навéрна, дéла, с'вэлбó, гребéшók* (Гвозд., стр. 53); Верхняя Пинега, верхняя Тойма, Волог. обл. — „В положении перед гласным переднего ряда э в некоторых случаях наблюдается неполное смягчение губных: *оммéр'ит', вéт'ер, м и в* в этих примерах лиць слегка палатализованы“ (Кузн., стр. 32); Лом. — *бéлка, дéлу, кáмэн', помéс'т'им* (ИЯэ, С-зап., 26); Короб. — „полутвердые, факультативно твердые согласные перед e: *п'ен', п'ен', пэн', с'едéн'ијь, д'ён'ги, с'ем', бэз вáс, канéшна*“ (Дмитр., стр. 46); Егор. — твердое произношение согласных перед [e], встречающееся довольно непоследовательно: *мэнá, за нéй, стéпéннъj, тапéр' и т. д.* (МДК, III, стр. 170), д. Лека того же уезда — *тепéр', разберу́, вéцыра, дварéц, ден'ик, нелóфка, атéц, п'евéц, ден'жóнак* (Шахм., стр. 212); Ранен. — *мáт'эр'и* (МДК, III, стр. 19); Мещ. —

видéрца (Черныш. 70, стр. 99); *сэрафíма, дэскать* (Черныш. 68, стр. 100); Судог.—*вэ́стака, нэт, нэвэ́ста* (Бубр., стр. 331); *атéц, дерéвня* и пр. „такие говоры попадаются в южных уездах Рязанской и Тульской губ. и в Калужской губ.“ (Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 134); Нижнедев.—*пл'етэм, пад'эм, уч'тэм, жыв'эм, ат'еиц, хр'ист'еиц, под'еиш, дэн'уи, ден', на дэс'ьт', тем', паст'ёл'у, из д'ёр'ва, д'эв'ат', фт'ел'ач'их, тэл'ата, дэр'ёвя, мат'эр'а, ум'эн'ё, нэбыла, н'эбыл, успёнja, падэлал* (Жук., стр. 219—222), Сп.-Кл.—*меч'им, кузн'еиц, малад'еиц, к в'еч'иру, ад'ин, интире́ес, Пёт'а; нэту, апёт'*. Последний пример свидетельствует о том, что изменение [é] в [á] произошло раньше отвердения губного согласного (Строг., стр. 150). Аналогичное отвердение согласных перед [e] отмечено в говорах Курловского р-на Владимирской обл. и Елатомского р-на Рязанской обл. (там же), Тульской и Калужской губ.¹, Вятской губ.², Захаровского р-на Рязанской обл.³.

Анализ отвердения согласных перед [e], поставленный в связь с переходом [e] в [o] и образованием яканья, позволяет рассматривать отвердение как явление сравнительно позднее. Так, в говорах Нижнедевицкого р-на Воронежской обл. это отвердение осуществилось после перехода [é] в [ó] и образования яканья⁴. О времени отвердения согласных перед [e] по отношению ко времени изменения [e] в [o] свидетельствует произношение [ав'ос] наряду с [дэн']. Если бы отвердение произошло до перехода [e] в [o], то наличие [o] после мягкого согласного в случае [ав'ос] было бы необъяснимо. Следует заметить, что отвердение согласных перед [e] было явлением более поздним, чем переход [e] в [o] во всех говорах, знающих обе эти особенности. См. приведенные выше примеры, содержащие отвердевший согласный только перед [e], неизменившимся в [o]. В связи с этим нельзя согласиться с мнением А. М. Селищева, считавшего, что отвердение согласных происходило после перехода [e] в [o], причем гласный [o] делабиализовался и изменился в [e]: *ов'ёс > ов'ос > овёс*⁵. Если бы это было так, то в говорах, знающих переход [e] в [o], согласные отвердели бы перед любым по происхождению [e], а не только перед тем, который в силу своего положения перед мягкими согласными не изменился в [o]. Доказательством того, что отвердение имело место лишь после формирования яканья (в Нижнедевицком р-не Воронежской обл.—архаический и щигровский типы диссимилятивного яканья), является то, что согласные отвердели лишь перед [e], не изменившимся в [a]: *дър'евн'a, тел'ата, но н'ас'и, н'асу́т'*. Для говора с. Катагоща Захаровского р-на Рязанской обл. аналогичным путем устанавливается, что отвердение перед [e] имело место лишь после формирования умеренного яканья: *н'асу́, но нес'и*⁶. В говоре д. Лека⁷ согласные отвердевают

¹ Е. Ф. Будле. О некоторых народных говорах Тульской и Калужской губ.—ИОРЯС. III, № 3—4, 1898, стр. 71.

² Его же. Отчет о командировке в Вятскую губернию.—Ученые записки Казанского университета. X, 1896, стр. 102.

³ О. Г. Гедова. Говор села Катагоши. Кандидатская диссертация. М., 1951. стр. 105.

⁴ З. В. Жуковская. Говоры западной части Воронежской области. Канд. диссерт. М., 1954, стр. 221—222.

⁵ А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка. — „Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та“, т. 5, вып. 1, 1941, стр. 178.

⁶ См. О. Г. Гедова. Говор с. Катагоши, автореф. канд. диссерт. М., 1952, стр. 7.

⁷ См. С. С. Высотский. О говоре д. Лека.—Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М.-Л, 1949, стр. 48—49.

перед предударным [е], соответствующим как [ъ], [е], так и [ё], и остаются мягкими перед [е] из [а]. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что в период отвердения согласных в этом говоре различались предударные [е] (из ь, е, ё) и [а]. Отсутствие отвердения согласных перед ударенным [е] (из ё) в большинстве говоров, знающих это явление, свидетельствует о том, что утрата гласного [ё], как особой фонемы, и совпадение его с [е] произошли в этих говорах после отвердения согласных перед гласным [е] (не из ё). Наряду с этим имеются отдельные говоры, в которых представлено обратное соотношение явлений: сначала гласный [ё] совпал с [е], а затем согласные отвердели перед [е] любого происхождения (ср. упомянутый выше говор Ломоносовского р-на Ленинградской обл.).

Первопричина отвердения согласных перед гласным [е] — неясна. Некоторые ученые предполагают здесь иноязычное влияние. На вопрос, почему согласные отвердели только перед [е], можно ответить следующим образом. Заметим, прежде всего, что отвердение могло происходить лишь перед гласными неверхнего и верхне-среднего подъема. Перед [ё], [и] отвердение не происходило, так как высокая артикуляция, характерная для этих гласных, делала устойчивой палatalность предшествующих согласных. Что же касается гласных неверхнего подъема, то отвердение согласных только перед [е] следует связать с тем, что в этом положении мягкость парных согласных не несет смыслоразличительного значения. Отвердение согласных перед [а], [о] могло привести к затмению значения соответствующих слов (ср. в'ал — вах, в'ол — вол). Отвердение же согласных перед [е] не вносит принципиальных изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных, так как положение перед [е] остается таким, в котором согласные по твердости-мягкости, как и до отвердения, не противопоставляются. Чаще всего твердость согласных перед [е] проведена непоследовательно и должна рассматриваться как факультативная.

В некоторых северновеликорусских говорах, а также в говорах на западе южновеликорусской территории и в примыкающих переходных говорах возможность произношения твердых зубных и губных согласных перед [е] осуществляется за счет образования некоторых форм прилагательных и существительных ж. р. твердой разновидности с помощью окончания-ей: голубéй, слéпéй, воронéй — Петроз. (Мат. в-р IV, 30); худéй — Вытег. (там же, II, 22); косéй, тупéй, золотéй, грозéй, веснéй, со мнéй — Возн. (ИЯз, С-зап., 113, 114); ат мыладéй, ат элéй, сырéй травы, аднéй каровы, у клыдавéй — Мещ. (Мат. в-р, XI, 150, 267; Черныш. 70, стр. 153, 32, 37); ат' аднéй, с аднéй — Мцен. (Мат. в-р, XI, 188); с тэю, с аднéю — Елец. (там же, II, 21); раднéй систры, маладéй сястрé, тэй бáбя — Лив. (там же, II, 26); то же в Брян. (там же, X, 77) и т. д. В этих говорах твердость согласных перед флексивным [е] следует рассматривать как морфологический признак данной формы, а не как явление фонетическое. Но в то же время в этих говорах образуется и известная противопоставленность твердых и мягких согласных перед [е]. Ср. б'ей — голубéй, п'ей — слéпéй, о н'ей — воронéй и т. д.

Различие в ряде гласных [е] — [э] связано со степенью палatalизации предшествующего согласного и аналогично различию в паре гласных [и] — [ы].

Говоря об отвердении согласных, нельзя не упомянуть о том, что в отдельных говорах отвердевшие согласные произносятся не только

перед [е], но и перед [и] (имеем ввиду этимологическое [и]). Таковы говоры д. Лека¹, с. Пустоши². Случай полутвердости согласных перед [и] следует, вероятно, рассматривать как вторичные в сравнении с отвердением согласных перед [е].

§ 13. Перед [ё]. В тех говорах, где на месте этимологического [ё] существует особая фонема, перед нею парные согласные, будучи всегда мягкими, по твердости-мягкости не различаются: *л'ёс, на войн'ё, н'ёт, р'ёзать с'ёрый, пос'ёв, т'ёло, д'ёло, м'ёра, в'ёра, б'ёлыи*.

§ 14. Анализ различения твердых и мягких согласных перед ударенным гласным позволяет сделать следующие выводы. Общим для современного языка, включая говоры, является различение твердых и мягких зубных согласных перед [й(ы)] [ў], [ó], [á], входящими как в состав основ, так и флексий, и различение твердых и мягких губных согласных перед [й (ы)], [б], [á]. В литературном языке и большей части говоров зубные и губные согласные не противопоставлены по твердости-мягкости перед [ё], а губные согласные также и перед [ў].

Содержание противопоставления твердых и мягких согласных перед перечисленными гласными, степень его яркости по словам неодинаковы в зависимости от осуществления в соответствующих говорах тех или иных процессов в области ударенного вокализма, с одной стороны, и в области морфологической системы, с другой. При этом названные процессы не только могут расширить или сузить противопоставленность твердых и мягких согласных перед указанными гласными, но и обусловить различение или неразличение твердых и мягких согласных в новом положении. Так, благодаря наличию некоторых морфологических особенностей по словам появляется различение твердых и мягких губных перед [ў], элементы различения твердых и мягких согласных перед [ё]. Благодаря особенностям системы ударенного вокализма в говорах имеет место дополнительное еще одно положение, в котором согласные по твердости-мягкости не различаются, а именно — положение перед гласным [ё]. Сочетание особенностей системы ударенного вокализма с действием морфологической аналогии обуславливает различение твердых и мягких согласных перед [б].

Б. ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ПЕРЕД БЕЗУДАРНЫМИ ГЛАСНЫМИ

§ 15. До тех пор, пока безударное положение не стало слабым положением для гласных фонем, твердые и мягкие согласные находились с безударными гласными в тех же отношениях, что и с ударенными. Отношения эти характеризовались взаимной независимостью твердых-мягких согласных и последующих гласных [а], [ў], [и (ы)]. Что касается гласного [о], то он мог сочетаться только с предшествующим твердым согласным, гласные [е], [ё] — только с мягким. Подобные отношения особенно ощутимо были нарушены в эпоху после падения редуцированных в связи с изменением [е] в [о] и развитием аканья. С осуществлением этих процессов в разных безударных слогах складывалась неодинаковая система гласных, отличная от системы гласных ударенных слогов. При этом системы гласных безударных слогов обычно были неодинаковы после твердых и после мягких согласных, а по словам — в зависимости от

¹ С. С. Высотский. Ук. соч., стр. 47.

² См. Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора с. Пустоши.— ИОРЯС, XVIII, вып. 4, стр. 332.

твёрдости-мягкости последующего согласного, а также качества гласного под ударением. Попытаемся на материале акающих, а затем и окающих говоров выяснить взаимоотношения твёрдых-мягких согласных с безударными гласными.

1. Твердые и мягкие согласные перед безударными гласными в акающих говорах

1. Твердые и мягкие согласные перед гласными первого предударного слога

§ 16. Литературное произношение. Как известно, литературное произношение характеризуется тем, что в первом предударном слоге после твёрдых согласных представлены гласные [ы], [у], [а], после мягких — [и^е], [у], [и]. Таким образом, система гласных фонем первого предударного слога складывается на основе различия двух степеней подъёма, а не трех, как это имеет место в слоге под ударением.

Несмотря на то, что гласные [и^е], [а] являются гласными разного подъёма, с фонологической точки зрения они должны быть квалифицированы как представители одной гласной фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге. Это обусловлено тем, что гласный [и^е] после мягких согласных и гласный [а] после твёрдых противопоставлены другим предударным гласным на основе одного и того же дифференциального признака: оба эти гласных являются самыми открытыми в своем ряду: [и^е] — после мягких, [а] — после твёрдых согласных. При этом употребление [и^е] и [а] в одном положении исключено, употребление каждого из этих гласных обусловлено твёрдостью-мягкостью предшествующего согласного. Таким образом, отношения между предударными [а] и [и^е] аналогичны тем отношениям, которые существуют между [и] и [ы], т. е. оба они являются представителями одной гласной фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге. В свете всего сказанного предударные сочетания типа [та] и [ти^е] различаются твёрдостью-мягкостью согласной фонемы при тождественности гласной фонемы.

Гласные верхнего подъёма в первом предударном слоге так же, как и в ударенном, различаются на основе наличия или отсутствия лабиализации. Твёрдые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)] и [у].

Если мы сопоставим гласные фонемы предударного слога с ударенными фонемами в тех же морфемах, то увидим, что [а], [и^е] в первом предударном слоге являются эквивалентами сильных гласных фонем неверхнего подъёма, а [и (ы)], [у] — соответствующих гласных верхнего подъёма.

Различие твёрдых и мягких согласных перед предударными гласными в литературном произношении можно проиллюстрировать следующими примерами.

Перед [а: и^е]: *савóк, самá — с'и вóк, с'и лóм, пръс'и нóй; залá, за- вáл — з'и лá, з'и вáл; таскá, танýт' — т'и сáт', т'и нýт'; дамá, да- вáт' — д'и вáт'; малá — м'и лá; патóк — п'и тóк; бал'йт — б'и л'йт'; вадá — в'и дý; владéл', ламáт' — л'и дóк; рад'йт' — р'и дýт', на насú — н'и с'.*

Перед гласным [у] первого предударного слога противопоставление по твёрдости-мягкости для шумных согласных практически отсутствует, так как мягкие шумные зубные и губные могут находиться преимущественно

ственno перед [у] флексивным и суффиксальным, а это главным образом положение под ударением или заударное. Перед предударным [у] различаются по твердости и мягкости главным образом лишь согласные [л] и [р], например: *клубóк* — *л'уд'м'й*, *кл'уч'ом*, *л'уббóв'*; *рубáха* — *кр'укáми*; и лишь в отдельных случаях представлена мягкость других согласных перед предударным [у]: *т'уф'ák*, *т'уч'óк*, *с'удá* (наряду с *судá*).

Перед [и (ы)]: *сырóй* — *с'ил'н'ée*; *пр'изывáт'* — *з'имá*; *ды́мóк* — *уд'ив'ýт'*; *отмывáт'* — *м'игнúт'*; *пыл'ýт'* — *п'ил'ýт'*; *клыкáм'i* — *л'исá*; *рыч'áт'* — *кр'ичáт'*; *ныр'áт'* — *вын'имáт'*.

Во избежание повторения необходимо заметить, что для всех акающих говоров, за исключением икающих, противопоставление твердых и мягких согласных перед предударными [у], [и], а для икающих — только перед [у], иллюстрируется теми же примерами, что даны для литературного произношения.

§ 17. Еканье. В екающих говорах между твердыми и мягкими согласными с одной стороны и последующими гласными первого предударного слога, с другой, представлены отношения аналогичные тем, которые мы наблюдали в литературном произношении. При еканье в первом предударном слоге после твердых согласных произносятся [ы], [у], [а], после мягких — [и], [у], [е]. Гласные [а] и [е] представляют собой варианты одной и той же слабой гласной фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге, являясь при этом самыми открытыми гласными: [а] — после твердых, [е] — после мягких согласных. В результате в екающих говорах твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)], [у], [а:е].

При этом гласные [а:е] являются в первом предударном слоге представителями сильных фонем неверхнего подъема, гласные [и (ы)], [у] — соответствующими сильными гласными фонем верхнего подъема.

Перед [а:е]: *савóк*, *самá* — *пръс'еной*; *залá*, *завáл* — *з'евáл*, *вз'елá*; *танúт'* — *т'енýт'* и т. д.

§ 18. Сильное яканье. В говорах с сильным яканьем и недиссимилятивным аканьем в первом предударном слоге после твердых и после мягких согласных представлен одинаковый состав гласных: [и (ы)], [у], [а]. В отличие от рассмотренных выше систем предударного вокализма при сильном яканье предударная гласная фонема неверхнего подъема представлена звуком [а] не только после твердых, но и после мягких согласных. В результате в говорах этого типа твердые и мягкие согласные противопоставлены перед предударными [и (ы)], [у], [а].

Предударный гласный [а] является эквивалентом сильных гласных фонем неверхнего подъема, а гласные [и (ы)], [у] — соответствующих сильных фонем верхнего подъема.

Перед [а]: *садóк*, *пъсад'ý* — *с'адóк*, *пъс'ад'ý*; *завáл* — *з'авáл*; *т'ани* — *т'анúт'*, и т. д.

§ 19. Иканье. В икающих говорах в первом предударном слоге после твердых согласных представлены гласные [ы], [у], [а], после мягких — [и], [у]. В отличие от рассмотренных выше систем предударного вокализма при иканье в положении после мягких согласных гласные не различаются по степени подъема, их дифференциальным признаком является только наличие или отсутствие лабиализации. В положении же после твердых согласных сохраняется различие в степени подъема. Таким образом, после твердых и после мягких согласных представлены принципиально различные системы гласных. В результате перед предударными гласными неверхнего подъема в икающих говорах твердые

и мягкие согласные не различаются (в этом положении представлены только твердые согласные). Это различие представлено лишь перед предударными [и (ы)], [у].

Гласный [и] после мягких согласных соответствует не только сильной гласной фонеме верхнего подъема, но и сильным фонемам неверхнего подъема.

Перед [и (ы)]: *отсыр'ёт'* — *с'илó*, *с'ил'н'ée*, *с'ир'ёт'*, *пръс'иной*; *призыва́ть* — *з'ивáт'*, *з'имá*, *вз'илá*; *дымóк* — *уд'ивít'*, *д'илáм'i*; *отмыва́т'* — *м'исно́й*, *м'идово́й*; *пыл'йт'* — *п'ил'йт'*, *зап'иват'*, и т. д. Перед [а] — только твердые согласные: *савá*, *самá*, *залá*, *за мнóй*, *таскá*, *таскáт'*, *дамá*, *давай*, *марóз*, *махáт'*, *пан'ос*, *парóм* и т. д.

§ 20. Умеренное яканье. При умеренном яканье в первом предударном слоге после твердых согласных представлены [и (ы)], [у], [а]. После мягких согласных представлены разные системы гласных в зависимости от качества последующего согласного: перед твердыми согласными — [и], [у], [а], перед мягкими [и], [у]. Таким образом, при умеренном яканье система различения твердых-мягких согласных перед предударными гласными, находящимися в положении перед твердыми согласными, аналогична той, которая представлена при сильном яканье, т. е. твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)], [у], [а]; перед предударными гласными, находящимися в положении перед мягкими согласными, представлена та же система различения твердых и мягких согласных, что и при иканье, т. е. твердые и мягкие согласные различаются перед [и (ы)], [у], не различаясь перед [а].

При той разновидности умеренного яканья, когда перед мягкими согласными в соответствии с гласными неверхнего подъема произносится гласный [е] (не [и]), представлена несколько иная противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударными гласными в слоге перед мягкими согласными: предударные гласные различаются по степени подъема в слоге перед мягким согласным не только после твердых, но и после мягких. Ср. после твердых — [а], [ы], [у], после мягких — [е], [и], [у]. Употребление гласных [а] и [е], являющихся вариантами одной и той же слабой гласной фонемы неверхнего подъема, обусловлено качеством предшествующего согласного. В результате твердые и мягкие согласные различаются перед предударными гласными [и (ы)], [у], [а : е] в слоге перед мягкими согласными.

§ 21. Диссимилиативное яканье. В говорах с диссимилиативным аканьем и одним из типов диссимилиативного яканья в первом предударном слоге представлены разные системы гласных в зависимости от качества гласного под ударением.

Перед ударенным [а] и гласными, функционирующими так же, как ударенный гласный [а], после твердых согласных в первом предударном слоге представлены гласные [ы], [у], [ъ], после мягких — [и], [у].

Отношения, возникающие между твердыми-мягкими согласными, с одной стороны, и предударными гласными, с другой, в слоге перед ударенным [а] аналогичны тем, что представлены при икающем вокализме: твердые и мягкие согласные различаются перед верхними гласными [и (ы)], [у], не различаясь перед гласным неверхнего подъема [ъ]; перед [ъ] возможны только твердые согласные.

Перед [и (ы)]: *пр'изыва́т'* — *з'ивáт'*; *пытáть* — *ръсп'ивáт'* (=распевать, распивать); *завыва́ть* — *зав'иват'* и т. д.

Перед [ъ]: *съвá*, *звлá*, *стълá*, *дъмá*, *смълá*, *пърá*, *бъкá* и др.

Перед ударенными гласными, функционирующими как гласные верхнего подъема как после твердых, так и после мягких согласных представлен одинаковый состав гласных — [и (ы)], [а], [у]. В результате твердые и мягкие согласные становятся к предударным гласным в те же отношения, которые представлены в говорах с сильным яканьем: твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)], [у], [а].

Перед [а]: *савы* — *с'астры*, *пъс'ал'йда*; *заву* — *з'арнү*; *с табой* — *ст'аны* и т. д.

Противопоставление перед [и (ы)] иллюстрируется теми же примерами, что даны при анализе сильноякающего вокализма.

Противопоставление твердых и мягких согласных перед предударными [и (ы)] и [а] основывается на количественно разном языковом материале в зависимости от того, какой тип диссимилятивного яканья представлен в говоре. Так, при Жиздринском типе яканья гласные неверхнего подъема после мягких согласных совпадают в [и] перед ударенным [а] и в [а] перед прочими гласными. В результате противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударным [а] в этих говорах оказывается более широкой, чем перед [и (ы)]. При Донском типе яканья гласные неверхнего подъема совпадают в [а] лишь в том случае, если под ударением находятся гласные неверхнего подъема, перед прочими гласными совпадая в [и (ы)]. В таких говорах противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударным [а] значительно уже, чем перед [и (ы)]. Эти два типа диссимилятивного яканья с точки зрения противопоставленности твердых-мягких согласных перед предударными [а], [и (ы)] представляют собой две крайние точки. Другие типы диссимилятивного яканья приближаются к тому или другому из указанных типов.

В говорах с диссимилятивным яканьем и недиссимилятивным яканьем представлена та же система различения твердых-мягких согласных перед предударными гласными, что и в говорах с диссимилятивным яканьем. Разница заключается лишь в том, что в говорах с недиссимилятивным яканьем в слоге перед ударенным [а] гласным неверхнего подъема, перед которым твердые и мягкие согласные не различаются, является гласный [а], а не [ъ].

Отдельно следует остановиться на Задонской разновидности яканья архаического типа. При этом типе предударного вокализма в слоге перед ударенными гласными, функционирующими как [а], представлены гласные [и]; [у], [е] после мягких, [ы], [у], [а] (или [ъ], если яканье диссимилятивное) — после твердых согласных.

В результате оказывается, что предударные гласные различаются по степени подъема не только после твердых согласных, но и после мягких. Гласные [а | ъ] и [е] являются вариантами предударной гласной неверхнего подъема. Употребление того или иного варианта обусловлено качеством предшествующего согласного.

Таким образом, при Задонском типе яканья в слоге перед ударенным [а] твердые и мягкие согласные различаются перед предударными [и (ы)], [у], [а | ъ : е], т. е. представлена та же система различения твердых и мягких согласных перед предударными гласными, что и при яканье.

2. Твердые и мягкие согласные перед гласными второго предударного слога

§ 22. Во втором предударном слоге в акающих говорах представлены гласные [ъ], [ы], [у] после твердых согласных, [ъ], [и], [у] — после

мягких. Гласный [ъ] (среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный) и гласный [ь] (переднего ряда, верхне-среднего подъема, нелабиализованный) являются вариантами слабой фонемы неверхнего подъема во втором предударном слоге. Различие в образовании этих гласных обусловлено наличием или отсутствием палатализации предшествующего согласного. Гласные [ъ] и [ь] находятся примерно в таких же отношениях, как [и] и [ы]. Таким образом, твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласными второго предударного слога — [и (ы)], [у], [ъ : ь].

В связи с тем, что мягкие согласные известны перед [у] главным образом лишь суффиксальным и флексивным, то перед [у] второго предударного слога для зубных шумных и губных согласных противопоставленность твердых-мягких согласных практически отсутствует и ограниченно представлена для сонорных [л], [р], [н].

Гласные [ъ], [ь] являются эквивалентами сильных гласных фонем неверхнего подъема, а в некоторых говорах и верхнего подъема. При этом, если гласный [ъ] по словам может выступать представителем как сильной фонемы [и (ы)], так и [у], то гласный [ь] является эквивалентом лишь сильной фонемы [и], что прежде всего связано с отсутствием этимологического [у] после мягких согласных во втором предударном слоге.

Гласные [и (ы)], [у] во втором предударном слоге эквивалентны сильным фонемам верхнего подъема. Кроме того, гласный [у] после твердых согласных по словам может появиться в результате лабиализации гласного [ъ] и тем самым соответствовать сильным фонемам неверхнего подъема. Гласный [и] во втором предударном слоге также может представлять сильные фонемы неверхнего подъема.

Как известно, гласный [ъ] под влиянием соседних артикуляций может сближаться с [а] или [ы] (эти звуки обозначаем знаками ā и ī). Гласный [ā] наравне с [ъ] в системе гласных 2-го предударного слога функционирует как гласный неверхнего подъема, т. е. противопоставление [тъ] — [т'ъ] равно противопоставлению [тā] — [т'ъ]. Изменение же [ъ] в [ы] переводит сочетание [ты] в систему противопоставления твердых и мягких согласных перед гласным 2-го предударного слога верхнего подъема, нелабиализованным.

Перед [у]: *судахόдны́й, супаг'и́* (ср. *сапогъ*), *сумавáр, наурызув'и́к'é, тугавáты́й, тупарóм, дурач'óк, пул'ем'óт, пузыр'óм, пускар'éй, путушы́л, пупулáм, пумирлá, бугародица, мурав'éй, мужык'í, рукав'и́ца, крукав'áк; лубиной — кл'уч'евáйа; кнутов'и́ш'e.*

Перед [и (ы)]: *с'иравáты́й, с'инт'ибр'á — сыравáты́й, сынав'и́а, сыматóха; з'имавáт', з'имл'ани́и — азыр'н'иц'áт; т'иснатá, т'ишина́ — тыйпарóм; д'ир'иб'éн', — дыймавóй, дýрагóй; п'ид'ис'áт, п'итухá — пылав'и́на, пып'ир'óк; абыжралáс', быийвóй — на б'иришкú; мýслабóйка, мýлавáр — м'илавóй, м'инавáт'; атвýлак'и́т'e, выхаднóй — в'ич'ир'и́нка, в'ис'и́л'и́с'; рýд'и́л'и́с; рыбалóв — р'ида́вóй, р'исавáт'; лысавáты́й — л'исавóз, бл'иднавáты́й; нýрад'и́т — сн'игавóй, н'и́чи́во.*

Перед [ъ : ь]: *съдавóд, съхар'и́ — с'ъдавáт; зъмывáт' — з'ымавáт'; тъпарóм — ст'ир'игу́; дърахóй, дъраки́ — д'ир'иб'éн', д'ылавóй; пъмирлá, път'ише́с'т'ви́йа — п'итухá; бърано́й, бъкавóй — сб'ир'игл'и́; мълакó, мълавáр, мърав'éй, мъхамóр, мъжык'и́ — м'ыс'н'и́к'и́ м'ылавóй; въда́вóз — разв'и́л'и́ца; пръпадáл, ръкавá, ръбак'и́ — р'ида́вóй; лъшид'м'и́ — л'и́сн'и́кóм; нъва́з'и́т — сн'игавóй.*

3. Твердые и мягкие согласные перед гласными заударных слогов

§ 23. В неконечном заударном слоге в литературном языке и аналогичных в этом отношении говорах как после твердых, так и после мягких согласных представлены слабые гласные фонемы верхнего подъема — лабиализованная и нелабиализованная и слабая фонема неверхнего подъема. При этом слабая фонема неверхнего подъема выступает в варианте [ъ] после твердых согласных, и в варианте [ь] — после мягких. В результате твердые и мягкие согласные противопоставлены перед входящими в неконечный заударный слог гласными [и (ы)], [у], [ъ : ь].

По говорам противопоставление твердых и мягких согласных перед [ъ : ь] опирается на количественно разный материал. Это связано с тем, что гласный [ъ] после твердых, выступая в литературном языке как эквивалент сильных гласных фонем неверхнего подъема, в говорах может функционировать и как представитель сильных фонем верхнего подъема. В подобных говорах расширяется сфера различения твердых и мягких согласных перед заударными [ъ : ь], сужаясь соответственно перед гласными верхнего подъема (последнее широко представлено в южновеликорусских говорах).

Гласный [ъ] в неконечном заударном слоге эквивалентен не только сильным фонемам неверхнего подъема, но и сильным фонемам верхнего подъема.

Гласные [и (ы)], [у] в заударном неконечном слоге являются представителями сильных фонем верхнего подъема. Но кроме того гласный [ы] может появиться в результате изменения заударного [ъ] под влиянием соседних артикуляций.

Перед [и (ы)]: *высыпал*, *досытка* — óс'ин'йу; *кóзыч'ка*, *рóзывай* — óзира; *кóстыч'к'i*, *этыва* (род. ед.), *мáтышка* — к мáт'ир'и; *склáдыvátm*, *д'éдышка* — c'ém'd'is'yt'; *выспал's'a*, *с нáпыскъм* — výp'isat'; *вып'ил'i*; *н'ёбыла* — výb'il'i; *сломына*, *вымыта* — ým'irl'i; *с'лíввышнайа*, *д'ёвышк'i* — výv'is'il, výv'izу; *вóльсы*, *гóлыб'i*, — výgl'id'at'; *в горыд'i*, *дóрыга* — pógr'iba, *бч'ир'ид'i*; *прáзныват'*, *сóлнышка*, *нúжныва* (род. ед.), *голóдныму* — výn'isu, *прéжн'ива*, *пръшлагóд'иму*.

Перед [у]: *высушит*, *мáтушка* — bát'ushka; *д'ёдушка* — d'ád'ushka; *жóлуд'i* — výtl'унут'; *жóнушка* — n'án'ushka.

Перед [ъ : ь]: *досъта* — óс'ын'йу; *рóзъвый* — óz'vra; *выйтъш'ит'*, *этъва* — zát'ymna; *д'ёдъшка* — v'íd'vla; *сломъна*, *вымъта*, *пáсмърный* — vým'ys't'i; *сл'íвъч'ки*, *д'ёвъшка* — výv'vzу; *вóльса*, *гóлыб'i*, *в'ис'блъйу* — výgl'vд'at'; *в горыд'i*, *вýръла* — pó'rьba; *пóнъсу*, *нúднъва*, *галóднъму* — výn'ysu, *прéжн'ива*, *пръшлагóд'иму*.

В южновеликорусских и аналогичных средневеликорусских говорах система гласных заударного неконечного слога отличается от системы, рассмотренной выше, наличием гласного [ъ | ă] не только после твердых, но и после мягких согласных. Хотя употребление [ъ | ă] после мягких согласных и ограничено флексиями род. и дат. ед. прилагательных м. р., где гласный [ъ | ă] появился по аналогии с твердой разновидностью склонения, тем не менее это обстоятельство ведет к тому, что в южновеликорусских говорах в заударном неконечном слоге после мягких согласных гласные различают не две степени подъема, а три: верхний — [и (ы)], [у], верхне-средний — [ъ], средний — [ъ | ă], при этом гласные [ъ] и [ъ | ă], выступая в одном и том же положении, различают-

слова. Фонологически значимое различение трех степеней подъема в слоге после мягких согласных побуждает и гласные после твердых согласных классифицировать с точки зрения трех степеней подъема. При этом оказывается, что гласному среднего подъема, находящемуся после твердых согласных, в положении после мягких согласных соответствует гласный [ъ | ă]. Гласному же [ь], находящемуся после мягких согласных, после твердых согласных соответствия нет. В результате, в южновеликорусских говорах твердые-мягкие согласные различаются перед гласными заударного неконечного слога [и (ы)], [у], [ъ | ă], не будучи противопоставлены перед [ь]. Если учесть, что в русском языке прилагательных с основой на парный согласный мало, — а в тех, которые имеются, основа оканчивается на [н], — и что невелико количество существительных с мягкой основой, принимающих в тв. мн. безударные окончания, то станет ясно, что противопоставление твердых-мягких согласных перед гласным [ъ | ă] заударного неконечного слога основывается на ограниченном материале. Ср. *д'ёдъшка, гáдъм'и — д'áд'ъм'и; пóнъсу, нúжнъва, óкнъм'и — пр'éжнъва, бáн'зм'и; вóльсы, гóльб'и, в'ис'блъва, в'йлъм'и — рад'йт'влъм'и*.

§ 24. Система противопоставления твердых-мягких согласных перед гласными конечного заударного закрытого слога в современном литературном языке и аналогичных говорах не отличается от системы противопоставления перед гласными неконечного слога. Твердые и мягкие согласные различаются перед [и (ы)], [у], [ъ : ь]. Гласные [ъ : ь] эквивалентны не только сильным фонемам неверхнего подъема, но и сильной фонеме [и (ы)]. Гласный [и (ы)] в свою очередь в конечном заударном закрытом слоге выступает не только как представитель сильной фонемы [и (ы)]: в средневеликорусских говорах тот же гласный функционирует в качестве представителя сильных фонем неверхнего подъема. Гласный [у] является эквивалентом не только сильной фонемы [у], но и сильных фонем неверхнего подъема, что имеет место во флексиях 3 л. мн. II спр. и тв. ед. сущ. ж. р. Последнее характерно для средневеликорусских и некоторых южновеликорусских говоров.

Перед [и (ы)]: *нóсым — нóс'им, м'éс'иц; марóзым — вóз'им; в'р'еб'áтых, багáтый — плáт'им, з'áт'им, о д'éт'их; расáдый, нъ агарóдых, кáждый — м'ид'вéд'им, иéд'им; л'íпый, късалáпый — кúп'им, вып'им'; асóбых, бáбый — рúб'им; салóмый; вýмыт — пер'елóм'им; сл'íвый, нóвый — лóв'им; в' с'óлых, в'ис'óлый — вýл'им', сóл'им; вýрыт', ýтрым — юр'им; ас'íный, ўмный — кáм'им, бáн'ий, л'éтн'ий.*

Перед [у]: *вýн'есут — нóс'ут, Марјс'уй; вýв'езут, б'ар'óзуи — гр'áз'уй; вýрастут, н'ев'естуй — вýраст'ут, т'óт'уй; аб'айдуи — иэгáд'ут; л'íпуй — скр'éп'ут; с'íлуи — сóл'уй, свáл'ут и др.*

Перед [ъ : ь]: *вýсъп', м'áсъм — м'éс'иц, нóс'ыш, с лóс'ым; б'ир'óзыи — вóз'ит; л'éтъс', фáртък, балóтъм, н'ив'естый — малóт'ит, рóт'ык, гóст'ым, т'óт'ый; стáдъм, расáдъй, уродъф — с'áд'им, д'áд'ий; осóбъи, хл'éбъм, на свáд'бъх, выбъл — вýб'ыл; слóмън, вýмът, óмът, дóмъм — ўм'р, дóм'к, пáм'ит'; сл'íвък, слóвъм, в нóвъм — вýв'ыл; вóльс, гóльб', д'éлъм — д'ел'ым, пол'ым, вóл'яз; юръд, ýтръм, сóръй — вár'ит, пóгр'ьб, мóр'ым, бóр'ий; на нъс, с'énъм, ас'инъй, нúжнъй — вýн'ис, кáм'н'ым, бáн'ий, пр'éжн'ий.*

В южновеликорусских и аналогичных средневеликорусских говорах система противопоставления твердых-мягких согласных перед гласными заударного конечного закрытого слога основана на том же принципе,

что и перед гласными неконечного слога: согласные различаются по твердости-мягкости перед [и (ы)], [у], [ъ | ă], будучи только мягкими перед [ь].

Различение твердых-мягких согласных перед заударным [ъ | ă] конечного закрытого слога основано на более широком языковом материале, чем перед тем же гласным неконечного слога. Это связано с тем, что конечный закрытый слог чаще, чем неконечный является собой флексию, а заударный гласный [ъ | ă] после мягких согласных употребляется главным образом в именных и местоименных флексиях, где он явился по аналогии с твердой разновидностью склонения.

Ср. *ко́льсъм — м'ес'цъц*, *с ло́с'цъм; бра́тъм, н'ив'е́стъй, л'у́тъй — в'е́т'цър, з'а́т'цъм, т'о́т'цъй, тр'е́т'цъй; ста́дъм, агр'а́дъй, уро́дъф, кáждъй — м'едв'е́д'цъм, д'а́д'цъф; ѿтъм, сбóръй, добръй — з'о́р'цън, мор'цъм, бу́р'цъй; с'е́нъм, ас'и́нъй, ѿмнъй — д'е́н'цък, кáмн'цъм, ба́н'цъй, л'е́тн'цъй* и т. д.

Выше, при анализе противопоставления твердых-мягких согласных перед заударными гласными неконечного слога в южновеликорусских говорах, было сказано, что заударные гласные [ъ | ă] и [ь] могут различать слова. Особенно ясно это видно на материале конечного заударного слога, здесь можно подобрать ряд слов, которые различаются лишь гласными [ъ | ă] и [ь]. Ср. *по́л'цъм* (1 л. мн.) — *по́л'цъм* (тв. ед.); *мо́р'цъм* (1 л. мн.) — *мо́р'цъм* (тв. ед.); показательны также случаи *вы́рас'т'цъм* (1 л. мн.) — *го́с'т'цъм* (тв. ед.), *приголуб'цъм* (1 л. мн.) — *голуб'цъм* (тв. ед.) и др.

В некоторых южновеликорусских, а также средневеликорусских мещерских и в говорах к юго-западу от Москвы, гласный [ъ | ă] выступает в конечном закрытом слоге в соответствии с сильной фонемой [и] как в основах, так и в глагольных флексиях II спряжения. В подобных говорах расширяется сфера противопоставления твердых-мягких согласных перед заударным [ъ | ă] конечного закрытого слога, так как к этому противопоставлению подключаются случаи типа *но́с'а́к, мо́ст'а́к, м'е́р'а́н, ку́п'а́т, хо́д'а́т* и т. д.

В деревнях Порыкино и Рыжево Егорьевского района гласный [ъ | ă] представлен и в личных окончаниях I спряжения: *вы́рс'с'т'а́м, вы́д'а́т, с'а́д'а́м, бу́д'а́т*. В говорах подобного типа при наличии гласного [ъ | ă] в конечных закрытых слогах как в основах, так и в именных и местоименных флексиях гласный [ь] практически устраняется из системы гласных заударного конечного закрытого слога, а следовательно, устраивается положение, в котором твердые-мягкие согласные не различаются.

§ 25. В заударном конечном открытом слоге в литературном языке представлены гласные [ы], [у], [ъ | ă] — после твердых согласных, [и], [у], [ъ | ă], [ь] — после мягких. Согласные противопоставлены по твердости-мягкости перед [и (ы)], [у], [ъ | ă], будучи только мягкими перед [ь].

В говорах в отличие от литературного языка в заударном конечном открытом слоге может отсутствовать гласный [ь], будучи вытеснен гласными [ъ | ă] или [и]. Таким образом, по говорам гласный [ъ | ă] может выступать в формах 2 л. мн. глаголов, род. ед. сущ. ж. р. с твердой основой, местн. ед. сущ. всех родов, а также в формах без [т] 3 л. ед. глаголов. Гласный [и], в свою очередь, так же может быть представлен в формах 2 л. мн. глаголов, род. ед. сущ. ж. р. с твердой основой, местн. ед. сущ. всех родов. Приведем примеры.

Перед [ъ | ă].

В литературном языке: *м'áсъ — лóс'ъ* (род. ед.), *брóс'ъ; балóтъ — гóс'тъ, тóм'ъ, испóрт'ъ; агráдъ — д'áд'ъ, н'я глáд'ъ; с'éнъ — бáн'ъ и т. д.*

В некоторых южновеликорусских и аналогичных средневеликорусских говорах: *прóсá — прóс'á, лóс'á; рóзá, с марóз'á — э́ммарóз'á, у рóз'á, к б'ир'бóз'á; балóтá, рабóтá — малóт'á, с рабóт'á, к н'и́в'е́с'тá, ид'йт'á; агráдá, сáдá — д'áд'á, к агráд'á, хóд'á и т. д.*

В говорах, особенно южновеликорусских, гласный [ъ] в конечном открытом слоге имеет более открытое, чем в литературном языке, образование, значительно сближающее его с гласным [а].

Перед [и (ы)].

В литературном языке: *с ахóты, н'и́в'е́сты — кóс'т'и* (род. ед.), *гóс'т'и; бáбы — гóлуб'и, к прóруб'и и т. д.*

В некоторых южновеликорусских и средневеликорусских говорах: *н'и́в'е́сты* (им. мн.) — *у н'и́в'е́с'т'и, к н'и́в'е́с'т'и, кóс'т'и* (род. ед.), *гóс'т'и, ступáйт'и; бáбы* (им. мн.) — *у бáб'и, к бáб'и, к прóруб'и* и т. д.

Перед [ъ].

В литературном языке: *в м'áс'ъ, в балóт'ъ, ид'йт'ъ, в гóрьд'ъ* и т. д.

По говорам слова этого типа произносятся обычно с гласными [и] или [ъ | á] в конечном открытом слоге.

Противопоставление твердых-мягких согласных перед гласным [у] в заударном конечном открытом слоге различий по говорам не имеет. Ср.: *нóсу — лóс'у, к вóзу — кнáз'у, лéту — гóс'т'у, с'íлу — аглóб'у, м'íру — мóр'у* и т. д.

§ 26. Анализ различения твердых и мягких согласных перед безударными гласными в акающих говорах позволяет сделать некоторые выводы.

В акающих говорах во всех предударных слогах различаются не более трех слабых фонем: лабиализованная и нелабиализованная верхнего подъема и нелабиализованная неверхнего подъема. Слабая фонема неверхнего подъема может выступать в различных вариантах в зависимости от твердости-мягкости предшествующего согласного. В заударных слогах после мягких согласных могут фонологически различаться три степени подъема в связи с выделением в самостоятельную слабую фонему гласного [ъ]. Однако по говорам эта фонема очень неустойчива и вытесняется слабыми фонемами [ъ | á] и [и].

Общим для всех акающих говоров является различение твердых и мягких согласных перед гласными верхнего подъема [и], [у] любого безударного слога. Однако по говорам варьируется количественное содержание противопоставления твердых и мягких согласных перед безударными [и], [у]. Это обусловлено тем, что по говорам безударные [и], [у] могут соответствовать не только сильным фонемам верхнего подъема, но и неверхнего подъема. Ср. систему гласных первого предударного слога икающих говоров, а также систему предударных гласных слога перед мягкими согласными при умеренном яканье, и слога перед ударенным [а] при диссимилятивном яканье. Но особенно часто ударенным фонемам неверхнего подъема соответствуют гласные верхнего подъема во втором предударном слоге и в заударных слогах.

Не всем говорам русского языка свойственно различение твердых и мягких согласных перед гласным неверхнего подъема первого предударного слога. Оно отсутствует в икающих говорах, в слоге перед мягкими согласными при умеренном яканье, в слоге перед ударенным [а] при диссимилятивном яканье. При этом говоры, знающие различение твердых

и мягких согласных перед предударными гласными неверхнего подъема, варьируют качество гласного, выступающего после мягких согласных, от наиболее открытого [а] к наиболее закрытому [и [“]] через промежуточную ступень [е].

Перед гласными неверхнего подъема второго предударного и заударных слогов твердые и мягкие согласные различаются во всех говорах. Качественное содержание противопоставления твердых и мягких согласных перед этими гласными не одинаково, в зависимости от того, реализуются ли в безударных гласных неверхнего подъема только сильные фонемы неверхнего подъема или к тому же и гласные фонемы верхнего подъема.

II. Твердые и мягкие согласные перед безударными гласными в окающих говорах

1. Твердые и мягкие согласные перед гласными первого предударного слога

§ 27. Во всех окающих говорах в первом предударном слоге после твердых согласных представлен одинаковый состав гласных: [ы], [у], [о], [а].

В слоге после мягких согласных разные окающие говоры имеют различный состав гласных, что связано с неодинаковой по говорам реализацией гласных неверхнего подъема в названном положении. При этом в каждом из окающих говоров в первом предударном слоге после мягких согласных в свою очередь представлен разный состав гласных в зависимости от качества последующего согласного, его твердости или мягкости. Последнее обстоятельство побуждает отдельно рассматривать противопоставление твердых-мягких согласных перед предударными гласными, находящимися перед твердыми согласными, с одной стороны, и перед мягкими согласными, с другой.

Общим для всех окающих говоров является различие предударными гласными трех степеней подъема.

Рассмотрим противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударными гласными в некоторых типах окающих говоров.

а) Говоры, в которых в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми согласными произносятся гласные [а] (в соответствии с сильной фонемой [а]), [о] (в соответствии с сильной фонемой [е]), [е] (в соответствии с этимологическим ё), [и], [у], а перед мягкими — [а] (в соответствии с [а]), [е] (в соответствии с [е]), [и] (в соответствии с [и], ё), [у]¹.

В подобных говорах твердые и мягкие согласные противопоставлены перед предударными гласными [а], [о], [и (ы)], [у] слога перед твердыми согласными и не различаются перед [е]. Что касается слога перед мягкими согласными, то здесь твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласными [а], [и (ы)], [у], [е : о]. Предударные гласные [е] и [о], исключая друг друга в тождественной позиции, представляют собою варианты одной и той же слабой гласной фонемы среднего подъема, так как наличие или отсутствие лабиализации обусловлено в данном случае положением этих гласных после твердого или после мягкого согласного. Приведем примеры.

¹ Северновеликорусские говоры такого типа упоминаются в „Очерках русской диалектологии“ Р. И. Аванесова (см. стр. 72).

Перед твердыми согласными.

Перед [а]: *самá — пръс'анóй, за мнóй — вz'алá, танú — т'анú, давáй — въд'анóй, парóм — п'атóк, махáт' — м'аснóй, лакáт' — зыгл'ан'и́, разбóй — р'адóк, нагóй — сн'атóй.*

Перед [о]: *сóвá — с'олó, золá — з'орнó, тоскá — т'осáт', домá — д'оржáт', морóз — м'отлá, покá — нап'окý, бокá — б'орú, водá — в'олá, в носú — н'осú.*

Перед [и (ы)]: *сырóй — с'ирóтка, пр'изывáт' — з'имá, óтмывáт' — м'игáт', пылáт' — п'илá, клыкáм'и — л'исá, рыч'áт — гр'ибы, ныр'áт — вын'имáт'.*

Перед [у]: *сумá, зубáм'и, тупóй, дугá, мужýк, пухóвый, бурáн, клубóк — л'убóв', рубáха — крукам'и.*

Перед [е]: *с'едóй, д'елá, п'етóх, б'егóм, в л'есú, выр'езáт', в сн'егú.*

Перед мягкими согласными

Перед [а]: *танú — т'анú, ръздав'и́ — вод'ан'истъи́; пар'и́т — п'ат'и́, разб'и́т — р'ад'и́т' и т. д.*

Перед [и (ы)]: *сыр'éт' — с'ин'и́т', с'ир'éт'; дым'и́т' — уд'ив'и́т', д'ил'и́т'; бык'и́ — б'иг'и́; клык'и́ — л'ис'и́стый; ныр'áт' — ан'им'éт' и т. д.*

Перед [о : е]: *посол'и́т' — пос'ел'и́т', разор'и́т' — в з'ерн'é, утол'и́т' — т'ел'и́ца, мол'и́ца — м'ел'и́ (пов. накл.); бор'и́с — б'ер'и́, котом'и́ — л'ет'и́, нос'и́ — н'ес'и́ и т. д.*

Перед [у]: *клуб'и́ца — л'уб'и́т', руб'и́т' — кр'уч'óк.*

Во избежание повторения следует заметить, что для рассматриваемых далее типов окающегося вокализма противопоставленность твёрдых и мягких согласных перед предударными [и], [у] иллюстрируется теми же примерами.

б) Говоры, в которых после мягких согласных в слоге перед твердыми согласными представлены гласные [и], [у], [е], [о], [а], а перед мягкими — [и], [у], [е]. В отличие от говоров предыдущего типа здесь перед мягкими согласными эквивалентом сильной фонемы [а] является гласный [е]. В результате, в слоге перед твердыми согласными согласные различаются по твердости-мягкости перед предударными [и(ы)], [у], [о], [а], будучи только мягкими перед [е]. В слоге перед мягкими согласными согласные противопоставлены по твердости-мягкости перед [и(ы)], [у], [о : е] будучи твердыми перед [а].

Перед твердыми согласными противопоставленность твердых и мягких согласных перед [о], [а] и неразличение перед [е] иллюстрируется теми же примерами, что даны для говоров предыдущего типа. Приведем примеры на остальные случаи.

Перед мягкими согласными.

Перед [о : е]: *посол'и́т' — пос'ел'и́т'; утол'и́т' — т'ел'и́ца, т'ен'и́; мол'и́ца — м'ел'и́, м'ес'н'и́к и т. д.*

Перед [а]: *танú, ръздав'и́, разб'и́т' и т. д.*

в) Говоры, в которых после мягких согласных в слоге перед твердыми согласными представлены гласные [и], [у], [о], [а], а перед мягкими — [и], [у], [е]. Эти говоры отличаются от предшествующих тем, что гласный [о] является эквивалентом не только сильной фонемы [е] (из е, ы), но и фонемы, выступающей на месте этимологического ё.

Твердые и мягкие согласные различаются перед гласными [и(ы)], [у], [о], [а] слога перед твердыми согласными. Что касается слога перед мягкими согласными, то здесь согласные противопоставлены

по твердости-мягкости перед [и(ы)], [у], [о:е], будучи только твердыми перед [а]. См. примеры.

Перед твердыми согласными.

Перед [а]: *самá — пръс'анóй, танú — т'анú, давай — въд'анóй* и т. д.

Перед [о]: *совá — с'олó, золá — з'орнó, ломáт' — л'отáт', л'осá* и т. д.

Перед мягкими согласными.

Противопоставленность твердых и мягких согласных перед безударными гласными в этом положении иллюстрируется теми же примерами, что даны для говоров предыдущего типа.

г) Говоры, в которых после мягких согласных в слоге перед твердыми согласными представлены гласные [о] (в соответствии с сильной фонемой [е]), [е] (в соответствии с сильной фонемой [а] и этимологическим ё), [и], [у]; в слоге перед мягкими согласными — [е] (в соответствии с сильными фонемами [а], [е]), [и] (в соответствии с сильной фонемой [и] и этимологическим ё), [у].

В результате в слоге перед твердыми согласными противопоставлены по твердости-мягкости перед предударными [и(ы)], [у], [о], будучи перед [а] только твердыми, перед [е] — только мягкими.

В слоге перед мягкими согласными твердые-мягкие согласные противопоставлены перед гласными [и(ы)], [у], [о:е] и не различаются перед [а]. Приведем примеры.

Перед твердыми согласными.

Перед [о]: *совá — с'олó, тоскá — т'осáт', на носú — н'осú* и т. д.

Перед [е]: *с'едóй, пръс'енóй, вэ'елá, т'енú, д'елá, въд'енóй, п'етух, п'етóк, б'егóм, луб'енóй, м'еснóй', в л'есú, зъгл'енú, выр'езáт', р'едóк, в сн'егú, сн'етóй.*

Перед [а]: *самá, за мнóй, таскáт'.*

Положение перед мягкими согласными иллюстрируется теми же примерами, которые используются для иллюстрации аналогичного положения в говорах, рассмотренных в предыдущем разделе.

д) Говоры, в которых после мягких согласных в слоге перед твердыми согласными представлены гласные [и], [у], [а] (в соответствии с сильной фонемой [а]), [е] (в соответствии с сильной фонемой [е] и этимологическим ё), в слоге перед мягкими согласными — гласные [и], [у], [е].

В результате, в слоге перед твердыми согласными твердые и мягкие согласные различаются перед [и(ы)], [у], [о:е], [а]; в слоге перед мягкими согласными согласные различаются по твердости-мягкости перед гласными [и(ы)], [у], [о:е], будучи только твердыми перед [а].

Перед твердыми согласными.

Перед [о:е] — *совá — с'елó, золá — з'ернó, тоскá — т'емнó* и т. д.

Перед [а] — *самá — пръс'анóй, за мнóй — вэ'алá* и т. д.

Перед мягкими согласными.

Противопоставленность твердых и мягких согласных перед предударными гласными в этом положении для данного типа говоров иллюстрируется теми же примерами, что и для говоров предыдущего типа.

Систему противопоставления твердых и мягких согласных перед предударными гласными в окающих говорах можно для большей наглядности представить следующими схемами.

Тип говора	Перед тв. сога.	Перед мягк. сога.
а	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'о [±] — т'е [±] та [±] — т'а [±]	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'е [±] та [±] — т'а [±]
б	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'о [±] — т'е [±] та [±] — т'а [±]	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'е [±] та [±]
в	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'о [±] та [±] — т'а [±]	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'е [±] та [±]
г	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'о [±] — т'е [±] та [±] — т'а [±]	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'е [±] та [±]
д	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'е [±] та [±] — т'а [±]	ты [±] — т'и [±] ту [±] — т'у [±] то [±] — т'е [±] та [±]

2. Твердые и мягкие согласные перед гласными второго предударного слога

§ 28. В диалектологической литературе имеются лишь весьма неполные сведения о вокализме безударных слогов, кроме первого предударного, в окающих говорах. Особенно это касается реализации гласных неверхнего подъема после мягких согласных, т. е. явления, представляющего в окающих говорах значительную пестроту. Этот пробел в русской диалектологии обусловлен в значительной степени тем, что все имевшиеся программы для собирания диалектологических сведений не фиксировали достаточного внимания на вокализме безударных слогов (кроме первого предударного) окающих говоров. Даже в „Программе собирания сведения для составления диалектологического атласа русского языка Института русского языка АН СССР“ не предусмотрены сведения о гласных второго предударного слога после мягких согласных в окающих говорах. В результате у нас нет систематических сведений об этом разделе безударного вокализма.

При рассмотрении противопоставленности твердых и мягких согласных перед гласными безударных слогов (кроме первого предударного) мы можем пользоваться содержащимися в некоторых диалектологических статьях сведениями о безударном вокализме окающих говоров отдельных населенных пунктов, в лучшем случае районов, но не тех или иных определенных групп говоров, как это наблюдалось при анализе различия твердых и мягких согласных перед гласными первого предударного слога. Полученные на этом материале данные о различии твердых

и мягких согласных перед безударными гласными действительны только для отдельного конкретного говора, а не для группы говоров с аналогичным вокализмом, так как неизвестно, распространен ли этот вокализм во многих говорах или встречается только в данном.

§ 29. В статье П. С. Кузнецова „О безударном вокализме говоров Владимирской обл.“¹ содержатся сообщения о вокализме второго предударного слога некоторых говоров с неполным оканьем Ставровского и Кольчугинского районов Владимирской области.

В этих говорах эквивалентами сильных гласных фонем неверхнего подъема во втором предударном слоге после твердых согласных являются гласные [ъ] или [ä] („краткое а, несколько более высокого подъема, чем обычное а“²) и [у] (в результате лабиализации [ъ] в известных условиях); после мягких согласных — [а], [и], [ъ]. Автор не фиксирует внимания на реализации сильных фонем верхнего подъема во втором предударном слоге, но судя по имеющимся в тексте примерам в соответствии с сильными фонемами верхнего подъема выступают [у], [и(ы)].

Таким образом, в этих говорах так же, как и в говорах акающих, во втором предударном слоге гласные различают две степени подъема: верхний — [и], [у] и неверхний — [ъ/ä], [е], [ъ]. Гласные неверхнего подъема [ъ/ä] с одной стороны, и [е], [ъ] — с другой, в одном и том же положении друг друга взаимно исключают: [ъ/ä] употребляется только после твердых, [е], [ъ] — после мягких согласных. В результате твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласным второго предударного слога — [и(ы)], [у], [ъ/ä : е/ъ].

§ 30. В „Очерках русской диалектологии“ Р. И. Аванесов указывает на то, что в окающих говорах во втором предударном слоге после мягких согласных встречается частичное или полное совпадение гласных неверхнего подъема и приводит типовые примеры различной реализации этих гласных: *п'атакá, р'абовáтой* (или *п'етакá, р'ебовáтой*), но *до п'етровá дн'й, п'отухá; п'етакá, р'ебовáтой, до п'етровá дн'й, но — п'отухá; п'етакá, р'обовáтой, до п'етровá дн'и, но — п'итухá; п'етакá, р'ебовáтой, до п'етровá дн'и, п'етухá*³.

К сожалению, мы не можем воспользоваться в нашей работе этими сведениями, так как Р. И. Аванесов не указывает, свойственны ли подобные типы неразличения гласных неверхнего подъема лишь говорам с полным оканьем или же некоторые из них известны и говорам с не полным оканьем.

Некоторый материал, отражающий вокализм второго предударного слога как после твердых, так и после мягких согласных в одном из говоров с полным оканьем, представлен в статье О. Броха „Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда“⁴. В этом говоре во втором предударном слоге после твердых согласных различаются гласные [о], [а], [ы], [у], являющиеся эквивалентами соответствующих сильных фонем; после мягких согласных представлен различный состав гласных в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного: в слоге перед твердыми согласными гласные [и], [у], [о] (в соответ-

¹ „Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР“. Вып. 3. М., 1948.

² Там же, стр. 41.

³ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 110.

⁴ Сб. ОРЯС, 83. СПб., 1907.

ствии с сильной фонемой [е] и [ё]¹, [а] (в соответствии с сильной фонемой [а]), в слоге перед мягкими согласными — [и], [у], [е] (в соответствии с сильными фонемами [а], [е], [ё]). В результате мы имеем неодинаковые системы различения твердых и мягких согласных перед гласными второго предударного слога перед твердыми согласными, с одной стороны, и перед мягкими, с другой: в первом случае твердые и мягкие согласные противопоставлены перед [и (ы)], [у], [о], [а], во втором — перед [и (ы)], [у], [о:е], будучи только твердыми перед [а]. Иллюстрируем это не только примерами, имеющимися в статье, но в ряде случаев и реконструированными по их типу.

Перед твердыми согласными.

Перед [и (ы)]: *дымоход* — *д'иковатый*², *мыловар* — *м'иноват'*, *рыболов* — *р'исоват'*.

Перед [у]: *судоходный*, *туговат*, *дурацок*, *пузыр'ок*, *мужик'и*, *круговайка* и *кл'уч'овайка*.

Перед [о]: *соловей* — *с'онокос*, *торговат* — *т'оснот*, *дорогой* — *д'оловой*, *попроси* — *п'отуха*, *бородя* — *б'остолковый*, *воробей* — *в'оковий*, *носовой* — *с'оговий*, *ломовий* — *л'осовий*.

Перед [а]: *сапогоф*, *задавайт*, *староват*; *парохот* — *п'атоцок*.

Перед мягкими согласными.

Перед [у]: *глубина* — *кл'уч'овайка*.

Перед [о:е]: *собират* — *с'еребро*, *с'ер'еда*; *добират* — *д'ер'ев'енска*; *подр'озат* — *п'ед'ес'ат*; *б'ер'ега*, *б'ер'ег'и*, *пов'ез'она*, *св'ед'они*, *в'ез'ора*, *пр'ин'ес'она*, *н'е пособен*, (=не способен), *л'еп'отат*, *л'ес'ник'и*, *тр'ес'ет'о*.

3. Твердые и мягкие согласные перед гласными заударных слогов

§ 31. В говорах с неполным оканьем, описанным в упомянутой выше статье П. С. Кузнецова, в заударных слогах, исключая конечный открытый слог, после твердых согласных различаются гласные [ъ (а)], [ы], [у]. Гласный [ъ (а)] является эквивалентом сильных фонем неверхнего подъема; гласный [ы] является эквивалентом сильной фонемы верхнего подъема, а в конечном закрытом слоге — сильных фонем неверхнего подъема, гласный [у] соответствует сильной фонеме [у]. После мягких согласных в заударных слогах (за исключением конца слова) представлены гласные [е], [ъ] (в соответствии с сильными фонемами неверхнего подъема), [и] (в соответствии с сильными фонемами неверхнего подъема и [и]), [у].

В результате в этом говоре твердые-мягкие согласные противопоставлены перед гласными заударных слогов (исключая конец слова) [и (ы)], [у], [ъ | ы: | е]. При иллюстрации этого противопоставления в отношении реализации гласных неверхнего подъема пользуемся только примерами, данными в статье, в отношении же реализации гласных верхнего подъема привлекаем примеры, реконструированные по типу имеющихся в статье.

¹ В статье встретился пример лишь на [о] из [ё] перед твердыми согласными, на этимологическое [ё] в этом положении примера не нашлось. Однако, помня о том, что переход [ё] в [о] всегда сопровождается переходом [е] в [о] (см. С. П. Обнорский). Переход *е* в *о* в современном русском языке), делаем вывод, что гласный [о] во втором предударном слоге после мягких согласных соответствует не только сильной фонеме [ё], но и [е].

² В статье О. Броха транскрипция дается латинскими буквами, которые мы заменим буквами русского алфавита.

Перед [и(ы)]: отгáдыват' — на́д'ин'.

Перед [ъ | ă:ь | е]: рабóтъла, тұ́тъд'и, из ётъва, жóлтай, н'емы́тай, гáдъс', как сл'едъват, высъхла, г бáлъч'к'e, ф пáлъск(ом) поса́д'e, стáръва, с'йтнъва, уч'онай, солом'инай, л'он ат, зáпайн, пóтпáл — пóм'er, ўм'ир.

В конечном открытом слоге представлено по существу смешение двух систем заударных гласных: с одной стороны, система, характерная для говоров с неполным оканьем: [ъ | ă], [ы], [у] — после твердых согласных, [e] (в соответствии с сильной фонемой [e] и этимологическим ё), [и] (в соответствии с сильной фонемой [и] и этимологическим ё), [у] — после мягких; с другой, элементы заударного вокализма с полным оканьем, проявляющиеся в наличии [о] в соответствии с сильной фонемой [о] после твердых согласных и в соответствии с [e] — после мягких. В результате твердые и мягкие согласные оказываются противопоставленными не только перед заударными [ъ | ă:е], [и(ы)], [у], но и перед [о].

Перед [о]: на́до, поп'йт'то, д'éло — вр'éм'o.

Перед [и (ы)]: с'йлы — на́пъл'i, вэ'а́л'i; раздóры — бур'i свáр'иш.

Перед [у]: к вóзу — кн'а́з'у, с'йлу — оглобл'u, жéн'ш'ину — д'и-р'евн'u.

Перед [ъ | ă:е]: н'еýшта, бráта, в'óдра, нав'érна, хорбшъва, на́дъ, дéль — пóл'e.

§ 32. В говорах с полным оканьем юго-западной части Тотемского уезда в заударных слогах после твердых согласных различаются гласные [а], [о], [ы], [у], являющиеся эквивалентами соответствующих сильных фонем; лишь гласный [а] функционирует в качестве представителя сильной фонемы [о] в конечном открытом слоге во флексии род. ед. прилагательных м. р. Кроме того, в заударных слогах известен гласный [ъ] в соответствии с сильными фонемами неверхнего подъема.

После мягких согласных представлены гласные [а] (в соответствии с сильной фонемой [а]), [о] (в соответствии с сильной фонемой [ё]), [е] (в соответствии с сильной фонемой [ё]), [и], [у]. При этом различия в составе гласных в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного не наблюдается.

В результате твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласными [а], [о], [и(ы)], [у] заударных слогов и не различаются перед [е], [ъ].

В связи с тем, что реализация гласных неверхнего подъема в заударных слогах в общем очень неоднородна, мы будем иллюстрировать противопоставленность твердых и мягких согласных перед заударными гласными только примерами, имеющимися в статье О. Брука, не привлекая реконструированных по их типу.

Перед [а]: на схóдах, бáбам (дат. тв.), дóброва, худóва, зд'éланъ — прóкл'ата, п'ётл'a, пост'él'a; д'йт'атко, кóрм'ат.

Перед [о]: слáток — в'ít'ор, л'éкт'o, д'ер'ít'os'; ловок, скóвороды — двугр'íв'оной; хвóрос, скóвороды, стóроны — мóр'o; гóлот, вóлос, пóйло, н'éбуло — кóл'oш, пóл'o; вр'éм'o, слобóд'он.

Перед [у]: к нóсу — лóс'у; к вóзу, морóзу — к л'éту, пóпросту, бúдут, óт роду; к звóну — кáмн'у.

Перед [и (ы)]: кóсы, морóзы, н'iv'éstы, вóды — сморóд'ина, хóд'иш, гóн'иш, смóтр'иш.

Перед [ъ]: хлебъм, ц'еснъй, с'éнь, хóръм, шéст'еръ, гóрът, дóбръй, пóлън, д'élъм, хóлъднъ, пл'ошáтъй.

Перед [e]: *вбс'ем, погрыз'ен, на м'ис'т'e, напр'ед'ено, в'ид'ела, по'йб'ел', н'e пособ'ен, поб'mер, мам'енька, в д'ил'e, на б'ер'ек, йес-тр'еп (= ястреб), тбн'еш, кбн'ей.*

§ 33. Анализ различения твердых и мягких согласных перед безударными гласными в окающих говорах позволяет сделать следующие выводы.

Во всех окающих говорах представлены различные системы противопоставления твердых и мягких согласных перед предударными гласными в слоге перед твердыми согласными, с одной стороны, и в слоге перед мягкими согласными, с другой. Подобное различение обусловлено неодинаковой реализацией сильных гласных фонем неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного; в слоге после твердых согласных во всех окающих говорах представлен одинаковый состав гласных.

Во всех окающих говорах твердые и мягкие согласные противопоставлены перед предударными гласными верхнего подъема [и(ы)], [у]. Во многих говорах, преимущественно в слоге перед мягкими согласными, предударные гласные [e] и [o] выступают как варианты одной и той же слабой фонемы среднего подъема, так как наличие или отсутствие лабиализации в этом случае обусловлено мягкостью или твердостью предшествующего согласного (т. е. сочетания [то] и [т'e] различаются качеством согласного при тождестве гласного элемента). Перед предударным гласным [a] твердые-мягкие согласные в одной части говоров противопоставлены (главным образом в слоге перед твердыми), в другой — бывают только твердыми (главным образом в слоге перед мягкими).

Что касается остальных безударных слогов, то здесь в окающих говорах представлено два типа противопоставления твердых и мягких согласных перед безударными гласными в зависимости от системы реализации сильных гласных фонем неверхнего подъема в этих слогах. В говорах с неполным оканьем, где гласные в безударных слогах, кроме первого предударного, как и в акающих говорах, различают лишь две степени подъема, твердые и мягкие согласные противопоставлены перед гласными [и(ы)], [у], [ъ/ä: ь/е]. Говоры с полным оканьем, где не только в первом предударном, но и в остальных безударных слогах гласные различают три степени подъема, знают иную систему различения твердых и мягких согласных в данном положении. Так, в упомянутом выше говоре Тотемского уезда перед гласными второго предударного слога так же, как перед гласными первого предударного слога, представлены разные системы различения твердых и мягких согласных в слоге перед твердыми согласными, с одной стороны, и в слоге перед мягкими согласными, с другой.

§ 34. В истории языка возможны случаи, когда морфологические по своему происхождению явления вносят известные изменения в фонетическую систему и, наоборот, фонетические изменения меняют некоторые звенья морфологической системы. В применении к категории твердости-мягкости согласных нам уже приходилось сталкиваться с явлениями такого рода. Отмечалось, что распространение в результате морфологической аналогии окончания дат. ед. -у на все сущ. м. р., окончания им. мн. -а на сущ. ж. р. с основой на мягкий согласный, окончания род. мн. -ов на сущ. всех родов и т. д. расширяет возможности противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными [у], [о], [а]; отвердение губных на конце слова в некоторых говорах приводит к тому,

что существительные, оканчивающиеся на отвердевший губной, переходят в твердую разновидность склонения и т. д. Высказанное положение может быть проиллюстрировано еще рядом явлений, известных говорам русского языка и косвенно связанных с различием твердых и мягких согласных перед гласными.

В русском языке весьма ограничен круг прилагательных с мягкой основой. По своему происхождению это прилагательные, произведенные от наречий с помощью суффикса *-ын'-ь*. Исключение составляет прилагательное *синий*. В результате мягкая разновидность прилагательных всегда имеет основу, оканчивающуюся на [н]: *домашний, вчерашний, вечёрний, крайний* и т. д. Но во многих говорах, преимущественно северновеликорусских, мягкая разновидность прилагательных приравнивается к прилагательным с основой на [н] твердый. В таких говорах в формах прилагательных, исключая прилагательное *синий*, перед ударными гласными, входящими во флексию, бывают только твердые парные согласные и никогда мягкие.

Ср. *л'ишнъва* — Александ. (МДК, II, стр. 136); *вчорашиной, осенний* — Яросл. (Тихв., стр. 57); *ос'онный д'ён, в'ес'онной, в л'ётно вр'ём'a* — Пудож. (ИЯз, Б. сев., 69); *здешний, прежний, утренний, вечёрний, ранний, поздний* — Петроз. (Мат. в-р, IV, 30); *ранной, поздной, вчерашиной, крайной* — Холмогор. (там же, VIII, 80); *серёдной, нын'ешнова, крайной, послёдное, фцерашнова, последнова* — Устюж. (Белор., стр. 223); *давношней д'ёло, з'имно вр'ём'a* — Мяксин. (ИЯз, Б. сев., 605); *нон'ишиный гот, давношнайа, зд'ешний, в зал'ёташнам году* — Новос., Серед. (там же, 82, 101); *внутренних, лышнава, из Нижнава, малолётнай, домашнава, позная, лышно, лышна, верхная* — Моск. (Черныш. 68, стр. 105); *лишную, дреvных, малолётные, здешных, па давнышнаму* (в последнем случае отвердение [н] перед [и] произошло видимо под влиянием формы *давно*) — Клин. (Черныш. 75, стр. 27); *эздешнийи, дреvнай, лётная врёмя, дальную старонку, прежнийи* — Касим. (Будде, К ист., стр. 197) и др.

Однако в некоторых из перечисленных говоров мягкая разновидность прилагательных по существу не исчезла, так как в этих говорах наряду с формами прилагательных с отвердевшим [н] в основе существуют формы, в которых твердый согласный [н] смягчился под влиянием предшествующего [л']. Этот процесс смягчения происходил, видимо, тогда, когда отвердение [н'] в мягкой разновидности уже закончилось, так как вновь смягченное [н'] этому отвердению не подверглось. В результате в подобных говорах появился новый ряд прилагательных с мягкой основой; среди них были и такие, которые несли ударение на окончании, чего в прилагательных с исконно мягкой основой не бывает. Ср. *на вол'н'ом с'в'йт'e довзл'н'o, праv'ил'н'o, остал'н'и* — Пудож. (Аван. II, стр. 247; ИЯз, Б. сев., 69); *шал'н'иye, бол'н'ой, с'йл'н'o* — Заонеж. (там же, 63); *об'изат'ил'н'o, бол'н'o, н'епос'ил'н'ай* — Приоз., Каргоп. (там же, 140, 145); *вол'н'уйу, искл'уц'йт'ел'н'o, пыл'н'o, праv'ил'н'o* — Чер. (там же, 364, 366, 386); *бол'н'o, бол'н'айа, с'йл'н'o* — Тихв. (МДК, II, стр. 111); *с'йл'н'ова, бол'н'ой, с'йл'н'ой* — Весьегон. (там же, 596); *довол'н'o, мам'ентал'н'o, добровол'н'o, хм'ел'н'o* — Волох. (там же, 163, 304, 306) и т. д.

В результате появления [н'] под влиянием предшествующего [л'] существительное *лен* сближается с мягкой разновидностью склонения: *л'н'у* из *л'н'у* — Белом. (ИЯз, С-зап., 360), Весьегон. (МДК, II, стр. 151), Чер. (ИЯз, Б. сев., 366); Белоз. (МДК, II, стр. 58).

Значительно реже встречается в северновеликорусских говорах появление конечного [н'] основы в положении после твердых зубных взрывных [т], [д]: *в'йт'ор холодн'ой* — Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 63); *путьна то мать* — Ладейн. (ИЯз, С-зап., 167); *на скот'н'ем* — Серед. (там же, 82); *'йт'н'ово* — Окул. (там же, 507); *скотьней мос, дородн'ева* — Уст., Тот. (Белор., стр. 223, 240); *холонн'ий д'ён, передн'е крыл'чо* — Котел. (МДК, IX, стр. 111); *ватн'o, холодн'o* — Приоз. (ИЯз, Б. сев., 140).

Сокращение употребления мягкого согласного [н'] перед заударными гласными по говорам происходит за счет сохранения группой существительных ж. р. архаического образования на -на, вместо нового -н'a; Ср. *барышна* — Котел. (МДК, IX, стр. 112), Ржев. (МДК, VIII, стр. 27); *светилна, колоколна, конюшна, маслобойна* — Уст. (Мат. в-р, III, 28); *колокольна, швальна, купальна* — Соляв., Тот., Кадник. (Белор. стр. 223) и др.

ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ПЕРЕД СОГЛАСНЫМИ

§ 35. В результате падения редуцированных в языке образовался целый ряд неизвестных ранее сочетаний согласных. В пределах одного слова появились сочетания типа *t't* (из *t'yt'*), *t't'* (из *t'yt'*), *tt'* (из *t'yt'*), *tt* (из *t'yt'*). В пределах сочетаний неодинаковых по твердости-мягкости могли осуществляться различные ассимилятивные процессы, являющиеся как бы продолжением обозначившейся еще в общеславянском языке тенденции к тому, чтобы согласные в пределах одного сочетания были однородны в отношении твердости-мягкости. Прежде, чем обратиться непосредственно к анализу твердых и мягких согласных перед согласными, следует высказать некоторые замечания о характере имеющегося материала и прежде всего о диалектном материале. Не всякое сообщение о том или ином употреблении твердых и мягких согласных в интересующем нас положении следует принимать как безусловное, соответствующее действительности. Нередко собиратели сведений о том или ином говоре, фиксируя свое внимание лишь на явлениях диалектных, не отмечали особенностей, известных как литературному языку, так и говорам, в особенности, если эти последние не предусмотрены программой, по которой собираются сведения. Так, например, в ответах на „Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“ Института русского языка АН СССР ассимилятивное смягчение часто не обозначается. Однако это вряд ли можно принимать как свидетельство действительного отсутствия ассимилятивного смягчения. Вполне вероятно, что собиратели материала, фиксируя внимание на явлениях, предусмотренных программой, проходят мимо явлений непредусмотренных. Это же заставляет сомневаться и в достоверности обозначения ассимилятивного смягчения.

С большим доверием мы можем относиться к указаниям, содержащимся в материалах, собранных по программе Московской диалектологической комиссии и по Программе для собирания особенностей великорусских говоров 1900 г., предусматривающих произношение согласных в положении перед согласными, а также материалам описаний говоров, где такое произношение специально оговорено.

§ 36. Следует остановиться также на обозначении твердости-мягкости согласных в языке древнерусских памятников. Утрата редуцированных

в южных древнерусских говорах закончилась в основном во второй половине XII в., в северных — в первой половине XIII в. Однако на письме употребление букв ь и ѿ сохранилось до значительно более позднего времени. На конце слова ь и ѿ обозначают мягкость и твердость согласных. В середине же слова употребление ь и ѿ не всегда имеет фонетическое значение и нередко является всего лишь данью графической традиции. Особенно это относится к этимологическому употреблению букв ь и ѿ. Чаще фонетически значимым может быть неэтимологическое употребление букв, обозначающих редуцированные гласные, т. е. употребление буквы ь вместо этимологического ѿ, ѿ вместо этимологического ь или той и другой буквы в положении, никогда не звавшем редуцированного гласного. Однако и здесь не всякое написание может быть показательным. Так, мена ь и ѿ может быть результатом механического смешения букв, утративших значение определенных гласных. Следует также помнить, что мена букв ь и ѿ, особенно на конце слова, в древнерусских памятниках могла появиться как результат южнославянского влияния. Например, в Ипат. 1425 имеются написания *Игоръ* 128 об., *королъ* 147 г, 148 а, *внукъ* *володимеръ* 55 а, *онъ* *добрынъ* 54 а, *братенъ* *приѣздъ* 298 а, *солъ* 266 г, *князъ* 257 а и т. д.¹ Это графическое явление возникло на южнославянской почве, на основе проходившего там фонетического процесса отвердения полумягких. При этом в болгарских памятниках появилась тенденция писать ѿ как в соответствии с ѿ, так и с ь; в сербских же памятниках напротив возобладала буква ь. Все это следует учитывать при анализе случаев неэтимологического употребления букв ь и ѿ.

§ 37. Анализируя этимологическое употребление букв ѿ и ь после падения редуцированных, следует разделять употребление ѿ и ь в корнях и суффиксах. Эти две категории случаев необходимо разделить по следующим соображениям. Как известно, редуцированные первоначально утратились в корнях (собственно в начальном слоге тех слов, в которых слабый редуцированный не чередовался с сильным) и значительно дольше сохранились в суффиксах. Это должно было способствовать тому, что в суффиксах дольше сохранялось традиционное употребление букв ѿ и особенно ь. Но более позднее, чем в корнях, исчезновение редуцированных в суффиксах, могло оказать соответствующее влияние и на последующий звуковой вид слова. Так, если допустить, что в корнях утрата редуцированных имела место раньше, чем в суффиксах и притом, возможно хотя бы в части говоров, до окончательного развития полумягких в мягкие, то видимо согласный, находившийся перед слабым [ь] после исчезновения этого [ь] должен был утратить свою позиционную полумягкость и остаться твердым. В суффиксах редуцированные держались дольше и утратились после смягчения полумягких. Поэтому некоторые согласные, предшествующие слабому [ь] суффикса, после утраты редуцированного оставались мягкими (ср. возможность произношения по говорам *скрѣм'ный* из *скромъный* при невозможности произношения *м'ну* из *мъну*, *п'ну* из *пъну*). Этим обстоятельством может быть и объясняется последовательное сохранение буквы ь в суффиксах в памятниках вплоть до XVII в.

¹ Такого рода мена ь и ѿ, а также написание после мягких согласных вместо ожидаемых ь, ѿ, ѿ, ѿ, и — ѿ, ь, ѿ, и, наоборот, после твердых согласных — ь, ѿ, ѿ, ѿ, и встречается в русских памятниках и до падения редуцированных. Например, в ОЕ 1056, И 76, М 97, ЕПс XI в., где является результатом влияния южнославянских оригиналов.

Однако в равной степени можно допустить, что последовательное сохранение буквы *ь* в суффиксах обусловлено орфографическими правилами, которые в отношении написания суффиксов, как часто повторяющихся морфем, могли оказаться очень устойчивыми. Написания с этимологическим *ь* в суффиксах после того или иного согласного могут быть фонетически показательными в том случае, если эти написания встречаются в сочетании с пропуском *ь* или употреблением буквы *ъ* вместо этимологического *ь* в аналогичных суффиксах, но после других согласных. Примером может явиться *Повесть о разорении Рязани* (около XVI в.), где пишется *проньского, воиньскихъ, штъ црьска, резаньского, но киевское, черниговское, муромского*. Видимо в речи писца перед суф. -ск- мягкость [н'], [р'] сохранялась, а мягкость губных утратилась.

Наиболее ярко свидетельствуют об отвердении согласных перед суффиксом, утратившим начальный [ь], написания с *ъ* вместо этимологического *ь*. Приведем примеры из ряда древнерусских памятников.

Суф. -*ьск-*: *жидовъ/ския* 67г (Г. Код. 1357); *Хвостовъское, Юрьевъскихъ, Елеざаровъскимъ, Василевъское, Московъскихъ, изъ Московъскихъ, Малаховъское, Костянтиновъское, Островъское, Михалевъское, Домантовъское, Ивановъское, Дмитровъское, Звѣрковъское, Борисовъское, Милолюбъский, Кузовъская, Ослебящевъское, Остафьевъское, Петровъское, Фроловъское, Оньдрѣевъское, Переяславъскихъ, Гордошевъскими, но — Орининъское, Копотенъское, Звенигородъскиъ, Фоминъское, Добрятинъская, Коломенъскиъ, Устьмеръско, Ходынъский, Кузмыдемъяньское, Глинъско, Рѣпинъское, Напрудъское, Луцинъское, Дѣунинъское, Алексинъское, Сохонъскимъ, Икональская (Дух. Дм. Дон. 1389); киевъским (СлК XIV в.); адамъ/скоу 77б, содомъскы 43а (Кол. П. 1405); киевъскими 46в (Ипат. 1425); литовъскими, киевъскими (Гр. 1438); псковъского (Гр. 1463); псковъ/скихъ (Пск. суд. 1467) бесовъ/-стемъ 52 об (П 1494); крлмъскою 20об (Поуч. еп. Л. XIV в.); єговъ-ское 62, хиравимъстѣмъ, ерслмъский 112 (Паис. сб. XIV в.); зиноевъ-скую (Дв. гр. № 82); Родивоновъской, Павъловъского (Угл. гр. № 11, XV в.); римъскаа, христианъскы (Сл. зак., XVI в.); Резанъской (А. межд., XVII в.).*

Суф. -*ьн-*: *наивъныхъ* (ДЕ 1164); *предънихъ* 144 (ВСб XII в.); *снѣдъно, равъно, темъны* (ГЕ 1266); *животъныи* 16 (Пан. Е. XIII в.); *телесънаи* (Поуч. КБ XIII в.); *соутъныи* 109 (Пол. Е. 1307); *грозъна* (Ап. 1307); *бортъници* (Дух. Дм. Дон. 1389), *блудъ/но, одесъ/ную* 4 об (Пог. Ап. 1391); *праведъныи* 102а (Г. Код. 1357); *наносънао* 16, *народъныи* 56 (Арх. Л. XIII в.); *противънои* 12а (Ев. апр. XIV в.); *винъно-градъных* (Сб. гр. л. 15, XIV в.); *хресънао* 353, *зaborъна* 162, *изъ-шкрестъны* 158 (Лавр. XIV в.); *окрестъная* 82, *звѣздънына* 60а, *зимъныи* 71б, *разумъныхъ* 72а, *грѣховъ/ною* 74а, *непреступъ/нааго* 80а, *животънао* 71б, *земъ/нааго* 85а, *блого/родъныхъ* 77б (Кол. П. 1406); *постъныя* 203 (Ипат. 1425); *неверъ/ныхъ* 91 об, *праздъ/новат* 89 об, *истинъ/на* 85 об (Паис. сб. XIV в.).

Суф. -*ьств-*: *послѣдъствуетъ* 12об (Ряз. корм. 1284); *наслѣдъ-ствую* 54, 58 (Пут. Е. XIII в.); *царъство* (Пол. Е. 1307); *ятьство* (РЛА, XI, 1350); *въслѣдъствующими* 155 г, *наследъствоите* 109 в (Г. Код. 1357); *храбръствою* 169об (Лавр. XIV в.); *владъству а* 70 об (Кол. П. 1406); *родъства* (А. Межд. XVII в.).

Суф. *-ъд-*: *правъды* (ГЕ 1266); *въ правъду* 150а (Г. Код. 1357); *правъду* 163 об (Лавр. XIV в.); *правъдино*, *въ Правъдинѣ* (Угл. гр., XIX, 1572).

Суф. *-ъц-*: *рязанъци* 88 (Синод. XIII в.); *немъцемъ* (Гр. 1330); *смеъца* 425 (П 1494).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что согласные отвердевали перед суффиксами *-(ъ)ск-*, *-(ъ)н-*, *-(ъ)ств-*, *-(ъ)д-*, *-(ъ)ц-*. Утрата мягкости проходила неодинаково интенсивно в зависимости от качества самого согласного. Губные согласные наиболее рано получили тенденцию к отвердению. Так, в Духовной Дмитрия Донского 1389 г. при графическом сохранении *в* в суффиксе *-ъск-* после зубных, после губных последовательно пишется *ъ*, что может рассматриваться как свидетельство о раннем, в сравнении с зубными согласными, отвердении губных согласных перед суффиксом *-ъск-*. Довольно устойчиво сохранялась мягкость согласных [n'], [r'] перед суффиксами *-ъск-*, *-ъств-* (так, например произношение *государ'ство*, *жён'ский* встречается и в современных говорах).

После этих вводных замечаний обратимся непосредственно к вопросу о том, как вели себя твердые и мягкие согласные в сочетаниях согласных, возникших после падения редуцированных.

ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

§ 38. Перед твердыми губными, зубными и задненебными. В результате падения редуцированных губные согласные образовали с последующими твердыми согласными сочетания следующих типов: *t(ъ)t* — *в(ъ)пал*, *m(ъ)ного*, *сум(ъ)ка*, *трав(ъ)ка*; *t'(ъ)t* — *m(ъ)эда*, *m(ъ)гновение*, *m(ъ)ру*, *скром(ъ)на*, *ям(ъ)ской*, *п(ъ)су*, *п(ъ)ну*, *п(ъ)ру*, *п(ъ)хати*, *прав(ъ)да*, *ов(ъ)са*, *слав(ъ)но*, *рыб(ъ)на*, *б(ъ)рати*.

Сочетания первого типа никаким изменениям не подверглись: твердые губные в положении перед твердыми согласными не изменяли своего качества. Мягкие губные, оказавшись после падения последующего [ъ] в положении перед твердыми губными, зубными и задненебными согласными по свидетельству памятников стали твердыми. При этом, в соответствии с хронологией падения редуцированных, губные согласные раньше отвердели в тех сочетаниях, которые входят в состав корня, позже — в сочетаниях, образовавшихся на стыке корня и суффикса. Так имеющие фонетическое значение случаи написания буквы *ъ* на месте этимологического [ъ] в корнях, встречаются уже в сравнительно ранних памятниках: *омънѣ* 8 об (Пут. Е. XIII в.); *мъ/стѣ* 115 (Синод. XIII в.); *мъзду*, *мъзды* (Пол. Е. 1307); *пропъноу*, *распъноу* 146г, *распънуть* 1486, *оумъръи* 1226 (Г. Код. 1357); *Коломъну* (Гр. ИК 1327 г.); *мъгла* 10 (Сл. о полк. Иг.); *отомъстить* (А. Межд. XVII в.). Мягкие губные перед твердыми зубными¹ следующего суффикса, как было показано выше, отвердели позже, чем в корнях.

§ 39. Результатом осуществления названных процессов явилось то, что в современном языке, включая говоры, в положении перед твердыми губными, зубными и задненебными употребляются только твердые губные согласные.

Ср. *впал*, *лаптá*, *овсóм*, *всадíть*, *вломýться*, *сомнú*, *вносíть*, *мно́го*, *врач*, *тряпка*, *сумка*, *трапка*.

¹ В данном случае мы говорим только о зубных согласных в связи с тем, что нет случаев употребления суффиксов, начинающихся на твердые губные и задненебные согласные, после корней, оканчивающихся на мягкий губной согласный.

В некоторых северновеликорусских и средневеликорусских говорах мягкие губные согласные могут появляться в положении перед [с], что является результатом сохранения губными согласными мягкости, некогда полученной перед гласным [ъ] старых суффиксов *-ъск-*, *-ъств-*. Ср. *молéп'стvие*, *дúмьский*, *ямьской*, *зéмьской* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *от зéм'ства* — Медв. (ИЯз, Б. сев., 25); *сúм'ск'i*, *москóф'ск'i* — Волох. (ИЯз, С-зап., 57); *молеп'стvие* — Мур. (Мат. в-р, XI, 93); *зéмьской* — Уст. (там же, III, 28), Макар. (МДК, XII, стр. 110); *к'ироф'ск'iй*, *москóф'ск'iй* — Кумен. (ИЯз, III, 27); *зéмьскому*, *кузéмьский*, *касíмьскава уезду* — Касим. (Будде, К ист., стр. 134, 196); *новоржéвский* — Новорж. (Мат. в-р, V, 39).

В отдельных северновеликорусских говорах мягкие губные отмечены перед [н], входящим в старый суф. *-ън-*. Ср. *скróмьный* — Холмогор. (там же, VIII, 80).

Крайняя немногочисленность случаев сохранения мягкости губных перед суффиксами, утратившими [ъ], еще раз свидетельствует о том, что отвердение губных перед зубным согласным следующего суффикса проходило более интенсивно, чем отвердение зубных согласных в том же положении (см. ниже о широком распространении по говорам мягкости зубных перед названными суффиксами). В подобных говорах создается некоторая возможность противопоставления губных согласных по твердости-мягкости в положении перед твердыми зубными согласными. Ср. *молéп'стvие* — *псá*, *москóф'ский* — *офсá*, *зéм'ский* — *камá*, *скróм'ный* — *мнбго*. Противопоставление это естественно сокращается в говорах, знающих мягкий согласный [с'] в суф. *-ск-*: *москóф'с'кий*, *зéм'с'к'ий*.

§ 40. Перед мягкими губными и зубными согласными. После падения редуцированных губные согласные с последующими мягкими согласными образовали сочетания типа: *t(ъ)t'* — *в(ъ)бити*, *в(ъ)веzти*, *в(ъ)зити*, *б(ъ)дети*, *люб(ъ)ви*, *п(ъ)тица*, *лап(ъ)ти*; *t'(ъ)t'* — *в ов(ъ)се*, *п(ъ)сина*, *дерев(ъ)ня*; примера на мягкий губной перед мягким губным, в языке нет.

Данные письменных памятников, как и показания живого языка, говорят о том, что твердые губные в положении перед мягкими губными смягчались. Ср. *любьве* бс (Пол. Е. 1307); *въ вѣкы* (Гр. 1229); *любъви* (РЛА, XXV, XIII в.); *любъви* 161в (Поуч. КБ XIII в.); *любъви* 1406 (Г. Код. 1357); *любъве* 163 об, *любъви* 110 об (Пог. Ап. 1391); *въпишеть*, *въ велики* 80в, *любъве* 86а (Кол. П. 1406).

В положении же перед мягкими зубными не только твердые губные оставались твердыми, но и мягкие утрачивали мягкость. Об этом свидетельствуют случаи написания буквы ъ на месте этимологического [ъ]: *въсси* (Син. пс. 1296); *пъскова* (Суд. нов. 1471); *деревъню*, *въсѣмъ* (Угл. гр., LIV, 1525 г.).

Однако в ряде памятников встречаются написания, как бы свидетельствующие о смягчении губных перед мягкими зубными: *възлти* 84в, *възла* 55в (ГЕ 1144); *възлша* 98а, *възл* 17а (ДЕ 1164); *пърете* (Гр. 1229); *възлтъ* 142а (Пар. 1271); *възять* (ВСб XIII в.); *възлтъ* 242а (Поуч. К. Б. XIII в.); *пъризвавъ* (ГЕ 1266); *въ/се* 124, *на въ/сеи* 235, *въ/сехъ* 213, *въ/са-ко-го* 126 (Синод. XIII в.); *пътицъ*, *оумъретъ* 29об, *пъридоуть*, *пътицъ*, *мъ/рѣжа* 32 об (Пут. Е. XIII в.); *възиду* (Пол. Е. 1307); *възищеть* 60а, *пъресту/пленик* 71в, *добъръ* 776 (Кол. П. 1406); *объ/сѣдлоу* (Ипат. 1425); *кѣфъ/рѣмъ* 1, *оу/мъреть* 240 (Поуч. ЕС 1492); *въсплать* (Задон. 1470).

Подобные написания, вероятно, свидетельствуют о том, что в некоторых говорах древнерусского языка наблюдалось ассимилятивное смягчение губных согласных перед зубными.

Выше говорилось о том, что губные перед *l-epentheticum* после смягчения полумягких стали мягкими¹. Такими же они оставались и после падения редуцированных, о чем свидетельствуют частые случаи написания *ь* после губных перед *l-epentheticum* в памятниках XIV—XV вв.

§ 41. В современном языке, включая говоры, в положении перед мягкими губными, губные по твердости-мягкости не различаются, будучи в этом положении всегда мягкими. Ср. *л'уб'й*, *на тү'м'б'*, *в лам'п'*, *ап'е́ц'*, *ф'п'йлсъ*. (Очерк гр., стр. 57); *в'в'ерху* — Вожг. (ИЯз, III, 10); *л'ив'м'а* — Каш. (Смирн., стр. 76); *объме́сть* — Чемб. (Мат. в-р, XI, 229); *ип'т'ану́л'i*, *в'б'ёлам*, *из'м'ан'йл'i* — Спас. (Аван. I, стр. 185) и т. д.

Однако в литературном языке смягчение губных перед мягкими губными в настоящее время не выдерживается последовательно, возможно произношение *л'уб'й*, *в лам'п'*, *абв'ол*; в говорах отсутствие смягчения замечается главным образом на стыке приставок с основами. Ср. *объветрить* — Чемб. (Мат. в-р, XI, 228); *абв'ес'ил* — Зарайск. (Петр., стр. 31); *обм'ерить*, *обм'ирать* — Каш. у. (Смирн., стр. 70); *объветрить* — Семен. (Мат. в-р, XI, 118).

§ 42. В положении перед мягкими зубными согласными [т'], [д'], [с'], [з'], [н'], [л'], [р']] в литературном языке, как и в большей части говоров, твердые и мягкие губные не различаются, в названном положении употребляются только твердые губные согласные. Ср. *пт'ица*, *вд'ёт*, *обт'осыват*, *вз'ат*, *в оfc'е*, *о pc'е*; *мн'ё*, *д'ер'евн'a*, *з'емл'а*, *вл'ез'm*, *умр'й*, *бр'йт*.

В положении перед мягкими зубными согласными возможно произношение мягких губных лишь на стыке основы императива с окончанием 2 л. мн. или с возвратной частицей, а также на стыке двух основ: *пр'ибаf't'e*, *упр'ам'с'a*, *ни сп'ис'иф'с'a* *с'ём'd'ес'ат*. Это свидетельствует о том, что губные согласные здесь ведут себя как на конце слова, т. е. мягкие сохраняют мягкость, отличаясь от твердых. Характерно, что в говорах, знающих лишь твердые губные на конце слова, твердые губные представлены и в названных формах. Ср. *прибаfти*, *сёмдисать*, *ни упраjматься* — Моск. (Черныш., 68, стр. 45); *рассыпаться*, *ни списfся* и *ни списиfся* — Мещ. (Черныш., X, стр. 376); *сёмд'ес'ат* — Унин., Вожг. (ИЯз, III, 10, 20).

В северновеликорусских и реже в средневеликорусских говорах возможно наличие мягких губных перед [н'], но это явление лексически ограничено, оно распространяется главным образом на произношение слова *деревня*. Ср. *дерёв'н'a* — Ковж., Мякс. (ИЯз, Б. сев., 204, 199, 605, 366, 137), Каргоп. (там же, 148, 151), Вытег. (Мат. в-р, II, 22), Мур. (там же, X, 90), Кинеш. (там же, XI, 92; VIII, 66), Семен. (там же, XI, 118), Уст. у. (там же, VIII, 48), Касим. (Будде, К ист., стр. 199), Холм. (Мат. в-р, VIII, 68), Унин., Омут. (ИЯз, III, 21, 26) и др.; *хлебник*, *харчёвня* — Кинеш. (Мат. в-р, VIII, 66); *лечебница* — Мур. (там же, XI, 90), Холмогор. (там же, VIII, 80); *хлебник*, *лечебница* — Уст. (там же, III, 28); *куфnya* — Семен. (там же, XI, 118).

Мягкие губные перед *l-epentheticum* сохранились в немногих северновеликорусских говорах. Ср. *зэм'л'а* — Инсар. (там же, 231), Семен.

¹ До смягчения полумягких губных в этом положении, по мнению А. А. Шахматова, были полумягкими (см. „Очерк древнейшего периода...“, стр. 179).

(там же, 118), Казан. (там же, 92), Егор. (Шахм., стр. 212), Чучк. (Сидор., стр. 102); *земълю, дешевъле* — Холмогор. (Гранд., стр. 39); *конопълъ, вольль* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *с'п'л'у* — Тот. (Брок, стр. 87). В единичных случаях в говорах мягкие губные встречаются перед [т'], [л'], [з']: *в'д'ер'ёв'н'и* — Егор. (Шахм., стр. 212); *лáp'm'и* — Касим. (Будде, К ист., стр. 173); *в лáp'm'и и пт'йца* — Зарайск. (Петр., стр. 31); *в'з'ёт', в'з'ал* — Тот. (Брок, стр. 86). Подобное произношение перекликается с приведенными выше данными памятников, свидетельствующими о возможности смягчения губных перед мягкими зубными в древнерусском языке.

В северовеликорусских говорах мягкие губные могут выступать перед [с'], что стало возможно в результате сохранения губными мягкости перед гласным [ь] суффиксов *-ыск-*, *-ыств-* и смягчения [с] под влиянием предшествующего [ь]. Ср. *знакомъсьво* — Петроз. (Мат. в-р, V, 34); *холопъськее* — Вологод. губ. (Белор. стр. 218); *зём'с'к'ой* — Белоз. (МДК, II, стр. 58).

В тех случаях, когда мягкость губных перед зубными является не просто результатом ассимилятивного смягчения, а представляет мягкость, независимую от качества последующего согласного, можно говорить о том, что в соответствующих говорах существует известное различие твердых и мягких губных перед мягкими зубными: Ср. *вн'из—д'ер'ёв'н'и, хлопн'и—хл'ёб'н'ик, мяml'a—з'ем'л'á, пл'еск—воп'л'*.

§ 43. Перед смягченными задненебными. Сочетания губных со смягченными задненебными образовались главным образом за счет утраты гласного [ъ] в суф. *-ък-* (сочетаний „мягкие губной + ь + мягкий задненебный“ в древнерусском языке не было). Следует заметить, что наиболее ранние случаи употребления смягченных задненебных, обвязанные своим появлением морфологической аналогии, как раз отмечены в суф. *-ък-*. См. в Минее 1095 г. написание *Дъмъкъ* (дат. ед.).

У нас нет необходимого материала, на основании которого можно было бы судить о том, подверглись ли губные согласные смягчению перед смягченными задненебными после того, как утратился разъединяющий их гласный [ъ]. Вероятнее всего подобное смягчение осуществлялось. Ср. *въ Киевъ* 204г (Ипат. 1425). Выше (см. стр. 143) мы приводили примеры на употребление буквы *в* в качестве знака мягкости в исконных группах согласных в иностранных словах. Среди них есть примеры, свидетельствующие о смягчении губных перед смягченными задненебными: *параскевыгию* 23бe, *Лѣвъгитъ* 137c (ДЕ 1164); *навъгина* 202c (ЮЕ 1120). Можно думать, что это смягчение, отмеченное в ранних памятниках до завершения процесса утраты редуцированных, продолжалось и в более поздние эпохи. Его результаты сохранились и в современном языке. В положении перед смягченными задненебными губные согласные смягчаются в литературном языке и большинстве говоров, знающих мягкие губные на конце слова. Так, произношение *тр'áл'к'и, д'еф'к'и, сүм'к'и, ѹам'к'и* представлено в говорах Касим., Егор., Зарайск. (Будде, К ист., стр. 73; Мат. в-р, XI, 193; Петр., стр. 31), Спас., Чучк. (Аван. I, стр. 185; Сидор., стр. 101), Одоев., Заокск. (ИЯз, К зап. от М., 652, 662, 669), Чемб., Мокш., Иксар. (Мат. в-р, XI, 229, 230, 231), Муром. (там же, 100) и др. В тех говорах, где на конце слова губные бывают только твердыми, почти всегда отсутствует мягкость губных в положении перед смягченными задненебными. Ср. *ш'епк'и, лápк'и, у мámк'и, трапф'и* — говоры Лен-

нинградской обл. (ИЯз, С-зап., 5, 10, 22, 24, 29, 46, 173), Кировской обл. (ИЯз, III, 2, 4, 5, 20, 27), Молотовской обл. (там же, 21—23), Новг. (Мат. в-р, II, 20), Вытег., Петроз. (там же, II, 22; V, 34), Чухл., Солигал. (МДК, VIII, стр. 21), Псковской губ. (там же, стр. 3), Мещ. (Мат. в-р, XI, 150), Калужской обл. (ИЯз, К зап. от М., 637, 634, 622, 623). Воронежской губ. (Филат., стр. 287) и др.

Смягчение губных перед смягченными задненебными в говорах с отвердевшими губными на конце слова встречается редко. Оно отмечено в Калуж. (ИЯз, К зап. от М., 640), Тихв., Белоз. (МДК, II, стр. 107, 58). Обратное соотношение — отсутствие мягкости губных перед мягкими задненебными при наличии мягких губных на конце слова — отмечено в говорах Макар. и Буйск. (Мат. в-р, VIII, 120; I, 18), Полн. (ИЯз, С-зап., 79), Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 57), Дубен. (ИЯз, К зап. от М., 651), Тарус. (там же, 659).

§ 44. Перед [j]. Как известно, до падения редуцированных сочетания губных с [j] в русском языке отсутствовали. После падения редуцированных губные согласные, оказавшись в положении перед [j], смягчались, что прослеживается в правописании памятников. Ср. *выърославль* (Нов. гр. № 20, 1392); *иъѣхаша* 160 об (Лавр. XIV в.); *обыденъе* 85а (Кол. П. 1406); *въезжаютъ* (Гр. 1483); *въ кю гибели* 8 об., *въ его место* 2, 2 об. 7 (Суд. 1497); *въ яколи, въ еремьевъ, въ еловую* (Новг. ряд. XV в.); *въ ихъ* (Угл. гр. 1563); *побьется* 10, *въ іаме* (Пск. суд. XVI в.); *объять* (Сл. зак. XVI в.); *въ Ярославле* (А. Межд. XVII в.).

Аналогичное смягчение представлено в современном языке, включая большинство говоров. Для литературного языка отмечено, что смягчение губных перед [j] на стыке приставки и корня, а также предлога и следующего слова в настоящее время последовательно не выдерживается. Ср. *сем'я́, п'я́ный, моркóв'ю, об'явíт' и објавíт', објéхат'*.

По говорам отсутствие смягчения губных перед [j] обычно сопутствует неразличению твердых и мягких губных на конце слова. Твердые губные перед [j] представлены главным образом на западе русской языковой территории, в говорах южновеликорусских и переходных, реже в северновеликорусских. Ср. *крóвъю сви(я) крóвъи* — Елец. (Мат. в-р, XI, 188); *съякрóвъя* — Щигр. (Хал. 76, стр. 13); *бъю, пъю, въю, сылавъй, абъивъсъ, абъехать, пъяная* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 160); то же в говорах Жиздр. у. (МДК, VIII, стр. 8), Брян., Малоарх. (там же, III, стр. 53, 156), Вязем. (там же, II, стр. 80); в большинстве говоров Новгородской губ. губные тверды на конце слова и перед [j] (там же, III, стр. 99); то же в Порох., Холм. (Мат. в-р, XI, 175; МДК, III, стр. 54); в Осташ., Новоторж., Стар., Твер. (там же, III, стр. 69, 93; VIII, стр. 29; Черныш., 75, стр. 3); *объём, бъют, папъю* — Моск. (Черныш., 75, стр. 39; Черныш., XIII, стр. 176); *свекрóвъю, моркóвъю, крóвъю* — Костр. (Виногр., стр. 20); *мъю, мъет* — Яросл. (Мат. в-р, VIII, 59); *бъю, пъют, здорбъе, въюга, въюн* — Каш. (Смирн., стр. 80); то же в Поморье (ИЯз, Б. сев., 4) и т. д.

§ 45. Перед шипящими и [ц]. В эпоху после падения редуцированных шипящие согласные и [ц], с которыми в известных случаях столкнулись предшествующие губные согласные, были мягкими. Памятники свидетельствуют, что в этих случаях твердые губные согласные могли подвергаться ассимилятивному смягчению, а мягкие сохраняли свою мягкость. Ср. *ропъщуть* (Син. Пс. 1296); *ропъщутъ* 9 (Пол. Е. 1307); *мъ/щение* 91в, *промъчеся* 155а (Г. Код. 1357); *ропъщутъ* (Лавр. XIV в.); *къ оставшиеся* (Ск. Б. Г., XIV в.); *оувидѣвъше* 136 (Ипат. 1425).

Неясно, сразу ли подверглись отвердению мягкие губные, оказавшиеся перед мягкими шипящими в результате утраты разделявшего их гласного [ъ], т. е. в таких случаях, как, например, *въчера*, *объчина*, *бъчела*.

В современном языке, включая большинство говоров, перед шипящими и [ц] губные согласные всегда тверды. Ср. *фша*, *лапшá*, *оффчина*, *опчество* (просторечное), *оффцá*, *купцá*, *опцина*.

Очень редки по говорам случаи ассимилятивного смягчения губных перед [ч']: Ср. *ф' ч'улán'и*, *ф' часы*, *п'ч'оль*, *пъэзабыф'ч'атай* — Зарайск. (Петр., стр. 31); *кр'п'ч'e* — Льгов. (Мат. в-р, VIII, 76); *ловъчикой* — Холмогор. (там же, 80). В немногих северновеликорусских говорах произносятся мягкие губные перед [ц], входящим в состав старого суф. -*ъч-*: *купльца* — Петроз. (Мат. в-р, V, 34), Холмогор. (там же, VIII, 80), Мур. (там же, XI, 190).

§ 46. Проведенный анализ соответствующего материала показывает, что та система употребления твердых и мягких губных согласных перед согласными, которая представлена в современном языке, сложилась вскоре же после падения редуцированных. Для древнерусского языка эпохи после падения редуцированных так же, как и для современного, было характерно неразличение твердых и мягких губных в положении перед другими согласными. В современном языке перед твердыми зубными, губными и задненебными могут произноситься только твердые губные согласные; перед мягкими губными — только мягкие губные согласные. Кроме того, в этом положении могут появляться твердые губные согласные на стыке приставок и корней, предлогов и последующих слов. Перед мягкими зубными представлены твердые губные согласные. Перед мягкими задненебными и [j] в разных говорах бывают или только мягкие или только твердые губные согласные.

В древнерусском языке было шире представлено ассимилятивное смягчение губных; некоторые памятники фиксируют его перед мягкими зубными и шипящими согласными и перед *l-erentheticum*. Следы этого смягчения представлены и в отдельных современных говорах, что создает возможность различия твердых и мягких губных перед [л'] в некоторых говорах.

В немногих, преимущественно северновеликорусских говорах, известно частичное различие твердых-мягких губных согласных перед твердыми и мягкими зубными согласными, ставшее возможным в результате сохранения губными согласными мягкости перед суффиксами, начинавшимися гласным [ъ].

ЗУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

§ 47. Перед твердыми губными и задненебными согласными письменные памятники указывают на то, что мягкие зубные согласные после утраты последующего [ъ] сохранили мягкость в положении перед твердыми губными и задненебными согласными, независимо от того, входили ли последние в состав суффикса или корня. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство: в древнерусских памятниках после мягких зубных перед твердыми губными и задненебными буквa *в* часто сохраняется. Написания *свадъба*, *горъко*, *рѣдъка*, *длъка*, *татъба*, *тьма*, *боръба*, *гридъба*, *Вазъма* обычны; реже буква *в* в этом положении пропускается. Ср. *татбоу* 624 (Р. Пр. 1282); *сватбоу* 35, *безнатбе* (т. е. безъ знатьбы) 45 (Синод. XIII в.); *Кузму* 148,

Ш клаэмы 161 (Лавр. XIV в.); *во тму* (РЛА, XL, XIV в.); *татба* (Новг. гр. № 20, 1471); *писма* 4 об., *вазма* 5 об., *татбоу* 2 (Суд. 1497); *писма* XXV, *Васка* XXVIII; *деревенка* XXXVIII (Угл. гр. XVI—XVII); *о денгахъ*, *с Кузмою* (А. Межд. XVII в.) и т. д.; ъ вместо ь в этом положении встретилось в случае *соу/дъбы* (Кол. П. 1406). Написания с пропуском буквы ь типа *тма*, *о денгахъ*, *съ Кузмою* историками русского языка относились к числу не имеющих фонетического значения. Это можно считать безусловно справедливым только для более древней эпохи, но не позднейшей. Дело в том, что в некоторых современных говорах представлено отвердение зубных согласных в аналогичных положениях. В Грязовецком у. Вологодской обл. зафиксировано произношение *тотма* (*Тотьма*), *ходба*, *свадба* (МДК, III, стр. 73). Отвердевшие [с], [з] перед [м] (т. е. произношение, аналогичное тому, которое имеем в *Кузма*) встречается несколько чаще, хотя это явление и ограничено словами *письмо*, *возьму* и реже *восьмой*. Например: *писъмо*, *возмъ* Переясл.-Зал. (МДК, IX, стр. 79); *писъмо* — Унин. (ИЯз, III, 26), Егор. (Шах., стр. 211), Касим. (Мат. в-р, VIII, 47); *писъмо*, *васъмой* — Моск. (Черныш., XIII, стр. 165); *писъмо*, *вазъмъ*, *асъмнáтцать* — Вер. (Черныш., X, стр. 369, 374).

В отдельных русских говорах отмечен согласный [н] в соответствии с этимологическим [н'] перед [к] в суф. -еньк-: *дъденка*, *тётенка*, *Оленка*, *Машенка* — Егор. (МДК, III, стр. 17); *б'ёл'енк'и* *п'ерш'аточ'к'и* — Плес. (ИЯз, Б. сев., 97а); *д'ад'инка* — Дух. (МДК, II, стр. 82); *т'отенка* — Донские казаки (Сол., 68). Впрочем появление [н] твердого в данном случае можно расценивать не только как результат отвердения [н'] перед [к]: согласный [н] в суф. -еньк- мог явиться под влиянием слов с суф. -енк-, -инк- (*машенка*, под влиянием *вйшенка*).

Эти данные можно интерпретировать двояко. Можно предположить, что в древнерусском языке после падения редуцированных наметились две тенденции в произношении твердых-мягких зубных согласных перед твердыми губными и задненебными. В одних говорах древнерусского языка, видимо в большой их части, мягкие зубные сохраняли мягкость в названном положении, в других мягкие зубные перед этими согласными отвердевали. Может быть, это отвердение и отразилось в написаниях типа *Кузма*, *тма* и т. п. Однако в дальнейшем, в общевеликорусском масштабе, победила тенденция сохранения мягкости в указанном положении, а результаты отвердения сохранились лишь в немногих говорах. Но с другой стороны, случаи отвердения зубных в современных говорах в перечисленных выше случаях могут быть новообразованиями, не отражающими состояния языка в эпоху непосредственно после падения редуцированных. В таком случае и написания типа *Кузма*, *тма* и т. п. не имеют фонетического значения.

Сочетания согласного [р] с последующими твердыми губными и задненебными согласными существовали в древнерусском языке и до падения редуцированных. Наличие этих сочетаний стало возможным после смягчения полумягкого [р'] в сочетании **tъrt*. Вопрос обозначения мягкости [р'] в сочетании **tъrt* усложняется тем, что неэтимологическое употребление букв ъ и ь после [р'] было широко известно древнерусским памятникам. Оно было обусловлено стремлением писцов сочетать живое русское произношение сочетаний **tъrt*, **tъrt* со старославянским написанием. Подобное написание возникло до падения редуцированных, когда буквы ъ и ь еще не могли фигурировать в качестве знаков твердости и мягкости согласных. После падения редуцированных буквы ъ и ь постепенно при-

обрели значение знаков твердости и мягкости согласных. Но передача на письме групп **t̥rt*, **t̥rt* с неэтиологическими *т*, *ь* после плавного могла сохраниться по традиции и следовательно буквы *т*, *ь* в этом случае могли и не иметь фонетического значения.

Однако наличие [р'] в группе **t̥rt* перед губными и задненебными согласными в современных говорах позволяет думать, что древнерусские написания с *ь* после *r* в некоторых случаях имеют фонетическое значение. Ср. *перъвии*, *померъкнеть* (Пол. Е. 1307); *померъкнеть* 124а, *въстерь/гнѣте* 37а, *из це/ръкве* 98а, *почерь/пала* 146 (Г. Код. 1357); *черымно^е* 60, *истерьва* 186 об и *перво* 45, *истерьва* 179 об (Пог. Ап. 1391); *церъковь* (Моис. Е. 1355); *в веръхнемъ № 3, оу веръхъ № 112* (Дв. гр.); *отверъгу* 31 об, *растеръгнуть*, *теръплю ів* (Пут. К. XIV в.); *померъкло* (Задон. 1470); *верыгла* 29, *истеръгнить* 34 об, *померъкнеть* 162, *черымномъ* 127 об (Паис. сб. XIV в.) и т. д.

Твердые зубные перед твердыми губными и задненебными как в исконных сочетаниях, так и в тех, которые возникли в результате утраты разделявшего эти согласные гласного [ъ], естественно никаким изменениям в отношении наличия или отсутствия палatalности не подвергались.

В результате, мы можем сказать, что уже непосредственно после падения редуцированных возникло противопоставление твердых и мягких зубных согласных перед твердыми губными и задненебными согласными, так широко представленное в современном языке.

§ 48. В современном литературном языке и во всех говорах перед твердыми губными согласными противопоставлены зубные согласные [т']—[т], [д']—[д], [с']—[с], [з']—[з], [н']—[н], [р']—[р]. Ср. *свáд'ба*, *реz'ба*, *т'ма*, *воз'mу*, *п'ис'mó*, *гон'бá*, *бор'бá*, *тур'мá*—*обдыл*, *избá*, *отмыт'*, *измúч'ит'*, *столá*, *анбár* (простореч.), *вérба*, *кармáн*, *отпраv'ит'*, *бспа*, *два*, *твар'*, *звон*, *сват*.

В литературном языке нам не удается найти пример на сочетание согласного [с'] с последующим [в]. В северновеликорусских говорах подобное сочетание возможно в результате упрощения группы [ст] в суф. *-ств-в* [с] и сохранения этим [с] мягкости, полученной некогда под влиянием предшествующего гласного [ъ]. Ср. *богáс'во*—Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 57); *хл'ебопáшес'во*—Поморье (там же, 4); *цár'с'во*—Шунг. (там же, 52); *боgáс'во*, *госудár'с'ву*, *произвóс'во*—Пудож. (ИЯз, С-зап., 304); *п'йáн'с'во*, *рожес'вó*—Тихв. (МДК, II, стр. 107); *купéчес্঵о*—Уст. (Мат. в-р, III, 28); *с'ем'еys'во*—Чер. (ИЯз, Б. сев., 364); *балосьвó*, *плутос্঵ó*, *сиros্সво*, *богáс'во*—Костр. (Виногр., стр. 53) и др. В одном из говоров Холмогорского у. отмечено произношение *бс'па* (Мат. в-р, VIII, 80).

В русском литературном языке перед твердыми губными представлены согласные как [р], так и [р'], хотя последний и в очень ограниченном количестве слов. Так, в „Очерке грамматики русского литературного языка“ Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова в качестве примера на произношение [р'] перед губными приводится лишь слово *кутерьма* (стр. 56), к этому примеру можно добавить еще—*сурьма*, *тюрьма*, *борьба*.

В северновеликорусских и средневеликорусских говорах возможность различения [р] и [р'] перед твердыми губными расширена за счет сохранения [р'] старого сочетания **t̥rt*, первоначально получившего мягкость под влиянием предшествующего гласного [ъ]. В южновеликорусских говорах эта особенность почти не встречается. Приведем примеры: *п'ер'вой*, *с'ер'п*—Пришекс. (ИЯз, С-зап., 382); *в'érба*, *п'ér'вы*—Тихв.

(МДК, II, стр. 107); *ст'ёр'ва* — Белоз. (там же, стр. 58); *пёрьвой, серып* — Котел. (Мат. в-р, VIII, 76), Кадник. (там же, III, 25), Шунгин. (ИЯз, Б. сев., 52), Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80), Новоторж. (ИЯз, С-зап., 821); *нацер'пай* — Медв., Пудож. (ИЯз, Б-сев., 55, 69); *пёрьва, поцер'пнет, серып, вёрьбнова* — Твер. (Черныш., 75, стр. 3, 4, 8); *вёрьба* — Цив. (Мат. в-р, XI, 143); *п'ёр'вай, с'ер'п, в'ёр'ба* — Спас. (Аван. I, стр. 183); *вёрьба, пёрьвай, вёрьба, чёрьпала* — Касим. (Будле, К. ист., стр. 193); *серып, пёрьвай, вёрьба, чёрьпала* — Моск. (Черныш., 75, стр. 38; Черныш., 68, стр. 110); *пёрьвай, стёрьва* — Клин. (Черныш., 75, стр. 14, 27); *стёр'ва, п'ёр'въй* — Воскрес., Мож. (МДК, III, стр. 128); *пёрьвый, серып* — Чемб. (Мат. в-р, XI, 229), Серед. (ИЯз, С-зап., 82) и многие другие говоры. Согласный [p'] отмечен кроме того в случаях: *казаръмы* — Вер. (Черныш., XIII, стр. 135); *Серпухов* — Моск. (там же, стр. 165); *ущерп* — Звениг. (там же, стр. 152).

§ 49. В положении перед твердыми задненебными согласными также могут различаться зубные согласные [t'] — [т], [d'] — [д], [c'] — [с], [z'] — [з], [n'] — [н], [p'] — [р]. Ср. *д'ат'ка, Вác'ка, юр'ко, с'ер'гá, д'ен'гá, бáн'ка — ткат'*, *сказáт', горка, д'бргат', бáнка, одган'ат', рóзга*.

Во всех русских говорах известно более широкое, чем в литературном языке, противопоставление [p] — [p'] перед задненебными за счет сохранения мягкости согласным [p'] сочетания **tъrt*. Эта особенность в настоящее время по говорам охватывает разный круг лексики: более широкий в северновеликорусских говорах, менее широкий — в южновеликорусских. Ср. Олонецкая губ.: *четвёр'к, вер'х, цéр'ков', зéр'кало* — Петров. (Мат. в-р, I, 13), Вытег. (там же, II, 22), Пудож. (Аван. II, стр. 248; ИЯз. Б. сев., 116); *вер'х, зéр'кало* — Заонеж. (там же, 57). Вологодская губ. (обл.): *вер'х, четвёр'к, цéр'ков'* — Никол. (Орл., стр. 52), Волог., Тот. (Мат. в-р, X, 55); *вер'х, зéр'кало, цéр'ков'* — Вашк., Кирил., Мякс. (ИЯз, Б. сев., 207, 226, 610); *вér'х, зéр'кало* — Гряз. (Мат. в-р, V, 36), Бабаев. (Б. сев., 344). Ленинградская обл.: *вер'х, четвёр'к, цéр'ков'* — Сланц., Лом. (ИЯз, С-зап., 5, 6, 18, 26); *в'er'х, з'ёр'кало* — Петрин., Пришекс. (там же, 361, 382); *цéр'ква, зéр'кало* — Тосн. (там же, 71); *зéр'кало* — Осьм., Вытег. (там же, 20, 127). Архангельская губ. (обл.): *зéрькало, церьквенный* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *вер'х, зéр'кало, выдéр'ывајут* — Онеж. (ИЯз, Б. сев., 31). Кировская обл. (Вятская губ.): *з'ёр'кало, четвёр'к, дéр'гат', вér'хом* — Омут. (ИЯз, III, 2); *цéр'ков, верьх, зéрькало* — Нолин. (Мат. в-р, VIII, 95); *зéр'кало* — Яран. (там же, 59), Бельск. (ИЯз, III, 7); *вér'хну́й, одд'ёр'ываи́у* — Вожг. (там же, 10). Костромская губ. (обл.): *верьх, зéрькало, цéрьковь* — Макар., Буйск. (Мат. в-р, VIII, 120; I, 18). Владимирская губ. (обл.): *зéр'кало, вер'х, цéр'коф* — Покр., Мур. (там же, 10; XI, 100); *д'ёр'гъл'и* — Переясл., Зал. (МДК, IX, стр. 74). Новгородская губ. (обл.): *вер'х* — Уторг. (ИЯз, С-зап., 125), Тихв. (МДК, II, стр. 107); *вер'х, цéр'коф* — Новг., Чер. (Мат. в-р, II, 20). Псковская губ. (обл.): *вер'х, цéр'коф, з'ёр'кало, четвёр'г* — Гдов. (ИЯз, С-зап., 77, 79); *четвёр'к, д'ёр'гајем* — Пушк. (там же, 207). Калининская обл. (Тверская губ.): *вер'х, зéр'кало* — Весьегон., Пен., Брус., Новоторж. (там же, 596, 753, 804, 821, 833); *вер'х, цéр'коф, зéр'кало* — Зубц. (Мат. в-р, VIII, 60). Пензенская губ. (обл.): *цéрьковь, верьх, зéрькало* — Инсар., Чемб. (Мат. в-р, XI, 229, 231); *вирьху́, дéрьгъю́ть, цытьверьгá* — Спасск. (МДК, IX, стр. 83). Рязанская губ. (обл.): *в'ер'х, цет'вёр'к', цéр'каф* — Егор. (Шахм., стр. 211); *в'ёр'хн'ий, дéр'гънцы, цéр'ква* — Чучк. (Сидор., стр. 97); *д'ёр'гъи́ут', з'ёр'къла, цит'в'ёр'х* — Спас. (Аван., стр. 183). Молотов-

ская обл.: *в'ер'х*, *цér'кva*, *д'ér'гat'*, *з'ér'кало*, *ц'итвér'k* — Каргайск., Охан., Осин. (ИЯз., III, 21, 22, 23, 25). Московская губ. (обл.): *пérьvай*, *верых*, *цérьkva*, *четывérьk* — Моск. (Черныш., 68, стр. 98); *дérьgau* — Клин. (Черныш., 75, стр. 19). Калужская губ. (обл.): *верых* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 17); *цérьkovo* — Мед. (Мат. в-р, XI, 263); *вер'x*, *цér'kva*, *ч'итвér'x* (Толст. р-н, ИЯз., К зап. от М., 636). Тульская губ., (обл.): *в'ер'x*, *ч'итвér'x* — Алексин. (там же, 669); *цér'kaф'* — Лапт. (там же, 672); *цér'koф'*, *свér'xu*, *зér'k'ila* — Новос. (Мат. в-р, VIII, 77). Курская губ. (обл.): *в'ер'x* — Льгов. (там же, 76); *верых*, *цérьkovo* — Дмитров. (там же, XI, 125) и в других говорах.

Мягкость [r'] перед задненебными отмечена также в случаях — *кочер'gá* — Чучк. (Сидор., стр. 113), Коз. (ИЯз., К зап. от М., 624), Малин., Лопасн., Егор. (из личных наблюдений автора); *свер'kál* — Твер. (Черныш., 75, стр. 8); *kátъr'ga* — Перем. (ИЯз., К зап. от М., 643).

В результате сохранения [r'] сочетания **tъrt* по говорам расширяется возможность противопоставления [r] — [r'] перед задненебными согласными. Ср. *з'ér'кало* — *Bérkа*, *вер'x* — *pérхоть*, *pérхать*.

§ 50. Перед твердыми зубными. После падения редуцированных к сочетаниям зубных согласных с твердыми зубными, унаследованым еще из общеславянского языка (*дрозд*, *энати*, *везла*, *стыд*, *узда*, *страх*, *слово* и др.), прибавились новые. Эти новые сочетания зубных с твердыми зубными могли быть следующих типов: *t(ъ)t* — *от(ъ)тащить*, *r(ъ)ta*, *z(ъ)лой*; *t(ъ)t* — *m(ъ)ло*, *полот(ъ)но*, *ст(ъ)ру* (*простирю*), *блуд(ъ)но*, *d(ъ)раты*, *новгород(ъ)ский*, *сед(ъ)ло*, *крас(ъ)ный*, *ос(ъ)ла*, *з(ъ)одати*, *з(ъ)рети*, *желез(ъ)ный*, *рязан(ъ)ский*, *мир(ъ)ный*, *ор(ъ)ла*.

В сочетаниях типа *t(ъ)t*, однородных в отношении отсутствия палатальности, согласные оставались твердыми. Что касается сочетаний типа *t(ъ)t*, то в них мягкие зубные ассимилировались последующим твердым.

Выше говорилось, что отвердение согласных в сочетаниях, возникших после падения редуцированных, проходило раньше в корнях (в начальном слоге корня), позже и менее последовательно — на стыке корня и суффиксов. Примером раннего отвердения зубных перед твердыми зубными могут служить слова *тло* и *дно*, написание которых уже в очень ранних памятниках выступает в двух вариантах — с и с ъ: *тьло*, *тьло*, *дъно*, *дъно*. После падения редуцированных тут получилось такое сочетание согласных, которое дало одну артикуляцию [tl], [dn]: один затвор с переходом к следующему согласному путем опускания боков языка при [l] и небной занавески при [n]. Этим, видимо, и объясняется особенность правописания. Единство артикуляции, конечно, могло способствовать отвердению.

Об отражении в памятниках судьбы мягких зубных перед твердыми зубными на стыке корня и суффикса сказано выше.

Отдельно следует упомянуть о согласном [r] группы **tъrt* перед твердыми зубными. У многих ученых существовало мнение, что согласный [r] в этом положении или совсем не смягчался под влиянием предшествующего гласного [ъ], или же рано отвердел¹. Основанием для подобного утверждения явилось то обстоятельство, что русские говоры, сохранив мягкость [r'] в группе **tъrt* перед губными и задненебными, не знают ее перед твердыми зубными. Однако, если мы обратимся к древнерусским памятникам, то увидим, что в некоторых из них неэти-

¹ См. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 47; А. М. Селищев. Старославянский язык, I. М., 1951, стр. 162.

мологическая буква *ь*, которую мы принимаем за знак мягкости, пишется после *r* не только в тех случаях, когда *r* находится перед твердыми губными и задненебными согласными, но и перед твердыми зубными. Ср. *верьста* 6, *перьста* 9, *перьсты* 191, *мертьвыхъ* 166 и *перъстou*, *перъстомъ* 203 об., *жерътву* 26 об. (Дѣ. 1164); *мертьвыхъ*, *перьста* (Пол. Е. 1307); *верьста* 13, *верьстома* 16, *перьстень* 163 и *смерти* 52 об. (Пог. Ап. 1391); *деръзну* 50 (Ск. БГ XIV в.); *отверьзу* (Моис. Е. 1355); *деръзнув* 436 (Ипат. 1425). Если в ранее рассмотренных памятниках написание типа *церьковъ* мы рассматривали как отражающее мягкость согласного [r], то точно так же мы должны квалифицировать и отмеченное в тех же памятниках написание типа *отверьзу*. Подтверждение мягкости согласного [r'] группы **tъrt* перед твердыми зубными мы можем найти и в системе современных говоров в случаях так называемого, второго полногласия. То обстоятельство, что формы второго полногласия образуются с гласным [e] после [r] не только, когда [r] находится перед твердыми губными или задненебными, но и перед твердыми зубными, свидетельствует о мягкости [r] во всех этих положениях в эпоху образования форм второго полногласия; известно, что слова с [r] твердым в тех же положениях образовали полногласную форму с гласным [o] после [r] (ср. *кором*)¹. Ср. *в'ер'ох* и *з'ер'онк'и* — Порох. (Ияз. С-зап., 131); *чет'в'ер'ек*, *д'ор'ен* — Лом. (там же, 26); *шер'о-стк'и* — Дед. (там же, 238); *см'ер'отушка* — Болог. (там же, 532), Осьм. (там же, 23), Заонеж. (Ияз. Б. сев., 60); *в'ер'ох*, *скатер'отоц'ка* — Пудож. (Аван. II, стр. 248); *в'ер'ох*, *смэр'одушка*, *жер'одочка* — Тихв. (МДК, II, стр. 107); *жер'отка*, *п'ер'ест*, *п'ер'ос*, *з'ер'онышк'и*, *ска-т'ер'отка*, *см'ер'отушка* — С-зап. говоры с-в-р наречия (Грин., стр. 211—213).

Таким образом, в известный период развития русского языка [r] и [r'] в какой-то степени различались не только перед задненебными и губными, но и перед зубными согласными. Ср. *мér'(б)твых* — *r(б)та*. Однако в дальнейшем [r'] перед твердыми зубными отвердел, сохранив во многих говорах мягкость перед твердыми зубными и задненебными. Полногласные формы, образованные после отвердения [r'], перед зубными содержат гласный [o] после [r]; *д'брон* — С-зап. говоры с-в-р наречия (Грин., стр. 211).

§ 51. Отвердение зубных перед зубными согласными привело к тому, что в современном языке как литературном, так и в большинстве говоров в положении перед зубными [t], [л], [с], [з], [р], [н], [л'] употребляются только твердые зубные согласные [t], [л], [с], [з], [р], [н]. Ср. *оттацить*, *отсадить*, *трубá*, *охóтно*, *ветлá*, *оддáть*, *одзарí*, *друг*, *дно*, *подлый*, *рост*, *ссáдина*, *срок*, *соснá*, *слово*, *здáние*, *раззадóрить*, *згáчek*, *знаю*, *злой*, *ржа*, *мёрда*, *мерзáвец*, *дérну*, *орлы*, *ле́нта*, *кре-стьянство*.

В северновеликорусских говорах перед твердыми зубными в известных случаях могут произноситься мягкие зубные. Это стало возможным в связи с сохранением зубными согласными мягкости, полученной некогда в положении перед гласным [ъ] старых суффиксов *-ън-*, *-ъств-*, а также мягкости [с'] в суф. *-ъств-*, тогда же полученной под влиянием предшествующего гласного [ъ]. Ср. *ухватъный*, *завéтъный*, *морозъный* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *зилéзъныя тынья* — Касим. у. (Будде,

¹ См. об этом в статье В. Н. Сидорова „Редуцированные гласные ѿ и Ѹ в древнерусском языке XI в.“ („Тр. Ин-та языковедения“, II. М., 1953, стр. 211).

К ист., стр. 198); *цáрьство* — Уст. (Белор. стр. 220), Моск. (Черныш. 68, стр. 46); *шынкár'ство*, *бол'шин'ство* — Карелия, Янчозеро (ИЯз, Б. сев., 47); *кр'ес'ján'сво* — Медв. (там же, 24); *духов'én'сво* — Вашк. (там же, 208); *п'ján'свомат'*, *пропитóн'ство* (— пропитание) — Пудож. (там же, 73); *степéньсво*, *крестъjánьсво* — Макар. (Мат. в-р, VIII, 121); *госудáр'ство* — Никол. (Орл., стр. 51); *богáт'ство*, *цáр'ство* — Белоз. (МДК, II, стр. 58); *знакóм'ство* — Вытег. (Мат. в-р, II, 22); *срéдьсва* — Петроз. (там же, V, 34).

Не только в северновеликорусских, но и в некоторых других говорах зубные [р'], [н'] и реже [т'] могут быть представлены перед твердым согласным [с], что является результатом сохранения согласными [р'], [н'], [т'] мягкости, возникшей некогда перед гласным [ъ] суффикса -ъск-. Ср. *ф'йн'ского*, *по д'ер'ев'én'ск'и*, *јапóн'ску* — Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 57); *д'ерев'ен'ск'ий*, *жéн'ский* — Шуньг. (там же, 52), Просн., Вожг., Бел., Унин., Кумен. (ИЯз, III, 29, 9, 8, 19, 27), Волот. (ИЯз, С-зап., 235), Тихв., Пришексн., Сланц., Белоз. (там же, 321, 382, 21, 210), Брус. (там же, 808), Гдов. (там же, 77) и др.; *бáрьской*, *цáрьской*, *жéньской*, *деревéньской* — Петроз. (Мат. в-р, V, 30, 34); *беломóр'ского*, *жéн'ской* — Белом. (ИЯз, Б. сев., 3, 5, 21); *монастыр'ска*, *д'ер'ев'én'ский*, *пр'ихóд'скaja* — Медв. (там же, 24, 26); *морьской*, *деревéньской*, *двíньской*, *кóньской* — Холмогор. (Мат. в-р, VIII, 80); *бáр'ской*, *цáр'ской*, *сót'ской*, *некrúт'ской*, *деревéн'ской*, *жéн'ской* — Белоз. (МДК, II, стр. 58); *бáрьской*, *цáрьской*, *деревéньской* — Кологр. (Мат. в-р, VIII, 61), Новорож. (там же, V, 39); *цáр'ской*, *п'еch'ér'ской*, *кóньской*, *д'ир'ев'én'ской* — Егор. (Шахм., стр. 211); *деревéн'ской*, *цáр'ской*, *солдáт'ской* — Судог. (Бубр., стр. 341). В одном из говоров Московского уезда отмечено редкое для современного состояния языка произношение [р'] старого в сочетании **tъrt* перед зубным согласным *mér'tвых* (Черныш., 75, стр. 38).

В подобных говорах создается известная противопоставленность твердых и мягких зубных перед твердыми зубными согласными. Ср. *зavéт'ный* — *отношú*, *морóз'ный* — *энáю*, *госудáр'с'тво* — *ростóк*, *цáр'ский* — *барс*, *mér'tвый* — *рта*. Хотя мягкие зубные перед твердыми зубными представлены лишь в определенных морфемах, все же это дает возможность говорить о противопоставлении твердых и мягких зубных согласных: ведь мы считаем возможным говорить о различении твердых и мягких губных согласных перед [у], несмотря на то, что мягкие губные известны лишь перед флексивным [у] и то весьма ограничено.

§ 52. Перед *мягкими губными* и *зубными* согласными. После падения редуцированных к старым сочетаниям зубных согласных с последующими мягкими губными и зубными (*дверь*, *свет*, *смех*, *зверь*, *змей*, *двинуть*, *снег*, *после* и др.) прибавились новые. Новые сочетания были следующих типов: *t(ъ)t'* — *мед(ъ)ведь*, *c(ъ)мирный*, *от(ъ)вели*, *д(ъ)лина*, *p(ъ)дети*, *r(ъ)вение*, *рас(ъ)тянуть*, *воз(ъ)люби*; *t'(ъ)t'* — *t(ъ)лети*, *d(ъ)ни*, *в сед(ъ)ле*.

Мы уже говорили о том, что после смягчения полумягких в исконных сочетаниях, состоящих из твердой и последующей мягкой согласной, в том числе и в сочетаниях зубных с последующими мягкими губными и зубными, имело место ассимилятивное смягчение. Это же смягчение распространилось и на аналогичные сочетания, возникшие после падения редуцированных. Приведем примеры из памятников: *съvѣдтель* 192 (Поуч. КБ XIII в.); *безъ/vѣсти* 2 об (Арх. Л. XIII в.); *въистъb* 38 (Синод. XIII в.); *съvѣдтельствуетъ*, *ловитьvѣ*, *дверницы*, *четъверо-*

властвующую и есъмь (Пут. Е. XIII в.); *нѣсъмь дѣвигнути, съ/вершенъ* 55 (ГЕ, 1266); *въсъпещете* 266 (Пар. 1271); *изъ мертвыхъ* 158, *оусь/тать* (вспять) 212 об. (Луц. Е. XIV в.); *на сонь/мѣ* 158, *дѣ/вѣ* 169в, *жать/вѣ* 158 (Г. Код. 1357); *на сонь/мѣ* 158 (Лавр. XIV в.); *соньмище* 163 (Пог. Ап. 1391); *иаъвляютъ* (Паис. сб. XIV в.); *дѣвѣ* 766, *бесъ/мертва* 796 и *съ/мертвнаго* 86а (Кол. П. 1406); *иаъ/вена* 120, *истѣбъ* 31 (Ипат. 1425); *и съмиатисѧ* (ПА XIV в.); *съвѣта* (Сл. зак. XVI в.); *възълюби* 106 (ДЕ 1164); *възъдвигни* 60 (Пар. 1271); *зълѣ* 7в (ВСб XIII в.); *дѣнѣ/прѣ* 1, 14 (Синод. XIII в.); *мѣсътѣ* и *сълѣдѣ*, *въсълѣдѣ* 59 (Пут. Е. XIII в.); *въ пось/ледынн* 15, *вонъзи* 219 об. (Луц. Е. XIV в.); *перъстънокъ* 786, (*в тѣло перъ/стънокъ*), *проказъ/нъство* 86а (Кол. П. 1406); *съдергати* 35, *не зазъ/рите* 1, *празъ/дѣны* 55 (Сказ. БГ XIV в.); *съ серебромъ* (Нов. дан. XV в.); *съ диакомъ* З об. (Суд. 1497).

Ассимилятивное смягчение зубных перед мягкими губными и зубными подтверждается и написанием иностранных слов. Ср. *матъффа* 34 об, *власъфимию* ів. (Пут. Е. XIII в.); *дѣ/митрикъвыхъ* (Новг. гр. № 10, 1304); *матъффева* (РЛА, CXV, 1392); *теренътиевица* (Гр. 1418); *шкѣнътиевичъ* № 88, *поръфены* № 110, *левонътиевъ* № 115, *клименътиевъ* № 38, *маленътенъ* № 9 (Дв. гр.); *ортьемьев* (Угл. гр., IV, 1525); *Яньсейт* (А. Межд. XVII в.).

В памятниках имеется немало случаев отражения мягкости [р'] в сочетании **tъrt* перед мягкими зубными и губными согласными: *оскъверънища* (Сб. почу. XII в.); *перъси* 168 об (ДЕ 1164); *перъвѣ* 1 об, *оуверъзете* 44, *перъвии* 31 об (Пут. Е. XIII в.); *перъвѣши* 102 (ГЕ 1266); *черъвлѣнию* (Пол. Е. 1307); *перъстень* 104в, *йверъ/зисѧ* 124г, *оумерътвиа* 167а, *теръ/плю* 82г, *вытеръплю* там же, *черъвленою* 147г (Г. Код. 1357); *претеръпѣвъ* 151, *перъвии* 19 (Лавр. XIV в.); *йперъсти* 70а, *теръ/ни* 77а, *в пе/рѣсть* 92а, *черь/лена* а 976 (Кол. П. 1406); *свѣръзи* 401 (Ипат. 1425). В этих случаях мягкость согласного [р'] является уже позиционной, а не самостоятельной, как например в слове *перъстъ*¹. Это подтверждается также тем, что перед мягкими согласными стал смягчаться [р] сочетания **tъrt*. Ср. *на коры/мление* 9 (Суд. 1497); *корычмы* (РЛА (CLIV), 1405).

После падения редуцированных в отдельных случаях встречалось такое смягчение, при котором первый согласный сочетания, получившегося в результате падения редуцированных, в ходе ассимилятивного смягчения изменился в иной по своей основной артикуляции согласный, т. е. это было смягчение внешне, аналогичное тому, которое было в общеславянских группах [sl'], [dr'] и т. д. Характерно, что новое смягчение проходило только в тех сочетаниях, второй согласный которых мог иметь исконную мягкость. Ср. глагол *шлю*, *пошли изъ сълю:* *пошлемы моу** *свое¹* *ко свату своему а та слю свое¹ моу** (Лавр. XIV в.); *на жеребяти* *ошли* (от притяжат. прилагательного *осълы*) 122 об. (Г. Код. 1357); *челюсть* *ошли* 181 (Кол. П. 1406); *оужники* от *оузыникъ* (ПА XIV в.).

§ 53. В современном языке, включая говоры, перед мягкими губными представлены мягкие зубные согласные [т'], [д'], [с'], [з'], [р'], [н'].

¹ Впрочем, первоначально мягкость согласного [р'] в положении перед мягкими согласными была так же самостоятельна, как и перед твердыми согласными. Но когда [р'] перед твердыми согласными и в первую очередь перед зубными отвердел, сохранившийся перед мягкими согласными [р'] стал восприниматься как согласный, имеющий позиционную мягкость, тем более что с таковым часто и совпадал. С другой стороны, видимо, существование в языке ассимилятивного смягчения обусловило сохранение [р'] в названных положениях.

Ср. *пад'м'ёркай*, *д'в'ёр'и*, *пад'б'ёгл'i*, *м'ед'в'ёт'*, *ат'м'ен'ё*, *ат'м'ет'ат*, *с'м'ир'н'ёй*, *кар'м'йт'*, *сар'п'инка* — Зарайск. (Петр., стр. 33); *м'ид'в'ежёнак*, *от'п'ир* *д'в'ёр'и*, *на с'в'ёт'и*, *выз'б'ё*, *кар'м'ит'* — Егор. (Шахм., стр. 212, 220); *д'в'ер'*, *с'в'ёрху*, *с'п'арвá*, *в ыз'б'ё*, *з'б'ила*, *ръз'м'ан'ай*, *с'м'атана*, *з'в'ездá*, *сар'в'и* — Чучк. (Сидор., стр. 97, 113); *дъвёри*, *Матьвею*, *атьпирáй*, *пыдъялý рóки*, *ныклáдьбишиша*, *придъявшáть*, *атьвили*, *атьпирáца*, *пыдъяжáла*, *патьпér*, *пыдъписáл*, *атьвичáть*, *падъмéтки*, *мидъвидá*, *слизымý*, *вазъмýтia*, *съятóй*, *разъвéсь*, *зъвиря*, *съпи*, *разъбила*, *засъмиéда*, *съвéчира*, *расъпéрta*, *съвикнул*, *съ мяты* кóм, *у Ирмíлавых*, *чиrъвéняц*, *иpъвéт*, *карьмить*, *тиpъpéла* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 79); *дъвёри*, *дъвинуть*, *атьвéдать*, *чётьвирть*, *дъве*, *зъбираютъ*, *съпирвá* — Новос. (Будде, стр. 70), Моск. (Мат. в-р, VII, 77); *дъвинуть*, *подъмéтka*, *атьвéдать*, *съмирно*, *карьмить* — Елец. (там же, XI, 188); *чересь Мárьфино* — Моск. (Черныш. 68, стр. 79); *д'в'ери*, *д'в'е*, *щ'ет'в'орtой*, *с'в'ир'ёpой*, *с'м'ийбóтс'o*, *з'в'ир'*, *из'в'остка*, *с'п'ёта*, *кор'м'ат*, *кан'ф'ету* — Тот. (Брок, стр. 85); *д'в'ер'*, *т'в'ер'*, *выз'б'ё*, *з'в'ер'*, *с'п'ит*, *р'в'и* — Судог. (Бубр., стр. 337) и т. д.

Однако смягчение зубных согласных перед мягкими губными в современном литературном языке не проводится последовательно: орфоэпическим нормам не противоречит произношение *д'в'ё*, *вбат'ё*, *карм'ит'*, *ат'в'ёт'ил*, *ат'м'ёт'ил*¹. Интересно отметить, что проф. Богородицкий в своей работе 1887 г. „Курс грамматики русского языка“², рассматривая ассимилятивное смягчение в литературном языке, отметил неодинаковую склонность к смягчению зубных взрывных согласных, с одной стороны, и фрикативных, с другой. В „Таблице смягчения согласных перед следующими мягкими согласными“, помещенной в названной работе, это иллюстрируется следующими примерами: *отп'ыр*, *атф'иг'i*, *адб'ыл*, *надм'ённъй*, *д'/д*, *д'в'иnут'* и *т'в'ордъй*, *зат'м'ён'je*; *с'п'ёльй*, *с'ф'иz'ькъй*, *с'в'ет*, *с'м'ер'т'*, *с'п'ит*, *ръз'б'ер'й*, *з'з'в'ездá*, *з'з'м'еjá*.

В говорах также наряду с ассимилятивным смягчением зубных согласных перед мягкими губными известны случаи отсутствия его. Ср. *падъвиниш*, *пасъпела*, *зъбёгаю*, *васъп'итывалиc* — Моск. (Черныш., 75, стр. 39); *съмирно* — Зарайск. (Петр., стр. 32); *отъвéдать* — Егор. (Мат. в-р, XI, 133); *дъве* — Клин. у. (Черныш., 75, стр. 14); *дъвёри* — Мокш. (Мат. в-р, XI, 232); *подъвернúть*, *предъвéстник*, *стеръвéц*, *черьвáк*, *коръмíть* — Каш. (Смирн., стр. 76—78); *дъвёри*, *дъвинуть*, *съмирно* — Семен. (Мат. в-р, XI, 118); *подъмéтki* — Мышик., Казан. (там же, VIII, 78; X, 94); *возмí* — Макар., Малам. и Сарап. (там же, VIII, 79); „необъяснимое исключение видим в *d*, вместо ожидаемого *d'*, слова *t'edv'it'*“ — Тот. (Брок, стр. 85).

§ 54. В положении перед [т'], [д'], [с'], [з'], [н'] в литературном языке и говорах употребляются только мягкие зубные [т'], [д'], [с'], [з'], [р'], [н'].

Ср. *разъдилёны*, *ёзъдил*, *хрисътýньюшка*, *аджáлысты*, *гасътýньчика*, *Диминътёюшка*, *смерть*, *скáтирьти*, *сиpдюсь*, *съсякў*, *перъстинъ*, *каръзéна*, *адынé*, *к абéдьни*, *атынёс*, *придъ нёю*, *мéдьник*, *ахóтыник*, *ва сыне*, *сынивéской*, *балéзъни*, *кузъняцóв*, *двóрьнику*, *чиrънила*, *гóрьница*, *пáръня* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 10); *коc'т'm'i*, *з'д'ёшнъй*, *гар'с'т'ёй*, *з'д'ёльйут*, *иwаз'д'ёй*, *б'из'л'ён't'i*, *пар'т'áнк'i*, *п'ир'ёд'н'ий*, *гóр'н'ица* — Чучк. (Сидор., стр. 114); *с'т'есáла*, *с'т'ер'еi*, *з'д'ёлай*,

¹ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1950, стр. 7.

² См. РФВ, 1887, № 1—4.

з'д'ес', ад'з'ат'а, с'н'ех, пад'н'аца, п'ет'н'йстай, кар'т'йна, жер'д'и, кар'з'ина, двор'н'ик — Зарайск. (Петр., стр. 33); *гостьти, сестьти, гвоздьди, парьни, корьни, смерть — Каш.* (Смирн., стр. 72—79); *пад'з'емна, гор'с'т', ве́р'т'ам, кар'т'йнку, л'ас'н'ик, жыз'н' — с.* Пустынь, Пензен. обл. (Нефед., стр. 27); *эздешний, подсынёжник, дворыник — Остр.* (Мат. в-р, I, 5); *сясьти, невисьте, эздись, Аньтип, аньдел, письни, лётиней, намедни — Яросл.* (Тихв., стр. 54); *з'д'ис', з'д'слайу, драз'н'у, кар'т'йна, угас'н'ет, плот'н'ик, двор'н'ик, кор'з'ина — Тот.* (Брок, стр. 84) и т. д.

Твердые зубные перед мягкими зубными встречаются довольно редко в говорах и главным образом в положении перед [н']. Ср. *дворник, горница — Буйск., Кинеш.* (Мат. в-р, I, 18; VIII, 66), *Остр.* (там же, V, 33), *Нолин., Котел.* (там же, VIII, 68; V, 35); *скотник, огородник, родник — Орл.* (там же, V, 37); *безъдённый, эзесь, угаразъдило, сънести, разънюхать, горница, ростёроя, скасътить, хвосьтень — Каш.* (Смирн., стр. 77—79); *съниму — Семен.* (Мат. в-р, XI, 118); *перъстинь — Цив.* (там же, XI, 143); *сердитай — Моск.* (Черныш., 75, стр. 39); *в дворниках, съниму — Вер.* (Черныш., X, стр. 369, 374).

§ 55. В положении перед [л'] не все зубные согласные бывают мягкими в одинаковой степени. Мягкими перед [л'] бывают согласные [с'], [з'], [р']: *с'л'епой, с'л'едует, пос'л'е, пр'ив'ез'л'и, вбоз'л'е, ўм'ер'л'и, вът'ер'л'и* (литературное произношение); *сълизьми, возволя, съ лицата, казълятинкай — Мещ.* (Черныш., 70, стр. 20); *в'ез'л'и, в яс'л'ах — Ломон.* (ИЯз, С-зап., 26) и т. д. Отсутствие мягкости названных согласных в этом положении встречается редко: *безълесный, сълезли, сълезы, оръликный — Каш.* (Смирн., стр. 72); *полз'и — Тот.* (Брок, стр. 85).

Что касается взрывных зубных согласных перед [л'], то они в литературном языке бывают только твердыми или же имеют слабое смягчение. Например: *тла, дл'a, на в'ит'л'е* (ср. в Ипат. 1425 подълъ 120). Проф. Богородицкий в своей „Таблице смягчения согласных перед следующими согласными“ следующим образом транскрибирует слова *тля* и *для*: *т(m)л'a, д(д)л'a.*

В говорах согласные [т'], [д'] перед [л'] фиксируются главным образом работами дореволюционных лет, что может свидетельствовать о существовании в русском языке тенденции к утрате ассимилятивного смягчения в этом положении: *атылична, питля, неть-ли — Мещ.* (Черныш., 70, стр. 148); *свят'л'ичка, шут'л'ивая — Шигр.* (Хал. РПВ, 1880, № 1—2, стр. 50); *д'л'e каво и дл'най — Зарайск.* (Петр. стр. 32); *подълетёл — Егор* (Мат. в-р, XI, 133); *п'ет'л'a — Судог.* (Бур., стр. 337).

Наличие или отсутствие ассимилятивного смягчения согласных видимо обусловлено не только качеством последующего согласного, но и качеством предшествующего гласного. Если это гласный переднего ряда, то в силу артикуляционных закономерностей следующий за ним согласный уже в начальной фазе своего образования имеет в какой-то степени дополнительную среднеязычную артикуляцию, отсутствующую у согласного, следующего после гласного заднего ряда. Последующий мягкий согласный обуславливает палатальный элемент в последующие фазы образования предшествующего согласного. Таким образом, согласный, находящийся после гласных переднего ряда и перед мягким согласным, подвергается как бы двойному палатализирующему влиянию. В результате, в этом положении для некоторых согласных становится возможным ассимилятивное смягчение, затруднительное в положении после гласных

непереднего ряда и в начале слова. Примером этого является реализация [т], [д] перед [λ'] в литературном языке. Ср. *атл'ич'на*, *шутл'иц'ий*, *дл'a*, *тл'a*, *пъдл'им'ёл* и *п'ит'л'я*, *с'вим'л'ич'ёк*.

Согласный [н] перед [λ'] в пределах одного слова в русском языке встречается редко (ср. *сонливый*) и может быть только твердым.

§ 56. В положении перед [р'] твердые зубные согласные оставались твердыми, а мягкие отвердели. В результате в современном русском языке, включая говоры, в этом положении известны только твердые зубные [т], [д], [с], [з], [н]. Ср. *тр'и*, *тр'апка*, *др'ан'*, *ср'ёзат'*, *эр'ён'ие*.

§ 57. Перед задненебными согласными. В русском языке сочетания зубных согласных с задненебными, унаследованные из общеславянского языка, встречаются редко и представлены лишь сочетаниями фрикативных зубных с задненебными (*визг*, *писк*, *мозг*, *скот*, *воск*, *доска*, *таскать*). После падения редуцированных появились новые сочетания твердых и мягких зубных с твердыми задненебными. Сочетания этих согласных со смягченными задненебными появились позже, в результате изменения [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи] и появления [к'], [г'], [х'] в некоторых формах под действием морфологической аналогии. Сочетание зубных со смягченными задненебными могло быть представлено в словах иноязычного происхождения и здесь зубные подвергались ассимилятивному смягчению. Ср. *архистратига* (ЮЕ 1120); *еваньгелита* (Поуч. КБ XIII в.); *еваньгелье*, *архиеревъ* (Пут. Е. XIII в.); *аръ/хиерей* 172, *анъ/гъль* 182 (Ев. апр. XIV в.); *аръ/хикрѣбви* 213 (Луд. Е. XIV в.); *аръ/ханъгили* 786 (Кол. П. 1406); *арханъгильской* (Б. 1499); *Георгия* (Пов. о разор. XVI в.).

При анализе употребления зубных согласных перед смягченными задненебными в современном языке следует различать положение в середине слова, с одной стороны, и на стыке приставки и корня, предлога и последующего слова, с другой. В середине слова твердые зубные согласные перед смягченными задненебными остаются твердыми, мягкие зубные сохраняют свою мягкость. Ср. *тк'ом*, *скáск'и*, *рбзг'и*, *гбрк'и*, *мárк'и*, *бánк'и* — *д'ат'к'и*, *Вáс'к'и*, *Бóр'к'и*, *с'ёр'г'и*, *д'ён'г'и*, *бán'к'и*. На стыке приставки и корня, а также предлога и последующего слова зубные согласные [т], [д], [с], [з] могут подвергаться ассимилятивному смягчению. При этом фрикативные согласные оказываются более склонными к смягчению, чем взрывные. Ср. *ат'к'идáт'*, *ат'х'ýтръва*, *ад/д'/г'ибáт'*, *с'к'йнум'*, *з'г'йнум'*. Для говоров это можно проиллюстрировать следующими примерами: *атък'ида*, *ськём* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 40); *с'к'ином* — Волх. (ИЯз, С-зап., 304); *с'К'ир'илам*, *с'к'йнул*, *с'х'йтр'йл*, *с'к'йслам'и* — Зарайск. (Петр., стр. 32). В одном из говоров Грязовецкого у. Вологодской губ. отмечено смягчение зубных согласных перед [к'] и в середине слова: *колд'к'и*, *саудáт'к'e*, *скáз'к'и*, *опат'к'и* (МДК, III, стр. 73). Смягчение [н] перед [к'] зафиксировано в говорах Нижнедевицкого района — *бán'к'и* (—банки), *кален'к'и*, *д'ел'ан'к'и*, *л'ён'к'a* (Жук. стр. 215).

§ 58. Перед [j]. В результате падения редуцированных в русском языке стали возможны сочетания зубных согласных с последующим [j]. Памятники свидетельствуют, что зубные в этом положении рано подверглись ассимилятивному смягчению: *изъяснить* ббв (Син. Пс. 1296); *венычмина* (Пар. 1271); *изъимана* 112, *наизъвьдь* 170, *сь прославомъ* 157 об (Лавр. XIV в.); *сь тадовитымъ* 426, *съездоу* 202 об (Кол. П. 1406); *възвьедутъ* (РЛА, CLXXXII, 1409); *сь Яковцемъ* (Гр. 1495); *изъ его* 2 об (Суд. 1497); *эъ еловой грани* (Новг. ряд. XV в.); *изъвлъ*, *сь ямы*

(Угл. гр., XIII, 1505); *съ их судьею* (там же, XXIII, 1531); *съ язы* (там же, LVII, 1551); *съ Яковомъ* (там же, X, 1576); *съ его* (РЛА, СССХСВII, 1588); *съѣзжей избы* (Угл. гр., XXIV, 1632); *съехася*, *съеупатием* (Пов. о разор. XVI в.); *съѣхалась* 67, *съѣзжата*, *съѣхались* 39, *съезжалъ* 33, *на съѣздъ* 23, *съ Якима* 23, *съ его* 14, 15, *изъ Ярославля* 68, 70, *съестново* 73 (А. Межд. XVII в.).

В положении перед [j] зубные согласные бывают только мягкими и в современном языке (включая говоры): *жыт'jo*, *пад'joм*, *с'jeм*, *друz'ja*, *бур'jaн*, *вран'jo*. Мягкость согласных в этом положении может отсутствовать на стыке приставки и корня, а также предлога и последующего слова. Для говоров это может быть проиллюстрировано следующими примерами: *съел* — Мещ. (Черныш., 70, стр. 12); *съидем* (—съедем) — Яросл. (РФВ, 1879, № 2, Колосов, стр. 151); *отъ иду* — Тихв. (МДК, II, стр. 107).

В некоторых русских говорах — переходных от белорусских к южно-великорусским, северновеликорусским и южновеликорусским — зубные согласные в сочетании с [j] образуют долгую мягкую зубную согласную. Однако эта особенность представляет собою особое специфическое явление, связанное с проблемой долгих и кратких согласных и требующее особого рассмотрения.

§ 59. Перед *шипящими* и [ц]. После падения редуцированных в русском языке появились сочетания зубных согласных с шипящими и [ц], которые в ту эпоху были мягкими: *p(ъ)жи*, *под(ъ)жарить*, *t(ъ)щетъно*, *от(ъ)чество*, *от(ъ)ца*, *молод(ъ)ца*, *гон(ъ)ца*. Зубные согласные в положении перед мягкими шипящими и [ц] могли подвергаться ассимилятивному смягчению (т. е. противопоставление твердых и мягких зубных здесь нейтрализовалось). Это наблюдалось как во вновь возникших после падения редуцированных сочетаниях, так и в иноязычных словах. См. немногие примеры: *ръжевка* (Синод. XIII в.); *изъ брюньжвика*, *геньцы* (Гр. 1284); *ръжанита* (Ипат. 1425); *на инъ/цю* (Гр. 1418); в сочетании **tъrt* мягкость согласного [r'] перед шипящими могла быть обусловлена не только последующим согласным, но и предшествующим некоторая гласным [ъ]: *шверъжеса* 156 (Лавр. XIV в.); *шверъже нась* (Сб. Тр. л. 15, XIV в.); *деръжаву* 30а (Ск. БГ XIV в.); *дѣръжахуса* 406, (Ипат. 1425). Мягкость зубных согласных, будучи в положении перед шипящими и [ц] несамостоятельной, с отвердением этих последних утрачивалась.

В современном литературном языке согласные [т], [д], [с], [з] не противопоставлены по твердости-мягкости перед согласными [ш], [ж], [ш'], [ж'], [ч'], [ц']. В положении перед [ш], [ж] возможны только [т], [д], перед [ш'] — [т'], [д']. Что касается положения перед [ч'], [ц], то зубные взрывные [т], [д] в силу общности некоторых элементов артикуляции сливаются с ними, в результате чего на месте [тч'], [дч'], [тц], [дц] произносятся [ч'], [ц] с долгим затвором: *патшыт'*, *поджár'ит'*, *т'ш'ётна*, *б'ч'ыства*, *пáч'ис'т'ит'*, *мълаm'цá*.

Согласные [с], [з] полностью ассимилируются с последующими шипящими, сливаясь с ними в один звук. Перед [ц] в литературном языке всегда представлены твердые [с], [з]. Ср. *шымт'*, *жымт'*, *ш'итамt'*, *касцá*, *абрасцá*.

Согласный [р] бывает твердым перед [ш], [ж], [ц], мягким — перед [ш'], [ч']: *в'ершóк*, *торжóк*, *стáрца*, *бор'ш'*, *пóр'ч'a*. Согласный [н] — мягок перед [ш'], [ш], [ч'], тверд — перед [ж], [ц]: *бáн'ш'ик*, *тóн'ше*, *кóн'ч'ик*, *ханжá*, *концá*.

Аналогичные отношения представлены и во многих говорах. Лишь в том случае, если в говоре представлены согласные [ч], [ш], твердые зубные согласные перед ним не смягчаются: *жёнишина*, *под'онишина* — Никол. (Орл., стр. 52); *жёнишина* — Омут., Петрин. (ИЯз, С-зап., 2, 361), Полн. (там же, 79) и др.; *карманчык* — Кингисеп. (там же, 8) и др.

Различие по говорам может иметь качество зубных согласных в положении перед [ц] и [ш]. В северновеликорусских говорах, знающих [ц'], зубные согласные в положении перед этим [ц'] подвергаются смягчению: *с'ен'ца*, *огур'ц'ей* — Возн. (ИЯз, Б. сев., 113); *стян'ц'ийу*, *по сён'ц'у* — Белом. (там же, 5); *полотён'ц'о*, *сён'ц'е*, *сукобн'ц'о*, *с'эр'ц'о* — Пудож. (там же, 78; Аван. II, стр. 47, 259); *в Повен'ц'е* — Заонеж. р. (ИЯз, Б. сев., 63); *пёр'ц'у* — Поморье (там же, 4); *кон'ц'я*, *сён'ц'е*, *полотён'ц'е* — Просн. (ИЯз, III, 29); *огур'ц'и*, *с кон'ц'я* — Унин. (там же, 19); *сён'ц'о*, *до кон'ц'я*, *полотён'ц'о*, *огур'ц'и* — Кумен. (там же, 30, 31); *тан'ц'уйут* — Вожг. (там же, 10); *в'ен'ц'а́л'ис*, *ко́н'ц'ила* — Красноокт. (там же, 10); *св'ин'ц'у́й*, *ко́н'ц'ом*, *к в'ен'ц'у́й* — Медв. (ИЯз, Б. сев., 55, 25); *сéрьце*, в говоре согласный [ц] мягок — Холмогор. (Гранд., стр. 39); *сéр'ц'о*, *огурьц'и*, *тон'ц'овáт'*, *отв'ин'ц'у́й*, *сён'ц'е*, *ф'итан'ц'ийиа* — Тов. (Брок, стр. 84); *сéр'ц'о*, *стян'ц'ийиа* — Белоз. (МДК, II, стр. 58); *сён'ц'о*, *до кон'ц'я*, *полотён'ц'о*, *огур'ц'и* — Охан. (ИЯз, III, 22); *полотён'ц'а*, *до́н'ц'а*, *с кон'ц'я* — Кузн. (МДК, III, 23). Во многих из перечисленных примеров мягкость согласных перед [ц'] может быть объяснена не только ассимилятивным смягчением, но и сохранением мягкости перед утраченным гласным переднего ряда [ъ]. О том, что мягкость зубных перед утраченным [ъ] суффикса *-ьц-* сохраняется, свидетельствуют некоторые северновеликорусские говоры с [ц] твердым, а также восточные средневеликорусские и отдельные южновеликорусские говоры: *полотён'це*, *переселён'цы* — Заонеж. (ИЯз, Б. сев., 57, 60); *стян'цииа*, *огур'ци́й* — Медв. (там же, 24); *сён'цо*, *до кон'ца*, *полотён'цо* — Вожг. (ИЯз, III, 9); *сён'ца*, *кос'ци́й* — Судог. (Бубр., стр. 341); *сён'це* — Тихв., Новг. (МДК, II, стр. 117; Сол. 77, стр. 7); *полотён'цё*, *сён'це* — Гдов. (ИЯз, С-зап., 77); *гу́рьцы́*, *ко́нъцá*, *ви́нъцы́* — Спасск. (МДК, IX, стр. 83); *кан'ца*, *сён'ца* — с. Белянин, Пензен. обл. (Нефед., стр. 29); *в'ен'ци́й*, *в'ин'ци́о*, *ф' кан'ци́*, *платэн'ца*, *с'эр'ца*, *со стир'циам* — Егор. (Шах., стр. 211; Мат. в-р, XI, 133); *ф' канъци́е*, *сён'цие*, *ви́нъциáли*, *сéрьциам*, *дваръци́а*, *агурьци́й* — Касим. (Будде, К ист., стр. 192—195); *сён'ца*, *до́н'ца*, *платён'ца*, *а́гур'ци́и*, *сéр'ца*, *двар'ци́а* — Зараиск. (Петр., стр. 33); *сён'ца*, *кан'ци́ом*, *кан'ци́и*, *а́гур'ци́и*, *сéр'ца* — Чекал. (ИЯз, К зап. от М., 649); *сён'ци*, *пълатён'ца*, *у с'ен'циах* — Сух. (там же, 623); *ко́нъциá*, *на канъциé* — Воронеж. губ. (Филат., стр. 318); *Матр'ён'цеф*, *пълатён'ца* — Нижнедев. (Жук. стр. 215) и др. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что перед [ц] мягкими бывают главным образом согласные [н'], [р'], реже фрикативные зубные. Мягкие согласные [т'], [д'] перед [ц] не отмечены, может быть, потому, что в силу артикуляционной общности этих согласных сочетания [т'ц], [д'ц] сливаются в одну аффрикату с долгим затвором.

В некоторых говорах, преимущественно северновеликорусских, в положении перед [ш] в соответствии с [н'] литературного языка представлен согласный [н]. Ср. *рáнише* — Онеж. (ИЯз, Б. сев., 30, 31), Уторг. (там же, 125), Дед. (там же, 238); *м'ёниши*, *рáнише*, *потóнише* — Никол. (Орл., стр. 52); *тóнише*, *ранише* — Полот. (ИЯз, III, 5); *тóнише и мёниши*, *рáниши* — Сланц. (ИЯз, С-зап., 5); *мёнише и м'ёнише*, *рáнише* — Гдов. (там же, 78); *помёнише* — г. Углич (МДК, IX, стр. 100); *рáнишъ*, *мёнишъ*,

тόнишъ — Переясл.-Зал. (там же, III, стр. 74); *мёниши* и *тόн'ши* — Толст. (ИЯз, К зап. от. М., 635).

Перечисленные модификации в реализации зубных согласных перед шипящими и [ц] не вносят принципиальных изменений в систему противопоставления твердых и мягких согласных в этом положении. Твердые и мягкие зубные согласные продолжают не различаться перед шипящими и [ц], так как в каждом из этих положений могут быть представлены или только твердые, или только мягкие согласные.

Во многих русских говорах известен согласный [р'] перед [ш] в слове *старший* и производных от него. В этом случае создается известная возможность различия [р] и [р'] перед [ш]. Ср. *горшок*—*стáр'ше*. Подобная возможность в говоре с. Ушинки Спасского у. Пензенской губ. поддерживается наличием [р'] в случаях *вérьшник*, *верьшком* (МДК, IX, стр. 83).

Наличие согласного [р'] в *д'ир'жы*, *д'ér'жы́ца* — Чучк. (Сидор., стр. 97) делает возможным различие [р] и [р'] перед [ж]: *д'ир'жы* — *ржы*.

§ 60. Анализ употребления твердых и мягких зубных согласных в положении перед согласными свидетельствует о том, что в древнерусском языке после падения редуцированных систем различия твердых и мягких зубных согласных перед согласными стала развиваться непосредственно в направлении к состоянию, представленному в современном языке.

В древнерусском языке первоначально, видимо, существовало две тенденции в реализации зубных согласных, получивших мягкость под влиянием последующего утраченного [ъ], перед твердыми губными и задненебными: мягкие зубные сохраняли мягкость в одних говорах и утрачивали ее в других. В дальнейшем в общерусском масштабе победила тенденция сохранения мягкости, в результате чего стало возможным различие твердых и мягких зубных согласных в положении перед твердыми губными и задненебными. Тенденция отвердения зубных в названном положении оставила следы лишь в немногих северновеликорусских говорах. Твердые и мягкие зубные оказались противопоставленными не только перед твердыми задненебными, но и перед смягченными. Последнее, правда, неодинаково в разных морфемах. Так, в современном литературном языке твердые и мягкие зубные согласные различаются перед смягченными задненебными в середине слова и могут совпадать в мягком звоном на стыке приставки и корня, а так же предлога и последующего слова. Подобную дифференциацию в произношении твердых и мягких зубных перед смягченными задненебными можно объяснить следующими причинами. Возможность сочетания зубных (как и других согласных) с последующими задненебными согласными (практически это главным образом [к]) осуществляется в основном за счет оформления слов суффиксами *-к-*, *-ко-* (*-ка-*). В этом, а так же и в тех немногих случаях, когда задненебный входит в состав корня, оканчивая собой основу, задненебный согласный в некоторых формах может выступать в смягченных вариантах: *нóска*—*нóск'и*, *тку*—*тк'и*, *мозг*—*мозг'и*. Смягчению зубных согласных в этих случаях препятствует аналогичное воздействие со стороны форм, в которых задненебные являются твердыми. Что же касается положения на стыке приставки и корня, то здесь зубные согласные, находясь перед постоянно смягченными задненебными согласными, не чередующимися с соответствующими твердыми, подвергаются ассимилятивному смягчению: *с'к'йнум'*, *з'г'йнум'*, но *не*

видно н'и зг'и; возможно — **пат'к'йнуть** и др. Неодинаковая реализация зубных согласных перед смягченными задненебными в начале слова, с одной стороны, и в середине слова, с другой, обусловлена и различием в произношении твердых и мягких согласных в начальных и неначальных слогах. В начале слова сочетание согласных (в данном случае сочетание зубного согласного со смягченным задненебным) образует более тесное артикуляционное единство, чем в середине слова, а при более тесном артикуляционном единстве, естественно, легче осуществляются ассимилятивные процессы.

В древнерусском языке в связи с отвердением мягких зубных перед твердыми зубными противопоставленность твердых-мягких зубных согласных в этом положении не исчезла совсем, как это имеет место в современном литературном языке, но лишь значительно сократилась. Не исчезла эта противопоставленность вследствие сохранения мягкости зубными согласными перед суффиксами **-(ъ)ск-**, **-(ъ)н-** и наличия [р'] в группе ***тът** перед твердыми зубными. В современном языке, включая большую часть говоров, утрачена и эта возможность различения твердых и мягких зубных перед твердыми зубными. Лишь в немногих говорах, сохранивших мягкость согласных перед суффиксами **-(ъ)ск-**, **-(ъ)н-**, твердые и мягкие зубные противопоставлены в названном положении.

Различие в поведении мягких согласных перед твердыми зубными, с одной стороны, и губными и задненебными, с другой, возможно, объясняется характером различия артикуляции мягкого согласного и следующего твердого. Если следующий твердый согласный не был лабиовеляризован (был только веляризован), то согласные сочетания отличались друг от друга только наличием или отсутствием палатализации; в этом положении мягкий согласный отвердевал. Если же следующий твердый согласный был лабиовеляризован (губные и задненебные), то согласные сочетания отличались не только наличием и отсутствием палатализации, но кроме того, при отсутствии палатализации еще наличием лабиовеляризации.

Последнее обстоятельство препятствовало ассимиляции, утрате мягкости первым согласным.

Перед мягкими губными и зубными согласными мягкие зубные оставались мягкими, а твердые смягчались; в результате произошла нейтрализация — положение перед названными мягкими согласными стало положением неразличения твердых и мягких зубных согласных. Твердые-мягкие зубные согласные оказались непротивопоставленными и перед согласным [р], так как перед [р] не только твердые зубные оставались твердыми, но и мягкие отвердели.

Положение перед [j] явилось положением неразличения твердых и мягких зубных как в древнерусском, так и в современном языке.

Не были противопоставлены по твердости и мягкости зубные согласные и в положении перед шипящими и [ц]. Однако специфика неразличения была неодинакова для древнерусского языка, с одной стороны, и для современного, с другой. В древнерусском языке, пока шипящие были мягкими, мягкие зубные перед ними оставались мягкими, а твердые зубные смягчались. В современном же языке перед отвердевшими шипящими зубные согласные бывают только твердыми; исключение составляет [н'], употребляемый перед [ш], но по говорам отмечается отвердение и этого согласного. То обстоятельство, что по говорам не отвердели согласные [р'], [н'] перед [ц], не вносит изменения в систему неразличения твердых и мягких согласных перед [ц]. Это обусловлено

тем, что в русском языке не существует сочетаний „этимологически твердый [р], [н] + [ц]“, которые могли бы быть противопоставлены сочетаниям „этимологически мягкий [р’], [с’] + [ц]“, сохранившим мягкость первого согласного.

По говорам представлены элементы различия [р]—[р’] перед твердыми шипящими. Следует заметить, что в древнерусском языке до отвердения шипящих мягкость [р’] в этих случаях может быть квалифицирована и как ассимилятивная.

§ 61. Согласные [л] и [л’]. Выше было отмечено, что пропуск буквы *ь* после согласного в эпоху падения редуцированных сам по себе не является доказательством утраты мягкости предшествующим согласным. Но в то же время нельзя не заметить, что наиболее последовательно буква *ь* пропускается после согласных, которые в конечном счете отвердили (пропуск *ь* после согласных, сохранивших в современном языке мягкость, как было показано выше, встречается редко). Исключение в этом отношении составляет употребление буквы *ь* после *л* перед другими согласными: частый пропуск *ь* в этом положении — черта обычная для древнерусских памятников эпохи после падения редуцированных. Буква *ь* после *л* опускается одинаково часто как в корнях, так и на стыке корней и суффиксов. Проиллюстрируем это примерами некоторых памятников: *корнилца* 616, *бо/шимъ* 620, *толко* 620, *метелнику* 616, 622 об и др. (Р. пр. 1282); *селце*, *д колца*, *печалникъ*, *Скулневъ* (Гр. ИК 1327); *понѣделнику* 193, *далнимъ* 196, *велми* 198, 204..., *нѣколко* 201, *лэв* 202, *сильно*, *олговъ* 21, *vasилко* 204, *молбою* 207, 216, *сѣделникъ* 364, *корнилца* 371, *благохвалными* 375, *болши* 375 и т. д. (Ипат. 1425); *недѣлщиком* 1 об, *поселскому* 11 об, *селской* там же, *во/льно* 10, *цѣловалнику* 3, *зажигалнику* 2 об, *коромолнику* 2, *и/колничему* 1 об, и др. (Суд. 1497); *больши* 156, *съчловичи* 109, *молба* 147, *велможам* 148, *печальным* 142 об, *надѣлныи* 143, *сильных* 149 и др. (Лавр. XIV в.); *колко* № 14, 16, 8, *лна* № 7, *лну* № 1 и др. (Нов. гр. XIII—XIV в.); *селца* VII, *старожилцовъ* XXIII, *стоялицовъ* VIII, *недѣлщикомъ*, *поселского*, *живоначальные* V, *на волхѣ*, *олховой* XIII, *Николскими*, *сколных* XX, *боялскихъ* XXVIII, *по отдвѣлной*, *отдвѣлицовы* XXVIII, *жаловалную* VI, *волно* III и др. (Угл. гр. XV—XVII в.); *стрелцы*, *жилцы*, *богомолцы*, *крылцу*, *больших*, *большой*, *въ Полшу*, *караулщики*, *толко*, *сколко*, *из Посолскова*, *нелзѣ*, *сильно*, *самоволная*, *околничей* (А. Межд. XVII в.) и т. д.

Во всех перечисленных памятниках наряду с пропуском *ь* после *л* имеются и случаи его сохранения. Отсутствие *ь* в этом положении принято квалифицировать как не имеющее фонетического значения¹. Вывод этот делается на основании того, что русский язык якобы не знает отвердения [л’] перед следующими согласными. Действительно, в современном русском языке, включая большую часть говоров, согласные [л] и [л’] различаются в положении перед всеми губными, зубными и задненебными согласными как твердыми, так и мягкими. Это стало возможным лишь в результате того, что согласные [л] и [л’], оказавшись после падения редуцированных рядом с последующими согласными, никакого влияния со стороны последних не испытали, сохранив свою твердость и мягкость. Ср. *стр'ел'бá*, *о л'в'ё*, *шёл'mа*, *о л'д'ё*, *вóл'ный*, *Báл'к'e*,

¹ См. А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв. — „Исследования по русскому языку“, I. СПб., 1885, стр. 145; А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 115; Н. М. Никольский. О языке Ипатьевской летописи. — РФВ, 1899, № 3—4, стр. 44.

Ол'га, ол'х'е — лба, молв'е, калмык, галдёт', ползат', полн'ёе, палк'е, лгат', волхвы.

Согласные [л] и [л'] различаются перед [ч'], с большими ограничениями перед [ш] и не противопоставлены перед остальными шипящими согласными и [ц]. Ср. *мёл'ч'e, мал'ч'ик — молчат'*; *бол'шой — волшебство;* но *ложош, бывал'ш'ина, обол'ш'ат', кол'цо.*

Однако в некоторых говорах, главным образом северновеликорусских Вологодско-Вятской группы, сфера употребления велярного [л] значительно расширена в связи с отвердением [л'] (следовательно нейтрализацией противопоставления [л] — [л']) в положении перед твердыми согласными, преимущественно зубными, шипящими и [ц]. В одних говорах эта особенность проведена более последовательно, в других ограничена отдельными словами: *большая, большой, нелзя, сильно, скользко — Малам.* (Мат. в-р, X, 78); *больше, мёлче, болной — Котел.* (там же, I, 3); *большой — всюду в Вятской губ.* (Зел., стр. 11); *шёлма, полза, палтоб, болни,* *волнно, доволно, пра́вилно, артёльная, осталноби, больше, дольше, фальшивой — Гряз.* (МДК, III, стр. 73); *большая, начальству, светильна, колоклна — Уст.* (Белор. стр. 225; Мат. в-р, III, 28); *сильно, скользко, палцы — Волог.* (Мат. в-р, X, 51); *сильно, скользко, палцы, лдом — Тот.* (там же, 62); *полза, лном, лновётка, тяжёльше, културно, дальну, осталные, большой — Никол.* (Орл., стр. 50); *колцо — Петроз.* (Мат. в-р, IV, 30; Ияз Б. сев., 107); *большой — Возн.* (там же, 114); *большой — Елец.* (Мат. в-р, XI, 111, 188); *сильна, скользко, палцы — Брян.* (там же, X, 85).

Судя по тому, что отвердение [л'] распространяется и на слова, сравнительно недавно проникшие в говоры (*фальшивый, артельный, культурный*), процесс этот для изучаемых говоров актуален. Возникает вопрос о времени отвердения [л']. Не отражено ли это отвердение в древнерусских памятниках в виде частого пропуска буквы ь после л? Мысль о связи этих двух явлений возникла еще у Б. М. Ляпунова, исследовавшего Синодальный список летописи. Однако Б. М. Ляпунов правильно считал, что видеть причину пропуска ь после л в памятниках XIII—XIV вв. в отвердении [л'] можно было бы лишь в том случае, если бы после этого л встретилась буква ь вместо ь. Но ь вместо ь после л встречается редко. См. *боляна, доволъно* (ГЕ 1266), *полъза* (Лук. Е. 1409). Трудно делать какие-либо фонетические заключения на основании столь немногочисленных примеров. Тем не менее нельзя не заметить, что буква ь после л в этих примерах как раз соответствует тем самым условиям, в которых твердый [л] представлен в современных говорах — перед твердыми зубными согласными. А это позволяет предполагать, что пропуск ь после л в древнерусских памятниках все-таки имеет фонетическое значение, но не во всех случаях, а лишь только тогда, когда после [л] следует твердый зубной согласный.

Последовательно проведенное отвердение [л'] перед твердыми зубными (с, з, т, д, ц, ш, ж) и отчасти задненебными согласными снимает противопоставление [л] — [л'] в этом положении.

В одном из говоров Грязовецкого у. Вологодской губ. наряду с отвердением [л'] перед твердыми согласными наблюдается и смягчение [л] в аналогичном положении: *палцы, сильно, скользко и дольго, мальчать* (Мат. в-р, X, 89).

В положении перед [j] возможен только согласный [л']: *л'жу, б'ел'jo, кол'jam'i.* В упомянутом выше говоре Грязовецкого у. Вологодской губ. отмечено употребление твердого [л] перед [j]: *веселье, налью* (Мат. в-р, X, 89), но это сообщение требует проверки.

НЕКОТОРЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБРАЗОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ, СВЯЗАННЫЕ С КАТЕГОРИЕЙ ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ

§ 64. Отдельные согласные фонемы по говорам могут иметь различное образование, отличаясь по своему качеству от соответствующих фонем в литературном языке. В некоторых случаях это вносит изменения в систему противопоставления согласных по твердости-мягкости в соответствующих говорах. В связи с этим остановимся на возможных артикуляционных различиях некоторых согласных по говорам.

§ 65. Различия в образовании аффрикат [ч], [ш]. В говорах западных районов южновеликорусской диалектной территории и на западе переходных говоров согласные [ч'], [ш] могут утрачивать взрыв, изменяясь в [ш'] [с] (*ш'ай*, *в'еш'ир*, *сар'*, *сэлый*).

Изменение [ч']>[ш'] ведет к тому, что в говоре как бы появляется мягкая пара к согласному [ш]: *в'еш'бр*—*шёрник*, *ш'ут*—*шúра*, *нош'*—*мыш* и т. д. Однако в русском языке согласные с фонологической точки зрения образуют пару в том случае, если они имеют лишь одно физиолого-акустическое различие, и, различаясь в одних условиях, нейтрализуются в других. Такие согласные могут функционировать в одной и той же морфеме. Согласные [ш] и [ш'] (из ч') этим условиям не удовлетворяют. Имея лишь одно акустическое различие — наличие или отсутствие палатальности — они не нейтрализуются ни в каких условиях и не могут функционировать в одной морфеме. Это выражается в частности в том, что согласные [ш] и [ш'] (из ч') различаются перед гласным [е]: *шер'с'т'*—*ш'er'ф'*, *о вшé*—*о враш'ё*. Согласные же парные по твердости-мягкости перед гласным [е], как известно, не различаются, совпадая в мягком согласном и являя тем самым пример функционирования твердых и мягких согласных в одной морфеме (*угол*, *угол'*, *в угл'e* для обоих случаев). Следовательно мы не можем рассматривать согласные [ш] и [ш'] (из ч') как согласные фонологически парные по твердости-мягкости. Согласный [ш'], имея одно акустическое различие с [ш], по отношению к этому последнему находится в таком же отношении, как, например, [с] к [т]. Согласные [с] и [т] тоже имеют лишь одно физиолого-акустическое различие — наличие или отсутствие взрывности, — но пары не образуют, так как ни в каких условиях не нейтрализуются. Подобная параллель несколько необычна, так как наличие или отсутствие взрыва никогда не связано в русском языке с парностью согласных, а наличие или отсутствие палатальности при прочих равных акустических данных в русском языке всегда оформляет пары твердых и мягких согласных.

Вопрос о том, какое место должен занять [с] (из *ш*) в системе противопоставления твердых и мягких согласных сложнее, чем вопрос о [ш'] (из ч'). Утрата взрыва согласным [ш] ведет к появлению не нового, не известного доселе в фонетической системе согласного (как это имеет место при утрате взрыва согласным [ч']), а к расширению сферы употребления известного и раньше согласного [с]. Согласный [с] (из *ш*), совпадая в физиолого-акустическом отношении с исконным [с], должен включиться в систему противопоставления [с]—[с']. Ср. *сар'*:*с'áду*—*сам* : *с'áду*; *консý* : *вс'y*—*овсý* : *вс'y*; *ов'ес* (—*овец*) : *в'ес'*—*ов'ос* : *в'ес'*; *сыгán* : *с'йла*—*сыр* : *с'йла*. Новый согласный [с] (из *ш*) включается в состав старого [с] в положении перед всеми гласными кроме [е]; [с] (из *ш*) в отличие от исконного [с] не смягчается перед [е] (это между

прочим свидетельствует о том, что [ц] изменился в [с] после того, как [ц'] отвердел). В результате в соответствующих говорах перед [е] образуется противопоставление [с] — [с']. Ср. *в овс́* (в овце) — *в овс'ё*.

§ 66. Различия в образовании фрикативных зубных согласных. В некоторых русских говорах, средневеликорусских и южновеликорусских, мягкие свистящие согласные могут произноситься шепеляво, как звуки средние между свистящими и шипящими: *с'ело*, *з'емл'а*. Максимальное усиление шипящей артикуляции в произношении шепелявых [с'], [з'] может привести к тому, что в говоре появляются мягкие шипящие [ш'], [ж'], которые в физиолого-акустическом отношении образуют пару с согласными [ш], [ж]. Ср. *мыш* — *гуш'* (— гусь); *лошáдка* — *гуш'ам'и* и т. д.

Однако несмотря на то, что [ш'], [ж'] (из с', з') с точки зрения артикуляции образуют пару скорее с [ш], [ж], чем [с], [з], так как именно с [ш], [ж] их разделяет всего лишь одно физиолого-акустическое различие — наличие или отсутствие палатальности, — функционально они объединены с согласными [с], [з]. Согласные [ш'], [ж'] (из с', з') и [ш'], [ж'] не могут функционировать в одной морфеме. Они ни в каком положении ненейтрализуются, в то время как для [ш'], [ж'] (из с', з') и [с], [з] это возможно. Ср. *вонш* — *гуш'* (— гусь), *нос* — *гуш'*, но *о вшé* — *о гуш'ё*, *в нóш'e* — *на гуш'ё*. В то время, как согласные [с], [з] перед гласным [е] изменяются в [ш'], [ж'], свидетельствуя тем о своей парности с согласными [ш'], [ж'] (из с', з'), согласные [ш], [ж] перед [е] продолжают оставаться твердыми, не совпадая с [ш'], [ж']. Таким образом, даже максимальное усиление шипящего элемента в образовании шипящих [с'], [з'] не нарушает противопоставленности по твердости-мягкости в группе фрикативных зубных согласных.

§ 67. Изменение [к'], [г'] в [т'], [д']. В некоторых русских говорах, главным образом в западной части средневеликорусских, а также в южновеликорусских и северновеликорусских, территориально близких к средневеликорусским, смягченные согласные [к'], [г'] могут сближаться с переднеязычными согласными [т'], [д'], иногда полностью совпадая с ними. В говорах с [г] фрикативным изменению в сторону переднеязычных подвергается только [к']. Изменение [к'], [г'] в [т'], [д'] может иметь интенсивность разной степени: в одних говорах оно охватывает только те морфемы, в которых задненебные всегда находятся перед гласными переднего ряда и где, следовательно, исключена возможность чередования твердых задненебных со смягченными (*т'ирп'йч'*, *т'ис'т'*, *д'йб'ел'*, *мад'йла*, но *рýк'i*, *р'ék'i*, *сапаg'í* и т. д.); в других говорах изменение [к'], [г'] в [т'], [д'] распространяется и на такие морфемы, в которых возможно чередование типа [к:к'] (*т'йслый*, *д'йб'ел'*, *рýт'u*, *нóд'i*).

В том случае, если согласные, произносимые в соответствии с [к'], [г'], артикуляционно не совпадают полностью с [т'], [д'], а являются новыми физиолого-акустическими образованиями, чем-то средним между [к'] и [т'], [г'] и [д'], то эти согласные должны рассматриваться как смягченные варианты фонем [к], [г].

При полном совпадении смягченных задненебных с переднеязычными в говорах, ограничивающих это изменение лишь определенными морфемами, соответствующие слова должны примкнуть к словам с исконными [т'], [д']: *т'ис'т* : *ты* — *т'йхó* : *ты*; *д'йб'ел'* : *дырка* — *д'йко* : *дырка*. Сохранившиеся в этих говорах [к'], [г'], выступающие с согласными [к], [г'] в одной морфеме, являются смягченными вариантами согласных [к], [г]: *рекá* — *рек'ё*; *ногá* — *ног'ё*.

В том случае, если изменение $[k']$, $[g'] > [t']$, $[d']$ распространяется на задненебные в любой морфеме, то из фонетической системы устраиваются вообще согласные $[k']$, $[g']$. Однако случаи типа *рут'ё*, *нод'ё* в отличие от случаев типа *т'йский*, *мад'ла* не могут быть объединены со словами с исконными $[t']$, $[d']$. Этому препятствует возможность функционирования $[t']$ (из k'), $[d']$ (из g') и $[k]$, $[g]$ в одной морфеме, что невозможно для исконных $[t']$, $[d']$ (ср. *река* — *рет'ё*, *нога* — *нод'ё*). В результате согласные $[t']$, $[d']$ в соответствующих говорах могут явиться не только сильными фонемами, но и слабыми. Слабыми они бывают в тех случаях, когда в них реализуются сильные фонемы $[k]$, $[g]$. В случаях *т'йхо*, *д'йк'ий*, *т'йский*, *д'иб'ёл* $[t']$, $[d']$ — сильные фонемы, в случаях *рут'и*, *нод'и* — слабые. В положении перед гласным $[e]$ в слабых фонемах $[t']$, $[d']$ нейтрализуются сильные фонемы $[t]$, $[t']$, $[d]$, $[d']$, $[k]$, $[g]$. Ср. *кот* — о *кот'ё*, *гос'т* — о *гос'т'ё*, *рукá* — *рут'ё*; *водá* — *вод'ё*, *гвоз'д* — о *гвоз'д'ё*, *ногá* — *нод'ё*.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование развития категории твердых-мягких согласных в русском языке позволяет сделать следующие выводы общего характера.

Все то значительное многообразие, в котором предстает категория твердости-мягкости согласных в современных славянских языках, восходит к единому типу, который был свойствен общеславянскому языку. Этот тип характерен и для языка восточных славян древнейшего периода. Он характеризовался ограниченным количеством твердых и мягких парных фонем, причем твердость-мягкость согласных была не нейтрализуемой, т. е. различающейся в любой фонетической позиции.

Парными по твердости-мягкости были согласные $[l] — [l']$, $[n] — [n']$, $[r] — [r']$, $[z] — [z']$, $[s] — [s']$. Согласные $[l']$, $[n']$, $[r']$ первоначально возникли как фонетические заместители соответствующих твердых согласных в сочетании с $[j]$. Однако для языка восточных славян древнейшей эпохи согласные $[l']$, $[n']$, $[r']$ должны квалифицироваться уже как самостоятельные фонемы. Обособлению $[l']$, $[n']$, $[r']$ в самостоятельные фонемы способствовало то обстоятельство, что согласные $[s']$, $[z']$, к которым фонологически приравнивались $[l']$, $[n']$, $[r']$ никогда не были фонетическими заместителями $[sj]$, $[zj]$. Заместителями этих последних сочетаний были мягкие шипящие $[s']$ и $[z']$, ставшие еще в общеславянском языке самостоятельными фонемами (ср. различаемость $[z']$ и $[g]$, $[s']$ и $[x]$ перед гласным $[a]$ разного происхождения: *лежати* — *льгати*, *слышати* — *нююхати*).

Согласные $[t]$, $[d]$, $[p]$, $[b]$, $[m]$, $[v]$ были внепарными по твердости-мягкости, приобретая в положении перед гласными переднего ряда позиционную полумягкость.

Важнейшей вехой в развитии категории твердости-мягкости было смягчение полумягких согласных. Этот фонетический процесс содействовал тому, что парные твердые и мягкие согласные предшествующей поры из категории ненейтрализуемой стали категорией нейтрализуемой (в положении перед гласными переднего ряда). Внепарные твердые согласные фонологических изменений не претерпели, приобретя, однако, в положении перед гласными переднего ряда позиционную мягкость. Эта мягкость, как и полумягкость более старшей эпохи,

представляла собою лишь разновидность немягкой фонемы, будучи всегда обусловлена положением перед гласными переднего ряда.

Падение редуцированных, процесс общий для всех восточнославянских языков, освободило твердость-мягкость согласных, не имевших исконной мягкости, от позиционной обусловленности качеством последующего гласного — его передним или непередним образованием. Твердость-мягкость стала соотносительной категорией, охватывающей значительную часть согласных, и при том категорией, нейтрализуемой в определенных позиционных условиях, а именно — перед некоторыми гласными переднего ряда. Падение редуцированных явилось причиной превращения количественных изменений, связанных со смягчением полу-мягких, в изменения качественные. В эпоху непосредственно после падения редуцированных категория твердости-мягкости согласных сложилась уже в основных своих чертах, характерных для современного русского языка.

Специфические явления в области твердости-мягкости согласных в белорусском и украинском языках требуют специального исследования. Здесь заметим только, что эти явления восходят к поздним эпохам, по преимуществу к эпохе после падения редуцированных и отражают процессы, характерные для разных этапов становления языков украинской и белорусской народностей в отличие от языка великорусской народности. Во всяком случае следует еще раз подчеркнуть, что древнейшие этапы истории категории твердости-мягкости согласных были едины для всех восточнославянских языков.

До изменения [e] в [o], утраты [ё] как самостоятельной фонемы, развития аканья в русском языке система различия соотносительной и нейтрализуемой твердости-мягкости согласных в принципе была одинаковой перед ударенными и безударными гласными. Твердые-мягкие согласные различались перед [а], [у], [и] — [ү], не будучи противопоставлены перед [е], [ё], [о], [ö].

Уже морфологическая замена [е] через [о] в определенных формальных элементах приводит к различаемости твердых и мягких согласных перед [о]: твердые согласные выступают перед [о] (из о, ѿ), мягкие — перед [о] (из е, ѿ). Дальнейшее фонетическое изменение [е] в [о] значительно расширяет эту различаемость. Утрата гласного [ё] как самостоятельной фонемы и объединение его с [е] или [и] устраниет в соответствующих говорах еще одно из положений неразличения твердых-мягких согласных. Что касается фонемы [ö], то она либо утрачивается, совпадая с [о], либо, напротив, проникает в положение после мягких согласных на место этимологического [е]. В первом случае позиция неразличения устраняется в связи с ликвидацией фонемы [ö], во втором — в связи с появлением различия перед [ö].

Элементы различия в ударенном и безударном вокализме наметились еще до развития аканья. Так, например, фонема [ö] не была известна без ударения; утрата [ё] как самостоятельной фонемы началась в некоторых говорах с объединения безударных [ё] и [е] при сохранении [ё] под ударением. Однако это не вносило существенных различий в систему противопоставления твердых и мягких согласных перед ударенными гласными, с одной стороны, и перед безударными, с другой. Лишь развитие аканья вообще, разных типов яканья в частности, а также иканья и еканья вносит нечто принципиально новое в различение твердых и мягких согласных перед ударенными и безударными согласными. С развитием аканья в каждом из безударных слогов складывается своя система слабых фонем, характеризуемая специфическими взаимоотноше-

ниями с предшествующими твердыми и мягкими согласными. В этих взаимоотношениях решающая роль принадлежит согласным, которые обусловливают функциональное объединение безударных гласных фонем, тождественное тому, которое имеем под ударением для гласных [i] и [u]. Однако в безударных слогах это функциональное объединение, основанное на том, что для русских гласных ряд не является определяющим признаком, охватывает большее, чем под ударением, количество гласных, объединяя в одну слабую фонему не только гласные [i] и [u], но и [e] и [a], [i'] и [a], а в окающих говорах [e] и [o].

Процессы в области гласных в целом способствовали расширению противопоставленности твердых и мягких согласных, образуя новые позиции, в которых твердость-мягкость начинает различаться, или устранивая позиции, в которых твердые и мягкие согласные не были противопоставлены.

В целом история вокализма характеризуется утратой некоторых фонем, их объединением в разное время с другими фонемами (ср. объединение фонемы [e] и ее продолжения [ä] с фонемой [a], фонем [i] и [u], а также упомянутые выше явления в области безударного вокализма). Это ведет к упрощению системы вокализма, сокращению состава сильных гласных фонем, доходящих в современном языке до пяти (по говорам до семи), в то время как в древнерусском языке до падения редуцированных и отождествления [ä] (из e) с [a] их было не менее десяти—[i], [e], [ë], [a], [ä], [o], [u], [u], [y], [ъ]; в более же раннюю эпоху, когда существовали носовые [ø] и [ø], гласных фонем было одиннадцать (отсутствовала фонема [ä], вместо которой была [ø]).

Лишь в одном случае в истории вокализма имело место образование новой гласной фонемы—фонемы [ö], которая однако оказалась мало устойчивой по отношению к фонеме [o] и в значительной части говоров совпала с этой последней.

Перечисленные процессы в области гласных, сокращая состав гласных фонем, уменьшали вообще фонологическую роль вокализма в звуковой системе языка в целом. Обратной стороной этих процессов явилось расщепление многих из ранее существовавших отдельных согласных фонем на две и в связи с этим значительное обогащение состава согласных фонем. Так, древнерусский язык характеризовался 21 или 22 согласными фонемами (последнее, если включить в состав согласных фонем звук [f], появившийся в заимствованных словах): [p]—[b], [v], [t]—[d], [s]—[z], [m], [l], [n], [r], а также [š']—[ž'], [šč']—[žđž'], [k]—[g], [x]¹, [č'], [c], [j], [f].

Первые 11 фонем, а также фонема [f] по мере того, как она укрепилась в языке, в связи с описанными процессами в системе вокализма, расщепились каждая на две фонемы—твёрдую и мягкую, в результате чего система согласных фонем современного русского языка (имеем ввиду литературный язык и аналогичные говоры), приняла следующий вид²:

<i>p—b</i>	<i>f—v</i>	<i>t—d</i>	<i>s—z</i>	<i>m</i>	<i>l</i>	<i>n</i>	<i>r</i>
<i>p'—b'</i>	<i>f'—v'</i>	<i>t'—d'</i>	<i>s'—z'</i>	<i>m'</i>	<i>l'</i>	<i>n'</i>	<i>r'</i>
<i>š—ž,</i>	<i>š—š,</i>	<i>k—g,</i>	<i>x,</i>	<i>č',</i>	<i>c,</i>	<i>j</i>	

¹ По словам могло быть и иначе: [x]—[γ] и [k].

² Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 122.

Расширение противопоставления твердых и мягких согласных в положении перед гласными в эпоху после падения редуцированных обусловлено не только процессами в системе гласных, но и фонетическими изменениями в области самих согласных, а также некоторыми морфологическими процессами (ср. различие твердых и мягких согласных перед [е], ставшее возможным, с одной стороны, за счёт утраты взрыва согласных [с], с другой, за счёт появления окончания -ей после твердых согласных у прилагательных и в форме тв. ед. сущ. ж. р.).

Таким образом, развитие категории твердости-мягкости согласных шло по линии расширения противопоставления твердых и мягких согласных в положении перед гласными. Положение перед гласными в современном языке является положением наиболее широкого различия твердых и мягких согласных. Что касается противопоставления твердости-мягкости на конце слова и перед согласными, то оно, впервые возникнув после падения редуцированных, значительного развития в русском языке не получило. При этом губные согласные, не различаясь по твердости-мягкости перед согласными, во многих говорах русского языка имеют тенденцию утратить это различение и на конце слова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

- АЕ 1092 — Архангельское евангелие 1092 г. Цит. по изд. Московской публичной библиотеки и Румянцевского музея, 1912.
- А. Межд. XVII в. — Акты междуцарствия 1610—1613 гг. Цит. по изд. ИОДР при Моск. ун-те, 1915.
- Ап. 1220 — Апостол 1220 г. Цит. по изд. Горского и Невоструева в „Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки“, II, I, № 95. М., 1857.
- Ап. 1307 — Апостол 1307 г. Цит. по изд. Горского и Невоструева в „Описании...“, I, № 45, М., 1858.
- Арх. Л. XIII в. — Архивская Лествица XIII—XIV вв. Цит. по исслед. А. И. Соболевского „Два древних памятника галицко-волынского наречия“. (РФВ, 1884, № 3).
- Б. 1499 — Библия 1499 г. Цит. по изд. Горского и Невоструева в „Описании...“, I, № 1. М., 1855.
- Вкл. Варл. 1192 — Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г. Цит. по кн. С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова „Хрестоматия по истории русского языка“, I. М., 1952.
- Всб XII в. — Выголексинский сборник XII—XIII вв. Цит. по исслед. А. И. Соболевского „Два древних памятника галицко-волынского наречия“. (РФВ, 1884, № 3).
- ГБ XI в.—XIII слов Григория Богослова XI в. Цит. по изд. Будиловича. СПб., 1875.
- ГЕ 1144 — Галицкое евангелие 1144 г. Цит. по кн. Н. Н. Дурново „Хрестоматия по истории русского языка“. Памятники XI—XV вв. М., 1914.
- ГЕ 1266 — Галицкое евангелие 1266—1304 гг. Цит. по изд. А. И. Соболевского, „Киевские университетские известия“, 1884, № 6.
- Г. Код. 1357 — Галический кодекс 1357 г. Цит. по кандидатской диссертации Л. П. Жуковской „Из истории языка северовосточной Руси XIV в.“. М., 1952.
- Гр. 1229 — Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1262 — Договорная грамота Александра Ярославича Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1284 — Грамота смоленского князя Федора в Ригу 1284 г. Цит. по „Собранию государственных грамот и договоров“, ч. 2, № 3, М., 1819.
- Гр. 1294 — Договор Тверского князя Михаила Ярославича с новгородцами 1294—1301 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.

- Гр. 1330 — Договорная грамота Полоцка с Ригой 1330 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1400 — Грамота новгородского посадника Александра в Ригу 1400 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1418 — Грамота новгородского посадника Александра 1418—1420 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1463 — Грамота Псковского князя Ивана Александровича 1463—1465 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Гр. 1483 — Грамота 1483 г. Цит. по изд. А. И. Соболевского „Киевские университетские известия“, 1885, № 2.
- Гр. ИК 1327 — Духовная грамота Московского князя Ивана Калиты 1327—1328 гг. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова.
- Дв. гр. — Двинские грамоты XV в. Цит. по кн. А. А. Шахматова „Исследования по русскому языку“, II, вып. 3. СПб., 1903.
- ДЕ 1164 — Добрилово евангелие 1164 г. Цит. по изд. А. И. Соболевского „Киевские университетские известия“, 1884, № 1 и по кн. Ф. И. Буслаева „Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков“.
- Дух. Дм. Дон. 1389 — Духовная грамота Дмитрия Донского (вторая) 1389 г. Цит. по „Собранию государственных грамот и договоров“, I, № 34. М., 1813.
- Ев. апр. XIV в. — Евангелие Апракос XIV в. Цит. по исслед. Бандурова в РФВ, 1905, № 2.
- ЕК XII в. — Ефремовская кормчая XII в. Цит. по исслед. С. П. Обнорского „О языке Ефремовской кормчей XII в.“. Сб. „Исследования по русскому языку“, III, вып. 1. СПб., 1912.
- ЕПс XI в. — Евгениевская псалтырь XI в. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв.“. ИОРЯС, X, 5. СПб., 1865 и по ст. Н. П. Грековой „Евгениевская псалтырь, как памятник русской письменности XI в.“ — ИОРЯС, XXIX. П., 1924.
- ЖК XI в. — Отрывки из жития св. Кондрата XI в. Цит. по изд. И. В. Ягича „Archiv für slavische Philologie“, VI.
- Задон. 1470 — Задонщина 1470 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Зл. XII в. — Златоструй до 1200 г. Цит. по кн. Срезневского „Древние памятники“.
- И 73 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. Цит. по изд. ОЛДРП, 1880.
- И 76 — Изборник Святослава 1046 г. Цит. по кн. И. И. Срезневского „Древние памятники“.
- Ипат. 1425 — Ипатьевская летопись 1425 г. Цит. по ПСРЛ, II. СПб., 1843.
- Кол. П. 1406 — Палея 1406 г. (Коломенская). Цит. по изд. „Толковая Палея по списку, сделанному в Коломне, 1406 г.“. Труд учеников П. С. Тихонравова, ч. I. М., 1892; ч. 2. М., 1896.
- Лавр. XIV в. — Лаврентьевская летопись 1377 г. Цит. по ПСРЛ, I. Изд. 2. Л., 1926; по исслед. Н. П. Некрасова „Заметки о языке „Повести временных лет“ по Лаврентьевскому списку летописи“. ОРЯС, 65. СПб., 1889.
- Лук. Е. 1409 — Лукино евангелие, 1409 г. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Луд. Е. XIV в. — Лудское евангелие XIV в. Цит. по изд. А. И. Соболевского. — Киевские университетские известия“, 1885, № 1.
- М 95 — Минея за октябрь 1095 г. Цит. по изд. И. В. Ягича „Служебные минеи за октябрь—ноябрь в церковно-славянском переводе по russким рукописям Московской синодальной типографии 1095—1097 гг.“. СПб., 1886.
- М 96 — Минея за октябрь 1096 г. Цит. по ук. изд. И. В. Ягича.
- М 97 — Минея за ноябрь 1097 г. Цит. по ук. изд. И. В. Ягича.
- МЕ 1117 — Мстиславово евангелие до 1117 г. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „Мстиславово евангелие, особенности письма и языка“. — РФВ, 1895, № 4.
- Моис. Е. 1355 — Моисеев список евангелия 1355 г. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева. М., 1861.
- Мст. гр. 1130 — Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеяводы 1130 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- М. уст. XII в. — Монастырский устав церковного служения до 1200 г. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- Нов. дан. XV в. — Новгородские данные XIV—XV вв. Цит. по „Актам юридическим“, № 110. СПб., 1838.
- Новг. гр. — Новгородские грамоты XIII—XIV вв. Цит. по А. А. Шахматову „Исследования по русскому языку“, I. СПб., 1885.

- Новг. ряд. XV в. — Новгородская рядная грамота XV в. Цит. по „Актам юридическим“, № 257. СПб., 1838.
- ОЕ 1056 — Остромирово евангелие 1056 г. Цит. по изд. А. Х. Востокова „Остромирово евангелие“. СПб., 1843.
- П 1477 — Палея 1477. Цит. по исслед. Н. М. Каринского „Язык Пскова и его областей в XV в.“, СПб. 1909.
- П 1494 — Палея 1494. Цит. по исслед. Н. М. Каринского „Язык Пскова и его областей в XV в.“. СПб., 1909.
- ПА XI в. — Пандекты Антиоха XI в. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- ПА XIV в. — Пандекты Антиоха XIV в. Цит. по „Описанию...“ Горского и Невоструева, II, ч. 2, № 153. М., 1859.
- Паис. сб. XIV в. — Паисиевский сборник XIV—XV вв. (до 1412 г.). Цит. по исслед. Матвеевой в РПФВ, 1910, № 1—2.
- Пан. Е. XII в. — Пантелеимоново евангелие XII в. Цит. по „Лекциям по истории русского языка“ А. И. Соболевского. Изд. 4. М., 1907, стр. 40—42.
- Пар. 1271 — Паремейник 1271 г. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Пер. Е. 1354 — Переяславское евангелие 1354 г. Цит. по исслед. П. С. Кузнецова „К исторической фонетике ростово-суздальских говоров“. — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2, 1948.
- ПМ XI в. — Путятинская служебная миная за май до 1100 г. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- Пов. о разор. XVI в. — Повесть о разорении Рязани, сп. XVI в. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Пог. Ап. 1391 — Погодинский Апостол 1391 г. Цит. по исслед. Н. М. Каринского. РПФВ, 1896, № 3.
- Пол. Е. 1307 — Поликарпово евангелие 1307 г. Цит. по изд. А. М. Соболевского „Киевские университетские известия“, 1885, № 1, и по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Поуч. еп. Л. XIV в. — Поучение новгородского епископа Луки XIV—XV вв. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Поуч. Е. С. XIII в. — Книга поучений Ефрема Сирена до 1288 г. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках“, № 6. ОРЯС. СПб., 1867.
- Поуч. Е. С. 1492 — Поучение Ефрема Сирена 1492 г. Цит. по изд. А. И. Соболевского „Киевские университетские известия“, 1885, № 2.
- Поуч. КБ XIII в. — Поучения Константина Болгарского XIII в. Цит. по „Описанию...“ Горского и Невоструева, II, 2, № 163. М., 1859.
- Пр. XIII в. — Пролог XIII в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Пред. ИБ XIII в. — Предисловие Иоанна екзарха болгарского к переводу Иоанна Дамаскина XIII в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Пск. Пр. 1383 — Псковский Пролог 1383 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова.
- Пск. суд. XVI в. — Псковская судная грамота XVI в. Цит. по изд. императорской Археографической комиссии. СПб., 1914.
- ПТр XI в. — Постная триодь до 1100 г. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- Пут. Е. XIII в. — Путенское евангелие XIII в. Цит. по изд. Калужняцкого „Monumenta linquae paleoslovenicae“, 1. Evangelium Putnanium“, Vindobonae, 1888.
- РЛА — Русско-Ливонские акты XII—XVII вв. Цит. по изд. Напьерского. СПб., 1868.
- Р. Пр. 1282 — Русская правда по списку кормчей 1282 г. Цит. по изд. Е. Ф. Карского „Русская правда по древнейшему списку“. Л., 1930.
- Рум. сб. XV в. — Румянцевский сборник № 406, XV в. Цит. по изд. А. Х. Востокова — „Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума“. СПб., 1842.
- Ряз. корм 1284 — Рязанская кормчая 1284 г. Цит. по „Древним памятникам“ И. И. Срезневского.
- Ряд. Теш. — Рядная Тешаты с Якимом до 1299 г. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- Сб. син. 154, 1486 — Сборник синодальной библиотеки № 154 после 1486 г. Цит. по исслед. Н. М. Каринского „Язык Пскова и его областей в XV в.“. СПб., 1909.
- Сб. поуч. XII в. — Сборник поучений XII в. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Сведения и заметки“ № 52. ОРЯС, 12. СПб., 1875.
- Сб. Тр. а. 15 XIV в. — Сборник библиотеки Троицкой лавры, № 15, XIV в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.

- Синод.** XIII в. — Синодальная летопись XIII в. Цит. по исслед. Б. М. Ляпунова „Исследования по русскому языку“, II, вып. 2. СПб., 1900.
- Син. Пс.** 1296 — Синодальный список псалтыри 1296 г. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Ск. БГ XIV в.** — Сказание о Борисе и Глебе из Сильвестрова сборника XIV в. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Сказание о святых Борисе и Глебе“. СПб., 1860.
- Сл. зак.** XVI в. — Слово о законе и благодати XVI в. Цит. по „Хрестоматии“ С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, I.
- СЛК XIV в.** — Служебник Митрополита Киприана XIV в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Сл. о полк. Иг.** — Слово о полку Игореве по сп. XVI в. Цит. по изд. АН СССР. М.—Л., 1950.
- СПт XI в.** — Синайский патерик XI в. Цит. по „Исторической хрестоматии“ Ф. И. Буслаева.
- Стих.** 1163 — Стихарь праздничный новгородский софийский 1163 г. Цит. по изд. И. И. Срезневского „Древние памятники“.
- Суд.** 1479 — Судебник 1479 г. Цит. по изд. „Судебники XV—XVI вв.“. М.—Л., 1952.
- Суд. нов.** 1471 — Новгородская судная грамота 1471 г. Цит. по изд. „Акты, собранные археографической экспедицией“, I, № 92. СПб., 1836.
- ТЕ 7 XII в.** — Типографское евангелие, № 7, XII в. Цит. по исслед. А. И. Соболевского „Очерки по истории русского языка“. Киев, 1884 и по его изд. „Киевские университетские известия“, 1884, № 2.
- ТЛ XI в.** — Туровские евангельские листы XI в. Цит. по изд. „Туровское евангелие“. Вильно, 1868; по изд. И. И. Срезневского „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках“, № 45. ОРЯС. СПб., 1875 и его же „Древние славянские памятники юсowego письма“. СПб., 1868.
- Угл. гр.** — Угличские грамоты. Цит. по изд. С. Шумакова „Угличские акты (1440—1749)“. М., 1899.
- Хр. Ап.** XII в. — Христинопольский Апостол XII в. Цит. по изд. С. Маслова. ИОРЯС, XV, № 4 и по исслед. Л. А. Васильева „С каким звуком могла ассоциироваться буква **М** в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников“. РФВ, 1913, № 1—2.
- ЧПс XI в.** — Толковая псалтырь Чудова монастыря до 1100. — Цит. по изд. И. И. Срезневского: „Древние славянские памятники юсового письма“; „Древние памятники русского письма и языка“.
- ЮЕ 1120** — Юрьевское евангелие 1120 г. Цит. по „Описанию Юрьевского евангелия“ архимандрита Амфилохия. М., 1877.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Аван.** I — Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры, I. Описание одного говора по течению р. Пры. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, I. М.—Л., 1949.
- Аван.** II — Р. И. Аванесов. Заметки о говоре с. Семеновское на р. Водле. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“. М.—Л., 1949.
- Белор.** — И. Белоруссов. Об особенностях в говоре жителей Вологодской губернии. — РФВ, 1887, № 4.
- Брок** — О. Брок. Описание одного говора их юго-западной части Тотемского у. — ОРЯС, 83, № 4. СПб., 1907.
- Бубр.** — Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора с. Пустошей Судогодского у. Владимирской губ. — ИОРЯС, XVIII, вып. 4, 1913.
- Будде** — Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губ. — ОРЯС, 76, № 3. СПб., 1904.
- Будде, К ист.** — Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Казань, 1896.
- Виногр.** — Н. Виноградов. О народном говоре Костромского уезда. — ОРЯС, 77, № 8. СПб., 1904.
- Вол.** — В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского говора. — ОРЯС, 72, № 3. СПб., 1902.
- Гвозд.** — А. Н. Гвоздев. Заметки о говоре с. Тихонова б. Судогодского у. Владимижской губ. — „Бюллетень диалектол. сектора Ин-та русского языка“, вып. 2. М.—Л., 1948.

- Гец. — О. Г. Гедова. Говор села Катагоши. (Кандидатская диссертация). М., 1952.
- Гранд. — А. Грандилевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. — ОРЯС, 83, № 2, СПб., 1907.
- Грии. — Н. П. Гринкова. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. — „Труды Ин-та русского языка“, II. М.—Л., 1950.
- Грин. Зам. — Н. П. Гринкова. Заметки о калужских говорах. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, I. М.—Л., 1948.
- Дмитр. — С. И. Дмитриев. Говор деревни Новый Бузец Дмитровского уезда Курской губ. — „Бюллетень диалектол. сектора Ин-та русского языка“, вып. 1. М.—Л., 1947.
- Ерем. — С. А. Еремин. Описание Улошского и Ваучского говоров Череповецкого у. Новгородской губ. — ОРЯС, 99, № 5. Пг., 1922.
- Жук. — Э. В. Жуковская. Говоры западной части Воронежской области. (Кандидатская диссертация). М., 1954.
- Зел. — Д. К. Зеденин. Отчет о диалектологической поездке в Вятской губернии. — ОРЯС, 76, № 2. СПб., 1903.
- Иероп — Иеропольский. Говор д. Савкино Пушкинского р-на Псковского округа. — ОРЯС, № 2. М.—Л., 1931.
- ИЯз — Материалы архива сектора диалектологии и истории русского языка Института языкоznания АН СССР, собранные по „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка Института русского языка АН СССР“.
- К зап. от М. — говоры населенных пунктов, расположенных на территории, вошедшей в „Атлас русских народных говоров к западу от Москвы“.
- С.-зап. — говоры населенных пунктов, расположенных на территории, вошедшей в „Атлас русских народных говоров северо-западных областей“.
- Б. сев. — говоры населенных пунктов территории, вошедшей в том, условно названный „Большой северный том Атласа“.
- III — говоры населенных пунктов территории, вошедшей в том, условно названный III том Атласа.
- Цифрой обозначается номер хранения соответствующего сообщения в архиве Института языкоznания АН СССР.
- Каринск. — Н. М. Каринский. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. — ИОРЯС, VIII, кн. 1, 2, 1903.
- Кузн. — П. С. Кузинцов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. „Материалы и исследования по русской диалектологии“, I. М.—Л., 1948.
- Мат. в-р — Материалы для изучения великорусских говоров.

вып.	I — ИОРЯС, I, кн. 2, 1896.
”	II — ” II, кн. 3, ”
”	III — ” II, кн. 4, ”
”	IV — ” II, кн. 1, 1897.
”	V — ” III, кн. 1, 1898.
”	VIII — ОРЯС, т. 73, 1903.
”	IX — ” т. 87, 1910.
”	X, XI — ” т. 99, 1921.

В условном обозначении Материалов для изучения великорусских говоров римской цифрой обозначается номер выпуска, арабской — номер сообщения.

МДК — Труды Московской диалектологической комиссии.

вып.	I	Варшава,	1908.
”	II	”	1910.
”	III	”	1914.
”	VIII	Москва,	1919.
”	IX	Ленинград,	1927.
”	X	”	1928.
”	XI	”	1930.
”	XII	”	1931.

- Нефед. — Г. Ф. Нефедов. Говор сел Пустыни и Белыни Пензенской обл. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, III. М.—Л., 1949.
- Обнорск. — С. П. Обнорский. Переход в в современном русском языке. — „Труды Комиссии по истории АН СССР“, вып. 3. А. А. Шахматов. М.—Л., 1947.
- Орл. — В. Г. Орлова. О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, II. М.—Л., 1949.

- Очерк гр. — Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
- Петр. — Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор с. Матыр-Зарайского у. — ОРЯС, 99, № 6. Пг., 1922.
- Резан. — В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ. — РФВ, 1897, № 3—4.
- Сах. — А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской вол. Болоховского уезда Орловской губ. — ОРЯС, 68, № 5. СПб., 1900.
- Сидор. — В. Н. Сидоров. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры. — „Материалы и исследования по русской диалектологии“, I. М.—Л., 1948.
- Смирн. — И. Т. Смирнов. Кашинский говор. — ОРЯС, 77, № 9. СПб., 1904.
- Сол. 68 — В. Ф. Соловьев. Особенности говора донских казаков. — ОРЯС, 68, № 2. СПб., 1900.
- Сол. 77 — В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородской губернии. — ОРЯС, 77, № 7. СПб., 1904.
- Строг. — Т. Ю. Строганова. Говоры междуречья Оки—Клязьмы. (Кандидатская диссертация). М., 1950.
- Тихон. — Тихонов. Брянский говор. — ОРЯС, 76, № 4. СПб., 1904.
- Тихв. — А. Тихвинский. Особенности говора Ярославского у. Ярославской губ. по правую сторону р. Волги. — РФВ, 1890, № 3.
- Филат. — Филатов. Очерк народного говора Воронежской губернии. — РФВ, 1897, № 3—4.
- Хал. — М. Г. Халанский. Черты народного говора Щигровского у. Курской губ. — РФВ, 1879, № 2.
- Русские народные песни Щигровского уезда Курской губ. — РФВ. 1880, № 3.
- Сведения и заметки о говорах русского языка (Саяны) — РФВ, 1889, № 1.
- Хал. 76 — М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. — ОРЯС, 76, № 5. СПб., 1904.
- Черныш. 68 — В. И. Чернышев. Сведения о народном говоре некоторых селений Московского у. — ОРЯС, 68, № 3. СПб., 1900.
- Шахм. — А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. — ИОРЯС, XVIII, 4, 1913.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ УЕЗДОВ И РАЙОНОВ

Александр. — Александровский у. Владимирской губ.

Алексин. — Алексинский у. Тульской губ.

Андом. — Андомский р-н Вологодской обл.

Бабаев. — Бабаевский р-н Вологодской обл.

Бел. — Бельский р-н Кировской обл.

Белоз. — Белозерский у. Новгородской губ.

Белом. — Беломорский р-н Ленинградской обл.

Бобр. — Бобровский у. Воронежской губ.

Болог. — Бологовский р-н Калининской обл.

Брян. — Брянский у. Орловской губ.

Бруск. — Брусовский р-н Калининской обл.

Буйск. — Буйский у. Костромской губ.

Вер. — Верейский у. Московской губ.

Весьегон. — Весьегонский у. Тверской губ.

Вашк. — Вашкинский р-н Вологодской обл.

Вожг. — Вожгалльский р-н Кировской обл.

Возн. — Вознесенский р-н КФССР

Волог. — Вологодская губ.

Волот. — Волотовский р-н Новгородской обл.

Волох. — Волоховский р-н Ленинградской обл.

Ворон. — Воронежская обл.

Воскрес. — Воскресенский у. Московской губ.

Вытег. — Вытегорский у. Олонецкой губ.

Вязем. — Вяземский у. Смоленской губ.

Гдов. — Гдовский р-н Псковской обл.

Гряз. — Грязовецкий у. Вологодской губ.

Дед. — Дедовический р-н Псковской обл.

Дмитров. — Дмитровский у. Курской губ.

Дмитриев. — Дмитриевский р-н Курской обл.

Дубен. — Дубенский р-н Тульской обл.

Дугин. — Дугинский р-н Калужской обл.

Дух. — Духовицкий у. Смоленской губ.

Егор. — Егорьевский у. Рязанской губ.

Елаб. — Елабужский у. Вятской губ.

Елец. — Елецкий у. Орловской губ.

Жиздр. — Жиздринский у. Калужской губ.

Задон. — Задонский у. Воронежской губ.

Заок. — Заокский р-н Тульской обл.

Заонеж. — Заонежский р-н КФССР.

Зарайск. — Зарайский у. Рязанской губ.

Звениг. — Звенигородский у. Московской губ.

Зубц. — Зубцовский у. Тверской губ.

Инсар. — Инсарский у. Пензенской губ.

- Кадник. — Кадниковский у. Вологодской губ.
 Кад. — Кадуйский р-н Ленинградской обл.
 Казан. — Казанский у. Казанской губ.
 Калуж. — Калужский р-н Калужской обл.
 Каргай. — Каргайский р-н Молотовской обл.
 Каргоп. — Каргопольский р-н Архангельской обл.
 Касим. — Касимовский у. Рязанской губ.
 Каш. — Кашинский у. Тверской губ.
 Кингис. — Кингисеппский р-н Ленинградской обл.
 Кинеш. — Кинешемский у. Костромской губ.
 Кирил. — Кирилловский р-н Вологодской обл.
 Кириш. — Киришский р-н Ленинградской обл.
 Киров. — Кировская обл.
 Клин. — Клинский у. Московской губ.
 Kovж. — Kovжинский р-н Ленинградской обл.
 Коз. — Козельский р-н Калужской обл.
 Кологр. — Кологривский у. Костромской губ.
 Короб. — Коробовский р-н Московской обл.
 Костр. — Костромской у. Костромской губ.
 Котел. — Котельнический у. Вятской губ.
 Красноокт. — Краснооктябрьский р-н Кировской обл.
 Кузн. — Кузнецкий у. Саратовской губ.
 Кумен. — Куменский р-н Кировской обл.
 Ладейн. — Ладейнопольский р-н Ленинградской обл.
 Лапт. — Лаптевский р-н Тульской обл.
 Льгов. — Льговский у. Курской губ.
 Лив. — Ливенский у. Орловской губ.
 Лом. — Ломоносовский р-н Ленинградской обл.
 Луж. — Лужский у. Петербургской губ.
 Макар. — Макарьевский у. Костромской губ.
 Малам. — Маламыжский у. Вятской губ.
 Малин. — Малинский р-н Московской обл.
 Малоарх. — Малоархангельский у. Орловской губ.
 Мгин. — Мгинский р-н Ленинградской обл.
 Медв. — Медвежегорский р-н КФССР
 Мед. — Медынский у. Калужской губ.
 Мещ. — Мещевский у. Калужской губ.
 Мож. — Можайский у. Московской губ.
 Мокш. — Мокшанский у. Пензенской губ.
 Моск. — Московский у. Пензенской губ.
 Мцен. — Мценский у. Орловской губ.
 Мур. — Муромский у. Владимирской губ.
 Мышик. — Мышиковский у. Ярославской губ.
 Мякс. — Мякининский р-н Ленинградской обл.
 Нижнедев. — Нижнедевицкий р-н Воронежской обл.
 Никол. — Никольский р-н Вологодской обл.
 Новг. — Новгородский у. Новгородской губ.
 Новорж. — Новоржевский у. Псковской губ.
 Новос. — Новосильский р-н Псковской обл.
- Новоторж. — Новоторжский р-н Калининской обл.
 Нолин. — Нолинский у. Вятской губ.
 Обоян. — Обоянский у. Курской губ.
 Одоев. — Одоевский р-н Тульской обл.
 Окул. — Окуловский р-н Ленинградской обл.
 Омут. — Омутнинский р-н Кировской обл.
 Онеж. — Онежский р-н Архангельской обл.
 Орл. — Орловский у. Вятской губ.
 Осин. — Осинский р-н Молотовской обл.
 Осьм. — Осьминский р-н Кировской обл.
 Осташ. — Осташковский у. Тверской губ.
 Остр. — Островский у. Псковской губ.
 Ох. — Оханский р-н Молотовской обл.
 Оят. — Оятский р-н Ленинградской обл.
 Пен. — Пеновский р-н Калининской обл.
 Перем. — Перемышльский р-н Калужской обл.
 Переясл.-Зал. — Переяславль-Залесский у. Владимирской губ.
 Петрин. — Петриневский р-н Ленинградской обл.
 Петроз. — Петрозаводский у. Олонецкой губ.
 Печ. — Печорский у. Архангельской губ.
 Плес. — Плесецкий р-н Архангельской обл.
 Покр. — Покровский у. Владимирской губ.
 Полн. — Полновский р-н Псковской обл.
 Полот. — Полотский р-н Кировской обл.
 Порох. — Пороховский у. Псковской губ.
 Приоз. — Приозерный р-н Архангельской губ.
 Пришекс. — Пришексинский р-н Ленинградской обл.
 Просн. — Просницкий р-н Кировской обл.
 Пудож. — Пудожский р-н КФССР
 Пушки. — Пушкинский р-н Псковской обл.
 Ранен. — Раненбургский у. Рязанской губ.
 Ржев. — Ржевский у. Тверской губ.
 Рост. — Ростовский у. Ярославской губ.
 Ряз. — Рязанская губ.
 Сарап. — Сарапульский у. Вятской губ.
 Семен. — Семеновский у. Нижегородской губ.
 Серед. — Серединский р-н Псковской обл.
 Славк. — Славковский р-н Псковской обл.
 Сланц. — Сланцевский р-н Ленинградской обл.
 Сольв. — Сольвычегодский у. Вологодской обл.
 Солигал. — Солигаличский у. Костромской губ.
 Спас. — Спасский р-н Рязанской обл.
 Спасск. — Спасский у. Пензенской губ.
 Сп.-Кл. — Спасс-Клепиковский р-н Рязанской обл.
 Стар. — Старицкий у. Тверской губ.
 Судог. — Судогодский у. Владимирской губ.
 Сух. — Суходольский р-н Калужской обл.
 Тарус. — Тарусский р-н Калужской губ.
 Твер. — Тверской у. Тверской губ.
 Тихв. — Тихвинский у. Новгородской губ.
 Толст. — Л. Толстовский р-н Калужской обл.
 Тороп. — Торопецкий у. Псковской губ.

Тосн. — Тосненский р-н Ленинградской обл.
 Тот. — Тотемский у. Вологодской губ.
 Унин. — Унинский р-н Кировской обл.
 Уст. — Устюжский у. Новгородской губ.
 Уторг. — Уторгский р-н Новгородской обл.
 Хан. — Ханинский р-н Тульской обл.
 Холм. — Холмский у. Псковской губ.
 Холмогор. — Холмогорский у. Архангельской губ.

Цив. — Цивильский у. Казанской губ.
 Чекал. — Чекалинский р-н Тульской обл.
 Чемб. — Чембарский у. Пензенской губ.
 Чер. — Череповецкий у. Вологодской губ.
 Чист. — Чистопольский у. Казанской губ.
 Чухл. — Чухломской у. Костромской губ.
 Чучик. — Чучковский р-н Ряз. обл.
 Шунг. — Шунгинский р-н КФССР.
 Шигр. — Шигровский у. Курской губ.
 Яран. — Яранский у. Вятской губ.
 Яросл. — Ярославский у. Ярославской губ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XIII, 1956 г.

A. C. Посьянская

**СЛУЧАИ ЛОКАЛИЗАЦИОННОГО ОТРЫВА
ОПРЕДЕЛЕНИЯ-ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
ОТ ОПРЕДЕЛЯЕМОГО**

*(На материале современного литературного
польского языка)*

В польском языке за определением, выраженным именем прилагательным, по отношению к определяемому слову не закреплено постоянное место.

Возможное разнообразие положений определения-прилагательного в предложении не является в языке случайным и безразличным; место определения относительно характеризуемого им существительного выполняет в строе предложения разнообразные функции.

Одним из случаев сочетания имен прилагательных, обозначающих качество, признак предмета, с именами существительными, является определительное словосочетание. Определительное словосочетание представляет собою синтаксическую группу, члены которой находятся в смысловой и формально-грамматической связи друг с другом.

Формальная связь определения и определяемого в языках флексивных (в частности, в языках славянских), в которых изменяемые определения имеют особые морфологические показатели, выражается согласованием определения, выраженного изменяемой частью речи (именем прилагательным, причастием, местоимением, порядковым числительным), со своим определяемым. В польском языке, благодаря широку развитой системе флексий, связь эта проявляется в единственном числе в согласовании в роде и падеже, во множественном числе — в согласовании в падеже, а также в наличии или отсутствии формы мужского лица.

Смысловая связь определения с определяемым в составе словосочетания является, пожалуй, наиболее тесной по сравнению со связью, в которую вступают между собой другие члены предложения. Такая значительная семантическая близость обусловлена тем, что определение, выступающее в атрибутивном словосочетании, не выражает самостоятельного, отдельного от определяемого им предмета понятия, не мыслится отвлеченно. Оно лишь характеризует этот предмет, уточняя его понятие указанием на свойственные ему и выраженные в нем признаки. Таким образом определительное словосочетание выражает единое сложное значение, является обозначением предмета и, следовательно, представляет собой не только грамматическое, но и лексико-семантическое единство. При этом прилагательное в словосочетании почти всегда ставится непосредственно

рядом с определяемым им существительным, причем, по законам польского словорасположения, одни категории прилагательных в этих случаях предшествуют существительному, другие следуют за ним (*biały śnieg, zimny wiatr, małe dziecko*, но *język polski, chemia organiczna, szkoła miejska*).

В огромном большинстве случаев определение, независимо от его препозиции или постпозиции, непосредственно примыкает к определяемому, как бы самым своим положением подчеркивая существующую между ними тесную семантическую и грамматическую связь.

Даже в тех случаях, когда определение распространяется дополняющими его словами, близость его к определяемому существительному не нарушается, так как тогда развернутое определение в целом примыкает непосредственно к определяемому.

Однако возможны случаи, когда определение отделено от определяемого им слова другими словами, т. е. находится от него в отрыве. Такое расположение компонентов определительной синтаксической группы обуславливает смысловое подчеркивание определения, служит средством придания ему большего веса в предложении. Причем этим приемом достигается значительно большее семантическое выделение определения, чем его инверсией по отношению к определяемому слову.

Локализационный разрыв компонентов определительного комплекса представляет собой исключительно активный структурный способ передачи смысловых и синтаксических отношений, обуславливающих соответствующую выделительную интонацию. В таких случаях зависимость интонации от порядка слов, ее подчиненность данному порядку очень значительна.

Отрыв определения от определяемого является средством выражения предикативного оттенка значения определения, особенно тогда, когда предикативное определение приближается по своему значению к именной части составного сказуемого. Таким образом, дистантное расположение компонентов атрибутивной группы играет несомненно грамматическую роль.

Иногда при отрыве определения от определяемого между ними оказываются слова, дополняющие, поясняющие значение определения и выступающие по отношению к нему в качестве зависимых второстепенных членов, чаще всего обстоятельств. Такое положение характерно для развернутого определения. Например:

W miarę jednak oddalania się sani głoś jej cichnął, sina z gniewu twarz przybierała barwę miedzianą, a blaski oczu przygasły (B. Prus. *Placówka*). *Z jednego tylko od nas balkonu na górze można było zobaczyć tę ciemną pośród gładkich pól kępe zieleni* (Z. Nałkowska. *Dom nad łakami*). *Przeszedł most na palach, polski most sosnowy nad mizernym tutaj Sanem, i znalazł się w Ulanowie* (I. Newerly. *Pamiątka z Celulozy*).

В этих примерах связанные с определением слова выступают в функции уточняющих его обстоятельств. Так, в первом случае *z gniewu* является обстоятельством причины, поясняющим определение *sina*. В остальных случаях (*pośród gładkich pól; tutaj*) выступает обстоятельство места. Оно ограничивает значение признака, выраженного именем прилагательным, указывая на то, что определяемый предмет получает данную характеристику только в месте, обозначенном соответствующим обстоятельством. Так, в последнем примере река *San* заслуживает эпитета *mizerny* только здесь (*tutaj*) — в районе Улянова.

Значение обстоятельств, разрывающих определение с определяемым, самое различное. Это могут быть обстоятельства места, причины и др. Очень частыми являются случаи, в которых между прилагательным и существительным выступают наречия или другие слова (преимущественно частицы), характеризующие количество, степень выражаемого качества, служащие для передачи различных дополнительных оттенков в значении прилагательных. Например:

...rzucił się z całą energią w wir zatrudnień zupełnie praktycznych (L. Kruczkowski. Kordian i Cham). *On malował pejzaże niezbyt wielkie* (B. Czeszko. Pokolenie). *Jedynie korony drzew można było zauważać na czarnym tle nieba jako czarnejsze jeszcze kontury* (G. Morcinek. Urodzaj ludzi). *Maszerowali ostrym krokiem, muskani chłodnawym jeszcze powiewem, ale już się wyczuwało, że dzień będzie upalny* (I. Newerly. Pamiątka z Celulozy). *Dawid szedł po gorących jeszcze kamieniach ulic...* (B. Czeszko. Pokolenie).

Указание на степень качества выступает и в следующем примере, где между определением и определяемым, кроме усилительного наречия *tak*, имеется еще дополнение, поясняющее имя существительное (отмеченное значение дополняется заключающим предложение сравнением): *Daleko odszedł Dawid... od pejzaży z miasta tak perłowych, jak wewnętrze muszli* (B. Czeszko. Pokolenie).

В следующем примере также выступает указание на степень качества, дополнительно раскрывающее свое значение в придаточном предложении: *Z wielkich widnokręgów... został widnokrąg tak dalece mały, że można go było zakreślić końcem modnego kamaszka* (S. Żeromski. Siłaczka).

Иногда в структурных типах, близких к разобранным, имеется обстоятельство, которое относится по смыслу не только к определению, но и к определяемому, т. е. ко всему этому словесному комплексу: ...*małe w środku lasu polanki okryte były ścisłym mchem, niby sierścią buro-zieloną* (Z. Nałkowska. Dom nad Łąkami).

Близкими к таким конструкциям являются предложения, в которых определение и определяемое разрываются распространенным сравнением, характеризующим дополнительно признак предмета:

...śmiał się przykrym, do łkania, do pisku ptaka podobnym śmiechem (M. Konopnicka. Stacho Szafarczyk). *Pod kupami lekkiego, niby czerwony puch, słomianego żaru, leżały pryzmy zwęglonego ziarna* (B. Czeszko. Pokolenie).

В последнем примере прилагательное *lekkiego* определяет *słomianego żaru* в целом. В данном случае имеем иерархическую градацию определений, почему и можно считать, что сравнение отделяет определение *lekkiego* от сочетания определения с определяемым, а не находится между двумя параллельными определениями.

Отделение определения от определяемого может вызываться также тем, что между ними оказывается дополнение. Смысловые связи дополнения могут сближать его как с определением, так и с определяемым существительным. Если дополнение поясняет определение, оно прымкает к нему, образуя вместе с ним интонационно-смысловую группу, выступающую как единое, распространенное определение, все в целом характеризующее определяемое существительное. Например:

Kłos ciężki z wiatrem o kłos uderzał, i szeleszczyły wszystkie mitym dla chłopskiego ucha szelestem (H. Sienkiewicz. Bartek zwycięzca). *Wiedziałem, że ojciec niemal co dzień udaje się do tej mitycznej dla mnie czytelni...* (R. Dobrowolski. Notatnik warszawski). *Trzeba było odejść,*

nadchodziła bowiem wczesna dla dzielnicy żydowskiej godzina policyjna. (B. Czeszko. Pokolenie). *W tragiczne dla Powiśla i Woli sierpniowe dni 1944 roku byłem w Warszawie* (R. Dobrowolski. Notatnik warszawski). В последних двух примерах развернутое за счет дополнения (*dla dzielnicy żydowskiej; dla Powiśla i Woli*) определение относится к следующему за ним атрибутивному словосочетанию, определяя его как единое смысловое целое. Это, таким образом, последовательно подчиненные определения.

Иногда дополнение связано с существительным, т. е. не с названием признака, а с предметом, носителем этого признака. В таких случаях дополнение чрезвычайно тесно сближается с определяемым существительным, которое, благодаря этой уточняющей характеристике, получает определенный смысл, выступающий именно в этом контексте. Совершенно естественно, что в подобных случаях дополнение должно тяготеть к определяемому существительному и локализационно. Это приводит к тому, что оно непосредственно примыкает к этому существительному, отдавая тем самым от него определение, относящееся ко всему словесному комплексу „определяемое — дополнение“.

Подобный локализационный отрыв определения является совершенно естественным, непосредственно вытекает из определенного способа построения предложения. Примером таких конструкций может служить следующее предложение: ...*słońce, wielkie i promieniste na lazurze nieba głębokim, niezmacenie czystym* (L. Kruczkowski. Kordian i Cham).

Правда, в этом предложении можно было бы избежать отрыва определений от определяемого, если бы их перенести с конца предложения в препозицию к определяемому. Тогда предложение звучало бы так: *słońce wielkie i promieniste na głębokim, niezmacenie czystym lazurze nieba*. Не нарушая обязательной в данном случае близости слов *lazurze* и *nieba*, определения оказались бы рядом со словом, с которым они согласованы. Но в этом случае изменилось бы интонационное звучание всего предложения. Дело в том, что слова, требующие наибольшего смыслового подчеркивания, несущие на себе логическое ударение, не случайно отнесены на самый конец предложения. Перемещение их в другое положение (например, перед словами *lazurze nieba*) лишило бы их необходимой выразительности.

Примером подобной же зависимости местоположения определения от конструкции и смысловой установки всего предложения (что может привести к локализационному удалению определения от определяемого) может служить и следующее предложение: *Spódniczkę jej swoją ciepłą dałam* (M. Kopornicka. Panna Florentyna). В отличие от предыдущего, смысловая связь дополнения сближает его в данном случае не с определяемым существительным, а с глаголом-сказуемым. Здесь также построение всего предложения, в том числе и расположение определений, подчинено основной смысловой задаче: выделить слово *spódniczkę*, являющееся в данном высказывании главным, составляющим его суть, „ядро высказывания“¹, и потому несущим на себе логическое ударение. Для максимального выделения оно перемещено на менее обычное для дополнения, каким оно является, начальное место в предложении. В связи с этим оказались в какой-то мере перемещенными и остальные

¹ Термин заимствован у V. Mathesius'a (см. статью „Základní funkce českého pořádku slov“. — „Čeština a obecný jazykozpryt“. Praha, 1947).

члены предложения, что, в частности, привело и к отрыву от этого дополнения определяющих его слов *swoja*, *ciepła*. Интересен и следующий пример: *Gonne sosny stały gęsto... Czubami tylko chodził wiatr po nich górnym, małym szumem w gałęzie bijąc* (M. Konopnicka. *Stacho Szafarczyk*).

Здесь между подлежащим *wiatr* и его определением *górnym* оказалось дополнение *po nich*, относящееся к сказуемому *chodził*, предшествующему подлежащему. Таким образом, здесь можно констатировать нарочитый разрыв семантически и формально связанных между собою членов предложения. В данном случае такое необычное построение связано не только с тем, что оно приводит к смысловому и интонационному выделению подлежащего *wiatr* (что обусловлено общим значением всего отрывка), но, главным образом, с общей стилевой установкой автора: в описаниях природы повествование М. Конопницкой приближается к ритмической прозе, что достигается различными художественными приемами, среди которых ведущее место отводится инверсии.

Дистантное положение членов определительного комплекса может встретиться и тогда, когда атрибут характеризует именную часть составного сказуемого, отделенную от своего определения глаголом, а иногда и другими дополняющими словами. Например:

Moralg, w liście zawarte, małe na Bartku zrobiły wrażenie (H. Sienkiewicz. *Bartek zwycięzca*). *Taki stan rzeczy liczne wywołuje między tym proletariatem przestępstwa i zbrodnie* (H. Sienkiewicz. *Listy z podróży*). *Za to jednak znalazłszy się sam na sam z matką ciężkiego nieraz nabywał ją kłopotu* (B. Prus. *Sieroca dola*).

В приведенных примерах уточняющие слова относятся к сказуемому. Но иногда они связаны с другим членом предложения, например: ...*Krzyż tylko stał czarny i niemy* (M. Konopnicka. *Stacho Szafarczyk*).

Здесь слово *tylko* относится к определяемому существительному, подчинено ему в интонационном отношении и образует вместе с ним одно акцентологическое целое *krzyż — tylko...*

Возможны также случаи, когда между разделенными членами атрибутивного сочетания расположено вводное предложение, поясняющее определение: ...*były to nawyki odziedziczone po skandynawskich, jak twierdzili Bergowie, przodkach* (B. Czeszko. *Pokolenie*).

Во всех отмеченных выше случаях признак, выраженный именем прилагательным, отделен от своего определяемого другими членами предложения. Вследствие разъединения компонентов атрибутивного комплекса достигается смысловое и интонационное выделение одного из них, а иногда и всего сочетания, выдвигающее его в центр внимания. Разрыв определения и определяемого является особенно ярким средством смыслового выделения и потому используется чрезвычайно активно.

Разрыв между определением и определяемым может зависеть и от того, что разделяющее их слово, по нормам польского синтаксиса, должно занимать второе место в предложении. Такое положение можно наблюдать в составе придаточного предложения с союзом *bowiem*, который всегда располагается на втором месте. Например: *Przedzej jechać nie można było, drożyna bowiem leśna, zawałona zaspami, przeciskała się śród pniaków i gałęzi* (S. Żeromski. *Siłaczka*).

Но при отделении определения союзом *bowiem* смыслового выделения прилагательного не происходит, поскольку разрыв членов определительного словосочетания обусловлен не смысловыми, а чисто формальными причинами.

Другой, чрезвычайно распространенный случай отрыва прилагательного от существительного, с которым оно согласовано и которое им определяется, — это конструкции, в которых прилагательное является именной частью составного сказуемого. Здесь определение-прилагательное, сохранив свою формальную близость к существительному-подлежащему, по своей синтаксической роли тяготеет к глаголу-сказуемому, включаясь в сферу его влияния и составляя вместе с ним один член предложения — составное сказуемое.

Такое прилагательное обычно находится в постпозиции и отделено от существительного глаголом-связкой. Таким образом, постпозиция согласуемого с существительным прилагательного, его отрыв от этого существительного, который происходит в результате расположения между ними глагола-связки, выступает как одно из средств выражения определенных синтаксических отношений, а именно отношений сказуемого и подлежащего. Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами:

Noc była zimna (H. Sienkiewicz. Bartek zwycięzca). *Wyraz twarzy jej był tak dziwny, że Judym wstrzymał się mimowoli* (S. Żeromski. Ludzie bezdomni). *Chłopiec był zdolny, w lot naukę w sztubie pochłonął* (S. Żeromski. Opowiadania). *Włosy były puszyste i w chorowitym świetle lampy nabrały blasku ciemnego złota* (G. Morcinek. Urodzaj ludzi). *Niebo było niebieskie i czyste jak woda* (Z. Nałkowska. Dom nad Łąkami).

Способ расположения слов в предложении в указанных случаях квалифицирует члены предложения, т. е. имеет значение грамматического фактора.

Это же значение выражено и тогда, когда в роли связки имеем не глагол *być*, а другие вспомогательные глаголы. Например:

Powietrze zrobiło się chłodne (B. Prus. Lalka). ... *twarz pana komisarza pozostawała wciąż pogodna...* (L. Kruczkowski. Kordian i Cham). ... *głowa jego stała się pusta* (B. Czeszko. Pokolenie). *Myśl o Owczarzu zaczęła być dokuczliwa* (B. Prus. Placówka). *Nowa ta myśl wydała mu się tak wstremna, że i od niej chciała się uwolnić* (B. Prus. Placówka).

Во всех случаях указанного типа, в которых прилагательное является компонентом составного сказуемого, наблюдается определенный порядок главных членов: подлежащее предшествует сказуемому. Такие предложения характеризуются ровной интонацией, с незначительным повышением тона к концу предложения.

Иногда в подобных синтаксических конструкциях встречается, при сохранении локализационного удаления прилагательного от существительного-подлежащего, препозиция этого прилагательного. Например:

Szerokie było to dworskie pole (M. Konopnicka. Stacho Szafarczyk). *Lekkie, długie będą śmignięcia* (I. Newerly. Pamiątka z Celulozy). *Obca im była ta wielka i żarliwa miłość do życia* (B. Czeszko. Pokolenie).

Иногда перед прилагательным, выступающим в функции именной части сказуемого, может находиться уточняющее его слово, например, обстоятельство образа действия: *Dziwnie miękkie było jej spojrzenie* (G. Morcinek. Urodzaj ludzi).

Выдвижение на первое место в предложении прилагательного или прилагательного с предшествующим ему уточняющим словом, естественно, влечет за собой перемещение и других членов предложения, в частности, изменение соотносительного положения подлежащего и сказуемого. Подлежащее оказывается в конце предложения, перед ним находится сказуемое, отделяющее его от согласованного с ним имени прилагательного.

Особый, измененный порядок слов связан со специальной установкой на семантическое подчеркивание переставленных имен прилагательных.

Инверсированные обороты характеризуются особой интонацией, при которой повышение тона приходится на прилагательные, а также тем, что на них падает логическое ударение. Этим и достигается их семантическое выделение.

Перестановка прилагательных, вынесение их на первое место в предложении (и тем самым в препозицию к определяемому), сопровождаемое интонационным выделением, не влечет за собой изменения их синтаксической функции. Прилагательные и в таких случаях выступают в значении именной части сказуемого.

Совершенно иной будет роль прилагательного, если в результате изменения порядка слов в предложениях рассмотренного типа не будет сохранен локализационный разрыв прилагательного с определяемым им существительным. В тех случаях, когда прилагательное окажется непосредственно рядом с существительным-подлежащим, оно, независимо от препозиции или постпозиции по отношению к существительному, выступит в значении определения этого существительного, а не именной части сказуемого. В качестве доказательства рассмотрим следующий пример: *Ale wtedy była noc głęboka, w sadzie jabłka dojrzewały i Szczęsny chodził wokoło z wilgotnym listem na piersi* (I. Newerly. Pamiątka z Celulozy).

В предложениях с таким порядком членов имеем и совершенно иные, чем в анализируемых выше, интонационные отношения. Здесь отчетливо выделяется существительное-подлежащее, а не определяющее его прилагательное, выступающее в функции атрибута: ...*była noc głęboka*.

В этом случае прилагательное непосредственно следует за существительным, выступая в качестве его определения. Здесь оно не сближается семантически с глаголом, т. е. не получает никакого предикативного оттенка значения. Одновременно в этом предложении выступает иной порядок главных членов предложения: сказуемое предшествует подлежащему. Именно такое положение главных членов, которое влечет за собой непосредственное следование за именем существительным прилагательного, обусловливает синтаксическую функцию последнего: прилагательное получает значение атрибута.

Таким образом, положение прилагательного связано с расположением других членов предложения; от их расположения зависит в данном случае его синтаксическое значение. Если бы порядок главных членов был иным, т. е. если бы на первом месте было подлежащее, а не сказуемое, то прилагательное (как мы это видели выше) выступило бы в значении именной части составного сказуемого: *Ale wtedy noc była głęboka*.

В нашем примере следует еще обратить внимание на то, что прилагательное-определение находится в постпозиции к определяемому. Целью такой соотносительной расстановки определения и определяемого является смысловое выделение подлежащего *noc*, вынесенного на первое место.

При более обычном положении качественного прилагательного, т. е. при его препозиции по отношению к существительному, оно все равно (при условии непосредственной близости к определяемому, обусловленной положением главных членов предложения в порядке „сказуемое-подлежащее“) выступит в значении определения, а не именной части сказуемого. Изменив несколько порядок слов в разобранном предложении, получим: *Ale wtedy była głęboka noc*.

Таким же будет и результат изменения порядка слов в предложении *Będą lekkie, długie śmignięcia.*

Те же синтаксические отношения выражены в следующем примере: *Był ładny letni ranek, godzina ósma, nie później* (I. Newerly. *Pamiątka z Celulozy*).

Таким образом, синтаксическая функция прилагательного определяется его положением в предложении, понимая под этим не только его пре- или постпозицию по отношению к существительному, с которым оно согласовано, но и характер их соположения: непосредственное прымывание или локализационный разрыв.

Местоположение прилагательного, а, следовательно, и обусловленная им синтаксическая функция прилагательного непосредственно связаны в конструкциях рассмотренного выше типа с положением других слов в предложении.

Очень близкими к случаям, в которых прилагательное выступает как именная часть составного сказуемого при глаголе-связке, являются те, где прилагательное сближается со сказуемым, выраженным глаголом не вспомогательным, а имеющим более или менее самостоятельное лексическое значение.

И здесь расположение прилагательного, его постпозиция по отношению к существительному, также определяют его синтаксическую роль, обусловленную особенностями конструкции указанных предложений.

В таких случаях прилагательное характеризует не только предмет, с которым оно согласовано по форме, но и действие, совершающееся этим предметом. В содержание такого постпозитивного определения вносится временной или другой обстоятельственный оттенок, подчеркивающий преходящий характер признака, его значение только для данной ситуации, определяемой семантикой глагола-сказуемого.

Имеются в виду так называемые предикативные или, по терминологии Шахматова, атрибутивно-предикативные определения. Этот термин удачно вскрывает грамматическую двусмысленность такого прилагательного определения.

Основная мысль А. А. Шахматова заключается в том, что прилагательные в известных случаях приближаются в своем значении к сказуемому, неся в себе некоторые обстоятельственные оттенки значения и, таким образом, совмещая две функции — атрибутивную и предикативную¹.

Такие атрибутивно-предикативные определения и по своему месту в предложении и по своему месту относительно определяемого близки к прилагательным, выступающим в функции сказуемого: они находятся обязательно в постпозиции и часто в отрыве от определяемого существительного.

Предикативный характер определения — наиболее значительный результат определенных локализационных условий, обусловливающих синтаксическую функцию прилагательного. Постпозиция такого предика

¹ Ср. у В. В. Виноградова: «... связь признака и предмета, лица может представляться не как непосредственно данная в акте обозначения (*мужественный борец за свободу, милая невеста, дорогая жена*), а как устанавливаемая, приписываемая предмету, лицу».

На этой почве связь прилагательного с существительным видоизменяется и развиваются своеобразные отношения прилагательного с глаголом-сказуемым; синтаксические связи такого прилагательного становятся двойственными, двусторонними («Вопросы изучения словосочетания», «Вопросы языкоznания», 1954, № 3, стр. 7).

тивного определения характерна не только для польского, но и для других славянских языков¹.

Выделив особо атрибутивно-предикативные определения, указав на способность прилагательных обладать предикативностью, А. А. Шахматов тем самым расширил понимание морфологической структуры сказуемого. Интересна его мысль о том, что прилагательное, если оно даже не входит в состав именного сказуемого, может быть в ряде случаев носителем предикативности.

А. А. Шахматов указывает также, что „такая связь находит себе и особое словесное выражение, правда, не в особой форме прилагательного, а в особом месте и особой интонации, которую прилагательное получает в предложении“².

Для такого предикативного определения, расположенного после сказуемого и тем самым отделенного от подлежащего, с которым оно согласовано по форме, характерно то, что по значению оно тяготеет не только к подлежащему, но и к глаголу-сказуемому, хотя и не сливается с глаголом в составное сказуемое³.

А. Красновольский⁴ называет такие определения „обстоятельственными“, подчеркивая тем самым их смысловую связь с глаголом и самый характер этой связи. Выделяя их, он указывает на то, что это определения, согласующиеся, правда, с существительным в роде, числе и падеже, но связанные непосредственно не с ним, а с глаголом. Они указывают состояние лица или предмета, производящего действие. А. Красновольский приводит следующие примеры употребления определения в указанной предикативной функции: *Ojciec leży chory. Brat idzie smutny. Uczeń słucha lekcji roztargniony. Herbata czekała gotowa w drugim pokoju. (H. Sienkiewicz).* *Rymwid pewnie nie przyjdzie ostateńi.* (A. Mickiewicz).

Такие предикативные определения, выраженные именами прилагательными, получают двойную смысловую зависимость: с одной стороны, определяют подлежащее (согласуясь с ним к тому же в роде и числе), с другой — включаются в сферу влияния сказуемого, характеризуют выражаемое им действие и к тому же примыкают к нему, отрываясь тем самым от определяемого предмета (подлежащего).

Следует подчеркнуть, что особый характер таких обстоятельственных (по терминологии Красновольского) определений, их особая синтаксическая роль в предложении связаны с их постпозитивностью по отношению к подлежащему⁵.

Предикативность обстоятельственных определений усиливается тем, что определение и подлежащее отделены друг от друга сказуемым,

¹ Ср. наблюдения и выводы А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, С. П. Обнорского, Е. С. Истриной, А. Е. Бескровного, Н. Ю. Шведовой и др. — для русского языка, В. Т. Коломиец — для чешского.

² А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 292.

³ Ср. у Е. С. Истриной: „Термином „предицирующее определение“ называем определение, выражающее энергичное проявление признака, присоединяющегося к определению в результате акта мысли. Этим термином, вместе с тем, отделяем определения, имеющие предикативное значение, от определения, входящего в состав сказуемого как именная часть составного сказуемого“. („Синтаксические явления Синодального списка I новгородской летописи“. Пг., 1923, стр. 139).

⁴ A. Krasnowolski. Systematyczna składnia języka polskiego. 1910, s. 45.

⁵ Возможные случаи препозитивного расположения указанных определений относительно редки и, по существу, получают характер обособленных определений с причинным оттенком значения. Ср. пример А. Красновольского: *Pracowity i uczciwy, nieraz dorabiał się grosza.*

поскольку во всех случаях на первом месте в предложении оказывается подлежащее, что определяет расположение всех остальных членов предложения.

При другом расположении членов предложения мы имели бы пример обычного атрибутивного определения: *Leży chory ojciec. Idzie smutny brat.*

Здесь, при препозиции определения, при вытекающем отсюда отсутствии локализационного разрыва его с определяемым подлежащим и одновременном вынесении на первое место сказуемого, глагол указывает на действие или состояние, не связанное с признаком предмета. Здесь нет подчеркивания временной или причинной связи определения со сказуемым, связи, как бы ограничивающей общее значение признака-прилагательного.

Приведем некоторые примеры с атрибутивно-предикативными определениями из рассмотренного нами материала: *O ile z Pognębina wszyscy wyjechali smutni, o tyle teraz pełni są zapału i ducha* (H. Sienkiewicz. Bartek zwycięzca).

В этом случае предикативная функция определения исключительно прозрачна. Душевное состояние героев, выраженное словом *smutni*, носит явно временной характер, что обусловлено зависимостью отмеченного признака от действия (сказуемого). Состояние безнадежности охватило мобилизованных именно тогда, когда они выехали из родного села.

Правильность данной интерпретации подтверждается дальнейшим повествованием, где рассказывается о том, что указанное состояние сменилось у его героев резко противоположным настроением.

Такую же временную связь признака с выраженным в сказуемом действии мы видим и в следующем предложении:

Ogień karabinowy rozprzcyna się szybki, gorączkowy, nieregularny, wybuchający nagle w coraz innych miejscowościach (H. Sienkiewicz. Bartek zwycięzca).

И здесь расположенные после сказуемого и отделенные им от подлежащего определения реализуют заключенное в них значение только посредством действия. Они означают признаки, выявляющиеся вместе с действием, в тот момент, когда начинается это действие, в данном случае стрельба. Другими словами, проявление признаков обусловлено лексическим значением глагола.

Аналогичное положение наблюдается и в следующих примерах:

Ślimak wybiegł na dziedziniec i chodził po nim wzduż i wszerz blady, z zaciśniętymi pięściami (B. Prus. Placówka). *Śnieg sypie coraz częściej i gęstszy* (Там же). *Wiatr dął w polu przejmujący* (S. Żeromski. Siła). *A bór stał dokoła cichy i mroczny* (M. Konopnicka. Stacho Szafarczyk). ... *drobne smugi uciekały do rowów szemrzące, modre* (Там же). *W głowie miał jak gdyby kłab przedzy, której nici snuły mu się to gładkie, to splątane, to szare, to jasne, to równe* (Там же). *Małż żeniec leżał pod tym sztandarem cichy i nieporuszony* (Там же). *Mgła sklebiona stała się nad ziemią ciężka, wilgotna* (Там же). *Noc zapadała gruba i bezgwiazdna* (L. Kruczkowski. Kordian i Cham). ... *wicher dudni koło domu porywisty, gwałtowny i wrogi* (G. Morciniec. Urodzaj ludzi). *Słowa mówcy rozstrzelili się na długie sekundy w burzy oklasków — i znów padały jasne, proste* (R. Dobrowolski. Notatnik warszawski). *Dzień podnosi się nad Wisłą ciężki i gorący* (B. Czeszko. Pokolenie). *W tej rodzinie, gdzie bieda chowała się cicha, zawstydzona, był dzieckiem trzecim z kolei, a pierwszym przy życiu.* (I. Newerly. Pamiątka z Celulozy).

В функции атрибутивно-предикативных определений могут выступать только качественные прилагательные, связанные со сказуемыми, преимущественно выражеными глаголами движения¹. Относительные прилагательные не могут выступать в этой роли, если они не перешли в качественные. Это связано, повидимому, с тем, что относительные прилагательные по самому существу своего значения не могут выражать временных или других обстоятельственных оттенков значения, поскольку они обозначают постоянные, а не переходящие признаки предметов.

Отметим также особую структуру предложений, заключающих в себе атрибутивно-предикативные определения. Они характеризуются определенными локализационными особенностями: постпозитивным положением определения, отрывом его от подлежащего и обуславливающим эту позицию расположением главных членов. Во всех предложениях указанного типа на первом месте стоит подлежащее, за ним следует сказуемое (иногда с определяющими его словами). За группой сказуемого идет атрибутивно-предикативное определение. Такой порядок расположения главных членов предложения определяется указанным выше специфическим значением определения.

Изменение соотносительного положения главных членов предложения, а также подлежащего и согласуемого с ним определения приводит к изменению грамматической роли прилагательного.

Существенным условием предикативного значения определения является его постпозитивное положение по отношению к существительному-подлежащему. Отсутствие этого условия, иная позиция прилагательного изменяет его синтаксическую сущность, переводит его в обычное, атрибутивное определение.

Достаточно сравнить с вышеупомянутыми примерами следующее предложение, в котором подлежащее не занимает первого места, а следует за сказуемым, а имена прилагательные предшествуют определяемому ими слову (подлежащему): *W granacie nieba pioną śliczne, kryształowe gwiazdy* (G. Morcinek. *Urodzaj ludzi*). Здесь прилагательные являются чистыми атрибутами, определяя существительные и не сближаясь ни семантически, ни синтаксически с глаголом.

Несколько иным будет значение прилагательных, если при обратном порядке главных членов представлена будет постпозиция прилагательного. Такие случаи будут как бы переходными от предложений, в которых препозитивное прилагательное является простым атрибутом, к случаям, когда постпозитивное прилагательное выполняет функцию атрибутивно-предикативного определения.

В предложении *Padły rozkazy szybkie, mocne* постпозитивные прилагательные, определяющие существительное, в какой-то мере соотносятся и с глаголом. Они не могут быть квалифицированы как атрибутивно-предикативные определения, но их положение после определяемого слова обуславливает все же их предикативный характер.

Таким образом, может быть установлена определенная градация синтаксической функции прилагательного от чисто атрибутивной к атрибутивно-предикативной с постепенным нарастанием предикативного значения.

¹ См. работу А. Е. Бескровного „Предикативное функционирование полной формы прилагательного в русском литературном языке“. („Тр. Краснодарск. педагог. ин-та“. VIII, 1941).

Это можно проиллюстрировать еще раз на различных вариантах одного и того же предложения. Например:

1. *W granacie nieba płoną śliczne, kryształowe gwiazdy* (G. Morcinek. Urodzaj ludzi).

Как уже указывалось, прилагательные имеют здесь значение атрибутов.

2. *Płoną gwiazdy śliczne, kryształowe.*

Постпозиция определений изменяет их значение: это не просто атрибуты, связанные семантически и формально только с определяемым существительным, а определения, получившие предикативный оттенок значения, что сопровождается и особой, выделяющей интонацией.

3. *Gwiazdy płoną śliczne, kryształowe.*

Данное предложение характеризуется, с одной стороны, начальным положением подлежащего, а с другой — дистантным расположением прилагательных и существительного, а также постпозицией этих прилагательных. При таком построении предложения предикативная функция прилагательных выражена совершенно отчетливо; их смысловая связь со сказуемым, определяющая временную зависимость признака от значения глагола, получает и определенное грамматическое значение; прилагательные являются атрибутивно-предикативными определениями. Смысловая близость к глаголу и определяемая ею особая синтаксическая функция (предикативность этих определений) обусловливается их положением в предложении: они обязательно постпозитивны к существительному, с которым они согласованы, а также отделены от него глаголом, к которому тяготеют семантически и к которому в таких случаях непосредственно примыкают.

Атрибутивные определения, как отметил В. В. Виноградов, являясь согласуемыми определяющими словами к имени существительному, образуют с ним замкнутое по смыслу словосочетание, выражающее единые, хотя и расчененные значения¹. Предикативные же определения, как уже было указано, тяготеют к глаголу, отрываясь от определяемого — названия предмета. Тем самым они вступают между собою в иные грамматические отношения, типичные для предложения и обусловленные со стороны формы определенной локализацией и наличием особой, выделяющей интонации.

Таким образом, одним из наиболее важных условий, определяющих качественно различные синтаксические функции прилагательного, является его положение по отношению к определяемому слову. Именно этим обусловливается предикативность или атрибутивность определения, выраженного качественным прилагательным.

Разрыв между определением и определяемым имеет место также в характерных для польского языка конструкциях с глаголом *mieć* (со значением принадлежности), а иногда и при других глаголах. Например:

Sny miał posępne, jakim zwykle człowiek ulega po silnych wstrząsieniach (B. Prus. Placówka). *Włosy ma lnie, oczy duże, szafirowe* (B. Prus. Przygoda Stasja). *Stary nie był złym człeczyną; obejście jednak miał chłodne* (Там же). *Oczy miał błędné i przekrwione — twarz zsiniałą* (S. Żeromski. Wierna rzeka). *Oczy miał siwe, głębokie, szczere* (S. Żeromski. Wierna rzeka). *Nie był zbyt tłusty, twarz tylko miał bardzo tłustą...* (H. Sienkiewicz. Bartek zwycięzca). *Gospodarstwo miał*

¹ См. В. В. Виноградов. Ук. соч.

duże (Z. Nałkowska. Dom nad Łąkami). *Smierć miał lekką, piękną śmierć — za całe życie* (I. Newerły. Pamiątka z Celulozy). ...*chociaż natura poszła po tacie, duszę właściwie szeroką* (B. Czeszko. Pokolenie).

Во всех этих примерах предложение начинается с прямого дополнения, которое находится непосредственно перед управляющим им глаголом, одновременно отделяющим его от определения. Такое вынесение дополнения на первое место вызвано желанием его выделить, сделать смысловым центром предложения. Этим определяется и подчеркивающая его интонация. Выделяющее значение, приобретаемое дополнением, обеспечивается его местоположением.

Способствует этому и локализационный разрыв дополнения с относящимся к нему определением, поскольку этот прием также является выделяющим средством большой силы.

Если бы на первом месте оказалось не дополнение, а определение, тогда, при сохранении между ними локализационного разрыва, оно перетянуло бы на себя основную нагрузку предложения, что противоречило бы авторскому замыслу. Это легко доказать, изменив в приведенных примерах положение определения: *Lekką miał śmierć...*; *Pośepne miał sny...*; *Duże miał gospodarstwo...*

Точно так же ослабит смысловую нагрузку дополнения вынесение на первое место сказуемого, после которого должно быть расположено дополнение, следующее за определением или предшествующее ему, но расположенное непосредственно рядом с ним: *Miał lekką śmierć...* или *Miał śmierć lekką* и т. п.

В первом случае этот наиболее обычный порядок слов сопровождается ровной повествовательной интонацией с незначительным повышением на последнем слове.

В втором — определение, расположенное после своего определяемого, находится под логическим ударением, что еще более ослабляет значение дополнения. Именно такую конструкцию предложения мы имеем в случаях, где подчеркивается не дополнение, а какой-нибудь другой член предложения, чаще всего определяющее его прилагательное. Например:

Lecz ona miała włosy siwe (B. Czeszko. Pokolenie). ...*obydwa jego synowie mają uszy drętwie, a palce drewiane* (Там же). Если же предложение построено по принципу так называемого „прямого порядка“ слов, то ни один член предложения не получает особого значения, не несет на себе подчеркнутой смысловой нагрузки. В таких случаях предложение начинается подлежащим, за ним следует сказуемое, выраженное личной формой глагола *mieć*, а затем стоит дополнение с предшествующим ему определением. Например:

...jego żona ma bardzo wyraźne łzy w dużych łagodnych oczach (B. Prus. Przygoda Stasja). *Olek nie tylko miał wspaniałe pomysły, ale potrafił je doskonale wykonać* (B. Hamera. Doznanie ludzkie). *Dziewczyna miała czarne włosy, przykryte okrągłą czapeczką* (B. Czeszko. Pokolenie).

Если в предложениях такого типа определение будет расположено после определяемого-дополнения, это, конечно, повысит его смысловую нагрузку и определит выделяющий характер интонации. Различие в значении и интонации, обусловливаемое препозицией или постпозицией прилагательного по отношению к определяемому им дополнению, ясно видно в следующем примере, где представлены оба типа локализации:

...miał rysy bardzo regularne, cerę świeżą, wyraz rozumny. Miał też jasne kędzierzawe włosy, ciemnawe brwi i ciemnoszafirowe oczy, mazujące (B. Prus. Antek).

Следовательно, расположение и локализационное соотношение членов предложения, в частности, место определения, обусловленное инверсивным выдвижением дополнения, отрыв его от определяемого, также служат средством выражения определенных смысловых связей, помогают более полному раскрытию смысловой установки предложения.

Из рассмотренного нами материала можно сделать следующие общие выводы:

1. Локализационный отрыв определения от определяемого обуславливает смысловое и интонационное выделение одного из компонентов атрибутивного сочетания, являясь исключительно сильным средством такого выделения.

2. Разрыв указанных членов предложения связан с тем, что вся конструкция предложения, подчиненная ведущему грамматическому фактору, вызывает и особое расположение определения и определяемого.

3. Дистантное расположение определения и определяемого может быть вызвано и стилистическими причинами.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XIII, 1956 г.

Л. Н. Смирнов

К ВОПРОСУ О СТРАДАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
В СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о страдательных конструкциях в словацком языке разработан еще очень слабо. Из специальных работ, посвященных этому вопросу, значительный интерес представляет статья проф. Е. Паулини „*Pasívum v spisovnej slovenčine*“¹. В ней дается краткая характеристика двух способов выражения страдательного залога (при помощи возвратного глагола и посредством сочетания страдательного причастия значащего глагола с соответствующей формой глагола *byť*). Автор отстаивает необходимость использования страдательных конструкций в литературном словацком языке и критикует словацких туристов, которые выступали против употребления страдательных конструкций, образованных с помощью страдательного причастия. Большое внимание автор уделяет вопросу об употреблении названных конструкций в словацком языке.

По необходимости краткие замечания о страдательных конструкциях, которые мы находим в современных грамматиках словацкого языка, освещают лишь некоторые стороны этой сложной и интересной проблемы и, кроме того, эти замечания имеют в основном нормативный характер².

В словацком языке, как и в других славянских языках, имеются особые способы выражения залоговых значений — специфические синтаксические конструкции: действительные и страдательные. В действительной конструкции глагол обозначает действие, совершающееся предметом в функции подлежащего, выражая его активность: *Družstevníci obrábjajú polia. Celú noc som výborne spal. Martin sa usmieva* и т. п.

Иное отношение между действием и предметом в функции подлежащего выражается страдательной конструкцией: *Polia sú obrábané družstevníkmi*. Теперь предмет в роли подлежащего не является производителем действия, он испытал на себе действие, в результате чего явилось его данное состояние.

В составе страдательной конструкции может выступать также глагол в возвратной форме: *Polia sa obrábjajú*. Залоговое значение по сравнению с первой страдательной конструкцией не изменилось.

¹ E. Pauliny. *Pasívum v spisovnej slovenčine*. — „Slovo a tvar“. Bratislava. 1949, roč. III, č. 4, str. 123—129.

² См. Belo Letz. Gramatika slovenského jazyka. Bratislava, 1950; E. Paulin, J. Štolc, J. Ružička. Slovenská gramatika. Martin, 1953 и др.

Основой страдательной конструкции является глагол (возвратный) или страдательное причастие, непосредственные носители и выразители страдательного значения. С ними тесно связаны другие компоненты страдательной конструкции, которые поддерживают залоговое значение глагола или причастия. Так, например, важной составной частью конструкции является дополнение при глаголе или причастии, которое обозначает производителя действия. Большую роль играет также предмет, испытывающий на себе действие, выраженное глаголом или причастием.

В зависимости от наличия или отсутствия этих компонентов конструкции, а также от их семантики, может изменяться степень страдательности, выражаемая данной конструкцией, т. е. страдательное значение может проявляться более или менее четко, ясно.

В предлагаемой работе будут рассмотрены причастные страдательные конструкции в плане выражения ими залогового значения. Будут проанализированы условия и средства, способствующие поддержанию, усилению или ослаблению страдательного значения.

* * *

В словацком языке, также как в чешском и польских языках, страдательные причастия настоящего времени утрачены. Страдательные причастия прошедшего времени образуются от основы инфинитива переходных глаголов с помощью суффиксов *-el-*, *-n-*, *-t-*. В словацком языке, в отличие от чешского языка, нет кратких страдательных причастий. Полные страдательные причастия и в предикативной, и в атрибутивной функции обладают способностью выражать страдательное залоговое значение. Причастные страдательные конструкции можно разделить на два вида: предикативные и атрибутивные.

Основными компонентами предикативной страдательной конструкции являются подлежащее и составное сказуемое, в роли именной части которого выступает страдательное причастие. Последнее обычно сочетается с формами вспомогательного глагола *byť*, *bývat'*. Несколько примеров подобных конструкций из книги Яна Калинчака „Орава“¹: *Ked' boly porady dokončené, uviedol Elek panov do paloty...* (73). *V Prešporku bola znova sostavená komisia...* (122). *Tu nachádzam knihu, ktorá je cirkvou zakázaná...* (94)... *a ich majetky sú mne sl'ubnené* (98). ... *naše staré kamarátstvo spomínané bude* (45) и т. п.

Конструкции этого вида нередко встречаются и у других словацких писателей. Например:

Celá brána, chodba pomalované boli najpestrejšími kvetmi (G-Taj. Dk. 41). *Na tretí deň bolo všetko schystané* (Vaj. Kv. 13). *Pavlovka bola zaliata slnkom* (Jil. Zk. 12). *A t'ahá z vačku usmolenú knížku, v ktorej vraj sú všetky Kupkove hriechy pozapisované* (Jil. Pn. 14). *Vrátka na dvor boli už otvorené* (Hor. Ps. 49). ... *ale chlapci budú varovaní...* (Laz. Tsn. 79). *Kancelária bola zaprataná písacimi stolmi* (Tat. Rad. 63) и т. п.

Подобные конструкции употребительны и в чешском языке: *V bytě byla zatvírána všechna okna* (Olb. 44). *Všechna místa jsou obsazena* (Fuč. 93). *Dost možná, že statek vyhořel nebo byl poboren za bitvy* (KN. 5). *Kroha byl odsouzen na tři měsíce* (Sv. 241).

¹ Список сокращений см. в конце работы. Цифра указывает страницу издания.

Распространены они также и в других славянских языках. Ср. примеры, взятые из русского языка: *Он был арестован за освобождение одного матроса-большевика* (Н. Ост. 101). . . . *греческий песок был изрыт всхоронками и залит кровью* (К. Сим. 564); из польского языка: *te formularze nie były skierowane do nej* (W. W. 19). . . . *on jest bardzo pokaleczony* (W. W. 68).

Словацкие страдательные причастия, выступающие в предикативной функции в полной форме, очень близки к именам прилагательным.

Однако они еще тесно связаны с глагольной системой, их глагольные свойства проявляются достаточно отчетливо. В частности, они могут выражать страдательное залоговое значение.

Страдательное значение выражается причастной страдательной конструкцией особенно ярко и бесспорно, если в состав конструкции входит дополнение со значением производителя действия. Именно в этом случае следует говорить о выражении страдательности, поскольку ясно выражается страдательный характер подлежащего. Последнее обусловлено тем, что обозначен деятель, действие которого испытывает (испытал, будет испытывать) предмет или лицо в роли подлежащего.

Дополнение со значением производителя действия, которое управляет страдательным причастием, является важным компонентом страдательной конструкции. В словацком языке это дополнение почти всегда имеет форму творительного падежа. Например:

Zmäťčk povstal po dedinách, ked boli vojskom obsadené (Kln. Or. 89). *Krčmár Čečotka je celkom zaujatý svojím snom* (Jil. Pn. 16). *Všetký tieto listiny sú písané jednou rukou.* (Dub. 6).

В чешском языке, как и в словацком, производитель действия обычно обозначается формой творительного падежа: *Vedoucí illegální skupiny je chycen gestapem* (Sv. 249). *Krouský, Lidový dům byl obsazen policií* (Olb. 260).

Вместе с тем в чешском языке встречаются конструкции, в которых дополнение со значением производителя действия выражено сочетанием родительного падежа имени существительного (или, что значительно реже, местоимения) с предлогом *od*: . . . *a když byl v Praze veliký turnaj od krále vypsán* (BNB. 36). *Pokud byl živ, zůstal nepoznán ode všech* (Jir. 108). *Bude bit od babičky?* (KN 117). „*Byli jsme oklamáni*“, *pokračoval rychle Toník... „Ode všech“.* (Olb. 101).

Производитель действия в чешском языке может быть выражен также винительным падежом с предлогом *skrze*: *dlužník byl upomínut skrze advokáta*¹.

В словацком языке сочетание родительного падежа с предлогом *od* для обозначения производителя действия встречается очень редко. В использованных нами словацких текстах лишь в книге Я. Калинчака „*Оправа*“ было найдено несколько подобных примеров: *Elek Kubíni, Ladislav Meško a Žofia... sú omilostení od samého cisára* (Kln. Or. 163). . . . *tak predsa nikdy nemohol zabudnúť*, že *od Športka bola familia Kubínich a v nej celé uhorské zemianstvo obrazene* (Kln. Or. 105). . . . *a čo mu bolo sverené od samého vicišpána* (Kln. Or. 140). . . . *a že len čas ich spojenia od Eleka predĺžený je.* (Kln. Or. 93). . . . *ked bol Rákoci 1644 pri Fraštáku od Buchheima zbitý...* (Kln. Or. 26) и т. п.

¹ František Trávníček. Mluvnice spisovné čeština, č. II. Skladba. Melantrich, 1949, str. 741.

У современных словацких писателей подобные конструкции почти совсем не встречаются.

В роли дополнения со значением производителя действия при страдательном причастии могут употребляться названия различных одушевленных предметов, абстрактные понятия и т. д.

Наиболее четко значение производителя действия выступает тогда, когда в роли дополнения употребляется название лица, коллектива или одушевленного существа: ... *muz tiež obstarň vyhadzoval snopy, alebo otiepky s voza na holohumnicu, odkial' d'alej čeliadkou do záčinov podčvané a ukladané boly...* (Kln. Or. 7). *Justin Mikleš bol príliš zaujatý Masiarikom* (Tat. Rad. 37). ... *priatelia a spolušprisahanci jeho boli komisiou... k smrti odsúdení* (Kln. Or. 121) и т. д.

Ср. чешск. примеры: *Vrátným hotelu ... byl se vši určitostí poznán* (Olb. 193). *Byl milován dělnictvem* (Olb. 240). *Všechno bylo rozebráno myšmi* (KN. 11) и русские: *Много слез было пролито Марией Яковлевной* (Н. Ост. 119). *Второе письмо адресатом по небрежности было утеряно* (Паус. 9) и т. д.

В этом случае не только ярко выражается пассивность подлежащего по отношению к действию, но и подчеркивается страдательный характер подлежащего.

Однако, как показывает собранный материал, в роли дополнения со значением производителя действия в страдательной конструкции нередко выступает название неодушевленного предмета или даже отвлеченное понятие. Например:

Tu nachádzam knihu, ktorá je cirkvou zakázaná (Kln. Or. 94). ... *ked je dedina zaliata blatom...* (Jil. Zk. 18). *Prešli hájom, kde zem bola ustlatá vlaňajším lístím* (Laz. Tsn. 14). *Večer bol temný, ale obloha bola posiata hviezdami* (Hor. Ps. 70). *Martin bol celkom zdruený smrťou Anny*. (Jil. Zk. 174).

В тех случаях, когда в функции дополнения при причастии в страдательной конструкции употребляется название неодушевленного предмета, вещи или отвлеченное понятие, часто возможны колебания при определении значения этого дополнения.

Иногда оно имеет значение орудия действия: *Skrýne sú naplnané ičebnými rotôskami*. Дополнение *rotôskami* обозначает орудие действия, показывает, чем заполнил шкафы неназванный производитель действия. Ср. подобную русскую конструкцию: *Коридор был устлан ковровой дорожкой*.

Нередко различие в значении творительного производителя действия и орудия действия почти неуловимо, настолько тесно эти значения сплетаются, смыкаются. В подобных случаях определить значение дополнения в творительном падеже весьма трудно. Например: *Kol'ko nádejí visí na tenkom, slabuškom vlásku, ktorým kvet pripäť je k ražnému klasu!* (Vaj. Lt. 65).

Следует отметить, что одновременно и дополнение со значением производителя действия и дополнение со значением орудия действия в страдательной конструкции обычно не называются.

В словацком языке (а также и в чешском) наиболее распространенным видом предикативных причастных страдательных конструкций являются конструкции, в которых дополнение со значением производителя действия отсутствует. Например:

Budova bola rozdelená na dve presné polovice (Jil. Zk. 122). *Výklady obchodov boli osvetlené* (Kar. 35). ... *bolo nám dovolené brati, čo sme*

našli (Kln. Or. 54). *Napokon sú oblek, tapánky a nový širáček kúpené* (Laz. Tsн. 43).

Ср. чешск.: *Babička se velmi bála pušky, i když nabíta nebyla* (BNB. 40). *Kumbálek byl malický, ale byl čistě vybílen* (Olb. 12). *Byl jsem hluboce zklamán* (Fuč. 137) и т. д.

Анализ подобных конструкций показывает, что отсутствие в большинстве причастных страдательных конструкций дополнения со значением производителя действия — явление не случайное, а закономерное. Когда в таком дополнении нет особой необходимости, оно обычно не называется¹. В некоторых же случаях, как будет показано ниже, оно было бы даже излишним.

В рассматриваемых конструкциях основным выразителем страдательного значения является причастие. Показателем страдательного значения служит форма страдательного причастия, его специфические суффиксы. Вместе с тем, большое значение имеют другие показатели, особенно синтаксические связи компонентов конструкции и их лексическое значение. В определенных условиях контекста в зависимости от различного характера лексико-синтаксических связей компонентов конструкции с другими словами в предложении страдательность может быть выражена более или менее четко. Страдательные причастные конструкции с опущенным производителем действия распадаются на три группы.

I. Прежде всего, можно выделить группу страдательных причастных конструкций, в которых производитель действия не назван, но достаточно ясен из контекста.

1. Производитель действия называется в предшествующих страдательной конструкции предложениях. Например: *Deti len teraz zbadaly, že Martinec nezavíril dvere. Boly len privráté...* (Hor. Ps. 41). Здесь из предшествующего предложения ясно, что двери притворил Мартинец, поэтому нет необходимости называть производителя действия в страдательной конструкции.

Jožko vie, že prístup do dielne je zakázaný (Kar. 34). Из предшествующего предложения в тексте понятно, что „доступ в мастерскую запрещен“ отцом.

То же в чешском языке: *Deset, patnáct lidí, rozhodně zbytečně mnoho, se hnalo po nábytku. Prováz byl v tmíku odvázán, ruce se najednou chopily věci* (Olb. 151). Из первого предложения ясно, что веревка была связана подбежавшими людьми.

Vidí, jak docela s klidem je mi hozena ve tvář lež (Sv. 9). Предшествующее предложение в тексте подсказывает, что данное действие совершено судебным обвинителем.

2. В самом предложении со страдательной конструкцией имеется косвенное указание на производителя действия. Например: ... *a predsa i u potomkov našich ... naše staré kamarádstvo spomínané bude* (Kln. Or. 45). В данном случае нет необходимости называть при страдательном причастии дополнение в творительном падеже со значением производителя действия, так как при помощи словосочетания *u potomkov našich* он уже указан.

Ср. аналогичную чешскую конструкцию: *Kratochvilné toto vypravovaní bývalo u našich předků velmi oblibeno* (Jir. 130).

Иной способ косвенного указания на действующее лицо представлен в следующем примере: *Pohl'ad Michnovcov bol na Eleka obrátený...*

¹ Ср. Fr. Trávníček. Ук. соч., стр. 741.

(Kln. Or. 81). Из определения Michnovcov, стоящего при подлежащем, уже ясен производитель действия, поэтому он и не упоминается вторично.

Ср. чешск.: *Za třetí návštěvy gestapa je zaťčena Eva* (Sv. 284) и русск.: *Слова ее были сказаны просто, без тени назойливости* (М. Гор. 79).

Наличие косвенного указания на производителя действия обуславливает то, что в подобных конструкциях страдательный характер подлежащего выражается еще достаточно четко. Поэтому страдательные конструкции, в которых производитель действия ясен из контекста, по степени выражения страдательности очень близки к конструкциям с названным производителем действия.

II. Многочисленную группу представляют такие причастные страдательные конструкции, в которых производитель действия может быть назван, но опускается, так как для выражения данной мысли он не представляет существенного интереса и значения. Обычно это бывает в тех случаях, когда в высказываемой мысли упор делается на характеристику предмета, выступающего в роли подлежащего, когда описывается его состояние, свойство, признак как результат определенного действия другого предмета или лица. Например:

Dvere medzi nimi sú zatvorené (Heč. Dr. 97). *A ked' sedliaci zastali nad mlatom, na ktorom boli rozložené snopy, vyzerala ani vŕťazni generáli* (Jil. Zk. 88) *A Eugen... obzeral seno, pchal rameno do kôp, či sú dobre utlačené* (Vaj. Lt. 64).

Ср. чешск.: *Máslo je dnes tlúčené* (BNB. 42). *Země je zpustošena* (Olb. 214). *Ale co s košíli? Podívej se, jak je roztržená* (KN. 134).

В подобных конструкциях страдательное значение ослаблено, но все же не вызывает сомнения. Большую роль в этом отношении играет не только форма причастия, но и его лексическое значение. Особенно четко страдательность выражается тогда, когда причастие образовано от переходного глагола, обозначающего деятельность одного лица или группы лиц и т. п. Действие, обозначенное таким глаголом, не может соотноситься с неодушевленным предметом как со своим субъектом. Неодушевленный предмет при таком глаголе является объектом действия. Поэтому, хотя неодушевленный предмет и выступает в предложении как подлежащее, его пассивность и даже оттенок страдательности все равно выражается достаточно четко. Например:

V dutine... príbyť bol jednoduchý drevený trojramenný kríž (Vaj. Lt. 61). *Listy Michlove k Tökölimu boli otvorené* (Kln. Or. 103). *Zbrane boli schované* (Laz. Tsn. 116). *Potom boli výzvy na mašinke rozmetané* (Jil. Zk. 150).

Встречаются конструкции и с одушевленным предметом или лицом в функции подлежащего. Правда, иногда в такого рода предложениях страдательное значение может быть поставлено под сомнение, так как в некоторых случаях одушевленный предмет в роли подлежащего может мыслиться в качестве производителя действия, обозначенного глаголом, от которого образовано причастие. Например: *Juro je smrtel'ne zranený* (Laz. Tsn. 129).

Страдательное значение в таких конструкциях выражается более четко, когда в их состав входит дополнение в творительном падеже со значением производителя действия (примеры см. выше).

Если и без указанного дополнения в некоторых случаях страдательное значение выражается достаточно ясно, то это обусловлено формой

и семантикой причастия. Например: *Archip Fjodorovič Procenko bol vylúčený zo strany* (Jil. Zk. 189).

Здесь совершенно ясно, что действие произведено не лицом, названным в предложении, а каким-то коллективом, здесь не названным. Страдательная конструкция указывает на пассивность названного лица по отношению к действию. Приведем еще примеры:

Šport stál sám, ale nie dlho, bo boli privezení traja kňazi (Kln. Or. 99). ... a o štyri týždne bol už Maco s Cíľou sosobášený (G. Taj. Dk. 56). *Bol rád, že Dolin bol znova zvolený za predsedu sovietu* (Jil. Zk. 190).

Ср. чешск.: *Kroha byl odsouzen na tři měsíce...* (Sv. 241). *Neměl kdy, na růl pátu byl pozván do ministerstva* (Olb. 205).

Страдательное причастие в подобных конструкциях сохраняет способность управлять творительным падежом со значением производителя действия, а это свойство является характерным для страдательной конструкции. Вместе с тем, в связи с отсутствием прямого или косвенного указания на определенного производителя действия, в анализируемых конструкциях страдательность выражается обычно слабее, чем в ранее рассмотренных группах. Страдательность как бы тускнеет, переходит в пассивность.

III. Значительную группу составляют причастные страдательные конструкции, в которых производитель действия не назван и не может быть назван. В некоторых из них производитель действия является очень неопределенным. Например:

Teraz je robotníctvo všade pobúrené (Min. 53). *Zaprášený lúč padal žalúziami na krídlo. Bolo trošičku rozladené* (Kar. 18).

Ср. чешск.: *Zatím co se plaví prvá lod' z gabajovské gulty do Amsterdamu, aby byla pak dopravena dál do Německa* (Sv. 249).

В других конструкциях состояние, выраженное причастием, представляется отвлеченным от какого-либо производителя действия. Иногда действие или состояние мыслится как бы происходящим или возникшим само собой:

No Jankovi Novákovi bol určený tento čierny osud tragickej smrti na prahu slobody (M. Ch. 10). *Ale ako to už človek nikdy je nie slabostí zbaivený...* (Kln. Or. 11). *Pre takých ludí sú tieto časy ako stvorené* (Tat. Rad. 50). ... *obločný ram bol zanesený snehom* (Laz. Tsn. 19).

Ср. чешск.: *Druhý kmotr byl těž tak ustrojen jako pan otec* (BNB. 26). *Já říkám, ten Roškot je tak ponechaný osudu* (KN. 60).

Во всех этих предложениях производитель действия неизвестен, поэтому и не может быть назван.

Не называется производитель действия и в предложениях типа: *Ale dosial' je otázka otvorená* (Wag. 11). *Každá šelma je poznáčená...* (Kln. Or. 118)

Ср. чешск.: *Mýlka jest vyloučena* (Olb. 191).

Здесь перед нами уже определенные фразеологические сочетания.

В данных примерах производитель действия даже не подразумевается. В связи с этим можно говорить о значительном ослаблении страдательности: подлежащее не испытывает действия со стороны другого предмета. Таким образом, выражается не страдательный характер подлежащего, а его пассивность по отношению к действию.

Вообще во всей последней группе скорее можно говорить о выражении значения пассивного состояния, свойства, качества предмета, выступающего в роли подлежащего, чем о его страдательном характере.

В конструкциях данной группы страдательное значение сходит на нет, оно значительно слабее, чем в первых двух группах.

Поскольку в конструкциях последней группы состояние предмета, выраженное причастием, представляется как бы возникшим само собой или с помощью каких-то неопределенных, неизвестных сил, т. е. в отвлечении, в отрыве от какого-либо производителя действия, поскольку данное состояние предмета в функции подлежащего может восприниматься как его свойство, как его характерный признак, не привнесенный со стороны. Поэтому в подобных конструкциях страдательное причастие сближается с именами прилагательными, функционирующими в качестве именной части составного сказуемого.

Таким образом, в зависимости от наличия или отсутствия дополнения со значением производителя действия, от условий контекста, от одушевленности или неодушевленности подлежащего и семантики причастия и т. п. страдательность причастной предикативной конструкции выражается неодинаково. На примерах из словацкого литературного языка были прослежены различные степени проявления страдательности: от собственно страдательного значения до значения пассивности, сближающегося со значением состояния как качественного признака предмета.

* * *

Вторым видом причастных страдательных конструкций являются атрибутивные страдательные конструкции. В них причастие функционирует в роли определения:

Anna, zmatená čiernym tichom a bielymi hviezdami... (Jil. Zk. 18). V kute izby, už trocha presvetlenej raňajším svitom... (Heč. Dr. 10). Do slov starcových šumelo lístie, uzrušené polnočným vetrom (Vaj. Lt. 61).

В атрибутивной функции страдательные причастия наиболее близки к именам прилагательным. Адъективация затрудняется, когда страдательное причастие выступает в предложении не как единичное определение, а в составе причастного оборота.

В составе причастного оборота глагольные свойства причастия (способность выражать время, вид, залог, а также способность к управлению) являются наиболее устойчивыми.

Страдательное причастие-определение может выступать в различных падежных формах в зависимости от определяемого им слова. Поэтому в атрибутивных конструкциях может выражаться страдательный характер предмета, выступающего не только в функции подлежащего, но и в других синтаксических функциях. Приведем примеры.

А. Причастия, выступающие в качестве определения при подлежащем:

Požiadavky však v okamihu zanikly, prehlušené hukotom, výkrikmi a smiechom mužských a žien (Jil. Zk. 126). ... bol medzi nimi a nami drôtený plot, napustený elektrinou (Heč. Dr. 52). ... ozval sa Eugen celý oduševnený efektami farieb, svetla a tieňov (Vaj. Lt. 58).

Б. Причастия, выступающие в качестве определения при других членах предложения:

Po horskej ceste od Donovalov k Starým Horám, zatarasenej ešte kmeňmi z jesenného ústupu a silne poškodenej náletom... (Kar. 19). Duša jeho triasla sa ešte citom, vzbúreným rozhovorom s Adelou (Vaj. Lt. 57). Chcem hovoriť o slovenskom umení! O umení, tvorenom umelcom Slovákom (Wag. 7) и т. п.

Ср. чешск.: *Žena vyhrnula rukáv a ukázala nahé předloktí bez svalstva, jen kost pokrytu kůží* (Olb. 23). ... se svou drobnou hlavou ovínutou pletenci do věnečku... (M. Ľm. 6) и т. п.

Атрибутивные страдательные конструкции в словацком и чешском языках по своему строению, по функциям и значению отдельных членов ничем существенным не отличаются от подобных конструкций в русском языке:

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям (Пушкин. 186). *Вслед за ним бежали врасыпную охваченные паникой цепи петлюровцев* (Н. Ост. 107). *Комиссар ... пристраивал поближе к огню свои забрызганные грязью сапоги* (К. Сим. 562).

В атрибутивных страдательных конструкциях заметно повышается роль дополнения в творительном падеже со значением производителя действия. Только при наличии такого дополнения четко выражается залоговое значение причастия в атрибутивной страдательной конструкции.

Не случайно, что в атрибутивных страдательных конструкциях в отличие от предикативных в большинстве случаев налицо дополнение в творительном падеже со значением производителя действия. Например:

Vysedával som na pokraji hôr, omátený vôňou prvých jahôd (Jil. Kr. 32). *Stará Tremboška, zdlávená akousi chorobou...* (Jil. Zk. 116). *Plechový sporák, rozežratý hrdzou...* (Heč. Dr. 130). ... *kde miesto väzenského poriadku bude platiť kolektívna morálka, prijímaná každým jeho členom* (Hys. 113).

В указанных примерах в роли такого дополнения выступают неодушевленные предметы, отвлеченные понятия.

Если в роли дополнения при причастии выступает лицо или одушевленный предмет, то страдательность конструкции проявляется особенно отчетливо. Например:

A ked' odišli aj vozy, obsadené milicionárimi, začalo byť chlapcoví smutno (Heč. Dr. 69). *Kremnica, ako slobodné kráľovské mesto, ... obývané z veľkej časti nemeckými kolonistami, udržovalo...* (Dub. 3).

Ср. чешск.: *Rečník volně a důstojně opakoval a schvaloval žaloby uznesené proti systému Toníkem a černým soudruhem* (Olb. 114). *Velkolepé cifry práce moskeuského sovětu, přednesené Vasilijem Frolovicem Jurkinem, byly schváleny* (Fuč. 96).

В некоторых случаях дополнение в творительном падеже, управляемое причастием в атрибутивной страдательной конструкции, имеет значение не производителя действия, а орудия действия:

Pod ním bola jama, kameňom vylodená a prikrytá doskami (Jil. Zk. 107). *Najprv Zuza vydrmne synovi z ruky nevel'ký kufrik, previazaný hrdzavým drótom* (Heč. Dr. 49). *Nákladné autá stoja, prikryté plachtami* (Min. 20).

В этих конструкциях страдательное значение выражается слабее, чем в конструкциях с названным производителем действия. Но все же страдательность подобных конструкций не вызывает сомнения. Объясняется это тем, что связь страдательного причастия с творительным падежом орудия действия усиливает глагольность причастия¹, чем поддерживается его залоговое значение.

Если страдательное причастие в атрибутивной функции не сочетается с творительным падежом производителя действия или орудия действия, то его залоговое значение ослабевает, тускнеет. Например:

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 279.

A dobre pôsobil prechod na čiuvy jeho chorl'avo rozdráždené (Vaj. Lt. 63). *Bola to užovka, pret'atá napoly* (Jil. Kr. 22). *Sbierka Piešej o veľ'kom priateľ'stve, venovaná Sovietskemu sväzu...* (se. p.).

Предмет, выступающий в качестве определяемого, представляется пассивным по отношению к действию, в результате которого возник признак этого предмета, указываемый причастием.

В этих предложениях причастие связано с другими словами различными видами управления, что поддерживает глагольность причастия и затрудняет процесс адъективации.

Когда страдательное причастие не сопровождается зависимыми от него словами, оно легче переходит в разряд имен прилагательных. Особенно заметно сближение одиночного страдательного причастия с прилагательным тогда, когда причастие стоит перед определяемым словом.

Например:

Nal'akaní nacisti utekali aj so svojimi pomáhačmi (F. Kr. 12).

Ср. чешск.: ...*tu strakatí se vyšívaná kamizolka chlapce...* (BNB. 26). *Kde je slibovaná socialisace dolů a těžkého průmyslu?* (Olb. 99).

Страдательное значение подобных словосочетаний настолько ослаблено, что их уже невозможно относить к страдательным конструкциям.

* * *

От рассмотренных предикативных и атрибутивных страдательных конструкций необходимо отличать сходные с ними конструкции с причастием, образованными при помощи суффиксов *-en-*, *-n-*, *-t-* от глаголов непереходных, выражаютих состояние или действие, которое не обращено на прямой объект. Полагаем, что такого рода причастия не следует относить к страдательным, как это делают некоторые лингвисты¹.

Образование причастий с указанными суффиксами — явление довольно распространенное в словацком языке. В меньшей степени это свойственно чешскому языку. В русском языке подобные образования очень редки и непродуктивны.

В словацком языке можно выделить две группы непереходных глаголов, от которых образуются причастия, страдательные только по форме. Это возвратные глаголы и так называемые субъектные глаголы. Например, причастия, образованные от возвратных глаголов: *vyspat'sa*—*vyspatý*, *usmiat'sa*—*usmiaty*, *učipit'sa*—*učírepný*, *odpočinút'si*—*odpočinutý*, *spotiť'sa*—*spotený*, *zamysliet'sa*—*zamyslený* и т. п.; от субъектных глаголов: *vychladnúť*—*vychladnutý*, *premoknúť*—*premoknutý*, *oprchnut'*—*oprchnutý*, *skrehnúť*—*skrehnutý*, *zostariet'*—*zostarený*, *zamrznúť*—*zamrzutý* и др.

В нашу задачу не входит детальное рассмотрение вопроса об образовании и функционировании подобных причастий в словацком языке. Нам важно определить только их залоговое значение, так как, выступая в роли именной части составного сказуемого или в роли определения, эти причастия входят в состав конструкций, которые по своему строению почти не отличаются от страдательных причастных конструкций.

Приведем примеры.

А. Причастия, выступающие в предикативной функции:

¹ См. например: Belo Letz. Gramatika slovenského jazyka. Bratislava, 1950, str. 336.

Pustili sa chodníkom vedľa potoka, už bol celkom rozmoknutý (Laz. Tsn. 13). *Bol celý spotený* (Hor. Ps. 58). ...*boli také sústredené na svoju hru...* (Tat. Rad. 55).

Б. Причастия, выступающие в атрибутивной функции:

Veľkými oblokmi otváral sa pekný, dôverný, pohl'ad na dozrievajúce obilie a zakvitnuté zemiaky v poli (Tat. Rad. 61). *Martinec len napolo utretý naťahoval košel'u...* (Hor. Ps. 16). *Voda z mnohých drobných pramienkov sa predierala zpod odpočinutej zeme...* (Laz. Tsn. 7). ...*našla už starého otca v posledných t'ahoch naprostred izby padnutého...* (G.-Taj. Dk. 20).

Доказательством того, что рассматриваются причастия по залоговому значению не являются страдательными, служит их соотносительность с полными формами причастий действительного залога прошедшего времени на *-lý*¹. Распространение в словацком литературном языке причастий на *-lý* А. Яношик объясняет влиянием чешского языка. Например: *dbalý, podozrelý, opuchlý, zvädlý* и т. д.

В живой речи, как указывает А. Яношик, таких причастий значительно меньше, всего несколько слов: *stalý, hnily, zrely, smely, opily*.

В литературном языке в некоторых случаях представлены параллельные формы, не различающиеся по значению: *opily—opity, zomrely—zomretý, zamrzly—zamrznutý, vyrastly—vyrastený* и т. п.

Из этого следует, что причастия с суффиксами *-en-, -n-, -t-* от непереходных глаголов, как и причастия с суффиксом *-l-*, имеют действительное залоговое значение. Приведем примеры.

А. Предикативные конструкции:

Syn strúha, mat' varí, obaja sú zamyslení a mlčia (F. Kr. 64). Состояние, которое передается в этом предложении формой *zamyslení* не является результатом действия, кем-то произведенного.

V podvečer bol som vychystaný na cestu (Jil. Kr. 47). В этом случае состояние, обозначенное формой *vychystaný*, явилось результатом действия данного лица. Таким образом, здесь тоже причастием страдательное значение не выражается, поскольку предмет в роли подлежащего не был пассивен по отношению к действию.

См. еще аналогичные примеры:

Robotníci sú pochúzení v myšlienkach (Min. 51). ...*ešte tú klobásu zastrč tam do batohu, vyschnutá je už celkom...* (Laz. Tsn. 48). *Učiteľ bol zamyslený* (Hor. Ps. 16). *Tvár... bola i akási spuchnutá* (Kuk. 153). *Tieto listiny... sú premoknuté* (Dub. 5). *Do nôty mu nahráva aj to, že Brodno je ako vymreté* (Heč. Dr. 70).

Б. Атрибутивные конструкции:

Cválal premoknutou ceštou (Vaj. Lt. 257). *Veselá mysel', jasná usmiata tvár...* (G. Taj. Dk. 73). *Na druhú noc našla iba zdochnutého vrabca v hniezde* (G. Taj. Dk. 169). *Aha, ved' už sa valí ku koreňovie domcu podnapitý Gonda* (F. Kr. 78). —*Nie! — reval zachripenutý major* (Laz. Tsn. 136). *Veselé, odpočinuté spojárky odmotávaly dróty s obrovských kotúčov* (Laz. Tsn. 166).

Таким образом, причастие, образованное посредством суффиксов *-en-, -n-, -t-* от непереходных глаголов, нельзя считать страдательным, так как оно лишено страдательного значения².

¹ См. Anton Jánosik. Zo školskej slovenčiny. — „Slovenská reč“. roč. V, 1936—1937, č. 5—6, str. 133.

² См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. IV. М., 1941, стр. 202.

Поэтому предикативные и атрибутивные конструкции с указанными причастиями нельзя смешивать и отождествлять со страдательными причастными конструкциями. Следует подчеркнуть, что они различаются не только семантически, но и по своей грамматической оформленности. Если характерным свойством причастия в страдательной конструкции является способность к управлению творительным падежом со значением производителя действия, то причастие, образованное от непереходных глаголов посредством суффиксов *-en-*, *-n-*, *-t-*, этим свойством не обладает.

Рассмотренные причастные конструкции сближаются со страдательными только тем, что в тех и других причастия имеют одинаковые морфологические показатели — суффиксы *-en-*, *-n-*, *-t-*.

Эти суффиксы теряют свою специфику в качестве морфологических показателей страдательного залогового значения, поскольку они могут выступать и в качестве показателей действительного значения. Таким образом, морфологическая соотносительность между причастными формами страдательного и действительного залогов в словацком языке в определенных условиях нарушается.

* * *

Мы рассмотрели причастные страдательные конструкции с точки зрения выражения ими залогового значения. Теперь следует сделать несколько замечаний относительно их употребления в словацком языке в связи с тем, что некоторые словацкие пуристы, боровшиеся за чистоту языка, игнорируя специфические семантические особенности причастных страдательных конструкций (сравнительно с действительными конструкциями и страдательными конструкциями, образованными с помощью возвратного глагола), отрицали необходимость их использования в словацком языке. Они утверждали, что причастные страдательные конструкции не представлены в словацких говорах, а поэтому не должны употребляться и в литературном языке. Вместо причастных страдательных конструкций, как указывает Е. Паулини¹, они предлагали использовать или действительную конструкцию, или страдательную с возвратным глаголом. Например, вместо *Distribúcia krmív je zabezpečená* (1), по их мнению, нужно писать: *Zabezpečili distribúciu krmív* (2) или *Distribúcia krmív sa zabezpečila* (3). Вряд ли подобное требование можно признать правильным.

Прежде всего, заменив страдательную конструкцию соотносительной действительной, мы не сможем передать особых оттенков высказывания, которые выражаются страдательной конструкцией. Так, в первом предложении на передний план выдвигается предмет, который является объектом действия, хотя и оформлен он как подлежащее. Этот предмет характеризуется определенным состоянием, возникшим в результате действия какого-то другого деятеля и проявляющимся в момент речи. Применением страдательной конструкции показывается пассивность подлежащего по отношению к действию, кроме того, отстраняется на задний план производитель действия.

Действительная конструкция (2), хотя в общем передает тот же реальный факт, имеет свои особенности. Деятель, совершивший действие, выступает на передний план, что и проявляется в его грамматической оформленности как подлежащего. Если в первом предложении выражают-

¹ См. E. Pauliny. Ук. соч., стр. 123.

лось состояние предмета, то во втором выражается лишь совершившееся, законченное действие в отношении этого предмета.

Третья конструкция, хотя и является страдательной, все же несколько отличается по своему значению от причастной страдательной конструкции (1). В третьей конструкции выражается законченное действие, а не состояние.

Таким образом, все три конструкции, передавая в общем один и тот же реальный факт, вместе с тем служат для выражения различных оттенков мысли, что находит свое отражение в их специфическом грамматическом оформлении. Не следует поэтому пренебрегать страдательной конструкцией. Совершенно прав профессор Е. Паулини, который отмечает: „та часть учения защитников чистоты языка, в которой говорится, что вместо пассива должна быть использована активная конструкция, является выражением филологического примитивизма“¹.

По мнению словацких лингвистов Е. Паулини, Б. Летца и др., причастные страдательные конструкции употребляются главным образом в деловом стиле, а в других стилях литературного языка и особенно в художественной литературе они очень редки. Многочисленные примеры (использованные в статье далеко не полностью), почерпнутые нами из произведений словацких писателей: М. Кукучина, Я. Калинчака, И. Грегор-Тайловского, С. Г. Вайянского, М. Разуса, П. Илемницкого, Ф. Гечко, В. Минача, П. Карваша, Ф. Краля, В. Татарки, К. Лазаровой, И. Готрака, М. Гиско и др., позволяют поставить под сомнение бесспорность этого положения. Изучение произведений названных писателей показывает, что причастные страдательные конструкции широко употребляются не только в деловом языке, но и в художественной литературе.

Следует, однако, отметить, что чрезмерное увлечение страдательными конструкциями у некоторых писателей, особенно в газетных и журнальных статьях, ведет к обеднению языка, к ухудшению стиля, делая его тяжелым и неуклюжим².

Словацкие лингвисты, выступавшие против употребления в литературном языке причастных страдательных конструкций, в качестве аргумента указывали на то, что подобные конструкции не употребляются в говорах. Это положение является необоснованным. В просмотренных нами текстах диалектологических записей по различным словацким говорам встретилось значительное количество причастных страдательных конструкций. Правда, в говорах эти конструкции употребляются значительно реже. Кроме того, в говорах почти совсем не встречаются конструкции с названным производителем действия. Например:

Potom šieu gu cere kralovej, čo boza zakljiata na klinu ... (L. n. 491).
... a tam f' skal'e je krpež vitičení (L. n. 497). *Tote su spal'ene, na nič obracene* (S. Cz. 211). *Ta jak prišla domu ku dzverom a vidzeľa, že su zamknute* (S. Cz. 228). *...na fteru on bul pozvani* (SMS. 195). *...už je samorožež zabiti* (SMS. 199). *Na pol'u našli jedneho zajaca, chtori bul abo zastrel'eni abo zabiti.* (S. Cz. 277). *...a dzjevče, chtore bolo pri-vadzene hrožne plakalo* (S. Cz. 300). *...dze tote l'udze pobite bul'i ...* (S. Cz. 306).

Все это показывает, что страдательные причастные конструкции прочно вошли в систему словацкого языка. Они являются важным грам-

¹ E. Pauliny. Ук. соч., стр. 125.

² См. R. Večerka. K problematice novinářského jazyka. — „Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university“. Roč. I. Brno, 1952, str. 111; Zdeněk Tyl. Z časopisů a novin. — „Naše řeč“. Roč. XXXVI, 1953, č. 9—10, str. 312—313.

матическим средством в художественной литературе, в научном и деловом языке, в публицистике. Сфера их употребления, однако, не ограничивается литературным языком. Они употребляются и в говорах, правда, значительно реже, чем в литературном языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- M. Горьк. — M. Горький. Избранные произведения. II. М., 1946.
 Н. Ост. — Н. Островский. Как закалялась сталь. Изд-во „Молодая гвардия“, 1936.
 Пауст. — K. Paustovský. Povesti a rasskazy. M., 1953.
 Пушки. — A. C. Pushkin. Polnoe собрание сочинений. IV. M., 1936.
 К. Сим. — Konstantin Simonov. V eti gody. M., 1951.
 S. Cz. — S. Čzambel. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turč. Sv. Martin, 1906.
 Dub. — Dr. Dezider, A. Dubay. Kremnické listy z rokov 1564—1569. Bratislava, 1940.
 Fuč. — Julius Fučík. Výbor ze studií, článků a dopisů. Moskva, 1951.
 Heč. Dr. — F. Hečko. Drevná dedina. Bratislava, 1951.
 Hor. Ps. — J. Horák. Pionerské srdce. Bratislava, 1952.
 Hys. — Miro Hysko. V zajati spravodlivosti. Bratislava, 1949.
 M. Ch. — M. Chorváth, J. Koštka, L. Guderna. Tri prejavky k posmrtnej výstave. — „Ján Novák“. Bratislava, 1946.
 Jil. Kr. — P. Jilemnický. Kronika. Moskva, 1952.
 Jil. Pn. — P. Jilemnický. Pole neorané. Bratislava, 1951.
 Jil. Zn. — P. Jilemnický. Zuniaci krok. Bratislava, 1950.
 Jir. — A. Jirásek. Staré pověsti české. Mladá fronta, 1950.
 Kar. — P. Karvaš. Toto pokolenie. Matica slovenská, 1949.
 Klm. Or. — J. Kalinačiak. Orava. Martin, 1952.
 F. Kr. — František Král. Bude, ako nebolo. Bratislava, 1950.
 Kuk. — M. Kukucín. Mladé letá. Matica slovenská, 1946.
 Laz. — K. Lazarová. Traja s neba. Turč. Sv. Martin, 1950.
 Ln. — J. Stanislav. Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin., 1932.
 Min. — Vlado Mináč. Babička. Devíté vydání, v Praze, 1933.
 BNB — B. Némcová. Babička. Devíté vydání, v Praze, 1933.
 K. N. — Karel Nový. Na rozcestí. Praha, 1953.
 Olb. — J. Olbracht. Anna proletárka. Praha, 1951.
 M. Pm. — M. Puimanová. Život proti smrti. Praha, 1953.
 SMS. — „Sborník Matice Slovenskej“. XIV, č. 1, 1936.
 Sl. p. — „Slovenské pohľady“, LXIX, 1, 1953.
 Sv. — T. Svatopluk. Pán a spisovatel. Gottwaldov, 1949.
 G. Taj. Dk. — Jozef Gregor Tajovský. Do konca. Martin, 1951.
 Tat. Rad. — D. Tatarka. Radostník. Bratislava, 1954.
 Vaj. Kv. — Sv. H. Vajanský. Koreň a výhonky. Turč. Sv. Martin, 1948.
 Vaj. Lt. — Sv. H. Vajanský. Letaice tieňe. Matica slovenská, 1948.
 Wag. — V. Wagner. Profil slovenského výtvarného umenia. Matica slovenská, 1935.
 W. W. — W. Wasilewska. Po prostu milošć. Moskwa, 1945.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XIII, 1956 г.

H. B. Котова

**МАТЕРИАЛЫ ПО АЛБАНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
(АЛБАНСКИЕ ГОВОРЫ УКРАИНЫ)**

На территории Советского Союза албанцы живут в четырех селах на Украине: в селе Жовтневое (бывш. Каракурт) Болградского района Одесской области и в трех селах Приазовского района Запорожской области: Гаммовке, Георгиевке и Девненском. История этих албанцев очень сложна. Покинув Албанию, может быть, еще несколько веков назад, они долгое время жили в Болгарии, а затем переселились на территорию России.

В статистических описаниях Бессарабии, в работах, посвященных истории колонизации Бессарабии и Новороссийского края, упоминалось о том, что вместе с болгарами в бессарабских селах живут и албанцы. Но обычно авторы лишь указывали на наличие колонистов албанской национальности среди населения Бессарабии. Вопросы о том, откуда, как и почему появились в России эти албанцы, не привлекали внимания исследователей. Сообщались лишь некоторые статистические данные, не всегда точные. Так, в работах А. Скальковского „Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае“ (Одесса, 1848) и „Опыт статистического описания Новороссийского края“ (Одесса, 1850) сообщается о том, что в 1820 г. в Бессарабии было около 300 семей греков и „арнаутов“, а в 1821 г.—до 900 чел. А. Клаус в работе „Наши колонии“ (СПб., 1869) говорит, что в 1826 г. было в Бессарабской области 119 семей албанцев численностью 590 чел. П. И. Кеппен в труде „Die Bulgaren in Bessarabien“ (Bulletin de la cl. d. sciences hist., phil. et polit. de l'Ac. imp. des sciences de St.-P., t. XI, NN 13, 14. St.-P., 1854) указывает, что в 1850 г. их проживало здесь 154 семейства, насчитывающих 1328 чел.

Таковы первые сведения об албанцах на территории России.

Основная масса албанцев жила на территории Измаильского уезда в с. Каракурт, основанном ими в 1810—1811 гг. В 1846 г. там находилось 160 албанских семейств, общей численностью 1092 чел. В 1850 г. из 1328 албанцев Бессарабии в Каракурте жило 1060 чел.—109 семей; 37 чел. (10 семей)—жило в Болграде, 41 чел. (3 семьи)—в Волканештах; 9 чел. (1 семья)—в с. Чишмекьой; 164 чел. (28 семей)—в Комрате, 8 чел. (1 семья)—в Чадыр-Лунге, 9 чел. (2 семьи)—в Бешгъозе.

Ценные сведения об албанцах мы находим в статьях акад. Н. С. Державина „Из исследований в области албанской иммиграции на террито-

рии б. России и УССР“ (см. сб. „Милетич“. София, 1933) и „Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР“ („Советская этнография“, 1948, № 2). В первой из названных статей приводятся образцы языка албанцев, во второй дается описание некоторых обрядов, обычаем и народных праздников. Акад. Н. С. Державин опубликовал также запись одной албанской песни „Ján'i-Janák'i“, сделанную в 1925 г. (см. сб. „С. Ф. Ольденбург — к 50-летию научно-общественной деятельности“, Изд-во АН СССР, 1934).

Из каких же сел Болгарии пришли албанцы? П. И. Кеппен и Н. С. Державин указывают на село Деви (Девня), расположенное несколько западнее г. Варны (северо-восточная Болгария). Жители албанских сел также связывают свою историю с селом Девня. Об этом селе нам говорили К. К. Гайдаржи, М. М. Михнев, В. Д. Добрев (Каракурт), М. Г. Мержев (Георгиевка), К. Ф. Орманджи (Девненское), С. К. Миц (Гаммовка) и др. Безусловно, с этим селом связано и название одного из албанских сел в Приазовье — село Девненское. Из работ Милетича¹ и Яранова² мы узнаем, что в селе Девня, действительно, жили албанцы, переселившиеся затем в Бессарабию. Таким образом, можно считать установленным фактом, что болгарской родиной украинских албанцев является это село. Можно, однако, высказать предположение о том, что среди албанских переселенцев были албанцы и из других сел северо-восточной Болгарии. Об этом свидетельствует и язык албанцев, имеющий дублетные грамматические формы, а также и некоторые фонетические различия (по говорам отдельных сел).

О количестве албанцев, переселившихся в Каракурт, достоверных сведений нет. Жители Каракурта рассказывают, что сначала пришло около 20 семейств.

Вместе с албанцами пришли в Каракурт и болгары. Об этом говорят все исследователи Бессарабии, а также и старики-каракуртцы.

Кроме албанцев и болгар в Каракурте живут еще гагаузы. О времени их поселения здесь сведений нет.

В 1856 г. после заключения Парижского договора Каракурт в числе других 40 колоний отошел к Молдавии. Количество населения в Каракурте значительно уменьшилось вследствие ухода части албанцев в Таврическую губернию в 1861 г. В Таврической губернии албанцы основали в Бердянском уезде (по административному делению того времени) — три села: Гаммовку (старое татарское название Джандран), Георгиевку (Тюшкай), Девненское (Таз). Дата основания этих сел — 1862 г.

По данным 1951 г. было:

В Каракурте:

албанцев	1518	чел.
гагаузов	501	“
болгар	198	“
украинцев	42	“
русских	18	“
молдаван	2	“

Всего . . 2279 чел.

¹ М и л е т и ч . Старото българско население в североизточна България. София, 1902, стр. 105; „Арнаутите“ в Силистренско и следи от носовки в техния език. — „Периодическо списание“, кн. XI, 1900, стр. 624.

² Яранов. Преселническо движение на българи от Македония и Албания към източните български земи. — „Македонски преглед“, гол VII, 1932, кн. II—III. София, стр. 74—75.

Гагаузы живут в северной части села (от сельсовета к шоссе) и в восточной (за рекой). Почти все жители, кроме албанского, говорят на болгарском, русском и гагаузском языках; некоторые знают также румынский.

В Гаммовке:

албанцев	226	чел.
русских	152	"
украинцев	113	"
болгар	21	"
поляков	1	"

Всего . . . 513 чел.

Албанцы, живущие в Гаммовке в настоящее время, говорят также на русском, часто — и на украинском языках.

В Георгиевке:

албанцев	446	чел.
украинцев	140	"
болгар	25	"
русских	24	"

Всего . . . 635 чел.

Албанцы владеют также русским, некоторые и украинским языком.

В Девненском:

албанцев	397	чел.
украинцев	213	"
русских	85	"
болгар	25	"

Всего . . . 720 чел.

Девненцы владеют русским языком; украинский язык играет и здесь меньшую роль.

Данная статья представляет лишь краткую характеристику звукового состава языка украинских албанцев. Свои наблюдения над языком албанцев Украины, частично здесь отраженные, мы производили в 1950—1954 гг.

1. Состав гласных звуков

Рассматривая гласные звуки украинских албанцев в их сильном положении (т. е. в позиции под ударением, независимо от того, стоит ли звук в середине, начале или конце слова), в котором звуки наименее подвергаются влиянию соседних звуков, можно выделить семь гласных фонем: *u*, *i*, *e*, *ɛ*, *a*, *o*, *u*. В слабом положении (т. е. в позиции вне ударения) появляется большее число звуковых вариантов, не являющихся смыслоразличительными. Гласные фонемы возможны в любых позициях; они не зависят от фонетических условий и фонологически противопоставлены друг другу. Можно привести следующие ряды противопоставлений:

1) *a* — *u*: *kal'* 'лошадь' — *kul'* 'лошади'; *lágṣn* 'мочат' — *lúgṣn* 'ложку'; *ánʒ* 'сторона' — *únʒ* 'я'; *mar* 'беру' — *mur* 'стена'; *bar* 'трава' — *bir* 'мужчина', 'муж'; *gru* 'женщина' — *gra* 'женщины'; *páns* 'работа' — 3 л. мн. *pápn̩* 'увидели'.

2) *a* — *o*: *árë* 'поле' — *órë* 'посуда'; *dórë* 'рука' — *dársë* 'тара'; *jónë* 'наш' — *jánë* (форма 3 л. мн. ч. наст. вр. глагола *быть*); *k'ór* 'слепой' — *k'ar* 'даже', 'неужели'.

3) *a* — *e*: *sa* 'сколько' — *se* 'почему', 'потому что'; *dárdën* 'грушу' — *dérden* 'проливают'; *rah* 'бью' — *reh* 'бьешь', 'бьет'; *jap* 'даю' — *jep* 'даешь', 'дает'.

4) *a* — *ɛ*: *ka* 'вол' — *kɛ* 'кого'; *atá*, *pər atá* 'для того' — *atɛ* 'его', 'ее'.

5) *a* — *y*: *sa* 'сколько' — *s'y* 'глаз'.

6) *a* — *i*: 1 л. мн. *l'átmë* 'оставили' — *l'ítmë* 'ток', 'гумно'; *bar* 'трава' — *b'ir* 'сын'; 1 л. ед. *šítä* 'продал' — *šátä* 'мотыга', 'тряпка'.

7) *u* — *o*: *du* 'хочу' — *do* 'хочешь'; *kstó* 'эти' — *kstú* 'здесь'.

8) *u* — *e*: 3 л. ед. *sul* 'принес' — *sel* 'несу'; *mur* 'стена' — *mer* 'берешь', 'берет'; *hérs* 'раз' — *húrs* 'печь'.

9) *u* — *ɛ*: *kur* 'когда' — *kṣr* 'поле'; *θáns* 'говорят' — *θéns* (форма причастия; *i* *θéne* 'сказанный'); *bákä* 'хлеб' — форма адмиратива 3 л. ед. *békä* 'сделал, делал'.

10) *u* — *y*: *dártë* 'руки' — *d'yrtë* 'двери'; *kuš* 'кто' — *k'ýš*, *qýš* 'как'.

11) *u* — *i*: *bir* 'муж', 'мужчина' — *b'ir* 'сын'; *büns* 'делают' — *b'inë* 'падают'; *kuš* 'кто' — *k'iš* 'был'; 3 л. ед. *zbir* 'потерял' — *zb'ir* 'теряй'; 3 л. ед. *sul* 'принес' — *s'il* 'принеси'.

12) *o* — *e*: *šoh* 'вижу', 'смотрю' — *šeñ* 'видит'; *dórë* 'рука' — *dérë* 'дверь'; *g'ol* 'озеро' — *g'el* 'петух'.

13) *o* — *ɛ*: *mos* 'отриц., частица' — *mæs* 'жеребенок'.

14) *o* — *y*: *do* 'хочешь', 'хочет' — *d'y* 'два'; *g'os* 'стекло' — *g'ys* 'осень'.

15) *o* — *i*: *bošt* 'веретено' — *b'išt* 'хвост'; *šoh* 'смотрю' — *ših* 'смотри!'.

16) *e* — *ɛ*: *k'e*, *qe* 'волы' — *kɛ* 'кого'; [*kréyər* 'гребень' — *kreh* 'чешу'].

17) *e* — *y*: *se* 'почему' — *s'y* 'глаз'; *k'ýprä*, *qýprä* 'глиняные кувшины' — [*të*] *qéprä* 'чистые'.

18) *e* — *i*: *mel'* 'просо' — *m'il* 'дою'; *v'iç* 'тленок' — *veç* 'кроме'; *udes* 'умираю' — *vd'is* 'умри!'; *m̄eh* 'прячу' — *m̄ih* 'прячь!'.

19) *ɛ* — *y*; 3 л. мн. *θýns* 'разбили' — 1 л. ед. (*kat*) *θéns* 'сказал'.

20) *ɛ* — *i*: *zë* 'голос' — *[i]z'i* 'черный'; *çel'* 'открываю' — *çil'* 'открой'; *rsp* 'шов' — *r'ip* 'ремешок'.

21) *y* — *i*: *a* *l'ire* 'дешевый' — *a* *l'ýrs* 'побеленный'; *d'y* 'два' — *d'i* 'знаю'; *s'y* 'глаз' — *s'i* 'как'.

Гласные фонемы наших албанских говоров можно изобразить следующей таблицей:

Гласные	Переднего ряда	Среднего	Заднего
Верхнего подъема	[y] ¹ <i>i</i>		<i>u</i>
Среднего "	<i>e</i>	<i>ɛ</i>	<i>o</i>
Нижнего "		<i>a</i>	

Гласный *y* — лабиализованный звук переднего ряда верхнего подъема. Артикуляция его совпадает с артикуляцией *i*: при сохранении кончика языка за нижними зубами средняя часть языка поднимается, как и при образовании вообще всех звуков переднего ряда, к твердому небу и за-

¹ Однако вследствие того, что гласный *y* возможен не во всех позициях (употребление его ограничено некоторыми фонетическими условиями), в таблице он дается в скобках.

нимает наивысшую позицию относительно других гласных переднего ряда. Отличным от *i* этот звук делает только активность губ при его произношении: губы вытягиваются вперед.

Фонема *u* возможна только внутри и в конце слова. В начале слова звук *u* или подвергается йотации и переходит в *ü* (*jü*), или, теряя лабиализацию, звучит как *i* (спорадическое явление при слабой позиции *u*). Так, например, *u* отмечено в словах *mb'ýtem* 'тону', *ah'ýrem* 'тогда', *i kəmb'ýrə* 'замененный', *jom'ýr* 'жизнь', 'жизненный путь', *gand'ýi* 'оттуда', *t'ýrlý* 'различный, -ые', *s'ý* 'глаз', но не отмечено в начале слова. В селе Каракурт оно обычно звучит как сильно подвинутое вперед *u* (*ü*). По существу, после звуков *l'*, *g'*, *k'* гласные *u* и *ü* сливаются в одном звуковом варианте — *ü*. Только у некоторых представителей старшего поколения каракуртцев, например, у М. М. Михнева (1881 г. рожд.) был отмечен ясный звук переднего ряда — *u*: *d'ýrtə* 'руки', *ŋgr'ýset* 'смеркается', *d'ýfék³* 'ружья' и т. д. Ряд записанных в албанских селах слов с переходом *u* > *o* в слабой позиции (*joslýs* 'сирота', *d'ónék* 'вспыльчивый', 'непостоянный', *r'osk'ýr'i* 'зеркало' и др.) свидетельствует именно о близости звука к гласным заднего ряда. Звук переднего ряда *u* при ослаблении артикуляции мог бы переходить только в звук *i*. Звук *u* можно считать самостоятельной фонемой, так как перед ним возможно смягчение всех согласных, как и перед другим звуком переднего ряда — перед *i*. Это отличает его от звука *u*, перед которым, как вообще перед звуками среднего и заднего ряда, возможны только мягкие фонемы *l'*, *q*, *g*, (*k'*, *g'*).

Иногда при ускорении темпа речи, при небрежности артикуляции, наблюдается переход *u* в *i* в сильной позиции. Однако это редкое явление. В Каракурте оно вообще не наблюдается, а в приазовских селах было отмечено всего несколько примеров: *a'ýrem* 'тогда' (Георгиевка), *a'ýrem*, *mbiltur* 'закрытый' (Гаммовка), *a'ýrem* (Девненское). Обычно же и в этих словах произносится *u*.

Звук *i* — нелабиализованный звук переднего ряда верхнего подъема — произносится, так же, как и *u*, при очень малом растворе рта. При артикуляции этого звука средняя часть языка сильно поднимается к небу, а кончик языка остается на уровне нижних зубов.

Звук *i* возможен в любом положении: *íme* 'моя' *íšte* 'был', *íku* 'беги', *ílk'izən* 'весной', *i l'írə* 'дешевый', *p'ín³* 'пьют', *d'imbər* 'зима', *gost'ítur* (*kam gost'ítur*) 'гостил', *hoduland'íset* 'гордится', 'задается', *máz'i* 'едва', 'через силу', *st̥p'í* 'дом', *i fr'ík'ísm'i*, *i fr'íqišm'i* 'пугливый', 'трусливый', *rešk'in'i* 'рыбы' и т. д.

В позиции после твердого согласного артикуляция звука изменяется. В этом случае гласный *i* близок к украинскому *u*, который в „Курсе сучасної української літературної мови“ характеризуется как звук передне-среднего ряда и верхне-среднего подъема (см. т. I, стр. 139). В говоре жителей Гаммовки и иногда — Георгиевки *i* произносится не только после твердого *l*, как обычно в Каракурте и Девненском, но и после твердых звуков *r*, *n*, *t*, *d*, *s*, *z*, например: *ákulí* 'лед', *mulí* 'мельница', *paralíia* 'круглый, низкий обеденный столик', *ri* 'сидит', *zin* 'варю', *vetívut* 'свой', 'собственный', *dímber* 'зима', *asní* 'никто', *kusi* 'медь', 'небольшой медный котел' и др. Звук *i* отмечен также после согласного *b*: *i gðt* 'рассвело'.

При артикуляции *e* (нелабиализованного звука переднего ряда среднего подъема) раствор рта значительно шире, чем при *i* (хотя челюстной угол и меньше, чем при *a*). Этим объясняется и меньшая степень

подъема спинки языка относительно твердого неба. Возможность произнесения *e* в любой позиции несколько ограничена тем, что в начале слова обычно не употребляется. Перед *e* ударным в начале слова всегда развивается *j*: *jérə* 'ветер', Зл. ед. *jert* 'пришел', *jémbər* 'имя' и т. д., а в позиции вне ударения *e* в начале слова также необычен и отмечается в небольшой группе слов неалбанского происхождения, как, например, *el'ék* 'коханая безрукавка', *enter'i* 'короткий пиджак'. В других позициях его употребление неограничено: *vétə* 'иду', *préhem* 'отдыхаю', *bréks* 'женские шаровары', *kuvénde* 'слова', *don'ig'isén* 'что-нибудь', *çené* 'подбородок', *tázé* 'свежий', *haibé* 'переметная сумка', *messóhem* 'учусь', *l'úl'e* 'цветок', *núse* 'невестка', 'молодая жена' и т. д.

Звук *e* в сильной позиции имеет два варианта, отличающиеся степенью закрытости, что связано, безусловно, и с положением средней части языка относительно твердого неба. Более открытый звук *e* имеет менее высокий подъем спинки языка; более закрытый *ê* — более высокий подъем.

Закрытый вариант фонемы *e* — *ê* обычно связан с определенными фонетическими условиями. Он наблюдается чаще в открытом слоге под ударением: *péssə* 'пять', *mbétə* 'остался', *n'i vést'it* 'в винограднике' *te mbédén'it* 'большие', *vétə* 'иду', *bréndə* 'внутри', *ðéssə* 'мешки', *pétsə* 'большой слоеный пирог', *vréštər* 'виноградники', *répə* 'репа', 'редиска'; *g'élə* 'кушанье', 'блюдо', *n'i kréshmt* 'во время поста', *gréždə* 'ясли для скота', *psrtéksə* 'палка', *n'i mésta* 'в середине' *tétsə* 'восемь', *véssə* 'роса'. Встречается он также и в закрытых слогах (чаще всего в односложных словах, оканчивающихся согласным звуком): *péšk* 'рыба', *ðéšs* 'мешок', *tə nésret* 'завтра', *déntə* 'овцы'. Закрытость *e* часто сочетается с долготой (*ë*).

Звук *ë* напоминает гласный типа болгарского ѿ. Этот звук более высокий и закрытый, чем *e* и *ê*, он совпадает с литературным ѿ. „При произношении этого звука губы не двигаются, они остаются не-напряженными, не создавая ни малейшей лабиализации звука. Что касается положения языка, оно совпадает с положением при образовании *a* широкого, с той разницей, что при образовании ѿ раствор челюстей очень незначителен“¹. Албанцы Украины передают его русской буквой ѿ.

Звук *ë* возможен в любых позициях: *ëndrə* 'сновидение', *ëst̩* 'есть', *kréshr* 'гребень', *kɔmbl'ë* 'ножки ткацкого станка', *démbə* 'зубы', *vakët* 'время', *g'el'p̩rë* 'игла', *hezlé* 'быстро', 'проворно', 'ловко', *ketë* 'вин. пад. местоим. 'этот, эта', *káhrlë* 'печальный', 'озабоченный' и т. д.

В положении под ударением *ë* в некоторых словах чередуется с *i*: *brúmë*—*bréme* 'тесто', *préme*—*prúmë* 'накануне', *zéne*—*záne* 'начинают'.

Фонема *a* языка украинских албанцев акустически не отличается от звука *a* русского, болгарского и многих других индоевропейских языков. Это нелабиализованный звук нижнего подъема, образуемый при широком растворе рта и наибольшем опущении нижней челюсти. Язык лежитнейтрально за нижними зубами, не поднимаясь по направлению к небу.

Фонема *a* возможна в любых позициях: *šamák* 'солома', *haíván* 'скотина', 'животное', *damár* 'жила', *vráhám* 'платье', *tombarlák* 'круглый', *káfadár* 'товарищ', *pará* 'денеги', 'монета', *pacá* 'голова', *marazá* 'ссора', 'раздор', *fukará* 'бедняк', *onázə* 'кольцо', 'перстень', *kamáre* 'окно', *rəprára* 'впереди', *daináte* 'вечер', вин. пад. ед. мн. *kál'nə* 'лошадь', *nátə* 'ночь', *dársm'ră* 'свадьбы' Зл. мн. *dál'kán* 'вышли', *prapádále* 'скалка', *naraját:rñə* 'друг друга', *áre* 'поле', *áne* 'сторона', 'конец', Зл. ед. *ártka* 'пришел' и т. д.

¹ K. Cipo. Gramatika shqipe. Tiranë, 1949, f. 16.

Несколько изменяется артикуляция *a* после звуков *l'*, *g'* *k'* [*g*, *q*]: *a* становится более верхним. Гласный *u* — наиболее высокий звук заднего ряда, образующийся при поднятии средней и задней части языка к небу; язык оттянут назад, а конец его свободно опущен; губы вытягиваются вперед и округляются. Гласный *u* возможен в любых позициях: *i úrtə* 'голодный', *úns* 'я', *úðul* 'уксус', *úð* 'дорога', *úfə* 'девочка', 'дочь', *púl'ð* 'курица', *rúzə* 'бусы', *púnə* 'работа', *núse* 'невестка', 'молодая жена', *kl'úm̥s̥t̥s̥* 'молоко', *i martúrə* 'женатый', *i s̥emtúrə* 'некрасивый', 'безобразный', *tárík* 'комок земли', *gru* 'женщина', 'жена', *dru* 'дерево' и т. д.

Фонема *o* представляет звук заднего ряда среднего подъема: при его произношении язык оттягивается назад; кончик его не касается зубов, а подъем — меньше, чем при *u*.

Звук *o* возможен в любых положениях: *óbs* 'обод колеса', *l'óbrə* 'корова', *mótər* 'сестра', *krórə* 'венок', 'венец', 'корона', *kóhə* 'время', *šímbn* 'ышит', 'вздыхает', *kéto* 'эті', *vétlə* 'бровь' и т. д.

В начале слова *o* в сильной позиции отличается большей лабиализованностью по сравнению со звуком *o* в середине или в конце слова; перед ним развивается дополнительный элемент *u* и звук получает дифтонгический характер: *úóds* 'кладовая', 'чулан', *úórs* 'посуда', *úóks* 'мера веса, равная 1, 2 кг', *úóbe* 'обод колеса'.

Гласные под ударением отличаются от гласных вне ударения долготой.

Можно отметить следующие условия появления долготы гласных:

- 1) звуки более длительны под ударением в абсолютном исходе слова;
- 2) перед фрикативными согласными обычно отмечается большая долгота звука, чем перед взрывными;

3) при утрате конечного *e* в двухсложных словах звук, находящийся под ударением, всегда становится более длительным.

Относительно более долгим, чем *e*, является *é*. Долгий *é* отмечен в следующих положениях:

1) Под ударением в первом слоге двухсложного слова, если дальше следует фрикативный согласный (или два согласных, из которых — первый фрикативный); это — наиболее частое положение для долгого *é*: *péssə* 'пять', *néssət* 'завтра', *θéssə* 'мешки'; *n'i méstə* 'посредине' *rər kréšmet* 'во время поста', *vréštər* 'виноградники', *grézde* 'ясли', 'стойло'.

2) В односложных словах, оканчивающихся согласным звуком: *réšk* 'рыба', *θéš* 'мешок', *uéš* 'ухо' и др.

3) В двухсложных словах, если следующий слог начинается взрывным согласным, также отмечается *é* (также под ударением): *tə mbéñ'it* 'большие', *bréndə* 'внутри', *véštə* 'иду', *mbéštə* 'остался', *réštə* 'большой слоеный пирог', *répə* 'репа', *g'élə* 'похлебка', 'кушанье вообще', *ðéntə* 'овцы'.

Долгий звук *i* отмечен в следующих положениях:

1) В первом ударном открытом слоге двухсложных слов: *θíkə* 'нож', *ts' tírə* 'пряжа';

2) Долгий *i* звучит при утрате *i* в потоке связной речи. Так, например, в формах множественного числа существительных: *m'ín'i* 'мыши' из *m'íñ'n'i*; в формах местоимений: вин. пад. *tás'íñs* *im'én'i* 'его имение' из *tás'íñs*.

В ряде случаев наблюдалась также и долгота других звуков. При слиянии артикуляции *i* с артикуляцией предшествующих *u* и *e* полу-

чаются долгие гласные ū и ē с повышением тона звука в его конце: *drūn'i* 'деревья' из *drūin'i*; *dūn'i* 'хотите' *čalšin'i* 'колючки' из *čalšin'i* и т. д.

Гласный o — обычно звучит несколько более длительно в абсолютном начале слова. В середине слова ō отмечен только в слове *kartol'i*, где он образовался из сочетания *ow* (*ow* из *ov*). Конец звука ō в данном случае более закрытый, чем его начало (*o^u*).

Звук ā зафиксирован в нескольких словах, в положении вне ударения: *tāzé* 'свежий', *āsēp* 'ничего', *māzī* 'еле-еле', 'едва', *kabātlś* 'виноватый', *māzā* 'погреб', 'склад'. В последних двух примерах ā появилось в результате стяжения сочетания нескольких звуков (ср. тур. *kabahatlı*, *tağaza*).

Таким образом, говорить об „исконной“ долготе звука можно только для *e* и отчасти *i* (в случаях типа *đikə*) и *a*. Мы можем только констатировать в данных позициях долгие звуки, но объяснить их не можем: нет никаких фактов, свидетельствующих об их происхождении. В других случаях мы можем отметить постоянный долгий звук, появившийся на месте какого-то сочетания звуков (*ī* из *ie*, *je*, долгое *a*). Долгота же всех прочих звуков — долгота, связанная с возможностью изменения звуковых сочетаний и слияния звуков в один долгий (*ga atā* > *gātā*; *ta atē* > *mātś* и др.), — долгота неустойчивая, проявляющаяся непостоянно.

Особо следует отметить связь долготы с темпом речи. При медленном темпе речи не происходит стяжения двух гласных в один долгий, но зато ясно звучат долгие ударные ē и i. При быстром темпе речи звуки ē и i несколько сокращаются, но образуются новые долгие из стяжения нескольких звуков. Из всего сказанного ясно, что количество звука в говорах — нефонологично. Появление одних долгих зависит от темпа речи, другие же, относительно постоянные, не противопоставлены кратким и не используются для дифференциации смысла слов.

Ударение в языке украинских албанцев является экспираторным. Сила ударения, как можно судить по степени редукции безударных гласных, которые изменяются незначительно и в качественном и в количественном отношении, — невелика; невелика разница между ударными и неударными слогами.

Ударение разноместно, но постоянно: во всех формах слова оно сохраняется на определенном слоге, не переходя на другой. В существительном оно обычно стоит на корне или (в производных основах) на суффиксе; ни членные формы, ни флексии, а также — уменьшительные суффиксы — не притягивают его к себе: членная форма *d'īlī* 'солнце', *štep'ižā* 'дом'; уменьшительная форма *čírəzə* 'девочка', уменьшительная форма *d'ál'čəzə* 'мальчик' и др.

Всегда ударными являются следующие словообразующие суффиксы.

1) В производных существительных, образованных от других существительных или глаголов с помощью суффикса *-r'i* (-*ur'i*) ударение всегда падает на конечный гласный суффикса: *mbret* 'король' — *mbreter'i* 'королевство', 'держава', *čírə* 'девочка', 'девушка' — *čipir'i* 'девичество', мн. *p'eq*, *p'ek* 'старики', *p'equer'i*, *p'ek'er'i* 'старость', *tr'im* 'парень', 'молодец' — *tr'imer'i* 'геройство', 'храбрость'.

2) Ударение всегда падает на суффиксы существительных *-tar*, *-ar*, *-ir*: *gondár* 'пастух крупного рогатого скота', *bairaktár* 'знаменосец', 'атаман' (ирон.), *čiliŋ̊ir* 'кузнец', *struŋgár* 'загонщик овец', *gneštár* 'лгун'.

3) Суффикс существительных женского рода *-icə* также притягивает к себе ударение: *mbreter'içə* 'царица', 'королева'. Слова с этим суффи-

ксов, заимствованные из других языков, произносятся с таким же ударением:ср. заимств. из болг. *lāpaν'icε* 'дождь со снегом', 'гололедица', *pāter'icε* 'костыль'.

4) Всегда падает ударение и на словообразующие суффиксы турецкого происхождения:

а) на суффикс существительных *-lek* (-*luk*): *i dāšur* 'любимый', *dašur-luk* 'любовь', *tr'im* 'парень' — *tr'imurluk* 'холостяцкая жизнь', *fukarā* 'бедняк' — *fukarluk* 'бедность', *prost* 'глупый' — *prosluk* 'глупость', *je-ſel'ičk* 'зелень', 'овоши', существительное от утратившегося прилагательного *jeſil'* 'зеленый'.

б) на суффикс существительных *-dži*: *tulám* 'мех', 'бурдюк' — *tulumdži*;

в) на суффикс существительных и прилагательных *-lə* (-*l'i*, -*lu*): *kabātlé* 'виноватый', *džandralé* 'житель села Джандран', *džymb'yšl'i* 'клоун', 'паяц', 'смешной', 'вызывающий смех', *anahtarlē* (род узора, вытканного на покрывающих, подушках).

Постольку, поскольку эти суффиксы являются в говорах украинских албанцев основными словообразующими суффиксами, можно сказать, что в производных основах существительных ударение обычно падает на суффикс.

Из формообразующих суффиксов всегда имеет ударение суффикс множественного числа существительных (ударение падает на его первый гласный) *-in'i*, (-*iñ'i*): *úlk* 'волк' — *ul'k'in'i*, *ul'qín'i*, *pešk* 'рыба' — *pešk'in'i*, *g'arp* 'змея' — *g'arp'iñ'i*, *vrešt* 'виноградник' — *vrešt'in'i*, *mášturkə* 'миска' — *mášturk'in'i*.

В глаголах, образованных от существительных с суффиксами *-adós*, *-d'is*, *-os*, *-(l)and'is*, ударение всегда падает на эти суффиксы: *laſ* 'слово' — *laſadós* 'болтаю', *termák* 'борона', 'грабли' — *termakland'is* 'бороную', *hodúl* 'гордость', 'кичливость' — *hoduland'is* 'горжуся', *kr'imp* 'червь' — *kr'imbós* 'червивеет', *zah'ír* 'злость', 'гнев' — *zah'irós* 'злюсь'.

В глагольных формах, образованных с суффиксами *-on*, *-ip*, ударение также падает на суффикс: *pún* 'работа', 'труд' — *pupón* 'работаю', *nát̄* 'ночь' — *natón* 'ночью', 'проводжу ночь', *d'ímber* 'зима' — *d'imbérón* 'зимую', 'проводжу зиму'.

На суффиксе сохраняется ударение и в причастиях и отглагольных существительных: *keñdón* 'пою' — *t̄e kendüré* 'пение', *d'ergón* 'посылаю' — *i d'ergúrə* 'посланный', *penón* 'работаю' — *t̄e penúrə* 'сделанное', 'наработанное', *l'evdón* 'хвалюсь' — *l'evd'ím* 'похвальба'.

В возвратных формах глагола ударение остается на том же гласном корне или суффикса, на который падает и в глаголе действительного залога: *mesón* 'учу' — *m'sónet* 'учусь', *ηglazón* 'радую' — *ηglazónet* 'радуюсь', *mban* 'держу' — *mbánem* 'держусь', *mbron* 'защищаю' — *mbrónet* 'защищаюсь'.

В прилагательных (за исключением слов с суффиксом *-lə*), наречиях, числительных ударение всегда стоит на корне слова: *i m'íre* 'хороший', *i sót̄esh'm'i* 'сегодняшний', *práp* 'назад', 'сзади', *p̄rpáră* 'впереди', *i d'ýit'i* 'второй', *i n'nt̄* 'девятый' и т. д.

В многосложных словах обычно развивается дополнительное ударение ('): *Kól'ădēš* 'рождество', *n'i džéndemète* 'в аду, в пропасти', *g'iram-dón* 'всюду', 'вокруг', *s̄zere* 'потому что', *jánandán* 'рядом', 'сбоку', 'по обе стороны', *jákadžák* 'топливо', *p̄esk'ínt* 'пятьсот', *jörk'epadžík* 'хорек'.

Исключением являются только многосложные глагольные формы, где сохраняется обычно одно ударение.

Предлоги и частицы ударения не имеют, за исключением отрицания *ás*, частицы сравнительной степени *té* (*tmú*) и определительной частицы *ák* (*áku* 'там-то', *ákuš* 'тот-то', 'такой-то'), которые всегда являются ударными.

В положении вне ударения наблюдается большее разнообразие гласных звуков, чем под ударением. Однако в общем степень изменения гласных звуков при отсутствии ударения очень невелика. Даже в слогах, значительно удаленных от ударения, гласные мало изменяются, так как обычно в многосложных словах развивается дополнительное ударение. В заударных слогах редукция сильнее, чем в предударных.

Изменения, происходящие с гласными звуками в безударной позиции, в основном не приводят к чередованию фонем в слабом положении. Звуки *i*, *y*, *ɛ*, *u*, *o* не изменяют более или менее заметно своей артикуляции, *e* имеет варианты *ɛ* и *a*, *a*—*ā* и *a¹*.

Сочетания гласных редки в языке албанцев Украины. Обычно между гласными звуками при их встрече развивается вставной элемент — *j* или *w*. Перед звуком переднего ряда обычно появляется *j*, перед звуком заднего ряда — *w*, например: *kajíš* 'ремень', *kaɪn̩'so* 'младший брат жены', *čawáp* 'котел', 'чугунок' и т. д. Перед звуком *i* обычно *j* звучит слабо, поэтому мы обозначаем его в подобных позициях *j̩*.

Сочетания гласных возможны лишь на границах морфем, например, в определенной форме существительных: *vlái* 'брать', *škl'aí* 'болгарин' — слово, известное только приазовским албанцам. Иногда, правда, и здесь развивается промежуточный согласный звук: *par'i(w)u* 'человек', *izmačí(w)u* 'слуга', 'прислужник'; 'дружка на свадьбе'. Не появляется обычно вставного согласного и на границах морфем в формах имперфекта: 3 л. мн. *v'ín* 'приходили', *d'ín* 'знали', *kl'ain* 'плакали'. В глагольных формах конъюнктива и будущего времени 3 л. ед. развивается *j(i)*: *ts věj̩* 'пусть идет', *ts d'íj̩* 'пусть знает' и т. д.

При возникновении сочетаний гласных на границе слов обычно один из них исчезает, или гласные сливаются, образуя один долгий звук: *č od ben* из *či od bən* 'что буду делать', *ga to* из *ga ató* 'из них', *jajú* из *i ajú* 'и он', *véts t ató* из *véts tx ató* 'идет к ним', *kamáremb'yltur* из *kamáre a mb'yltur* 'закрытое окно', *t ajó r'ídže* из *tx ajó r'ídže* 'у этой реки', *ga jú kolák* из *ga ajú kolák* 'из этой низины, балки', *ke r'ívu* из *kz ar'ívu* 'кого догнал' и т. д.

В албанских говорах Украины возможны только дифтонгические сочетания, кончающиеся неслоговым *i*: *dainát̩* 'вечер', *i máim̩* 'жирный', *škójt̩im* 'прошли', *i véit̩ur* 'тканый', *i déim̩* 'пьяный', *ts dúit̩ur* 'желание', *dui* 'сноп', *tsi* 'месяц', *i l'yít̩ur* 'покрашенный', 'побеленный'.

В сочетаниях гласных типа *iu*, *eu*, *ii*, *ei* и под. *u* и *i* часто сокращаются, образуя дифтонги нового происхождения: *r'iç* — аорист 3 л. ед. 'пил'; сослагательное накл. 3 л. ед. *ts d'íj̩* 'чтобы знал, пусть знает' и т. д.

2. Состав согласных звуков

В языке албанцев Украины представлено 29 согласных фонем. Две фонемы, *g* и *q*, известны только приазовским албанцам (в Каракурте на их месте произносятся *k'*, *g'*).

Согласные звуки, представленные в говоре, возможны в любых позициях и используются для различия значений слов. О том, какую роль

¹ Вопрос о безударном вокализме будет рассмотрен особо.

Таблица согласных фонем

		Губные		Переднеязычные					Заднеязычные		
		губно-губные	губно-зубные	кауминальные	Альвеолярные		небно-зубные			твердые	мягкие
Смычные	Шумные	Эвонкие				твёрдые			d	g̊	g
		Глухие						t	q	k	k'
		Сонорные		m		n					
Аффрикаты	Шумные	Эвонкие				dz	dz̊				
		Глухие				c	č				
	Смычные		v	δ				z ź	j		
Шелевые	Шумные	Глухие		f	θ			s ſ		h	χ
		Боковые				l	l'				
	Сонорные	Дрожащие			r						

они играют в изменении смысла слова, говорят следующие противопоставления: *b'íne* 'падают'; 'играют на каком-либо музыкальном инструменте' — *p'íns* 'пьют', *bar* 'трава' — *mar* 'беру', *bl'e* 'покупаю' — *fl'e* 'сплю', 'лежу', *tabán* 'подметка', 'стопа' — *taván* 'потолок', *bur* 'мужчина' — *dur* 'руки', *búns* 'делают' — *pún8* 'работа' — *dún8* 'хотят' — *záne* 'начинают', *báθe* 'фасоль' — *d'áθe* 'бринза', *d'lil* 'солнце' — *m'il* 'мука' — *qil* 'небо', *d'lín8* 'знают' — *r'íns* 'сидят' — *l'íns* 'оставляют' — *h'íns* 'входят', *dóss* 'свинья' — *kósa* 'кося', *mat* 'измеряет' — *mar* 'беру', *u'i t* 'год' — *v'in* 'идет' — *v'il* 'тошнит' — *v'ič* 'теленок', *s'ýts* 'глаза' — *s'ýz8* 'очки', *jétsn* вин. ед. 'жизнь' — *jécsn* 'ходит' — *jésn* 'остаются', *mar'i* (обращение к женщине) — *nar'i* 'человек', *mot* 'год' — *l'ot* 'танцует' — *sot* 'сегодня', *mos* (отрицательная частица) — *kos* 'кислое молоко', 'простокваша' — *sos* 'довольно', 'достаточно', *l'es* 'шерсть' — *ves* 'ухо', *gak* 'кровь' — *jak!* 'иди сюда!' — *hak* 'плата', 'расплата' — *l'ak* 'мочу', 'увлажняю', *qer* 'шью' — *jer* 'дает', *qérp* 'лук' — *rép8* 'репа', 'редиска', *qér8* 'телега' — *h'érs* 'раз', *gur* 'камень' — *kur* 'когда', *kášts* 'солома' — *g'ášts* 'шесть' — *jášts* 'вне', 'снаружи', *káns* 'имеют' — *háns* 'едят', *kuš* 'кто' — *ruš* 'виноград', *kéŋgs* 'песня' — *méŋgs* 'рукав', *y'ič* 'никогда не ...', 'совсем не ...' — *v'ič* 'теленок', *kóhe* 'время', 'погода' — *kóre* 'икона', *m'i h* 'копаю' — *m'il* 'дою', *s'i* 'как' — *z'i* 'черный' — *m'i* 'мышь', *rus* 'колодец' — *rið* 'щелую', *θéss* 'мешки' — *véss*

‘роса’, *da* ‘дал’ — *θa* ‘сказал’ — *ra* ‘увидел’ — *sa* ‘немного’, ‘мало’ — *l'a* ‘моет’ — *ha* ‘ем’ и т. д.

Фонемы, резко отличающиеся друг от друга по способу и месту образования, не требуют особых доказательств своей фонологической противопоставленности и самостоятельности. Более важны примеры, свидетельствующие о самостоятельности таких фонем, как *l'*, *k'*, *g'*, т. е. противопоставления *l—l'*, *k—k'*, *g—g'*: *g'út⁸* ‘сон’ — *gút⁸* ‘резина’, *drek* ‘по направлению к ...’ — *drek'* ‘правильно’, ‘прямо’, *bált⁸* ‘болото’, ‘трясина’ — *bált⁸* ‘земля’, *kul* ‘кашляет’ — *kul'* ‘лошади’, *d'al* ‘дьявол’ — *d'al'* ‘мальчик’, *m'il* ‘мука’ — *m'il'* ‘дою’ и др. Такие примеры менее многочисленны, но все же являются свидетельством фонологичности данных звуков.

Из взрывных звуков языка украинских албанцев особого пояснения требуют фонемы *g*, *q*, *g'*, *k'*. Картина по говорам в этом отношении неодинакова; в приазовских говорах представлены все эти звуки, причем *g* и *q* „поглощают“ согласные *g'*, *k'*.

В говоре Каракурта известны только вполне самостоятельные фонемы *k'*, *g'*. *Q* и *g* не входят в состав звуков этого говора.

G и *q* произносятся как фонемы, обозначаемые в литературном языке *gj* и *qj*; это взрывные звуки, акустически производящие впечатление согласных, промежуточных между *d'*, *t'* и *g'*, *k'*. *G* — звонкая фонема, *q* — глухая. Затвор при артикуляции этих звуков образуется в области образования *j*, т. е. в области средней части твердого неба. Однако место образования затвора довольно непостоянно: оно может быть подвинуто вперед или отодвинуто назад. Поэтому звуки иногда приближаются к *d'*, *t'* а иногда к *g'*, *k'*. Их можно определить как согласные взрывные *d'*, *t'*, образующиеся при поднятии к нёбу переднего края средней части спинки языка, т. е. звуками переднепалатальными, учленяющимися при дорсальной артикуляции языка, как при *d'*, *t'*, но — немного глубже; кончик языка также отодвинут дальше. Второе возможное определение их — как звуков *k'*, *g'*, место затвора которых отодвинуто в среднюю часть полости рта, в область образования *j*. Такая же „широта диапазона“ в произношении и образовании этих согласных наблюдается и в литературном языке.

И звуки *k'*, *g'* в Каракурте, и звуки *q*, *g* в приазовских селах являются самостоятельными фонемами. Об этом говорят следующие примеры, записанные в приазовских селах: *qéln⁸* ‘привезли’, ‘привели’, *ndú-qen* ‘вырывают’, *i qérit* ‘сшилый’, *všqéñet* ‘кормим’, *kóqe* ‘зерно’, *qére* ‘лук’, *pel'qén* ‘нравится’, *qirm'iñ'gést⁸* ‘рано утром’, *šóqere* ‘подруги’, *i qind'ísur* ‘вышилый’, *qit* ‘вынимаю’, *géqkă* адмиралтив ‘он услышал’, *pl'eq* ‘старики’, *ts kiuq* ‘красные’, *u ndréqse* ‘я поправился’, ‘пополнел’, *dreq* ‘прямо’, ‘правильно’, аор. 3 л. ед. *vd'líq* ‘умер’, *qáf⁸* ‘шея’, *gél* ‘петух’, *zóge* ‘дырявлять’, *i gére* ‘широкий’, *gút⁸* ‘половина’, *i gáls* ‘живой’, *gásls* ‘шесть’, *gálp* ‘масло’, *jovgál⁸* ‘обмотки’, *i gídí* ‘целый’, ‘весь’, *gíltur* ‘вокруг’, *gi* ‘все’ — наречие, *gerté* ‘балка’, *goc* ‘имущество’, *gak* ‘кровь’ и др.

В данных примерах было отмечено произношение звуков близкое к *d'*, *t'*. В следующих словах *q* было акустически ближе к *k'*, чем к *t'*: *ot qes* ‘буду смеяться’, *qeθ* ‘стригу’, *qér⁸* ‘телега’, ‘повозка’, *yur'íq* ‘гнезда’, *jörqerädžík* ‘хорек’, *qit* ‘вынимаю’, *quś* ‘как’, *qíte* ‘волос’ и др.

Иногда этот согласный приближается по звучанию к *č* (обычно перед звуками переднего ряда *i* и *e*, реже — перед *u*): 3 л. ед. *qiś* ‘имел’.

bərəqét 'урожай', *qyś* 'как', *pəl'qén* 'нравится', *qer* 'шью', *tə qéšur* 'смех', *qimót'i* 'давно', *ot qéte* 'будет иметь', *Qyśq'i* 'Тюшки' — старое название села Георгиевки, *kṛ'ýqe* 'кресты', *qil'pedén* 'клещи', *qíme* 'волос', *qymbét* 'печь' и др.

В редких случаях отмечено приближение звука к ć на конце слова или перед согласными: *dreq*, *pl'éqte* (членная форма) 'старики', *vd'līq*.

Произношение *q* близкое к ć объясняется тем, что при небольшом сдвиге артикуляции вперед легко развивается дополнительный фрикативный элемент, особенно в положении перед гласным переднего ряда.

В приазовских говорах возможны и замены смягченного согласного *t'* звуком *q*, объясняющиеся близостью артикуляций звуков и нечеткостью артикуляции *q*; так, например, была записана форма *pəšqidet* из *pəšt'ilet* 'закутывается', 'завертывается', а также отмечено *q* на месте *t'* в заимствованных из русского языка словах: *qitrá'tka* 'тетрадка', *qib'it'éika* 'тюбетейка'. Случай взаимозамены *t'*—*q* очень редки, о них можно упомянуть лишь для более полной характеристики произношения *q*. При взаимозаменах же *q*—*k'* встает вопрос: нельзя ли считать эти звуки вариантами одной фонемы? При отсутствии фонологической противоположности этих звуков можно говорить об их неразличении. Согласный *k'* в заимствованных словах часто передается звуком *q*: 1 л. *čiqítši* 'чокнулся', 'стукнулся', *qymbét* 'печь', *baräqét* 'урожай' и др. — наряду с *k'*: *k'aúr* 'гроб', *k'ar* 'даже', 'неужели', *k'or* 'слепой' и др.

Общая картина произношения звуков *q* и *g* (все сказанное о соотношении согласных *k'*—*q* относится и к соотношению *g'*—*ḡ*) позволяет прийти к следующему выводу: фонемы *k*, *g* имеют по два мягких соответствия: *q*—*k'* и *g'*—*ḡ*, не противопоставленных друг другу. По существу *k'*, *g'* менее самостоятельны и являются одним из оттенков произношения мягких фонем *q* и *ḡ*, которое может колебаться от *t'* до *k'* для *q* и от *d'* до *g'* для *ḡ*.

Приведем соответствующие примеры, записанные в селе Каракурт: *k'e* 'волы', *k'imót'i* 'давно', *tə kük'e* 'красные' *šk'el'* 'топчу', *dük'et* 'кажется', *man'lifák'e* 'стенной коврик', *k'áf* 'шея', *drek'* 'прямо', 'правильно', *Jórg'i* 'Георгий', *g'úmsz* 'половина', *g'er* 'пока', 'до сих пор', *g'ég'et* 'слышится', *vg'en* 'нахожу', *g'ak* 'кровь', *i g'álb* 'живой', *g'áste* 'шесть' и т. д.

Кроме мягких фонем *k'*, *g'* (*q*, *ḡ*) в языке украинских албанцев существует еще одна мягкая фонема, имеющая твердое соответствие: *l'* (альвеолярный звук с дорсальной артикуляцией); соответствующий ему твердый звук *l* — альвеолярный согласный с корональной артикуляцией; твердость его объясняется тем, что при его образовании передняя и средняя части языка сильно опускаются¹.

Фонема *l'* возможна в любом положении; она встречается не только перед гласными переднего ряда, но и в сильном для мягких звуков положении (в конце слов, перед согласными и перед *e* и гласными среднего и заднего ряда): *l'ézds* 'легко', *l'eh* 'лает', *l'es* 'шерсть', *lágzət* 'моем, мочим', *l'ákṣr* 'капуста', *l'ápsə* 'петушиный гребень', *i l'árte* 'высокий' *l'óra* 'корова', *l'os* 'играю', 'танцую', *l'ot* 'слеза', *l'úgs* 'ложка', *kl'úməste* 'молоко', *l'úl'e* 'цветок', *ál'ka* 'сметана', *i bal'd'ýsür* 'перегороженный', *gb'l'p̄re* 'игла', *kal'* 'лошадь', *m'il'* 'мука', *d'al'* 'мальчик' и т. д.

¹ В индивидуальном произношении некоторых каракуртцев *l* отсутствует; вместо него произносится полумягкий согласный *l'*.

Другие согласные звуки, соотносительные по твердости-мягкости, обычно имеют в языке украинских албанцев только смягченные варианты — перед звуками переднего ряда *i* и *u*. В сильном положении они почти не встречаются; были записаны только единичные примеры мягких звуков в словах албанского происхождения, не обусловленных положением перед *i* и *u*; например: *i d'áste* 'правый', *d'al'* 'мальчик', *d'áðs* 'бринза', *z'ar* 'огонь', *n'oh* 'знаю', *p'ëškë* 'персик' (ср. *pëškë* 'рыбы'); *haïv'ár* 'икра', *d'áma* 'сало', 'жир', *n'i s'er'in'të* 'в тени', *i drún'të* 'деревянный' и др.

Однако и в этих позициях можно говорить о небольшой степени мягкости, меньшей, например, чем в русском языке. Сильно смягченные звуки *t* и *s* отмечены в словах *t'én't'en* 'в четверг', *të prémt'en* 'в пятницу', *n'i s'er'in'të* 'в тени', *t'ég'il'te* 'маленькие'. В других словах в подобных положениях мягкие звуки не встречаются (за исключением *h*, которое смягчается перед *e*: *h'érë* 'раз', *h'ékur* 'железо', *h'eð* 'бросаю' и др.).

В заимствованных словах часто сохраняется произношение языка, из которого они взяты, поэтому сохраняются и фонетически необусловленные для албанского языка мягкие звуки: *kukum'áske* 'сова' — ср. болг. *кукумлявка*; *tant'élă* 'кружева' — болг. *тантела* с мягким произношением *t(m)* перед *e* в некоторых говорах; *m'ezé* 'закуска', *pr'án'ik* 'пряник' и др. Сохраняются мягкие звуки также и в собственных именах болгарского или русского происхождения: *T'án'i*, *Tín'o*, *M'ín'o*, *T'ót'ko* и др.

Фонемы *ð* и *ɸ* — межзубные переднеязычные согласные. При их артикуляции кончик упирается в верхние зубы, и воздух проходит в очень узкую щель между ними, в то время как при *z* и *s* он проходит в щель между передней частью языка и альвеолами. Звуки *ð* и *ɸ* широко представлены в говорах всех четырех албанских сел Украины. Они возможны в любых позициях: *ðáns* 'дали', а *hóða* (1 л. ед.) 'бросил', *ð'áms* 'сало', 'жир', *ðé* 'земля', *ðél'per* 'лиса', *i l'íðig* 'привязанный', *ðítë* 'десять', а *l'íðtë* 'привязали', *tu'íð* 'украл', *ɸúðet* 'называется', *ðes* 'мешок', *d'áðs* 'бринза', *báðe* 'фасоль', *ðíkë* 'нож' и др.

Согласный *h* в албанских говорах Украины — обычный *h* литературного албанского языка, звук „легкий“ (ненапряженный, слабо слышимый, незвучный) и глубокого образования; его можно определить как глубоко-задненебный. Впечатление „легкости“ создается потому, что ширина щели, в которую проходит воздух, — больше, чем при обычном *h* русского типа. Это качество звука обуславливает тенденцию к его утрате в некоторых фонетических положениях: в начале слова, в конце; в положении между гласными часто звучит совсем слабый *h*, обозначаемый знаком *χ*. Перед гласными верхнего подъема и лабиализованными *h* более постоянен (что можно объяснить сужением раствора рта, большей узостью прохода для воздуха).

Обычно *h* наблюдается в любых позициях.

1) В начале слова (утрате чаще всего наблюдается перед гласным нижнего подъема *a*, а также перед гласными заднего ряда): *h'iç* 'совсем не...', *h'in* 'вхожу', *h'eð* 'бросаю', *h'ékur* 'железо', *h'érë* 'раз', *h'nëzë* 'луна', *ha 'em*, *haïbë* 'переметная сумка', (*h)aral'é* 'браслет', *harón* 'забываю', (*h)aïván* 'скот', (*h)avá* 'мелодия', 'напев', (*h)ál'kë* 'сметана', *hap* 'открываю', *hodúl* 'гордость', *i hólë* 'тонкий', (*h)ur'ík* 'гнездо', *hándë* 'нос', *hártë* 'печь'.

2) В середине слова между гласными (в этой позиции возможно также и *χ*, чаще перед *a* или *e*): *kohë* 'время', 'погода', *n'bhëm*

‘знаем’, *šóhen* ‘видят’, *kráhs* ‘плечо’, ‘крыло’, *vražám* ‘платье’, *mántóžen* ‘думают’, *dúžet* ‘нужно’, *déžet* ‘пьянею’, *vrah’él* ‘браслет’, *haróžem’i* ‘забываем друг друга’, *meschun’il* ‘учитесь!’, *pl’íhur* ‘пыль’, *ah’ýrem* ‘тогда’, *mfr’ýhet* ‘опухает’, *zalay’ít* ‘говорит’, *ηgr’íhe!* ‘поднимайся’, ‘вставай’ и т. д.

3) В середине слова перед согласными, а также в конце слова: *u ftóhkam* ‘я простудился’, 1 л. мн. *a p’óhmw* ‘узнали’, *i tuhl’ítur* ‘заплесневелый’, 1 л. ед. *šihna* ‘видел’, 3 л. ед. *ušéhkă* ‘спрятал’, *še(h)* ‘видит’, *rl’eh* ‘зола’, *rah* ‘бью’, *skoráh* ‘перочинный нож’, *l’eh* ‘лает’, *gezóh* ‘кожух’ и др.

Звук *h* в положении перед сонорными и гласными часто озвончается и произносится как ненапряженный (слабый) гортанный звук *γ*: *zalay’ít*, *γútə* и т. д. Этот вариант фонемы *h* встречается чаще в приазовских селах, чем в Каракурте.

Средненебный звонкий фрикативный звук *j* часто произносится слабо, приближаясь к *i*. Обычно перед гласным в сильной позиции наблюдается *j*, в слабой позиции — *i*; однако точную границу между этими звуками провести трудно. Перед *e* и *o* чаще звучит *j*. Иногда *j* перед ударным звуком (неверхнего подъема) переходит в *χ*: *tikažét* из *ti-kažét* ‘внимательный’, ‘старательный’, *m’ižál’t* из *m’jal’t* ‘мед’.

Звуки *š* и *ž* албанского литературного языка обычно называют твердыми звуками. Но они звучат все же несколько мягче русских шипящих. Аналогично произносятся шипящие звуки и в языке украинских албанцев.

Обычно после *š* (а также и *ž*) ясно слышится звук *i*: *karší* ‘навстречу’, ‘напротив’, 1. ед. *u mantúši* ‘я задумался’, *i šendóši* ‘здоровый’, *te šire* ‘молотьба’, *ši* ‘дождь’ и др. Однако перед согласными и в конце слов *š* и *ž* произносятся более твердо. См., например, *rēgr’iš* ‘раздаю’, ‘распределяю’, *kaiš* ‘ремень’, *i dášr’i* ‘любимый’, *št̥p’i* ‘дом’, *škrun* ‘пишу’, *mášturku* ‘миска’ и др.

Во всех селах отмечен твердый *š* в положении перед гласными в словах *šeptón* ‘понимаю’, *šsndét* ‘здравье’, *téršsrt* ‘овес’, *i šemtúre* ‘безобразный’, ‘некрасивый’, *ušat* ‘село’, *n’išán* ‘метка’, ‘шрам’, ‘мишень’, *tarál’esi* ‘еж’ и др. О возможном в наших говорах произношении твердого шипящего свидетельствует и записанная Н. С. Державиным форма *tašč* ‘сейчас’, ‘теперь’, по нашим записям — *täši*¹.

Шипящие аффрикаты *č* и *đž* обычно звучат мягко. Аффрикаты *c* и *đz* могут быть и твердыми и мягкими; так, например: *đzérdzel’i* ‘абрикосы’ с твердым *đz*, но: *ndž’ítet* ‘спешит’ — со смягченным; *kärvercén* ‘перепрыгиваю’, но: *c’igárë* ‘папироса’. Смягчаются эти звуки при обычных для всех согласных фонетических условиях (перед *i*, *y*).

Перед звуками переднего ряда *i* и *y* согласные звуки *b*, *p*, *d*, *t*, *g*, *k*, *m*, *n*, *v*, *f*, *ð*, *θ*, *s*, *z*, *h*, *l*, *r* обычно выступают в смягченных вариантах, уподобляясь артикуляции следующего за ними звука. Для согласного *h* возможно смягчение также и перед звуком *e*, однако не во всех случаях: оно отсутствует в формах страдательного залога: *mesóhem* ‘учусь’, *tur’íhem* ‘сержусь’ и др.

Степень смягчения неодинакова для различных звуков; различается она и по говорам.

В Каракурте сильная мягкость отмечается для звуков *l*, *r*, *m*, *n*, *k*, *g*, *h*: *šir’ít* ‘тесьма’, ‘галун’, *r’ítrezə* ‘сидя’, *mfr’ýhet* ‘распухает’, ‘на-

¹ См. сб. „Милетич“. София, 1933, стр. 510.

дуется', *när'i* 'человек', *m'írë* 'хорошо', *m'ín'i* 'мыши', *n'is* 'начинаю', *rak'i* 'водка', *kák'e* 'сколько', *k'eš* 'смеюсь', *g'isén* 'что-то', 'вещь', *g'yúmsë* 'половина', *n'ih'érësë* 'сразу', *h'ékur* 'железо', *h'ip* 'поднимаюсь', 'всхожу'.

Для звуков *v*, *f*, *p*, *b* также отмечается сильная мягкость, хотя, очевидно, они смягчаются несколько меньше, чем сонорные и задненебные: *v'in* 'идет', *i šl'ev'ítur* 'избалованный', *alv'íce* 'конфета', *fil'ik'e* 'петли', *f'ik'ír* 'хитрый', *f'išék* 'пачка', 'патрон', *b'ir* 'сын', *p'i* 'пью', *štep'i* 'дом', *pərp'iš* 'разношу', 'раздаю'.

Для звуков *s,z* обычно отмечаются полумягкие варианты: *z'lin* 'варю', *s'lin'i* 'низкий обеденный стол', *grəz'ít* 'грызу', *s'ípər* 'сверху', *poros'ít* 'прошу'.

Всегда полумягкими перед звуками *i* и *u* являются согласные *t, d*, *ð, ð'*; *δ* и *ð* вообще в силу особенностей их артикуляции не могут иметь сильной степени смягчения: *d'ítë* 'день', *vd'ik'* 'он умер', *d'yu* 'два', *párd'lí* 'шест', 'палка', *annat'ís* 'рассказываю', *at'lí* 'там', *kapšoít'i* 'он укусил', *ð'ítë* 'десять', *ð'íkë* 'нож'.

В приазовских говорах степень смягчения согласных различна. В Девненском она в основном совпадает с каракуртской. Приведем примеры:

сонорные и задненебные: *kəm'tíš* 'рубашка', *kúm'i* (членная форма) 'песок', *nún'i* (членная форма) 'кум', *m'il* 'мука', *m'is* 'мясо', *r'ídžä* 'река', *kor'íl'e* 'журавли', *när'i* 'человек', *i r'i* 'молодой', *šk'embé* 'живот', *vráh'él'* 'браслет', *h'eð* 'бросаю' и т. д.;

губные: *kərg'íp* 'солю', *p'i* 'пью', *b'išt* 'хвост', *b'íl'dä* 'дочь', *b'i* 'играю на чём-либо'; 'падаю', *kolau'íðë* 'люлька', *u'ič* 'теленок', *u'it* 'год', *staf'íðë* 'изюм', *f'idáns* 'дерево';

s, z: as'lít 'ему', *s'lípər* 'наверху', *z'lin* 'варю', *z'íl'* 'колокольчик';

t, d, ð, ð': t'ly 'тебе', *at'lí* 'там', членная форма *b'íšt'i* 'хвост', членная форма *šp'írt'i* 'душа', *d'im* 'дети', *ðýj'n'i* 'ногти' *kéðízë* 'пупок' и др.

В Гаммовке наблюдаем некоторое отличие. Если губные, задненебные, межзубные смягчаются в такой же степени, как и в Девненском, то согласные *t, d, s, z, r* и *p* перед звуком *i* часто не смягчаются (перед *u* они смягчаются так же, как и в Девненском);

t, d твердые перед *i* отмечены у албанцев Гаммовки разных возрастов:

у детей: *ftíče* 'воробей', 'птица', *dil'ingbón* 'слушаю', *i qindísur* 'вышибший', *ftíšt* 'шелковичный червь', *i vetívut* 'свой собственный', *annat'ís* 'рассказываю', 3 л. ед. *dsftéítí* 'показал', *etí* 'там', *dítm* 'дети', *tútí* ' дальше';

у албанцев в возрасте от 20 до 40 лет: *dímber* 'зима', *dítë* 'день', *véndí* (членная форма) 'страна', 'место', *dí* 'вчера', *i vetívut* 'собственный', членная форма *dímtë* 'дети', *kázändíts* 'зарабатывать';

у старшего поколения: *dítën* 'днем', *atí* 'там', *ts tírs* 'пряжа', *ts díl'i* 'в воскресенье', *gostít* 'угощаю', *gatí* 'готовый', *rendít* 'причитаю', *azdíkún* 'нигде', *rásadít* 'сажаю деревья, цветы', *psrendíja* 'бог';

s, z твердые отмечены: у детей *zíp* 'варю', *zímkë* 'пшеница', *gózí* (членная форма) 'стекло', *síni* 'низкий обеденный стол', членная форма *ðésí* 'мешок', *tepsi* 'поднос, противень'; у албанцев среднего возраста: *asítí* 'ему', *i ndzíkam* 'я почернел, загорел', *zímkë*; 'у людей старшего поколения: *núsí* 'невестка', *i zí* 'черный', *sípər* 'сверху'.

Наиболее часто отсутствует смягчение звуков *t* и *d*. Для *s* и *z* часто встречается и обычный полумягкий вариант. Еще более проявляется непоследовательность смягчения и его утраты в звуке *n*; совершенное отсутствие смягчения является для него все же необычным.

Были отмечены примеры *asnī* 'никто', *u nīs* 'начал'; наряду с *nán'i* (членная форма) 'кум', *n'išán* 'метка', 'шрам', *réjn'i* 'нитки', *don'iþérə* 'иногда' и т. д.

Произношение звука *r* перед *i* также характеризуется наличием и твердых и смягченных вариантов: *gor'ítə* 'корыто', *i gr'isur* 'разорванный', *te r'ítə* 'молодые', *när'í* 'человек', *tri* 'три', *ridzä* 'река', *prít* 'ждут', *krip* 'соль', *ŋgríhu!* 'вставай!' — у албанцев среднего возраста; *rín:* сидят', *ŋgríhen* 'встают', *kur'íz'i* 'спина' — у стариков; 3 л. ед. *zbrít'i* 'слез', 'спустился', *rl* 'сижу', *ríyet* 'дерется', *ridžə* 'река', *škrín* 'тает', *γuríkə* 'гнезда', *brískə* 'бритьва', *närí* 'человек', *krip* 'соль', 3 л. ед. и *ŋgríjtka* 'встал', 1 л. мн. *rín'im* 'сидели' — у детей. Обычно последовательно *r* смягчается только перед *i* в членной форме существительных и прилагательных мужского рода: *bair'i* 'холм', 'гора', *dindr'i* 'зять', *déver'i* 'деверь', *i dásr'i* 'любимый' и т. д.

Сохранение твердости некоторых согласных перед *i* является характерной чертой языка албанцев Гаммовки. В Георгиевке оно наблюдается реже, у молодежи — в большей степени, чем у старшего поколения албанцев: *asnī* 'никто', *síper* 'сверху', *asílt* 'ему', *zíjet* 'начинается', *kosít:n* 'косят', *rítet* 'растет', *a díl'i* 'воскресенье', 3 л. мн. *a mbájtñ* 'держали', *ftíče* 'воробей', 'птица', *ucítíl* 'учитель', *ndíth* 'помогают', *atí* 'там', *dímber* 'зима', 1 л. мн. *izl'edísmə* 'соскучились', *tútə* 'далше', 1 л. мн. *natójtñ* 'переночевали', 3 л. мн. *k'ndójtñ* 'пели' — у детей и молодежи; *seníja* членная форма 'низкий обеденный стол', *iesíja* 'ее' (притяжательное местоимение), *i zí* 'черный', *kosítəm* 'косим', *oradíš* (1 л. ед.) 'оказываюсь', *naftí* 'коричневый цвет', *dítə* 'день', *ndízet* 'зажигается', 3 л. ед. *dél'in'gójtí* 'слушал', членная форма *tokátf* 'ворота', 3 л. ед. *a ŋgórdí* 'убил' и т. д.

В Гаммовке и Георгиевке это явление обращает на себя внимание прежде всего у детей и молодежи. В Девненском было отмечено всего три случая: *ftíče* у Ф. П. Попова (32 года); *kusírt* (членная форма) 'médные котлы', 'ведра', *zínnə* 'варят' — у А. М. Серемовой (67 лет).

Вывод о причинах явления и о направлении его развития сделать трудно вследствие такого непоследовательного и разнообразного употребления твердых звуков перед *i*. Последовательно смягчаются все звуки только перед *y*; в этом положении твердость физиологически невозможна.

В языке украинских албанцев слабым положением для некоторых парных согласных, соотносительных по твердости и мягкости, т. е. положением, в котором происходит уподобление в сторону мягкости, является положение после *i* и *j* (*i*), а также перед смягченными оттенками некоторых согласных.

N смягчается после *i*: *n'i kl'ín'səm* 'если бы мы были', *kl'íñ'kă* 'он был', *dél'in'gón* 'слушают', *kás'íñ'kə* 'косынка' и др.

В глагольных формах адмиратива смягчается *t* после *j* или *i* (-oít'-). Однако это явление наблюдается только в Приазовье: *yarójt'kám* 'я забыл', *mbájt'kán* 'они держали', *kos'ít'kán* 'они скосили', *prágzójt'kă* 'он окрестил', *mbl'oít'ka* 'он покрыл', *dít'kă* 'он узнал', *prćimójt'kă* 'он застыдился', *škrújt'kă* 'он написал', *l'išójt'kán* 'они выпустили', 'оставили', 'позволили', *trzójt'kă* 'он помешал', *runójt'kă* 'он работал', *r'iít'kán* 'они сидели' и т. д.

Иногда *j*, вызвавший смягчение, исчезает: *u dét'kán* 'они опьянели', *á strambót'kă* 'согнулся'.

В приазовских говорах смягчение *t* в сочетании с *i* не является постоянным; в языке детей оно встречается реже; но вообще формы со смягченным *t* и с твердым возможны в речи каждого албанца.

N, *l*, *s* смягчаются перед согласным *č*: 1 л. мн. *n'čoít'ím* 'погоняли', *kaín'čo* 'младший брат жены', *Tán'čo* (собственное имя), *M'iγál'ču* (собственное имя), *a skz'l'čúta* 'я вывихнул', *qirm'iŋ'gés'čzə* 'рано утром', *l'iš'čiv'íčkə* 'ласточка'. *S'* в этих случаях, уподобляясь последующему *č*, переходит в *š*.

η смягчается перед *g*, *q*, *g'*, *k'*: *géŋ'ger* 'бодяг', *n'i m'iŋ'géstə* 'утром'.

Звуки *l*, *n* смягчаются перед *dž*: *Džyn'džuré́t* 'старое название села Приазовского', *g'el'džuk* 'лужа'; но: *bostandží* 'сторож на огороде'.

В сочетаниях с зубными смягченными *t* и *d* также звучит несколько более мягкое *n*: *n'd'iħ* 'помогаю', *n'd'lin* 'чувствую', *fin'd'il* 'искра', *i k'in'd'lisur* 'вышитый', *i štrén't'i* 'дорогой' и т. д.

Зубные *s* и *z* перед *t'* и *d'*, возможно, также звучат несколько мягче, хотя и не отмечается в украинских говорах определенное, яркое смягчение: *i d'ás't'i* 'правый', *kres't'ít* 'крестит', *az'd'ikún* 'нигде' и т. д.

Смягчается звук *t* в сочетании *tn'* (*t* фаякальное): *f'it'n'iŋ* 'он спал', *pr'it'n'iŋ* 'он ждал', но иногда здесь трудно бывает определить, смягчается ли *t*, вследствие отсутствия самостоятельного взрыва этого звука в данном сочетании. Точно так же трудно определить, происходит ли смягчение при сочетании одинаковых согласных: *tt'*, *ss'*, *dd'* и др. (возможно и смягчение, и сохранение твердости для начала долгого звука).

Кроме уподобления звуков по степени смягчения, активным процессом, действующим в говоре, является уподобление согласных по звонкости и глухости. В албанских говорах Украины существует два ряда согласных, фонологически противопоставленных друг другу: *b—p*, *d—t*, *g—k*, *g—q*, *v—f*, *δ—θ*; *dž—č*, *dz—c*; *z—š*, *ȝ—h*. Например: *péše* 'пять'—*béše* 'вера', 'религия', *báške* 'вместе'—*Páškə* 'Пасха', *brémə* 'тесто'—*préme* 'накануне', *dei* 'казалось', 'думалось' (ср. бол. диал. *сýкам*)—*tei* 'с той стороны', *d'i* 'знаю', 'вчера'—*t'i* 'ты', *del* 'он выходит'—*tel* 'проводника', *(i)gérə* 'широкий'—*qérə* 'телега', *grah* 'горох'—*krah* 'плечо', 'крыло', *v'it* 'год'—*f'it* 'спал', *déše* (дат. пад.) 'земле'—*ðéše* 'мешки', *(i)z'i* 'черный'—*s'i* 'как', *žyp* 'может', 'пачкает'—*šyp* 'гасит' и т. д.

Несоотносительны по звонкости-глухости сонорные, всегда звонкие, и *j*, не имеющий также глухого варианта. Сильным положением для сопоставления согласных по звонкости-глухости является положение перед гласными, сонорными и *v*. Однако в положении перед сонорными и *v*, где возможны и глухие звуки, наблюдаются колебания; согласные глухие перед ними могут озвончаться.

В положении конца слова все звонкие оглушаются: *vénd'i* (членная форма) 'страна', 'место'—*vent*; *húndrtə* 'днища'—*n'i hunt* 'на дне', *cárgər* 'шестеренки', 'колеса'—*čark* 'колесо', 'шестеренка', ж. р. *a l'ígə* 'злая, плохая'—м. р. *i l'ik*, мн. ч. *vérg'e* 'ряды', 'связки'—ед. *verk*; членная форма *m'z'i* 'жеребенок'—нечленная форма *mes*; *l'ózəm* 'мы играем', 'танцуем'—*l'os* 'я играю', 'танцую', *ndézəm* 'мы зажигаем'—*ndes* 'я зажигаю'; членная форма *i tǎdi* 'большой', 'начальник'—нечленная форма *i tað*; *l'iðə* 'я привязал'—*l'ið* 'привязываю'; членная форма

réb'i 'шов', 'ребро', 'край', нечл. *rep*; членная форма *kr'imb'i* 'червь'—нечленная *kr'imp*; членная форма *démb'i* 'зуб'—нечленная *détr*; членная форма *prágú* 'порог'—нечленная *prák*, *m'ípem* 'мы копаем'—*m'ih* 'я копаю' и т. д.

В положении перед согласными, парными по звонкости-глухости, звонкие оглушаются перед глухими, глухие озвончаются перед звонкими, и в середине слов, и на границах слов при условии отсутствия между ними логической паузы (исключение представляет звук *v*): *n'i cob bíks* из *n'i sóra bíks* 'кусок хлеба'; *i pátez bar* из *i pátes bar* (название травы); *k'yž bun* из *k'yš bun* 'как делает'; *dreg dajnátes* из *drék dajnátes* 'к вечеру'; вин. пад. *te tótoz d'ál'ne* из *te tótos d'ál'ne* 'сына тети'; *od déreld'liset* из *ot déreld'liset* 'он рассердится'; *k'iž duváre* из *k'is duváre* 'имелись, были стены'; *nog déšná* из *nok déšná* 'я не хотел'; *od γ'ínné* из *ot γ'ínné* 'войдут'; *dreg gehé* из *drék gehé* 'сюда', 'в эту сторону'; *moz genéne* из *mos genéns* 'пусть не обманывает'; *od zéte* из *ot zéte* 'начнем'; *as te vet'ívut, az znakómai* 'ни родных, ни знакомых' и т. д.

Согласный *v* обычно уподобляется следующему за ним глухому, однако в сочетании *us* он может сохраняться: *n'i vsátte* наряду с *n'i fšát̩* 'в селе', *vši* 'подметаю'; согласные перед ним могут и озвончаться и оставаться глухими; так, например, наряду с формами *at vžrtítem* 'повернусь', *вернусь*, *g'áštmbditv'ísm* 'шестнадцати лет', *mos veš!* 'не клади!' *n'i te térat wšat* 'во всем селе' *nok k'is vakéšt* 'не было времени'—и даже оглушением (*u mbl'od vále* 'собрался хороший вод') часто звучат формы с озвончением: *n'i pášed vakéšt* 'если будете иметь время', *p'ig várpa* 'печет' (о солнце), 'жарко', 'знойно'; дат. пад. *bátez Vás'il* 'дяде Василию', *az vére nok ka* 'даже вина нет', дат. пад. *nér'id v'ic* 'одному теленку', *n'izéd ve* 'двадцать яиц', *tu gr'iz vráhám'i* 'у меня порвалось платье', *kuž v'in* 'кто идет?', *n'i te pár'id vákéšt* 'в первое время', 'сначала', *u n'iz vagón'i* 'вагон тронулся', *hal'iz vále* 'настоящий, истинный хороший', *paz vat'ívut* 'за собой', *l'od véts* 'играет один', *te p'iz vére* 'пить вино' и т. д.

Перед сонорными *r*, *l*, *m*, *n* также наряду с сохранением глухого и даже оглушением звонкого (*yort l'ik* 'очень плохо', *pas néve* 'за нами', *iš m'íre* 'было хорошо', *nok ron* 'не живет', *nok ment* 'не могу', *mos r'ítet* 'чтобы не рос', *γápet menáre* 'открывается поздно' *l'et rónna!* 'пусть живут!', *te ráhne* 'меня побили', *šíhna* 'я видел', *u tremp máci* 'испугалась кошка', *u γod mal'* *S'érb'iis* 'двинулся на Сербию') возможны формы с сохранением звонкого и озвончением глухого (*deg l'eh* 'который лает', *mégyezze* 'тайком', 'украдкой', *ráyms* 1 л. мн. 'побили'; вин. *ádrezne* 'адрес' и т. д.). И даже в положении перед глухими и *j*, которое обычно способствует утрате звонкости (*n'i verk altén* 'связка "алтынов" и др.'), иногда наблюдается употребление формы с сохранением звонкого звука и озвончением глухого: *deg jáns kétú* 'которые находятся здесь', *te m'iy obórne* 'вскопать двор' и т. д.

В языке албанцев Украины можно отметить также процессы уподобления звуков по способу образования, ведущие к появлению новых звуков.

Так, звук *t* представляет результат ассимиляции со звуками *v* и *f* в сочетании *tf*, *tv*: 3 л. ед. *tv'iθka* 'украл', 3 л. ед. *tvéškă* 'надел', 3 л. мн. *tv'írn* 'висят', 1 л. ед. и *tfr'yši* 'опух', 'распух'. В такой позиции при произношении *t* не происходит смыкания губ; артикуляция уподобляется артикуляции следующего губно-зубного звука, и затвор происходит между верхними зубами и нижней губой.

Звук *t̪* появляется и в результате изменения артикуляции *n* перед *v* (1 л. ед. *ut̪ vëtë* 'сам', *kamvér̪t'i* 'конверт', *kămfét'l'i* 'конфеты'), а также при изменении *n* в сочетаниях *nb*, пр: *kërkóm pará* 'требую денег', 1 л. ед. *ut̪ bér̪tä* 'сделал', *Dombáz'i* 'Донбасс', (*ató*) *g'ëšim brémt* 'они месяят тесто'.

Согласный *t̪* слышится также иногда в сочетании *t̪s̪*, образовавшемся из *v̪s̪* (*t̪s̪ëss* 'метла', *t̪s̪at* 'село'; *t̪s̪éxherss* 'тайком', и даже *t̪w̪s̪at* (*t̪v̪s̪at*), *t̪w̪s̪i* 'вытираю'). Иногда *t̪* развивается в полный звук *t* при утрате *v*, т. е. происходит полная диссимилляция *v̪s̪ > t̪s̪*, в которой можно отметить несколько последовательных стадий. Первой из них является ослабление *v* при развитии дополнительного элемента *t̪*; затем — развитие *t̪* в *t* и даже появление вставного гласного элемента *s* — *t̪(s) šát*: *v̪s̪ > t̪w̪s̪ > t̪s̪ > t̪s̪*.

Перед звуками *g, k, ḡ, q, k', g'* произносится задненебный вариант звука *n* — *ŋ* (перед мягкими — *η*'), при котором затвор образуется при соприкосновении задней части языка с небом: *ŋarkón* 'нагружаю', *rúŋge* 'кусет', *téŋget* 'рукава', *okséŋge* 'коромысло', *džýŋge* 'узел', *káŋgul* 'тыква', 3 л. ед. *u raŋgobít'l'i* 'споткнулся', *d'il'iŋ'gón* 'слушаю', *zeŋ'gín* 'богатый', *të ŋgróftë* 'тепло', *uŋ kur v'ájtä* 'я когда пошел', *l'ikúrévë ga kur'iz'l'i* 'кожу со спины', *v'iŋ k'iz'ár* 'еду в Мелитополь', *bál'teŋ ga r'iðzë* 'землю из (от) реки', *të prastóŋ gor'íteŋ ga káštë* 'очистить корыто от соломы', *g'i kerkón*, *g'i kerkón* 'все ишу, все ищу'.

Билабиальный *ω* отмечен в редких случаях в сочетании *v̪s̪*, где он является одним из переходных звуков в процессе замены *v > t̪* в этих сочетаниях.

Наблюдается *ω* также иногда вместо *u*, стоящего перед согласными звуками: *i w̪s̪éjtä* '(я) их кормил', *n'i w̪l'íceṭ* 'на улице' (также *n'i v̪l'íceṭ* — форма, встречающаяся больше у молодежи). В албанских словах билабиальный *ω* встречается иногда и перед звуками *u* или *o* (иногда *a*), где его можно объяснить ослаблением артикуляции звука *u* или развитием вставного согласного элемента в положении между гласными: *p'íšu* '(он) выпил', *šámo* '(он) отругал', *ar'íšu* '(он) пришел', *kaʃurmá* 'жареное мясо'. Билабиальный *ω* произносится и в „звательной“ частице: *Sel n'i krúške uj wa!* В заимствованиях из русского и украинского языков, а также в географических названиях, воспринятых через украинский язык *ω* встречается часто: *l'ivóčsk'iji Šahtr'est, Hódorow, Brásó*, *s'o ωr'ém'i*, *n'i áugust'it*, *Ak'ímawkä, awtob'iagráf'ija*, *n'i Áostr'it* и т. д.

γ — звонкий вариант звука *h*, обусловленный его фонетическим положением перед гласными звуками и сонорными. Употребление *γ* непоследовательно: перед гласными и сонорными наблюдается очень часто и *h*. Это связано не только с факультативностью озвончения перед сонорными, но и близостью артикуляций *h* и *γ*, которая обуславливает легкость перехода от одного звука к другому.

Существование в говоре долгих согласных объясняется следующими причинами.

1) Долгие согласные образуются на границах морфем при встрече одинаковых или различающихся только по глухости-звонкости согласных, например: *n'i vsátte* 'в селе', вин. *nínnë* 'кума', *bátt'l'i St'ifán* 'твой старший брат Стефан', вин. *frónne* 'стул', 'скамейку', *tbl'ónne* 'покрывают', 3 л. ед. *vdékkä* 'умер', 2 л. мн. *i ngórttë* (из *i ŋgórdtë*) 'их убили', 1 л. ед. *u l'ákkat* 'намок' и т. д.

2) При встрече одинаковых согласных на границе слов: *od d'i* 'узнаю' (из *ot d'i*); *nók ka* 'нет', 'не имеется', *n'izét te térs* 'целых двадцать', *nok k'ím'i* 'не имеем' и др.

3) При столкновении одинаковых согласных, получившемся от выпадения разделявшего их гласного звука (обычно *e*): *ci du tté thé* 'что я хочу тебе сказать', *baírrat* 'горы', 'холмы', дат. *b'írravet* 'сыновьям', *ha ttém!* 'пойдем!', *ci ttés mesón* 'чему тебя учить', *tátt'i* 'твой отец', *ts' kamárrat* 'оконные' и т. д.

4) В результате упрощения сочетаний согласных (выпадения одного из них): *nok ténne* (из *nok m'ndne*) 'не могут'.

Однако можно отметить и тенденцию к сокращению долгих согласных: *bóttz yor ts' m'írs* 'люди очень хорошие', вин. пад. *kázáne* (из *kázánnë*) 'ведро', *uzé šínë* (из *šínne*) 'уже молотят', *a d'lis m's tépzer* 'будешь знать больше'.

Все долгие согласные албанских говоров относятся к типу геминат („двойных“ согласных, относящихся к разным слогам).

Долгота согласных имеет фонологическое значение: *te mbrénnë* (3 л. мн. конъюкт.) 'пусть запрягают', *ts' mbréne* (3 л. ед. конъюкт.) 'пусть запряжет'. Правда, случаи такой фонологической противопоставленности — редки.

В основах слов долгие согласные очень редки; можно привести всего несколько примеров: *annat'lís* 'рассказываю', *kollad'lís*, *jérrë* 'ребра' (в отличие от *jérë* 'ветер').

Сочетания согласных, возможные внутри слов и на границе слов, очень многочисленны и разнообразны. Явления ассимиляции мало распространены в говоре. Они сводятся к *n>ŋ* перед *k, g, q, ć, n>ŋ* перед *b, p* и спорадическим чередованиям *h>γ*, *nm>mm*, *mn>nn*: 1 л. ед. *ut mbéta* (из *un mbéta*) 'остался'; *na išin n'i ksrte* (из *na išim n'i ksrte*) 'мы были в поле'. Обычно были записаны только единичные примеры изменений *nm>mm*, *mn>nn*, не дающие основания говорить о широком процессе ассимиляции подобных сочетаний; на границе морф они всегда являются устойчивыми: 1 л. мн. *u vg'éntë* 'оказались', 3 л. мн. *u trémne* 'испугались' и т. д.

При возникновении в потоке речи сочетаний типа *rv, rs, rh, dv, tv, tθ, tδ, pθ, pδ* часто происходит перестановка звуков, устраниющая их: *kátrs h'érë* из *kátr h'érë* 'четыре раза', 1 л. ед. *a dásj játerss* из *játerss* 'дал другой', *kátrs vétä* из *káter vétä* 'четыре человека' и др.

Сочетания, возможные в начале слов, имеют меньшее количество вариантов. Так, невозможны в начале слова сочетания согласных с *r* или *l* на первом месте. Невозможны в начале слова также сочетания с *č*, *c*, *dž*, *dž*, *q*, *g*, *đ*, *h* на первом месте; *đ* возможно только в сочетании с *r*; *d, t—c r; m—c p, b, v, f, š; n—c č, d, t, g, k, dž, ć; p, b—c r, l; f, v—c r, l, š, ž, t, d, k, g; š—c l', k, g, t, d, q, ć, p; s, z—c b, p, v, f, d, t, ć, q (g', k')*, *k, g, r, l*. Исключение: *hres* 'зову'.

Установить точные закономерности разделения слов на слоги для украинских говоров албанского языка трудно.

Случаями, не вызывающими никаких сомнений, являются следующие:

1) при долгих согласных слогораздел обычно проходит в середине звука, так как и начало и конец его имеют одинаковую силу: *n'i dét/të*

'на море', 1 л. ед. *u škrúš/še* 'записался', 2 л. мн. *a/kz/pút/tz* 'оторвали'; *nók/kán* 'не имеют', *bót/tz* 'люди' и т. д.;

2) слогораздел всегда проходит между двумя сонорными: 1 л. ед. *f'lír/ná* 'спал', *çál/már* 'навес', вин. пад. *b'ír/ná* 'сына';

3) при сочетании сонорного с шумным согласным обычно сонорный относится к первому слогу, а шумный к последующему: *in/sán* 'народ', 'род', *d'lím/tz* 'дети', *nép/tz* 'девять', *tz szem/tú/rá* 'безобразные', *ter/bé* 'вожжи', *zbár/dz:n/né* 'белят', 'белеют', 2 л. ед. и *cír/qe* 'поцарапался', *kúl/tz* 'лошади', *i y'él/kur* 'вытянутый', *bár/ku* 'живот'.

Однако, в случаях *nd*, *nt*, *ŋg*, *ŋk*, *mb*, *tp*, очевидно, граница слова проходит перед *n* и *t*, и оба согласные относятся к последующему слогу: *tá/nts* 'наши', 3 л. ед. *má/ŋgór/d'i* 'меня убил', *prz/mbré/ndéš/m'i* 'внутренний', *a/ntái* 'так', 'таким образом', *m'i/ŋ'gé/stz* 'утро', 3 л. ед. *má/ntój/ti* 'подумал', *jé/ndéšt* 'тку', *d'lí/mbz* 'зима'.

К следующему слогу относятся, очевидно, и все сочетания согласных звуков, возможные в начале слова: *tz d'lí/grá* 'сожженные', *n'i mé/stz* 'в середине', 1 л. мн. *préskóít'it* 'проводили', 'переносили', 'переживали', *i mpré/ft* 'острый', *mó/trá* 'сестра', *ká/n'i/skrat* 'свадебные подарки', 3 л. ед. *dʒ/ftéj/ti* 'показал' и др.

В сочетаниях, невозможных в начале слова, первый согласный звук относится к предшествующему слогу. Например: *šep/tón* 'понимаю', 1 л. мн. *u/mbl'óð/mz* 'собрались', 1 л. мн. *pr'ít/mz* 'ждали', *n'i po'go/n'ik/tz* 'на крещении', 3 л. мн. *ke/pút/nz* 'оторвали', вин. *ša/mák/nz* 'солому', 1 л. ед. *vğét/ná* 'находил', *mot/mót* 'год', *i so/lák/ti* 'левый', вин. *şɔ/ndéš/nz* 'здоровье', *i jóčker* 'маленький', 3 л. мн. *káp/şón/nz* 'кусают'.

Однако в некоторых случаях решение вопроса затрудняется тем, что, несмотря на невозможность сочетания в начальном слоге слова, при произношении его все же происходит некоторое слияние артикуляций звуков, как, например, в сочетаниях *sm*, *szm* (*kr'ísm* 'взрыв', *i qýsm'i* 'какой'), 1 л. мн. *u pərp'išm* 'разошлись') и особенно в *pt*, *bt* (*mprápt* 'задний'). Трудно провести границу и в сочетании *yp* (хотя здесь она скорее проходит перед *y*: *m'iyne* 'копают'). В этих случаях играет роль и деление слова на морфемы.

ТЕКСТЫ

1. U zéŋká l'ik te rójturté sánevet albánevet ga g'yámsá tétembðít'it k'ind'i. Túru hort i mendójká, u úka te mað harç. I kúi odžák kadít, i ve harç. Te kújte kamáre't ma g'óz, pagún te mað harç. Te kújte kamáre g'ózet ga tulúm, ca harç pagún. I dok nok ka odžák, kadézi véta² per n'i štep'íté bréndá — ca harç pagún. Róikán sî dósát te kadítur. Pr'iftet me te mað harç u úka te pagúnne. Per te mb'ilet — več harç. Čil'i urtitet ga vétivut džínse i škrúyet n'i te mésul'mán'it v'eret, ga ju asén nok mären, a qíten até ga te gíðte te pagúre. Kur i štrengóite i túrkut proróku Mohaméte tánte albánét, u úka te gále harç. Ga séft'i márka štátov'ísm'i dím ñe te štätten d'al'. I r'ind'ít dímte n'i rent ñe te rembrónne ga n'i, g'er n'i gáste i l'a, a te štätten a mer, a ben musul'mán i i mésónne saldáte i u Jéne jánecáre, vež ga te túrkut saldáte i mésónne. Mál' jánecárevet me šumu av'és káne, m's m'íre jenendisen. Kur vétz bái te märe ga albánét harç, mer báške saldáte; kuš nok jep harç kur kerkón bái, u Jóte saldátevet ta ráhen, kuš nok ka pará te pagúnne harçin. Saldátet nok a l'ingónne béis; kur nok ka pará

năr'ivu, pĕrsé t a ráhem? Sánk'i na kur t a ráyem năr'ine, pará l'i od bénne năr'ivu, nok l'i ēste mĕ m'ire te véi năr'ivu qyš-qyš te vğéne pará? Px kur nok ka, šp'irt'in ot'l'i márem? Saldátet i véne kărsí béis, nok i bénne atá či Ȱote béis. Mohométi i jep nasahát ðe íz'in te márə béis jănečáret te véi ta albánét te bl'éðe harč. Jáněčáret te štrumpuv'ítur, mos adžidísen asń'i, sa ment yort t'i ríýen — kuš nok pagún. Orádíska i b'ir'i dok a márka ga năr'iu. Ajú reh te játnę, nok a n'óhkă te játnę, a haroítka ðe obórne. Šóku jes'i i Ȱote jes'iit: "Či bén t'i, tátent'i reh, nok l'i te v'in dér ment, kur l'yim mă n'i vent, nok l'i ve ré ku ng'it'im na, véndret ku kepercén'im, ku mărón'isim; k'jo jújá štep'i, k'jo mámút'i, a dok a reh — tátt'i... A k'jú ím'i tát'i dok ma jípn'i vére te p'ime. Mámu ím'e ma jípn'i p'ite ma d'áðe... Nok l'i mban dér ment n'i tújte bákci dán'i áres se măde r'ím, px t'i Ȱóšnx: „Kur te rítem'i, Kól'a, ot a ráyem túrkun, te špetónę ga gó. Ta í t'i tátent'i reh!“ Mohaméti i v'iz'ir'i Ȱúne: „Ga ketó dím nok mă sélen fajdá, mbánne dér ment táteret. Ha t márem te pésav'isim'i dím, ató nok ot mbánne dér ment táteret ðe mémrát. Ga ketó dím ím'i as jér od bénnet. Zéne te máren te pésav'isim'i ðe te pésten d'al'. Agy'rem tánte albánét a sóyen — púnă yort a štrungúre. U zalay'ítkań mă nărajáterte — qyš te špetónem ga k'ju kahér. I n'i gýmset tétembödit'it k'ind'it ikenne n'i Bulgár'it i kondísen mă n'i čeir, i i Ȱúne vsát'it D'évne, n'i te grúse jémberte, i rónne at'i pésedít v'it, g'er u štrengóití túrku ðe bulgáret. I tánte n'i 1808 got ikenne g'er n'izét s'im'éjstvo. Kondísen n'i te moldáfsk'it. N'i 1811 v'it te gýdte škonné ta rús'i. Rús'i a márka keté vent. I tánte rójtkań g'er u zénka 1854—1856 got vajná Ot'ěčiskja oboróna. Agy'rem rús'i a jep keté vent moldován'it. Moldován'i yort i mendóikă albánét, i márka nder s'y. I tánte i l'yten rús'it te špetónę ga moldovánét. Rús'i bén ma moldovánét kuvént. Kuž do te véi tă rús'i — nog zórl'en, a kuž do te jése ta moldován'i — l'e_t jése. Agy'rem tánte n'i 1861 góda g'yáz'in škonné tă rús'i d'y k'int obór. Mĕnt part 1860 g. ikkán n'imbödit obór: Ópres d'y obór, te Džingos d'y obór, Rézikut d'y obór, D'im'isór'it — n'i obór, Tróšu — n'i obór, Urúm'it — n'i obór, Tános — n'i obór, Stamát'i — n'i obór. Kuštú u zénka te ikurte.

Per n'i vére zénkán te kl'áyen rús'it i i l'yten te preškón ga gran'ică mă g'ójerte n'i Rus'iit. Moldován'i nok u búkă kaijl' t'i l'išónę, rús'i mbétkă moldován'it karsí t'i l'išónę bótte mă g'ójete, albáncet ðe kuž do te v'ine. 1860 got nok mb'ílkán asén, pr'ítkań te preškónne ga gran'ică. Per g'yáz'in 1861 g. preškónne tánte ðe šumé bolgáre — 44 všéte, ðe rúse. Nd'imbérónne lóter Adés'it n'i te bulgárevet všévet. Per íl'qezén tánte b'ine n'i atévent, ku u b'i te rónne. At'i rójtkań tatáret; všétevet u Ȱúne: Tas, T'ušqi, Džandrán. Ga ketó všéte tatáret vátkań Kerém. Ku kondískán tánte vénd'i kl'in'ká pustn'á. Lóbudá n'i sázen a l'ártę. Súme preškójtin tánte ġer u arl'ešt'iskán. U l'išójtkań ga kaznájá n'i čidó v'en'éc ðe holost'ákevet pa tátę e pa múme ga pésedít d'est'ínă. Kur a vgétkán, úi nok ka, u l'išónne ðe ga ðite dest'ínă. Nog dúne te máren ðe ga ðite dest'ínă-od'íne prápe. Miš yéngerkán, a ment nok páskán!

... E keštú kondískán Kerém. Kur ar'ime na, te r'ite, te rójturte u bev̄, u ngrijiit'in, u bénne sr'édn'ijs čorbădžiin'i, osób'ino qyšil'ite u ndréqnę, nok k'is fukará. Tas kondísnę téte ðit a káter abór ga pésedít dest'ínă bál'te, T'ušqi — štatedít a tr'i obór, a Džandrán d'yzét a kátr obór.

Te ḡj̄te d'y k'int a n'i obór, arnaúte n'i k'int nénted̄it a ḡáste obóre, ðe bolgare — pésə obóre.

(Записано в 1951 г. от Константина Константиновича Гайдаржи в Каракурте, 73 лет; К. К. Гайдаржи — родом из Георгиевки, поэтому в его речи отражаются некоторые фонетические особенности языка жителей Георгиевки: твердость согласных перед i; q, ḡ).

2. N'i n'i m'il'ā tétek'int e péste motmót ártkān šumē po ay'itaci, yin'irál lñzof; ajú jéckä per n'i ketó vénträ: Mak'idón'iit, Bulgár'iit, n'i ketó t ógl'at mbreter'írá, u békä pr'idlagát', što jákn'i ketú, ta névə ka šumē bál'te ðe bótə nok k'ím'i. G'er ató kóhe rójtikán ketú tatáre, túrk'ir, ták što, ðéñkä, vén'di i zbráste, jákn'i, pesón'i bál'ten ðe rón'i atí per gah'érə sa te rón'i.

Pestáj u n'iskán don'i pésemb̄dit, g'ástemb̄dit fam'il'ijs, u ngr'íitkán, ártkán te rónne ketú. Pa dédo M'ihن'a n'i até vakét nog dáškä te v'iné, zeré páskä mulí te újte bojna r'ídžes Dévnə. Pas d'y-tr'i jáves v'inné m'il'ýs dédos M'ihن'a per b'il'irat. Dédu ca nok u békä kajíl', i p'ýtkä b'il'arat, ató nog dáškan, ðéñkán: Cópe-cópe na bér, na cop'is, no per túrk'irte nok od véme. Pestáj pzs n'i-d'y d'it v'inné sájke pes-g'áste véte, zéné te kanard'ísen d'yrté, kamáret, te h'inné t a máren zórl'in. Dédu M'íyn'a u ðéñkä: „Ci dúin'i?“ — „Na am čúpen! (b'il'in).“ — Dédo ðéñka, što b'il'irat nok i dúnə. — „Ca púne ató dok nok na dúnə, na i dúme!“ — Pestáj zen te kanard'ísen d'yrté užé. Kur pákä dédu što ató zórl'in bénne či nog gl'et, či nog bénnet, dédu páskä d'yfék ma kr'ém'en' ðe pl'as maz as'ýrə. Cil'i u békä rán'in nog d'íne. Užé kur gđihet, dédu u bén ze se mbđén'ivet. Ató i ðéñkán: „T'i ngórdne te g'ídté, asén nok ot te bén'ij t'y!“ I ðéñkán, — g'ék'kä dédu ga jánxndán, ga bótte, što daijnáte od v'iné papá. Dédu mbl'éñkä díté d'yféké ðe i békä zxr'ad'lít', i békä gat'i, i mbúškä. ngr'ýset, ató fl'ene. Pas n'i kóhes, ménúre kóhe, v'inné užé šumē, don'i pésemb̄dit véte, ártkan n'i mað kalabalék. Zéné papá te kanard'ísen d'yrté; ató tóži páskän d'yfék. Dédu u ðóte papá: „H'il'kun'i prápe, b'il'erat nog dúnə, nok ot u jap!“ — Ató nog dl'ingonné. Dédu u mxntójtka—békä r'ísát' n'i d'y: il'i pán, il'i prápál. As'ít ga bréndä drek jáste i dük'et kuš ka, ku jáne, pa ató dreg bréndä nok ment te sóhen, ku jáns, n'i či k'ošéra jésen te všehur. Dédu M'ihن'a vétä mä te vét'ivut ménte e prékä, e békä sud'it', što nok ka kurtulúš, nok ka k'yš te špetóns ga ató. Ma ketó díté d'yfék, tek i páskä, don'i pésemb̄dit vétä pr'irkä, jærlädl'ískä ðe šeh što drek part nok ka k'yš te rónë atí, u ðéñkä b'il'írat: „Hád'in'i te jíkenem!“ B'il'írat ðéñkán: „Nok od véme!“ Dédu M'ihن'a n'i até vákét páskä n'íckez b'ir — N'ikolái.

E mer b'írnë ndóre, ve n'i lótket, pa škónne, v'in drek kehë. Ga všat n'i všat škójtka ðe g'i p'ýtkä: „Nok l'i škójt'in ga tánte všetá?“ Bótë g'i ðéñkán što vánë drek part. Ketú t'i ar'íne, atí t'i ar'íne, më pestáj i ar'íne n'i vén'din ku mbétkän — Kärbelë. Gandéi bénne p'ir'iz'imavát' n'i d'ímber atí. Užé il'k'ezén n'ísen pes-g'áste vétä te kerkonné më te m'írá vénträ. V'inné ketú, n'i keté merá, i ðúne Béklä. Atí békän p'ir'iz'imavát' tóži n'i d'ímber; per keté vákét sa mbétkän ketú, d'ímbrójtka, zen te jécenne, ku te vénë všat, per gah'érə u torošt'ísen, per gah'érə te r'íne. K'jo kom'is'ijs g'ýmset ðéñkán: „Karámar'in“, g'ýmset: „Bojna g'ól'it, bojna lalpúkut“. Páska n'i i méntesh'm'i nár'i, Uzún Márku, ðéñkä: „Ej kafadáre, te bénem myštne bojna g'ól'it, merája ot na v'iné n'i nérté áne. Te bénem atí Karámar'in, g'íj aštú od v'iné n'i nérté áne bál'te“. Pa k'ju Uzún:

„Hád'i te bénem n'i keté ko'lák, ot na ujd'iss te pénónem bál'te n'i d'y áne, n'i mésťe ot jéte“.

Mé pastáj kafadáret u békán kaijl' de sot. myvásatl'i eštä at'y, ku ɻéňká Uzún Márku. Be ató kóhē páskán n'i keté kolák te zézä kr'imbă; ták kák ah'ýrz gl'úhe l'ýitká mú šumé px-tur'éck'i, ɻéňkán: Karakúrt.

Ga ketó g'áste'mbdiit štep'i per n'i k'índž d'yzét a pése, d'yzét a g'áste v'it. u béné umnóžit' káter myvásťa; ga ketó káter myvásťa te tr'íté jáne Kérém, px ketú n'i jet.

(Записано в Каракурте в 1951 г. от Михаила Марковича Михнева, 70 лет).

3. N'i m'il'á néntx qindz tređít i góšte mätmóti jún'i art'él' qis̄ yort te mađ bzxraqét búké, hlapók, i per n'i mätmóti jún'i art'él' bl'eu tr'i mäsínerä, bótet u ða búké ga pése k'iló, ga káter kärbóné pará n'i trudad'én'te. S'ím'éjstvá e Pándis Burgutlúut mur búké d'yzét centnére. A čobán'i mur góšte'dit e téti centnére búké, d'ymbdiit m'il'á pará. Ketó bótet ðe játerte askúr te góšen búké nok a m'írin. A dreq e' šít'in gosudárstv. Gosudárstvu jípn'ij te búkés kárte i mató kv'ítancií bótte m'írin číl'i či deš: sayát, mätére, px'tifón, l'isáp'et, mztacíkel; per n'i mätmóti n'i myvásťa ten bótte mbl'éné téper ga d'yzét l'isáp'édé, dán'i tređít px'tifóni u myvásťa bótte mä šólkér, mä suknó, mä šiv'ót, dáži pl'éqte ɻúšin: „Na part punón'im d'íté-náten i jécen'im mä jop'íngi i mä te šijáktz róbä. Qýs m'íre tásš!“ Bótte yárójt'in qyš v'in'in má tal'igé k'iz'ár, se qis̄im mäsínerä, číl'it kur i v'in de'r ment, ay'íre'm véte k'iz'ár. Per pése v'it jún'i art'él' u bu yort zen'g'in. Uzé qis̄in góšte mäsínerä, téper ga n'i qint kul', d'y k'int l'ópe qis̄in džk m'il'in, a te góšte yájváné qis̄im góšte qint. Dósá tr'i k'int, n'i m'il'á g'ýmse ðen, kátrz m'il'á púl'á. Art'él'i bér'i per yájvánat te ra dámera trí; zéné te béné prxvád'ít rád'iz.

Káqi te m'íre te rójitur n'i m'il'á nénte qínda d'yzétx n'i matmót'i némcie prvíši. Búre't i mürne n'i vajnáte, no gráte pénón'in ðe per búret.

E mbl'óðne búkén, no némcie kur zer te afrón áfer dreq sín'it k'iz'ár, yájvánat te góšte i qítne i bénen ivzkuírzvxt'. Bótte kuš ar'iu vátz, kuš nok ar'iu — mbet. Kur y'íri némcie n'i vešátté, u ɻóte bótet: „Bäl'siv'ík'i ka l'i te júve?“ Bótte ɻúne: „Nok ka.“ — „N'i púnst te v'in'i te góšte! Kuš moz véii, ot rah ðe o my'ir!“ Bótte gá ketá nok u trémne. A pénón'in číl'i qýs te v'in'i nder ment. I mbl'oð yájvánat, úri te vetívut stárzta, px'l'icái; art'él'it i ða jémbér: opšiná. Te rójiturte iš yor te rénde. Y'inne némcet, ruméncet n'i vásatte, búkén a máren, l'ópen a máren, dósén a máren, pil'en ku a zéné, at'lí a ngórdén. Bótte d'íté-náte prít'in kur od věrt'ítet te kúqte. Sa bénét k'jy dušmán'i te p'íji gák ga néve. Na káqe pénójt'im, ejí mžskárájá per n'i d'ít'e prur. Te r'íté bótte zer te máre n'i G'e'rmán'it. Ató nog dúné, no ajú s'i yájván i ngarkón n'i mäsínet i qel dreq k'iz'ár n'i stáncet.

Súme te rí bótte mur, no ðe šumé u mšeňen. Mámorot d'íté-náte kl'áne: Bóže, n'iužél'i jéta u sos? No ajú reh mä háráp'n'ikte mámorot, y'ipen dreq mer at'ýre mä kál'te, i reh; no mámorot y'inne tå te vešátté fám'il'ijet. Kur zéné te áfrónne te kúqte, némcie i m'írn'i bótte pá kám'is'ijé. S'i a ze nár'ine, dreq n'i mäsíne i n'i stáncijet.

Te kúqte afrójt'in držg B'ird'áñkes. Némcie zer te béné ivzkuírzvxt' bótte, yájvánat, no bótte asnér'i nok u bu ivzkuírzvxt' mä némcit. Te góšte u mšeňen, gráte ðe búre't: n'i mamúl'zrxt, n'i s'ém'išket, kujúrá m'íyne per te mšeňur.

Be n'i—jérne némcet pl'ot n'i mäsíne. I zéné ga ána všátlit t'i l'ágéñ štep'írat ma b'inz'in, i t'i ndézen. Štep'írat zen te d'ig'en. Bótet nok u jápen

róbát t'i qítén ga bréndă. Bótte γ'ínnë n'i z'árte t'i qítén róbát. Ató ga mprápe pl'ásen. D'ímtë kl'áne, qéntë gujçiten. Jétä nog dük'et ga kzdés. Dímtë Be gráte ríne ta rídža. Be n'i—u bu sayát'i d'y ga ndréke pestái—jert n'i matäcikel, nok a dí či u ða némcet, ató γ'ipne mer mäšiná i vánë. Doq n'i téteðit štep'íra, te ğidë sk'írtë; n'i d'ymbđit sayátë náten štátemböditte májte jérne te kúqte. I te ğidë bótë dúnë kersí, te nglázúre, kl'áne: „M'íre dák jértë, káfadáre! Må špetójt'it néve ga mzskárájá dzk nää p'ijn'i gákne d'íténáten. Sélñ'i d'yfék,—yrésen búrz ðe gráte, pl'éqtë ðe te r'ite.—“T'i ngór-dém ató qen dák ma mendójt'i néve!“ Šúme búra ðe gra vánë n'i frónt'it. Dzk mbétnë, d'ítë-náten penónnë, d'ítë—n'i kérte, náten penón'in ta rán'in'it. Gráte škrúne búret: „När'i, d'ítä-náten ríyu, mzr v'íne mzskárá némcí pá prápe. A per néve mos mentóyuni! Na art'él'në ot a ngréme. I g'er t a sósn'i ju némcen, na at a bénem art'él'në t at'il' a qýsmë is dza vajnája. Gráts pa búxt bénë kátrë dámerä te ra, kántóren, k íznen; kur u sos vajnája, jérne búret, yort mbétnë kaijl', dek punójt'kán m'íre gráte.

(Записано в 1951 г. в Гаммовке от Петра Федоровича Карапейчика, 30 лет).

4. N'i n'i m'il'á nénte k'índä n'izét a nénte motmót u mbl'oø Sos¹ ga kátermbđit ábore. Ga ató 14 ábore ndáne v'íbornu, káfadár'i as'ii, kládf-š'íku. A mbl'óðne bál'ten. I zúme ta penónem mä n'i vent. Jert vakéti, jért g'úz'i, zúme te mb'ílem; néve mä ðúne tántë te mbvjén'it, što do t'i mbl'édem kúl'te, tál'ige, rále, plúgne, dermékne, v'éjlkë, kosárke do t'i mbl'édem ma n'i vent tok. Mos a némerohem, što d'ijstv'it'il'nä k'jo ím'i, a dó te ðúme: k'jo jónë imúš'istvá, jún'i čorbádžilek. E kto bótë u búnë kaijl', a ðáne te gízen čorbádžilek. I zum te punónem te gíðte. Pestái šóyenne bótte, se néve mä jápennë či dúyet: róbä, p'íðë, p'in'džákë, a játrzvet nok or'ín. Pestái bótte zun te jápennë kárte te v'ínnë tå néve te penónne mä n'i vent. Tr'ídít v'íte užé u bu kolhós i ğidi mfšat. I zun te punónne te gíðte. Nu, qis per n'ató bótë te l'ik, dek pr'ísen púnen. Ató bótë i pérzúne ga všát'i: čorbádžij'i. Játerte bótë penónne čésnä, m'íre i ġer taší.

(Записано в 1951 г. в с. Девненском от Федора Родионовича Джаныма, 56 лет).

5. Kur ísnä n'i árm'it, qísnä n'i te m'íre káfadár. Ajú jiš pa náci-kazäh; hort m'íre na bén'im mä até kafadarlek, yort m'íre bén'im družít' Fam'il'ije es'ije jiš Ajmurzáif Mam'ét. Slúžbä bén'im na mä até mä n'i pzdřazd'il'én'ii. Ajú per mu jiš yort i m'íre káfadár. Nu ðe un per até jišnä i m'íre; se harákt'irët tántë ma até ísin n'i, s'i jésl'ije, s'i ím'i. Ga se a šep-tón úne dzk jišin n'i harákt'irët,—ga atá, kur bén'im šut'it': kur i ðóšnä un as'ije don'iy'ere ga šaká, te m'íre l'i, te l'ik l'i, ajú nok mur'iy'eši askúr, ðe úne nok mur'iy'ise ajú či me ðóšn'i. Ajú hort kendón'ije s'i tät'yret. Ajú kur kendón'ije, na hort qésim ma até, ma t'imet játerte káfadár. I ajú per kétá na dzk qésim, nok mur'iy'isi. Mä n'i n'im'in'g'este is ajú dn'ivál-nem n'i dámet tå kúl'te. I na kur jérme t até, ajú áqe kendón, aš kl'a. Úne mbéta, a p'y's: „Ajmurzáif Mam'ét, či kendón t'i káqe žálzbnzi, aš kúl'te kl'áne?“ Ajú ga séft'i u mur'i, se un i ðáše „aš kúl'te kl'áne“, pestái mbet, u mzntójt'i ðe me ðóte mu: „O, Popóf, k'jó k'engë éštë yort žálzbnzi“. Un a p'y's: „Nu pă a qýsmë žálzbnzi? Zád'i mä duftéi s'i r set un te šep-tón!“ Ajú zér'i te ma dufténë i me ðóte: „A d'i l'i číste? Úje, úje“. — Un

¹ Общество по совместной обработке земли (СОЗ).

и юм: „Pus?“ — Ajú ютэ: „Nok“. Un i юм: „Det?“ Ajú ютэ: „Nok“. Un i юм: „R'ídž?“ Ajú ютэ: „Vo-vo-vo, r'ídž.“ Ajó r'ídž kl'íñkä γорт, ѿйтے γεзлэ r'iñkä пер n'i a'té. Nu u γgúl'tkän tajó r'ídž d'y gom'il'e. Nérə kl'íñkä a jóčker, нéra kl'íñkä a máðe. A máðe a škót'kä r'ídžen, a jól'pä nok a škót'kä. A máðe gom'il'e ga téim'i áne r'ídžes kl'a, a jóčkrä — ga k'jo áne. Jä k'jo kén̄ga kl'íñkä γорт žálabnzi!

(Записано в Девненском в 1951 г. от Федора Петровича Попова, 32 лет).

6. A pestájm'i a díl'i a mbájtin, nok vánē n'i púnē. Täl'ígrät mä bótte vánē n'i déttë, ga ndréke pestái u mbl'oð vále, šúme bótte qis, te ġiđte γglázónen dek a zéne te mbl'édən búken. Sím v'it ad jéte i mað bżreqét. Ta névə ðe mb'ílen bábóvn'i, užé a búnē d'y γ'ére práriwke ðe tr'i γ'ére a m'iγne. Spéjt ad zéne te búnne čikáñkä ga póstte. Te díl'i dajnáte n'i klúptę aγrānóm'i i mbl'oð bótte, u deftéjti qyš dúchet ta búnne m'íre čikáñkä, ðe per se a búnē. Zv'inóræt a šeptójtin γort m'íre i n'i púnē at štónne q'yš te ment te ġiđte bótte t a búnne m'íre čikáñkä. Pä aγ'yrem at márem te mað be̊reqét. Zv'inóræt ga nárájatr'i štónne číl'a číl'ne te škónē i te mbl'édə mü te mað be̊reqét. Čikáñkä ga póst'l'e búnet, ndúqen fl'etet ga póstte ġer te i páre bútónčike. Aγ'érem ajú mü m'íre r'ítet. Pestái kur rítet mü šúme, a búnne ga síper čikáñkä, ie̊ ndúken te sípermet fl'ete, mos rítet drek l'art, te rítet i ġére. Aγ'érem koróbačket búnen te mbða ðe babóvn'i n'i ató mü a m'íre. Šúme bótte te vátivut nómren a mbášen poští d'y γ'ére. Ató dál'in n'i púnē špejt, pénónne m'íre i per ketá art'él'i i bun pr'im'iravát'.

(Записано в Георгиевке в 1951 г. от Ирины Ивановны Фучаджи, 24 лет).

7. Čidó motmót na i ndíγem kalhóz'it te ġiđte dím sa véme n'i škólet; mä učít'il'it véme n'i kérte, bínem práriwát' hlápóknę, mbl'élém káléjn'i dág jésen pas kombájnes. Per atá kalhóz'i mä ndíl'x škóles per te d'ligur, γärmóške, futbóle, vzl'iból, le ná jep šáyer per podárket n'i prázničket. Le n'i vére kur kosíten, dímtę pénónne te̊ kožmbájne, búnne mä šóške, ndíγen te mbl'élne rúšne, l'ákerné.

(Записано в Георгиевке в 1951 г. от Петра Алексеевича Опрева, 14 лет).

8. Úne kur u búše užé tr'ím i mað, kur íšnä ġeštembđity'išme, vd'liq mámu ím'e. Pestái tát'i deš te märtónet ðe n'i γ'ére, te máre játer mámo". Na ísim d'y vlázer ðe tr'i mótrá. Úne nog du ajú te märtónet, se na a qím'i n'izéd džstíne bál'te, mos ma jése ca bál'te, se ajú kur ot märtónet, at qéte dím, at ma jése ca bál'te névə. Ajú nok me dlíngójtı i u märtójtı. Mur gru ma káter dím, na u búme nénte dím ðe ató d'y — n'imbdít.

Pestái znáčit úne u búše i tétembđity'išme. Ató γ'ič nder ment nök kane te me märtóne. Tím'it káfadáre u märtójtin te ġiđte (un dek škón'im ma ató ma n'i vent). R'ít'ím mä n'i díte te γáme búke per ndréke, úne юм at'ýre, mámos ðe tátes: „Mámo, tát'i, ju či nder ment qín'i? Kur ot me märtón'i mu?“ Tát'i u derejdís, u ngr'ít'i ga sínijä, nu i ютэ: „T'fu, turp nok k'e!“ I ma ketá u sos te ġiđte, dul tát'i i vátä. Vátka účon i юнка účos: „Jag dajnáte, ajú jún'i d'al' do te märtónet, ad veš ġer mä n'i vent“.

Jert ndajnáte účo", me p'yt mü: „Káčo, ku do te dergónęš?“ A un i юм: „Účo, jéce Pandárne“. Úču vátä. Škójt'i ca vákét, úču jert užé. J ютэ: „Pl'áku nok ютэ asén, a pl'ákä asqyš nog bénét kaijl“". Te nésræt ġéqkä bábu Kätär'ín'čo, vátka at'i mu té, zérkä t'i šáne, i ató u urt'ítkän. I súlnę

đer däjnáte yabér te véme. Nu i te nésrat däjnáte tát'i ðe úču váne mbl'ys. Záláy'ítkán at'i, pl'éqte u bükán kái'l', u urt'ítkán, a ðr'ítkán čúpen, a p'ytkán: „T'i Kálon ot a máreš l'i?“ Ajó ðénká: „Ot a mar“. Pestái qítkán n'i šíše rák'i, p'íkán aldámáč, záláy'ítkán, kur ad bínne rúre. I u bükán ka'il' te d'il'e te bínne rúre. Pestái bl'ékán rák'i, u bükán gát'i i te d'il'en búnne rúre. Na ðr'ítme te vztívut tánte, ató t atl'ýr'it te vztívut. Na mbl'óðme tánte te vztívut ketú, un vájta, ga Táz'i mórá džigulárne; ðérne púl'a, búne kán'ískrá, jem'iše n'i kán'ískret úne; mürme tr'i četvárt'íne rák'i ðe tr'i kus'i vére i váme tå svátorot. Džigúlká b'írnej úðes, gráte kendónne, a búre'ët ðrésen. Kur váme, báme gul'áj gi náten, qirm'in'góste dúlme, tátes i l'íðne kém'iše ðe mamós, játravet se gíðevet p'ísk'íre.

Jérme mu šp'i; kendónne, l'ózen; pestái u perp'išen, véne kuš-kuš mu ta. Pestái mbl'íðen te r'íte szdé, tr'ímet ðe čúpat, ðe zgodon'íku: véne ta máren zgodon'ícen. Váme, a mürme, jérme g'er ta tokátí, džig il'ká b'i, čúpat, tr'ímet l'ózen vále. Zgodon'íca puð dóren, čidó nar'i i jep padárok — šáyer. Dreg däjnátes úne mbren mént te m'íret kul' ðe tăcánken i v'in ta válí; h'ípen zgodon'íca mzl' tăcánkes ðe tasájte šóqere, ðe t'ímet móträ, i bun katáj pér n'i všátté. Pestái kur a sos katájné, vétá ta je'ët'ýr'i tokát, ajó zbret ma čúpat, a un v'in mu šp'i.

(Записано в Георгиевке в 1951 г. от Кирилла Степановича Андронова, 55 лет).

ПЕРЕВОД АЛБАНСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

1. Стала трудной жизнь наших албанцев с середины восемнадцатого века. Турок очень их мучил, обложил большим налогом. У кого труба дымит — с того берет налог¹. У кого окна со стеклами — платит большой налог. У кого окна затянуты кожей — мало платит. И у кого нет трубы, дым идет прямо в комнату — мало платит. Жили как свиньи закопченные. Священникам более высокий налог положил платить. На посев — особый налог. Кто отворачивается от своего рода и записывается в мусульманскую веру, с того ничего не берут, освобождают его от всех налогов. Как стал притеснять турецкий пророк Магомет наших албанцев, обложил их живым налогом. Сначала брал семилетних детей — каждого седьмого мальчика. Выстроит детей в ряд и — пересчитывает по одному, шестерых оставляет, а седьмого забирает, делает его мусульманином; и обучают их солдатской службе и называют янычарами; отдельно от турецких солдат их обучаю. К янычарам больше доверия имеют (турки), больше им верят. Когда приходит бей собирать с албанцев налог, он берет с собой солдат; кто не платит налога, когда бей требует, того бей приказывает солдатам бить, того, у кого нет денег заплатить налоги. Солдаты не слушают бея: „Если нет денег у человека, зачем будем его бить? Будто если его побьем, деньги сде-лает человек; не лучше ли отпустить его, чтобы как-нибудь достал он денег? А если нет, душу у него вынем?“ Солдаты не подчиняются бею, не делают того, что приказывает бей. Магомет дает совет и разрешение бею взять янычаров и идти к албанцам собирать налог. Янычары — жестокие, пусть не жалеют никого, пусть бьют как можно сильнее тех, кто не платит. Оказался там сын одного человека². Он бьет отца — не узнал отца, забыл и двор даже. Его товарищ говорит ему: «Что ты

¹ букв.: на того кладет налог.

² букв.: оказался там сын, которого взяли у человека.

делаешь, отца своего бьешь, не вспоминаешь разве, как играли вместе, не замечашь ли, где мы бегали, места, где мы прыгали, где мы баловались; это ваш дом, это твоя мать, а тот, кого ты бьешь — твой отец... А это мой отец, который нам давал пить вино. Мама моя нам давала лепешки с брынзой. Не помнишь ли, как мы сидели у вас на бахче под большим орехом, и ты говорил: „Когда мы вырастем, Коля, будем бить турок, чтобы избавиться от них. А теперь ты своего отца бьешь!“ Магомет и визирь говорят: „От этих детей нам пользы не будет, они помнят отцов. Давай будем брать пятилетних — они не будут помнить отцов и матерей. Из этих детей будет моя армия“. Начали брать пятилетних — каждого пятого мальчика. Тогда видят наши албанцы — дело очень тяжелое. Поговорили между собой — как избавиться от этого горя. И в середине восемнадцатого века они уходят в Болгарию и устраиваются в одной долине, и называют село Девне, по имени женщины, живут там пятьдесят лет, пока не начал турок притеснять и болгар. И наши в 1808 г. уходят — до 20 семейств. Поселяются в Молдавии. В 1811 г. все переходят к русским. Русские заняли эту местность. И наши жили здесь, пока не началась в 1854—1856 гг. война — Отечественная оборона. Тогда русские отдают область молдаванам¹. Молдаване очень мучили албанцев, не взлюбили их. И наши просят русских спасти их от молдаван. Русские ведут переговоры с молдаванами. Кто хочет перейти к русским — не запрещается, а кто хочет оставаться у молдаван — пусть остается. Тогда наши осенью 1861 г. переходят к русским — двести дворов. Раньше всего, в 1860 г., ушло 11 дворов: Опревых — 2 двора, Дзинговых — 2 двора, Рыжиковых — 2 двора, Димишор — один двор, Трошу — один двор, Урумовых — один двор, Тановых — один двор, Стамат — один двор. Так началось переселение.

Летом начали жаловаться русским и просить пропустить их через границу вместе с имуществом — в Россию. Молдаване не согласились их отпустить, русские настаивали², чтобы пустили людей с имуществом — албанцев и всех, кто хочет перейти. В 1860 г. ничего не сеяли, надеялись перейти границу. Осенью 1861 г. переходят наши и много болгар — 44 села, и русские. Зимуют под Одессой в болгарских селах. Весной наши приходят на то место, где им назначено было жить. Там жили татары; села назывались Таз, Тюшки, Джандран. Из этих сел татары ушли в Крым. Там, где поселились наши, была пустошь — лебеда высотой в сажень. Много пережили наши, пока привыкли (обжились). Им отпустили из казны на каждый венец и холостякам без отца и матери по 50 десятин. Когда взяли землю, оказалось, что воды нет; отпускают им еще по 10 десятин. Они не хотят брать эти 10 десятин — мол, уйдут назад.

Мясо ели, а ума не имели!

... Вот так переселились в Крым. Когда выросли мы, молодые, жизнь уже стала иной, — встали на ноги, стали середняками, особенно жители Тюшки разбогатели — бедняков не было. В село Таз пришло 84 двора (по 50 десятин земли), в Тюшки — 73 двора, а в Джандран — 44 двора. Всего — 201 двор; албанцев — 196 дворов и болгар — 5 дворов.

¹ В албанском тексте здесь употреблены формы единственного числа (с собирательным значением): 'русский', 'молдованин'; подобное употребление форм единственного числа встречается и ниже; в некоторых случаях мы их переводим на русский язык формами множественного числа.

² букв.: остались несогласны с молдаванами.

2. В 1805 г. много (народу) пришло по агитации генерала Инзова; он ездил по этим странам: Македонии, Болгарии, — по этим маленьким государствам, и предлагал им (людям): „Идите сюда, у нас много земли, а людей нет. До того времени жили здесь татары, турки; так что, — говорит¹, — место свободное, приходите, обрабатывайте землю и живите там до конца жизни“.

Потом отправилось сюда около 15—16 семей — поднялись, пришли сюда жить. А дед Михня в то время не хотел уходить, так как имел водяную мельницу на реке Девна. Через две-три недели приходят к деду Михне сватать дочерей. Дед чуть было не согласился, спрашивает дочерей — они не хотят, говорят: „Хоть на мелкие кусочки нас режь, но за турок не пойдем“. Потом через день — два приходит шайка в пять-шесть человек, начинают ломать двери, окна, чтобы войти и силой взять ее (одну из дочерей). Дед Михня говорит им: „Что вы хотите?“ — „Давай нам дочь!“. Дед говорит, что дочери не хотят. — „Большое дело — они не хотят; мы их хотим!“ Потом уже начинают выламывать двери. Как увидел дед, что они силой делают, чего не подобает, не положено, — было у него ружье кремневое, он стреляет в них. Кого ранил — неизвестно. Уже на рассвете дед докладывает начальству. Они сказали: „Если бы ты их всех убил, ничего бы тебе не было!“ И сказали, — услышал дед стороной, от людей, — что вечером (турки) снова придут. Дед собрал 10 ружей, зарядил их, подготовил. Смеркается, они (дед с семьей) ложатся. Через некоторое время, поздно уже, идет уже много народа, человек 15; пришла большая толпа. Снова стали выламывать двери; у них тоже были ружья. Дед снова им говорит: „Убирайтесь назад, дочери не хотят, я их вам не отдам!“ Они не слушают. Дед подумал и решил: одно из двух — или пан, или пропал. Ему изнутри видно, кто стоит снаружи, где стоят, а они не могут видеть снаружи, где стоят люди, в каких углах спрятаны. Дед Михня сам, своей головой решил, рассудил, что нет спасения, никак нельзя избавиться от них. И из этих 10 ружей, что у него были, человек 15 ранил. И видит он, что дальше уже никак не может жить там, и сказал дочерям: „Давайте бежать!“ Дочери сказали: „Не пойдем!“ Дед Михня в то время имел единственного сына — Николая. Берет он сына на руки, кладет в лодку — и уезжают; направляется в эту сторону. Из села в село ходил он и все спрашивал: „Не проходили ли здесь люди из наших сел?“ Люди все говорили, что они ушли вперед. Здесь — вот-вот догонят, там — вот-вот догонят; наконец, догнали их на месте, где они остановились, в Карбылы. Здесь зимуют одну зиму. Уже весной отправляются 5—6 человек искать лучших мест. Приходят сюда, на этот участок, который называется Быкла. Там тоже перезимовали одну зиму. За то время, что оставались здесь, зимовали, начали ходить, (искать, смотреть), где основать село, чтобы навсегда устроиться, всю жизнь жить. При этом половина говорили: „В Карамарине“, половина: „Возле озера, возле Ялпуга“.

Был один умный (рассудительный) человек, Узун Марко; он сказал: „Э, товарищи, если устроим село возле озера, участок наш будет с одной стороны. Устроим там, в Карамарине, — тоже земля будет с одной стороны“. А этот Узун (предложил): „Давайте устроим в этой

¹ Здесь и далее в тексте употребляется форма адмиратива, которую в данном тексте во многих случаях удобнее переводить на русский язык формой настоящего времени.

лощине — можно нам будет обрабатывать землю с обеих сторон, (село) в центре будет".

В конце-концов товарищи его согласились, и сейчас село находится там, где сказал Узун Марко. А в то время были в этой долине черные черви, а так как тогда больше говорили по-турецки¹, назвали (село) Каракурт.

Эти 16 домов за 145—146 лет выросли в 4 села; из этих 4 сел три находятся в Крыму, а здесь — одно остается.

3. В 1936 г. наша артель получила очень большой урожай хлеба, хлопка, и за один год наша артель купила 3 машины, людям дали по 5 кг., по 4 рубля деньгами на трудодень. Семья Панди Бургутлу получила 40 центнеров хлеба. А пастух получил 68 центнеров хлеба, 12 тысяч деньгами. Эти люди и другие никогда всего хлеба не брали. Прямо продавали его государству. Государство выдавало хлебные квитанции, и по этим квитанциям люди покупали кому что нужно: часы, материю, патефон, велосипед, мотоцикл; за один год в нашем селе люди купили более 40 велосипедов, около 30 патефонов, и оделись люди в шелка, сукно, шевиот; даже старики говорили: „Мы раньше работали день и ночь и ходили в опингах² и в одежде из шаяка³. Как хорошо теперь!“ Люди забыли, как ездили в город на подводах, потому что у нас были машины, кому когда захочется, тогда и едет в город. За пять лет наша артель стала очень богатой. Уже было 6 машин, более 100 лошадей, 200 дойных коров, а всего крупного скота было 600 голов. Свиней — 300 голов, овец — полторы тысячи голов, 4000 кур. Артель выстроила для скота три новых хлева; начали проводить радио.

Такую хорошую жизнь в 1941 г. разрушил немец. Мужчин взяли на фронт, но женщины работали и за мужчин.

Убрали хлеб, но когда немец начал приближаться к нашему городу, весь скот вывели, стали эвакуировать. Люди кто успел — уехал, кто не успел — остался. Когда вошел немец в село, говорит людям: „Большевики есть у вас?“ Люди говорят: „Нет“. „Идите все на работу! Кто не пойдет — буду бить и вешать!“ Люди этого не испугались. А работали как кому на ум взбредет. Забрали немцы скот, поставили своего старосту, полицейских; артели дали имя: община. Жизнь была очень тяжелой. Приходят немцы, румыны в село, хлеб забирают, корову забирают, свинью забирают, курицу — где поймают, там и убивают. Народ днем и ночью ждал, когда вернутся красные. Сколько можно этому врагу пить нашу кровь. Мы столько работали, а эти негодяи за один день все разрушили. Молодежь начали забирать в Германию. Они не хотят, но немец как скот грузит их на машины и везет в город на станцию.

Много молодежи забрал он, но многие спрятались. Матери днем и ночью плакали: „Боже, неужели свету конец?“ Но он бьет арапником матерей, топчет их конем, бьет; но матери не отделяются (не отходят) от своих семей. Когда стали приближаться красные, немец брал людей без комиссии. Поймает человека — прямо на машину и на станцию.

Красные подошли к Бердянску. Немец стал эвакуировать людей, скот, но никто не стал эвакуироваться с немцами. Все спрятались, жен-

¹ букв.: язык больше вертелся (играл) по-турецки.

² Простая крестьянская обувь из кожи.

³ Грубая домотканная шерсть.

чины и мужчины: в кукурузу, подсолнух, ямы копали, чтобы спрятаться.

И вдруг — приехала полная машина немцев. И начали на краю села поливать дома бензином и поджигать. Дома начали гореть. Людям не дают одежду вынести из дома; они бросаются в огонь, чтобы вынести вещи (одежду). А немцы сзади стреляют. Дети плачут, собаки воют. Света не видно из-за дыма. Дети и женщины у реки сидят.

И вдруг — было часа два дня — приехал мотоцикл, неизвестно, что сказал немцам, они сели на машину и уехали. Сжег (немец) около 80 домов, все скирды; в 12 часов ночи 17 мая пришли красные. Все вышли навстречу, радостные, плачут: „Добро пожаловать, товарищи!“ Спасли нас от этих негодяев, что пили нашу кровь днем и ночью. Дайте ружье! — кричат мужчины и женщины, старики и молодые. — „Убить этих собак, что нас мучили!“ Много мужчин и женщин ушло на фронт. Те, что остались, днем и ночью работали, днем — в поле, ночью — возле раненых. Женщины пишут мужьям: „Бейся день и ночь, чтобы не вернулся опять назад негодяй-немец. А о нас не думайте! Мы артель выправим. И пока вы покончите с немцем, мы артель сделаем такой, какой она была до войны“. Женщины без мужчин построили 4 новых хлева, контору, кузницу; когда кончилась война, пришли мужчины, остались очень довольны, что женщины хорошо работали.

4. В 1929 г. организовалось СОЗ¹ из 14 дворов. Из этих 14 дворов избрали выборного, его помощника, кладовщика. Обобществили землю и начали работать вместе. Пришло время, наступила осень, начали сеять; наше начальство нам говорит, что надо обобществить лошадей, подводы, соху, плуг, грабли, веялку, косилку — надо их собрать вместе. Не надо считаться, что, действительно, это мое, а будем говорить: „это наше имущество, наше хозяйство“. Эти люди согласились, отдали все хозяйство. И начали мы все работать. Потом видят люди, что нам дают все, что требуется: одежду, сапоги, пиджаки, а другим — не достается. Тогда стали люди подавать заявления, чтобы (разрешили) работать с нами вместе. В тридцатом году уже объединилось в колхоз все село. И начали работать все вместе. Ну, были среди этих людей плохие (вредители), которые вредили работе. Их выгнали из села: кулачи. Другие работают честно, хорошо и до сих пор.

5. Когда я был в армии, был у меня хороший товарищ. Он был по национальности казах; очень хорошо мы с ним дружили. Фамилия его была Аймурзаев Мамед. Служили мы с ним в одном подразделении. Он был мне очень хорошим товарищем. Ну, и я для него был хорошим; потому что характеры у нас с ним были одинаковы, что его, что мой. Почему убедился я, что характеры одинаковые — потому, что, когда мы шутили, когда я говорил ему иногда в шутку, хорошее ли, плохое ли, он никогда не сердился, и я не сердился на то, что он мне говорил. Он часто пел на своем языке. И когда пел, мы очень смеялись над ним, — с другими моими товарищами. И он на то, что мы смеемся, никогда не сердился. Однажды утром был он дневальным в конюшне, при лошадях. И мы когда пришли к нему, он так поет — даже плачет. Я остановился, спрашивая его: „Аймурзаев Мамед, что поешь ты такое жалобное, что даже лошади плачут?“ Он сначала рас-

¹ Общество по совместной обработке земли (СОЗ).

сердился на то, что я сказал „даже лошади плачут“, потом перестал (петь), подумал и говорит мне: „О, Попов, эта песня очень жалобная“. Я спрашиваю: „Ну, а что за жалобная? Объясни мне по-русски, чтобы я понял“. Он начал мне рассказывать и говорит мне: „Знаешь что? Вода, вода“.— Я говорю: „Колодец?“— Он говорит: „Нет“. Я говорю: „Море?“— Он говорит: „Нет“.— Я говорю: „Река?“— Он говорит: „Во-во-во, река!“ Эта река была широкая, течение было быстрое в ней¹. Ну, подошли к этой реке два верблюда. Один был маленький, другой— большой. Большой перешел через речку, маленький— не перешел. Большой верблюд с той стороны реки плачет, маленький— с этой стороны.

И вот эта песня— очень жалобная!

6. В последнее воскресенье— остались (в селе), не пошли на работу. Подводы с людьми поехали на море, после обеда собрался хоровод, много людей было, все радовались, что начали убирать хлеб. В этом году будет большой урожай. У нас сеют также хлопчатник, уже два раза делали прорывку и три раза окапывали. Скоро начнут делать чеканку снизу. В воскресенье вечером в клубе агроном собрал людей, объяснил им, как нужно правильно делать чеканку и для чего ее делают. Звеня очень хорошо поняли это и на работе будут стараться, чтобы смогли все хорошо делать чеканку. И тогда получим большой урожай. Звеня соревнуются², кто кого обгонит и собирает больший урожай. Чеканка делается снизу, срывают листья снизу до первого бутончика. Тогда хлопок лучше растет. Потом, когда вырастет побольше, делают сверху чеканку, срывают верхние листья, чтобы не рос кверху, а рос вширь. Тогда коробочки становятся большими и хлопок в них— лучше. Многие свою норму перевыполняют почти в два раза. Они выходят на работу рано, работают хорошо, и за это артель дает им премию.

7. Каждый год мы помогаем колхозу— все ребята, кто ходит в школу; с учителями идем в поле, прорываем хлопок, собираем колосья, которые остаются после комбайна. За это колхоз помогает школе— топливом, (покупает) гармошку, футбол, волейбол, и дает нам деньги на подарки к праздникам. И летом когда косят, ребята работают на комбайне, веют, помогают собирать виноград, капусту.

8. Когда я стал уже взрослым парнем, когда было мне 16 лет, умерла моя мама. Потом отец хотел жениться еще раз, взять другую жену (мать). Нас было два брата и три сестры. Я не хочу, чтобы он женился, потому что у нас— 20 десятин земли,— чтобы нам не осталось мало земли; потому что если он женится, у него будут дети, и нам останется мало земли. Он меня не послушал и женился. Взял женщину с четырьмя детьми, нас стало девять и их двое— одиннадцать.

Потом, значит, исполнилось мне 18 лет. Они совсем и в мыслях не имеют меня женить. Мои товарищи женились все (с которыми мы вместе ходили). Сели мы однажды обедать, я говорю им— матери и отцу: „Мама, папа, что вы думаете? Когда будете меня женить?“ Отец рассердился, встал из-за стола, ну, и говорит: „Тыфу, стыда у тебя нет!“ И на этом кончилось все, вышел отец и ушел. Пошел к дяде

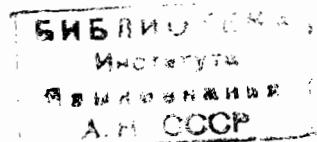
¹ букв.: вода быстро текла в ней.

² букв.: смотрят друг на друга.

и сказал: „Приходи вечером, наш парень хочет жениться, пойдешь в одно место“.

Пришел вечером дядя, спрашивает меня: „Качо, куда хочешь посыпать?“ А я ему говорю: „Дядя, иди к Пандару“. Дядя пошел. Прошло немного времени, дядя уже вернулся. И говорит: „Старик ничего не говорит, а старуха никак не соглашается“. На следующий день услышала бабка Катаринчо, пошла туда к ним, начала их ругать, и они передумали. И до вечера передали приглашение придти. Ну, и на следующий день вечером отец и дядя пошли сватать. Поговорили там, старики согласились, передумали, позвали dochь, спросили: „Ты Качо возьмешь?“ Она сказала: „Возьму“. Потом поставили бутылку водки, выпили магарыч, договорились, когда устроить помолвку (обручение). И решили в воскресенье сделать помолвку. Потом купили водки, подготовились и в воскресенье устраивают помолвку. Мы позвали своих родных, они — своих родных. Мы собрали своих родных здесь, я пошел, привел из Таза скрипача; зарезали кур, подготовили свадебные подарки, положили туда фруктов; взяли три четверти водки и три ведра вина и пошли к сватам. По дороге — скрипка играла, женщины поют, мужчины кричат. Как пришли, — всю ночь гуляли, рано утром ушли; отцу — повязали рубашку; и — матери; другим всем — полотенца.

Пришли домой; поют, танцуют; потом разошлись, пошли все по домам. Потом собирается только молодежь, парни и девушки, и жених; пошли взять невесту. Пришли, забрали ее; подошли к воротам — скрипка играет, девушки, парни танцуют хоровод. Невеста целует руку, каждый ей дает подарок — деньги. К вечеру я запрягаю самых лучших лошадей в тачанку и еду к хороводу; садятся в тачанку невеста и ее подруги, и мои сестры; и я катаю их по селу. Потом, когда кончу катать, подъезжаю к их воротам, она сходит с девушками, а я еду домой.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>А. Б. Правдин. Дательный прилагольный в старославянском и древнерусском языках</i>	3
<i>Л. Э. Калнынь. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке</i>	121
<i>А. С. Посвяанская. Случай локализационного отрыва определения-прилагательного от определяемого</i>	226
<i>Н. Смирнов. К вопросу о страдательных конструкциях в словашком литературном языке</i>	240
<i>Н. В. Котова. Материалы по албанской диалектологии</i>	254

Ученые записки Института славяноведения, т. XIII

*

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

*

Редактор издательства Р. М. Цейтлин. Технический редактор А. А. Киселева

РИСО АН СССР № 54—76В. Сдано в набор 26/III 1956. Подп. в печать 30/XI 1956 г.
Формат бум. 70 × 103¹/₁₆ Печ. л. 18 = 24,66 = 22,13. Т—11718 Уч.-изд. лист. 24,3. Тираж 2000
Изд. № 1549. Тип. зак. 614
Цена 16 р. 10 к.

Издательство Академии Наук СССР. Москва, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.